

Dr. Henry

Dr. Henry

2

2

В. И. Жемцов

Избранное

**Избранные
произведения
в двух томах**

И.И.
Лемцов

ТОМ **2**

Романы

**ПОСЛЕДНИЙ
ПОЛУСТАНОК**

•

**КОГДА
ПРИБЛИЖАЮТСЯ
ДАЛИ...**

МОСКВА
„Молодая гвардия“

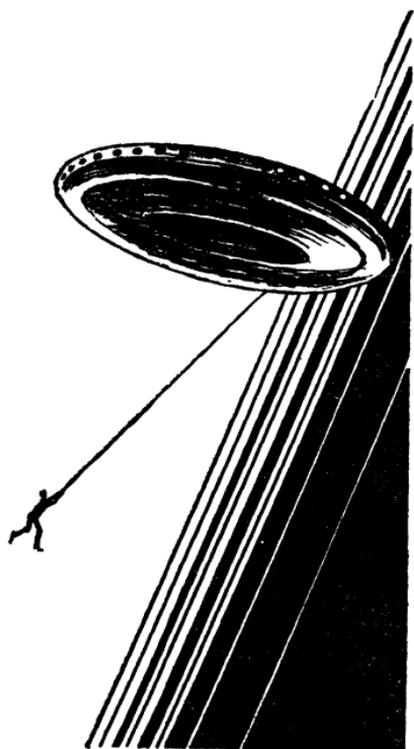
1982

84P7
H50

Н $\frac{4702010200-139}{078(02)-82}$ 093-82

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛУСТАНОК

Роман о реальной мечте

ОТ АВТОРА

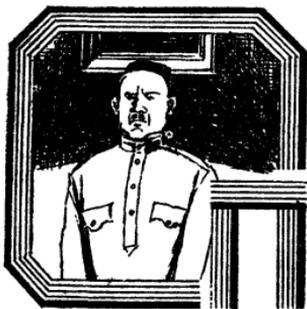
В этом романе продолжается рассказ о путешествиях двух друзей, Вадима Багрецова и Тимофея Бабкина, с которыми автор никак не хочет расставаться.

Он посылал их в разные концы страны. Сначала в деревню Девичья Поляна, о чем было рассказано в романе «Семь цветов радуги», потом Багрецов путешествовал по Волге и Казахстану, о чем написано в романе «Альтаир» («Счастливая звезда»). Через год вместе с Бабкиным Багрецов успел побывать в среднеазиатской пустыне. О том, что там произошло, можно прочесть в повести «Осколок солнца». Она вошла в 1-й том избранных произведений.

Все эти книги автор называл научно-фантастическими. А под заголовками «Последний полустанок», «Когда приближаются дали...» значит: «Роман о реальной мечте». Так неужели в четвертой книге, рассказывающей о путешествии наших друзей, нет никакой фантастики?

Все есть: и фантастика и приключения. Но автор считает своим долгом предупредить заранее, что в книге нет ни полетов в дальние галактики, ни выходцев с других планет, ни шпионов и уголовников, как не было этого и в первых книгах.

Автор не берется угадывать, какой будет техника через много лет — жизнь часто обгоняет мечту. Но как хочется пометать о чистых сердцах и о том, как бы сделать всех хороших людей счастливыми. Об этом и рассказывается в произведениях.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не скрывая своего отношения к героям, автор представляет некоторых из них читателю. В книге есть научные загадки, но нет загадочных натур. Да и в жизни так часто бывает: люди распознаются сразу. Впрочем, будем знакомиться...

одоидя к двери, обитой клеенкой, Багрецов увидел черную стеклянную табличку с золотыми буквами «Директор Научно-испытательного института аэрологических приборов». В окошке, где должна быть проставлена фамилия, — зияющая пустота.

Истертые, исцарапанные шляпки шурупов, удерживающие табличку, подсказали Багрецову, что к ним не раз прикасалась отвертка. Золотая надпись оставалась неизменной, а в окошке менялись фамилии. «Не совершенная техника», — подумал Багрецов, запустив пальцы в свою пышную шевелюру. Он по привычке представил себе, как бы должна выглядеть табличка с автоматической сменой фамилий.

Повернувшись к своему другу Тимофею Бабкину, с которым вместе приехал в командировку, Багрецов вздохнул и сказал:

— Теперь я понимаю Бориса Захаровича, почему здесь трудно работать. Ведь каждый директор сидит на чемоданах.

— А сейчас, ты думаешь, кто-нибудь там сидит? — спросил Бабкин, кивая на дверь кабинета. — Поздно, да к тому же еще суббота.

— Но, говорят, дело срочное. Иначе бы нас не вызывали, — заметил Багрецов и приоткрыл дверь.

Кабинет был огромный, как плавательный бассейн. Ковровая дорожка, тянущаяся от двери к письменному столу, казалась зыбким мостиком, по обеим сторонам которого, как в воде, отражались тусклые светильники, похожие на старинные факелы.

И в этой настороженной полутьме, там, вдали, на письменном столе, расцвел гигантский оранжевый абажур, поддерживаемый бронзовой нимфой.

В столь огромном и пышном кабинете невольно представляешь себя пылинкой мироздания, затерянной в бесконечности. И пока дойдешь под строгим на-

чальническим взглядом до стола, успеешь вспомнить всю свою жизнь с грехами, ошибками и заблуждениями.

Кое-что могли бы вспомнить и наши друзья. Правда, возраст их нельзя признать почтенным, каждому по двадцать четыре. Но при чем тут годы, если жизнь этих друзей сложилась так интересно, что они уже успели и много поездить и многое повидать. В этих поездках для установки автоматических радиометеостанций и всевозможных контрольных приборов Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин встречались с учеными, видными изобретателями, участвовали в интереснейших испытаниях, сами придумывали и строили приборы. А все началось с обыкновенных радиолюбительских увлечений. Потом работа в лаборатории сначала лаборантами, техниками. И вот сейчас перед нами инженеры с солидным практическим опытом, незаурядной смекалкой и умелыми руками.

Заведующий лабораторией Московского метеоинститута Борис Захарович Дерябин очень горевал, когда потребовалось отпустить Бабкина в недавно организованный филиал института. «Да я за такого парня трех аспирантов отдам», — говорил он директору, но пришлось утешиться лишь тем, что в лаборатории останется Багрецов. Для установки оригинального прибора — нечто вроде гигрометра на транзисторах, — сконструированного молодыми инженерами, Дерябин вызвал их в НИИАП, то есть в тот самый институт, название которого Багрецов прочитал на двери директорского кабинета и где старику Дерябину очень не нравилось. Он уже сидел здесь целых два месяца, подготавливая какие-то серьезные испытания.

Кроме того, что НИИАП недалеко от Киева и как туда добраться, ни Багрецов, ни Бабкин ничего об этом институте не знали. Но вот они уже в директорском кабинете.

Как бы стесняясь своего высокого роста, Багрецов шел несколько ссутулившись. За ним, поглаживая светлый ежик волос, не спеша, вразвалочку двигался Бабкин. Мягкая дорожка скрадывала звук шагов.

Казалось, что новоназначенный директор института должен обязательно сердиться и нетерпеливо постукивать разрезальным ножом по столу — поторопитесь, мол, товарищи, вас ждут. Но директор, склонив голову в черной атласной шапочке, какие обычно носят

академики и профессора, не обращая внимания на вошедших, что-то писал.

Наконец, услышав осторожный кашель, встал, поправил тонкий кавказский поясок на защитной гимнастерке и, щурясь от яркого света настольной лампы, тщетно пытался разобрать, кто там его беспокоит.

— Чем могу служить?

— Товарищ Медоваров? — удивленно и вместе с тем разочарованно протянул Багрецов.

— По какому делу?

Но Багрецов еще не оправился от изумления. Меньше всего он ожидал этой встречи. В свое время ему много пришлось претерпеть из-за товарища Медоварова, который, будучи тогда помощником начальника одной из экспедиций профессора Набатникова, чинил всякие препятствия, чтобы конструктор маленькой радиостанции Багрецов никак не смог доказать свою правоту и занять скромное место радиста экспедиции.

Анатолий Анатольевич Медоваров, или, как его все добродушно звали, Толь Толич, вышел из-за стола и, поигрывая концом ремешка, остановился перед Багрецовым.

— Привет, золотко. Опять какую-нибудь халтурку привезли? Но ведь мы игрушками, вроде вашей карманной радиостанции, не занимаемся. Обратитесь к профессору Набатникову.

Если бы не предупреждающий толчок Бабкина, Багрецов вспылил бы обязательно.

— Простите, Анатолий Анатольевич, — поправляя галстук, сдержанно напомнил Вадим, — мы спрашиваем не профессора Набатникова, а директора НИИАПа.

— Директор переводится в Москву. А новый пока не назначен.

— Кто же исполняет его обязанности?

— С вашего разрешения — я. Устраивает?

— Вряд ли вас интересует мое личное мнение, — вздохнув, сказал Багрецов. Он вытащил из бокового кармана командировочное удостоверение и протянул его Медоварову: — Пожалуйста.

Медоваров взял бумажку двумя пальцами, взял вторую у Бабкина и сел за стол. Весь облик этого человека — и ласковая улыбочка под маленькими усиками, похожими на две чернильные кляксы, и гимнастерка с пузырящими рукавами, и маленькие сапожки гармошкой, и постоянная привычка играть концом по-

яска — все это было уже знакомо и глубоко антипатично Багрецову. Но больше всего его раздражала академическая ермолка на бритой голове Толь Толича. Чужая, маскарадная. И кресло чужое, и кабинет. Даже временно нельзя посадить сюда Медоварова.

Будем снисходительны к молодому инженеру. Он не мог объективно относиться к человеку, который чуть было не погубил его изобретение. Но разве Багрецову судить, соответствует ли товарищ Медоваров занимаемой должности начальника отдела летных испытаний НИИАПа? И кто виноват, что все бывшие руководители этого института оказались людьми чрезвычайно занятыми, писали научные труды, защищали диссертации, читали лекции и находились в длительных командировках в Москве? Кто виноват, что главный инженер НИИАПа вот уже несколько месяцев лежит в больнице и неизвестно, когда выйдет на работу? А товарищ Медоваров человек здоровый, научными трудами не обременен, он честно отсиживает свои рабочие часы в пустующем директорском кабинете. И не только отсиживает, но и руководит, сочетая в себе твердость администратора и тонкую изворотливость хозяйственника, в чем он особенно преуспел, имея за плечами почти четверть века практики. Да и кроме того, кому же, как не начальнику самого важного отдела НИИАПа, сидеть в директорском кресле, когда директор отсутствует? Заместителей у него нет — институт маленький, не положено по штату.

Вполне понятно, что Толь Толич не сразу стал начальником отдела, до этого он был помощником директора по административно-хозяйственной части. Вот где он мог развернуться и показать свой незаурядный талант организатора. Ведь ученые в этом деле ничего не смыслят. Они восхищались умением Толь Толича ладить с людьми. Слово его часто оставалось последним и решающим.

Ничего этого не знал Багрецов, однако сразу же догадался, кто фактически руководит испытательным институтом. Мучили неясные предчувствия и томительная настороженность. Во всяком случае, ничего хорошего от встречи с Толь Толичем Багрецов не ждал.

Тщательно просмотрев удостоверения, Медоваров поднес их к лампе, чтобы, разглядывая на просвет, убедиться, нет ли на бумаге следов подчистки.

— Паспорта, — скомандовал он и так же долго раз-

глядывал штампы, где и когда прописывался Бабкин, в каких городах побывал Багрецов.

— Какие еще есть документы? — спросил Толь Толич.

— Комсомольские билеты. — И, расстегнув внутренний карман, Бабкин вытащил билет.

То же сделал и Вадим.

Наконец, убедившись, что все в порядке, Медоваров возвратил документы и, снисходительно усмехнувшись, обратился к Багрецову:

— Оказывается, вы и за границей побывали?

— Да. В Болгарии. Туристом.

— Дома, значит, не сидится. Ну и как, понравилось?

— Очень.

— Для вас это вполне закономерно, — многозначительно заметил Толь Толич. — Но к делу. Что вы от меня хотите?

Тут вмешался Бабкин. К делу так к делу.

— Нам бы хотелось поскорее увидеться с товарищем Дерябиным. Он скажет, где установить прибор.

— Вы бы еще завтра приехали, — обозлился Медоваров. — Отправку «Униона» я откладывать не могу.

Багрецов заинтересовался:

— Какого «Униона»?

— Это вам знать не положено.

— В таком случае прошу извинения, — подчеркнуто холодно сказал Вадим. — Но мы не в первый раз встречаемся с автоматическими радиометеостанциями. Обычно их называли АРМС. А «Унион» — это что-то новое. Но можно спросить, на какое время назначена отправка?

Медоваров встал из-за стола, подошел к стоящему на тумбочке магнитофону и включил его. Послышались звуки старинного вальса. Заложив руки в карманы и плавно покачиваясь в такт музыке, Толь Толич лениво увещевал Багрецова:

— Поймите, золотко, что ваше любопытство неуместно. Мало ли какие у нас есть соображения. Ведь вам это безразлично. А к тому же...

Продолжительный звонок междугородной станции прервал его на полуслове. Толь Толич приглушил музыку и нервно схватил телефонную трубку.

— Москва? — Видимо, он с нетерпением ждал этого звонка. — Нет? Откуда? Какая Хачапури? Хашпури? Опять не так? Ну все равно... Кого вам надо? На-

чальника? Я начальник... Медоваров. Что? Разбился наш самолет? Есть жертвы?.. Только летчик? Насмерть? Комиссия вылетит из Москвы?.. Кого от нас? Ничего, посоветуемся. Пришлю прямо на место катастрофы... Сообщите координаты... Записываю... В двадцати километрах от станции... Долина реки... Причины? Причины?.. Загорелся? Столкновение... С чем? С чем? С орлом? Не может быть... Ничего, доищемся...

Положив трубку, Медоваров снял ермолку и вытер ею вспотевший затылок.

— Ну и штука!..

Потрясенные известием, молодые инженеры стояли молча, не шелохнувшись. «Видно, нелегко сидеть на этом месте», — подумал Багрецов, и в сердце его шевельнулось что-то вроде сочувствия Медоварову.

— А может, он еще жив? — непроизвольно вырвалось у Вадима.

— Кто жив? Что жив? — словно очнувшись, встрепенулся Толь Толич. — Вы еще здесь? Командировки я потом отмечу. А сейчас отправляйтесь в город, пока автобус не ушел. Здесь у нас общежития нет.

— Нам нужно договориться с товарищем Дерябиным, — возразил Бабкин.

— Потом, потом. Отправка «Униона» откладывается. Вы же слышали? В крайнем случае обойдемся без ваших игрушек.

Тут уж хотел возразить Багрецов, но не успел. В комнату вбежал худощавый человек с усталым, болезненно-бледным лицом.

— Что же это творится, Анатолий Анатольевич? Я настаиваю на скорейшей отправке, а Борис Захарович все еще ждет какие-то приборы из Москвы.

— Здесь его приборы, — отмахнулся Медоваров. — Да что толку-то?

— Здравствуйте, Серафим Михайлович, — с поклоном приветствовал его Бабкин, выступая из полумрака. — Узнаете? Я когда-то с вами немного работал.

— Ну как же не узнать? — И Серафим Михайлович радушно пожал ему руку. — Тимофей Васильевич?

Бабкин застеснялся и даже покраснел. Сколько времени прошло, а ведь помнит по имени-отчеству!.. Конструктора Пояркова он встречал, когда вместе со своим начальником Дерябиным устанавливал в летающей лаборатории метеоприборы, а потом и телевизион-

ную аппаратуру. (Димка в это время путешествовал по Волге — догонял экспедицию, куда его никак не хотел брать Толь Толич.) Много воды утекло с тех пор, но память о хороших людях вроде Пояркова не исчезает.

— А это ваш знаменитый друг? — спросил Поярков, взглядом указывая на Багрецова. — Не его ли прозвали «инспектором справедливости»?

— Нет, — поспешил ответить Бабкин, — тот был совсем другой. А что касается приборов, то мы один привезли.

— Так что же вы здесь делаете? — Поярков нервно закурил. — Бегите к Борису Захаровичу, а то опоздаете.

— Не опоздают, — мрачно проговорил Медоваров, прищепывая спадающую ермолку. — Отправка откладывается.

— Как так? Набатников звонил: небывалая вспышка космических лучей. Здесь дорог каждый час, каждая минута!

— Ему минута дорога, а мне голова! — раздраженно отпарировал Медоваров. — Хотите, чтобы меня по башке стукнули? Разве я могу взять на себя ответственность после того, что случилось? — И он рассказал о катастрофе.

Поярков побледнел еще больше.

— Погодите. Но кто же погиб?

Вынув из стола толстую бухгалтерскую книгу, Медоваров перелистал страницы.

— Ну да! Так я и знал. Охрименко отличился. Дисциплинка у него всегда хромала.

— Петро! Да ведь это же наш Петро! — Поярков выронил папиросу и, обхватив голову руками, бессильно опустился в кресло.

Медоваров нетерпеливо постукивал толстым карандашом по столу, и Багрецову казалось, что Толь Толич думает лишь об одном: когда же кончатся неуместные здесь переживания. Ну друг у Пояркова погиб. Теперь уж ничего не сделаешь. А за дисциплинку спросят с живых, и прежде всего с начальства. Но не такой человек Медоваров, чтобы попасть под удар. Наверное, у него заготовлены все оправдания в документах и приказах.

Ошибался Вадим. И у Толь Толича сердце не каменное, в нем была и жалость к погибшему и другие про-

стые человеческие чувства. Но жизненная цепкость, стремление оправдать себя — как бы не подумали, что начальник прошляпил, не сигнализировал, — видимо, подсказывали ему другие слова.

— А сколько раз я Охрименко предупреждал, — говорил Медоваров, каждое слово точно подчеркивая карандашом. — Выговор за опоздание он получил? Получил. За неправильное хранение парашютного хозяйства взыскание было? Было. За появление на работе в небритом виде замечание сделано? Сделано. — Он подвел итоговую черту. — Вот и результат. Точка.

Поярков скрипнул зубами.

— Припомнили. Так и напишите в некрологе: «В небритом виде...»

— Эх, Серафим Михайлович! Мы с вами оба коммунисты и отвечаем перед партией. Но вы же вольная птица. Конструктор отвечает только за свои технические ошибки. А у меня — кадры. Они вот где сидят, — Медоваров похлопал себя по розовой шее. — И живые и мертвые. За всех я в ответе.

Опять зазвонил телефон. Медоваров отбросил карандаш.

— Слушаю. Борис Захарович? Ну и что ж, подождет ваш Набатников. Чешская обсерватория? И они подождут. Мейсон? Это что за птица? Южноамериканец? Прилетел в Москву?

Багрецов подтолкнул Тимофея локтем и наклонился к уху. Это не укрылось от Толь Толича.

— Минуточку. — Он опустил трубку на колени и спросил Багрецова: — Что это вы там шепчетесь? Насчет Мейсона? Слыхали о нем?

— Недавно получил от него письмо.

— Родственничка нашли? Кто он такой?

— Директор фирмы.

Подозрительно взглянув на Багрецова, Медоваров приложил трубку к уху.

— Ну так вот, Борис Захарович. Без санкции вышестоящих органов отправить «Унион» в хозяйство Набатникова я не могу... Постараюсь связаться с Москвой... Не горячитесь, золотко, не горячитесь. Вы же не знаете, что произошло... По телефону неудобно. Хорошо, заходите. Кстати, вас здесь ждут. Приехали, приехали... Эх, Борис Захарович, мне бы ваши заботы!..

Поярков сидел, опустив голову на грудь, слегка покачиваясь от усталости, бессонных ночей и неожидан-

но свалившегося на него горя. Но вот он вскочил, точно подброшенный пружиной.

— Что вы тут говорите! Разбился самолет, и вдруг из-за него задерживается отправка «Униона»! Абсолютная чепуха. Как можно связывать такие разные вещи?

Оглянувшись на приехавших инженеров, Медоваров сказал:

— Попрошу обождать в приемной. Сейчас к вам придет товарищ Дерябин.

Он помедлил, пока за ними не закроется дверь, и терпеливо, как больного, начал убеждать Пояркова:

— Вы же знаете, как я ценю ваши труды. Я понимаю ваше нетерпение, золотко. Но посудите сами: катастрофа произошла неподалеку от хозяйства Набатникова. Ни в каких орлов я не верю. Тут что-то другое. В «Унионе» находится ценное уникальное оборудование. На пути горные перевалы. Разве можно здесь рисковать? Комиссия разберется, и все будет в порядке. А кроме того, золотко, у меня есть и другие веские выводы, касающиеся вашей конструкции.

— А именно?

Медоваров вытащил из-под газет журнал с отмеченной красным карандашом статьей.

— Читали?

— К сожалению, да.

— Ну и как вы реагируете на эту критику?

— Никак. Обыкновенная злопыхательская рецензия. Два года назад вышла моя несчастная брошюрка, и вдруг сейчас ее вспомнили. Удивительно.

— Ничего удивительного. Ведь это общественное мнение...

— Почему общественное? Здесь подпись какого-то Пирожникова. Он недоволен, что я в своей брошюре недооценил какую-то допотопную пластмассу, которую упорно пропихивает спекулянт от науки. Дождался своего времени.

Медоваров встал во весь свой не очень внушительный рост и поднял «указующий» палец:

— Общественность вам этого не простит. Вместо того чтобы честно признать свои ошибки и поблагодарить общественность за справедливую критику...

— А если она несправедливая?

— Как это может быть? В центральной печати? Вы посмотрите, кто здесь в редколлегии? Кто подписал

этот номер? Академик, доктор технических наук, профессор...

— Пусть хоть двадцать академиков и докторов. Ведь они не читали ни моей брошюры, ни рецензии на нее, — постепенно накаляясь, заговорил Поярков. — Но скажите мне своими словами, что общего между «Унионом» и этой паршивой рецензией? — Он выхватил журнал из рук Медоварова и бросил на стол.

— Не вас мне убеждать, золотко. Человек, который проповедует ошибочные взгляды в печати, может так же ошибиться и в конструкции, и в разных других делах. На ошибках учимся, золотко... Но я прошу понять меня по-человечески. Вы хотите помочь Набатникову?

— Науке, а не Набатникову.

— Ну хорошо, пусть науке, — благодушно согласился Медоваров. — Она, как говорится, требует жертв. Но если что случится с вашим «Унионом», кто будет жертвой? Я, конечно, человек маленький, но с меня тоже спрашивают. Общественность сигнализировала? Сигнализировала! Тогда почему же товарищ Медоваров не прислушался к этим сигналам?

— Нелепая перестраховка.

— Это с вашей точки зрения. А я отвечать должен.

— Придет Дерябин, будем звонить в министерство.

— В десять часов вечера? Кого же вы там застанете?

— Не знаю. Но вы здесь сидите, как на транзитной станции, и задерживаете отправку. Если сорвутся опыты Набатникова, то вряд ли вам поздоровится.

И Поярков выбежал из кабинета.

Едва за ним успела захлопнуться дверь, как Медоваров стал яростно названивать по телефону. Прежде всего он связался с московской квартирой директора НИИАПа — ведь тот дела еще не сдавал. Простуженным голосом, кашляя, директор высказал мнение, что, несмотря на подписанный приказ о его новом назначении, он все же считает необходимым отправить «Унион» немедленно.

Однако это не удовлетворило Медоварова. «Профессору что? Он уже отрезанный ломоть, и если дело дойдет до чего-нибудь серьезного, то вполне может отказаться от своих слов. Никаких распоряжений он не давал. Как так? Очень просто: где письменное подтверждение?»

Дежурный по министерству, куда потом звонил Медоваров, сказал, что подобные вопросы директор

НИИАПа должен решать сам, но все же дал домашний телефон начальника главка. Очень вежливо, но с подчеркнутой иронией начальник главка напомнил товарищу Медоварову, что сейчас несколько другое время, изменилась система руководства, и товарищу Медоварову предоставляется полная инициатива. Если же его смущает «сигнал общественности», касающийся брошюры Пояркова, то пусть он возьмет на себя смелость опровергнуть выводы государственной комиссии, которая принимала «Унион». Опять же товарищ Медоваров должен сам решить, в какой степени катастрофа с самолетом может повлиять на отправку «Униона». На месте виднее.

Медоваров понял, что примерно то же самое сказал бы ему и министр, так же бы ответили и в ЦК. Безнадежно спрашивать, все будут отвечать, что у самого должна быть голова на плечах, а кроме того, есть и коллектив, с которым всегда надо советоваться. Коллектив? А что делать, если в нем появились чужие люди, временно прикомандированные, вроде конструктора Пояркова и старика Дерябина? Им что? Они приехали сюда на два-три месяца, сделали свое дело — и до свидания. Но они даже пробуют здесь командовать!

И, взвесив все «за» и «против», Медоваров утвердился в своем прежнем решении — задержать отправку «Униона».

Он нажал кнопку звонка, чтобы вызвать секретаршу, но вспомнил, что она уже давно отпущена. На звонок отозвался Дерябин. Он с усмешкой вошел в кабинет.

— Я к вашим услугам, Анатолий Анатольевич.

Разговаривая с этим стариком, Медоваров всегда испытывал глухое раздражение. Ему казалось, что Дерябин, обыкновенный инженер без степени и звания, хоть и руководит какой-то там лабораторией, но все же должен бы чувствовать разницу между собой и фактическим начальником целого института. Больше того — старик позволяет себе усмешечки «в адрес начальника», часто не соглашается с его замечаниями, особенно если дело касается технической стороны вопроса. Конечно, старик знающий, больше сорока лет проработал в лаборатории, а чего достиг? Так и помрет на этой должности.

Тяжело опустившись в кресло, Дерябин стал протирать очки.

— Я уже знаю. Поярков рассказал. Надо как-то со-

общить родителям Охрименко... Теперь, что нам делать? Ребят я отправил устанавливать прибор. Через час все будет готово. Вот их удостоверения. Потом попрошу отметить.

— Не заботитесь вы о людях, Борис Захарович. Автобус уйдет, и ребята останутся под открытым небом. Завтра утречком бы приехали. Не спеша...

— Неужели вы думаете всерьез отложить отправку?

— У нас на то есть веские соображения.

— У кого это у вас?

— Дорогой Борис Захарович, золотко мое! Но вы же требуете невозможного! Неужели я должен вам напоминать, что есть такие вещи, о которых я не вправе распространяться. Откуда вы знаете, что я этот вопрос не согласовывал?

— Где?

— Ну, мало ли где... — Как бы невзначай, Медоваров указал пальцем вверх.

Тонкий синенький дымок струился из пепельницы. Дерябин отогнал его от себя, быстро встал, ожесточенно смял папиросу.

— Но Поярков говорил совсем о других причинах?

— Во-первых, он не знал, что я консультировался. А во-вторых, он не стал бы вам все рассказывать. Ведь статья-то появилась неспроста.

Дрожащими руками Дерябин надел очки.

— Что-то я вас не пойму, Анатолий Анатольевич. Туман какой-то.

— А особое мнение члена государственной комиссии профессора Широкова вы читали?

— Да, но это частность.

— Вам так кажется. А другим...

Властный и долгий звонок междугородной прервал Медоварова.

— Медоваров слушает. Здравствуйте... — И, покосившись на Дерябина, он невнятно пробормотал имя и отчество. — Тут у нас всякие обстоятельства... Не очень, но... Видимо, задержим. Как нельзя?.. Тоже обстоятельства? Ну хорошо, попробую... Потом позвоню, потом... Сейчас неудобно...

— Я бы мог выйти, — раздраженно пощипывая щеточку усов, сказал Дерябин, когда разговор с Москвой закончился. — Далеко не все мне положено знать, как вы изволили заметить.

Медоваров чуточку смутился, но тут же лицо его приняло каменное выражение.

— Приготовьтесь, товарищ Дерябин: «Унион» будет отправлен вовремя.

— Туман, туман, — покачивая головой, говорил Дерябин, шагая по длинной ковровой дорожке к выходу. — Туман...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Туман рассеивается не сразу, но автор дает обещание, что читателю многое будет ясно гораздо раньше, чем большинству героев нашего повествования. А сейчас начинаются приключения.

Дождь только накрапывал. Он принимался идти несколько раз еще с вечера, но не прибил даже пыли на дороге. Мелкие капли, как дробинки, катались в пыли. Свет прожекторов заливал своими лучами и эту дорогу, и белый забор, вдоль которого она шла, и будку часового, охраняющего территорию НИИАПа. В будке, приподнятой над оградой, чуть слышно поскрипывали доски — ходил часовой.

По черному небу медленно плыли клочковатые облака. Сквозь них проглядывали яркие, пылающие звезды. В кустах рядом с подземным складом чуть теплится слабый огонек.

Возле него, вздрагивая от холода, как у потухшего костра, сидел Багрецов с карманным приемником на ладони. Рядом примостился Бабкин. Светилась не шкала, как у обыкновенного приемника, а крышка с нанесенным на нее специальным люминесцентным составом. Нажмешь кнопку — и ток от батарейки заставит работать и сам приемник, и его необычное освещение. Этим приемником можно пользоваться как карманным фонариком. Его придумал Багрецов, а потом уже Бабкин сделал что-то похожее и для себя. Он редко включал свой приемник — трудно доставать специальные батарейки, — а потому сейчас работал один, Димкин. Друзья контролировали работу ЭВ-2, электронного влагомера, установленного в кабине автоматической радиометеостанции.

На Бабкина эта командировка свалилась как снег на голову. Он прекрасно себя чувствовал в Девичьей Поляне, где работал в филиале метеорологического института. И вдруг телеграмма из Москвы: инженеру Бабкину Тимофею Васильевичу срочно выехать в командировку в распоряжение начальника лаборатории Дерябина для испытаний ЭВ-2. Не ожидал Тимофей, что вспомнят об этом приборе, который уже давно был сделан совместно с Димкой. Димка шлет телеграмму, чтобы встретиться на узловой станции и вдвоем приехать в Киев. Как всегда, друзья ездили в командировки вдвоем, а сейчас это было просто необходимо: соавторы.

Багрецов вышел на условленной станции, а Бабкина нет как нет, хотя местный поезд давно уже прибыл. Так хотелось увидиться поскорее, несколько месяцев не встречались. «Дружба есть дружба, и от нее никуда не денешься», — как однажды признался в письме Тимофей. Мало того что Тимкина жена, Стеша, навсегда увезла друга из Москвы, сегодня она заставила Вадима помучиться ожиданием и тревогой. В самом деле, Тимка такой аккуратный и вдруг не приехал вовремя! Что же могло случиться?

Вадим бегал по платформе, пытался звонить по междугородному телефону — места себе не находил. Но вот целым и невредимым появляется Тимофей и, пряча виноватые глаза, признается, что жена перепутала расписание местных поездов. Понадеялся на нее, а сам не проверил. Димка так обрадовался встрече, что простил его тут же. Разве он предполагал, как эта пустяковая оплошность может повлиять на дальнейшие события? Во всяком случае, если бы они приехали в НИИАП засветло, то, глядишь, все бы обернулось иначе. А тут еще Димка настоял, чтобы по пути в институт обязательно заехать к маминой подруге тете Люде и передать ей забытую сумку. Пока ждали рейсового автобуса, Димка уже успел дать телеграмму домой.

Короче говоря, там часок, там минутка, все это накапливалось, и прав был Борис Захарович, что рассердился за опоздание. Оставались считанные часы до отправки метеостанции, и, толком ничего не объяснив, Дерябин поставил условие:

— Успеете справиться — пожалуйста. Нет — пеняйте на себя. Обойдемся старым прибором.

Бабкин втайне побаивался своего бывшего начальника, да и Багрецов, который знал его не меньше, тоже робел перед ним. Во всяком случае, не только выговора, но и простого замечания от Бориса Захаровича получать не хотелось. Человек он заслуженный, уважаемый, что перед ним оправдываться? Не солидно.

В приемной директора НИИАПа разговаривать было некогда. Бабкин только успел спросить:

— На том же месте устанавливать?

Дерябин ответил утвердительно и, услышав звонок Медоварова, скрылся в кабинете. К зданию института подъехал закрытый пикап, и заспанный шофер доставил наших инженеров к огромному ангару. У самого входа оказалась лесенка, она вела в кабину автоматической радиометеостанции.

В темноте нельзя было разобрать, но Бабкину показалось, что кабина чересчур велика, гораздо больше тех, где ему не раз приходилось устанавливать аппараты. Последнюю из таких станций отправили в горы Алтая.

Ничего не было странного в том, что новая, усовершенствованная радиометеостанция находилась на территории НИИАПа; также не было странно и то, что ее здесь готовили к отправке. А поднявшись по тонкой металлической лесенке вверх и встретив там знакомую аппаратуру, Бабкин и вовсе убедился, что придется иметь дело с вещами привычными, какой бы формы и величины кабина эта ни была.

Времени оставалось мало. В кабину забегали какие-то инженеры — судя по всему, к метеорологии касательства не имеющие, — торопили, отчего у Багрецова падала из рук отвертка и дело не спорилось. Собственно говоря, дело-то было несложное: подсоединить прибор к выводной трубке, которая проходила сквозь крышу кабины, подвести питание, включить в радиопередающую систему и проверить, как это все будет работать.

Радиостанция включалась автоматически на несколько минут, за это время нужно было передать не только показатели, определяющие влажность, но и целый ряд других: температуру, давление, направление и силу ветра — короче говоря, все то, что интересует синоптиков при составлении карт погоды.

В кабине метеостанции была установлена стандартная аппаратура, поэтому даже не такие опытные спе-

циалисты, как наши инженеры, смогли бы разобраться в схеме соединений и включить нужный прибор. Теперь оставалось лишь проверить на контрольном приемнике, как будут слышны сигналы. Непосредственно возле мощного передатчика это не делается, нужно отойти подальше. Вот почему друзья оказались не возле ангара, а в кустах у подземного склада.

— Я до сих пор не могу прийти в себя из-за этой катастрофы, — говорил Багрецов, рассеянно поворачивая ручку приемника. — Какая-то паршивая птица, нелепая случайность — и человека уже нет.

Сдвинув на лоб кепку, Тимофей почесал затылок.

— Всякие бывают случайности. Идешь себе спокойно, ни о чем не думая, и вдруг падает тебе на голову цветочный горшок. Потом в стенгазете заметка: «Трагическая смерть...»

— Без шуточек не можешь?

— Какие тут шуточки? Это просто самозащита. А у тебя, я смотрю, руки дрожат. Ведь успели же. Осталось только проверить.

Багрецов положил приемник в карман.

— Да, конечно, глупая мнительность.

Вдали послышался собачий лай. Вспыхнул карманный фонарик, луч его побежал по тропинке. Лохматый одноглазый пес бросился к Багрецову и, вдруг остановившись, ласково завил хвостом.

— Здоровеньки булы, громадяне! — певуче приветствовала их девушка, закутанная в желтый мягкий шарф. — Вас действительно только с собаками сыщешь.

Она пришла не одна. Кто-то стоял рядом и, как бы гордясь, что сопровождает столь прекрасное существо, сначала осветил безукоризненно правильное лицо с пухлыми, ярко очерченными губами, блестящими и в то же время холодными глазами, чуточку капризным тонким носом, персиковым румянцем на полных щеках... Потом, задержавшись на округлых плечах и груди, луч фонарика скользнул к ногам, достойным классической скульптуры, и лишь тогда мельком остановился на удивленно-восхищенном лице Багрецова и недовольном — Бабкина.

— Римма, — деловито представилась она, протягивая руку Багрецову, потом небрежно Бабкину, который, видимо, не произвел на нее никакого впечатления. — Начальство приказало мне отдать ваши

командировки. Через полчаса пойдет дополнительный автобус. Поедьте вместе, громадяне. Если бы вы знали, как я тороплюсь!..

Тут послышался хрипловатый басок ее невидимого спутника:

— Я думаю, Риммочка, что вам удобнее воспользоваться моей машиной. Быстрее.

Римма равнодушно повела плечами.

— Об этом не может быть и речи. Вы же обещали, товарищ Семенюк...

— Пожалуйста, — обиженно произнес Семенюк. — Но я бы мог и товарищей подбросить.

Бабкину не понравилась эта снисходительность.

— Благодарим вас, — сказал он, прикрывая зевок рукой. — Мы должны еще кое-что проверить. Потом сами доберемся.

Вадим растерянно смотрел на Римму. Она казалась ему существом из другого мира и абсолютным совершенством, которого он не встречал даже на картинах прославленных мастеров. Возможно, виной тому была неожиданность ее появления, неверный свет фонарика — он как-то по-особенному подчеркивал прекрасные девичьи черты... Но скорее всего тут скрывалась иная причина, а именно: обычная Димкина восторженность и глубокое преклонение перед женщиной, как самым изумительным чудом природы.

Он держал в руках командировочные удостоверения, переданные Риммой, и чувствовал, что от них струится запах тонких духов. Ну да это понятно — она вынула удостоверения из сумочки.

Но кто же такой Семенюк? Он прячется в темноте — то ли из скромности, то ли из высокомерия. Единственно, что мог заметить Вадим, — его невысокий рост и довольно щуплую фигуру. А Римма? Высока, чуточку полновата, и это ей очень идет. Но особенно покорила Вадима ее певучая украинская речь.

Поглаживая собаку, Римма ласково приговаривала:

— Хйба я не чую, що зараз буде розлука, мий кошаний. — И потом, повернувшись к спутнику, сразу без всякого перехода уже по-русски: — Да, Тимошку берут, а возьмут ли нас — еще неизвестно.

Тимофей все время поглядывал на часы, не обращая внимания на ее болтовню, но тут удивленно переспросил:

— Почему Тимошку?

— А я знаю? Научная сила. А мы пока еще недостойны. Хотелось бы, конечно, горы посмотреть, да наше начальство боится. Говорит, там сидит какой-то Набатников — ужасная собака, злющий!..

Трудно Тимофею смириться с подобной клеветой. Он сдвинул на затылок кепку.

— Набатникова не трогайте. Мы его получше вас знаем. Да и вообще, что за манера так разговаривать? Какой-то Тимошка... Ведь у него, наверное, и отчество есть?..

Римма изумленно взглянула на Бабкина и откровенно захохотала.

— У Тимошки отчество? — Она приподняла собаку за ошейник и, все еще давясь от смеха, приказала: — Ну, дай ему лапу, представься как следует.

Ей вторил хрипловатый хохоток невидимого Семенюка.

Бабкин помрачнел, надвинул кепку на глаза и, отвернувшись, стал вертеть ручку приемника.

Чтобы сгладить неловкость, Багрецов спросил:

— Значит, Тимош... то есть я хотел сказать, эту собаку вы отправляете в институт Набатникова? Туда же повезут и «Унион»?

— Повезут? — послышался насмешливый голос Семенюка. — Впрочем, конечно, платформу уже подали.

— Но мы не заметили, что сюда подходит железнодорожная ветка, — поглаживая свои кудрявые волосы, неуверенно проговорил Вадим.

— Вы многого не заметили, дорогой товарищ. Пойдемте, Риммочка, наша миссия, кажется, закончена. Вы же торопитесь.

Багрецов остановил ее:

— Одну минутку. Я хотел спросить, где мне найти Анну Васильевну Мингалеву?

— Точно не знаю. Вообще она где-то здесь. Вот Аскольдик, — Римма обернулась назад, — то есть, простите, товарищ Семенюк абсолютно в курсе. Он скажет, где ее искать.

И опять из темноты брюзжащий басок:

— Не говорите глупостей, Риммочка. Товарищ и в самом деле подумает...

— А разве неверно? — кокетливо спросила Римма. Не желая вникать в сущность их споров — здесь

было что-то ему неприятное, — Багрецов вынул из кармана записную книжку и черкнул в ней несколько строк.

— Если вам не трудно, — сказал он, протягивая записку Римме, — то передайте, пожалуйста, Анне Васильевне. Это очень важно.

Римма испытующе посмотрела на Вадима:

— Для кого важно?

— И для нее, и для меня. Я ее друг.

Он еще долго смотрел Римме вслед, пока Бабкин не дернул его за рукав:

— Очнись! Самая обыкновенная смазливая девчонка. Всегда вот так. Растаял...

Обиженный Вадим взял у него приемник и рассеянно начал вертеть ручку настройки.

— Брось крутить, — рассердился Тимофей. — Пропустишь.

Вытирая платком вспотевшее лицо, Вадим взглянул на часы.

— Еще восемь минут... А вдруг...

— Отстань, пожалуйста! Каркаешь, как ворон.

Вадим недовольно передернул плечами, задел ветку, холодные капли муравьями поползли за воротник. Резко поднявшись, он выглянул из-за кустов.

Возле ангара, где находилась метеостанция, уже вспыхнули прожекторы. Теперь было отчетливо видно, что ангар этот был странной формы и в то же время чем-то похож на гигантскую брезентовую палатку. У темного распахнутого входа дежурил часовой. Еще в директорской приемной Вадим слышал, как Дерябин приказывал по телефону пропускать приехавших инженеров в «Унион» и туда и обратно, видимо учитывая необходимость проверки сигналов ЭВ-2 на расстоянии.

Слегка прихрамывая, Бабкин прошелся по мокрой траве и нарочито зевнул.

— Сколько на твоих?

— Осталось пять минут. И если не выйдет... — начал было Вадим.

Но Бабкин перебил его:

— Тогда домой поедem. Вот и все.

— Но, извини, с какими глазами?

— С такими же. Не ослепнем. — Бабкин со злостью поддел ногой мокрый лопух.

Помолчав, Вадим вздохнул.

— А хорошо бы для Набатникова что-то сделать. Наверное, в горах наш прибор здорово пригодится.

Бабкин согласился, потому что ЭВ-2 обладал большой чувствительностью и отмечал ничтожную влажность, особенно характерную для разреженного воздуха горных вершин. Кабина метеостанции показалась ему легкой, сделанной из ребристых дюралевых листов.

В свое время Дерябин не очень-то восторгался новым гигрометром, считая, что его сверхвысокая чувствительность практически не будет использована. Теперь дело другое — возможно, труды и не пропадут даром.

Завернув рукав, чтобы лучше следить за часами, Вадим замер в ожидании. Сейчас должна заработать радиостанция.

Стараясь казаться равнодушным, Бабкин поглядывал на небо, как бы желая определить завтрашнюю погоду, и позевывал. Он считал, что абсолютная невозмутимость при любых условиях является первейшим человеческим качеством.

Но вот из маленького репродуктора, точно там открылась пробка, вырвались на свободу желанные звуки. В клокочущем и булькающем их хаосе Бабкин свободно различал сигналы.

«Так, прекрасно... — мысленно, без карандаша и бумаги расшифровывал он условные знаки. — Передается температура... Восемнадцать градусов. Направление ветра... Впрочем, ветра в ангаре быть не должно. Теперь дальше, давление... Сейчас будет влажность...»

ЭВ-2 работал великолепно, четко. Тонкие звенящие звуки, словно кто-то ударял ложкой по стакану. Сомнения оказались напрасными. Ну еще бы! Сколько месяцев с ним возились!

Возле ангара Вадим и Тимофей встретили Дерябина. Он с кем-то спорил. На вопрос Багрецова, не слушает ли он следующую передачу ЭВ-2, Дерябин нетерпеливо проговорил:

— Слышал на контрольном пункте. Даже запись видел на ленте. Спасибо. Молодцы. Завтра утром поговорим.

Он увидел поникшего Пояркова и сокрушенно покачал головой:

— Ах, Серафим, до чего же мне Охрименко жалко! Веселый, добродушный малый...

Бабкин сделал знак Вадиму — идем, мол, нечего нам здесь делать — и вместе с ним направился к зданию института.

Преходя мимо скамейки в скверике, Тимофей задержался.

— Не торопись. Сил моих больше нет. — Он сел и, нагнувшись, стал развязывать шнурки. — Спасибо жене за ботиночки. Удружила.

Не в пример франтоватому Багрецову, Тимофей привык одеваться просто, — нет ничего солиднее, чем гимнастерка и к ней брюки военного покроя, заправленные в аккуратные сапоги. Но Стеша приказала надеть выходной костюм с галстуком. «Неудобно, — говорила она. — Представитель научного института — и вдруг в сапогах». Срочно побежали в магазин покупать новые ботинки. Стеше понравились изящные туфли лимонно-желтого цвета. Бабкин запротестовал — цвет больно нахальный, — но разве ей можно перечить, она лучше в этих делах разбирается, говорит, что потемнеют. С нахальным цветом Тимофей мог бы еще примириться, а с малым размером — никак. Сорок первого размера не оказалось, и Тимофей, чтобы не огорчать жену, все же решился взять сороковой — разносят. Теперь хоть плачь.

Тимофей ощупывал ноющие от боли пальцы, боль растекалась по всему телу, ломило в коленях, позвоночнике. Неужели опять придется надеть эти пыточные колодки...

— Скоро? — нетерпеливо крикнул Вадим.

Бабкин не ответил: потирая освобожденные пальцы, он наслаждался ощущением затихающей боли.

Постояв немного, Багрецов безнадежно махнул рукой, вынул из кармана приемник и щелкнул переключателем. На все лады пищали телеграфные станции. Слышалась чужая речь, музыка. Стрелка шкалы, будто живая, сама собой подвигалась к сорок четвертому делению. Как никогда, хотелось принять четкий стеклянный звон сделанного тобой прибора. Ведь это лучшая музыка, ее можно слушать десятки раз. После сигналов барометрического давления должен заработать ЭВ-2. Вот он включился!

Но... что это? Какой-то треск. Не может быть! Кругом мокро, а ЭВ-2 доказывает, что влажность воздуха пустыковая, как жарким летом в пустыне.

Во рту стало сухо, перехватило дыхание.

— Тимка!.. — глухо вскрикнул Вадим.

Чувствуя что-то неладное, Бабкин спешно натянул ботинок — второй не налезал — и, подпрыгивая на одной ноге, подбежал к Вадиму.

Нахмурившись, Бабкин прослушал сигналы до конца.

— Вот это да! — сказал он упавшим голосом.

— Бежим к Борису Захаровичу. Попросим отложить отправку...

— Так он тебя и послушается. Чудак человек. — Тимофей надел ботинок, морщась от боли. — Может, это случайно? Пойдем проверим.

Никто не заметил, как они зашли с другой стороны ангара и по лесенке взобрались в кабину метеостанции. Не найдя выключателя, чтобы зажечь верхний плафон, Вадим воспользовался светящейся крышкой приемника. Темно, но все-таки можно разобрать, где находится серый лакированный кубик ЭВ-2.

Стараясь не звякнуть отверткой, чтоб не выдать себя, прислушиваясь к шагам, не поднимается ли кто по лестнице, Бабкин отвинчивал винты на крышке прибора. Отвертка срывалась, руки дрожали... Еще бы! Спокойному Тимофею было от чего волноваться. Вот-вот кабину погрузят на машину и отправят на станцию. Кажется, кто-то ходит по крыше — осторожные медленные шаги... Тимофей прислушался, шаги затихли. «Кто-то проверяет наружные приборы», — подумал он, отвернул последний винт, снял крышку и сразу же заметил причину неисправности. Так он и знал, Димкина работа. Надо было поставить дополнительный конденсатор, и вместо того, чтобы его закрепить надежно, по старинке, хомутиком, упрямец воспользовался клеем БФ. Причем сделал это наспех, без соблюдения технологии. От тряски конденсатор отскочил и замкнул два провода. Ну а отсюда и все последствия.

— Видишь? — прошипел Бабкин. — Да свети, свети ближе! Растрепана несчастная!

Вадим чуть не уронил приемник. Да как же это произошло? Целые аппараты на клею делают. А здесь...

— Ты бы еще слюнями приклеил, — сердился Тимофей, надежно толстым проводом прикрепляя конденсатор. — Прав Толь Толич. Говорит: «Халтурку привезли». Ну, кажется, все в порядке.

Он торопливо запечатал прибор печатной лаборато-

рии, поставил его на кронштейн, затянул снизу тремя надежными винтами и взглядом поискал четвертый. Винта не было. Наверное, смахнул рукавом.

— Ищи скорее! — приказал он Вадиму и сам опустился на пол.

Крышка приемника освещала лишь маленький участок пола, пришлось искать ощупью.

Багрецов заглянул под каркас аккумуляторов и похолодел. В одной из прозрачных аккумуляторных банок прыгают, скачут искры. Пластины раскалились, плавятся. Короткое замыкание. Наверное, вывалилась часть пластины и соединилась с другой. Надо во что бы то ни стало отключить испорченную банку, иначе она замкнет всю батарею. Может случиться пожар...

Не раздумывая долго, Вадим проскользнул под каркас и потащил за собой Бабкина. Ни у кого из них не было сомнения, что здесь не руками размахивать надо, не бежать за помощью, а прежде всего необходимо устранить опасность, иначе будет поздно.

— Нашел концы? — спросил Тимофей, заметив, что Димка ощупывает кабель, идущий к аккумуляторам. — Выше, выше. Да не там! Правее...

Упираясь локтями в ребристый пол, Бабкин держал приемник на весу, чтобы как-то осветить место присоединения кабеля. Руки затекли, локтям больно. Сейчас лопнет испорченная банка. Другие банки тоже начинают нагреваться. Еще несколько минут — и в них потрескаются пластины.

Примерно такие аккумуляторы Бабкин уже устанавливал в метеостанции. У них огромная емкость, высокое напряжение. Их не нужно заливать электролитом, но они терпеть не могут перегрузки и замыканий. Как долго возится Димка! Концы найдены, но он никак не может подобраться плоскогубцами к гайкам. Руки, что ли, не слушаются?

— Пусти. Я сам. Возьми приемник. — И Тимофей подполз к раскаленной банке.

Не так-то просто освободить наконечник кабеля, плотно затянутый двумя гайками. А еще труднее заниматься этим делом, когда плечи не развернешь, — уж очень под каркасом тесно.

Где-то наверху бегали люди. Их шаги гулко отдавались в металлической кабине. Потом начали стучать. То ли антенную мачту укрепляли, то ли еще что делали. Шум, грохот, будто сидишь в железной бочке, а по

ней молотком колотят. Но все это пустяки, лишь бы успеть спасти аккумуляторы. А гайка никак не поддавалась. Жарко стало под аккумуляторной батареей, она вроде как превратилась в отопительную. Неужели не сработают предохранители? Впрочем, зачем они здесь? Это не квартира. Тут некому пробки менять.

Димка нервничал, он пробовал было рвать кабель, поддевая его отверткой, но Бабкин запретил.

— Банка лопнет. Вот черти, неужели испорченную поставили? Работнички называется... — Он почувствовал, что гайка поддается, и, облегченно вздохнув, добавил: — Интересно, что с этими растяпами сделает твой друг Толь Толич?

Знал бы Тимофей, что Толь Толич стоял сейчас рядом, в последний раз перед отправкой метеостанции осматривая, все ли тут в порядке. Включен был верхний плафон, света его под каркасом не видно, а потому занятые своим делом друзья никого и ничего не замечали. Да и сам Толь Толич вряд ли мог предполагать, что нужно проверить аккумуляторы. За технику отвечает Дерябин. Ему докладывали о готовности всей аппаратуры, которая испытывалась неоднократно, и даже прибор ЭВ-2 уже успели проверить. Могло ли прийти в голову Толь Толичу, что кто-то еще возится под аккумуляторной батареей?

Медоваров проверил все запоры и замки, печати и пломбы, обошел кабину и, щелкнув выключателем, не спеша спустился вниз по лесенке.

— Тащи кабель, — сказал Бабкин, освобождая вторую гайку. — Только сразу. Да отвернись, чтобы искра не обожгла.

Вспыхнула короткая звенящая дуга. От ее ослепительного света потемнело в глазах.

— Порядок, — усмехнулся Тимофей. — Видно, вовремя мы здесь оказались.

— Теперь надо поскорее найти Бориса Захаровича, — напомнил Вадим, выползая из-под каркаса. — Надо же заменить испорченную банку.

Бабкин приподнял голову и больно стукнулся о ребро каркаса.

— Фу ты черт! Застрянешь здесь, как боров в подворотне.

Стук наверху прекратился. Настала подозрительная тишина. И в этой тишине пушечным выстрелом хлопнула крышка внутреннего люка. Вадим схватил Бабки-

на за плечо. Тот понял, в чем дело, рванулся из-под каркаса, но было уже поздно.

Чуть слышно звякнула крышка наружного люка. В первую минуту друзья растерялись. Неужели их заперли? Начали стучать, кричать. Но ни один звук не проникал наружу сквозь толстые стены кабины. Точно из нее воздух выкачали, как из-под стеклянного колпака во время школьного опыта. Висит под колпаком обыкновенный электрический звонок, и в мертвой тишине странным кажется его дрожащий молоточек.

Бабкин стучал каблуками по крышке люка. Димка колотил плоскогубцами в стены. Никто не слышит. Утомившись, они вдруг почувствовали легкий толчок, как в вагоне, когда трогается поезд.

Опять с новой силой застучали они в стенки. Но что толку? Вероятно, кабину погрузили на машину или специальную платформу. Людей вокруг нет. Кто услышит? Путешествие в закрытой коробке Бабкину вовсе не нравилось, он трезво оценивал положение и думал лишь о том, как бы выбраться из этой тюремной камеры, в которую они залезли добровольно. Правда, сделали нужное дело — устранили аварию. Только все равно люди будут смеяться. Надо сказать Димке, чтобы помалкивал, а то при его болтливости всего можно ожидать. Перед женой неудобно, засмеет: как это, мол, Тимофей Васильевич, вы в мышеловку попали?

В кабине было темно и тихо. Возможно, она еще находилась на территории института. Никаких покачиваний не чувствовалось. Тимофей ползал около люка в надежде найти внутренние запоры. Хорошо бы незаметно выскользнуть. Впрочем, откуда здесь запоры?.. Для кого? Аппараты работают без людей, автоматически. За ними даже следить не надо.

Приподнявшись на колени, Тимофей нарочито зевнул.

— Не беспокойся, выберемся. В общем, нос не вешать. Понял?

А Вадим и не беспокоился. Оснований не было. Начиналось небольшое, но довольно интересное путешествие. Еще мальчишкой, садясь в электричку, он подумывал, как бы хорошо поздним вечером, сойдя на незнакомой станции, почувствовать под ногами землю, по которой никогда еще не ступал. Все это, конечно, было давно. В те годы рощица у полотна железной дороги становилась уссурийскими джунглями, где даже

крик ночной птицы казался странным и непонятным. В новом путешествии, кроме тускло освещенных стен кабины, Вадим ничего не видел, но приключение волновало его забавной необычайностью.

— Вот здесь был выключатель... — как бы про себя сказал Тимофей, поднялся, и, к удивлению Вадима, в кабине вдруг загорелся свет. — На том же месте, как и там...

— Где «там»?

— Нет, это я просто так, — рассеянно ответил Тимофей.

Только сейчас Вадим по-настоящему разглядел внутренность кабины. В первый раз было некогда — торопились с установкой ЭВ-2.

Кабина — как и в других метеостанциях — цилиндрической формы. На стенках — блестящие кубики разных приборов, регистрирующих погоду. Радиостанция помещается на противоположной стороне, в другом отсеке. Большинство приборов вынесены за пределы кабины, и только надписи на щитках говорят о том, что сюда подходят провода от автоматического анемометра, показывающего скорость ветра, от барометра, отмечающего давление, актинометра, следящего за интенсивностью солнечных лучей. Сюда же подошли провода от облакометра, термометров, дождемера, от множества других приборов, показания которых давали полную картину состояния погоды в местности, где установлена автоматическая радиометеостанция. Сеть таких метеостанций, сильно развивающаяся за последние годы, помогает предсказывать погоду.

Некоторые из приборов неизвестны Вадиму. Слишком уж они сложны для метеостанции. В герметически закрытых ящичках щелкают многочисленные реле, вспыхивают зеленым светом какие-то колбочки, гудят, как пчелы, крошечные моторчики, спрятанные за стеклянными окошками в щите.

Тимофей, что с ним редко бывало, сидит в полной растерянности возле люка и ощупывает каждую заклепку. Возможно, ищет потайную кнопку. Нажмешь ее — и люк откроется.

Напрасная затея. Вадим подробно осматривает стены кабины, гофрированные, видимо, из дюралюминия или других легких сплавов. Нет ли здесь бокового люка? Внимание Вадима привлекает овальная дверь. А вот и запоры, как у иллюминаторов на теплохо-

де. Не заметив, что дверь опечатана, Вадим тихонько приотворяет ее.

С трудом сдерживая радость, он готов сразу же позвать Тимку, но хочется самому проверить, можно ли здесь выбраться на свободу.

— Я все-таки поищу четвертый винт, — дипломатически предупреждает Вадим, делая вид, что лезет под каркас, и, улучив момент, проскальзывает в дверь.

Осторожно прикрывая ее за собой, Вадим включает свет приемника. Длинный коридор, Вадим входит в него, как в трубу, и, согнувшись, направляется дальше. Труба пересекается другой, но несколько большего диаметра. Здесь уже можно выпрямиться.

«Что-то не то, — думает Вадим, сворачивая направо. — На метеостанцию совсем не похоже».

Непонятное ощущение: пол часто уходит из-под ног, какое-то покачивание, словно машина, на которой установили это сооружение, едет по холмам. Да нет, какая там машина? Разве она свезет такую громадину?..

Вадим идет и идет и никак не понимает, почему до сих пор не доберется до конца. Какие-то пересечения, повороты, коридоры, в них и заблудиться можно. Надо отметить место, где повернул направо. Вадим вынимает из кармана ручку и чувствует, что она мокрая. Странно, никогда чернила из нее не выливались, разве только однажды — в самолете.

Мокрым в чернилах пальцем он чертит крестик на блестящем металле и снова идет... Да, несомненно, коридор окружает кабину. Дальше проверять не стоит.

Он торопится к Тимофею, спотыкается. Что это под ногами? Какая-то крышка? Наверное, люк. Значит, из этого кольцевого коридора есть выход.

Опустившись на колени, Вадим ищет запоры, надеясь, что крышка открывается внутрь. Так оно и есть. Вадим наклоняется над люком, нащупывает лесенку, которая ведет к нижнему люку, и осторожно спускается в узкий колодец.

«Значит, и нижнюю крышку можно открыть изнутри?» — думает Вадим, держась за трубчатые перекладины лестницы. Крышка не поддается — видно, держат уплотняющие прокладки. Надо поднатужиться. Багрецов рывком приподнимает крышку.

Темнота, утро еще не наступило. Впрочем, может быть, все это сооружение закрыто чехлом? Надо позвать Тимку. Но что это за блестящие точки? Навер-

ное, дырки в брезенте. Тогда почему же они плывут? Багрецов приглядывается. Это огни института. Они быстро удаляются вниз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автор уже начинает беспокоиться за своих незадачливых героев, но в то же время ничего не может придумать, как бы облегчить их участь. Он даже не знает, где искать виновника, по милости которого Багрецов и друг его Бабкин оказались в столь безвыходном положении.

сть такая наука — аэрология. Багрецов кое-что понимал в ней, хотя специальность его была другая. Он знал о воздушных течениях, о том, как они исследуются шарамипилотами. В свое время приходилось заниматься монтажом маленьких передатчиков-радиозондов. Забираясь в стратосферу, они автоматически посылали оттуда сигналы. Сигналы эти записывались либо радистами или, чаще всего, специальными пишущими приборами. Пользуясь радиозондами, метеорологи определяли направление воздушных течений, температуру, влажность и ряд других показаний, характеризующих состояние атмосферы.

Воздушный океан исследуется не только радиозондами и специальными ракетами. Существуют и летающие лаборатории. Об одной из таких лабораторий Вадим слышал от Тимофея — он устанавливал там телевизионный передатчик. Это было в позапрошлом году, когда Багрецов гонялся за экспедицией профессора Набатникова.

Именно в это самое время Бабкину пришла в голову довольно оригинальная идея, как передавать телевидение на дальние расстояния. Он предложил это делать с помощью летающего зеркала, от которого отражаются посланные снизу телевизионные сигналы. Первые опыты оказались успешными, но потом специалисты нашли более надежный способ, из-за чего «система Бабкина», как ее тогда быстро окрестили, не получила дальнейшего развития.

Собственно говоря, так оно и должно быть — техника не стоит на месте, совершенствуется. Тимофеем это понимал, смирился, глубоко запрятал свое авторское

самолюбие, но все же, когда Димка спрашивал его о «системе», желая узнать устройство летающего зеркала, Бабкин упорно отмалчивался. Зачем ворошить неприятные воспоминания?

Вот почему конструкция Пояркова, то есть его аэрологическая лаборатория, столь удивила Багрецова. Лишь после того как Вадим увидел удаляющиеся огни, стало понятно, куда он попал. Но неужели Тимка не знал об этом раньше?

Не знал. Ведь на этот раз он был только в кабине, а она почти ничем не напоминала кабину летающей лаборатории, где ему пришлось устанавливать телевизионную аппаратуру и метеоприборы. В данном случае она больше походила на коробку метеостанции, какие выпускались на одном из киевских предприятий. Бабкин оборудовал такие метеостанции, да и Багрецову они были хорошо знакомы. А кроме того, в прежней летающей лаборатории была совсем другая аппаратура. И все это называлось иначе, а не «Унион». И секретности, о которой намекал Толь Толич, в том случае тоже не было.

Жаль, что поздно, когда уже захлопнули люк, Тимофей как-то подсознательно нашел выключатель именно на том месте, где он находился в кабине летающей лаборатории. Поздно, поздно... Но как сказать об этом Димке? В полной уверенности, что тот еще ползает под каркасом, Тимофей хотел выиграть время для обдумывания дипломатического хода — как бы подготовить Димку.

А Димка лежал у открытого люка. Теплый ночной ветер поднимался с земли, такой густой и плотный, что, кажется, коли прыгнуть вниз, то прямо как в мягкие подушки. Темно. Огни института превратились в туманное светлое пятно.

Глядя на удаляющуюся землю, Багрецов, как ни странно, вдруг почувствовал себя абсолютно спокойным. Возможно, потому, что пока еще не до конца осознал безвыходность положения. Но и сделать он ничего не мог. Кричать? Бесполезно. Кто услышит с такой высоты? Больше всего смущало, как воспримет Тимофей свое положение. С тех пор как у него появилась семья, он сильно изменился. Тимофей не будет спускаться по крутому склону, если можно его обойти, не полезет на скалу ради спортивного интереса. Вначале Багрецов подсмеивался, но вскоре понял, что Тимо-

фей избегает ненужного риска, думая больше не о себе, а о ней, Стеше, дорожит ее покоем и счастьем. Однажды она призналась Вадиму по секрету, что не мыслит себе будущего, если с Тимкой что случится: «Только не говорите ему, а то задаваться начнет».

Вадим горячо любил их обоих и ставил в пример всем друзьям — поглядите, мол, как надо строить семейное счастье. Даже зависть берет. И вдруг это счастье под угрозой. Впрочем, может быть, в каком-нибудь отсеке сидит пилот? Ведь еще ничего не известно. Через несколько часов прилетим к Набатникову.

Осторожно, чтоб не хлопнуть тяжелой крышкой, Вадим закрыл люк. Начиналось самое трудное. Вратъ Димка не умел — ну как тут объяснишь, к чему привели его исследования? Он незаметно проскользнул в кабину и сделал вид, что вылезает из-под каркаса.

Сидя спиной к нему, Тимофей спросил:

— Нашел винт?

— Нет. Но это сейчас неважно. — И, помолчав, Вадим попробовал сделать небольшую разведку: — У меня впечатление, что мы движемся как по воздуху.

— Да... Хорошая дорога. — Бабкин потянулся и зевнул. — Дó смерти спать хочется.

— Хочешь мой пиджак?

Бабкин отказался, растянулся прямо на полу, положил руки под голову.

Если Вадим предполагал, что в летающей лаборатории с приборами может быть пилот, то Бабкин хорошо помнил, что в прежней конструкции обходились только автоматикой. Конечно, положение не из приятных, но Бабкин старался отнестись к нему спокойно. Прежде всего надо сообщить в институт, что произошла «некоторая ошибка» и в «Унионе» сказались люди. Но как это сделать? Все радиопередатчики были тогда заперты в изолированном отсеке — к ним не подберешься. В старой конструкции за стеной центральной кабины был еще один люк, открывающийся изнутри. «Надо узнать, на какой высоте мы летим, — подумал Тимофей. — Если низко, то подать сигнал, крикнуть». Правда, этого ему не очень хотелось — ведь «Унион» срочно нужен Набатникову.

Бабкин внимательно осмотрел внутренность кабины и нашел боковую дверь. Раньше она находилась в другом месте.

— Посмотрим, куда она ведет, — сказал Тимофей,

перешагивая через высокий порог. — Ты здесь подожди.

Вадим понял, что Тимофею все известно, глубоко вздохнул и промолчал.

Твердо шагая по знакомому туннелю, Тимофей не сомневался, что люк будет найден сразу. Вот он. Оказывается, здесь ничего не изменилось. Можно его открыть.

Рассвет еще не наступал, темно в люке. Тимофей сел рядом. Ноги горели, ныли от нестерпимой боли, будто их опустили в кипяток. Он нагнулся и стал развязывать шнурки. Узел — хоть зубами разгрызай. Изо всех сил дернул за шнурок, вытащил онемевшую ступню, а ботинок, точно живой, вырвался из рук и пропал в люке.

«Ну что ж, ни чуточки не жалко, — успокоил себя Тимофей. — От жены, конечно, достанется. Но разве я виноват?» Он вертел в руках одинокий ботинок и с наслаждением шевелил затекшими пальцами. Димка часто декламировал Маяковского, что-то вроде того, будто гвоздь в сапоге кошмарнее, чем фантазия Гёте. Насчет этой фантазии Бабкин имел довольно смутное представление, а насчет сапога правильно. Если бы не счастливая случайность, то он никогда бы не расстался с ненавистными ботинками. Жена заставила бы разнашивать. Все-таки деньги плачены.

Обо всем позабыл Тимофей, испытывая чувство сладкого облегчения, но радость его быстро прошла. Что делать с Димкой? Наверное, он ничего не знает, ни о чем не догадывается.

«Что-то будет?» — беспокоился Тимофей, возвращаясь в кабину и оглядываясь на узенький эллипс люка, видневшийся в глубине кольцевого коридора. Начинало светать.

Перешагнув порог, Тимофей закрыл за собой овальную с плотными прокладками дверь. Очень странная конструкция. Но воздуха здесь много.

Он боялся представить себе ту минуту, когда рано или поздно Димка посмотрит в люк круглыми, расширенными от страха глазами, побледнеет, зашатается. И, стараясь казаться беспечным, Бабкин спросил:

— Помнишь, мы с тобой радиозонды монтировали?

— Пустая работа, — отозвался Вадим. — Собираешь прибор на совесть, монтаж чистенький, прямо загляденье. А все ни к чему. Взлетит игрушка, ска-

жем, под Киевом, поработает несколько часов и зате-ряется где-нибудь в Арктике.

Вот уж невпопад спросил Тимофей. И, чтобы опровергнуть невеселый Димкин прогноз, сослался на свой практический опыт:

— Не слышал насчет таких рекордов... Арктика — это слишком далеко...

— Ну еще того лучше, — перебил его Вадим. — Шары поднимаются на три-четыре десятка километров, потом лопаются. И лётят вверх тормашками наши передатчики, батарейки и всякая другая техника.

— Не всегда они разбиваются, — попытался возразить Тимофей и, чтобы не продолжать неуместного сейчас разговора, вынул из кармана приемник. — Что-то он у меня последнее время дурить начал.

Он щелкал переключателем диапазонов, настраивался то на музыку, то на разноязычную речь, а сам думал, что Димка может себе представить, будто «Унион», достигнув стратосферы, лопается и тоже летит «вверх тормашками». Бабкин знал, что первая конструкция Пояркова испытывалась не один раз. Но Димка может перепугаться. А что? Почему бы и нет? Скажешь ему — и он живо вообразит себе катастрофу. Страшный треск, над головой лопается металлическая оболочка. Опускается пол, уходя из-под ног, тело повисает в пустоте. Мучительные долгие секунды... Вот уже близко земля. Мгновение — и...

Издали послышался грохот открываемого люка. Так и есть. Димка выбрался из центральной кабины и каким-то образом нашел второй люк. Неужели он знал о нем раньше?

Бабкин побежал по коридору. В светящемся круге люка темнела Димкина курчавая голова. Лежа на животе, он смотрел вниз. Подобравшись ближе, Тимофей, затаив дыхание, ждал, что будет дальше.

Летающая лаборатория проплывала над землей сравнительно на небольшой высоте, пятьсот-семьсот метров.

Солнце выглянуло из-за холмов. В тающем утреннем тумане стали уже заметными тени одиноких деревьев, лежащие на желтом ковре из цветов одуванчика и сурепки. Там, где одуванчики отцветали и становились пушистыми, появлялись белые пятна, казалось, что внизу проплывает огромная сковорода с яичницей. Тимофей проглотил слюну. Хорошо бы позавтракать.

Димка обернулся, на губах его застыла жалкая, растерянная улыбка.

Так и знал Тимофей. Он предупредительно поднял ладонь:

— Только без паники!

Лицо Вадима покрылось красными пятнами. Он отвернулся. Да что там говорить! Страшно. И не только за себя, но и за Тимку. Конечно, это и есть летающее зеркало, о котором Тимофей не хотел вспоминать. Значит, здесь нет никакого пилота. Как же тут не беспокоиться?

Все это Димка хотел сказать честно и откровенно, но слова Бабкина задели за живое. Ну что ж, Тимофей Васильевич, посмотрим. Преодолевая холодный, до озноба, страх, Вадим приподнялся на локтях и спустил ноги в люк. Тимофей замер от неожиданности, хотел удержать его, но поздно. Димка уже добрался до последней перекладины и сел.

Глядя, как под ним проплывает земля, Вадим старался не думать о своем незавидном положении. Он переборол страх, теперь спокойно, как, вероятно, кажется Тимке, сидит себе на тонкой жердочке и с высоты своего величия посматривает вниз.

Земля казалась прекрасной, утренне-свежей, умытой росой. Сквозь густые леса бежала прямая и блестящая, как река, автомагистраль Киев — Житомир. Проплывали хутора, окруженные взбитой розовой пеной вишневых садов. У дорог тянулась кайма желтых цветущих акаций. Ярко-красные мальвы жались к белым стенам хат.

Вполне понятно, что все это не так подробно и четко различалось с высоты, но воображение Вадима смело дорисовывало картину.

Впереди горы облаков, местами похожие на ледяные торосы, окутанные туманом. А вон там — сказочная голова в остроконечном шлеме и рядом — Руслан на коне. Еще дальше — снежные ворота, внизу ущелья, и провалы, и перекинутые через них узорчатые мосты.

Из облачной глубины выплыли огромные руки в пушистых рукавицах, они тянутся вверх, точно хотят поддержать тонкую лесенку, где сидит Вадим. Надо подняться наверх. Тимофей беспокоится. Пора и честь знать.

Сидя возле люка, друзья обсуждали конструкцию

«Униона», но Бабкин, занятый своими мыслями, делал это неохотно.

— Заскучал Тимка! — с наигранной бодростью воскликнул Вадим. — Вот уж не ожидал! — И, заметив, что Бабкин раскачивается на шнурке ботинок, спросил удивленно: — А где же другой?

Тимофей молча указал глазами на люк.

— Дома тебе достанется, — все так же весело проговорил Вадим. — Ты что же, нарочно его выбросил? С запиской?

— Нет, случайно.

— Зря. — Вадим взял у Бабкина карандаш и быстро написал несколько строк на листке из блокнота. — Надеюсь, не понадобится? — спросил он, потянув за шнурок ботинка. — Да не жадничай.

Неподалеку от какого-то селения ботинок с запиской на шнурке был сброшен. Он закувыркался в воздухе и, превратившись в точку, исчез.

Бабкин безнадежно посмотрел на люк, потом сдвинул кепку на лоб и почесал в затылке.

— Низко. Очень низко...

— Вот и хорошо, — отозвался Вадим. — Возможно, что кто-нибудь увидит, как отсюда сбросили вымпел, то есть твою желтую туфлю. Пошлют телеграмму, и все будет в порядке.

— «В порядке, в порядке», — разозлился Бабкин. — Да знаешь ли ты, что у Набатникова могут сорваться все испытания? Видишь, как низко летим, никак подняться не можем. С таким грузом через горы не перелезешь.

Внизу показалась река. Отраженный от воды золотой зайчик ворвался сквозь люк, заметался на ребристом потолке и улетел обратно.

Проплывали леса, луга, пашни. Часто встречались села, деревушки, хутора. Иной раз в круглой рамке люка появлялся городок и не спеша уползал в сторону.

Бабкин родился и долго жил в деревне. В отличие от Димки, выросшего в городе, он смотрел на поля привычным глазом знатока. Даже с высоты пятисот метров Тимофею казалось, что он сможет определить, насколько хороши посевы, различить, где что растет, и не спутать подсолнух с кукурузой. На колхозных улицах видел он еще не успевшие потемнеть столбы, разбежавшиеся в стороны от недавно построенной электро-

станции. Столбы совсем маленькие, похожие на спички. Такими же крохотными были видны срубы новых домов, напоминающие спичечные колодцы, какие Тимофей строил в детстве.

Думалось о Девичьей Поляне, ставшей теперь родной. Вот похожая на нее деревня. Белые домики, двухэтажный клуб. Скамейки стадиона светятся золотом свежееобструганного дерева. Опытным глазом Тимофей определил богатство колхоза. Конечно, до Стешиного далеко. Но тоже неплохо: тракторы и машины, там кирпичный завод, у реки стадо на водопое, за рекой огороды и незнакомые Тимофею кубические каркасы с натянутыми, как струны, проволоками. По ним ползли вьющиеся растения вроде дикого винограда. «Наверное, хмель», — догадался Тимофей.

В стороне бежала длинная тень. Солнце стояло невысоко, и тень «Униона» была похожа на узкую лодку. В полдень она превратится в круг. Летающий диск! Но разве можно было узнать его в темноте, со всех сторон до самой земли закрытого брезентом? Вход в центральную кабину тоже перестроили. Раньше была высокая причальная мачта с внутренней винтовой лестницей. А теперь диск чуть приподнят над землей. Вполне вероятно, что после всех этих переделок он испытывается впервые. Стоит сейчас конструктор Поярков возле записывающих приборов и глазам своим не верит, почему «Унион» не поднимается выше. Тимофей готов был выбраться из люка, только бы освободить диск от лишней тяжести.

— Помнишь, модель диска я видел у Пичуева? Значит, и «Унион» такой же? — с искренним интересом спросил Багрецов. — Ведь еще Циолковский придумал цельнометаллический дирижабль. Объем его изменялся.

— Ну и здесь так же. — Тимофей взял у Димки записную книжку. — Не знаю, как сейчас, но раньше диск был такой, — он начертил эллипс, похожий на огурец. — Как у стратостата, объем его на высоте увеличивается. Внутри есть специальные рычаги, они могут удлиняться и укорачиваться. Тут центральная кабина, от нее по радиусам идут трубы, то есть внутренние переходы, они пересекаются кольцевыми коридорами.

— Погоди, — прервал его Багрецов. — Стягивающие рычаги, наверное, все время движутся. Диск

вроде как дышит. Газ от солнца нагревается, а ночью охлаждается. Вот я и думаю: чтобы диск не мотался вверх и вниз, рычаги это дело регулируют. Он дышит как огромная жаба. Раздуваются жабры...

— Поздравляю. У жабы — жабры...

— Не придирайся. Просто рифма подходящая попалась.

Тимофей включил приемник. Послышались характерные прерывистые сигналы, бульканье, хрипение... Похоже, что заработала телевизионная установка. Во всяком случае, этот хрип напоминает ее работу. А вот и знакомый ЭВ-2. До чего же четки и надежны его сигналы, звонкие, как у хронометра...

Вот еще какое-то рычание, писк, далекая пулеметная очередь. И вдруг сигналы затихают, только слышно шипение и легонький треск.

Бабкин посмотрел на часы. Слишком рано выключился передатчик.

— Тимка! Авария! — закричал Багрецов и сразу же полез под аккумуляторный каркас.

Там вновь засветилась банка, затрещали искры. Короткое замыкание! Еще немного — нагреется вся батарея, начнут разрушаться пластины. Радиостанция, аппараты, все, ради чего создана эта летающая лаборатория, перестанут работать, а главное — как ее тогда посадить на землю, если радиоуправление не действует?

Это уже вторая испорченная банка. Как они сюда попали? Умышленно или по халатности?

— За такие вещи убивать надо, — стиснув зубы, хрипел Тимофей. (Гайка опять не отвинчивалась.) — Найти бы мне этого молодца. Задушил бы собственными руками.

С трудом отвинтив гайку, Бабкин освободил кабельный наконечник и случайно выпустил его из рук. Наверху что-то затрещало. Тимофей мгновенно поймал наконечник, стал подсовывать его под гайку другой аккумуляторной банки, но мешала искра, она прыгала, слепила глаза.

— Оставим так, — посоветовал Вадим. — А то еще хуже будет.

От этой группы аккумуляторов работали лишь несколько метеоприборов и телекамера, чтобы наблюдать за облаками. Пусть аккумуляторы остынут, отдохнут, а потом их можно будет включить опять.

— Уф! — облегченно вздохнул Бабкин, вылезая из под каркаса. — Ну и работка!..

Стоя на коленях, Багрецов прислушивался. Не трещит ли еще где искра? Не испортился ли аккумулятор в другой группе? Ведь таким образом их все можно потключать. Что же тогда будет? Тяжело поднявшись с коленей, он вдруг почувствовал противную слабость, растекающуюся по всему телу. Минуту стоял неподвижно, затем переборол себя и вновь прислушался. Никаких посторонних звуков. Монотонно постукивали реле, жужжали моторчики. Лаборатория работала нормально.

Сильный ветер гнал диск к югу. Проплывали степи Херсонщины, Днепр сверкнул голубизной. Посреди реки — пароходик, сверху казавшийся игрушкой. Бумажные корабли пускают ребятишки — проплывет немножко, намокнет и утонет. Дурные мысли, от них не отвяжешься. «Хорошо бы, нашли записку в Тимкином ботинке.. — мечтал Вадим. — Или Римма догадалась, что мы не могли уехать. Да, но самое главное: ведь она должна передать мою записку Нюре. Там ясно сказано, что мы еще увидимся. А в общем, надежда слабая. Воля случая или помощь добрых фей. Тимка, конечно, не верит в случайности, не верит и в добрых фей. Кстати, хорошо рифмуется: «Надуваясь, мимо фей ходит гордый Тимофей...»

Прошло два часа, и вдруг почему-то стало совсем темно, точно люк закрыли. Нет, это синяя густая мгла повисла над землей. Неужели гроза? Раскаты грома доносились издалека, как гул приближающейся бомбардировки.

Диск постепенно притягивался к нижней кромке грозовой тучи. Куда же она его занесет? Резкий толчок заставил Вадима крепко уцепиться за крышку люка.

Неожиданный вихрь закрутил, завертел диск, как оторвавшийся от дерева листок. Казалось, что диск вот-вот ударится о землю или переломится пополам, вроде лепешки.

Оглушительный треск. В люке блеснула молния. За ней, изогнувшись вопросительным знаком, появилась другая, плотная, осязаемая, точно раскаленная полоса толщиной в руку.

Вадим на мгновение позабыл о страхе. На земле не очень уж много людей, видевших молнию так близко.

Снова грохот. Еще немного — и молния ворвется в люк, помчится дальше по коридору...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ней рассказывается о других хороших людях. Хотелось бы им устроить счастье, да пока ничего не получается. Потом с ними встретится Римма. Все ею любуются, но автору Римма не нравится, в чем он и признается чистосердечно.

ного было друзей у Багрецова. С одним из них, самым близким, он сейчас путешествовал над землей, а другие, более счастливые, уверенно ступали по ней и не подозревали, что наверху творится. Но возвратимся немного назад.

Бабкин всегда оберегал Димку от пустых увлечений, почти к каждой его знакомой относясь настороженно. Только Нюра Мингалева пользовалась его симпатией, и, может быть, потому, что в данном случае беспокоиться нечего, Димка в полной безопасности. Они просто друзья.

Странная, конечно, дружба. Работали вместе, но очень недолго: Нюра — аккумуляторщицей на испытательной станции у Павла Ивановича Курбатова, а Вадим вместе с Бабкиным приезжали туда в командировку устанавливать контрольные приборы.

Не всем девушкам удастся жизнь. Не все они бывают счастливы. Так и с Нюрой. Училась мало, нянчила чужих ребят. Надоело. Кончила курсы электриков и уехала в пустыню на испытательную станцию. Страдала от неразделенной и даже невысказанной любви к своему начальнику и считала себя самой несчастной в мире. Потом было еще хуже. Студент-практикант Жорка Кучинский (о нем ни Багрецов, ни Бабкин до сих пор не могут говорить спокойно) подбил Нюру достать образец фотоэлементной ячейки — тогда уедет аспирантка, в которой Нюра видела свою соперницу.

Вся эта история всплыла наружу, пришлось уехать. Не могла Нюра смотреть в глаза любимому человеку, да и другим честным людям. До конца жизни запомнит она этот урок, запомнит и Багрецова — он больше всех из-за нее страдал.

Нюра возвратилась к тетке, в маленький городок Запольск. Поступила в заочный электротехнический институт, а подыскать себе подходящее место, где бы могла применить свои знания и кое-какой опыт, полученный на испытательной станции, не сумела. В городе не было ни лабораторий, ни заводов. Устроилась на авторемонтной

базе, где чинила автомобильные и тракторные аккумуляторы. Постепенно стала свыкаться с новой работой, но вот умерла тетка, ребятишки подросли, их взяли в детдом, Нюра осталась одна, ходила по опустевшим комнатам, в слезах засыпала, просыпалась со слезами. Не скрыла этого от Багрецова, написала.

Примерно через месяц на имя Анны Васильевны Мингалевой пришло официальное приглашение от Курбатова — начальника новой фотоэнергетической лаборатории, находящейся возле деревни Высоково Орловской области. Нужны были опытные работники на аккумуляторную подстанцию. Так вот, не желает ли товарищ Мингалева приехать в Высоково. Комната в общежитии сотрудников, подъемные и все прочее будет обеспечено.

Как ни хотелось Нюре поехать, но пришлось ответить вежливым отказом. Не могла она вновь встретиться с Курбатовым — рана еще не зажила, — не могла еще и потому, что вместе с ним работала аспирантка Лидия Николаевна Михайличенко. Видеть их рядом — одно страдание.

Получив отказ, Курбатов развел руками. Как можно пренебрегать столь заманчивым предложением. Впрочем, кто этих девиц поймет?

Нюра и не предполагала, что по просьбе Багрецова сама Михайличенко заинтересовалась ее судьбой. Как-то однажды в лабораторию Курбатова приехал Дерябин. Нельзя ли, мол, попробовать мощные курбатовские плиты в «Унионе»? На больших высотах, где нет облаков и туманов, преобразовывая солнечный свет, они могли бы служить надежным источником энергии, что впервые было блестяще подтверждено во время полета спутников и космических ракет. Солнечная батарея Курбатова, построенная на совершенно новом принципе, могла дать значительную энергию — ведь поверхность «Униона» огромна. Это не спутник.

Тут же Борис Захарович спросил, нет ли у Курбатова лишнего лаборанта или техника, знакомого с фотоэнергетикой? Может быть, отпустите? Отпустить было некого — сами приглашали. Михайличенко посоветовала пригласить Мингалеву. Она знает не только курбатовские плиты, но и новые ярцевские аккумуляторы. Хорошая лаборантка. Учится. Возьмите — не пожалеете.

Поскольку «Унион» решили переоборудовать на одном из киевских заводов и некоторые приборы для него уже испытывались в НИИАПе, то именно здесь и целесо-

образнее всего продолжать работу с курбатовскими плитами, на чем особенно настаивал Медоваров.

Нечего было терять Нюре в городке, где она прожила несколько лет. Работа скучная, друзей почти не осталось. Все разъехались.

На запрос Медоварова Нюра ответила согласием, собрала нехитрые свои пожитки и приехала. Так началась ее новая жизнь.

Всем своим существом, как тростинка к солнцу, Нюра тянулась к знаниям. Вначале она занималась привычной работой с аккумуляторами. Они были разные: ярцевские стационарные, ярцевские сухие и облегченные.

Но вот Курбатов прислал новые образцы мощных фотоэнергетических плит. Руководителя лаборатории, где работала Мингалева, они нисколько не вдохновляли. Запираясь в своем кабинете, он иступленно строчил кандидатскую диссертацию. Товарищ Медоваров слезно просил «подтянуть хвосты», чтобы к началу бюджетного года все научные сотрудники, сдавшие кандидатский минимум, защитили диссертации. Надо бороться за сто-процентный охват! Все должны быть кандидатами! Все на штурм крепостей науки!

Так и получилось, что руководитель лаборатории «штурмовал», а Нюра работала. Хорошо, что приехал Борис Захарович. Как представлялось Нюре, он был знаком с любой техникой, чувствовал ее и знал в совершенстве. Он многому научил Нюру, раскрыл перед ней связь, казалось бы, самых далеких друг от друга наук, чтобы знала она не только, как измерять плотность электролита или как проверять чувствительность фотоэлементов, но и понимала бы существо, душу многих радиотехнических приборов.

В синем шоферском комбинезоне Нюра поднималась на диск. Осматривая каждую фотоэнергетическую плиту, ласково поглаживала их, думая о том, что к этим золоченым зеркалам прикасался Павел Иванович, что еще не остыло на них тепло крепких мужских ладоней.

Нюра грустила. Молодые научные сотрудники и летчики-испытатели звали ее «царевной-несмеяной» или попросту «неулыбой».

Проходили месяцы. Нюру Мингалеву влекли испытания новых радиозондов и других метеоприборов, она научилась принимать на слух их скупые сигналы, расшифровывать записи на ленте и следить за экранами осциллографов.

Что-то было привлекательное в этой девушке. А что — неизвестно. Багрецов как-то попробовал совершенно объективно оценить ее внешность. Маленькая, с узкими плечами, острыми локотками... Темные небольшие косы, уложенные в незатейливую прическу... Ну что еще? Открытые, чуточку испуганные глаза, широкие брови, подетски упрямо очерченный рот... Вообще похожа на школьницу, хотя она и Димкина ровесница — двадцать четыре года.

Давно не виделись, и он попросил Ньюру прислать ее последнюю фотографию. Увидел — и сердце защемило. Почему, непонятно. Вот тогда-то он и стал взывать к объективности. Да, действительно, ничего особенного. Прослушал ее голос, записанный на магнитофоне, — и вновь нахлынула волна нежности. Необъяснимое явление.

Но был другой человек, которому подобное явление казалось вполне закономерным. Он не рассматривал Ньюриных фотографий, не слышал ее голоса на магнитофоне. Да и зачем, если она рядом, здесь же в институте, но очень, очень далекая...

Это было в пятницу, накануне отлета «Униона». Ньюру вызвали на завод с просьбой подписать какие-то бумаги, связанные с приемкой дополнительных деталей, установленных в «Унионе». Здесь она встретила с Поярковым. Вышли с завода вместе, в институт уже ехать незачем — скоро конец работы. Серафим Михайлович предложил пройтись по улицам.

Зашли в Софийский собор, посмотрели древние фрески. побывали на Аскольдовой могиле. Спускался вечер.

Ноги не слушались, хотелось присесть отдохнуть, и Поярков пригласил Ньюру в ресторан.

— Здесь недалеко. Видите? — он указал на белую ажурную изгородь среди зелени. — Лучшее место. А вид какой! Вы там бывали?

— Никогда в жизни.

В районном городке ресторанов не было. Здесь, в Киеве, знакомые приглашали Ньюру, но она стеснялась, считая, что рестораны не для нее, а для людей постарше.

— Не знаю, удобно ли? — Ньюра критически осмотрела свое простенькое платье.

Но Серафим Михайлович убедил ее, что лучшего и желать нельзя, платье изящное и, главное, очень идет ей.

Этот вечер Ньюре запомнится надолго. Столик выбрали у самого края — внизу крутизна и Днепр. Под

ногами похрустывал песок. Можно было протянуть руку и сорвать листок боярышника.

Оранжевый свет настольной лампы падал на лицо Пояркова. Он казался загорелым и совсем молодым.

Возле эстрадной раковины на дощатой площадке танцевали. Но вот замолк оркестр, и в наступившей тишине защелкали соловьи. С того берега слышалась музыка, работали громкоговорители, а соловьи заливались на разные лады.

— Все, все надо бы выключить. Пусть и оркестр отдохнет часок, — восторженно заговорил Поярков. — В первый раз таких мастеров слышу. А вы?

Рассеянно перебирая уголки салфетки, Нюра не отвечала. Зачем она согласилась прийти сюда? Соловьи, цветущая акация — запах ее доносил теплый ветерок, — речные огни, звезды, шелест лип и каштанов... А рядом человек, которому ты, очевидно, нравишься, но которого никогда не полюбишь. Говорят, что он умен, талантлив. Ну и пусть. Нюра боялась не только его любви, но и дружбы. Это не Димка Багрецов, с тем просто, а здесь совсем другое. Иногда ей казалось, что скучает, если долго не видит Пояркова, часто думает о нем. Но тут обжигало острое чувство: а как же Павел Иванович? Она все реже вспоминала о Курбатове, но ведь это была первая любовь, и Нюра берегла ее как самое дорогое в жизни.

Именно потому при каждой встрече с Серафимом Михайловичем Нюра настораживалась, и его обычное дружеское пожатие руки казалось ей чем-то оскорбительным.

И в то же время Нюра ощущала в себе неясную женскую жалость, что удерживала ее рядом с Поярковым, человеком одиноким, замученным волнениями и неудачами. Он молод, а уже частенько пошаливает сердце. Иной раз выйдет из кабинета, где поспорит, поссорится с кем-то, — ну прямо смотреть страшно. Как уберечь его? Как сохранить его беспокойное, упрямое сердце и светлую мысль?

С тех пор как Поярков приехал в институт, прошло три месяца, и, может быть, только сегодня, когда все уже готово к отправке «Униона», Серафим Михайлович позволил себе немного отдохнуть.

Он задумчиво поворачивал бокал с вином, где пробежали и дробились золотые искорки.

— Но, откровенно говоря, Нюрочка, я все еще не ве-

рю, что работа закончена. Я как во сне... И этот вечер, и Днепр, и все... Какая-то невыносимая для меня обстановка... Все нереально!

— А я? — робко улыбнулась Нюра.

— Да и вы, конечно. Разве я мог себе представить, что вот так, рядом со мной... — Глядя на Нюру сияющими глазами, Поярков слегка дотронулся до ее руки.

Нюра убрала руку, словно для того, чтобы поправить волосы.

— Объясните мне, Серафим Михайлович, неужели у всех изобретателей должна быть тяжелая жизнь? Вечно им кто-то мешает, или, как говорится, ставит на пути рогатки. Неужели с этим нельзя покончить?

— Нельзя. Ведь изобретатели и изобретения бывают разные. Предположим, я придумал усовершенствовать вот эту лампу, — Поярков приподнял ее над столом. — Приделал бы сюда несколько самоварных кранов. Один отвернешь — польется чай, из другого — кофе, из третьего — вино. Счетчики можно приспособить, чтобы знать, сколько платить за выпитое. Мне даже авторское свидетельство могут выдать, если никто еще не подал заявки на такое изобретение. Потом я начну за него бороться. Каждого эксперта, хозяйственника, любого здравомыслящего, ставшего на моем пути, начну крестить «бюрократом», «перестраховщиком», «консерватором»... Я представляю себе, коли дать ход таким изобретателям, они могут расплодиться, как головастики, у которых вдруг не оказалось врагов. Все реки и озера заполнились бы лягушками. Весла некуда ткнуть.

— Понятно. Здесь шуки нужны. — Нюра отпила глоток вина и поморщилась. — Но почему же столько врагов у настоящих изобретателей?

— Как и у всех людей, которые идут впереди и прокладывают дорогу. Но не думайте, что всюду засели бюрократы. Ничего подобного! Вот я, например, от них не страдаю. Противники мои всегда пасутся рядом. Например, лентяи, — они тащат изобретателя назад за рукав, погоди, мол, не поспеваем. Трусы боятся, что дорога не туда заведет. А иным попросту не хочется покидать теплых гнезд — зачем продирается сквозь колючки, когда и здесь хорошо?.. Но есть самая страшная категория врагов нового. Это — стяжатели. Немало их и в вашем институте. Они способны угробить любую свежую мысль, если она в какой-то мере может повлиять на их благополучие. И в то же время они будут всеми силами

протаскивать свою или чужую, но сулящую им выгоду, худосочную мыслишку.

— Тут вы пристрастны, Серафим Михайлович. Грамотных людей у нас достаточно. Разберутся.

Поярков оглянулся — соседние столики были пусты — и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Конечно, разберутся. Но ведь для этого нужно время. А жизнь бежит, техника совершенствуется. И пока мы тут согласовываем, увязываем, подбираем обтекаемые выражения, чтобы отвергнуть эту никудышную мыслишку, глядь — и вся конструкция уже устарела. Начинай строить сызнова. Когда мы стали переделывать «Унион», я чуть с ума не сошел. Впрочем, «Унионом» нашу летающую лабораторию мы потом назвали.

— «Унион» — это значит союз?

— Да, но мы предполагали другое. «Универсальная, ионосферная». Ун-ион. А получился действительно «союз». Союз наук. Но пока он создавался, пришлось немало крови попортить. Физики требуют одно, астрономы другое, метеорологи третье. Я иду на уступки, а технологи противятся. Ругаюсь с Набатниковым, с Борисом Захаровичем, с механиками — со всеми. Но я же знаю, что каждый из них ратует не за себя, а за ту отрасль науки, которую он представляет. Спорили, спорили, наконецладили. Работа закончена, но вдруг из главка приходит письмо с просьбой испытать в иллюминаторах какую-то «космическую броню». Указывается на важность этого дела, и тут же прилагаются рекомендации ученых, о которых я в первый раз слышу. На другой день получаю еще одно коллективное письмо, подписанное химиками, оптиками и даже профессором-селекционером. Я было заартачился, но товарищ Медоваров намекнул, что со старыми стеклами «Унион» вряд ли будет принят комиссией, что они якобы мутнеют от космических лучей. Если я не верю, то он может запросить специальный институт, откуда ему вышлют соответствующие протоколы...

Как бы опомнившись, Поярков удивленно посмотрел на Нюру:

— Пойдите, Нюрочка. А зачем я вам это рассказываю?

— Очень хорошо. Прошу вас. Тут есть что-то общее с другой историей.

— Но кончилась она благополучно?

— Для меня не очень. — Нюра отодвинула бокал. — А как поступили вы?

— Смалодушничал. Неудобно, говорят, обижать изобретателя. А кроме того, хотелось поскорее поднять в воздух свою новую конструкцию. Да, да, по существу новую. От старой остался лишь принцип да каркас. А спор с Медоваровым для меня не был принципиальным. По прочности «космическая броня» мало чем отличалась от обычного органического стекла, что меня вполне устраивало. К сожалению, из-за этой чепуховой брони полет «Униона» пришлось отложить на три дня. А сколько бывает таких случаев? Дни составляют месяцы, годы. Имеем ли мы право их терять?

— Борис Захарович называет вас «торопыгой», — невесело проговорила Нюра. — Вы не ходите, а бегаєте. Целый день ни минутки покоя. Вы спите когда-нибудь?

— Проклятая привычка, — рассмеялся Поярков. — Мне тридцать лет. Из них я проспал десять. Восемь часов в сутки! Да ведь это же расточительство! Сейчас я сплю меньше — хочу многое успеть. Помню, когда учился на слесаря, то не раз заходил в другие цехи, и такая жадность меня обуяла, что я решил стать не только слесарем, но и токарем и фрезеровщиком. Я хотел знать все станки, уметь обрабатывать любой материал. И я добился своего. Вместе с ребятами строил разные модели, так и научился постепенно. Вот посмотрите. — Поярков вынул из бумажника фотографию и передал ее Нюре. — Самая первая модель летающего диска. Сделана из алюминия собственными руками лет десять тому назад. Но, конечно, она никогда не летала.

Нюра рассматривала фотографию и, зная радость рабочих рук, могла понять гордость Пояркова. Ведь она и сама кое-что умела: перематывать обмотки моторов, паять, исправлять выкрошившиеся пластины аккумуляторов, собирать их, делать комнатную проводку, чинить электроплитки и утюги. Все это было сейчас не нужно в лаборатории. Но разве Нюра могла кому-нибудь доверить собрать испытательную схему или починить испортившийся вольтметр?

Возвращая фотографию, Нюра спросила:

— Скажите, Серафим Михайлович, неужели, кроме вот этого, — она указала взглядом на снимок, — у вас нет другой жизни? В театрах не бываете, в кино...

Подвигая к Нюре икру в банке со льдом, Поярков весело ответил:

— Грешен, Нюрочка, не бываю, довольствуюсь телевизором. Но не думайте, что я такой уж сухарь и де-

ляга. Что бы там ни случилось, но с двенадцати ночи и до двух я читаю. Вы знаете, сколько я выписываю газет и журналов? Около тридцати. И не думайте, что это все узкоспециальные издания. К ним я отношусь очень настороженно, как и вообще к узкой специализации. Ведь если так дальше пойдет, то, скажем, один молодой инженер будет знать только гайки, а другой — болты. И каждый из них станет читать только свой журнал...

Поярков досадливо поморщился и указал взглядом на середину зала:

— А вот и ваша ученица.

В проходе между рядами столиков, гордо вскинув голову с модной прической, шла Римма. Сквозь прозрачную нейлоновую кофточку можно было видеть ее округлые загорелые плечи и спину. На груди в кружевном рисунке поблескивали, как светлячки, маленькие граненые стекляшечки. Вот Римма вступила на танцевальный квадрат, освещенный прожектором, и стекляшечки засверкали как бриллианты. Туго обтягивающая клетчатая юбка, зеленые туфли на модном каблучке — все это подчеркивало, что Римма никак не хотела походить на других.

За ней смущенно двигался молодой летчик Петро Охрименко. Он не привык к своему штатскому костюму, сидевшему на нем мешковато. Широкие брюки, богатырские плечи, полосатенькая рубашка с черным галстуком казались рядом с Риммой чересчур старомодными. Да и сам Петро, с добродушным широким носом, белесыми кустиками вместо бровей и девичьим румянцем на щеках, никак не походил на ресторанных завсегдатаев или тем более «полотеров», как иногда называют рассерженные официанты неких молодчиков, пришедших в ресторан не ужинать, а только танцевать. Петро любил хорошо поесть, а танцы ненавидел. Римма же любила и то и другое.

— Яка приятна встреча! — воскликнула Римма, и Петро поморщился: он не любил, когда коверкали его родной язык. — Анна Васильевна? Вот уж не ожидала! Ведь я никогда вас здесь не видела.

Она поздоровалась с Серафимом Михайловичем. Он очень холодно ответил на приветствие и сразу обратился к Петру:

— Завтра летишь по тому же маршруту?

Нюра вежливо предложила Римме стул, но мужчины,

видимо, не хотели сидеть за одним столом: Поярков надеялся продолжить интересный разговор с Ньюрой, а влюбленный Петро пока еще не успел даже словом перекинуться с Риммой. Правда, она этого и не жаждала, гораздо интереснее пококотничать с Серафимом, а возможно, и потанцевать. Ведь Петро увалень, его с места не стащишь.

Пока мужчины стояли и обсуждали какие-то свои дела, Римма высокомерно оглядывала присутствующих, потом, видимо вспомнив о Ньюре, похвалила ее скромное платье.

— Неужели сами сшили, Анна Васильевна?

— Как всегда.

— Я бы на вашем месте зараз плюнула на лабораторию. Чуете, яки гроши портнихи получают?

Нюра только пожала плечами. Глупенькая девочка. И зачем она, не зная украинского языка, так снисходительно им кокетничает? Модно это, что ли?

Вдруг лицо Риммы перекоксилось от злобы.

— Ух, как я ее ненавижу!

— Кого?

Римма наклонилась к Ньюре.

— Вон ту воблу крашеную. Рядом с оркестром сидит. Задается страшно. На танцплощадку придет — то сумка новая, то лодочки. А сейчас такую же, как у меня, кофту напялила. Определенно назло. Ничего, скоро встретимся, я для нее такую пилюлю припасла! Валерьянкой будет отпаивать.

— Риммочка! — окликнул ее Петро. — Твой любимый столик освободился. Пойдем скорее.

Поярков сердито посмотрел им вслед.

— До чего же мы слепы бываем! Петро — и рядом это ленивое, равнодушное существо. Извините, но я нечаянно услышал, что она кого-то ненавидит. Неправда. Откуда у нее человеческие чувства? Любовь? Ненависть? Абсолютный вздор!

Нюра рассердилась, что бывало с ней довольно редко, и резко отодвинула тарелку.

— Мне странно и, откровенно говоря, неприятно слышать, как вы отзываетесь о моей подруге.

— Не может она быть вашей подругой.

— Все равно. Ведь вы говорите о девушке. Пусть она не очень умна, со своими слабостями, недостатками. Но она ничего не сделала дурного.

— И хорошего тоже. Петро жаловался, что она все

вечера проводит на танцплощадках. Знаю я таких девиц. Да разве к ним можно относиться с уважением? Абсолютная пустота, никакой движущей идеи, стремлений. Это очень страшно. Поверьте, Нюрочка, что такие люди могут принести гораздо больше вреда, чем самые отъявленные враги... Приглядитесь к ней и, если не поздно, помогите.

Римма танцевала в каком-то странном замедленном темпе, далеко отставляя назад красивые, хотя и полные ноги. Ее партнер, хлыщеватый молодой человек, изрядно подвыпивший, не выпускал изо рта сигарету.

— Ну зачем она с ним пошла? Ведь это же Семенюк, то есть наш милый Аскольдик, — говорил Поярков, наблюдая за танцами. — Как мало эта девица ценит свое достоинство!..

И Нюре было за нее обидно. Петро нетерпеливо ждал Римму за накрытым столом, но она после каждого танца лишь проглатывала пирожное и вновь обнимала то одного, то другого партнера.

Петро хмурился, рассеянно позвякивая ножом по тарелке. К нему подбегал официант: «Что прикажете?» Петро отвечал: «Пока ничего» — и, опять забывшись, стучал по тарелке.

Сочувствуя ему, Нюра злилась. Ведь это просто непорядочно. Она видела, как Римма заглатывает пирожные и потом долго облизывает пухлые губы. В этом было что-то неприятное, чересчур биологичное. В чем-то был прав и Серафим Михайлович. Все это невольно заставляло сравнивать Римму с другими девушками, они тоже пришли сюда повеселиться и потанцевать. Римма была ярче и заметнее всех, но не хватало ей того подчас неуловимого женского обаяния, что делает прекрасными очень простые незаметные лица.

Нюра не ошибалась: таких девушек здесь было много, но если бы спросить Пояркова, кто из них самая лучшая... Впрочем, и так все ясно...

Рыжая кошка потерялась о ногу. Серафим Михайлович сделал маленький бутерброд.

— Иди, рыжая! — бросил ей и виновато улыбнулся. — Обожаю всякую тварь.

— Все хорошие люди любят животных.

— Вероятно. Но в меру, не забывая людей.

Зря Нюра сказала о хороших людях. Он мог бы принять это на свой счет, вроде комплимента. А она ничем не должна показывать, что Серафим Михайлович нра-

вится ей, лучше подчеркивать равнодушие. Так будет спокойнее.

Кошка встала на задние лапы, как собачонка. В первый раз Нюра увидела, что кошка служит. Это было смешно. Поярков обрадовался, услышав Нюрин смех, старался изо всех сил, чтобы веселье это не угасло. Уговорил ее потанцевать. Потом заставил выпить глоток вина, потом другой, за успех испытаний, и Нюра не имела права отказаться.

Так прошел вечер — весело, непринужденно. Серафим Михайлович хотел проводить Нюру на такси, но она категорически отказалась.

— Поедьте автобусом, Серафим Михайлович. Мне так больше нравится.

И, сидя с ним рядом у окна, Нюра с ужасом вспомнила, что вела себя как легкомысленная девчонка, будто никогда не делала никаких ошибок, никого не любила и нет на свете Павла Ивановича.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как ни старался автор поменьше рассказывать о технике, все же пришлось уделить и ей внимание. А произошло это потому, что уважаемый конструктор «Униона» С. М. Поярков и не менее уважаемый инженер Б. З. Дерябин постоянно спорят.

Иногда еще сотрудники НИИАПа не видели столько новейшей аппаратуры. Ее привезли из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, кое-что было сделано на киевских заводах. Медоваров сожалел, что все это богатство заберут отсюда, как только «Унион» опустится на ракетодроме Ионосферного института, где начнутся основные испытания этой странной конструкции.

Медоваров видел в ней обычную летающую лабораторию, которую по прихоти Пояркова раздули до непомерных размеров. Американцы делали шары побольше. А главное — из полимеров. Вот это прогресс! Мы тоже кое-чего добились, но не всех к таким делам допускают.

— Везет же людям, — жаловался Толь Толич друзьям. — Сколько институтов для космоса работает! Сколько организовано специальных пунктов, чтобы вести наблюдения! А я у начальства чуть ли не в ногах валялся,

просил и нам записать это дело в план. «Нет, — говорят, — профиль у вас не тот. Подождем реорганизации».

Единственно, что разрешили НИИАПу, — это принять участие в установке приборов на экспериментальной конструкции «Унион» и оборудовать временный пункт контроля и управления. Работа внеплановая, не очень срочная. Можно доверить и такой организации, как НИИАП. Авошь справятся.

Толь Толич обиделся, но возражать не стал. И то хлеб, особенно когда встал вопрос о реорганизации. За последнее время наверху стали поговаривать, что в НИИАПе недостаточно занимаются работами, имеющими практическое значение. Сигнал серьезный.

И Медоваров с присущей ему активностью и многолетним опытом хозяйственника быстро переоборудовал конференц-зал НИИАПа под пункт контроля и управления. Из зала вынесли все ряды кресел, поставили длинные столы с аппаратурой, подвели мощные кабели для питания радиостанций, повесили большой телевизионный экран и установили несколько телевизоров поменьше.

У стен, между окон, приютились всевозможные распределительные щиты, шкафы усилителей, ЭВМ. А потому Медоваров вынужден был распорядиться, чтобы сняли все диаграммы, портреты и плакаты, характеризующие научную и общественную жизнь НИИАПа. Лишь один график остался — не поднялась рука снять его. Это «Рост квалификации сотрудников НИИАПа». С момента организации этого высокочтимого учреждения квалификация научных сотрудников неуклонно поднималась вверх. Если десять лет тому назад в НИИАПе было восемь кандидатов, то за последнее время при тех же штатных единицах квалификация сотрудников НИИАПа возросла на четыреста процентов — новые кандидаты и аспиранты подняли кривую роста квалификации на недосягаемую высоту.

Под этой кривой скромненько указывалось, что в Научно-испытательном институте аэрологических приборов больше всего кандидатов медицинских наук, потом экономических, технических и прочих. Все это подкреплялось цифрами. И в самом конце: «Кандидатов педагогических наук — 1». Этой единицей был Анатолий Анатольевич Медоваров. Как это произошло, читатель узнает несколько позже, а сейчас вернемся к главному.

График, как уже было сказано, висел на стене, под

ним стояла старинная, с бронзовыми львами тумбочка, принесенная из кабинета Медоварова. А на тумбочке — аппарат, похожий на осциллограф, с большим прямоугольным экраном, разделенным на частые клетки.

В этой клетке за стеклом, как в террариуме, ползает голубая светящаяся змейка. Змейка показывает высоту, на которой сейчас находится «Унион».

Дерябин змейкой недоволен. Мало того, что в «Унионе» ни с того ни с сего перестали работать некоторые метеоприборы и телекамеры, — начало испытаний вообще нельзя признать удачным. Конечно, неприятно, когда состояние атмосферы для тебя сейчас является загадкой. Ты не знаешь ни давления, ни влажности, ни ионизации воздуха, даже облаков не видишь, но все это пустяки, коли после перестройки диск оказался настолько перетяжеленным, что никак не может подняться до расчетной высоты. Надо признаться, что в сравнении с прежней конструкцией в диске появились новые отсеки с аппаратурой. Но ведь Борис Захарович сделал все возможное, чтобы уложиться в заданный вес.

Сейчас на экране высотомера линия не поднимается выше семисот метров, хотя при данном объеме диска он должен лететь на высоте примерно в тысячу метров. Подсознательно Борис Захарович чувствовал себя виновным, но за все должен отвечать главный конструктор Поярков, человек молодой и, по мнению Дерябина, излишне самоуверенный. Смело он перестроил диск, но, видно, нерасчетливо.

— Считать надо. Считать на линейке, — раздраженно бормотал Борис Захарович, будто всерьез предполагая, что этим пренебрег Поярков.

Подойдя к другому радиовысотомеру, Дерябин неприятно посмотрел на равнодушное, спокойное перышко. За ним тянулась линия высоты. Опять те же самые семьсот метров. Но самое удивительное, что Поярков спокоен. Сидит возле окна и покуривает.

Борис Захарович подошел к нему, открыл окно и придвинул стул.

— Неужели, батенька, ты и сейчас настаиваешь на испытаниях по второму циклу?

Поярков смял в руке папиросу.

— Настаиваю. Но только там, у Набатникова. Надо создать одинаковые условия для сравнения.

— Но ведь диск и ракета — вещи абсолютно несрав-

нимые, — не понимая упорства молодого конструктора, доказывал Дерябин. — У тебя модернизация, а у них новая специальная разработка.

— Пройдет два-три года, и она безнадежно устареет. Когда машина в чертежах, она современна. А промышленность пока раскачивается, пока образцы сделают, испытают, утвердят, пройдет немало времени. Чтобы не отстать, конструктор должен далеко заглядывать вперед и очень смело экспериментировать. Не думайте, что я не доверяю вашим приборам, но собственный глаз вернее.

— А это уж совсем не вяжется с пышными словами о смелости эксперимента. Тут старинкой пахнет.

— Какая там старинка? — Поярков щелкнул зажигалкой и снова закурил. — Ведь у нас разные взгляды на основное назначение диска. Вы видите в нем лишь удобную колымагу, которую можно нагрузить сотнями разных метеоприборов. Но вы же знаете, что «Унион» может решать и более сложные задачи.

— Более сложные? — прервал его рассерженный Дерябин. — Да брось ты дымить как паровоз! Если хочешь знать, то самая серьезная наука — метеорология. Сложнейшая и важнейшая... Да, да, не криви рот. Важнейшая! И если мы познаем ее как следует, то будем управлять погодой.

Он замахал рукой, отгоняя от себя табачный дым, и, заметив, что, кроме Пояркова, никого поблизости нет, понизив голос, проговорил:

— И вашу, так сказать, модернизацию не одобряю. Универсальность, батенька, — палка о двух концах. Одно дело ионосферная лаборатория, а другое — космический корабль.

— Но задачи общие, — возразил Поярков и, чтобы доказать свою правоту, стал повторять Борису Захаровичу давно известные для него истины: — «Унион» будет подниматься как по ступенькам. Первая — самая обычная. Аппарат легче воздуха. Поднимается как дирижабль. В ионосфере включаются реактивные двигатели. Вполне вероятно, что в последующих испытаниях их не будет. И как бы ни высмеивали меня противники за странную форму конструкции, абсолютно непохожую на обтекаемую ракету, я смею утверждать, что форма эта вполне закономерна: за пределами атмосферы, где нет воздушного сопротивления, обтекаемость ни при чем. Там она нужна, как детской коляске. Диск

летит по инерции, расход горючего ничтожный. Ну а там ежключаются атомные двигатели, и диск вырывается в свободное космическое пространство.

Дерябин отвернулся к окну, показывая, что все это ему надоело, но в то же время хотелось подыскать веские возражения, чтобы не формально, а по-инженерски доказать увлекающемуся конструктору всю бесплодность его затеи. Ведь уже были опыты поднимать ракету на воздушных шарах, чтобы преодолеть самый плотный слой атмосферы без расхода топлива. Правда, у Серафима это решается более конструктивно. Уже испытывались некоторые системы атомных двигателей в верхних слоях атмосферы. Сейчас в «Унионе» поставлены самые совершенные. Они не подведут.

Почему же Борис Захарович противится и не соглашается с доводами Пояркова? Он чувствовал, будто подошел к краю обрыва. Кажется, шагнешь еще — и полетишь в пропасть. Ведь стоит лишь уверовать в дерзкую простоту идеи Пояркова, как сразу же разрушатся привычные представления о том, какими могут быть космические лаборатории.

Все становится на голову. Строишь подводную лодку, и вдруг тебе говорят, что она может летать. В первую минуту ты отмахиваешься, злишься, а потом задумываешься. Да почему же нет? И полетит, если предумать то-то и то-то.

По голубоватому экрану, на который были нанесены контуры южной части страны, едва заметно передвигалась светящаяся точка: диск пролетал где-то возле Херсона.

Поярков молча смотрел на эту точку и ждал, что скажет Борис Захарович. В какой-то мере можно понять старика. Исследование космических пространств ведется по строгому плану. Этим занимаются специальные организации и множество институтов.

И когда Поярков предложил модернизировать «Унион», то это вызвало недоумение среди специалистов. Существует план, проверенные конструкции. Они, слава богу, с успехом решают поставленные задачи. И вдруг какой-то летающий диск. Невероятно.

Однако дальновидные люди поддержали Пояркова. Конструкция, по существу, готова. Грандиозных затрат не предвидится. Почему бы не провести серию экспериментов? Правда, институты и предприятия, которые должны были бы заняться перестройкой «Униона», за-

гружены плановыми заданиями, но, возможно, здесь выручит какой-нибудь авиазавод.

Так и получилось, что модернизация «Униона» была произведена, а установить дополнительные приборы поручили НИИАПу.

Конечно, если бы не Борис Захарович, то Поярков никогда бы не доверил установку приборов сотрудникам НИИАПа. Они заняты совсем другими делами, и практический опыт у большинства из них ничтожный. А Борису Захаровичу нельзя не верить.

Выбрасывая вперед коротенькие ножки, вошел Медоваров и еще издали протянул Пояркову голубой бланк радиограммы.

— Ну вот, так всегда получается. Я-то ведь был прав, когда не советовал выпускать «Унион». Мой инженер сообщает, почему погиб самолет.

Поярков взял бланк и, видя перед собой лишь улыбающееся лицо Петра, вспоминая их последнюю встречу над Днепром, прочел:

сообщаю предварительные данные работы комиссии тчк.

летчик охрименко погиб тчк бортмеханик и младший научный сотрудник тяжело ранены тчк катастрофа произошла при сильной облачности тчк радиолокатор работал нормально тчк опросом местных жителей установлено тире за последние дни здесь были замечены невиданные ранее орлы тчк один из них долго парил под облаками, где вскоре произошла катастрофа из-за поломки крыла и разрыва бензопровода тчк падая самолет загорелся тчк расследование продолжается тчк

— Так в чем же вы правы, Анатолий Анатольевич? — спросил Поярков и передал радиограмму Дерябину. — Значит, на Кавказе надо прекратить все воздушное сообщение?

За Медоварова ответил Борис Захарович.

— Здесь есть какая-то доля истины. — Он аккуратно сложил прочитанную радиограмму. — Надо бы в этом опасном районе поднять «Унион» возможно выше, куда не залетают орлы. Но если так дальше будет продолжаться, — он указал на замершее перо высотомера, — то вряд ли мы достигнем расчетного потолка.

— А что такое? — оживился Медоваров.

Поярков передернул плечами и укоризненно взглянул на Бориса Захаровича.

— Ничего особенного. «Унион» летит несколько ниже заданной высоты.

— Оскандалимся мы с вами, Серафим Михайлович, — сочувственно заметил Медоваров. — Надо бы прислушаться к сигналам общественности. Вечно вы торопитесь и других подводите.

— Кого это «других»? — рассердился Поярков. — Вас, что ли?

— Да я не о себе, золотко. Человек я маленький, что прикажут, то и делаю. Вы бы о коллективе подумали. Люди работали на вас. Верили. Да взять бы того же Бориса Захаровича...

— Оставим, Анатолий Анатольевич, этот никчемный разговор, — вмешался Дерябин. — У меня свои претензии к Серафиму Михайловичу. Как-нибудь разберемся без адвокатов. А сейчас и без того тяжко.

— Но ведь мне будут звонить, узнавать, — не сдавался Медоваров. — И не только из главка и министерства, а и другие товарищи, ваши коллеги. Они ведь тоже вкладывали свой труд...

Поярков зло усмехнулся:

— Будут узнавать насчет «космической брони»?

Играя концом пояска, Толь Толич проговорил назидательно:

— Вам, как ведущему конструктору, не очень-то удобно так пренебрежительно относиться к работам своих коллег. Этого у нас, золотко, не любят. Тем более что речь идет о новых синтетических материалах.

— Каких там новых! — рассердился Поярков. — Ваша «космическая броня» нашими дедами из творога делалась. А сейчас ее вытащили на свет божий, чтобы моментом воспользоваться. Век пластмасс! Век полимеров!

— Простите, золотко, но вы не очень осведомлены... Из творога делается галатит. А здесь полимеризация... Дерябин примирительно заметил:

— Дорогой Анатолий Анатольевич. Разговор идет о полете, который вы сами разрешили.

Несколько озадаченный, Медоваров тут же возразил:

— Но я докладывал обстановку, сигнализировал в Москву. Потом, что я мог сделать, когда вы вдвоем взяли меня за горло?

— А таинственный звонок из Москвы?

— Какой звонок? — удивился Медоваров. — Ах, тот!.. Ну да, это было согласовано кое с кем. — И, многозначительно помолчав, он вышел.

Поярков отвел Бориса Захаровича в самый дальний угол зала и устало присел на подоконник.

— Последний полустанок. Вокруг него еще бегают какие-то мешочники, спекулянты, жалкие обыватели. Так и здесь, в институте. Его слишком долго собираются реорганизовывать, а пока он — захудалый полустанок, оставшийся от прошлого. Говорят, что еще в четырнадцатом году здесь была воздухоплавательная школа. И, несмотря на новое здание и современную технику, здесь мало что изменилось. Проходной двор, где задерживаются только Медоваровы.

— Оценка весьма субъективная. Я спрашивал в главке, какого они мнения о работе института.

— И что же?

— К ученым у нас очень гуманное отношение, и этим многие пользуются. Разогнать НИИАП нельзя. План у них выполняется, испытания ведутся добросовестно. Квалификация сотрудников растет. Видал диаграммку? Отчетность идеальная и своевременная. Финансовая дисциплина безукоризненная. И к тому же два-три человека дают интересные работы. В министерстве надеются на лучшее и терпеливо ждут. А мы на этом полустанке чувствуем себя несколько задержавшимися пассажирами. Ругаем начальника за плохое расписание, за опоздание поездов. А ведь здешнее расписание не для нас составлено, и минутное опоздание тут не играет роли.

— Черт возьми, но неужели на дорогах к звездам нельзя миновать подобные полустанки?

— А кто виноват? — с явной укоризной спросил Борис Захарович. — Ты не возражал, чтобы приборы устанавливались на здешнем аэродроме.

— Согласен. Но при чем тут Медоваров? Зачем он вмешивается в наши дела?

— Как временный начальник полустанка. Обязан по должности.

На щите снова вспыхнули сигнальные лампочки. Начиналась очередная контрольная передача. Поярков побежал к пульту. Дерябин неторопливо пошел вслед.

— Все то же, — вздохнул Поярков, глядя на спокойное перо. — Объем диска остается неизменным. Высота семьсот. Борис Захарович, дорогой, не мучайте меня,

скажите откровенно, не поставили вы там какой-нибудь запасной аккумуляторной батареи? Помните, еще при первой конструкции ваш Бабкин хотел запрятать в кабине лишние пятьдесят килограммов. А сейчас такое впечатление, что груза еще больше. Кто здесь виноват?

— Подождем искать виновного, Серафим Михайлович.

Нюра сидела рядом, помогая лаборанту записывать уже расшифрованные показатели направления ветра, солнечной радиации... При последних словах Дерябина карандаш выпал у нее из рук.

Лаборант посмотрел на ее сразу побледневшее лицо.

— Вам нехорошо, Анна Васильевна? Идите на воздух. Я один справлюсь.

На ступеньках главного входа Нюру встретил Аскольдик. Он уже собирался домой и успел переодеться в короткие замшевые шорты шоколадного цвета и кожаную курточку с многочисленными «молниями». Огромные ботинки на толстом белом каучуке, пестрые гетры, обтягивающие худые икры, острые коленки и тонкая мальчишеская шея, перетянутая узеньким галстуком, — все это производило комичное и в то же время жалкое впечатление.

— Приветствую категорически! — сказал он, сгибаясь в поклоне и снимая воображаемую шляпу. — Как, девочка, жизнь молодая?

— Оставьте меня, Аскольдик. — Нюра хотела было пройти мимо, но тот заступил ей дорогу.

— Мы, кажется, сегодня не в духе? Мы, кажется, всех презираем?

Древнее мужественное имя Аскольд, по обычаю всех мам, превратилось в уменьшительное. Родители искали красивое имя, хотели назвать Арнольдом, Альфредом или Эдуардом, но, видимо вспомнив про Аскольдову могилу над Днепром, где молодые супруги часто гуляли, решили так и назвать своего первенца.

Было бы чересчур банальным рассказывать о том, как растили своего единственного отпрыска обезумевшие от счастья родители. Но вот он стал взрослым, кое-как получил аттестат зрелости, потом не без помощи папных друзей устроился в институт. Это событие было ознаменовано достойнейшим образом. Папа Аскольдика — директор производственного комбината, выпускающего то ли ковры, то ли набивные ткани, — вознаградил

утомленного мальчика за самоотверженный труд, купив ему новенький «Москвич». В течение первых семестров «Москвич» постарел на двадцать тысяч километров, что не могло не отразиться на студенческой судьбе Аскольдика. Когда же ему было заниматься? Ведь столько хороших девушек жаждали прокатиться в его машине! «Москвич» был сдан в ремонт, что дало возможность его владельцу, исключенному из института за неуспеваемость, подумать о своем дальнейшем образовании. Он решил перейти на заочное отделение. Но для этого нужна справка с места работы. А где ее взять?

Свет, как говорится, не без добрых людей. Стоило лишь товарищу Медоварову несколько раз появиться в папином кабинете, как Аскольдик был оформлен в НИИАП — правда, на очень скромную должность помощника фотолаборанта. (Римма с усмешкой утверждала, что здесь учитывалась его склонность к фотографированию девушек на пляже.)

Аскольдик великолепно устроился. Всю работу по проявлению и печатанию фотоматериалов к отчетам и диссертациям выполнял сам лаборант, у которого не было состоятельного отца, а потому при сдельной оплате эта система оказалась подходящей для обоих сотрудников фотолаборатории. Аскольдик даже умудрялся приезжать в институт через день. Сегодня он приехал уже на другой машине. «Москвич» оказался мальчику тесным.

— Итак, — изгибаясь перед Нюрой, разглагольствовал Аскольдик, — вы гнушались моим стареньким «Москвичом», а теперь вон она, моя лошадка.

Широким жестом он показал на стоявшую в тени здания бирюзовую «Волгу».

— Товарищ Поярков хоть и ведущий конструктор, а ведет себя несолидно, — продолжал Аскольдик. — Не понимает он красоты жизни. В прошлый раз я вас видел с ним в ресторане. Неужели он провожал вас домой в автобусе? Разве это мужчина?

— А вы? — Нюра смерила его презрительным взглядом.

Не первый раз приходится терпеть его приставания. Да кто он такой? Красноносенький мальчишка, прыщеватый, слюнявый. Мальчишка в полном смысле этого слова, которого до сих пор родители чуть ли не на руках носят, отчего он возомнил себя личностью, единственно достойной внимания. На танцплощадках без

труда завязываются знакомства, и дурочек там достаточно. (Ах, если бы матери знали, что такое танцплощадки!) Все сходило мальчику с рук, ибо он был на редкость хитер и осторожен.

Даже Римма, постоянная посетительница танцплощадок и в какой-то мере близкая по духу этому резвящемуся мальчугану, старалась реже попадаться ему на глаза, боясь, что придется с ним танцевать, — за отказ подобные молодчики жестоко мстят. Она как-то призналась Нюре, что потом долго моет руки, вытирает шею одеколоном, чтобы уничтожить даже память от его неприятного дыхания.

Аскольдик подбирался к уху, нашептывал что-то липкое, грязненькое, и Римме физически было не по себе.

Немудрено, что Нюра раз и навсегда отвергла внимание Аскольдика, но по другим причинам. Он мог рассуждать о свободе творчества, о западной цивилизации, читать хрипловатым баском декадентские стишки, говорить о книжных новинках, о падении современного искусства. И все это было чужое, наносное. Никакого собственного мнения, все понаслышке, все ради острого словца и показной смелости. А вообще в глазах Нюры он был просто мелким пакостником.

Нюра спускалась по ступенькам и, не глядя на Аскольдика, который увязался за ней, пошла по песчаной дорожке, обсаженной чахлыми деревцами.

— У вас, девочка, отсталые взгляды, — нарочито гнусавя, цедил сквозь зубы Аскольдик. — Я считаю, что у каждого настоящего мужчины должна быть собственная машина.

— А у вас разве собственная?

— Могу предъявить права. Там указано, кто владелец машины.

— Вы ее сами купили?

Аскольдик снисходительно повел острыми плечиками и полез в карман за сигаретами.

— Угонять чужие машины я не пробовал.

— Но все-таки она чужая, — упрямо сказала Нюра. — Вы сколько здесь получаете?

— На сигареты хватает. — Аскольдик помахал зажженной спичкой и бросил ее через плечо.

— Значит, машина куплена не на собственные деньги. Вы их не заработали.

— У некоторых студентов тоже есть свои машины. Вы думаете, они покупаются на стипендию?

— Не знаю, — вздохнула Нюра. — Но только детям не дают играть со спичками.

Она хотела было сказать, что собственная машина в руках неоперившегося юнца — явление противоестественное.

Совсем иной спорт его интересует. Римма, правда, очень глухо, но кое-что порассказала, для каких надобностей подчас использовался папин подарок. Однажды Римма, которую Аскольдик с приятелем вызвались отвезти с танцплощадки домой, выпрыгнула из машины чуть ли не на полном ходу. Конечно, разные бывают ребята, честные и хорошие, им можно доверять «Волги» и «Москвичи», но ведь и от хороших, послушных детей родители прячут спички.

Да. Хотела сказать, но вспомнила о своих неприятностях, о неудаче Пояркова — и все другое, постороннее вылетело из головы. К тому же этот мальчишка ничего не поймет. У него свои жизненные установки, свои пути.

Приблизясь вплотную к Нюре, но все же боясь взять ее под руку, Аскольдик вкрадчиво зашептал:

— Почему вы никогда не бываете со мной? Ведь у меня могут быть серьезные намерения.

Нюру душила злость, ей хотелось побольнее оскорбить, обидеть мальчишку, чтобы навсегда освободиться от его противной навязчивости.

— Я не понимаю, что означают на вашем языке «серьезные намерения»?

Пряча суетливые глаза, Аскольдик выдал из себя:

— Ну, как обычно... Вполне официально.

— Короче говоря, — зло усмехнулась Нюра, — товарищ Семенюк предлагает мне руку и сердце?

Он жалко сморщился и засопел.

— Несколько старомодное определение. Но почему бы и нет?

— Спасибо за честь! Но мне кажется, что вам еще рано строить семью. Сами же говорите, что зарабатываете только на сигареты.

— Ах, вот что вас интересует? — Аскольдик присосанился. — Тогда разрешите вас успокоить. У моего папы достаточно средств, чтобы...

Нюра перебила его:

— Но ведь я отвечаю не на папино предложение. А вы еще мальчик.

— При чем тут возраст? Лермонтов уже в двадцать лет был Лермонтовым.

— Смелое сравнение. Только я говорю не о ваших годах, а о вашем будущем. Что вы умеете делать? Какая у вас цель впереди? Где...

— А если я ищу себя? — заносчиво оборвал ее Аскольдик. — Вам должно быть известно, что таланты проявляются не сразу. В институте, например, я редактировал журнал. Он был довольно оригинального направления... Вы же не знаете моих работ...

— Забавно.

— Зря иронизируете, девочка. Сейчас я не могу предъявить вам ничего оригинального. Да и что стараться! Все равно не напечатают. Приходится чепухой заниматься. Может быть, вам попадались в местной стенной печати некоторые мои опусы? Безделушки, конечно, ничего серьезного. Но советую взглянуть хотя бы на свежую газетку. Там кое-что есть про нашего общего знакомого.

Нюре пора было уходить, и, чтобы отвязаться от назойливого мальчишки, она согласилась посмотреть газету.

Не только Нюра, но и никто в НИИАПе не знал, что представляла собой редакторская деятельность Аскольдика в бытность его студентом-первокурсником. С группой таких же, как он, поборников «свободного искусства» Аскольдик организовал машинописный журнальчик «Голубая тишина». В этой тишине довольно громко заявляла о себе пошлость, грязенький анекдот, пляжные фотографии и блаженной памяти декадентские стишки, выдаваемые за новое слово в поэзии. Никаких серьезных политических целей журнал не ставил, был на редкость пресен и глуп. Поэтому, когда выловили этот журнальчик и двумя пальцами, чтобы не испачкаться, подняли его над столом президиума комсомольского собрания, разбиравшего персональные дела сотрудников «Голубой тишины», то пришлось обвинять их скорее в глупости, чем в нарушении комсомольской этики. А пошлость у нас вообще трудно наказуема. Аскольдику все же дали выговор, но, видимо, в целях профилактики и общественной гигиены.

Профилактика подействовала. Аскольдик понял, что выговор надо снимать, ибо второе взыскание, от которого он не застрахован, уже будет построже. Надо проявить себя в общедоступной печати, и Аскольдик взял-

ся за стенгазету, где вскоре стал фактическим редактором. Аскольдика хвалили, приводили в пример как настоящего общественника, борца за справедливость, и, хотя Аскольдик писал под псевдонимом, все знали, что колючий Чертополох — это и есть Аскольдик.

— Узнаете? — спросил он, подводя Нюру к щиту со стенгазетой.

Чуть ли не половину только что вывешенного номера занимал злободневный материал под заголовком «Полетит — не полетит?».

Однажды Аскольдик тайно сфотографировал Пояркова, когда тот, закрыв глаза и откинувшись на скамейке, о чем-то думал. Сейчас из этой фотографии было вырезано лицо с закрытыми глазами, пририсована к нему тощая фигурка и огромная ромашка, у которой Поярков, как бы гадая, обрывал лепестки.

А вот и стишки товарища Чертополоха.

Он был поклонник интуиции,
Имел на все «свое суждение»
И, говорят, из-за амбиции
Презрел таблицу умножения.

Ошибка есть? Ну что ж, пустяк,
Всего лишь на соломинку,
Да «на соломинку, встояк»,
Нам это не в диковинку.

Карандашом бы на бумажке
Вам подсчитать, где лишний вес,
К чему труды, когда ромашкой
Он может заменить Эм Эс.

Чертополох

Примечание редакции: Эм Эс — «Малая счетная» — электронная машина, находящаяся в комнате № 6.

Проходя мимо, Поярков увидел Нюру и остановился.

— Что здесь интересного, Нюрочка?

Нюра закусила губу и, повернувшись к Аскольдiku, прошептала:

— Действительно чертополох. Сорняк, мальчишка. Нашел над чем смеяться!..

Поярков прочитал стихи, вздохнул:

— Не сердитесь, Нюрочка. Мальчик далеко пойдет. Задатки многообещающие.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Из нее следует, что автор не позабыл об «Унионе» и прежде всего сообщает, что его случайные пассажиры живы и здоровы. Будем надеяться на счастливый исход, хотя опасность еще не миновала.

емно. Сквозь стенки диска не проникает ни малейшего звука извне, изредка жужжат моторчики. Все спокойно. И в то же время здесь происходит что-то страшное, невероятное. Все человеческое существо как бы распадается на части и растворяется в пустоте. «Унион», попавший в грозовую тучу, — это не корабль в бушующем океане. Ни одному капитану не снилась такая сумасшедшая качка.

«Но неужели там, на земле, ничего не известно? — спрашивает себя Багрецов. — Как они допустили, что диск попал в грозу?» И тут же вспоминает, что метеоприборы, которые могли бы предупредить о надвигающейся грозе, пришлось выключить. Проклятые аккумуляторы, все несчастья из-за них. Надо опять подключать приборы. Будь что будет.

Вадим ползет под каркас, подсоединяет кабель и вновь замирает в безотчетном страхе. Трудно себе представить столь острое ощущение падения и взлета. Мгновение — и тело скользит вниз. Колени приближаются к подбородку. Ты сжимаешься в комочек и летишь в пустоту. Вдруг толчок. Ноги остаются где-то, а сам, как на резине, подпрыгиваешь вверх, словно тобой выстрелили из рогатки.

И опять падение. Кажется, что ветер играет диском, как погремушкой, где чувствуешь себя горошинкой.

...Но вот гроза прошла, друзья сидели молча, не шевелясь, — ждали, что опять налетит буря.

Тимофей пригладил свои мягкие, словно плюшевые волосы и осторожно потрогал шишку на темени. Здорово его стукнуло о стенку. Ну, кажется, теперь бояться нечего. Он подошел к люку и привычно открыл его, как форточку в своей комнате. Вадим подполз ближе и лег рядом.

Земля, омытая дождем, манила к себе. Будто клоуна серого, грязного дыма, пронеслись мимо обрывки

туч и на мгновение скрывали от глаз радостное зеленое поле. Хотелось размести метлой весь этот облачный сор.

Жадно вдохнув в себя воздух, насыщенный озоном, Вадим с наслаждением расправил плечи. Вполне возможно, что Борис Захарович сейчас смотрит на кривую анализатора и вычисляет проценты озона до и после грозы. Вспоминалась молния. Она была абсолютно розового цвета. А Тимофей говорит, что лилового. Субъективные наблюдения не совпадают.

— Ты знаешь, что меня удивляет? — начал Вадим. — Ведь анализатор Мейсона, который я недавно испытывал, вдруг оказался здесь. Я хорошо помню его распределительную коробку. Странно, почему Борис Захарович мне ничего не сказал?

— Все в молчанку играли, — обиженно откликнулся Тимофей. — И твой друг Толь Толич, и даже мальчишка... ну тот, что с этой куклой приходил.

— Перестань сейчас же! — гневно приказал Вадим. — Кто тебе дал право так говорить о девушке?

Бабкин лениво отвернулся.

— Нужна она мне очень.

Солнечный луч, отраженный от потолка, осветил закрытую обтекаемую коробку из прозрачного органического стекла. В ней находился барабан с тонким стальным тросом.

Вадим недоуменно провел рукой по коробке. Неужели для «Униона» нужен гайдроп, который обычно сбрасывают при посадке воздушного шара? Осматривая барабан со всех сторон, Вадим решил, что перед ним обыкновенная лебедка. Видны были зубцы с собачкой и другая нехитрая механика. Трос освобождался автоматически при помощи реле — его нетрудно было увидеть сквозь прозрачный кожух, — от реле шли провода в кабину, вероятно к одному из приемников. А если так, то при спуске «Униона» можно с земли включить реле, оно освободит зубчатое колесо лебедки, потом под действием тяжести какого-нибудь груза, привязанного на конце троса, он опускается, достигает земли, и люди на месте посадки диска подтягивают его вниз.

Но все эти предположения казались Багрецову не совсем убедительными. Хотя бы потому, что капризами воздушных течений летающую лабораторию может

занести в тайгу или пустынные степи. Тимофей упоминал, что диск управляется по радио, но как он может возвратиться обратно, скажем, при встречном ветре?

Вадим окликнул Бабкина и, не теряя печального юмора, сказал, что их вынужденное путешествие не обязательно должно закончиться на ракетодроме Ионосферного института, хотя и очень хотелось бы повидаться с Набатниковым.

— Опять чудишь, — отмахнулся Тимофей, как от назойливой мухи. — Где положено, там и сядем. Раньше на диске испытывались разные двигатели.

— То раньше. А теперь ты его сам не узнал. Все перестроено.

— Ну и что ж из этого? Люди понимали, что делали, зачем бы им... — начал Тимофей и осекся.

Не следует тревожить Димку. В свое время был разговор о том, чтобы старую конструкцию диска освободить от двигателей и передать метеорологам для изучения воздушных течений. Чем дело кончилось — неизвестно. Во всяком случае, двигателей пока не слышно.

— Зачем ты со мной в прятки играешь? — обиделся Вадим. — Договаривай, коли так...

— А мне нечего договаривать. Ты же слышал, что «Унион» отправляется к Набатникову?

— По воле ветра? — И Вадим отвернулся.

Не впервой Бабкину видеть надутого обидчивого друга. Иной раз, когда еще вместе работали в лаборатории, Димка по два, по три дня не показывался ни в столовой, ни на автобусной остановке, где после работы собирались сотрудники института. Он старался приехать раньше всех и уезжал последним. Но вот проходили дни его добровольного затворничества, и снова слышался Димкин смех. Не мог он жить без людей и самым страшным на свете считал одиночество. Не любил он недомолвок, подозрительности, настороженного отношения друг к другу, причем вмешивался в ссоры, выступая посредником, но чаще всего неудачно — не хватало дипломатического такта, враги не только не мирились, но еще больше ссорились и злились на Димку, который, по их мнению, подливал масла в огонь. Возможно, потому, что у Димки такой прямолинейный характер, с которым трудно жить, Бабкин относился к другу несколько покровительственно.

Вот и сейчас он снисходительно похлопал Димку по плечу:

— Ты останешься здесь, а я посмотрю, как поживают аккумуляторы.

— Отключи на время ту же группу, — посоветовал Вадим. — Грозы пока не предвидится.

Тимофей шел в одних носках. Больно ступать, как по железной решетке. Все, что он и раньше видел в этой летающей лаборатории, поражало своей легкостью, почти невесомостью. Каркасы приборов были сделаны из каких-то очень легких, вероятно магниевых, сплавов. В тонких, как картон, профилированных конструкциях мастера высверлили дырки для облегчения веса. Здесь учитывался чуть ли не каждый грамм, как в радиозондах. Ведь еще давно, когда в центральной кабине устанавливался телевизионный передатчик, пришлось на время снять камеры для аэрофотосъемки. А что они весили? Пустяк. Кстати, и сейчас их нет. Одна из камер стояла вот здесь, возле люка. Отверстие для объектива закрыто круглой задвижкой. Оказывается, задвижка легко поворачивается, и под ней виднеется толстое стекло, как в водолазном скафандре.

Тимофей заглянул в окошко. Порыжевшая степь, белые пятна солончаков, дорога, обсаженная тополями.

«Значит, если придется закрыть люк в коридоре, можно видеть землю отсюда», — подумал Тимофей, и это его не обрадовало. Закрывать люки потребовалось бы на большой высоте, куда Тимофей вовсе не стремился. Ему также не нравилось, что сильный северо-западный ветер несет диск к морю. Он определил это без компаса. По степи скользила тень диска, на ее пути попадались и другие тени от деревьев, строений, столбов.

Сопоставляя это вместе с движущимся продолговатым пятном, нетрудно было догадаться, что диск летит на юго-восток.

Первым увидел море Вадим. Из люка даль просматривалась лучше, чем сквозь маленькое окошко. Полуденные солнечные лучи падали на землю. Тень диска стала почти круглой. Она бежала по степи, точно стараясь обогнать и машину на дороге, и низко летящего ястреба.

Попадая в ерики — овраги, тень изгибалась, как-то

неожиданно перекручивалась и снова вылезала на степной простор. Она перемахивала через рощи, дома, заборы.

Наконец тонкой, кружевной оборкой показалась пеннистая линия прибора. Тень пересекла ее, разорвала надвое и, похожая на гигантскую батисферу, скользнула в воду.

Море — как синяя бумага, исчерченная мелом: формулы, цифры, запятые... У Вадима зарябило в глазах.

Взлетела цифра, похожая на тройку. Потом еще, еще. Это чайки.

Они поднимались все выше и выше, огромные, мохнатые, как пеннистые гребни.

Зажмурился Вадим, протер глаза: что за чертовщина? Да нет, это не чайки, а волны, настоящие волны поднимаются к люку. Лишь сейчас догадался Вадим, что диск идет вниз — знакомое ощущение опускающегося лифта.

Промелькнула мысль: неужели Тимка случайно отключил провод от газового клапана? Газ улетучивается, диск падает.

Вода уже близко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В этой главе выясняется, что, несмотря на всякие неудачи, конструктор Поярков может говорить не только об испытаниях. Он сожалеет, что есть девушки, которым нельзя улыбаться, и хочет, чтобы все они плакали над стихами. А кроме того, здесь рассказывается о женских руках, о звездах и о любви.

примерно за час до описываемых событий в НИИАПе все было спокойно. Правда, Борис Захарович все еще никак не мог опомниться из-за того, что целая группа надежнейших метеоприборов вдруг забастовала и на некоторое время прекратила работу. Сейчас они опять включились, а что там произошло — даже богу неизвестно.

Всякие бывают случайности. Иногда мышонок может вывести из строя мощную радиостанцию, если попадет между пластинами конденсатора или в другое ответственное место.

Поярков хоть и нервничал из-за того, что «Унион» летит ниже расчетной высоты, но был уверен в непогрешимости конструкции.

Полет «Униона» сейчас протекает нормально. Через тридцать минут можно будет узнать некоторые интересные Пояркова данные. А пока он вышел в скверик хоть немножко передохнуть.

После бессонной ночи большинству сотрудников НИИАПа, тем, кто занимался отправкой «Униона», Медоваров разрешил ехать домой. Нюра тоже получила это разрешение, но Толь Толич намекнул, что она, возможно, вылетит в срочную командировку, и посоветовал немного подождать.

— Побудьте со мной, Нюрочка, — предложил Поярков. — Все еще ничего не известно?

Мимо проходили люди в белых халатах. За ними везли клетки с гусями, кроликами, ящики с хилыми желтыми ростками, банки с водорослями, бормашину и зубоврачебное кресло.

Поярков проводил их ироническим взглядом и с раздражением заговорил:

— Вы знаете, Нюрочка, как называется одна из здешних научных работ? «Применение аппарата ИМКА для изучения подавления жизнедеятельности микрофлоры полости рта в условиях кислородной недостаточности». Сам видел в плане. До чего же в вашем техническом институте медикам вольготно! Помните, я жаловался на узкую специализацию? А у медиков это особенно странно выглядит. Взять хотя бы их журналы. Многие десятки, и каждый из них касается болезней какого-нибудь одного органа. Ведь если дальше так пойдет, то они выпустят «Вестник уха», «Вестник горла», почки, селезенки. У стоматологов свой журнал, у одонтологов тоже, наверное, свой. А какой толк? Ведь зубы они все-таки лечить не умеют. Существует болезнь пиорея, сам страдаю, а врачи только разводят руками. Но я не о себе. Мне страшно, что многие девушки перестали улыбаться, боясь показывать свои безобразные стальные зубы. Вы заметили, одна здесь прошла. Хорошее лицо! Не правда ли? Но как она застенчиво улыбнулась! Еще бы! Все очарование пропадает, она уже старухой кажется. Я бы этому изобретателю нержавеющей конструкций вырвал бы все его здоровые зубы и заменил бы стальными. А врачей и зубных техников, причастных к этому делу, привлек

бы к уголовной ответственности как варваров — разрушителей эстетических ценностей.

— Вы, оказывается, злой.

— Неправда. Я хочу, чтобы девушки улыбались. Больше того, даже попробовал написать об этом, но так ничего и не добился. Конечно, я абсолютный профан в медицине, но все же думаю, что здесь вредит ограниченность и крайне узкая специализация. Вчера я перечитывал Герцена. У него есть статья об ученых-дилетантах, где он вспоминает одного старого юмориста, который писал, что скоро поваренное искусство разовьется до того, что жарящий форели не будет уметь жарить карпа. Это ведь касается любых специалистов, в том числе и нас, инженеров, конструкторов. Есть совершенно закономерная связь между ворохом газет, журналов, книг, стихов, что я прочитываю, и конструкцией того же «Униона». Мне думается, что если бы я всего этого лишился, то не нашел бы ни одного смелого решения, ни одной свежей мысли. Это все равно что отнять у человека воображение, связать его по рукам и ногам и посадить в клетку.

Нюра зябко передернула плечами.

— Я представляю себе. Это действительно страшно.

— Но я хочу сказать больше. В нашем конструкторском бюро работают несколько молодых инженеров. Люди дисциплинированные и знающие свое дело. Но я почему-то уверен, что ничего интересного они не придумают.

— Опыта мало?

— Опыт дело наживное. В школе, а потом в институте им давали все, чтобы быть полезными советскому обществу. В них воспитывали сознание, а воспитанием чувств почти не занимались. Среди этих инженеров есть, — он чуточку замялся, — ну, одна моя знакомая, способная, исполнительная. Но книг почти не читает, музыку не любит, к живописи равнодушна... Простите, Нюрочка, вы любите стихи?

— Люблю. Но раньше я их просто учила, когда в школе задавали. Учила, как арифметику, как любой предмет. А не так давно поняла, вернее, почувствовала, что без стихов жить нельзя. Стыдно признаться, но иногда от лермонтовских строк слезы выступают, и ты не знаешь, что же это такое? Сначала сердилась на себя — глаза на мокром месте. Ведь читаешь же о звездах, о любви. И вдруг — слезы.

— Если не слезы, то волнение, высокое и радостное. А вот у той моей знакомой этого никогда не бывало. В ней не воспитали больших и глубоких чувств.

И, как бы жалуясь, Серафим Михайлович рассказывал Нюре, что ни сонеты Шекспира, ни страдания Вертера, ни любовь Татьяны не могли затронуть сердце его знакомой. Романтический Данко был для нее только символом. Катя и Даша из книг Алексея Толстого, шолоховская Аксинья оставляли ту женщину совершенно равнодушной. Такой же равнодушной она была и на работе.

— А я совершенно уверен, — продолжал Серафим Михайлович, — что только страстные, горячие натуры, с большим и многообразным душевным миром способны сделать что-то серьезное. Я мальчишка в сравнении с ними, я, конечно, многого не познал, не почувствовал... Как хочется наверстать потерянное!

Поярков говорил вполголоса. Лицо его то ярко вспыхивало, как бы освещенное изнутри, то постепенно тускнело, особенно в те минуты, когда он говорил о «своей знакомой». Это сразу же заметила Нюра, и она болезненно поморщилась. Впрочем, какое ей дело до равнодушных знакомых Серафима Михайловича? Она искренне любовалась им, хотя лицо его было самое обыкновенное, несколько вытянутое, крутой лоб, припухшие от бессонницы глаза, глубокая морщина между бровей. Но разве это видела Нюра? Нет, конечно. Она сумела разглядеть в нем и благородство души, и чуткое, беспокойное сердце, ту настоящую человеческую красоту, равной которой не существует в мире.

Серафим Михайлович вдруг стал задумчивым, он упорно смотрел на маленькие руки Нюры, огрубевшие от тяжелого, непосильного для них труда. Ведь когда-то она носила грузные свинцовые аккумуляторы, сгибала толстые провода, работала молотком и зубилом... А дома горы стирки, надо натаскать воды, поднимать чугуны и корыто. Лишь с недавних пор ее девичьи руки смогли отдохнуть от тяжестей.

— Я был в Италии, — как бы с самим собой заговорил Поярков. — Только у нарисованных мадонн, в скульптуре, у аристократок и девушек из контор и магазинов я видел руки такими, какими их создала природа. У всех же других женщин, с завода, виноградников, у рыбачек, всюду я с грустью смотрел на их

измученные, натруженные руки. Тяжело живет простой люд. И в других странах, где мне пришлось побывать, встречая даже очень хорошо одетую молодую женщину, я прежде всего смотрел на ее руки. Они мне говорили гораздо больше, чем одежда.

— И у нас так же, — вздохнула Нюра, рассматривая свои руки с синими, набухшими жилками.

Бережно, как драгоценность, Поярков взял руку Нюры и прижал ее к губам.

— Но так быть не должно. Я помню, когда ездил к Набатникову, то встретил женщин, которые ремонтировали дорогу. Бригадиром у них был здоровый наглый парень с тонкими усиками. Кизиловым прутиком он похлопывал себя по начищенному до блеска голенищу и насмешливо подгонял работниц. Я, помню, тогда разнолновался, вылез из машины, накричал на парня. Тот лишь пожимал плечами. В чем, дескать, он провинился? Я поехал в дорожное управление, там мне посочувствовали, но, кроме обещания заменить бригадира женщиной, ничего поделать не смогли. Нет полной механизации. Мало специальных машин для ремонта дорог.

Поярков умолк, рассматривая на песке тени от сиреневого куста, пронизанного солнцем. Тени собирались в картинку, будто на экране телевизора, и в них он уже различал согнутые фигуры женщин в белых платках, носилки с песком и щебенкой и уходящую вдаль дорогу.

— В тот день мне показалось, что надо бросить все, — продолжал Поярков. — Пойти на завод конструктором, где вместо летающих дисков начать строить дешевые и простые дорожные машины, транспортеры, канавокопатели... Но вот, подъезжая к Ионосферному институту, на плоской вершине горы я увидел устремленную в небо ракетную вышку. Я знаю Набатникова — дерзкого мечтателя и великолепного практика, твердо стоящего на земле. Он хочет заставить работать на нас космическую энергию...

— А Курбатов — солнечную.

— А тысячи других ученых, инженеров, строителей заняты энергией атома, ветра, воды... Многого достигли, но этого еще мало для того, чтобы совсем освободить женские руки от тяжелого труда. И тогда я вроде как прозрел. Раньше думалось, что работаю я для науки. Но основа основ, конечная цель моего труда

как-то не принимала в сознании реальной осязаемой формы. Я знаю, что без «Униона» Набатников не обойдется. Здесь довольно сложная взаимосвязь, но факт остается фактом, что частица моего труда может привести к серьезному перевороту в энергетике. А если так, то мы будем столь богаты, так оснащены всякой механизацией, что даже товарищу Медоварову в голову не придет заставить вас или Римму поднимать тяжелые аккумуляторы.

— Но последние, ярцевские, с которыми я много работала, совсем легкие.

— Не говорите мне о ярцевских. Однажды они меня так подвели, что я видеть их не могу.

— Теперь совсем другие. Новая серия — АЯС-12.

— Не уговаривайте, Нюрочка. Я человек упрямый.

Откуда-то из-за кустов вынырнул Аскольдик и, многозначительно улыбаясь, прошел мимо. Нюра его не видела, рассеянно приняла извинения Серафима Михайловича — он должен уйти — и осталась одна.

Разговор об аккумуляторах ее взволновал, хотя, казалось бы, что в них особенного и что они решают в «Унионе»?

Упорно вспоминается тот печальный день, когда Борис Захарович зашел к Нюре в лабораторию и попросил протоколы испытаний новой партии ярцевских аккумуляторов.

Протоколы он просмотрел внимательно и, глядя на Нюру поверх очков, сказал:

— Вы, мой друг, давно уже работаете с этой техникой. Каково ваше просвещенное мнение?

Вначале Нюра не совсем поняла Бориса Захаровича. Вот протоколы, вот выводы.

— Да я не о том, — Дерябин бросил бумаги на стол. — Посоветоваться хочу, Анна Васильевна. Могли бы вы доверить новым аккумуляторам серьезное дело? Можно ли на них положиться?

Нюра отметила некоторые недостатки, упомянула о саморазряде, но в конце концов пришла к выводу, что АЯС-12 достаточно надежны.

Борис Захарович шумно встал и, пожимая ей руку, сказал:

— Я тоже так считаю. Рискнем, мой друг. Поставим ярцевские в «Унионе», откроем им дорогу. Ведь подумать только: мы научились добывать энергию из

атома, солнечные лучи превращать в электроток, а запасать, сохранять эту энергию мы почти не умеем. Не по-хозяйски живем. Ой как не по-хозяйски! Одна надежда на ярцевские аккумуляторы. Сколько в этой баночке ампер-часов? — Дерябин указал на полосатый аккумулятор величиною с коробку от ботинок.

— Три тысячи.

— То-то и оно! — с воодушевлением продолжал старый инженер. — А в обыкновенном такого же размера примерно тридцать. Да и заряжать его надо многие часы. А ярцевский? Десять минут — и готово! Ведь это же революция в технике! Не все, конечно, это понимают. Наш Серафим Михайлович как-то сказал, что у ярцевских аккумуляторов нет большого будущего. Дескать, зачем они нужны, когда изобретены атомные батареи? Но ведь это пока игрушки, годные лишь для питания измерительных приборов. А ярцевские аккумуляторы — огромной мощности. Да что я вам рассказываю? Наверное, сам изобретатель, когда приезжал сюда, все доложил подробно?..

Нюра виделась с Ярцевым. Он благодарил ее за вдумчивые и серьезные испытания. Ведь так мало людей, которые по-настоящему верили бы в успех этого изобретения. В свое время была назначена авторитетная комиссия, чтобы окончательно дать заключение о возможности применения ярцевских аккумуляторов. То ли из-за несовершенства технологии изготовления пластин, то ли по другой какой причине, но несколько аккумуляторов выбыли из строя. Изобретение было забраковано. К нему осталось весьма настороженное отношение, даже несмотря на то, что новая серия аккумуляторов АЯС-12 показала себя с самой лучшей стороны. Ярцев предлагал их разным конструкторам — для вертолета-малютки, для электромобиля, глиссера, лодки с электродвигателем... Но конструкторы осторожничали, боялись, что аккумуляторы подведут и тогда погибнет идея всей конструкции. Зачем рисковать своим добрым именем? Нюра это понимала и в какой-то мере их оправдывала.

— Значит, рискнем? — настаивал Борис Захарович и, заметив колебания Нюры, вновь начал доказывать: — А вы знаете, как они нужны Курбатову? Ведь, по существу, его идея фотоэнергетических полей в Средней России до сих пор не получила широкой поддержки из-за того, что нет настоящих аккумуляторов. В ко-

роткий зимний день надо успеть запасти достаточно солнечной энергии, чтобы пользоваться ею вечером и ночью. Вы видели первую модель курбатовского солнцелета? Идея хороша, но для него необходимы легкие и мощные аккумуляторы. Ярцев предлагал свои, но Курбатов боится на них рассчитывать, пока они себя не зарекомендуют по-настоящему. Сейчас возится с фотоэнергетической тканью, хотел испытать ее в ионосфере. Но что толку? Ведь энергию надо накапливать и транспортировать. А как? В свинцовых или железоникелевых аккумуляторах, которые нам еще деды оставили? Вот и мучается человек. Идей много, а реализовать невозможно.

Пока Борис Захарович говорил, Нюра все время видела перед собой лицо Курбатова. Опять у него неудачи. Ведь все было хорошо. В пустыне построен медный комбинат, работающий на энергии солнца. Дали Курбатову новую лабораторию, при ней уже строится опытное фотоэнергетическое поле. Никаких сомнений в правильности выбранного пути. Но путь-то нехожий, страшный, точно звериная тропа. Идешь и оглядываешься, а не блеснут ли в темноте хищные зеленые глаза неудачи?

А Борис Захарович, видно не на шутку увлеченный ярцевским изобретением, рассказывал, что будет, если сейчас его поддержат. Ведь это совершенно новая идея! Ничего похожего никто не придумывал. Конечно, аккумуляторы Ярцева пока еще находятся в младенческом возрасте, а потому нередко доставляют неприятности. И не только Ярцеву, но и Дерябину, даже Нюре. Сколько времени она отдала их воспитанию!

— Да, да, воспитанию, — подтвердил свою мысль Борис Захарович. — Мне Ярцев говорил, что никогда еще не встречал таких полезных и интересных выводов, которые вы присылали ему в протоколах. При выпуске последней партии он учел многие ваши замечания.

Прощаясь, он еще раз крепко пожал руку Нюре и предупредил:

— Только покорнейшая просьба, не говорите об этом Серафиму Михайловичу. При такой огромной мощности ярцевские аккумуляторы не могут быть легче обычных, они, конечно, потяжелей. А Поярков за каждый лишний грамм мне скандалы устраивает. Побережем его нервы. Договорились?

Что Нюра могла ответить? Значит, так нужно. Но зачем Борис Захарович связал ее словом? Неужели она должна таиться? А вдруг Серафим Михайлович спросит? Что тогда? Лгать?

— Но ведь он заметит? — выдавила из себя Нюра.

— Ни аккумуляторами, ни аппаратурой он не интересуется, целиком полагаясь на меня. Да вы не беспокойтесь, у нас здесь особые счеты.

Хоть и был у Нюры серьезный урок, когда она оказалась слишком доверчивой, но разве можно не верить Борису Захаровичу? И все же чувствовала она себя отвратительно. Неужели люди не понимают, что не все могут лгать, прямо смотря в глаза?

Вспоминая о своем обещании, Нюра боялась идти в конференц-зал, где сейчас следят за полетом «Униона», боялась, что Серафим Михайлович спросит, не попали ли туда случайно ярцевские аккумуляторы, которые она только что горячо защищала? И все же Нюре пришлось преодолеть свою робость и пойти в конференц-зал, так как она вызвалась помочь операторам в расшифровке показаний метеоприборов.

«Унион» плыл на той же высоте. Серафим Михайлович опять заспорил с Дерябиным:

— Вы же не отрицаете, что потом ставили дополнительную аппаратуру? Вот и вчера какой-то аппарат привезли. Ведь я о нем ничего не знал.

— Сейчас узнаешь, — перебил его Дерябин, дрожащими руками протирая очки. Он заметил Аскольдика, бесцельно бродившего по залу с фотоаппаратом. — Не в службу, а в дружбу, попрошу вас найти инженеров. Помните, вчера приехали? — И снова повернулся к Пояркову. — Приборчик, который они установили, весит всего два килограмма двести шестьдесят граммов. Надо полагать, что против него вы не стали бы возражать?

Поярков недоуменно развел руками и подошел к столу, где сидела Нюра. Она записывала в журнал расшифрованные показатели, переданные с «Униона». Рядом с ней полный, краснолицый радист поминутно вытирал запотевшие наушники и ждал очередного сообщения пеленгаторных станций, которые следили за местоположением летающей лаборатории.

Посланный Дерябиным Аскольдик вернулся. Он вынул изо рта сигарету.

— Ваше приказание выполнено, товарищ начальник, — со скрытой усмешкой отрапортовал он. — Насколько я мог установить, прибывших вчера инженеров на территории не оказалось.

— Уехали? Да бросьте вы дымить!

Обидевшись, Аскольдик потушил сигарету.

— По моим сведениям, они даже не выходили с территории.

— Откуда это известно?

— Справлялся в проходной. Пропусков они не сдавали.

Дерябин раздраженно надел очки.

— Чепуха! Сквозь землю они провалились? Анна Васильевна! — крикнул он. — Вы сегодня Бабкина или Багрецова видели?

Нюра отложила журнал и подошла к Дерябину.

— Не видела, Борис Захарович. Но думаю, что они еще не уехали.

— Откуда такое предположение?

Немного смутившись, Нюра готова была ответить, что Багрецов обещал передать ей письмо от Курбатова, но в присутствии Серафима Михайловича, который стоял рядом, упоминать об этом не хотелось.

— Я здесь дежурила всю ночь, — сказала она, рассеянно перебирая бусы, — и они со мною даже не увиделись.

— Очень убедительный ответ, — проворчал Дерябин и, обращаясь к Аскольдику, попросил: — Пожалуйста, еще раз проверьте. Возможно, где-нибудь спят.

Ничего не говоря, Поярков метнулся к аппаратам. На широкой ленте радиовысотомера перо вычерчивало крупные зигзаги, точно стремилось оторваться.

Затаив дыхание, он следил за скачущей кривой. Что там наверху? Диск мечется, как в урагане. Его бросает то вверх, то вниз. Линия высоты похожа на запись пульса лихорадочного больного.

— Включить третью линию! — приказал Дерябин.

В окошках самописцев поползли разлинованные ленты. На них послушные перья по приказу автоматических приборов «Униона» вычерчивали ломаные кривые.

Глядя то на одну, то на другую ленту, Борис Захарович возбужденно пояснял:

— Нам повезло, Серафим. Редчайшее явление. Ведь это в самой туче гроза пишет автобиографию. Так, так... Упало давление... Повысилась ионизация воздуха... А вот здесь мощность разряда. — Он вынул из кармана счетную линейку и, взглянув на масштабную сетку самописца, передвинул на линейке движок. — Так, так... — бормотал он. — Молния в сто семьдесят тысяч ампер. Значит...

Поярков недоуменно смотрел на Дерябина. Да что с ним такое? Говорит о молнии как об искорке в выключателе.

— Но как же вы допустили, что диск попал в грозу?

Дерябин объяснил, что в это время группа приборов не работала и он не знал, что там впереди делается.

— Ничего, ничего, — успокаивал он Пояркова. — Самое страшное позади. — И тут же не мог сдержать удовольствия. — А ведь мейсоновский анализатор оправдывает себя. Багрецов не ошибся. Четкость в любых условиях. Смотрите, вот эта левая кривая отмечает процент озона... Анна Васильевна, покажите утренние записи.

Перышко тащило за собой тонкую красную линию, похожую на растягивающуюся жилку. Вдруг жилка оборвалась, и перо беспомощно скользнуло вниз.

Борис Захарович нахмурился.

— Выходит, зря похвастался. Опять что-то тамстряслось? — Он уже без интереса посмотрел на раскрытую тетрадь, принесенную Нюрой.

Нюра почувствовала неясную тревогу. Ничего особенного. Кроме анализатора, все приборы работают. Но мысли ее все время возвращались к друзьям. Куда исчез Багрецов? Почему не видно Бабкина? Она связывала это с неудачными испытаниями, а причину найти не могла. Допустим, что Бабкин уехал. Но Димка так бы не поступил. Надо же знать его характер. Не мог он позабыть про письмо, он все понимает, чуткий, душевный. А кроме того, Димка честен до мелочей. Сегодня Нюра случайно узнала, что он задолжал буфетчице института несколько рублей. У нее не было сдачи, Бабкин разменять не смог, никого поблизости не оказалось, и буфетчица решила: пустяки, мол, завтра утром принесете. Но Багрецов пока еще не принес, что на него совсем непохоже.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вопреки воле автора тут опять появляется Римма. Хотелось бы о ней вспоминать пореже, но она появилась не просто так, а с находкой, которая могла бы повлиять на судьбу Багрецова и Бабкина. Автор воспользовался этим случаем и рассказал о Римме все, что знал. Пусть знают и другие.

Зажмурив глаза, Борис Захарович сидел в глубоком кресле, изредка потирая седые виски. Что же случилось с анализатором?

Опыт у Дерябина был огромный: работал еще на старых, искровых радиостанциях, потом сам выдувал баллоны для смешных пузатых радиоламп, спаивал в них электроды, строил передвижные радиостанции с так называемым «солдатмотором», сам крутил его ногами, как на велосипеде. Потом увлекся радиозондами и вообще метеорологией. Каких приборов он только не знал! Собирал их, испытывал, постепенно приходя к выводу, что при первых испытаниях любая конструкция хоть немножко, но обязательно должна покапризничать. Обязательно встретятся неполадки — разве все так сразу и учтешь? Больше того, он был убежден, что если сразу все получится хорошо, то потом хлопот не оберешься с «безотказными приборами», которые вначале вели себя чересчур добросовестно.

Звонил Набатников, узнавал, как идут испытания, и просил дублировать на пленке записи анализатора. Дерябин согласился, видимо надеясь, что аппарат Мейсона случайно закапризничал во время грозы и снова начнет работать в более спокойных условиях.

Дерябин тяжело поднялся с кресла, подошел к столу и опять стал рассматривать записи последней передачи. Но что толку? Анализ воздуха так и остался незаконченным.

В дверях появился Аскольдик. Он еще раз обшарил все закоулки территории.

— Не нашли? — спросила подошедшая к нему Нюра.

— Никаких признаков, дорогая.

Все больше и больше Нюрой овладевало смутное подозрение. Припоминался восторженный Димкин рассказ о необыкновенных путешествиях, о метеостанции, которую он устанавливал в горах. Правда, это было

давно, но разве сейчас он не захотел бы испытать, как он тогда говорил, «пленительное волнение неизвестности»? Трудно поверить, но все же допустим, что он спрятался в «Унионе». Но Бабкин? Серьезный, спокойный, рассудительный, в конце концов человек семейный, чем он особенно гордился, — разве он решился бы на такую выходку? А вдруг Димка его уговорил? Или что-нибудь другое случилось?

Подойдя к Дерябину, Нюра робко дотронулась до его рукава.

— Борис Захарович, мне кажется, они... там, — и вскинула глаза к потолку.

— Где «там»? — Дерябин бросил тетрадь на стол. — Договаривайте... Что молчите?

Опустив худенькие плечи, Нюра стояла растерянная и недоумевающая. Борису Захаровичу стало неловко. Проклятые нервы, глупая стариковская раздражительность. Девушка не виновата. Он мягко взял ее за руку, пробормотал какие-то извинения и пожаловался:

— Начальство отдыхает. Будить неудобно, а то бы я спросил товарища Медоварова, как у него с территории люди исчезают? — Он подошел к телефону. — Придется самому действовать.

Борис Захарович назвал номер и попросил зайти дежурного по институту.

Вошел заспанный молодой человек в помятом костюме, с четырьмя авторучками, торчащими из кармана.

— Вы дежурный? — вежливо осведомился Борис Захарович и, получив утвердительный ответ, развел руками. — Объясните, пожалуйста, что у вас за порядки? Как можно выбраться с территории, минуя проходную?

— Это исключено, товарищ Дерябин, — уныло возразил дежурный. — У нас охрана.

У Дерябина сердито ершились усы.

— Знаю, что охрана. Но лучше предположить самое невероятное: часовой спал, вахтер пошел домой чай пить... Все, что угодно, допускаю, но люди договорились до абсолютной... — Он бросил взгляд на Нюру и, запнувшись на полуслове, добавил: — В общем, помогите нам... Расследуйте.

Проводив глазами спящего на ходу дежурного, Борис Захарович опустил в кресло.

Вот так история! Неужели Анна Васильевна права? Но когда же они проскользнули в кабину? Перед

отлетом ее проверяли. Сам осматривал, потом Медоваров. Другие отсеки были запечатаны. Нет, это невероятно!

Чувствуя, что ноги его стали чужими, тяжелыми, Борис Захарович пошел к столу пеленгации.

— Координаты? — спросил он у радиста.

Тот показал карту. Последняя точка пересечения двух невидимых линий лежала где-то неподалеку от восточного берега Крыма.

Легко постукивая лакированными каблучками, вошла Римма в коротком платье, похожем на розовый куст. По зеленому полю были рассыпаны огромные цветы, каких не выводил еще ни один садовник.

Протягивая Дерябину болтающийся на шнурке полуботинок, Римма рассмеялась.

— Який чобот! Коло забора лежав.

Она рассказала, что нашла его случайно, а потом встретила с дежурным, и тот просил эту находку показать Борису Захаровичу. Но что самое главное, Римма хорошо помнит, что в таких ботинках приехал маленький инженер, которому она передавала командировку.

— Це его втрата.

— Тонкая наблюдательность, — сердито заметил Дерябин. — Кроме Бабкина, никто таких туфель не носит?

Римма кокетливо потупила глаза:

— Не надо спорить, товарищ начальник. Дивчинам то краще знаты.

Борис Захарович посмотрел на желтый ботинок, казавшийся в этой обстановке нелепым и смешным.

— Вы на территории нашли его или с той стороны забора?

— Конечно, не здесь. Лежал почти на шоссе. Из автобуса заметила.

— Вот видите, Анна Васильевна, — Дерябин отчески положил ей руку на плечо, — ваши опасения не подтвердились, если, конечно, верить наблюдательности Риммы. Значит, наверху никого нет. Ботинок-то потерял за пределами территории. Трудно этому поверить, но выходит, что наши друзья сняли ботинки и перелезли через забор... — Он задумался. — Или наоборот, потом разулись, на шоссе. В общем, чепуха какая-то получается...

Позвонил Медоваров, ему дежурный доложил о вся-

ких нелепых предположениях. В «Унионе» этих халтурщиков быть не могло. Сам осмазривал. Все печати целы. А почему мальчики сюда не заехали, так это из-за обиды. Они не рассчитывали, что их так рано отправят домой. Хотелось денька три пошляться по Киеву. На всякий случай можно позвонить на работу Багрецова. А вообще следовало бы пресечь все эти провокационные слухи.

— Да, кстати, Борис Захарович, — уже льстиво проговорил Медоваров. — Как дела с иллюминаторами из «космической брони»?.. Нормально? Никаких опасений нет? Большое спасибо, золотко.

Нюра с тревогой прислушивалась к этому разговору. Ее, как и Бориса Захаровича, мало интересовали окошки из «космической брони», но вот насчет звонка в институт, где работает Багрецов, это важно. Тогда все выяснится.

— Возьмите на память, Анна Васильевна, — протягивая ей ботинок, сказала Римма. — Мне он абсолютно ни к чему.

Не успела Нюра возмутиться, как случилось неожиданное. Остановились перья самописцев, погасли несколько рядов контрольных лампочек. Выключилась радиостанция «Униона», и лишь на экране радиолокатора можно было убедиться, что диск не упал, не разбился. Сияющий зубчик чуть заметно передвигался вправо.

Но что толку? У Бориса Захаровича екнуло сердце. Летающая коробка со всеми ее приборами ничего уже не сможет рассказать. Оборвалась радиолиния, и, сколько бы диск ни летал, на какую бы высоту ни забирался, он никому не нужен. Это все равно что выпустить радиозонд без батареек. В самом деле, не батарея ли здесь виновата? Ярцевские аккумуляторы питают радиопередатчик, они подсоединены ко всем приборам, панорамной телевизионной установке, радиолокатору. Именно эта аппаратура сейчас и не работает. Хорошо, что приемники телеуправления питаются от обычных аккумуляторов, иначе случилась бы полная катастрофа — диском нельзя было бы управлять.

Однако Дерябин все еще сомневался. Аккумуляторы Ярцева не могли разрядиться сразу. Всего лишь полчаса назад, расшифровывая показания, записанные на магнитофонной ленте, Борис Захарович мог убе-

диться, что напряжение аккумуляторов нормальное. Новая загадка!

Он быстро подошел к столу, где сидела Нюра.

— Надеюсь, вы как следует проверили зарядку аккумуляторов?

— Неужели вы думаете, — помертвевшими губами прошептала Нюра, — что это из-за них?

Отвернувшись в сторону, Римма лениво раскачивала висевший на шнурке ботинок.

Дерябин разозлился:

— Да бросьте вы его! — И когда она от неожиданности выронила ботинок, спросил: — Вы дежурили в аккумуляторной?

Нюра вступилась за свою ученицу:

— Дело не в этом, Борис Захарович. Я сама по несколько раз проверяла каждую банку. Вот смотрите записи. — Она вытащила из стола толстую тетрадь. — Напряжение, под нагрузкой... число циклов...

Водя пальцем по строчкам, Борис Захарович силился подавить гнев, но именно то, что записи оказались в порядке, отнюдь не успокаивало его, а, наоборот, возмущало еще больше, ибо разгадка никак не давалась в руки. Значит, ярцевские аккумуляторы настолько еще не изучены, что могут выкидывать самые невероятные фокусы.

Захлопнув тетрадь, Дерябин вздохнул:

— Ну что ж... Потом разберемся. Видно, зря надеялся. Так мне, старику, и надо.

Обидно, конечно. Хотел помочь Ярцеву. Уж слишком долго мучается он со своим изобретением. Никто не хотел рисковать. А Дерябин рискнул, за что и поплатился. Сорвались ответственные испытания, и теперь уже никто не поверит в ярцевские аккумуляторы. Не один год пройдет, прежде чем кто-нибудь вспомнит о них. Помог товарищу, нечего сказать.

Потупившись, безвольно опустив вдоль тела руки с синеватыми жилками, стояла Нюра. Она виновата во всем. Как-нибудь ошиблась, пропустила испорченный или незаряженный аккумулятор. Мало ли что записи в порядке, ошибку надо искать там, наверху.

Вот Борис Захарович подошел к телефону. Сейчас скажет Медоварову, что испытания надо прекратить. Потом назначат комиссию, будут доискиваться, почему отказали аккумуляторы. Почему лаборантка Мингалева не проверила их как следует? Это уже вторая серь-

езная ошибка в ее жизни. Выводы напрашиваются сами.

— Ты, может быть, случайно уронила аккумулятор? — робко спросила Нюра у своей ученицы. — Ударила как-нибудь, когда устанавливала?

— Это у вас, Анна Васильевна, все из рук валится. А Серафим-то от вас без ума. Все прямо завидуют. Чи погано?

— Что погано? — рассеянно спросила Нюра.

— Вот чудачка! До сих пор по-украински не понимаете. Я спрашиваю: «Разве плохо?» Ой, не плохо, Анна Васильевна! Совсем не плохо.

Римма говорила вполголоса, косясь на Бориса Захаровича, он все еще в раздумье стоял у телефона. Со стороны нельзя было догадаться, что Римма затеяла столь неподходящий в данных условиях разговор... Ее мало трогали какие-то там испытания: сегодня неудача, завтра все пойдет хорошо — разве в этом дело? Для нее было полной неожиданностью встретить в ресторане Пояркова, которого она исподволь старалась расположить к себе, встретить не одного, не с приятелями-летчиками, а с этой тихоней. Что в ней особенного? Мордочка самая заурядная, одеться так, чтобы на тебя все глаза пялили, не умеет. Сплошная серятина. Пройдет на улице — и никто не оглянется. Ни веселости в ней, ни остроумия. Среднее образование, потом какой-то заочный институт. Да и сейчас какие-то формулы зубрит. Разговаривать может только про аккумуляторы, зарядку, подзарядку... Вообще сплошная техника.

А технику Римма ненавидела. На то у нее были личные причины. Года три тому назад она решила сделаться киноактрисой. Ради этого не поленилась кончить десятилетку, готовилась поступить в киноинститут. Но ее не приняли. Это была сплошная обида. Ей казалось, что принимали каких-то курносых колхозниц, лицо плоское, как тарелка, рост мелковатый, походка утиная. А ее, Римму, с такой блестящей внешностью, по существу, даже к экзаменам не допустили. Только что она начала читать стихотворение, как председатель экзаменационной комиссии сказал: «Довольно». Дикция, говорит, страдает. «Вот уж не замечала!» — возмутилась Римма. «Возможно. Давайте проверим». Поставили перед ней микрофон, записали на пленку, потом прослушали: «Теперь замечаете пришепетыва-

ние?» Римма страшно обозлилась на комиссию, написала в министерство, но ничего из этого дела не получилось. С тех пор она возненавидела всякие микрофоны и магнитофоны, поступила в мимический ансамбль оперного театра, но там, снедаемая завистью к настоящим актрисам, не прижилась и решила устроить свою жизнь иначе.

Родителей она ни в грош не ставила. Отец работал на какой-то фабрике плановиком, мать — медсестрой в «Скорой помощи». Да разве Римма, при ее-то красоте, для такой жизни готовилась? Арифметику она не любила с детства, медицину тем более — при виде крови бледнела чуть ли не до обморока. Ее возмущали ежевечерние разговоры отца и матери. Один восхищается какими-то процентами, другая толкует о сложных переломах бедра. Неужели это может кого-нибудь интересовать?

В детстве Римма училась в балетной школе. Папа ворчал, а мама думала, что из девочки выйдет балерина. Но вдруг девочка начала усиленно расти, обогнала всех своих подруг и уже не могла танцевать в «Щелкунчике». Потом обленилась, стала полнеть. Да и таланта у нее было с тютельку. Пришлось распрощаться с балетной школой. Одно время думали, что у Риммочки хороший голосок. Мама повела ее в музыкальное училище. Но и тут неудача — слух подгулял.

Папа что-то твердил насчет настоящей профессии. Однажды сводил Римму на ткацкую фабрику, но у девочки от шума разболелась голова, и мама категорически заявила, что со стороны папы это все неумное чудачество. Девочка талантлива, и у нее свой путь в жизни.

В семье никогда не говорилось, что это за путь, о нем стыдливо умалчивалось, но все прекрасно понимали, что работать Риммочка не будет, она должна удачно выйти замуж. Однако даже очень красивые и неглупые девушки вроде Риммы могут годами искать себе счастье, если их не окружают серьезные, интересные люди. Школьных друзей Римма растеряла, да и не очень их жаловала — сверстники чаще всего бывают неинтересны, а у артистов мимического ансамбля, кроме мало-мальски смазливой внешности, ничего нет. Римма их втайне презирала.

Значит, надо искать подходящее общество. Но где? Дома? Правда, у отца часто бывают друзья, и дело не

В том, что они немолоды, а попросту люди эти мало интересуют Римму. Бухгалтер, мастер, технолог... Иногда приходит поболтать врач из маминой «Скорой помощи». Брюки на коленках пузырями, рукава потерянные. Родители говорят, что все эти люди очень хорошие. Но разве это общество?

И Римма стала подыскивать себе работу. Конечно, без специальности устроиться трудно, но все-таки она чему-то десять лет училась? Возьмут секретаршей. Надо только не прогадать, выбрать организацию посolidнее, вроде Академии наук. Но оказалось, что во всех академиях места секретарш давно уже были заняты. В научно-исследовательских институтах Римме тоже не повезло, и лишь через каких-то знакомых, по эстафете телефонных звонков — один просит, потом просьба передается дальше — Римме удалось поступить в НИИАП секретаршей к самому товарищу Медоварову. Не больше двух недель работала на этом месте. Жена Толь Толича оказалась столь вздорной и ревнивой, что во избежание скандала пришлось перевести Римму на должность ученицы-лаборантки. Как говорится, «бросить на производство».

Римма было заартачилась, но потом смирилась. Чаще всего она работала в аккумуляторной. Ничего сложного и трудного в этой работе не было. В помещении чистота, прохлада, гудит вентилятор, нагнетая с улицы свежий воздух. Римме не понравился синий халат, она попросила заменить его на белый и тем самым подняла свою скромную профессию на более высокую ступень. Правда, это было нужно лишь для собственного успокоения, и Римма тщательно следила за крахмальной белизной своего халата, за маникюром, чтобы как-нибудь не сравняться с другой аккумуляторщицей, девушками из ремонтной мастерской или с работницами склада.

Вполне понятно, что Римма сразу же обратила на себя внимание. Летчики-испытатели, авиатехники и даже аспиранты частенько забегали в аккумуляторную. У каждого из них оказывался подходящий предлог, но Римма лишь скептически улыбалась. Человек, которым она может серьезно заинтересоваться, не придет в аккумуляторную. Делать ему здесь нечего.

Во время перерыва забегал Петро. Но уж больно он беспокойный, ревнивый. Нет, с ним Римма никогда бы не связала свою жизнь.

Она охотно бывала в лабораториях, куда на электрокаре привозила маленькие аккумуляторы для всевозможных приборов, но обязательно брала с собой какого-нибудь свободного от дежурства паренька, чтобы он помогал ей. Зачем утруждать себя, когда за одну только улыбку парень в лепешку расшибется, и будет таскать аккумуляторы на все этажи, чего бы это ему ни стоило?

Римма сожалела, что Поярков не работает в лаборатории, куда бы она запросто могла заходить якобы для проверки аккумуляторов, а на самом деле, чтобышний раз показаться знаменитому конструктору. Он попросту не разглядел ее как следует. Должен ведь мужчина разбираться в красоте!

Это была ее единственная ценность, и она делала все возможное, чтобы показывать себя в полном блеске и неотразимости. Родители из кожи лезли вон, чтобы заработать Риммочке на лишнее платье. Но этого Римме не хватало, приходилось и самой изворачиваться, продавать надоевшие тряпки, иногда взять с подружки двойную цену за какой-нибудь отрез, купленный в магазине: «Что ты, что ты, милая, ведь такого же не найдешь! Мне досталось случайно». Все свои желания и стремления, все чистое и светлое, что было у нее на сердце, расплескала она по капелькам, по пустякам. И хоть терпеть не могла вина, осуждала отца-курильщика, говорила, что все это наркомания, надо бы запретить такое безобразие, — у нее самой дрожали руки, будто у пьяницы, когда она видела в витрине комиссионки модный отрез, босоножки, цветные тряпки. Она выклянчивала у матери деньги, и тогда вся семья могла сидеть чуть ли не на одной картошке, только бы угодить единственной дочери.

Прошло каких-нибудь три месяца, и Римма уже стала своим человеком в НИИАПе. Толь Толич считал себя вроде как бы виноватым перед ней. Бедная девочка, должна сидеть где-то в аккумуляторной.

Он вызвал к себе однажды Ньюру, которую невзлюбил, возможно лишь потому, что она работала у Курбатова, а тот не очень-то учтиво обошелся с Толь Толичем... Вызвал и с усмешечкой посоветовал:

— Растить надо молодые кадры, Анна Васильевна. Почему вы не приучаете ученицу — лаборантку Чупикову к самостоятельной работе? Закиснет она в аккумуля-

муляторной. Смелее, смелее выдвигайте молодежь! Вам еще рано бояться конкуренции.

С тех пор Римма занималась чем угодно, вернее, тем, что ей больше нравилось. Например, ходила с озабоченным видом по всему институту, что-то искала, проверяла и таким образом коротала время до звонка.

Вот и сейчас, ей очень повезло с находкой ботинка, иначе бы она не осмелилась войти в зал, где хозяйничает суровый Борис, — за глаза Римма и молодых и старых называла только по имени. Сегодня никто с ней не любезничал, хотя и времени было много свободного. Ведь аппараты включаются по часам, а в перерывах дежурные свободны.

Но сейчас все «переживают». Удивительный народ! Римма хотела было уйти: скукота. И в эту минуту снова запрыгали перья самописцев, зажглись контрольные лампочки. Все ожило, точно от глубокого сна. Борис Захарович бросил на рычаг телефонную трубку. Нюра порывисто обняла свою помощницу. Значит, дело не в аккумуляторах. Возможно, что-то заело в автоматике. Это иногда бывает даже на АТС, на что уж там техника освоенная.

Зря Нюра сомневалась в автоматике. Перед отлетом ее дотошно исследовал сам Борис Захарович. Сейчас у него все больше и больше крепла уверенность, что причину надо искать в аккумуляторах. Трудно сейчас догадаться, где она скрывается, посмотреть придется после того, как «Унион» опустится на ракетодроме Ионосферного института. Была одна мыслишка, но бредовая. Допустим, Багрецов и Бабкин все же проникли в «Унион», но можно ли поверить, что они занимаются там устранением технических неполадок? Явная несуразица...

Большинство операторов и других специалистов из тех, кто дежурил у приемников и приборов, даже работали с Борисом Захаровичем и сюда приехали по его вызову. Разве могли они сдерживать радостные улыбки — ведь испытания продолжаются, и надо надеяться, что беда пронеслась стороной, что явление это абсолютно случайное и больше уже не повторится.

Пользуясь случаем, что попала в зал, где можно встретить Серафима Михайловича, Римма ждала его, делая вид, будто крайне заинтересована, нормально ли работают аккумуляторы в переносных контрольных приборах.

Наконец-то она дождалась. В дверях появился Поярков. Никого не замечая, он прошел мимо улыбающейся Риммы и обратился к Дерябину:

— Вы знаете, что мне заявил уважаемый Толь Тольич? Говорит, что фокус с ребятами это я придумал. Вроде как бы оправдаться, что диск перетяжелен. Но все-таки он сменил гнев на милость и даже приветствует испытания по седьмому пункту программы. Итак, по нашим расчетам, «Унион» сейчас должен быть где-нибудь над мысом Форос.

Дерябин молча подвел Пояркова к затененному от света экрану. На нем четко вырисовывались очертания крымского берега. Пенная кромка прибоя, остроконечные скалы, дорога, поднимающаяся в горы.

— Разве вы не знаете, что десять минут тому назад на экране ничего не было? — спросил Дерябин.

— Я разговаривал с Москвой. Кстати, мне сказали, что Багрецов взял дополнительный трехдневный отпуск за счет переработки. Наверное, хочет в Киеве погулять. Ну а здесь как дела?

— Вероятно, отказали аккумуляторы. Боюсь, как бы это не повторилось.

Поярков напряженно потер висок и укоризненно посмотрел на Дерябина:

— Ну что ж, Борис Захарович, вопросов больше нет.

Неверными шагами он прошел вдоль столов, где чуть слышно гудели аппараты, шелестели магнитофонные и бумажные ленты, и, возвратившись назад, остановился за спиной Нюры.

— Там, наверху, ярцевские аккумуляторы?

Нюра испуганно обернулась и, встретившись с его глазами, опустила голову. За всем этим с явным любопытством наблюдала Римма. И если ее никогда не интересовали особенности тех или иных аккумуляторов, то в данном случае полезно кое-что разузнать. Она подошла ближе.

— Вы меня, конечно, извините, — с нарочитым смущением заговорила Римма, теребя кружевной платочек. — Но, Серафим Михайлович, мне дуже треба спытать у Анны Васильевны, це яки ярцевские? Жовтии, смугастии? Желтые, полосатые? — и, заметив, что та кивнула головой, повернулась к Пояркову. — Прямо замучилась с ними. То заряжай, то разряжай. А все попусту. И вообще я даже удивилась, когда мне Анна

Васильевна сказала, что будем устанавливать эти полосатые.

Она хотела посочувствовать Пояркову, намекнуть, что есть такие неблагодарные, которые только к начальству подлаживаются. А Серафим Михайлович хоть и проявляет к Анне Васильевне дружеские чувства, а никакой он ей не начальник. Вот и подвела его Анна Васильевна. Все это Римма обдумала, нашла подходящую форму, как сказать, но Борис помешал, подошел он злющий-злющий и, не считаясь с девичьим очарованием, — куда ему, возраст не тот, — попросту выставил ее за дверь.

— Прошу вас возвратиться к рабочему месту, — прокрипел он, и обиженная Римма, круто повернувшись, показала ему спину.

Дерябин сделал знак Пояркову, и они вместе вышли в коридор. Облокотившись на перила лестницы, устланной красной дорожкой, Борис Захарович спокойно проговорил:

— Мы с тобой здесь на равных правах, Серафим, но возраст мой позволяет предупредить по-отечески. С какой стати ты начинаешь расспрашивать рядовых работников, какие им приказано установить аккумуляторы? Анна Васильевна здесь вовсе ни при чем. Спросил бы у меня.

Поярков беспокойно скользил рукой по перилам.

— Я не хотел вас обижать, Борис Захарович. Но что бы вы делали на моем месте? Из-за каких-то несчастных аккумуляторов все идет прахом. Высота гораздо меньше расчетной, неожиданные перерывы в работе телеметрических аппаратов. И вдруг новое дело: «Унион» нельзя испытать по одному из самых главных пунктов программы! Будь они неладны, эти аккумуляторы!..

Поярков поставил было ногу на ступеньку, чтобы спуститься вниз, но Борис Захарович его остановил:

— Не торопись. Все аппараты «Униона», которые участвуют в системе телеуправления, питаются от обычных аккумуляторов. Ярцевские тут ни при чем.

— Но вы сами говорили, что из-за них не работал панорамный телепередатчик.

— Абсолютно точно. Больше того, я его вынужден выключить, чтобы не расходовать энергию, которая нам необходима для других аппаратов.

Пояркову ничего не оставалось, как только развести руками.

— И вы хотите проверять управление диском, не видя земли?

— В данном случае не земли, а воды, — поправил его Дерябин. — Не знаю, как ты, но я охотно доверяю радиолокаторам.

— Откровенно говоря, Борис Захарович, мне как-то не по себе. Боязно. Разве только пробовать на большой высоте.

Борис Захарович обнял конструктора за плечи и легонько подтолкнул его к двери:

— Пошли, пошли. Нечего киснуть. Испытаем, как положено, на разных высотах. И я вовсе не собираюсь сбросить в воду твою летающую пуговицу. Она еще нам пригодится.

Сказано это было с шутливой бодростью, но, несмотря на абсолютную уверенность в аппаратах телеуправления, Борис Захарович чувствовал, как щемит и покалывает сердце. Даже у телеги ломаются оси, а здесь... Кто знает, что может случиться?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Здесь Багрецов мечтает о космических лучах и небесном золоте. Мечты эти, по мнению Бабкина, абсолютно безответственные. А потом нашим друзьям пришлось встретиться с жестокой реальностью, и оказалось, что не всякий орел — птица.

абкин знал, что первая конструкция диска управлялась с земли по радио. То же самое осталось и в «Унионе». Но мог ли он предполагать, а тем более Багрецов, что Борис Захарович будет испытывать телеуправление на такой маленькой высоте?

Сейчас диск просто падает. Уже видны пузырьки на зеленой воде. Багрецов закричал, и в ту же минуту появился Тимофей.

— Прыгай, Димка! Прыгай! Доплывем...

Вода приближается, закроет люк, тогда не вынырнешь.

Бабкин трясет Димку за плечи, а тот смотрит в одну точку и молчит.

— Доплывем... Близко, — уговаривает и тащит его за собой Тимофей.

— Не умею. Плавать не умею! — со злостью и отчаянием выкрикивает Багрецов. — Что ты от меня хочешь? — бросился от люка и исчез в темноте коридора.

Но что это? Диск на мгновение повис в воздухе и стремительно пошел вверх. Пенные узоры волн расплывались, становились все меньше и меньше.

Облегченно вздохнув, Тимофей хотел было поискать Димку, но тот уже стоял рядом, прижимая к животу увесистый аккумулятор.

— Вот... вроде балласта.

Как потом выяснилось, Багрецов хотел выбросить из кабины испорченные аккумуляторы.

Бабкин успокоился, тихая радость словно обволакивала все его существо. Молодец Димка! Головастый. Здорово придумал. Кто же знал, что Борис Захарович проверяет телеуправление? Чуть в воду диск не загнал. Ошибись он на десяток метров, пришлось бы несчастным пассажирам рыб кормить. Правда, Димка успел бы выбросить балласт. Хорошо, что не выбросил. Надо же выяснить, что случилось с аккумуляторами, кто их поставил и кто за это дело должен отвечать?

— Отнеси аккумулятор. Чего стоишь? — сказал Бабкин хмуро, все еще переживая возможную неприятность. — Погоди, а паспорт от него где?

У каждой из банок должен быть целлулоидовый квадратик, на котором записывались основные данные аккумулятора: сколько циклов он прошел, то есть сколько раз заряжался и разряжался, когда он был заряжен последний раз и прочие показатели. Все это скреплялось подписью проверяющего. В данном случае подписи на испорченных банках были неразборчивы. Но Вадим все же успел оторвать паспорта от банок и сунуть их в карман, чем и заслужил молчаливое одобрение Тимофея.

На старое место Вадим аккумуляторы не поставил — так, на всякий случай, а привязал их галстуком к стойке каркаса.

Возвратившись к люку, Вадим предложил:

— А что, если как-нибудь добраться до радиостанции и дать радиограмму?

— Зря ты отсюда не выпрыгнул, — со злостью прервал его Тимофей.

Вадим обиженно заморгал.

— Что же тут особенного?

— Ничего. Чудная твоя голова. Пока все идет нормально, а из-за твоей дурацкой радиограммы, которую ты и передать-то как следует не сумеешь, все дело прикончится. Сразу же на землю посадят.

— А ты этого не хочешь? — спросил нетерпеливо Вадим.

— А ты?

Особого удовольствия Вадим от полета не испытывал, тем более после того, как диск чуть не нырнул в воду. Но признаться в этом не мог. Все-таки они не зря здесь остались. А вдруг опять какой-нибудь аккумулятор подведет?

Не дождавшись ответа, Тимофей спустился по лесенке — хотелось узнать направление полета. Вадим лег на живот и, опершись подбородком на холодный край люка, смотрел вниз.

Море покрылось голубоватой дымкой, и тень диска растаяла. Только сейчас Вадим убедился, как точно можно управлять этой оригинальной летающей конструкцией. Уменьшил объем — и диск пошел вниз. Отпустил стягивающие рычаги — и он сразу же взлетает вверх. Дирижабль? Как это Тимка сказал? «У жабы — жабры»?.. А если иначе: «Бывают жабы в дирижабле», или так: «Самым лучшим в мире жаб... будет этот дирижабль...» Можно и по-другому: «Мы ослабли, перезябли, пролетая в дирижабле». Чепуха. «Перезябли» — это для рифмы. Пока совсем не холодно.

— Ветер с севера! — подняв голову, крикнул Бабкин.

Приглядевшись, Вадим заметил, что бугорки волн освещались заходящим солнцем. Сильный ветер гнал «Унион» на юг. Отблески солнца на волнах ясно указывали, куда он летит.

Возникло неприятное ощущение. Ведь это первый дальний перелет после переделки диска. А вдруг откажет система управления? Вдруг он опять начнет снижаться? Надо быть готовым ко всему.

— Сколько часов ты сможешь продержаться на воде? — уныло спросил Вадим.

— Не знаю, не считал.

Вадим досадовал на себя, что до сих пор не научился плавать. Сразу же пойдет на дно, как чугунная чушка.

И все-таки Вадим не верил этому, гнал от себя тревогу — зачем же мучиться попусту? — и втайне лелеял надежду, что в «Унионе» есть двигатели и что Борис Захарович действительно сможет посадить диск на ракетодроме Набатникова.

— Зря ты меня пугал, Тимка, — начал Вадим. — Уверен, что двигатели здесь остались.

Тимофей говорил, что раньше в диске были космические уловители Набатникова. Находились они наверху и через сложные фокусирующие устройства передавали принятую энергию в камеры, куда закладывались разные химические элементы. На земле наблюдали за самыми ничтожными их изменениями. Вадим знал, что можно превратить один элемент в другой, например металл литий в газ гелий, а Набатников решил заняться чудесными превращениями более стойких элементов с помощью космической энергии.

Мечтатель Багрецов представлял себе будущий, необыкновенный мир. Люди уже изучили природу невидимых частиц и овладели полностью атомной энергией. Начались чудесные превращения вещества. Интересно, что скажет Тимка?

— Вообрази себе, — крылато взмахивая руками, продолжал Вадим, не замечая, что у Тимофея не сползает с лица скептическая усмешка. — В специальные камеры диска наливается, предположим, ртуть. Диск летит вверх на тысячу километров, где с помощью космических уловителей Набатникова ртуть превращается в золото. Ну а потом ничего не стоит диск опустить на землю... Каково?

Опять молчит Тимофей. А ведь такая изумительная идея! Но вот он перестал иронически улыбаться, сейчас что-нибудь скажет по существу.

— Теперь я понимаю, почему тебе не везет, — ни с того ни с сего заключил Тимофей. — Всю жизнь будешь одиноким, если годам к шестидесяти, когда у тебя появятся настоящие деньги, за тебя не пойдет какая-нибудь кукла, вроде...

Вадим сжал кулаки.

— Опять?

— Да что, мало ли таких? Я твою Римму и вспоминать не хочу. А только знай, что романтиков и чудаков девушки не любят. Им нужны люди поспокойнее. И рыцарство твое они презирают, и твое волнение... Ты же ничего не можешь скрывать — ни восхи-

щения, ни радости... Даже ревность из тебя прет наружу.

— Ну и пусть! — Вадим хрустнул пальцами и закинул руки за голову. — Почему ты за всех говоришь? А Римму не трогай. Я же о твоей Стеше ничего не сказал.

Тут пришлось и Тимофею обидеться.

— Спасибо за сравнение.

Неожиданный толчок, свист, шипение форсунки. В открытый люк врывается ветер и мчится дальше по коридору.

Но вот все стихло. Диск летит уже по инерции. Видно, Дерябин, стоявший за пультом радиотелеуправления, несколько изменил направление полета и выключил двигатели «Униона». Теперь можно не опасаться, что он опустится на чужом берегу.

— Я же говорил, что двигатели остались, — умиротворенно проговорил Вадим, наклоняясь вниз, точно он мог их увидеть. — Тимка, смотри, орел! Неужели орлы так далеко залетают? Рыбу он, что ли, высматривает? Сумасшедшая птица!..

Бабкин нехотя посмотрел вниз. Действительно, распластав широкие крылья, неподалеку парил орел. Казалось, что ветер его несет вслед за диском.

Всем корпусом наклонившись над люком, Вадим пригляделся и с тревогой обернулся к Бабкину.

— Мне что-то не нравится эта птичка. Из-за такой вчера самолет разбился.

— У нас скорость другая... Не столкнемся. Правда, я слышал, что орлы иногда нападали на планеристов. Но здесь мы в безопасности.

— Да я не о том. Приглядиись получше.

Не надо было особенно напрягать зрение, чтобы заметить странное радужное сияние над крыльями птицы. Похоже, что мельчайшая водяная пыль играла в лучах солнца. Крылья вздрагивали от ветра и казались неживыми, не было в них упругости и воли, орлиной воли, коей человек так часто наделяет эту могучую птицу.

Ветер подогнал ее к диску, и теперь Тимофей уже ясно видел прозрачный воздушный шар и привязанное к нему чучело орла. Даже не чучело, а схематический макет, чем-то напоминающий первые конструкции юных авиамodelистов. Крылья были обтянуты черной тканью или целлофаном, хвост картонный. Однако, не-

смотря на примитивность этой игрушки, Бабкин прекрасно отдавал себе отчет, что сработана она не в кружке моделлистов где-нибудь поблизости отсюда, скажем, в «Артеке», что это не забава пионерская.

— Поймать надо, обязательно... — прошептал Вадим. — Здесь не просто шар с листовками.

— Почему с листовками? Наверное, с фотоаппаратом.

— А я-то думал, что с такими подлыми штуками давно покончено, — вздохнул Вадим и неожиданно стукнул кулаком по звенящему металлу. — Но что же мы будем делать? Любоваться?

— Выходит, что так. Сама она в люк не залетит. — Бабкин пристально смотрел на черную птицу и мысленно как бы ощипывал ее, сдирал кожу, чтобы добраться до нутра. — Интересно, какой у нее там приемничек? На транзисторах, наверное?

Вадим рассердился.

— Тебя только это интересует. А подумал ли ты, что про такую птицу никто ничего не знает? С земли шар не заметишь. Да и с самолета тоже трудно: промелькнет — и все. А птичка эта спокойненько пролетает над нашими пограничными и военными объектами и снимает, что нужно. Кто догадается, что орел может быть воздушным разведчиком?

— Но мы ведь расскажем.

— А доказательства где? Мало ли что померещилось двум чудакам. Мягко выражаясь, мы лица с тобой неофициальные. Да и поверить трудно. Спрятались в диске, а потом, чтобы заслужить прощение, проявили бдительность и разоблачили наглые происки капиталистов. У них, мол, даже птицы шпионят. Действительно курам на смех. А кроме того, еще неизвестно...

У Вадима чуть было не вырвалось признание, что он не уверен в благополучном исходе путешествия. Будут ли они живы? Но вовремя спохватился. Даже думать об этом нельзя.

— До чего же обидно, — злобно проговорил он. — Болтается шпионка под самым люком, а достать нельзя. Веревкой бы как-нибудь зацепить.

— Специально ее для нас припасли, — скептически отозвался Тимофей, но вдруг быстро поднялся по лесенке.

Где-то здесь была лебедка. Вот она — под прозрачным колпаком из пластмассы. Трос стальной, но где же он заканчивается? Пришлось Бабкину снова спуститься вниз. Высунув голову из люка, он сразу заметил втулку, сквозь которую проходил трос с грушевидной гирькой на конце.

— Не достать, — сказал он с сожалением.

Вадим осматривал закрытую лебедку. Надо как-то освободить трос. Барабан удерживается электромагнитной собачкой, а к ней подходит кабель. Если его отсоединить, цепь разорвется, реле освободит защелку у зубчатого колеса, гирька потянет трос, барабан завертится и начнет разматываться.

Он достал из кармана отвертку, освободил винт и вытащил из-под него наконечник. В кожухе что-то щелкнуло, барабан нехотя повернулся и завертелся все быстрее и быстрее.

Бабкин крикнул снизу:

— Пошел!

— Тащи к себе.

— Попробую достать, — проворчал Бабкин, поспешно расстегнул ремень армейского образца и опустил в люк.

Взмахивая несколько раз ремнем, Тимофей старался зацепить трос и подтянуть его к себе. Это было нелегко. Но вот ремень обвился вокруг троса, и Тимофей потащил его к люку.

Уже наверху, возле лебедки, он вытер со лба пот и стал вытягивать трос, который оказался очень длинным — метров сто, не меньше.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Тимофей, когда гирька стукнулась о край люка, и, подкинув ее на ладони, сказал: — Конечно, можно и этой попробовать зацепить, но «кошкой», куда удобнее.

— Что за «кошка» такая?

— Обыкновенная. Ну как тебе рассказать? Упустишь в колодец ведро, а «кошкой» достанешь. Якорь такой четырехлапый. Ну да ладно, попробуем гирькой.

Бабкин спустился на предпоследнюю перекладину лестницы и, подсунув ноги под нижнюю планку, принялся раскручивать гирьку. Со стороны это напоминало детскую игру. Есть такая: ребята перепрыгивают через вращающуюся веревку с привязанным камнем. Однако Вадим вспомнил не игру, а лассо ковбоев...

Раскручивается веревка с петлей. Бросок — и вот уже бьется на земле дикий мустанг. Впрочем, какой там бросок? Тимофей, далекий от романтики, планомерно и осторожно освобождая трос, описывал гирькой все более широкие круги, чтобы она оказалась под летящим шаром.

Вот она уже совсем близко от шнура, на котором подвешена птица. Неуловимое движение — и Вадим восторженно всплескивает руками. Трос коснулся шнура, гирька обежала вокруг него несколько раз, и теперь уже ничего не стоит подтянуть орла-разведчика к люку.

Прозрачный шар в люк не пролезал. Бабкин осмотрел тонкий нейлоновый шнурок и, заметив, что в нем не было антенного провода, чиркнул ножиком и отпустил шар на волю.

— Напрасно, — возразил Багрецов. — Нужно было сохранить оболочку.

— А если в ней горючий газ? Мне такие опыты не нравятся.

Затаив дыхание Вадим следил за Бабкиным. С какой величайшей осторожностью он втаскивал чучело в люк, боясь помять крылья, повредить картонный хвост. Пользуясь тем, что внизу светлее, Тимофей стал исследовать устройство орла-разведчика прямо на лесенке.

— Вот и антенна нашлась, — пояснил он, сосредоточенно наморщив лоб. — Видишь провод на крыльях? Теперь посмотрим, что снизу.

Тимофей с трудом повернул крылатое устройство. Блеснул фотообъектив.

— Голубая оптика, — с видом знатока заметил Вадим. — Просветленная. Короче говоря, та же летающая фотокамера — их немало выловили в разных странах. Только вот оформление другое. Для маскировки, наверное.

— Не думаю. Здесь что-то новое.

— Старье. — Димка небрежно махнул рукой и вдруг засмеялся. — Смотри, смотри! Из твоей птицы песок сыплется.

Действительно, внутри ее что-то звякнуло, и на руку Тимофея посыпался песок.

— Вполне закономерно. Ты догадался почему? — обрадованный своим открытием, спросил Вадим. — Какой-нибудь собачий сын сидит на том берегу под пальмами и, удивляясь, почему его птичка не подни-

мается выше, выбрасывает из нее балласт. В шарах-разведчиках тоже можно было это делать.

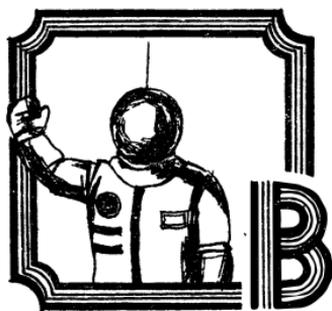
Молча исследовал Бабкин механическую птичку. Как бы заглянуть в ее нутро? Он заметил, что вся нижняя часть из тонкой пластмассы представляет собой как бы крышку. Но где у нее запоры или винты? Ничего похожего. Крышка удерживалась двумя шпильками, стоило лишь потянуть за них, и она сразу же освободилась.

Под крышкой оказались хорошо знакомые радиотехникам детали. Вот транзисторы, похожие на те, что у Вадима и Тимофея были в приемниках, вот мощная батарейка, разные катушки. Все эти детали были собраны на изоляционных панелях, а по ним серебрились узоры печатной схемы. Ничего особенного, все то же, что и в нашей бытовой радиоаппаратуре. Но...

— Узнаешь? — спросил Бабкин, указывая на стеклянную трубку, покрытую изнутри золотистым налетом.

— Значит, не фотосъемка? — выдохнул из себя Вадим. — Тут гораздо серьезнее.

И над птицей-шпионом опять склонились две головы. Море темнело, наступал вечер.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Сейчас автор познакомит вас с Афанасием Гавриловичем Набатниковым, директором Ионосферного института. Это очень порядочный человек, и он не будет притеснять изобретателей. Автор спешит об этом предупредить, ибо пойдет разговор насчет изобретателя «космической брони». Не подумайте, что он лицо страдающее.

В горах Кавказа еще сохранились старинные башни. О них складывались легенды, их воспевали поэты. «Вот башня револьвером небу к виску разит красотою нетроганной», — писал Маяковский. Столь же прекрасна была и другая башня. Вокруг нее ходило много легенд, но ни стихов, ни песен о ней не слагали.

Поэтические образы Тамары и Демона не витали над этой башней, здесь творилась иная легенда. В самом деле, что может быть общего между «вольным сыном эфира» из надзвездных краев и профессором Набатниковым, пожилым, грузным мужчиной в обык-

новенном мешковатом костюме? Разве только общий интерес к этим надзвездным краям, куда Демон обещал умчать свою подругу.

У профессора желания поскромнее. Он лишь познавал, изучал эти неведомые края, надеясь, что рано или поздно сумеет заставить работать на человека вечную и неиссякаемую космическую энергию. А тогда уже какой-нибудь потомок сможет путешествовать в надзвездных краях с товарищами или подругой.

Жители окрестных поселков видели, как по ночам в полупрозрачном куполе башни зажигались неведомые огни, как поднимались вверх мерцающие световые столбы. А иногда из-за башни вдруг взвивалось вверх огнедышащее чудище и, оставляя за собой раскаленную, долго не гаснущую полосу, скрывалось в облаках.

Они видели плавающие над башней светящиеся шары, слышали подземные толчки, рев и шипение огненных струй. Над многоцветным куполом вдруг расступались облака, и оттуда вниз спускалась тонкая, ослепительная пряжа. А иной раз появлялась хвостатая комета, она долго кружила над горами, и на их вершинах дробился зеленоватый беспокойный свет.

Все эти чудеса жители видели собственными глазами. Люди они были грамотные, с восьмиклассным образованием и повыше, кое-что понимали в научных явлениях, но все равно таинственная башня казалась им абсолютной загадкой. Что там творилось — непонятно.

Школьники, начитавшиеся фантастики, говорили, что возле башни испытывается космический корабль, что отсюда ведутся дипломатические переговоры с марсианами... Иные утверждали, будто марсиане уже прибыли и живут в башне, куда напустили специального марсианского газа, которым они только и могут дышать.

А сегодня предположение это почти подтвердилось. Пастушонок искал пропавшую овцу и, оказавшись неподалеку от таинственной башни, видел, как из нее вышел огромный толстый марсианин в каком-то прозрачном костюме.

— Голова — во! Как тыква, — запыхавшись, рассказывал пастушок. — Безглазая! Безротая!

Кто-то усомнился:

— Врешь. А как же они едят, коли рта нет? —

И слушатели разошлись, оставив мальчугана в печальном недоумении.

Знал бы он, что видел самого обыкновенного человека, но только в специальном защитном костюме! Профессору Набатникову приходилось работать с радиоактивными веществами. Он уже надел защитный костюм, но в эту минуту услышал рокот самолета, с которым должен был прилететь Дерябин. Вот и вышел посмотреть, не он ли это в самом деле.

Что пастушонок? Даже старый инженер Борис Захарович, близко знакомый с подобными костюмами, и то был немало поражен, увидев странную фигуру, у которой вместо головы сиял золотой шар, какие раньше в барских садах ставили на клумбах.

Фигура шла к Дерябину, широко расставив руки, как бы для объятия, но Борис Захарович что-то не очень к этому стремился.

— Борис, друг ты мой! — обрадованно воскликнул Набатников, но друг его слышал только невнятное бормотание. — Не беспокойся, пока все в порядке.

Набатников прежде всего должен был его успокоить, так как во время полета Дерябин точно не знал, как идут испытания «Униона». Правда, отошел он от пульта управления всего лишь три часа назад, причем оставил возле него своего ученика, весьма толкового инженера, но разве не бывает случайностей.

Именно боязнь этих случайностей и мнительность Пояркова заставили Бориса Захаровича поспешить сюда к Набатникову. Скоро «Унион» придется сажать на здешней площадке ракетодома. Конечно, Дерябин мог бы это сделать, не прилетая сюда. «Унионом» можно управлять за многие сотни километров, из того же НИИАПа. Однако Борис Захарович предпочел лететь на место посадки, где диск видишь непосредственно, а не на экране радиолокатора. Зачем испытывать судьбу, тем более что после модернизации «Униона» его еще ни разу здесь не опускали.

Сквозь дымчатую позологу, которой был покрыт изнутри пластмассовый шлем, Дерябин наконец рассмотрел знакомое добродушное лицо Набатникова и, обнимая его, выругался:

— Фу ты черт, каким страхолюдным вырядился! Перепугал до смерти.

Набатников хотел было с ним по привычке расцеловаться, но лишь ткнулся холодной пластмассой в щеку.

— Да сбрось ты этот дурацкий колпак! — рассердился Дерябин. — Ничего не пойму, что ты там бормочешь.

Потянув петельку застежки, Набатников расстегнул комбинезон и, облегченно вздохнув, откинул назад золотой колпак.

— Тяжел, проклятый...

Давно не видел Дерябин своего друга. Пожалуй, целый год. Впрочем, когда тебе перевалило за пятьдесят, лишний прожитый год уже никак не отражается на внешности. Морщинок столько же, такие же припухшие красноватые веки. Как всегда, чисто выбритый упрямый подбородок, изрядно поседевшая и поредевшая шевелюра, ласковая усмешечка на губах. И абсолютно молодые, невыцветающие карие глаза.

После дружеских приветствий и выяснения некоторых особенностей текущих испытаний Набатников взял друга под руку и потащил к башне.

Дерябин вновь заинтересовался защитным колпаком.

— Первый раз такое чудище встречаю. Да что ты видишь сквозь него?

— А ты погляди.

Борис Захарович заглянул. На просвет пластмасса оказалась зеленоватой, сквозь нее было видно хорошо, как в солнцезащитные очки.

— Влип я с этим делом, Борис, — жаловался Набатников. — Теперь вот хожу и маюсь. Как-то давно в министерстве я сказал, что обыкновенный прозрачный шлем — а им я иногда пользуюсь при работе — надо бы усовершенствовать. Болят глаза от слишком ярких вспышек на экранах, да и на других приборах часто бывает такая иллюминация, что прямо ослепнешь. Пробовал я надевать темные очки, но под гермошлемом они меня раздражали. Не лучше ли сделать верхнюю его часть потемнее. Сказал — и забыл об этом. И вдруг дело завертелось. Нашелся предприимчивый человек. В институте, где он работал, оформили задание, включили его в план, получили средства. Через год приезжает ко мне некий развязный молодой человек и сует под нос удостоверение аспиранта какого-то научно-исследовательского института новых стройматериалов.

— Почему стройматериалов?

— А я откуда знаю? Видимо, в этом институте не

сумели разработать дешевую пластмассу для строительства и занялись пустячками. Так вот, этот молодой человек забрал у меня старый шлем и оставил золотой. Я даже глазом не успел моргнуть.

Борис Захарович с наслаждением вдохнул чистый горный воздух.

— Так и ходишь в медном горшке?

Набатников говорил, как большинство волжан, выделяя букву «о».

— Я тебе сказал, что в золотом. Старая вещь, давно известная. Раньше в богатых домах покрывали стекла изнутри тонким слоем золота. Стоит дама у окна, смотрит на улицу, а с улицы даму не видно. Но мне такая забава ни к чему. Не хочу я прятаться и пугать людей. Вместо головы — самовар пузатый. Но это еще не все. Занялся я другой работой, где защитный костюм не требовался, и совсем позабыл о золотом колпаке. Но мне напомнили. Сегодня разворачиваю один научно-популярный журнал — и глазам своим не верю... — Набатников порылся в боковом кармане и вытащил вырезанную из журнала страничку. — Как тебе это нравится?

Борис Захарович поправил очки, взял вырезку и вдруг почувствовал нечто знакомое.

— «Космическая броня»?

— Она самая, — подтвердил Афанасий Гаврилович. — А ты читай, читай.

На странице под широковещательным заголовком было написано:

ЗАЩИТНЫЕ СКАФАНДРЫ И КОСМИЧЕСКАЯ БРОНЯ

(Беседа с доктором химических наук В. И. Литовцевым)

Наш корреспондент побывал в лаборатории, руководимой известным советским ученым — доктором химических наук В. И. Литовцевым. Помимо основных работ, связанных с проблемами новых строительных материалов на базе пластических масс, Валентин Игнатьевич ведет работы огромного перспективного значения, связанные с извечной мечтой человечества — полетами на другие планеты. Вот что нам рассказал доктор химических наук Валентин Игнатьевич Литовцев:

«Освоение космических пространств ставит перед учеными множество труднейших задач, из которых особое значение приобретает проблема стойких и сверхпрочных материалов, необходимых для постройки космического корабля. Я не буду касаться жароупорной керамики для двигателей и металлической основы корабля. Нашей лабораторией разработан новый материал, названный «космической броней». Это легкий, прозрачный материал высокой прочности, обла-

дающий защитными свойствами против космических частиц. Так, например, иллюминаторы, сделанные из этого материала, не мутнеют от вредных излучений, обладают высокой морозостойкостью, не боятся высоких температур. Наш скромный коллектив гордится некоторыми успехами, достигнутыми в создании новых материалов для будущих космонавтов.

Но мы не успокаиваемся на достигнутом. В результате упорного труда нами разработаны скафандры, которые найдут широкое применение не только в космических полетах, но и в народном хозяйстве. Новые скафандры, защищающие от всевозможных вредных радиаций, от ослепляющих вспышек и прочих явлений, связанных с атомным распадом, уже испытаны и дали положительные результаты. Эти же скафандры используются летчиками для высотных полетов. Так, например, один из руководителей одного научно-испытательного аэрологического института широко применяет их в работах аэрологических лабораторий...»

— «Один из руководителей одного института...» — рассердился Дерябин и, не дочитав страницу, вернул ее Набатникову. — Да ведь это же о Медоварове. Врет он все. Мне летчики говорили, что не хотят пользоваться золотыми набалдашниками Литовцева. Как я раньше не догадался, откуда их выписал Медоваров.

— А я его понимаю. Пластмассы — это давнишнее увлечение Анатолия Анатольевича. Так сказать, «пунктик». Явление абсолютно положительное. Иногда человек становится от этого благороднее.

— Не уверен. Ведь Медоваров из своих полимеров только брошки да клипсы прессовал. Да, кстати, а что за деятель к тебе приезжал? Аспирантом назывался.

— Не помню фамилии. То ли Поваров, то ли Пирожков.

— Плешивенький такой?

Набатников рассмеялся:

— Прошу без намеков. А вообще верно, мальчик был довольно лысоват.

— Ну, тогда это Пирожников. К нам он приезжал с «космической броней».

Протягивая Дерябину журнальную страницу, Набатников указал на фотографию:

— Слона ты и не заметил. Узнаешь?

— Какой-то дурак даже снялся в таком огромном блестящем колпаке. Действительно, вместо головы самовар.

— Благодарю покорно, — Афанасий Гаврилович прижал руку к груди и комично поклонился. — Ведь это я оставил свою личность потомству. Впервые в жизни мой портрет появился в журнале.

— Хорошо, что без подписи. А товарища Литовцева я уже могу на улице узнать. Привык к его портретам в разных журналах. Два раза по телевидению лицезрел.

— Но чем же он все-таки знаменит? Наш Серафим — ведущий конструктор «Униона», он его создал, а пишут про окошки Литовцева. Ерунда какая-то! — Набатников взял Дерябина под руку. — Ты еще не видел, как мы здесь устроились?

Войдя в прохладный вестибюль главного пункта космических наблюдений, то есть в башню, о которой даже Борис Захарович знал только понаслышке, Набатников открыл дверцу лифта.

— Не бойся, сюда можно входить без колпака. Это я вниз собирался спуститься, в подземный зал, — говорил он, поднимаясь вместе с Дерябиным. — А наверху у нас только контрольная аппаратура. Кстати, там можно следить за координатами «Униона». Когда я уходил, то видел, что он примерно в сотне километров отсюда. Я не тороплюсь, хочется еще кое-что проверить, пока мы его не посадим.

Лифт остановился на пятом этаже. Вдоль стен круглого зала выстроились в длинную очередь десятки стеклянных дверей. Похоже было, что притащили сюда телефонные будки. Но первое впечатление обманчиво. Какие там будки! За каждой дверью находилась сравнительно большая комната с окном во всю стену. Некоторые из окон зашторены, а в остальных горели отблески заходящего солнца.

Набатников задержал Бориса Захаровича у одной из дверей и показал сквозь стекло:

— Узнаешь? Все твои самописцы работают. Ты их встретишь чуть ли не на каждом контрольном пункте.

Действительно, не только за этой дверью Борис Захарович видел знакомые ему автоматы-самописцы, они были повсюду. В некоторых кабинах за длинным столом у стены сидели люди, сосредоточенно смотрели на приборы и что-то записывали без всякой автоматики, от руки. Перед ними то вспыхивали, то гасли небольшие экраны, мигали разноцветные лампочки. Надо понять их язык и, сопоставив многие данные, записать выводы. Вся эта обстановка была Борису Захаровичу знакома, но тут его поражала глубокая продуманность каждой мелочи, каждой детали: и эти отдельные комнаты с полной звукоизоляцией, с толстыми двойными стеклами в дверях, чтобы сотрудники не мешали друг другу, и

сосредоточение множества приборов на одном пульте, и видеотелефоны в каждой кабине.

Специалисты разных профилей находились в отдельных кабинах, но были связаны друг с другом через центральную диспетчерскую, где хозяйничал профессор — человек поистине энциклопедических знаний, говорящий на нескольких языках. Он выполнял заявки как советских, так и зарубежных ученых.

Астрофизики, занятые в данный момент изучением солнечных протуберанцев, могут видеть на контрольных экранах своей кабины характер космического излучения. Метеорологи могут попросить диспетчера включить магнитофонную пленку с записью сигналов анализатора Мейсона именно в те минуты, когда «Унион» находится в грозном облаке.

Ученых было пока немного. Очередная высотная ракета запускалась совсем недавно, а следующая будет запущена не так скоро. Что же касается «Униона», то о нем знали лишь единицы и официальных приглашений на предстоящие испытания никто еще не получал.

«Да, это не «последний полустанок», — подумал Дерябин. — Здесь Медоварову делать нечего».

Набатников подвел Бориса Захаровича к следующей двери. За стеклом можно было рассмотреть склонившегося над столом человека с пышной шапкой седых волос.

Называя фамилию известного ученого, Набатников спросил:

— Слышал, наверное?

— Ну еще бы! Датчанин. Недавно получил от него в подарок новую книгу о воздушных течениях в верхних слоях атмосферы.

— Ему нужен экспериментальный материал. Не в каждой стране запускаются высотные ракеты. Дорогое удовольствие.

В соседней комнате о чем-то спорили два инженера: сухощавый венгр и немец с солидным брюшком — специалисты по электронной оптике.

На «Унионе» сейчас включились самонаводящиеся телескопы с телевизионным устройством. Их можно было направлять на любую планету или далекую звезду. Эти телескопы представляли собой изумительное достижение электронной оптики, и даже сам Борис Захарович, повидавший всякие технические чудеса, при установке этих телескопов в «Унионе» ахал и восхищался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Речь пойдет о «подлой технике». В научной и справочной литературе этот термин не употребляется, но автор не мог назвать иначе технику, что создана для целей весьма неблагородных. Даже в тех необыкновенных условиях, в которых оказались наши молодые инженеры, подленький аппаратик доставил им немало треволнений

ехника бывает разная. Одна направлена на благо человечества, другая на смерть и разрушение. Но существует еще и «подлая техника». Первые упоминания о ней теряются в глубине веков.

Пыточные орудия испанских инквизиторов, «железная дева», сжимающая жертву в своих объятиях, гильотина — дьявольское изобретение французского врача Гильотена, электрический стул американцев, немецкая «душегубка»... Все это — подлая техника, придуманная для расправы с беззащитными.

Проходили годы, техника совершенствовалась, и если электрический стул не претерпел каких-либо изменений, то в других отраслях подлой техники произошла целая революция. В самом деле, до чего же раньше была примитивная техника подслушивания, подглядывания, шантажа! Запись телефонных разговоров, автоматические фотоаппараты... Все это абсолютно устарело! А сейчас любому американцу можно подложить под шкаф карманный магнитофон, малюсенькую радиостанцию с чувствительным микрофоном или подсунуть телепередатчик. Ведь такие «автоматические сыщики», «механические шантажисты» и «сплетники» выпускаются разными американскими радифирмами.

Подлая техника! А разве воздушные шары с фотокамерами и радиостанциями, шары с автоматами для сбрасывания листовок не подлость? Правда, техника эта не очень совершенная. Выловленные в разных странах шары с фотоаппаратами далеко не всегда опускались там, где можно воспользоваться заснятой пленкой. Воздушными шарами управляли по радио, чтобы приземлить их на территории стран, правители которых с удовольствием возвратили бы аппаратуру своему хозяину, но капризы воздушных течений еще мало изучены. Пролетит такой шар над Чехословакией, сфотографирует, что нужно, а найден будет где-либо под Орлом.

Чем же был удивлен Багрецов, когда Бабкин пока-

зал ему в летающем разведчике маленькую золотистую трубочку? Глаз фотообъектива, смотрящего вниз, ничего не фиксировал на пленке. Никаких кассет внутри не было. Но зато все, что видел этот глаз, мгновенно воспринималось чувствительной телевизионной трубкой. Сигналы усиливались, преобразовывались и поступали в передатчик. Таким путем по желанию радиооператора, управляющего этим летающим разведчиком, можно было в любой момент включить его и видеть на экране многое из того, что интересует военные ведомства некоторых стран. Но это еще не все. С экрана телевизора можно сделать сколько угодно снимков и составить подробную карту пограничных и других районов того или иного государства.

— Ты обратил внимание, что здесь очень мало металлических частей? — склонившись над аппаратом, спросил Багрецов. — Батарейка. Ну, еще что? Крохотные детальки, катушки и то напечатаны. Объектив в пластмассовой оправе, антенна из тонкого провода. Догадываешься, зачем это сделано?

— Догадываюсь. Дело не только в весе, а чтобы даже чувствительным радиолокатором нельзя было эту птицу обнаружить. Чтобы следить за шаром-пилотом, к нему привешивается металлическая пластина. А такую игрушку не заметишь на экране радиолокатора. Особенно на большом расстоянии.

Кстати говоря, Бабкин считался довольно опытным оператором радиолокационной станции. Но увидеть на экране, как где-то за сотни километров плывут в воздухе малюсенькая батарейка и несколько проводничков, пожалуй, так же невероятно, как разглядеть комара на верхушке сосны.

— Хитро задумано. — Бабкин вполне объективно восхищался изобретательностью конструктора. — Импульсная схема. Сигналы редкие, запеленговать трудно.

Внимание Вадима привлекла маленькая ребристая коробочка, как в барометре. С нею были связаны рычажки и контакты. Вполне возможно, что этот прибор, как и в радиозондах, служил для определения высоты. Но дело в том, что здесь это было устроено иначе. Только при достижении определенной высоты посылались сигналы на землю, что заметно по гребенке, где скользил рычажок барометра. К ней припаян лишь один проводничок.

— Куда он идет? — нетерпеливо спросил Вадим.

Бабкин проследил, и взгляд его остановился на желтой пластмассовой трубке.

— Взрывной патрон?

Какие же тут могут быть сомнения? На патроне предупреждающие надписи по-английски и забавные рисунки. Человек пытается вскрыть патрон, и рядом показан результат: взрыв, пламя, летящие руки и ноги.

Ничего удивительного. Как Багрецов, так и Бабкин не раз встречались со старыми трофейными радиостанциями. Например, с авиационными. В случае необходимости летчик должен был нажать две кнопки на панели аппарата. Внутри происходил маленький взрыв, и от схемы, ламп, деталей ничего не оставалось, кроме мусора. В данной конструкции применен тот же принцип, чтобы сохранить не только секретность схемы, но и тайну существования птицы-разведчика. Как известно, поднявшись на большую высоту, шар радиозонда лопается, и легкий аппаратик падает на землю. Но разве можно допустить, чтобы секретная птица-разведчик мягко спланировала на территории чужого государства? Необходимо, чтобы она исчезла. А потому, когда будет сброшен весь балласт и птица поднимется на такую высоту, где ее никто не увидит, автоматически срабатывает барометрическая система, ползунок касается контакта, в патроне проскакивает искорка. Взрыв — и от телевизионного разведчика ничего не остается.

Все это было без слов понятно нашим друзьям. Однако соседство с «адской машиной», которая в любой момент может взорваться, им вовсе не нравилось.

Багрецов осторожно показал на одинокий проводничок, припаянный к гребенке:

— Интересно, на какую высоту это рассчитано?

— Законное любопытство, — буркнул Тимофей и озабоченно посмотрел вниз.

Море казалось темно-фиолетовым, как чернила. Разглядеть ничего нельзя. Лишь красно-медная полоса угасающего солнца тянулась далеко на запад.

— Мы, кажется, опять поднимаемся. — Держа птицу за крыло, Тимофей инстинктивно опустил ее ниже. — Выбросить, что ли?

— Ты с ума сошел! — рассердился Вадим. — Неужели тебе не понятно, отчего погиб самолет? Он ведь загорелся. Ясно, что птица взорвалась, и мы ее должны сохранить как доказательство.

— У нас здесь тоже горючего достаточно.

Вадим помолчал и спросил неуверенно:

— А если отсоединить провод от взрывателя?

— Очень остроумно, — с грустной иронией сказал Тимофей. — Ты, может быть, подробно изучил эту схему? Откуда ты знаешь, что не предусмотрена защита от любопытных? Разорвешь цепь, щелкнет какое-нибудь пустяковенькое реле, и будь здоров. Привет товарищам! Я и другого боюсь. Ты видишь, как я держу этого стервятника? Пузом вниз. Кто знает, может он сейчас передевает вид моря. А поверни я птицу объективом вверх — на экране покажутся наши физиономии не в фокусе... Хозяева нажимают кнопку. Ба-бах! Ни разведчика, ни любопытных нет!

Не понравились Вадиму эти шуточки.

— Что это ты развеселился? В конце концов, не я открывал крышку. К ней тоже могли пристроить защиту от любопытных.

— Могли. Но раньше я не думал о такой подлости, пока собственными глазами не убедился.

— А если отсоединить антенну, чтобы нельзя было принять команду с земли?

Казалось бы, что найден самый простой выход. Без антенны «стервятник», как его назвал Бабкин, перестанет подчиняться своему хозяину. Но Тимофей не без оснований опасался, что конструкторы предусмотрели и здесь защиту. Шар может лопнуть, зацепившись за дерево на высокой горе. Даже в этом случае конструкция не попадет в чужие руки. Почему? Легко предусмотреть такой выход: если в течение определенного времени приемник разведчика не получает специальных контрольных сигналов, то срабатывает примитивная автоматика и взрывной патрон опять-таки выполняет свою задачу.

Рассказывая об этом, Тимофей торопливо привязывал нейлоновый шнурок к тросу.

— Так-то оно будет надежнее, — пояснил он, опуская птицу в люк, и, заметив протестующее движение Вадима, успокоил: — Ничего, не оборвется.

В самом деле, это решение было наиболее разумным, хотя Вадим и не очень верил в предположения Бабкина насчет хитроумности конструкции. По его мнению, в ней все должно быть предусмотрено. А это встречается далеко не всегда.

— Кстати, ты обратил внимание, что крепление всех деталей там сделано на клею, — напомнил Багрецов,

в данном случае вполне справедливо ссылаясь на заграничный опыт и тем самым сводя давнишние счеты с Тимофеем. — Просто, дешево и надежно.

— Насчет надежности помолчал бы. Не приклей ты этот несчастный конденсатор в нашем ЭВ-2 — глядишь, сейчас бы дома чай пили.

— Даже шестеренки склеивают. Даже мосты... — попробовал оправдаться Вадим.

Впрочем, разве Тимку переубедишь! Вот, например, клей БФ, ведь это изумительное достижение современной химии! А есть и другие, более совершенные. В свое время Багрецов предложил использовать клей для крепления некоторых деталей в сверхлегких радиозондах, получил премию за это, но потом, понадеявшись на успех, начал клеить им все что попало, доказывая, что применение пайки, сварки, заклепок и винтов в современной аппаратуре — сплошная архаика, консерватизм, и с этим уже нельзя мириться.

В подтверждение своей мысли он предъявил Борису Захаровичу конструкцию первого варианта ЭВ-2. Как всегда, такие аппаратики испытываются на тряску. Прикрепили Димкино творение ремешками к площадке, включили мотор, и площадка начала подпрыгивать.

Через полчаса мотор остановили, вскрыли коробку ЭВ-2, и, к общему удивлению присутствующих, в ней, как в погремушке, болтались разные детали, те, что нерасчетливый конструктор приклеивал клеем БФ.

Тимофей частенько напоминал об этой истории, но зачем же сейчас говорить ерунду, будто из-за какого-то конденсатора они остались в диске?

— Неужели ты не понимаешь, что нам просто повезло? — доказывал Вадим. — Авария с аккумуляторами могла бы закончиться очень плачевно. Ну а если бы ты знал, что «Унион» вот-вот полетит, как бы поступил?

— Позвал бы на помощь.

— Но ведь нельзя же было. Нет, ты не выкручивайся, а скажи по совести. Полетел бы?

Бабкин наклонился над люком — посмотреть, не оторвалась ли птица, и раздраженно пробормотал:

— Если бы да кабы... Откуда я знаю?

— Вот-вот, — подхватил Вадим. — Не знаешь. И я не знаю. Наверное, все бы побросал в истерике — и скорее к люку. А помнишь Зину? Впервые в жизни прыгнула с парашютом, чтобы спасти мое доброе имя.

— Но ведь она все-таки летчик, — неуверенно оправдывался Тимофей. — Привыкла к воздуху.

Чуть смутившись, боясь, что Тимка может упрекнуть его в хвастовстве, Вадим проговорил:

— Не знаю почему, но я уже перестал бояться высоты. Вероятно, это случилось...

Вадим на секунду запнулся, и сразу же раздался взрыв, точно неподалеку от люка взорвалась граната. По обшивке диска забарабанили осколки.

Инстинктивно прижавшись к стенке, друзья замерли, и, когда все утихло, Тимофей облегченно вздохнул:

— Так я и знал...

Вадим беспокоился, что осколки аппарата могли пробить обшивку диска и тогда он начнет снижаться. Но диск, наоборот, набирал высоту. Вероятно, осколки уже были на излете. Ведь Тимофей опустил птицу на всю длину троса. И чувство глубокой благодарности к другу согревало сердце. Умен Тимофей, дальновиден. Но чем объяснить неожиданный взрыв? До предельной высоты птица еще не добралась, телепередатчик работал. В чем же дело?

— Спасибо, Тимка. — Вадим ласково потрепал его по плечу и спросил: — Но почему уничтожили разведчика?

Гордясь своей догадкой, однако внешне ничем этого не проявляя, Тимофей вытащил из люка теперь уже бесполезный трос, тщательно осмотрел его растрепанный конец и лишь тогда ответил:

— Трудно догадаться, какие у них были соображения насчет взрыва. Возможно, разведчик уже выполнил свою задачу и энергия батарейки была на исходе. Тогда его лучше уничтожить здесь, над морем, где никто не видит. Но думается мне, что была другая причина. По наивности мы его затащили прямо в люк, в металлическую трубу, сквозь которую радиоволны не проходят. Там, внизу, ждут-пождут передачи, а ее все нет. Приемник разведчика тоже не действует. Проходит время, автомат срабатывает, и все разлетается на куски.

Пришлось согласиться с этой версией, она показала Вадиму правдоподобной, но пришлось и пожалеть, что орла-разведчика больше не существует.

— Как теперь докажем, отчего погиб самолет? — Вадим вздохнул, вытащил из кармана приемник и открыл крышку. — Ну что ж, продолжим наши наблюдения.

Передача уже началась. ЭВ-2 работал нормально, другие приборы тоже. Настала очередь анализатора. Вместо прерывистых сигналов — ровное гудение.

— Анализатор дурит. Слышишь? — сказал Вадим, трогая Бабкина за плечо. — Наверное, во время грозы скис.

— Не знаю, зачем его сюда поставили. Новая конструкция, недостаточно проверенная.

Вадим обиделся. Ведь он сам испытывал этот прибор и писал о нем положительное заключение.

— А ты с ним работал? Испытывал, проверял? А я два месяца возился. Механика довольно сложная, но остроумная.

— «Остроумная, остроумная», — проворчал Бабкин. — Интересно, что скажет Набатников? На больших высотах ему до зарезу надо знать состав воздуха. Я же помню, как он этим делом интересовался. Надо бы старый аппарат оставить.

На всякий случай Вадим спросил:

— А где он раньше устанавливался?

— В третьем секторе, наверно, почти рядом с лестницей.

Опустившись пониже в колодце люка, Тимофей посмотрел на большие скобы, закрепленные на нижней части диска. Они шли до самой его кромки, образуя лестницу, по которой, или, точнее, внутри которой. Бабкин поднимался на верхнюю часть диска для установки приборов.

Скобы отстояли друг от друга на полметра. Лазить по этой лестнице можно было, только обратившись лицом вниз, что даже на небольшой высоте, когда диск находился на причальной мачте, было не очень-то приятно.

Тимофей нагнулся и, как бы оценивая путь, по которому он когда-то лазил, взглядом ощупал каждую скобу, все дальше и дальше, до самого ребра диска.

Но что это? На одной из антенн, расположенных по кромке диска, болталась уже знакомая Бабкину черная птица. Прозрачный шар, почти невидимый в сумерках, силился оторваться, но шнурок не пускал его, затягиваясь все туже и туже вокруг изолятора.

«Унион» поднимался вверх. Неизвестно, на какой высоте произойдет взрыв. Он не только уничтожит антенну, из-за чего может быть потеряно управление, но и пробьет обшивку, газ начнет улетучиваться... И вдруг, почему-то как о самом маловажном, Тимофей вспомнил

о баках с горючим, спрятанных в толще диска. Во что бы то ни стало надо сбросить вниз проклятого стервятника. Сколько же их летает в этом районе?

— Тимка, не смей! — закричал Вадим, заметив, что тот уже ищет рукой скобу.

Не слышал ли бы не хотел слышать его Тимофей. В матовой поверхности диска отражался бледный свет моря. Море действительно становилось черным, оправдывая свое название. И только на гребнях невысоких волн прыгали огоньки — мерцающие отблески заката. Казалось, что при первом порыве ветра они погаснут как свечи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вы же помните Бориса Захаровича Дерябина? В этой главе он во весь голос клеймит человечество, которое «неизвестно о чем думает», он предсказывает жителям городов неисчислимые беды, и все из-за того... Впрочем, об этом вы сейчас узнаете. Автор лишь хочет добавить, что во многом согласен с Дерябиным.

Ионосферном институте у Набатникова за этот час никаких особенных событий не произошло. Уставшего с дороги Бориса Захаровича хозяин пригласил к себе.

Он открыл перед гостем дверь в маленькую прихожую. За ней оказался довольно большой кабинет, обставленный изящно и скромно. Здесь не было ни цветистых ковров, ни тяжелых кожаных кресел, ни старинных резных шкафов, ни картин, ни портретов. На месте мраморного прибора на столе лежали куски частично отшлифованного и грубого мрамора. Тут же стоял небольшой ящик видеотелефона.

Гладкие светлые стены как бы перерезаны надвое широким стеклянным поясом. Это длинные книжные полки. Одной стены совсем нет — окно от пола до потолка. Низкая удобная мебель, пол покрыт голубоватой ворсистой тканью. В углу плоский экран телевизора, а под ним несколько самых необходимых приборов, которые позволяли бы определить местоположение «Униона», высоту, скорость полета и кое-какие другие данные.

Закончив основной служебный разговор, Борис Захарович не мог не затронуть самую болезную для него тему.

Отставив от себя чашку с кофе, начал издали:

— Чудной ты человек, Афанасий. Занимаешься самой сложной в мире наукой, атомом, космическими лучами — и вдруг тебя заносит неизвестно куда. Помнишь, когда ездил по Волге, какие-то фильтры со студентами придумывал?

— Правильно. За рыбу надо заступаться, иначе она вся вымрет от разной химии, что спускается заводами в реку. Наконец-то за это дело крепко взялись.

Потирая переносицу, где краснела полоска от очков, Борис Захарович тяжело вздохнул.

— Еще бы не взяться, когда по рыбе план не выполняется. Нельзя воду отравлять. Рыба этого не любит. А как ты думаешь, воздух можно отравлять? Ведь рыба от этого не пострадает?

— Философствуешь, Борис. — Афанасий Гаврилович отхлебнул глоток кофе. — Крой дальше, коли сел на своего конька.

— А ты не смейся. Я от дыма задыхаюсь. Послали меня зимой на курорт. Врачи заставили, говорят, что в этом месте воздух особенный, целебный. Приехал — и свету божьего неувидел. Чуть не у каждого санатория вроде как заводская труба. Все соревнуются, дымят наперебой, кто больше этого воздуха целебного испакостит. Бсюду бегал, кричал, размахивал руками. Говорю, что я не рыба бессловесная, чтобы меня травили. Нельзя же так, товарищи хозяйственники. А они вежливенько отвечают: а мы, дескать, ни при чем, нам не тот уголь завозят...

Набатников сокрушенно покачал головой:

— История знакомая и, надо сказать, довольно безрадостная. Я бывал в Лондоне. Там дым смешивается с туманом, а это еще страшнее. Но англичане не могут отказаться от старых традиций и отапливают дома каминами. Попробуй запрети, ни одно правительство — ни лейбористы, ни консерваторы — на это не пойдет.

— Но ведь у нас плановое хозяйство. Все можно сделать. И незачем мне жизнь сокращать. Пусть даже дней на десять. Дни мне сейчас дороги, их остается все меньше и меньше.

— Не крохоборничай, Борис, — вставая и кладя ему руки на плечи, сказал Набатников. — Мы еще с тобой проживем. Что дым? Пустячное дело. Насчет автомашин надо подумать. В некоторых американских и европейских городах с большим движением случилось, что поли-

смены, стоящие на перекрестках, падали в обморок, настолько воздух бы насыщен выхлопными газами.

— Окисью углерода. Как в «душегубках». — Борис Захарович подышал на стекло очков и аккуратно протер их большим платком. — Может быть, я давно выживший из ума старик с навязчивой идеей, но я не знаю, о чем думает современное человечество? Господин Даймлер и многие другие изобретатели создали автомобиль. Машина, конечно, полезная, а в ряде случаев и незаменимая. Но в городах эта машина постепенно превращается в свою противоположность. Здесь она потеряла основное качество — скорость. Через несколько лет, если человечество не одумается и не сможет отказаться от своей любимой игрушки, машины запрудят все улицы и движение прекратится.

— Но не забывай, Борис, что для многих машина не только игрушка, но и символ власти, преуспевания, финансового благополучия. Даже у нас, в социалистическом государстве, нет-нет да и потянется за машиной эдакий противный обывательский душок.

Борис Захарович сердито отмахнулся:

— Я тебе о человечестве говорю, а ты мне обывателем в нос тычешь. Не душок за машиной тянется, а синенький дымок — отравляющий газ. Немцы его в первую мировую войну применяли, потом Женевская конвенция газы запретила. И вдруг опять, неизвестно чего ради, человечество занимается самоотравлением. Я не помню цифр, но ученые подсчитали, что в иных городах на улицах скапливается окиси углерода до одной пятой смертельной дозы. Хорошенькая забава!

— Преувеличиваешь, Борис. Это, наверное, в редких случаях.

Совсем рассердился Дерябин, вскочил с места, забегал по кабинету:

— А я тебе уже сказал, что попусту не отдам ни одного дня жизни. Мне нужен чистый воздух. И мне, и тебе, и детям, которые живут на первом этаже под мной. Неужели мы все скоро будем ходить в противогазах или в дурацких колпаках, вроде того, что ты надевал? Вот, извольте видеть, один занятный документик. Что вы на это скажете?

Дерябин вытащил из кармана пластмассовую коробочку. В ней находился моток бумажной ленты с перфорацией, как у киноплёнки.

Действительно, документ оказался интересным. На

ленте было записано в форме кривой содержание окиси углерода в воздухе. Этот специальный прибор, вроде самописца, Дерябин установил на окне кабинета в своей московской квартире.

— Недавно я болел, врачи запретили выходить из дома, — рассказывал Борис Захарович, вода пальцем по ленте. — Вот отсюда начинается запись. Раннее утро, окно открыто, с реки доносится приятный ветерок. Окиси углерода почти нет, линия ровнехонькая. Теперь один скачок, второй, третий, процент газа повышается. Это заработали двигатели «машин чистоты». Машины чистят, моют и поливают улицы, но, к сожалению, загрязняют воздух. Вот новый скачок. Это подали «персональный грузовик» начальнику снабжения одной фабрички. А это появился мой главный враг — один восемнадцатилетний оболтус вроде нашего Аскольдика. Папа подарил ему новый «Москвич». По полчаса дымит и чихает его игрушка, которую он еще осваивает. Тут уж я закрываю окно, иначе сдохнешь.

— Устрой у себя в кабинете искусственный климат, с очисткой воздуха. Можешь дышать хоть кислородом, — все так же подтрунивая, посоветовал Набатников.

— Кислородную подушку обычно перед смертью дают, — зло огрызнулся Дерябин. — А не лучше ли подождать дарить детишкам дорогие и, главное, вредные игрушки. Я-то могу устроить домашнюю теплицу с любой техникой. А внизу живут две девчущки, крохотные. Они пусть дышат как хотят? Мать у них уборщица.

— Милый мой, ты уже затрагиваешь проблемы социальные. Все это не так просто.

— Ошиблись, батенька. Не социальные, а моральные! Я понимаю, что нельзя запретить родителям дарить сыновьям дорогие подарки вроде «Москвича». Но ведь можно сделать так, чтобы их совестно было и дарить и принимать.

— К сожалению, у этих людей совесть еще нужно пробуждать. Процесс весьма сложный, долговременный. А нельзя ли, пока суд да дело, решить вопрос техническим порядком? Ну, скажем, проветриванием городских улиц. Устроить внутри высотных зданий систему вентиляционных труб и сквозь них втягивать вниз чистый воздух московских вершин.

— Какое там чистый? — поморщился Борис Захарович. — А заводские трубы, а летучие газы? Я думал,

нельзя ли приспособить «машины чистоты» не только для поливки, но и для кислородного обогащения воздуха. Думал, считал, а получилась чепуха. Сначала такая машина отравит воздух окисью углерода, а потом кислородиком освежит. Сама на себя и будет работать. Можно, конечно, сделать в тротуарах специальные поглотители окиси углерода, поставить ионизаторы. Но все это очень дорого и сложно. Есть другой путь... Конечно, я не специалист... Не знаю, что из этого дела получится.

— Ну, выкладывай, выкладывай свою идею, — шуточно торопил Афанасий Гаврилович. — По глазам вижу, что где-то она у тебя копошится, покоя не дает.

Ничего сверхъестественного в предложении Дерябина не было. И вовсе не из-за болезненной мнительности, когда каждая городская улица, где скапливаются сотни машин, представляется ему гигантской «душегубкой», старый инженер готов лишить своих сограждан удовольствия пользоваться машинами.

Он консультировался с врачами и удивлялся, почему столько написано о вреде курения; приводились страшные примеры, когда ничтожная доза никотина сразу же убивает лошадь, писали о вреде сырой воды, немых фруктов, чтении лежа, о насморке и сухости кожи — обо всем, но почему-то стыдливо умалчивается о вредности окиси углерода на улицах.

— Люди давно поняли, что летом в городах дышать нечем, — жаловался Борис Захарович. — Выезжают на дачу. А я, например, очень люблю Москву, и, хоть врачи доказывают, что летом мне в ней жить нельзя, я всегда остаюсь в городе. Природы мне и здесь достаточно. Сады, парки, бульвары... Сколько лип высажено за последние годы, сколько цветов! Летняя Москва прекрасна, как и Ленинград, и Киев, и многие города. Но если бы не мои проклятые враги — машины... Вот смотри...

Дерябин вытащил из кармана коробочку, похожую на фотоэкспонометр.

— Индикатор радиоактивности? — спросил Набатников.

— Какой там радиоактивности! — опять рассердился Борис Захарович. — Я с твоей атомной техникой дела не имею. Это газовый индикатор. Раньше в шахты канареек брали, чувствительны птички к вредным газам, чуть что — и лапки кверху. А я вот такую коробочку ношу. Погуляешь по улицам часок-другой, посмотришь

по шкале, сколько процентов всякой вредности вдохнул, и бежишь домой, чтобы раньше времени лапки не протянуть. — Он невесело усмехнулся.

Доказывая, что пора бы на это дело обратить самое серьезное внимание, Борис Захарович жаловался на химиков, конструкторов двигателей внутреннего сгорания, что до сих пор они не придумали, как свести до минимума вредные отработанные газы. А если так, то до поры до времени надо убрать из городов автобусы, грузовики и максимально сократить индивидуальный автотранспорт, пока он не будет заменен электрическим.

— Да, да, только электрическим. Могут быть высокочастотные машины или, вернее всего, аккумуляторные. Ты представляешь себе, какой тогда рай наступит на земле! У машины нет вонючего мотора, копоти, грязи, бензиновых паров.

Набатников заметил, что с существующими аккумуляторами машина получается громоздкой и нерентабельной. Во всяком случае, заменить автомобиль она не сможет.

— Но ведь ярцевские аккумуляторы... — попробовал возразить Дерябин. — Опять что-то с ними неладно.

В кабинет постучали. Вошел взбудораженный от волнения инженер и сдавленным голосом проговорил:

— Невероятная космическая вспышка. Посмотрите.

Набатников и Дерябин выбежали в центральный зал. Замирая от восторга и удивления, один из лаборантов подозвал к себе Набатникова:

— Что же это творится, Афанасий Гаврилович? Никогда такого не было.

Действительно, на шестом контрольном пункте приборы показывали небывалое увеличение энергии космических частиц. Они хлынули на Землю мощным потоком, и даже толстый слой атмосферы не повлиял на столь невероятное излучение. Хитро придуманные ловители, расположенные на диске, были по-разному сфокусированы и, если можно так сказать, настроены на разные виды космических частиц. Вот почему лишь в ловителе номер шесть, рассчитанном на один из видов наиболее распространенных частиц, впервые обнаружилось резкое увеличение космической энергии.

Но это было лишь началом. Афанасия Гавриловича подзывали то к восьмому пункту, то к двенадцатому, и везде приборы отмечали совершенно потрясающее излучение.

— Ко мне, Афанасий Гаврилович! — звал инженер с девятого контрольного пункта. — Приборы уже ничего не показывают. Все стрелки за шкалой.

— Ко мне! — перебивал другой.

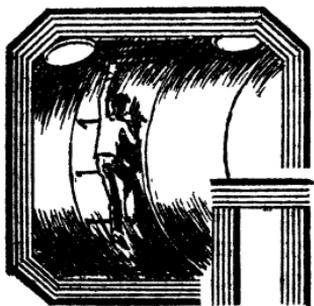
— Я не знаю, что записывать, — жаловалась растерянная лаборантка.

— Прошу вас, Афанасий Гаврилович, — учтиво поднимаясь, говорил пожилой физик. — Явление очень странное.

Набатников перебегал с одного пункта на другой, кружился, точно конь на цирковой арене, которую напоминал этот круглый зал. Нельзя было остановиться. Все стрелки приборов, все перья самописцев словно с ума сошли, готовые разбить стекла и выскочить на свободу. На экранах осциллографов зеленые змейки покинули привычную середину и поскакали вверх. А на больших контрольных экранах, где раньше просматривался путь чуть ли не каждой частицы светлой капелькой, скользящей по стеклу, сейчас шел такой ливень, словно в башню ворвалась весенняя гроза, захлопала дверями, рамами и хлынула бушующим потоком.

Радуюсь и немного пугаясь, люди вскакивали с мест, ослепленно прикрывали глаза. Куда ринется эта брызжащая светом неумемная стихия?

Она перекинулась уже на четырнадцатый экран, хлынула как из разбитого окна, заметалась в пятнадцатом, постепенно затихая на противоположной стороне башни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Автор никак не ожидал, что Димка Багрецов, особой храбростью никогда не отличавшийся, вдруг решится на такой отчаянный шаг. Но разве узнаешь заранее, кто будет героем?

розрачный шар уже не виден, исчез, растворился в сумерках, но черная птица резко выделялась на фоне лилового неба.

Тимофей поднял голову, стараясь рассмотреть лицо Димки.

— Ничего страшного. Доберусь.

Спустившись вниз, Вадим схватил его за руку:

— Не пущу... Понимаешь, не пущу!..

Бабкин повернул к нему удивленное лицо, и Вадим устыдился своей горячности. Похоже на то, что Тимофей отказался от рискованного опыта.

Сдвинув кепку на ухо, Тимофей почесал висок.

— А может, обойдемся? Мы, кажется, перестали подниматься.

— Боюсь, что над горами пойдем выше, — неуверенно сказал Вадим.

— В темноте ничего не сделаешь. — И, как бы приняв окончательное решение, Тимофей начал привязывать трос к ремню на всякий случай, для перестраховки.

Тонкие стальные жилки кололи пальцы. Тимофей морщился, совал палец в рот и сплевывал вниз, где темнело море. Потом придирчиво осмотрел ремень, подергал привязанный к нему стальной трос и туго подпоясался.

Тимофей понимал, сколько неприятных минут он вынесет, прежде чем доберется до ребра диска. Но это было необходимо. А кроме того, хотелось проверить анализатор. Он обязательно должен работать, иначе нарушится вся система исследований. Правда, Тимофей не знал мейсоновского аппарата, но, может быть, там пустяковое внешнее повреждение? Кроме того, смущала и другая неприятность: а что, если диск опять сделает какой-нибудь неожиданный разворот? Ведь этак и сорваться можно. Однако скорость истечения газов тут невелика — во всяком случае, так было раньше, — и только на большой высоте, в разреженной атмосфере, двигатели работали на полную мощность.

Опять и опять проверяя, сколь крепко он привязал трос к ремню, Бабкин инстинктивно медлил, оттягивал время. Стоило ли рисковать? Ведь пока еще диск летит низко.

Вадим с болью смотрел на друга, ясно представляя себе, что его ждет. Вот он вылезает из люка, хватается за первую скобу, протискивается под нее, затем, перебирая руками и ногами, ползет дальше. А кругом свистит ветер и манит вниз холодная пустота. Но почему это все должен испытывать Тимка? Почему? Птицу он сбросит, а что делать с анализатором?

Моря уже не было видно. Густая мгла поднималась к самому люку. Вадим покосился на часы, стал собраннее, спокойнее, вынул из кармана гребенку, расчесал

свою пышную шевелюру и слегка дернул за трос, чтобы Тимофей обернулся.

— Погоди, Тимка. Через три минуты включится радиостанция. Послушаем. Вдруг ЭВ-2 опять испортился или еще какой-нибудь прибор? Исправить — так заодно.

— Ну что ж, проверим. — Тимофей вздохнул, снял ремень, аккуратно положил его около лебедки и пошел в центральную кабину.

Багрецов сделал вид, что идет за ним, но тут же возвратился и, чтобы не раздумывать, затянул на себе ремень, потом свернул в кольца метров сорок троса и закрепил его в отверстии шпангоута. Но это так, на крайний случай, обыкновенная предосторожность.

Торопливо, чтобы не застал Тимофей, он спустился вниз по лесенке. Мелкая дрожь пробежала по телу.

— Димка... — как сквозь вату, глухой и хриплый, донесся голос Тимофея.

Нельзя медлить. Вадим опустил ногу вниз, точно пробуя, холодна ли вода, и действительно холод, ледящий холод подкатился к сердцу. «Трус, жалкий трус...» — шепчет кто-то на ухо. И опять кричит Тимофей, он уже беспокоится. Сейчас прибежит...

Вадим застыл на лестнице. Не в силах оторвать глаз от манящей глубины, он чувствует, как немеют руки. Вот когда настала проверка. В такие минуты вспоминается самое главное, самое яркое в жизни. Зина спасала твою радиостанцию. Нет, не просто аппарат, а честь твою. А можно ли считать тебя честным, если Тимку пошлешь на риск? Ты одинок, а у него Стеша. Как помотришь ей в глаза, чем оправдаешься? Другой, осторожный голосок, увещевал: «Откажись, признайся, что струсил. Разве ты виноват?» Жгучая краска стыда будто разливается по телу, теплеет в сердце, разогреваются мускулы, нога в люке уже не чувствует холода и ищет опоры.

Вадим пригибается, берется за скобу, пролезает под нее и поочередно перебирает руками. Он видит только скобы, и больше ничего. Повиснув всем телом над пустотой и чувствуя под собой лишь холодные прутья, он переставляет ноги. Иногда нога скользит, отрывается от опоры. В эти мгновения останавливается сердце, судорожно сжимаются пальцы на холодном металле и словно примерзают к нему.

Но вот скоро и конец пути. На ребре диска колыхается черная птица. Багрецов протягивает к ней руку, но

прочный шнурок разорвать трудно. Разгрызает зубами. Воздушный шар, как легкое облачко, скрывается в вышине.

Что же теперь делать с орлом-разведчиком? Возможно, его все-таки удастся сохранить? В конце концов, не каждую такую птицу будут взрывать. На всякий случай ее надо привязать к тросу, как это сделал Тимофей. А пока прикрепить к поясу, чтобы случайно не выронить.

Где же здесь мейсоновский анализатор? Тимка говорил, что совсем рядом. Вадим уцепился за поручневую антенну из толстой трубки и перелез на другую сторону диска.

Здесь блестели странные объективы, похожие на огромные зрачки. Таких приборов Вадим никогда не встречал. Интересно, для чего они предназначены? Вполне возможно, что это и есть уловители Набатникова, о них Вадим слышал от Тимофея, но видеть не приходилось. А вон там, повыше, — элементы солнечной батареи Курбатова. Эти блестящие шестиугольники узнать нетрудно.

На четвереньках, удерживаясь за маленькие скобки, похожие на дверные ручки, Багрецов пополз вправо, где в третьем секторе, как говорил Тимофей, должен быть анализатор.

Вадим передохнул, осмотрелся. В черных тучах у горизонта светилась красная тонкая полоска, похожая на остывающий раскаленный прут. Внизу, в темноте, серым графитовым блеском отсвечивало море.

Радостное волнение охватило Вадима. Он поборол страх. На шнурке болтается захваченный трофей. Еще немного усилий — и можно подобраться к анализатору. Откуда-то пришло настоящее спокойствие, сознание исполненного долга. Тишина настала в мире, и мир этот по-настоящему хорош. Правда, к этому радостному ощущению примешивалось и что-то вроде запоздалого сожаления — зря он тогда сбросил записку в ботинке. Пусть перелет продолжается нормально. Случайные пассажиры здесь оченьгодились.

Диск плыл, слегка покачиваясь. Иногда он поднимался вверх и снова, точно с ледяной горки, бесшумно соскальзывал вниз. А внизу чернела вода, и в ней, как казалось Вадиму, рождались тусклые, мерцающие звезды.

Но вот и третий сектор, об этом говорила огромная тройка, нарисованная на металле. Чуть выступающие

крышки с дырочками, как у перечницы, закрывали всевозможные метеоприборы. На одной из них Вадим различил фирменную марку Мейсона.

Теперь надо эту крышку отвинтить, потом снять верхний колпак и посмотреть, что же там случилось? Темно. Вадим по привычке сунул руку в карман и достал приемник. Загорелся голубой прямоугольник. В этом фосфорическом свете хоть и трудно было разглядеть всю механику и монтаж мейсоновского анализатора, но Вадим сразу же заметил, что в нем прекратилась подача ампул с пробой воздуха. Видимо, когда отсоединяли испорченный аккумулятор и тем самым прервали ток, одна из ампул оказалась незапаянной, что и нарушило работу всего механизма.

Хорошо, что Багрецов почти никогда не расставался с инструментом: нашлись в кармане и отвертка, плоскогубцы, кусачки. Надо было освободить заклинившуюся во втулке стеклянную ампулу и наладить их подачу.

Все оказалось не так-то просто. Работать пришлось одной рукой, а другой держаться. Приемник лежал прямо внутри анализатора, но светил не туда, куда нужно. Пальцы не слушались, немели, сил не хватало, чтоб затянуть гайку подшипника, рука дрожала, плоскогубцы стучали о холодный металл, и так же нервно стучали зубы.

Наконец-то!.. Теперь анализатор будет работать. Вадим посидел еще немного, передохнул и пополз обратно.

Наверху почти по всей окружности диска вспыхнул свет в иллюминаторах. А вдруг они откроются снаружи? Тогда можно пробраться внутрь, минуя страшную лестницу. Сейчас стемнело, и возвращаться тем же путем будет еще труднее, тем более что поднялся ветер и диск изрядно покачивает.

Вадим пополз к ближайшему окну, чувствуя себя как на крыше качающегося дома. Голова кружилась, противная тошнота подступала к горлу. Подскакивая на ребристой поверхности диска, точно живая, тащилась за Вадимом черная птица.

Кто-то потянул за ремень. Вадим похолодел, осторожно протянул руку назад. Да ведь это трос. Неужели он дальше не пустит? Зря оставил такой маленький запас. Вот если бы Тимка догадался освободить еще десяток метров!..

Чуть заметное подергивание подсказало, что Тимо-

фей на месте и сигнализирует об этом. Вадим сильно дернул трос, подождал, потом еще дернул. Натяжение ослабло.

Осторожно передвигая колени, боясь хоть на мгновение оторвать руки от скобок, ползет Багрецов. Страшно. Вот-вот диск наклонится, не успеешь удержаться за скобу и скатишься вниз...

Светится окно. Интересно, что там может быть? Почему включили свет? А главное — как? По радио, автоматически или в «Унионе» оказался пилот? Вряд ли Тимофей стал бы трогать выключатели.

Еще усилие, рука протягивается к последней скобке, и Вадим заглядывает в окно.

Оскаленная морда в прозрачном колпаке. Багрецов в страхе отшатывается, и в этот момент с противоположной стороны диска слышится злобное шипение, шум водопада... Диск вырывается вперед.

Встречный ветер сразу делается плотным, как стена, и сталкивает Багрецова. Он еще пытается уцепиться за какую-то медную трубку, но поздно...

Падая вниз головой, Вадим видит свои ноги и пламя, вылетающее из сопла...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

А на Земле никто и не догадывался, что случилось в «Унионе». Жизнь шла своим чередом. Набатников старался разгадать причины удивительного космического явления и странной непоследовательности Медоварова. Одна загадка стояла другой, и были они тесно связаны с судьбой наших героев.

абатникова многие не понимали и некоторые его поступки объясняли чудачеством. Мало ли про ученых анекдотов ходит. Но самое странное, что в характере этого строптивого профессора ничего анекдотического не было: ни забавной рассеянности, ни смешных привычек, ни подчеркнутой старомодности — золотые часы с двумя крышками, латынь и своеобразный лексикон, чем иной раз козыряют ученые мужи, знавшие дореволюционное общество, как правило, лишь по книгам.

И дело не в том, что виднейший специалист по космическим лучам занимается то атомной техникой, то носителем с идеей «теплых городов». Все это может быть

присуще увлекающемуся ученому. Но он не хочет ограничиваться только наукой, он вмешивается в чужие дела, требует перестроить организационную структуру научно-исследовательского учреждения, систему подбора кадров, не считается с обычной практикой присвоения степеней и званий. Он добивается персональных ставок для каких-то самоучек инженеров-изобретателей, и получают они у него больше, чем кандидаты наук в столичном институте.

При организации Ионосферного института Набатникову поручили составить штатное расписание. И что же вы думаете? Он сократил в два раза отдел кадров.

— Но поймите, Афанасий Гаврилович, — доказывал начальник управления, — вы поступаете опрометчиво. Кто же будет заниматься приемом работников? Надо подобрать не только научные кадры, но и технический персонал, — продолжал он, перелистывая страницы штатного расписания. — Институту нужны инженеры, а потом, когда закончится строительство экспериментальных цехов, потребуются мастера и, наконец, самые обыкновенные рабочие.

— Почему обыкновенные? — возразил Набатников. — Знающие, умелые и, главное, смекалистые. Ведь у нас особые условия.

— Совершенно верно. Значит, работников надо подбирать специально. Кто это будет делать?

— Я.

Начальник управления поднял от бумаг удивленные глаза:

— Извините, профессор. Но мы не вправе загружать вас подобной работой. Директора и научного руководителя института ждут дела поважнее.

— Важнее не бывает. И не может быть. Создать способный и дружный коллектив — наипервейшая задача. А остальное приложится.

Так и получилось, что Набатников сам беседовал с будущими сотрудниками, сам и решал их судьбу.

С учеными, инженерами-исследователями, то есть с людьми, которые могут предъявить не только анкеты, но и печатные работы, изобретения, конструкции, чертежи, дело обстояло довольно просто. Опытный глаз такого разностороннего ученого, как Набатников, сразу мог оценить способности претендента на ту или иную должность в лабораториях Ионосферного института.

Но вот почти накануне испытаний «Униона» закон-

чилось оборудование экспериментальных цехов, где в основном должна была работать молодежь, и профессор с помощью райкома комсомола сам решил подобратьмышленных ребят. А только такие сюда и годились.

Как узнать, что у парня за душой? На что он способен? Прежде всего Набатников отказался от привычных критериев в оценке будущих специалистов. Мальчик-отличник, кончил десятилетку с золотой медалью. Ну и что ж из этого? А если он обыкновенный зубрила или тот, кто медаль получает благодаря стараниям ничем не брезгающих родителей? Всякое ведь в жизни бывает.

В райком комсомола прислали и нескольких ребят, закончивших техническое училище. Выбирали самых дисциплинированных. И, несмотря на то, что им уже были присвоены разряды, определяющие квалификацию, Набатникова это не удовлетворяло. Он должен убедиться, что у парня, кроме золотых рук, есть еще и голова, а самое главное — страсть, увлеченность, беспокойство... Иначе ему нечего делать в научном институте.

Возле кабинета секретаря райкома толпились ребята и девушки. Они знали, что сегодня тут будут принимать на работу в научный институт, где все загадочно и даже немного страшновато. Одних привлекала необычайная романтика — кто знает, не удастся ли в космос слетать; других — более земные интересы.

Профессор сидел за одним столом с недавно избранным секретарем райкома комсомола, быстроглазым армянином, который никак не мог понять, что же это происходит в его кабинете? Зачем знаменитому профессору экзаменовать токарей и слесарей? Да и вопросы он задает какие-то странные.

— Судя по характеристике, токарь ты первоклассный, — с одобрительной улыбкой говорил Набатников очередному кандидату. — Теперь скажи, какую ты последнюю книжку прочитал?

Парень смущенно рассматривает фуражку.

— Да вот эту... Про войну.

— Давно?

— Да, зимой еще...

— А с тех про к книжке и не притрагивался?

— Зачем не притрагивался? Чего задавали, то и читал.

— Например? — И после затянувшегося молчания профессор отпускает парня. — Ну что ж... Видно, нам с тобой не о чем разговаривать.

Действительно странно, но Афанасий Гаврилович был убежден, что интерес к книге во многом определяет способности юного умельца к настоящему творческому труду. Попадались Набатникову ребята, которые, кроме книги про шпионов и уголовников, ничего не желали читать, грызли их как семечки и оставались такими же ограниченными и равнодушными. Не было в них беспокойного огонька, жажды познания... Не таких ребят Набатников хотел видеть в экспериментальных цехах.

Только в связи с испытанием «Униона» Афанасию Гавриловичу пришлось отложить прием будущих специалистов. Он рассчитывал, что каждый из них будет учиться, и кто его знает, не станут ли они потом конструкторами космических кораблей и новых аппаратов для изучения неизведанных пространств.

А пока в Ионосферном институте работают специалисты, у которых за плечами десятки лет упорного труда в науке.

По всей округности центрального зала Ионосферного института, точно аквариумы, вделанные в стены, светятся экраны. Под каждым из них расположены записывающие приборы, счетчики, на которых выскакивают цифры. А на потолке поблескивает металлический круг с нумерованными матовыми плафонами по числу ловителей, расположенных на диске «Униона». Плафоны то вспыхивают, то медленно угасают. Возможно, это сделано для наглядности, чтобы видеть интенсивность космических частиц, попадающих в разные чаши ловителей, под разными углами направленных в пространство.

В этих делах Борис Захарович разбирался не очень хорошо. Он знал, что важно определить, с какой стороны летят космические частицы, как они взаимодействуют с ядрами воздуха, какие это частицы и сколько их. Даже при первых опытах с летающим диском, способным плавно подниматься и опускаться точно по вертикали, несущим на своей поверхности десятки ловителей, что недоступно ракете, были получены совершенно исключительные результаты.

Но беспокойная мечта торопила Набатникова. Мало ли что сделано. А сколько еще осталось? На Землю, на Землю надо спустить космическую энергию, и не в частицах, что могут лишь мелькнуть на экране или отметить свое существование на счетчике. Работать, работать

должны эти частицы, бесцельно рассеянные по всей вселенной.

Борис Захарович поражался, как за такой короткий срок можно было не только построить целый институт с ракетодомом, башней для специальных наблюдений, но и оснастить все это новейшей, ранее неизвестной Дерябину аппаратурой.

Только ограниченные люди, дельцы и карьеристы могли предположить, что ученые, в том числе и Набатников, должны обязательно цепляться за высокий пост, столичный институт, степени и звания, льстивое внимание прихлебателей, квартиру в Москве и лишние доходы, получаемые чаще всего не за труд, а за положение.

Набатникова не отпускали из Москвы, им дорожили, его ценили не за профессорское звание, не за почетные должности и даже не за то, что он сделал, а в основном за то, что он сделает. У него все впереди.

Вот он ходит, грузный и высокий, с большим открытым лбом мыслителя и творца. На его лице вы всегда прочтете, доволен он или нет, радостен или хмур. Никакой маски, тем более равнодушной. Он слушает, и каждое ваше слово, претворяясь в его сознании, как бы отпечатывается на лице. Вы уже знаете, что он ответит. Не любит и не может скрывать он своего отношения к людям, к событиям. Впрочем, так же, как и сейчас, к тому, что происходит на экранах.

Немного успокоившись, шагает он по кругу и из-за спины сидящих возле каждого экрана исследователей нетерпеливо заглядывает в разграфленные листы, где отмечаются результаты наблюдений. На северной стороне зала сейчас тихо. Щелкают фотокамеры, запечатлевая на пленке вспыхивающие голубые звездочки. Звезды катятся по экрану. Кажется, что смотришь в окно, где видишь их в вечернем, еще прозрачном небе. Это загадочные частицы материи попадают в ловители «Униона», превращаются в радиоимпульсы и мчатся вниз, чтобы блеснуть на экране радостным или печальным вестником рождающегося или гибнущего мира — далекого мира, от нас он, возможно, в сотнях миллионов световых лет.

Внизу под большими экранами, среди записывающих приборов темнеют круглые окошки. Иногда на них появляются голубые нити, потом словно брызгами фосфоресцирующей жидкости заливается одно окошко, другое, третье. Но вот они все темнеют, и опять вспышки,

звезды, искорки. А Набатников стоит рядом, смотрит в мир сквозь эти окна, за которыми угадываются пока еще неясные контуры большой человеческой мечты.

Не солнечные вспышки, не космические лучи ближайших звезд залили своим светом экран южной стороны. Посмотрим вверх. Там, на потолке, совершенно ясно видно, что не все ловители принимают столь мощный поток энергии. Больше половины плафонов светится еле-еле. Космические частицы падают на Землю из какого-то определенного места вселенной. Но не это сейчас волновало Афанасия Гавриловича. Подобные вспышки могут продолжаться несколько часов, и эти часы надо во что бы то ни стало использовать. Возможно, что при такой невероятной мощности удастся проверить опыт с превращением вещества. Для этого стоит только поднять «Унион» за пределы атмосферы, где космическая энергия возрастает во много раз.

Он подошел к Борису Захаровичу, несколько опешившему от всех этих впечатлений, и спросил, что он думает насчет подъема «Униона» в ионосферу.

— Как говорится, прямо с ходу. Не приземляясь.

Борис Захарович понял, чем это вызвано. Нельзя терять такую редкую возможность, в конце концов, подобные явления бывают и неповторимыми. Он мало что понимал в этом деле, но если бы ему довелось встретиться с чем-нибудь похожим в своей специальности, то разве стал бы он раздумывать?

— С точки зрения технической я не вижу препятствий, — сказал он, все еще с удивлением глядя на пылающие экраны. — Поярков даже настаивал, чтобы перегонять «Унион» на большой высоте. Но меня интересовала проверка новых метеоприборов, и Серафим согласился. Во всяком случае, с ним можно переговорить.

Охваченный нетерпением, Набатников потянул Бориса Захаровича за собой:

— Так пойдем скорей, вызовем Серафима по радио. А Медоварову скажем, чтобы он распорядился передать управление тебе. Понимаешь, что мне важно? Именно сейчас, останавливая диск через каждые десять километров, поднять его в ионосферу, ну хотя бы километров до ста пятидесяти. И если вспышка не угаснет...

— Это я все понимаю, — перебил его Дерябин и досадливо поморщился. — Но ведь есть подозрения...

— Опять ты насчет ребят? Но за Багрецова я головой ручаюсь. Ни за что он такую штуку не выкинет.

— А Бабкин тем более. Человек семейный, осторожный, — протирая очки, как бы с самим собой говорил Дерябин, потом быстро надел их и зло усмехнулся. — Черт его знает, чему тут верить? Медоваров клялся, божился, что все печати осмотрел... А для него печать самое главное. Тут он не ошибется.

Набатников взял его под руку и настойчиво потащил вниз по лестнице.

— Пустая мнительность. Но я все же попрошу Медоварова разыскать ребят. Пусть поручит узнать домашний адрес Багрецова, позвонит матери. Наверное, она скажет, у каких киевских знакомых мог бы он остановиться. Чего-чего, а такие дела Медоваров проворачивать умеет.

— Хорошо, — неохотно согласился Дерябин. — Только пока мы не будем абсолютно уверены, что в «Унионе» никого нет, поднимать его выше нельзя.

Для Набатникова вся эта история казалась нелепостью, но, не желая сердить старика, он не стал возражать. Спустившись этажом ниже в переговорную будку, Афанасий Гаврилович приказал радисту вызвать НИИАП и тут же заручился согласием Пояркова на подъем «Униона».

Однако, когда уже все было решено и Набатников попросил к микрофону Медоварова, чтобы он распорядился передать радиоуправление Дерябину, произошло непонятное осложнение.

— Нет уж, дорогой Афанасий Гаврилович, увольте, — ласково запел Толь Толич. — Программа утверждена, согласована и с вами, и с другими заинтересованными представителями. Какое же мы с вами имеем право ее нарушать? В пункте втором указана высота, или, как говорят у нас, задан эшелон. Мне еще придется расхлебывать вчерашнюю историю. Столкновение...

— Какое же у нас может быть столкновение на высоте в сотню километров? Да и потом «Унион» поднимется в районе, где не проходят авиалинии.

— Не знаю, не знаю, уважаемый Афанасий Гаврилович...

— Как не знаете? — постепенно раздражаясь, спросил Набатников. — Вы же все это согласовывали с Аэрофлотом и другими организациями?

— Да разве я им подчинен? — плаксиво заговорил Толь Толич. — Вот дадут санкцию сверху, тогда пожалуйста. Забирайте свой «Унион» и командуйте как

хотите. А я человек маленький. Мне приказано его только доставить.

— Но я беру ответственность на себя.

— Пожалуйста, Афанасий Гаврилович. Берите, но, когда «Унион» прибудет на место назначения. А пока, я очень глубоко извиняюсь, с меня никто ответственности не снимал. Вы же это прекрасно понимаете. В крайнем случае запросите Москву.

— Сегодня воскресенье, и к тому же вечер. Да и вообще никто в это дело не будет вмешиваться.

— Ну что вы от меня хотите, золотко? Я стрелочник и выполняю утвержденную программу. Инициативу, конечно, от нас сейчас требуют, но ведь к этому привыкать надо. Хорошо вам, Афанасий Гаврилович...

Набатников еле сдерживался. Самым неприятным в этом разговоре было то, что в свое время, по долгу секретаря партийной организации, Набатникову пришлось заниматься персональным делом Медоварова, в результате чего тот получил выговор и был освобожден от работы в институте. Если сейчас чересчур нажимать на пострадавшего Толь Толича, то его друзья могут приписать Набатникову травлю, сведение личных счетов с осознавшим свою ошибку честным коммунистом, тем более что выговор с него давно сняли за самоотверженную и безупречную работу.

Этим умело пользовался и сам Медоваров. Тогда на партсобрании Набатников во всеуслышание признался, что за нечестный поступок в экспедиции в пылу раздражения оскорбил коммуниста Медоварова, назвав его «паршивым человеком». Толь Толич подал жалобу, и Набатникову пришлось извиниться перед обиженным.

А потом, когда по просьбе самого Набатникова на отчетно-выборном партсобрании его кандидатуру отвели, друзья Толь Толича пустили слух, что это неспроста, что где-то в более высоких инстанциях разобрались в деле Медоварова и предложили освободить профессора Набатникова от обязанности секретаря партбюро. Слухи есть слухи, не до каждого они доходили, проверять смысла не было, к тому же Набатников уехал, а Медоваров вновь воскрес на руководящей должности. В НИИАПе его даже выбрали в партбюро. Справедливость восторжествовала, и теперь Толь Толич мог разговаривать с бывшим своим врагом весьма снисходительно.

— У вас все, Афанасий Гаврилович? А то меня здесь народ ждет. Готовлюсь к отлету.

— В Москву? Согласовывать?

— Зачем же? Все давно уже согласовано. Вместе с Поярковым к вам прилечу, Афанасий Гаврилович. Как положено: печати проверить, пломбы. Сам ведь ставил, сам и отвечать должен.

— Но сюда прилетел Борис Захарович. Вы что, ему не доверяете?

— Отнюдь, товарищ профессор. Только вот что-то там с аккумуляторами стряслось. С анализатором неблагополучно. По чьей вине? Нашей или временно прикомандированного к НИИАПу товарища Дерябина? Проверим сообща, так сказать, для выяснения истины. Согласны?

— Хорошо, — отмахнулся Набатников. — Теперь скажите...

— Одну минуточку, — прервал его Толь Толич. — Разрешите взять с собой кое-кого из специалистов...

Но тут ему уже не дал договорить Афанасий Гаврилович.

— Меня это не интересует. Я не пойму вашего упорства. Почему вы противитесь подъему «Униона»? Есть какие-нибудь серьезные возражения, кроме тех, которые вы уже назвали?

— Простите, товарищ профессор, но они не для телефонного разговора.

— Здесь Борис Захарович упоминал насчет двух парней... Это, что ли, вас останавливает?

— Шутки извольте шутить, Афанасий Гаврилович. Я сам проверял, с вашего разрешения.

— Но ведь они куда-то пропали? Матери Багрецова звонили?

— С вашего разрешения, сумели и это сделать. Днем она получила телеграмму от сына: «Жив, здоров. Привет от Люды».

— А кто такая Люда? Где она живет? Узнавали?

— Мы слезкой не можем заниматься, дорогой Афанасий Гаврилович. Не положено, здесь дело сугубо личное.

— Но если вы уверены, что этих данных вполне достаточно, что людей в диске нет, тогда чего же упорствовать?

— Ах, Афанасий Гаврилович, не жалеете вы нас, грешных. Простите, вызывает Москва. — В репродукторе послышался щелчок, и все замолкло.

Набатников бессильно откинулся на спинку стула.

— Ну что ты на это скажешь?

— А если он прав? — рассеянно поглаживая щеточку седых усов, сказал Борис Захарович. — Прав со своей точки зрения. Предположим, что из-за него ты упустил время и не смог исследовать... ну, вроде как необыкновенное явление природы. Завтра ты устроишь скандал, скажешь, что тебе мешают работать. Ну и что же? Кто-нибудь из начальства пожурит Медоварова — дескать, надо было пойти навстречу уважаемому профессору, и этим дело кончится. Так, собственно говоря, и рассуждает Медоваров. Но ему прекрасно известно, что ежели бы он взял на себя смелость нарушить утвержденную программу да, избави бог, здесь бы приключилась какая-нибудь неприятность... Кто тогда будет в ответе? Профессор Набатников?

— Да. Конечно.

— Ну и что же? В чем виноват профессор? Обыкновенный неудачный эксперимент. Мало ли чего не бывает, смягчающие вину обстоятельства и прочее. А Медоварова выгонят, да еще с треском... Зачем же ему рисковать?

Из громкоговорителя послышался долгий гудок, затем голос радиста:

— Афанасий Гаврилович, вы еще здесь? НИИАП спрашивает.

Через минуту сквозь провод протиснулся лстыивый голосок Медоварова:

— Добился, добился, Афанасий Гаврилович. Все улажено. Передаю управление. Только не подведите меня. Осторожненько.

— С кем согласовали? — спросил Набатников.

— Замнем для ясности, Афанасий Гаврилович. Для вас я человек маленький, но ведь есть люди, которые и со мной считаются.

Набатников сразу подобрел и, уже поглядывая на дверь, чтобы скорее бежать наверх, благодушно заметил:

— Ну что вы, Анатолий Анатольевич? Разве я когда-нибудь в этом сомневался?

Выходя из будки, Набатников повернулся к Борису Захаровичу:

— Неужели Медоваров запрашивал Москву? Звонил кому-нибудь домой? Или просто сам рискнул?

— Для риска у него должны быть очень серьезные основания. Во всяком случае, мне непонятна эта игра.

Помните, как он медлил с отправкой? Вдруг звонок — и все решилось.

— Оставим его в покое, — перешагнув сразу через две ступеньки, сказал Набатников. — Смотрите...

Он остановился в дверях и, протягивая руки к самому яркому экрану, где бушевал весенний ливень, облегченно вздохнул:

— Все тот же. Летим к нему навстречу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Теперь посмотрим, что делается наверху. До чего же подлая птица этот черный стервятник! Не будь его — все обошлось бы иначе.

Бабкин уже несколько раз окликнул Димку, чтобы тот пришел в кабину и послушал работу ЭВ-2 и других приборов. Димка не отвечал. Обеспокоенный молчанием, Тимофей возвратился в коридор. Никого!

Синий сумеречный свет проникал сквозь люк и отражался на потолке бледным круглым пятном.

— Нашел время для шуток, — пробормотал Бабкин, стараясь подавить охватившее его волнение. — Димка! — со злостью крикнул он в темноту. И уже тревожно: — Димка!..

Ответа не было. Неподалеку что-то зашуршало. Бабкин подошел ближе. По краю люка скользил трос.

— Димка, вернись! Вернись, я тебе говорю!

Трос натянулся. Бабкин осторожно подергал его в надежде, что Димка заметит этот сигнал и возвратится. Сигнал был принят, но Димка не возвращался.

Все еще не понимая, как Димка, никогда не отличавшийся храбростью, смог решиться на такой поступок, Тимофей немного освободил трос. В голову лезли всякие тревожные мысли. Хорошо ли Димка застегнул ремень? Не сорвется ли случайно? В руках холодной стружкой скользил трос. Тимофей боялся выпустить его из рук и часто сжимал до боли в ногтях.

Резкий рывок! Тимофей падает, ударившись о край люка. Трос обдирает кожу с ладоней и проваливается в пустоту. Трещит лебедка.

Сквозь шипение и вой двигателей прорывается сдавленный крик. Барабан лебедки продолжает вертеться.

Бабкин скользит по ее гладкому кожуху окровавленными руками. Барабан остановить невозможно: все закрыто. Сквозь прозрачный кожух видно, как блестят и, пересекаясь, вздрагивают последние метры стального троса.

Выдержит ли он рывок, когда Димка повиснет в пустоте? Что делать? Оторвать провода от реле? Но, может быть, трос тогда выскользнет? Не знает этого Тимофей. Не знает! В отчаянии всем телом он падает на лебедку.

Снова толчок. Барабан останавливается. Диск вздрагивает...

Все давно уже затихло. Двигатели выключены. А Бабкин еще лежит, не в силах оторвать руки от мокрого кожуха. Наконец приподнял голову. Казалось, прошло несколько часов с того момента, как замолкла лебедка.

Он подполз к люку. Над морем стояла тишина. Легкий ветер обвевал лицо, мокрое от пота, а возможно, и слез. В этом никогда бы не сознался Тимофей.

Трос, тонкий и блестящий, как лунный луч, тянулся к морю, где, казалось, плавали легкие сверкающие монеты. И в этом беспокойном дрожащем свете, далеко внизу, Тимофей увидел качающуюся темную фигуру.

— Димка! — крикнул он и не узнал своего голоса: чужой, хриплый...

Опять стало томительно тихо. Слышался плеск моря, шипение пены на гребнях волн. Нет, это в люке пошвистывает ветер.

И еще раз крикнул Тимофей и опять не дождался ответа.

Багрецову казалось падение вечным. Он не чувствовал за собой троса и ждал, что через мгновение ударится о воду и все будет кончено. Мелькали огненные струи, летели звезды. Море падало на него сверху, вставало стеной, уплывало куда-то, и на волнах качался серп луны, будто срезал невидимые колосья.

Трос натянулся, заныл, загудел, резко рванул за пояс. Остановилось дыхание, как от удара под ложечку. В глазах — сплошная чернота, потом завертелись какие-то красные колеса, взвились пылающие ракеты... Ослепительная вспышка, и все пропало...

Очнулся Вадим от ощущения холода. В первый мо-

мент никак не мог понять, что же все-таки произошло? Он раскачивается, летает, как во сне. Вот взметнулся вверх и снова падает. Тревожно замирает сердце. В руке веревка, но она холодная, как сталь... Трос... Все становится ясным.

Вадим боится открыть глаза, боится опять увидеть море. Неужели он висит в пустоте? Невольно приоткрываются веки. Темно. Мерцают далекие огоньки, цепочкой тянутся вдоль моря. Наверное, дорога.

А наверху, точно спустившись с дальних высот, застыла луна. Нет, это светится диск, покрытый такой же полупроводниковой краской, что и крышка приемника. Рука инстинктивно нащупывает его в кармане.

Холодные капли поползли по спине. Дождь? Нет. Это вернулся страх. немеют руки, словно намертво прикованные к тросу, кружится голова, и снова в отчаянии колотится сердце. Что может быть страшнее высоты, когда ветер раскачивает тебя, как муху на паутинке? Подует сильнее, закружит, сорвет с троса и бросит вниз.

Или не то. Вдруг там, наверху, уже раскручиваются жилки троса, выскакивают из-под болта, свертываются в спирали, блестящие, колючие. Те, что остались, начинают лопаться. Одна, другая, третья. Еще минута, две, оборвутся последние волоски...

Вадим холодеет от страха. А ветер раскачивает и раскачивает его, как гигантский маятник. Он отсчитывает последние секунды.

Нет, это, наверное, сон. И вновь выплывает откуда-то из глубины оскаленная морда в прозрачном колпаке. Такое может только сниться. А черный стервятник? Ведь это все из-за него. Неужели тоже сон?

И вдруг сверху послышался знакомый голос.

— Слышу! Слышу!.. — кричит Вадим, пробует подтянуться на руках, но трос слишком тонок, руки скользят. — Тащи меня, тащи!..

Но крик его обрывается и замирает. Тащить невозможно, из люка не дотянешься до троса, ремня у Тимки нет. Да и все равно ремнем ничего не сделаешь — трос сильно натянут.

Внизу родная земля. Горы, как расплавленным оловом, залиты лунным светом. Черные долины, где, точно искорки в золе, вспыхивают огоньки селений. Блестящая бетонированная дорога рекой течет вокруг горы и прячется в ущелье. По дороге плывут, как пароходы, тяжелые грузовики и несут перед собой светящиеся веера.

Из глубины взлетает вверх веселая песня, стеклянные дробные звуки саза, похожие на трели мандолины.

Земля манит, спокойная, счастливая, протягивая к нему, как заботливые руки, ветви раскидистых буков.

Ветер свистит над головой. Трос дрожит, как натянутая струна. Вадим вцепился в него, подняв руки, словно в последней мольбе о помощи.

А за ним, распластав черные, как пиратские паруса, крылья, летит птица, привязанная на шнурке.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Здесь о «Ноевом ковчеге», о стенной печати и чистых, нет, даже стерильных руках. А в основном это грустный рассказ о влюбленных, которым автор искренне сочувствует.

Аскольдик оказался существом довольно мстительным. И нечего тут ссылаться на воспитание в семье, в школе, в комсомоле. Да, родители потакали всем его капризам, но в доме царила весьма благодушная обстановка — ни ссор, ни скандалов. Любвеобильные супруги воспитывали в сыне самые лучшие, добрые чувства, помогали бедным родственникам, заставляли малыша кормить рыбок и по утрам целовать руку бабушке.

В школе мальчика любили, он был тихим и ласковым. В комсомоле ценили за умелое оформление стенгазеты, за деловые выступления на собраниях и за то, что у него не бывало двоек.

И все же, несмотря на столь идиллическое воспитание, Аскольдик, как уже было сказано, таил в себе подлую мстительность, о которой никто не мог подозревать. В самом деле, откуда у девятнадцатилетнего парня такой позорный пережиток?

Раньше оскорбления смывались кровью. Око за око! Зуб за зуб! Да и сейчас какой-нибудь распоясавшийся хулиган может пригрозить обидчику ножом или поколотить обидчицу. Мерзко, конечно, но все же и это бывает. Аскольдик тоже не прощает обид. Он оскорблен в самых своих лучших чувствах. Обыкновенная незаметная девчонка, и вдруг: «Сорняк, мальчишка». Да как она смеет!

В глубине его злого сердечка притаилась и другая обида. Поярков, конечно, постарше, он уже кое-чего достиг в жизни, но нельзя же только с ним проводить время. Девчонка должна быть поосторожнее, а то люди могут заметить. Мало ли какие пойдут толки?

Именно это старое и ржавое оружие выбрал Аскольд для своей мести.

— Что вы скажете, Риммочка, по поводу нашей тихони? — спросил Аскольдик, провожая ее в столовую. — Липнет к женатому человеку. Хоть бы людей постеснялась.

— Хиба Поярков женатый? — оживилась Римма и, вспомнив, что Аскольдик совсем не знает украинского языка, перешла на русский: — Кто сказал?

— Я сплетен не собираю, — с достоинством ответил Аскольдик. — Но подумайте сами, человеку, наверное, уже за тридцать. Можно было успеть обзавестись семьей? Так или нет?

— Не знаю. Намекала я Анне Васильевне, чтобы спросила своего ухажера. Обиделась, губы надула. Говорит, что это ее вовсе не интересует.

— Прикидывается. А скажите, пожалуйста, почему они всегда вместе? В ресторане мы их видели? Видели. С работы кто ее провожает? Сам ведущий конструктор. А нам плевать, что он ведущий. Не таких осаживали! До того обнаглел, что даже в столовой у всех на виду садится вместе с лаборанткой.

Римма кокетливо опустила глаза.

— Вы тоже иногда рядом со мной садитесь.

— Мы люди свободные, нам все можно. Да и потом, все знают, что здесь самая обыкновенная дружба. Ничего плохого не подумают.

— И у них, наверное, дружба, — стыдливо потупившись, с полуулыбкой заметила Римма.

— Скажите вашей бабушке. Сам видел, как Поярков у нашей тихони руку целовал. Кстати говоря, у нее это не первый роман. Я краем уха слышал, что на прежней работе она даже выговор по такому делу схлопотала. Не верите? Спросите у Толь Толича.

Римма повисла на руке Аскольда и, оглядевшись по сторонам, горячо зашептала:

— Расскажите, расскажите! Я давно догадывалась...

Но что мог знать Аскольдик? Как-то Медоваров намекнул ему: не очень, мол, золотко, заглядывайся на эту скромницу. Девушка она опасная. Как ни пытался

Толь Голич выяснит, что за история с ней приключилась и за что она получила выговор, девица лишь стискивала зубы и бледнела. Явно романтическая подоплека, хотя в личном деле сказано просто: выговор за нарушение трудовой дисциплины. Медоваров шутливо намекнул на Багрецова — никакого впечатления, но стоило только упомянуть фамилию Курбатова, как Мингалева изменилась в лице и, не говоря ни слова, вышла из кабинета.

— Ясно, что ее этот Курбатов бросил, — безапелляционно решил Аскольдик. — Теперь она бежит за другим начальником.

Римма не преминула об этом сообщить подружкам. Аскольдик тоже кое-кому сказал доверительно. С тех пор Нюру провожали любопытствующими взглядами все, кому только было не лень. Если видели ее одну, то сразу же удивленно шарили глазами вокруг — нет ли здесь Пояркова?

В перерыве, как всегда, Серафим Михайлович ждал Нюру, чтобы идти в столовую, но сегодня Нюра проскользнула другим ходом и села за стол к Римме и Аскольдику.

— Правильно, Анна Васильевна, — шепнула ей Римма.

До этого она улучила подходящий момент, когда поблизости от Нюры никого не было, и предупредила:

— Вы не обидитесь, если я кое-чего скажу?

Нюра ласково улыбнулась:

— Думаю, что нет.

— Разговоров вокруг вас очень много. Я-то, конечно, не верю, мало ли что люди брешут. Но ведь нельзя же так. — Римма как пчела жужжала над ухом. — Все на глазах и на глазах. Сам-то он должен понимать?

Нюра нервно передернула плечами.

— Я не вижу здесь ничего плохого. Человеку сейчас тяжело. Неудачи, срывы... Ему хочется бывать со мной. Вот и все.

— Помните, когда вы были в ресторане? Ничего особенного, а люди взяли и придумали, что вы совсем домой не возвращались.

— Мало ли на свете грязных сплетников.

— Не чую, на що вам эти байки сдались? Можно сразу всем рты заткнуть. Не бывайте с ним на глазах, тогда и разговоров не будет.

Предупреждение Риммы подействовало. Если Нюра раньше ничего не замечала — ни двусмысленных улы-

бок, ни шепота за спиной, то сейчас она чувствовала, как ее обволакивает липкая паутина сплетни. Как тяжело дышать! Как страшно жить! Она встречала Толь Толича и видела на его лице ироническую всепонимающую улыбку.

— Таега прямо на глазах, Анна Васильевна. В чем только душа держится. Ах, молодежь! Молодежь!

Аскольдик старался вовсю. Это он распустил сплетню, что видел Нюру с Поярковым в ресторане, а потом встретил ее рано утром в городе. Ничего особенного — возможно, заночевала у подруги. Но в том-то и дело, что подруг у Нюры не было ни в городе, ни в институте. Это все хорошо знали.

Играя роль преданной подруги, Римма нашептывала Нюре:

— А вы знаете, что еще говорят... — И предупреждала: — Не подходите к нему. Делайте вид, что не замечаете.

Все это было глубоко противно Нюре, но она не нашла в себе мужества раз и навсегда освободиться от этих разговоров, от надоедливой Риммы с ее захлебывающимся шепотком, сказать ей, что довольно, что она и слышать об этом не хочет. Нюрой овладело тупое безразличие, и ей было уже все равно... Пожалуй, даже лучше, если она перестанет разговаривать с Серафимом Михайловичем. Так спокойнее. К тому же она чувствовала свою вину в истории с аккумуляторами, это ее мучило и заставляло избегать Серафима Михайловича.

Поярков ничего не мог понять. Нюра старалась не попадаться ему на глаза, а если он и видел ее, то при первой попытке подойти и заговорить Нюра сразу же оказывалась в обществе Аскольдика и Риммы. Какой уж тут разговор!

Оставалась единственная надежда, что можно перемолвиться с Нюрой словом, когда они сядут в самолет. Медоваров все-таки разрешил Нюре командировку, как и многим другим сотрудникам НИИАПа. Непонятно, зачем он взял с собой Аскольдика? Вряд ли от него будет какая-нибудь польза в Ионосферном институте.

У Серафима Михайловича были особые причины для недовольства. Аскольдик завладел местом рядом с Нюрой, и Пояркову пришлось сидеть одному в самом конце самолета, или, вернее, аэрологической лаборатории, которая использовалась в НИИАПе для всевозможных испытаний.

Медоваров тоже недоволен, но по другим, не личным, а общественно значимым причинам. Представьте себе такую наглость: сегодня вечером, перед самым отлетом, поднимаясь по лесенке в эту самую летающую лабораторию с надписью «НИИАП», он обнаружил приписанные карандашом буквы «ЧХИ». Получается что-то уж очень обидное и безобразное: Научно-испытательный институт АПЧХИ!

Он знал, чьи это штучки. Схулиганил кто-то из молодых летчиков. Им на все начхать. Разве они что понимают? Разве они могут оценить широту и многообразие тематики НИИАПа?

Насчет этой тематики у Пояркова было свое мнение. Работая в конструкторском бюро, тесно связанном с заводами, Поярков никак не мог примириться с мыслью, что «Унион» загнали в маленький тупичок с полустанком, именуемым «НИИАП». Все, что здесь делалось, конструктору казалось нелепым и фантастическим. Не только аэрологические приборы испытывались на высоте, но и другие объекты. Поярков не понимал, зачем в самолет грузили гусей. Наверное, какой-нибудь аспирант взял на себя серьезную и трудную тему: «Методика определения возможности акклиматизации гусиных пород в условиях кислородной недостаточности».

Несмотря на то что НИИАП был институтом испытательным, к тому же техническим, будущие кандидаты самых различных отраслей науки обосновались здесь довольно прочно. Еще бы, такая великолепная экспериментальная база!

Наблюдая, как несколько раз в неделю в аэрологическую лабораторию носили горшочки с сеянцами, Поярков усмехался. Все ясно. Значит, готовится диссертация на степень кандидата сельскохозяйственных наук. Будущий кандидат выбрал себе актуальную тему о разведении льна-долгунца на горных пастбищах.

У Пояркова возникали эти ассоциации в связи с многочисленными фельетонами, посвященными деятельности карликовых научных институтов. А кроме того, сам Поярков коллекционировал, как курьезы, некоторые вырезки из газет, где объявлялись темы диссертаций. Не надо также забывать, что Поярков — инженер, и ему была свойственна некоторая недооценка сугубо научной работы, что среди инженеров встречается довольно часто.

Набатников и Дерябин считали, что сегодня ночью

на ракетодром Ионосферного института прилетят главный конструктор «Униона» Поярков, лаборантка Мингалева, инженер-механик, врач и, наконец, Медоваров. Он счел необходимым после спуска «Униона» проверить печати и пломбы НИИАПа. Но разве мог товарищ Медоваров, знающий цену государственной копейке, из-за пяти человек гонять взад и вперед двухмоторный самолет? Ведь это не просто самолет, а научная лаборатория, она должна использоваться по назначению, а не для транспорта. Горючее, смазочное, амортизация. Такой полет дороговато обойдется.

А что, если воспользоваться самолетом не как средством транспорта, а для научных исследований по пути на Кавказ — так сказать, соединить полезное с приятным? Здорово придумано — комар носа не подточит!

И вот в аэрологическую лабораторию с удобными мягкими креслами, как в самолетах Аэрофлота, погрузили ящики с приборами, клетку с гусями, трех поросят в специальных станках, горшочки с сеянцами и всякие другие объекты для экспериментов.

Самые лучшие места возле кабины пилотов заняли начальник и Римма. Пришлось взять бедную девочку. Во-первых, она никогда не бывала на Кавказе, а во-вторых, и для нее там дело найдется. Пусть помогает Мингалевой, которую вызвал Дерябин устанавливать дополнительные приборы для будущих испытаний.

Товарищ Медоваров гордился своим демократизмом. Вот и сейчас он сел не с ведущим конструктором, не с каким-нибудь заслуженным инженером или аспирантом. Нет, он посадил с собою ученицу, маленького человека, производственницу. Нельзя отрываться от масс, надо с ними постоянно общаться. Ну а чтобы ничего дурного не подумали, он во всеуслышание болтал с Риммой о разных пустяках, снисходительно похохатывал рокошущим баском и говорил как с трибуны:

— Растить, растить надо молодые кадры! Для вас мы создали все условия. Нельзя успокаиваться на достигнутом. Сегодня вы ученица, а приложите соответствующие усилия — до кандидата дойдете. — Он поправил на голове свою академическую шапочку. — Подпишем тогда приказ о зачислении на должность младшего научного сотрудника. — И уже доверительно сказал вполголоса: — От женихов, золотко, отбоя не будет.

Римма не успела сесть в самолет, как уже занялась едой.

— Женихов, як кажуть, багато, — усмехнулась она, с аппетитом разгрызая куриную кость. — Подходящих нема.

Толь Толич обернулся назад, где в самом конце самолета одиноко скучал Поярков.

— Какой случай упускаете! Я бы на вашем месте, золотко, призадумался.

— Зараз! — Римма оторвала куриную голову и жадно начала сдирать жирную кожу. — Терпеть не могу смурных.

Толь Толич захохотал и сразу же прикрыл рот ладонью, будто подавился.

— Кто же вам тогда нравится?

Облизав пухлые яркие губы, Римма деланно рассмеялась.

— Ну, як скажу, що вы?

Толь Толич даже крякнул от смущения. Помолчав, он вытер платком вспотевшую шею.

— Издеваетесь, золотко. Вот бы моя мадам услышала!..

— Хай себе слухае. Вредюга. — И, потянувшись за другим свертком, Римма предложила: — Кушайте, будь ласка, пончики. Дуже смачные.

— Спасибо, не хочется.

— Это вы с перепугу, или, как у них говорят, «з переляку». Злякались, що скажуть вашей мадам, що я вас пончиками угощала?

Медоваров чувствовал себя не в своей тарелке. Вот до чего доводит демократизм. Девчонка, ученица и вдруг начинает говорить с ним, как с равным. Жену оскорбила, самого упрекнула в трусости. Слишком много на себя берет, как бы не пришлось раскаиваться.

Дул сильный ветер с моря. Самолет часто вздрагивал и проваливался. У Риммы пропал аппетит, удивленно и грустно смотрела она на недоеденный пончик.

При каждом порыве ветра поросята взвизгивали. Торопливые сборы привели к тому, что животные оказались не привязанными в станках. Уши их, растянутые и зажатые в специальных приборах (для определения кислорода в крови с помощью фотоэлементов), испытывали страшную боль, когда самолет покачивался или проваливался, — все равно что поросят дергали за уши. Гуси тоже были недовольны, они стучались головами о жесткую проволочную сетку и выражали свой гнев свирепым гоготаньем.

Все это раздражало Толь Толича, он уже несколько раз порывался сделать замечание своим подопечным. Но будущие кандидаты были столь заняты научной работой, что у начальника даже язык не поворачивался нарушить их «творческий, самоотверженный труд».

У окна, опутанный резиновыми трубками и проводами, с какими-то широкими браслетами на руках, с пластинками-электродами на ногах, закатав до коленей брюки, сидел молодой аспирант. Перед его глазами на портативном аппарате в чемоданчике прыгали стрелки, мигали лампочки, ползла лента самопишущего регистратора. Но аспирант, почти мальчик, в больших круглых очках, что придавало его лицу еще более испуганный вид, не смотрел на приборы. По лбу его катился холодный пот, руки посинели от напряжения. Он так судорожно вцепился в подлокотники кресла, что казалось, никакой силой не оторвешь его от сиденья.

В сердце Медоварова шевельнулось что-то вроде участия. Впрочем, он ведь и должен заботиться о кадрах, об их самочувствии и настроении. Плохо парню, очень плохо. Но как бы его не обидеть.

И Толь Толич, поднимая выпавшую из рук исследователя авторучку, вежливо осведомился:

— Я помню, золотко, что вы уже сдали кандидатский минимум. Но позабыл, как у вас сформулирована тема?

Диссертант попробовал изобразить на лице благодарную улыбку, но в этот момент самолет мягко подпрыгнул, как бы на следующую облачную ступеньку. Улыбка превратилась в болезненную гримасу, и мученик науки выдавил из себя, заикаясь:

— Ммоя тте... ма: «К вво... ппросу о ссуб... ссубъективных ощу... щениях пер... вого полета».

Покровительственно похлопав его по плечу, Медоваров прошел на свое место.

Римма безмятежно и сладко спала, на губах ее вместе с капелькой варенья застыла детская улыбка.

Толь Толич искренне любовался ее открытой красивой шеей, глубоко дышащей грудью, всем обликом молодого, здорового существа. Ни думы, ни заботы не омрачали девичьего, чуть выпуклого лба.

А Медоварову не до сна. Аэрологическая лаборатория сейчас работает. Люди заняты научным трудом, и Толь Толич на правах начальника института и руководителя данной экспедиции также не должен отдыхать.

Его несколько смущала встреча с Набатниковым, но, после того как вопрос об испытаниях на больших высотах разрешился благополучно, вряд ли Набатников окажется столь злопамятным, что будет возражать против нескольких молодых ученых, которые пожелали ознакомиться с работой Ионосферного института. Надо воспитывать молодые кадры, делиться с ними опытом, тем более что расходы по этой командировке идут по смете НИИАПа.

Умел Толь Толич завоевать расположение своих подчиненных. Да разве какой-нибудь другой начальник смог бы так о них позаботиться? А тут пожалуйста — собственный транспорт, и вы уже на Кавказе, где предстоят очень интересные встречи с зарубежными учеными. Да за такую заботу о молодых научных кадрах в ножки надо кланяться.

И кланялись, восхваляли на собраниях, писали в стенной газете о чуткости и демократизме Толь Толича, даже приводили его в пример другим руководителям.

Для Набатникова или Пояркова, тем более для молодых специалистов Багрецова или Бабкина, для множества людей, не искушенных в искусстве делать карьеру (что же, приходится и в наше время упоминать это, казалось бы, давно похороненное слово), представлялись необъяснимыми неожиданные скачки Толь Толича по служебной лестнице. То он работал на ответственной должности в столичном институте, то опускался ниже и стал директором галантерейной фабрики в Ташкенте и наконец оказался на приличном месте в НИИАПе.

Кстати говоря, этим заинтересовалась и Римма. Она проснулась, проглотила пончик и, рассматривая пластмассовые клипсы-розочки, подаренные ей Толь Тоlichem как образец продукции фабрики, где он начальствовал, наивно спросила:

— А как вы сюда устроились, Толь Толич? Я увесь Киев оббигала. Колы б не вы...

Медоваров сжал ее руку и, глазами указав на окружающих, покачал головой:

— Руководители сами не устраиваются, золотко. Где прикажут, там и работаешь...

— Вызвали просто с Ташкента? А чога не в Москву?

— Начальству сверху виднее, золотко.

Самолет набирал высоту. Медики и прочие экспериментаторы брали очередные пробы крови у «транспортируемого молодняка». Сонных гусей начали кормить,

освещая их люминесцентными лампами. Гуси пугались, кричали, хлопали подрезанными крыльями. Молодое свиное поголовье, измученное уколами и необычной обстановкой, выражало явный протест и никак не хотело примириться с методикой исследований, предложенной аспирантом НИИАПа.

Крики, визг, гоготанье и прочие шумы, связанные с экспериментальной деятельностью молодых диссертантов, все больше и больше раздражали Медоварова. Но что поделаешь? Научная работа!

Он приоткрыл дверь в носовую часть корабля и по-манил к себе радиста:

— Найди какой-нибудь маячок, золотко. Дай сюда музыку, а то голова кругом идет.

У каждого окна находились маленькие репродукторы. Толь Толич повернул ручку громкости до отказа и через минуту уже наслаждался мелодией старинного вальса.

Закрыв глаза и плавно раскачиваясь, Толь Толич похвастался:

— Дома у меня этих вальсов штук сорок. Каждый день проигрываю на магнитофоне. Особенно люблю старинные, прямо за сердце хватают.

Римма с треском разломилась яблоко.

— Пополом. Чур, не отказываться. Обижусь.

Толь Толич машинально взял половинку и фальшиво замурлыкал:

Что призадумалась ты,
В бездну печально глядя?
Или боишься волны
Ты, дорогая моя?

Совсем расчувствовался Толь Толич, но Римма властно выключила репродуктор.

— Який нудный танец! Вальс я не танцую. Старовизна!

Жизненный опыт такого начальника, как Толь Толич, всерьез заинтересовал Римму. Устраиваются же люди! Все у него есть. Хорошая квартира, не то что у Риммы — живут в одной комнате. На дачу только на машине ездит. Жена, конечно, старуха, а ходит в карачуле с двумя чернобурками. Откуда такое счастье свалилось? За что?

И Римма опять вернулась к начатой теме:

— Мабуть, вы с самим министром балакали? Який

вин? Молодой чи старый? Здается мне, що министр вас сюда устроил?

— О таких вещах, золотишко, не спрашивают. — Толь Толич пригладил похожие на подсолнушки усы. — Может, и министр, а возможно, и кто-нибудь другой. — И опять по привычке, как бы невзначай, поглядел на потолок.

Римма вздохнула:

— Вот бы познакомиться...

Будем к ней снисходительны. Не только пустынную девчонку, но и зрелых, умудренных опытом людей Толь Толич не раз вводил в заблуждение своим многозначительным поглядыванием на потолок. Кто знает, кого он имеет в виду?

В самолете стало жарко. Поярков повернул блестящий цилиндр над головой и направил на себя освежающую воздушную струю. Его мягкие, уже с проседью волосы поднялись вверх.

Он придержал их ладонью, потом, как бы вспомнив о чем-то, встал и, опираясь на спинки кресел, прошел в кабину, к радисту, чтобы узнать, нет ли сообщений от Дерябина.

Как и было намечено по новой программе, согласованной с Поярковым, «Унион» будет подниматься вверх, останавливаясь на разных высотах. Даже в ионосфере он может висеть в пространстве, словно вертолет в воздухе. В данном случае используется система, в принципе похожая на реактивные винты. Таким образом, исследования высших слоев атмосферы могли производиться гораздо полнее и точнее, чем с помощью ракеты, хотя некоторые из них и достигали больших высот, чем «Унион».

Из разговора с Дерябиным выяснилось, что Набатников доволен испытаниями. Диск взобрался как бы на новую ступеньку и сейчас отдыхает на высоте около трех километров.

Все приборы работают, в том числе и мейсоновский анализатор.

Поярков поспешил поделиться приятной новостью с Медоваровым:

— Только что говорил с Борисом Захаровичем. «Унион» сразу пошел вверх. Подъем идет почти по расчетному графику.

— Но ведь вы доказывали, что туда забрались два

молодца, — не преминул съехидничать Толь Толич. — Куда же девался лишний вес?

— Не знаю.

Медоваров благодушно усмехнулся и погрозил пальцем:

— Вот то-то и оно, что не знаете. А почему, золотко, не хотели заменить тяжелые стекла, как я предлагал?

— Опять вы за свое, Анатолий Анатольевич! — ободренный успехом, укоризненно проговорил Поярков. — У каждого из нас есть свой «пунктик». У Бориса Захаровича — чистота воздуха, у меня — «Унион». А у вас — «космическая броня». Неистовый болельщик.

— А как же? Я ведь практически этими полимерами занимался. Знаю, что к чему.

— Ради постоянной вашей любви к этим самым полимерам я готов застеклить все иллюминаторы «космической броней». Конечно, если она выдержит высотные испытания.

— Не сомневайтесь, золотко, не сомневайтесь, — солидно проговорил Толь Толич.

Римма помедлила, пока Поярков пройдет на свое место.

— Действительно, чушь какую придумали, — обратилась она к Медоварову. — За длинного хлопчика ничего не скажу. Смурной какой-то. Но який жонатый дурень смертяку на небе буде шукаты! Чи ему жить надоело?

— Это вы насчет Бабкина?

— А я знаю? Бабкиным его кличут чи Лодыжкиным? Белобрысенький, а с-под щетинки кожа просвечивает, розовая, як у того пороса. — Римма тоненько хихикнула, но потом посерьезнела. — За яким бисом вы заставили меня до Москвы звонить. Аж две години у телефона сидела.

— Не понимаю я украинского, — оборвал ее Толь Толич. — Говорите по-русски. Какие две години?

— Два часа. Этого даже не знаете? Звонила, звонила... А мама багрецовская так это важно спрашивает: «А почему вы, девочка, сыном моим интересуетесь?» Не могла же я сказать, что сынок ее либо полетел, либо сквозь землю провалился? Вы же сами говорили, чтобы старуху не волновать.

— Говорил. Ну а чем же вы объяснили ваш звонок?

— Не помню. Соврала что-то. Но старуха мне точно сказала насчет телеграммы.

— А вы не спросили, когда она была отправлена?

— Зачем? И так старуха подозревать начала, не гоняюсь ли я за ее сыном. Очень мне он нужен...

Толь Толич почувствовал, что поручение было выполнено точно. Но если «Унион» поднимается по расчетному графику, то подозрения отпадают. Людей там нет, а где они сейчас находятся, руководству НИИАПа безразлично. Пусть ищут с места их постоянной прописки.

Подошел Аскольдик:

— Я считаю, Анатолий Анатольевич, что общественная жизнь должна продолжаться в любых условиях, на любой высоте и любой глубине. Материальчик у меня кое-какой есть. Разрешите выпустить «молнию»?

— Действуй, комсомол! — одобрительно разрешил Толь Толич. — Заворачивай.

Возвратившись к Нюре, Аскольдик хотел было сесть рядом, но Поярков предупредил его:

— Простите, Нюрочка, оторвитесь от книги, я должен вам рассказать одну интересную новость.

Аскольдик понимающе усмехнулся и, обиженно шмыгнув носом, прошел вперед.

— Я слушаю, Серафим Михайлович, — холодно проговорила Нюра, заметив, что многие обернулись назад: — На нас смотрят.

Поярков презрительно пожал плечами:

— Меня это не касается.

— А обо мне вы подумали?

Он посмотрел на нее виновато и умоляюще:

— Если бы я мог не думать! Но что случилось, Нюрочка? С самого утра вы бегаєте от меня — может, оби-дел случайно? Не так посмотрел? Сказал не то?

Нюра уронила книгу на колени. Теплая волна нежности поднималась к горлу. От нее и захлебнуться можно. Казалось, что нет сейчас человека ближе ей и дороже. Она отвернулась к окну. Откуда-то из темноты выплыло лицо Курбатова и сразу же исчезло, растаяло. Губы готовы были прошептать Серафиму Михайловичу, что все остается по-старому, что она сама не знает, как это все получилось. Пусть не тревожится.

Хотела сказать, уже обернулась, но опять встрети-лась с любопытствующими взглядами Риммы, Аскольди-ка и других. Даже несчастный аспирант, изучающий

субъективные ощущения полета, застыл с пакетом у подбородка и тупо смотрел на Ньюру сквозь очки.

Все исчезло — и теплота и нежность. Ньюра вздохнула и равнодушно спросила:

— Вы обещали новость? Рассказывайте.

Лицо Пояркова передернулось. Не обращая внимания на иронические взгляды и перешептывания, он наклонился к Ньюре:

— Да, новость очень странная. Мне больно и противно об этом говорить. Вы отказались от моей дружбы и каждую свободную минуту отдаете пустому мальчишке, Римме... Кому угодно. Раньше вы находили время и для меня, а сейчас я должен вымалывать у вас минуты, отбирать их у Аскольдика. Скажите, что произошло? Я места себе не нахожу...

Покоренная его горячей искренностью, Ньюра не могла лгать.

— Вы хороший, Серафим Михайлович, и мне не хочется вам делать больно. Но разве вы не догадываетесь, почему я хожу с Аскольдином, Риммой? Почему стараюсь вас избегать?

— Бойтесь меня?

— Вас? Никогда. Но есть страшные люди. Если бы вы знали, что о нас говорят!

— И знать не хочу.

Ньюра машинально перевернула страницу.

— Вам, конечно, безразлично... А я уже не могу, мне трудно дышать.

— Но что мы такое совершили?

— Ничего.

— Тогда плевать на пошляков. Вчера Толь Толич встретил меня с усмешечкой: «Вы, оказывается, здесь не скучаете, Серафим Михайлович, нашими молодыми кадрами интересуетесь?» Пришлось вежливо осадить. Теперь уж не заикнется.

— Хотелось бы верить, — с грустью сказала Ньюра. — А с другими что делать?

Поярков крепко сжал ее локоть.

— Позабудем про них. — Он облегченно вздохнул. — Прямо от души отлегло. А я-то думал... Значит, все остается по-старому?

Ньюра захлопнула книгу и устало закрыла глаза.

— Пусть будет так.

— Я счастлив, Ньюрочка...

Никто не слышал, что он говорил. А ему самому сло-

ва казались пустыми, банальными. Говорил, как он будет скучать без Нюры, наконец в приливе смелости отбросил все, что мешало высказаться.

— Нет, я так не хочу. Без вас не вернусь в Москву. И не ждать, нельзя больше ждать. Если нужно, поговорю с Медоваровым. Не отпустит, тогда поговорю...

— Со мной. — Нюра, не поднимая головы, разглаживала платье на коленях. — Об этом вы забыли? Я не могу. — И Нюра еще ниже склонила побледневшее лицо.

— Почему? — вырвалось у Пояркова, он нервно закурил и, как бы опомнившись, сунул папиросу в карман. — Простите, я не о том.

Дрожащими пальцами нажал он рычажок у кресла. С глухим стуком спинка откинулась назад. Так лучше — Нюра сидит согнувшись и не видит его. Запахло паленой шерстью. Папироса? Обжигая пальцы, потушил. «Почему? Почему? — мысленно повторял он. — Да не все ли равно! Не нравлюсь? Любит другого?»

Нюра выпрямилась и, смотря на Пояркова серыми открытыми глазами, проговорила:

— Не сердитесь. Вы ничего не знаете.

В голосе ее слышались боль и стыд, она вновь переживала свою давнюю ошибку, готовая провалиться вниз сквозь пол самолета, только бы не видеть удивленного скорбного взгляда Пояркова.

— Не мучайте меня, — нервно перебирая стеклянные цветные бусы, прошептала она. — Спросите у Багрецова. Он знает.

Зачем Пояркову расспрашивать какого-то мальчишку? Что за тайна связывает их? Он глушит неясные подозрения, веря, что Нюра не может лгать. Видно, ей боязно признаться. Но в чем?

— Я верю вам, Нюлочка. — И, склонившись за высоким креслом, робко поцеловал руку.

— Не троньте! Грязная она. — Нюра быстро, словно от ожога, выдернула руку и, вытащив из сумки платок, отвернулась к окну.

В самолете стало тихо. Утихомирились и гуси и поросята, их оставили в покое до следующего часа, когда придется лететь на большой высоте, через отроги Кавказского хребта.

Проходя мимо Пояркова, старый врач Марк Минович тряхнул редкой седой бородкой и неодобрительно покачал головой. Уж очень ему не нравилось за последние дни состояние Серафима Михайловича. Прямо хоть

в больницу кладу. Покой ему нужен, а кругом суетня. Юев ковчег, а не лаборатория.

Аспирант, изучающий субъективные ощущения полета, застал. Марк Миронович вытер ему рот куском ваты и предложил таблетку аэрона.

— Не могу, доктор, — упавшим голосом пролепетал аспирант. — Нужна... чистота эксперимента... — И он опять схватился за пакет.

— Если хотите знать мое мнение, — теребя бородку, рассерженно проговорил Марк Миронович, — это не эксперимент, а игрушки. Раньше ученые не так экспериментировали, случалось, что и себе чуму прививали... А вы... — Он посмотрел на мокрую вату и бросил ее в раскрытый пакет. — И за это еще деньги платят.

Аскольдик наглотался аэрона и чувствовал себя неплохо. Он отеснил Марка Мироновича в сторону и, размахивал раскрашенным листом, подбежал к Медоварову:

— «Молния» готова, Анатолий Анатольевич, завизируйте.

Медоваров взял с собой Аскольдика, который доказывал, что эта командировка связана с темой его курсового проекта, но дело было в другом: Толь Толич хотел угодить отцу Аскольдика. Не раз приходилось обращаться к нему по разным хозяйственным делам. Кстати говоря, и сам Аскольдик — мальчик полезный, способный, прекрасно рисует карикатуры, пишет критические заметки, выступает со стихами. До него стенгазета НИИАПа «К высотам науки» выходила лишь к Маю и Октябрю, а сейчас чуть ли не еженедельно.

Мальчик выпускал «молнии», где бичевались растяпы и бракоделы, зазнавшиеся товарищи, которые слишком гордо несут свою голову и подчас забывают даже с начальником поздороваться.

«Всем, всем достается, — привычно думал Медоваров, расстилая на коленях раскрашенный лист. — Критика способствует выполнению плана, борьбе за нового человека... Вот и сейчас в нашем маленьком, но сплоченном коллективе, работающем в трудных условиях кислородной недостаточности, не замирает общественная жизнь. Своевременная критика, невзирая на лица... Ну что же, посмотрим, посмотрим...»

Нарисован летящий самолет. На борту выведены буквы «НИИАП». В хвосте как бы сквозь прозрачную стенку видны фигуры Пояркова с портфелем, на кото-

ром написано «Ведущий конструктор», и Нюры, льстиво засматривающей ему в глаза.

— А ведь похожи, — рассмеялся Медоваров. — Рука у тебя, братец, бойкая. Только надо подписать «дружеский шарж». На всякий случай, чтобы не обижались зря. А так — дружеский и дружеский, все в порядке.

— Совершенно справедливо, Анатолий Анатольевич, — признательно согласился польщенный автор. — Подпишу.

Под названием «Ноев ковчег» шли рифмованные строки:

Нет здесь «чистых» и «нечистых»,
Все сдружились с высотой,
Самолет несется быстро
Над тридцатой широтой.

— Вообще неплохо, золотко: мысль о дружном коллективе ясна, — поощрительно резюмировал Медоваров. — Только насчет широты надо проверить. А может, она тридцать вторая?

— Но ведь тридцатая тоже, наверное, была?

— «Наверное, наверное»... — передразнил Медоваров. — Наука, золотко, требует точности.

— Конечно. — Аскольдик скорчил обиженную рожицу. — Только ведь это не наука, а вроде поэзии.

— Вот именно «вроде». Нет уж, золотко, не спорь. В научном коллективе точность обязательна.

— Ну хорошо, — согласился Аскольдик. — Напишем: «Над какой-то широтой».

— Пожалуйста. Тут уж не ошибешься. — И Медоваров продолжал читать:

И для нас совсем неново,
Что, с Поярковым сидя,
Наша Нюра Мингалева
Презирает всех и вся.

Он талантлив, спора нет,
И дождется большей славы,
Но какой бывает вред
Льнуть к тому, кто самый «главный».

Передавая «молнию» Аскольдику, Медоваров похвалил:

— Молодец, комсомол. Демократично. Критика правильная, невзирая на лица. Можешь вывешивать, золотко. Кнопки-то захватил?

— Обязательно, Анатолий Анатольевич.

Людам было скучно. Все сгрудились возле «молнии». Кто-то хихикал, поглядывая назад, где сидели Поярков и Нюра. Кто-то удивленно пожимал плечами.

Римма уже успела посмотреть «молнию» в руках у Толь Толича, и ей захотелось увидеть, какое впечатление произведет на Анну Васильевну критическое выступление стеной печати. Сама-то Римма привыкла к этому. Ее рисовали в разных видах, то с одной прической, то с другой, дразнили «стилягой», чем она даже гордилась: завидуют, мол, вот и рисуют.

Заложив руки в карманы узких модных брюк, Римма подошла к Нюре.

— И вас намалевали. Вредюги.

Неверной походкой — самолет слегка покачивало — Нюра приблизилась к двери в кабину летчиков, где был приколот раскрашенный лист, прочитала и молча опустила голову.

— Не журитесь, Анна Васильевна, — чувствуя неладное, утешала ее Римма. — Це «дружеский шарж». Бачите, що написано?

Пробежав через весь самолет, Нюра бросилась в кресло и закрыла лицо руками.

Поярков спросил, что случилось, но, понимая ее состояние, вскочил и сам поспешил выяснить причину.

— Пошляки! — Он протянул было руку к размалеванному листу, но Медоваров предупредил:

— Опомнитесь, Серафим Михайлович. Вы же знаете, что за это бывает? Это стенная пресса.

— Какая там, к черту, пресса? Грязные пасквилянты.

Медоваров встал и внушительно произнес:

— Мы не позволим так относиться к критике. Да и потом, я не пойму, в чем дело? О вас написано очень уважительно...

— Признается ваш талант, — пискнул из-за спины Толь Толича перепуганный Аскольдик.

Отодвинув в сторону Медоварова, Поярков оказался рядом с Аскольдином, автором, художником и редактором злополучного листка.

— Бросьте вы о таланте. Когда всякие мокроносые мальчишки выносят на посмешище самое... Когда... — Поярков не мог продолжать, не хватало воздуха.

Подбежал Марк Миронович и усадил его в кресло.

— Если хотите знать мое мнение, — сказал он, обращаясь к Медоварову, — то в старое время за такие дела мальчишкам уши драли.

— Старики, конечно, глуповаты, — будто про себя сказал Аскольдик. — Но что поделаешь, история им простит.

Столь откровенная наглость возмутила даже Медоварова. Однако, стараясь замять неприятный инцидент, он мягко пожурил Аскольдика, оправдывая его банальными словами, что-то вроде «молодо-зелено», затем, повинаясь настоянию Марка Мироновича и с молчаливого всеобщего одобрения, приказал снять «молнию».

— Но это в виде исключения, — не преминул заметить Толь Толич. — Так сказать, по требованию врача. Он отвечает за состояние здоровья и товарища Пояркова, и всех других членов экспедиции.

— Простите, Марк Миронович, — прошептал Поярков, силясь подняться.

Марк Миронович удержал его за плечи.

— Сидите, пожалуйста. И не прошу. Никогда не прошу. Если из-за каждого дурака мы будем за сердце хвататься, то эдак и до пятидесяти не доживешь. — Он подергал свою седую бородку и, глядя вслед Аскольдику, пробормотал: — Ох, и устроил бы я ему Аскольдову могилу!..

Медоварова подозвал к себе еле живой диссертант, изучающий субъективные ощущения, и, стыдливо заталкивая под кресло наполненные так называемые гигиенические пакеты, спросил:

— А когда под...нимемся в зону кисс...лородной недостаточности?

— Правда, Анатолий Анатольевич, — поддержали его другие. — По программе уже пора.

Медоваров хотел было пройти в кабину летчиков, чтобы отдать приказание о подъеме, но его остановил Марк Миронович:

— Что вы хотите делать? — И, услышав ответ, категорически запротестовал: — Не разрешаю. Абсолютно не разрешаю.

Похлопывая себя по голенищу свернутой в трубку «молнией», Толь Толич удивленно спросил:

— Но почему?

— Если хотите знать мое мнение, — как обычно начал Марк Миронович, — то я должен сказать, что на больших высотах сердцу трудно работать, тем более после этого, — он указал на «молнию». — Как врач, я бы хотел обратить ваше внимание на охрану труда и элементарные требования гигиены. А что представляет

собой наша стенная печать? В условиях кислородной недостаточности, да и во всех других условиях, ею надо пользоваться умно и осмотрительно и доверять ее лишь чистым рукам. Абсолютно стерильным и опытным. Вы улавливаете мою мысль? Ну вот и договорились.

Поярков все время порывался встать, чтобы пройти к пилотам и посмотреть «Унион» на экране радиолокатора. Сейчас его должно быть видно хорошо — ведь самолет уже находится близко от того места, где диск стал подниматься в ионосферу.

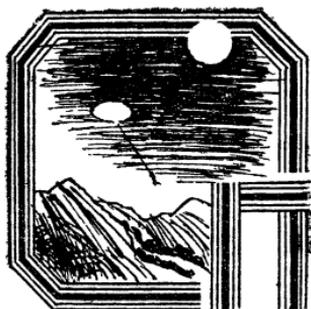
— Виден как на ладони! — обрадованно воскликнул радист, высовывая голову из двери. — Скорее, Серафим Михайлович!

Тут уж Пояркова не удержать. На круглом экране, точно на большом голубоватом блюде, вмонтированном в стол, отчетливо виднелась светящаяся овальная пуговица. На ней даже различались темные точки иллюминаторов. Но их видел радист, а Поярков, еще не оправившийся от сердечной боли, от обиды за Ньюру и свое большое чувство, видел все как в тумане.

У самого диска повисла паутинка. Радист не знал устройства «Униона», не знал, что это трос. А у Пояркова затуманены глаза, не рассмотрел он паутинку, а то бы догадался сразу, что трос спустился не случайно. Значит, в «Унионе» оказались люди.

Радист считал, что паутинка недостойна внимания — местное отражение, пустяковый недостаток в работе аппарата.

Светлое пятнышко постепенно тускнело. «Унион» поднимался все выше и выше.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В которой рассказывается о том, как человек может летать без крыльев, и о том, когда можно увидеть две большие луны.

Председатель колхоза «Рассвет», старик Соселия, шел по темной улице уснувшего селения. Походка его была не совсем твердой, приходилось опираться на руку своего гостя — Миколы Горобца, тракториста.

— Вы, Симон Артемович, не извольте беспокоиться, — говорил Микола, с трудом подыскивая слова. — Не извольте...

Но слова, как нарочно, ускользали из памяти. Найдёт Микола подходящее слово, а оно «як та птица, порх — и нема ее», исчезло. Лови за хвост... «Ну и хмельная эта... как ее?.. «кахетинская горилка», — благодушно сокрушался Горобец и, путая украинские и русские слова, уже в который раз начинал:

— Вы, Симон Артемович, як кажут... не извольте беспокоиться. Мне здесь дуже нравится. Такой вежливый, инте... инте... интеллигентный, обходительный народ.

Микола Горобец в числе других трактористов был прислан сюда для испытаний специальных горных тракторов. Миколу действительно понравились здешние люди, жаркое солнце и виноградники. Он даже примирился с опасными горными склонами, где трактор водить нелегко. Того и гляди, поедешь аж к самой Куре. Но как только закончатся испытания, он все равно уедет к себе на родину.

Председателю колхоза тракторист пришелся по вкусу. Дело свое знает, парень положительный. Жил у Соселия целый месяц. Хотелось бы и трактор купить, и тракториста при нем оставить. Говорят, что машину еще можно приобрести, а с человеком как быть?

Не купишь Миколу никакими трудоднями. На свадьбе сейчас были. У невесты много красивых подруг. Нет, никто не приглянулся трактористу. Почему? Почему он хочет уехать?

Еще звучали веселые и протяжные песни, тамада не выдал и части из своего запаса острословия, вина оставалось много, но Соселия покинул праздник и решил именно сейчас поговорить с гостем о самом важном, о самом неотложном.

Ночь выдалась лунная, серебрились вершины гор. С гор этих и начался разговор. Не мог Соселия сразу приступить к делу — невежливо.

— Посмотри, дорогой, — он указал палкой на снежную гору. — Такие горы у вас есть?

— Ни, Симон Артемович. Не бачив.

Соселия поглядел на курчавый горный склон.

— А такой виноград?

— Нема, такого нема, — с сожалением признался Горобец.

Сухая, темная рука старика протянулась в сторону белеющей отары у скотного двора.

— Такие барашки есть?

— Тоже нема. Но не извольте беспокоиться, — оживился Горобец, повторяя полюбившуюся ему фразу. — Все будет!

— Такие барашки? — удивился Соселия.

— Угу.

— Такой виноград?

— А як же? Опытный сад завели.

— И горы? — уже гневно спросил старик.

Горобец посмотрел на него, хотел признаться, что таких гор не может быть на Черниговщине, что это самые лучшие горы в мире и пусть старик не думает, что ему здесь не нравится. Но уверенность в том, что человек может сделать все, заставила ответить иначе.

— Колы треба... Будуть и горы!

Старик молчал. На светлый серп луны набежало легкое облачко. Все потемнело. С гор сползло серебро, и они стали будто ниже, приземистее. Виноградники почернели, барашки стали серыми.

Молчание затянулось. Соселия ворошил палкой дорожную пыль, жалел, что начал этот разговор. Конечно, такой тракторист, как Горобец, очень подходящий человек для здешнего колхоза. Хотелось поговорить с ним — не останется ли? Почему останется? Нет, дорогой, никогда. Он считает, что даже горы можно сделать на Черниговщине. Гордый человек — очень хорошо. Смелый — тоже хорошо, а вот хвастун — совсем, совсем плохо.

Микола почувствовал, что ответ не очень-то по нраву председателю. Перегнул трошки. Не так его понял Соселия.

— Послушайте меня, Симон Артемович, — начал Микола, бережно поддерживая старика под руку и стараясь при этом не шататься. — Що я казав? — вопрошал он гордо, поглядывая по сторонам. — Тильки одно... Советские люди, колы треба, все могут сделать. И реки, мабуть, и горы...

Соселия неодобрительно покосился на Миколу.

— Та нет, — поспешил поправиться Горобец, — за яким бисом горы. На Черниговщине поле ровненьке, трактор иде гарненько... Подывышься — небо кругом. Но я, Симон Артемович, бачив машину яку. Экскаватором называется. Ковш у нее, як хата, — такой великий.

Зачерпнет землю в яме — та высыпе. Зараз гора вырастает... Як кажуть, все можно зробить.

Старик шел молча, постукивая палкой по дороге.

— Я бачу, Симон Артемович, вы мне не верите, — уже растерянно сказал Микола.

Ему никак не хотелось огорчать старика, к которому за этот месяц он уже успел привязаться. Нехорошо получается. От этой неприятности Микола даже начал трезветь.

— Вы, Симон Артемович, мабуть, видели самолет?— Микола старался на живых примерах пояснить свою мысль.

Соселия не поворачивал к нему головы, обиделся еще больше. Зачем спрашивать о самолете, когда он, Симон Соселия, не только видел самолет, но и летал на нем в Тбилиси. Ай, как нехорошо, дорогой!..

Микола понял, что разговор не получается, но все же надеялся исправить свою ошибку.

— А когда не було ще самолетов... мабуть, рокив...— Он задумался, припоминая, когда же все-таки появились первые самолеты. — Мабуть, лет пятьдесят назад. Тогда вы, Симон Артемович, не верили, ще можуть люди летать?

Опять не так сказал. Старик мог обидеться, если годы его вспоминают не к месту, и, не дожидаясь ответа, Микола продолжал:

— Бачив я у Києви дуже быстрые самолеты — реактивными называются.

— Видел, дорогой, в Тбилиси. Ту-104 называется.

Ничем старика не удивишь, но Микола обязательно хотел, чтобы его правильно поняли.

— А есть ще самолеты без людыны, — выпалил он. — Сами летают, сами садятся.

Старик не проронил ни слова, освободил руку — один дойдет — и, опираясь на палку, пошел независимо. Надоели ему эти детские сказки. Он спутники видел, самолетами не удивишь.

— Не верите, Симон Артемович? — Микола безнадежно махнул рукой. — Думаете, брехня? Ни. Сдается мне, що скоро не только самолеты без людей, но и сами люди будут летать без самолетов. Взяв в руки якую-нибудь бисову ракету — и зараз поднявся выше хаты.

Соселия презрительно посмотрел на гостя. Немножко выпил — и уже заговаривается. Совсем не умеют пить у них на Черниговщине.

— Дывысь! — крикнул Горобец, указывая вверх.

Старик нехотя поднял голову.

Высоко в небе летел человек. Он протягивал руки навстречу луне, огромной и яркой.

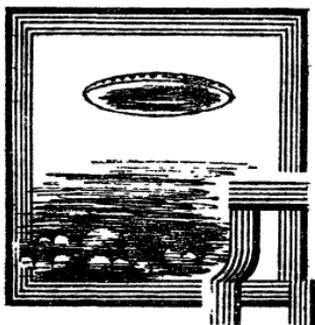
Соселия разглядел не только человека, но и любопытного орла, который, не отставая, летел следом. Луна уплывала, а вместе с ней и человек без крыльев.

Собственные глаза никогда не соврут. А если так, то зачем не верить, что люди могут делать горы? Люди — они все могут. Правильно сказал Микола.

И если старик Соселия поверил в человека без крыльев, то Микола в эту минуту уже ничему не верил. Стоял посреди улицы, протирал глаза, махал перед собой руками, чтобы отогнать странное и непонятное видение. Он озирался по сторонам, смотрел на незнакомую ему улицу, горы, старика, стоящего рядом, прислушивался к звучному хохоту загулявших гостей и тоже не верил. Не верил, что сейчас он в грузинском селе, около скотного двора, — это только кажется...

Почему-то сразу стало светло. Горобец поднял голову и увидел две луны. Одна выглядывала из-за облака, другая, огромная, опускалась за линию гор. Микола заморгал, зажмурился, вновь открыл глаза. Две луны, и почти что рядом!

— О, бисова горилка, чога ты не зробишь! — сказал он, почесывая в затылке, и ему сразу стало легко от этого простого объяснения загадки летающего человека.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Если вы случайно не заглянули в следующие главы, то вам ничего не известно о Багрецове, но представьте себе положение Бабкина, когда он увидел.. Нет, так ничего не получится, нужен обстоятельный рассказ...

иск пролетел над самой горой. Бабкин несколько раз окликнул Димку, потом заглянул в люк и заметил, что трос пропал. Оказалось, что он тянется вдоль нижней светящейся поверхности диска и дальше конец его болтается на ветру.

Димка исчез...

Убегала земля. Расплывалась в тумане река, будто наполненная сверкающей ртутью. Черные зубчатые тени гор теряли свои очертания. У самого люка мелькнуло рваное облако, похожее на елочную вату, осыпанную блестками, и сразу стало темно.

Тимофей поежился от холода, поднялся вверх по лесенке. Хотелось разобраться спокойно. Он не любил топиться с выводами, но думал, что Димка поступил правильно. Наверное, пролетая над горой, зацепился за какое-нибудь дерево и решил освободиться от троса. Может быть, уже сегодня доберется до жилья. Тимофей и мысли не допускал, что с Димкой могло случиться несчастье.

Он вспомнил, что скоро включится радиостанция. Надо послушать, работает ли анализатор? Возвратившись в кабину, Бабкин включил приемник. Анализатор работал четко. Значит, Димке удалось его исправить. Но как же все-таки он решился взобраться на диск? Неужели за столько лет дружбы Тимофей не сумел изучить Димкин характер?

Он был довольно противоречив. Димка не боялся пойти наперекор мнению большинства, был честен и принципиален, часто говорил, что думал, отчего наживал себе врагов, но страха перед ними не испытывал, хотя некоторых следовало бы и опасаться. И в то же время в пустяковых случаях Димка оказывался самым последним трусом. Мог испугаться ужа, боялся мышей и особенно пиявок: если пиявка присосалась к ноге — все кончено, целое лето не станет купаться. Димка стороной обходил коров, потому что в детстве какая-то комолая буренка прижала его к забору. Да если вспомнить все, что с ним случалось, то, пожалуй, Димку никто бы не назвал храбрецом.

И вдруг такое мужество! Конечно, выхода не было. Стервятник со взрывчатой начинкой рано или поздно уничтожил бы «Унион».

Холодно. А там, наверху, будет еще холоднее. Неужели, чтобы перевалить через отроги Кавказского хребта, надо забираться так высоко? И Тимофей понял, что это не просто перелет, а самые настоящие испытания диска.

Он по-хозяйски осмотрелся: все ли здесь в порядке, готов ли «Унион» к высотному полету. О себе не хотелось думать. Кабина закрывается герметически, воздуха

здесь и в коридоре хватит. Смушало другое. Диск испытывался не раз, а вот новая конструкция «Унион» вряд ли. Его огромная гофрированная оболочка должна была расширяться от внутреннего давления газа при уменьшении давления на высоте. А вдруг там, наверху, она лопнет?

Словно ледяная вода, холод растекался по кабине. Тимофею казалось, что вода уже подобралась к нему и тонкими струйками ползет дальше по ребристому полу.

Надо закрыть люк. Тимофей прошел коридором, в последний раз посмотрел на землю — она побледнела, приближался рассвет — и захлопнул обе крышки люка.

Диск продолжал подниматься. Чтобы сохранить в кабине хоть остатки тепла, Тимофей закрыл дверь в коридор.

Чувствуя повсюду обжигающий холод металла, Тимофей искал места, где бы пристроиться. На краю аккумуляторного каркаса было теплее — при работе аккумуляторы немного нагревались. Надо бы двигаться, хлопнуть себя по спине, помахать руками. Но здесь, на тонком ребре, приходится лишь балансировать. Спрыгнуть нельзя: ноги примерзнут к полу. Вот когда Тимофей по-настоящему пожалел о потерянных ботинках. Второй бы хоть остался. Стоял бы Тимофей, как аист, на одной ноге. Все-таки легче.

Думал он об этом с усмешкой, чтобы подбодрить себя, отогнать страх, иначе ослабеет воля, помутится разум, все станет безразличным, ненужным. Мороз будет медленно сковывать движения, усыплять. Уже не сможешь лишний раз потереть руки, пошевелить пальцами ног.

Сбросив пиджак, Тимофей подложил его под ноги и, размахивая руками, запрыгал на одном месте. Нет, так еще хуже, надо поскорее одеться.

«Унион» набирал высоту. Приборы покрылись мелкой изморозью.

Если бы знали Набатников, Дерябин, Поярков, все, кто строил «Унион», устанавливал в нем аппараты и приборы, все, кто сейчас радуется каждому километру завоеванной высоты, что там, наверху, далеко от теплой земли, вместе с испытанием конструкции испытывается воля и мужество человека!

Чувствуя, что деревенеют ноги, Тимофей поджал ко-

лени к подбородку и стал растирать занемевшие пальцы. Сердце словно остановилось от холода.

В приемнике послышалось знакомое бульканье сигналов. Высота... семь тысяч пятьсот... Давление?.. Какое маленькое давление на этой высоте! А выше еще меньше... Если бы там, наверху, открыть люк, то станешь похожим на рыбу, вытащенную из черной океанской глубины. Вспомнилась картинка в учебнике: рыба с огромными выпученными глазами. Тимофей невольно вздрогнул. Температура... минус сорок пять. Хорошо, что воздух в кабине еще не совсем охладился. Здесь все-таки теплее, чем снаружи.

Бабкин соскочил с жердочки, забегал, запрыгал. Он бил себя по груди, по бокам, по ногам, выкручивался в невероятной гимнастике. Все, что угодно, только бы не поддаться холоду.

Желтый кабель змейкой тянется от аккумуляторов. Оторвать, отсоединить бы его, тогда сразу выключатся радиостанции и метеоприборы. Раньше все приемники и все устройство телеуправления диском были подключены к другой группе аккумуляторов. Там, внизу, поймут, что здесь неладно, и диск начнут спускать на землю. Постепенно станет теплеть, потекут по стенкам весенние капли, растает иней. И вот уже настоящее земное лето горячим ветром ворвется в люк...

А вдруг сейчас все переделано иначе? Отсоединишь провод — и диск потеряет управление. Нет, надо ждать. Не имеет права Тимофей прекращать испытания. Наверное, они скоро закончатся или Димка предупредит...

И окоченевшая рука, протянутая к желтому кабелю, бессильно опускается.

Хотелось спать. Спать, только спать... Разбудил пронзительный крик. Где он? Что с ним? Так кричат обезьяны в тропических лесах. Опять визжит обезьяна? Неужели начинается сумасшествие? Еще и еще крики!

Тимофей вскакивает, прислушивается. На полу лежит приемник. Вот откуда крик. Но почему такая страшная передача? Ни одного человеческого слова... Опять дремота, сон... Нельзя спать, нельзя...

Наверху, у незнакомого аппарата, трубка покрывалась льдом. Этого не должно быть. Надо записать, записать... Но пальцы уже совсем не держат карандаш. Тимофей вытащил из кармана два обрывка тонкой про-

волоки, присоединил их к аккумулятору и дотронулся зачищенными концами проводов до графита.

Карандаш быстро нагревался. Тимофей держал его, как маленькую грелку, чувствуя в замерзших пальцах живительное тепло. Через несколько минут он уже записывал свои наблюдения в карманную книжку Багрецова.

«Что с ним сейчас?» — с тоской подумал Тимофей и положил карандаш на колени. Как никогда, хотелось увидеть Димку. Добрался он уже до селения? Ведь в горах нетрудно заблудиться, можно ослабеть от голода... Сегодня с самого утра Димка съел лишь несколько вафель, а больше половины пачки отдал Тимофею. Лимонные вафли. Бабкин их сжевал и, казалось, возненавидел навсегда.

По желобу ребристого ледяного пола, еле живой, ползет мышонок, и Тимофей провожает его сочувственным взглядом. Ноги мерзнут нестерпимо, спустить их на пол нельзя.

А если пробраться к двигателям? Там должно быть теплее, ведь они не сразу остывают после работы. И Тимофей уже представляет себе, как он шевелит окоченевшими пальцами над теплым кожухом двигателя. Но разве дойдешь туда в одних носках? Пол от мороза будто раскаленный.

Быстро сбросив пиджак, Тимофей снимает с себя нижнюю рубашку, рвет ее пополам и обматывает ноги точно портянками. Так уже легче.

Чувствуя ледящий холод трубы, стараясь не прикасаться к ее стенкам, Бабкин ищет переход во второй кольцевой коридор. Все перестроено. Когда-то здесь было несколько труб, пересекающих диск по радиусам, в них гуляли сквозняки, а сейчас повсюду перегородки и глухие запертые люки.

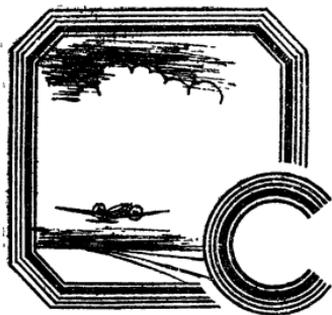
Что же теперь делать? Свет от крышки приемника отражается в зеркальной поверхности трубы, она кажется совсем прозрачной, как из тончайшего стекла.

Тимофей в отчаянии, будто желая разбить, ударяет по стене кулаком, и в эту минуту слышится голос Риммы:

— На место, Тимошка, дурень! На место!

Чуть опешив, Тимофей тупо смотрит на сетку маленького репродуктора, откуда вылетело это приказание, и, покачав головой, возвращается в кабину.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В ней рассказывается о многих важных вещах, о «счастлимом детстве», «счастливой юности» и о том, как один солидный профессор оказался стилигой. А кроме того, здесь происходит «оптический обман».

С тоя с непокрытой головой, Набатников крепко сжимал кепку в руках и всматривался в черное небо. Сейчас должен приземлиться самолет, откуда Медоваров сообщил по радио, чтобы приготовили санитарную машину.

Можно было всерьез обеспокоиться. Недавно старый друг Набатникова Марк Миронович жаловался по телефону на Пояркова. Пренебрегая не только медициной, но и вообще здравым смыслом, он, по словам врача, «жжет свечу с обоих концов». Курит чрезмерно и часто, работая по ночам, подбадривает себя крепким кофе и разными тонизирующими таблетками. Никаких советов не слушается, злится и говорит, что иначе не успеет довести дело до конца, что отдохнуть и нежиться на пляже он не имеет права. Попробовал однажды и через неделю улетел в Москву.

Врач понимал состояние Пояркова, разводил руками и впервые в своей практике мог твердо сказать, что именно тут медицина бессильна. Единственная надежда была на скорейшее окончание испытаний «Униона». Набатников делал все возможное, чтобы не оттягивать этого срока.

К соображениям чисто научного порядка здесь примешивались и другие, не менее серьезные: сохранить здоровье талантливого конструктора и редкого человека.

Поярков был известен лишь в узких технических кругах, да и то как конструктор универсальной летающей лаборатории, у которой потолок гораздо ниже орбиты любого из спутников.

Мировая слава советских спутников и космических ракет затмила все, что до этого было сделано в освоении межпланетных пространств. Разве можно сравнивать «Унион» со звездами, рожденными человечеством, или с искусственной планетой?

Именно так, чувствуя свое скромное место в огромных по разуму и необычных делах, Поярков относился

к людям, которые проектировали и строили эту необычайную технику.

Ученые — физики и математики, конструкторы и технологи, инженеры самых различных специальностей причастны к этому делу. Многих Набатников знал лично, работал вместе с ними, а потом, познакомившись с Поярковым, убедился, что этот молодой конструктор является учеником по меньшей мере десяти талантливейших ученых — создателей спутников и ракет.

Да так и должно быть. Какой настоящий ученый будет держать в секрете драгоценный опыт, накопленный всей его жизнью, отданной на благо человечества? Однако только достойнейшим можно его передать, если речь идет о работах особого значения. Ведь ракета способна нести не только мирный спутник, но и смертоносный груз, который враги хотели бы использовать против твоего народа.

Вот почему во имя общей безопасности не всем доступно испытывать ни с чем не сравнимое волнение при запуске нового небесного тела, не каждому позволено ласково похлопать по корпусу гигантской ракеты, перед тем как она вынесет в космос еще одну звезду, рожденную на советской земле.

Вместе с Набатниковым Поярков присутствовал при запуске спутников, холодел от восторга, когда ослепительный язык пламени, как бы упираясь в землю, выталкивал ракету в неизведанные просторы.

Но однажды, когда Пояркова пригласил к себе в кабинет начальник особого конструкторского бюро, где занимались и спутниками и ракетами, с предложением возглавить отдел, то Поярков перепугался всерьез. Он считал себя неспособным к решению таких ответственных задач, а кроме того, это означало, что надо поступиться техническими принципами, заложенными в «Унионе», потому что конструкторское бюро работало в ином направлении.

Пришлось поблагодарить за лестное предложение и отказаться. Он попытается довести свою конструкцию до конца. А там, если сочтут, что Поярков принесет больше пользы на новой работе, он охотно ей займется.

Ничего не нужно Пояркову. В маленькой московской квартире, наполненной птичьим щебетом и лаем мохнатой собачонки, хозяйничает древняя старушка — дальняя родственница. К деньгам он абсолютно равнодушен:

принесет зарплату, сунет в ящик письменного стола — и забудет.

Люди практичные, деловые, знающие цену деньгам и умело прикапливающие их на «черный день», считали Пояркова либо блаженньким, либо глупцом, которого природа наделила талантом, а он не знает, как им распорядиться.

Афанасий Гаврилович частенько захаживал к Пояркову, ругал его за жизненную неустроенность, но как нельзя лучше понимал, в чем тут дело. И сколько бы ни говорили, что времена аскетов и бессребреников прошли, что советский ученый или изобретатель, конструктор, человек высокого творческого накала, должен пользоваться всеми жизненными благами, предоставленными ему народом и государством, — далеко не всегда так получается. И часто стремятся к этим благам люди бес-талантные, но хитрые, умеющие незаметно подползти и урвать себе довольно приличный кусочек от общего пирога.

Набатников знал, что в последние дни, полные волнений, нравственного и физического напряжения, когда Поярков глаз не мог сомкнуть, за него особенно тревожился Марк Миронович. Якобы для испытаний новых медицинских приборов он затаскивал конструктора к себе в кабинет, с шуточками и смешком проверял пульс, кровяное давление и другие показатели, интересующие обеспокоенного врача.

Самолет задерживался. Помахивая палкой, Набатников ходил неподалеку от взлетной дорожки, смотрел на часы и думал: почему Медоваров так лаконично передал насчет санитарной машины? Видимо, не хотел, чтобы раньше времени здесь узнали о болезни Пояркова. Пойдут всякие толки, предположения. «Кто еще там, в самолете?» — припоминал Афанасий Гаврилович. За Медоварова беспокоиться нечего. Это здоровяк, каких мало. Лаборантка Мингалева? Инженер-механик? Сам врач Марк Миронович? Старик. Однако на здоровье он никогда не жаловался.

Вспыхнули посадочные сигналы, далеко протянулись они цепочкой вдоль цементной дороги, через весь ракетодром. Послышался отдаленный рокот, и в небе замерцали бортовые огни. Потом включились фары, похожие на две ослепительные шаровые молнии, и поплыли над землей.

Пробежав по светлой дороге, самолет остановился.

Винты еще лениво вычерчивали в воздухе блестящие полосы, а Набатников был уже рядом. Он смотрел на тонкий, еле заметный контур самолетной дверцы и тревожно ждал, когда она откроется. Боясь, что в самолете притаилась беда, Набатников сравнил его с троянским конем, в котором оказался маленький «десант» противника.

Что случилось с Поярковым?

Как бы испытывая терпение Набатникова, сначала приотворилась дверца, потом из нее выползла тонкая лесенка. По лесенке спустилась худенькая девушка в клетчатом плаще, потом — другая, полная, в спортивных брюках. Ее поддерживал паренек в щегольской куртке, исчерченной «молниями». Куртка ему была широка, а потому при каждом его движении застежки извивались, что производило странное впечатление, словно по груди ползали блестящие гусеницы.

А потом, на ходу надевая пальто, плащи и шляпы, посыпались из дверцы, как в групповом парашютном прыжке, неизвестные молодцы. Оживленно о чем-то споря, они выкрикивали:

— Это вполне диссертабельно.

— А я вам докажу, что нет.

— Оппонент зарежет.

— Минимум сдан. Автореферат уже готов.

— Напечатают?

— Старик поддержит.

— Черных шаров набросают.

— Не беспокойтесь, уже обговорено. Люди свои.

— А ВАК?

— И там найдутся. Старик обещал замолвить словечко.

Не замечая Набатникова, скромно одетого человека в черном пальтишке и кепочке, чуть ли не задевая его плечами и продолжая спорить, неизвестные остановились поодаль.

Санитары прошли с носилками в самолет и вскоре вынесли прикрытое простыней неподвижное тело. За ними спустился Марк Миронович.

Еще издали он увидел Набатникова, приветственно помахал ему рукой и крикнул:

— Принимай гостей, Афанасий Гаврилович! Прибыли в целостности и сохранности.

Удивленный поведением врача, Набатников бросился к носилкам и откинул простыню.

Сквозь большие круглые очки на него смотрели умоляющие глаза.

— Прошу вас... еще один пакет. Я, кажется...

Подоспел Марк Миронович и, отеснив Набатникова, занялся пациентом.

Крепко держась за поручни, из самолета спускался пожилой инженер, затем показался Поярков. Плащ, перекинутый через руку, свисал почти до самой земли, галстук перекошен. Да и взгляд какой-то отсутствующий. Все это обеспокоило Набатникова, и после дружеских приветствий он спросил осторожно:

— Что с тобой, Серафим? Укачало?

— Чепуха. Просто устал немного.

Медоваров легко прыгнул с последней ступеньки и вытащил из-за спины большой букет розовых пионов.

— Приветствую вас, Афанасий Гаврилович, — сказал он, снимая свою академическую шапочку. — Здоровеньки булы, как говорят у нас в Киеве. Примите от всего нашего колхоза.

Набатников удивленно посмотрел на пышный букет, потом оглянулся на носилки — их уже поднимали в санитарную машину — и, извинившись перед Медоваровым, подозвал медсестру.

— Что там, серьезно?

— Пустяки.

— А ты что же, врач, смотрел? — недовольно спросил Набатников подошедшего Марка Мироновича. — Неужто и здесь медицина бессильна?

— Если хотите знать мое мнение, Афанасий Гаврилович, — усмехнулся врач, — то данный прискорбный случай скорее всего относится к психиатрии. Навязчивая идея — обязательно получить степень.

Медоваров все же сумел всучить букет Афанасию Гавриловичу, но он передал его медсестре:

— Вот вам награда за спасение. — И, повернувшись к Медоварову, спросил: — Однако я не совсем понимаю, что за свита с вами прибыла? Мы же договорились, кто здесь нужен.

— Ничего не поделаешь, Афанасий Гаврилович. Это молодые ученые. Так сказать, наша смена: Виктор Леонидович Срогальский, Эдуард Кузьмич Петелькин, Альфред Иванович...

— Помню, помню. Вы присылали их работы. Но мы же занимаемся совсем другими делами.

Медоваров оглянулся, заметив, что рядом никого нет, понизив голос, сказал:

— Неудобно получается, Афанасий Гаврилович. Будут упрекать в пренебрежении к молодым кадрам. Слухи разные пойдут. Ведь эти люди сдали кандидатский минимум, успешно работают над темами...

— А кому эти темы нужны? — уже не скрывая досады, перебил его Набатников. — Я прошу вас, Анатолий Анатольевич, извиниться перед товарищами и объяснить, что разместить их негде. До утра как-нибудь устроим, а завтра с этим же самолетом пусть отправляются домой.

Медоваров чувствовал, что настоять на своем невозможно, и попробовал добиться хотя бы половинчатого решения.

— Посмотрим по списку, Афанасий Гаврилович.

Пробежав его глазами, Набатников остановился на фамилии Риммы.

— Чупикова. Ученица-лаборантка. Чему она здесь будет учиться?

— Зачем учиться? Она помощница Анны Васильевны Мингалевой. Вы ее знаете?

— Лично нет. Но я верю Борису Захаровичу. Он считает Мингалеву очень способной. Говорит, что, по существу, на ней вся лаборатория держится.

— Ну это он преувеличивает. Заведует лабораторией кандидат наук...

— Какая мне разница? — нетерпеливо отмахнулся Набатников. — Так что же делать с вашей ученицей? Впрочем, узнаем у Мингалевой.

Медоваров подозвал Нюру, познакомил с Набатниковым и, проницательно смотря ей в глаза, спросил:

— Вам нужна была помощница?

Нюра не понимала, что от нее требуется, тогда Набатников пояснил:

— Мне Борис Захарович говорил насчет установки новых приборов. Ваша ученица Чупикова в этом деле полезна?

Надеясь с помощью Риммы разобраться в истории с аккумуляторами, а также не желая навлекать на себя гнев Толь Толича, Нюра ответила утвердительно.

— Вот и хорошо. Значит, оставим, — согласился Набатников и, глядя вслед уходящей Нюре, признался: — Вообще как-то больно и неприятно девушку обижать. Не по-рыцарски. Все-таки, как ни говорите, Анатолий

Анатольевич, в каждом из нас это рыцарство нет-нет да и заговорит. Будь на месте Чупиковой какой-нибудь парень, вопрос решался бы проще. Ну да ладно, оставим эти дела до утра. Есть поважнее. — И Афанасий Гаврилович запрокинул голову, как бы желая среди звезд рассмотреть светящуюся монетку диска.

Все уже далеко ушли вперед. Отставшие Набатников и Медоваров продолжали беседу. Профессор не торопился. Интенсивность космических лучей значительно ослабла, поэтому «Унион» сейчас поднимался медленно, подолгу останавливаясь на заранее обусловленных высотах, чтобы проверить автоматическую наводку телескопов, проверить кое-какие ранее не испытывавшиеся приборы, взять пробы воздуха и определить его состав с помощью анализатора Мейсона.

Эти испытания не требовали постоянного внимания Набатникова, он вполне доверял Борису Захаровичу, который сейчас дежурил у пульта управления. А кроме того, коллектив института, подобранный самим директором не только по анкетным данным и, конечно, не по протекции, а по деловым качествам каждого работника, обладал той необходимой слаженностью, какая характерна для здорового и растущего организма.

Толь Толич прежде всего должен был выяснить мнение профессора о «космической броне» Валентина Игнатьевича Литовцева.

— Я ведь не специалист по вашим полимерам, — признался Набатников, шагая рядом и постукивая палкой по бетонной дорожке, — но, судя по всему, два окошка, что согласился поставить Поярков, ведут себя нормально. Не обижайтесь, дорогой Анатолий Анатольевич, ведь эти два окошка для «Униона» все равно что две обыкновенные заклепки, да и то в местах, где от них ничего не зависит. Но мне нравится ваша увлеченность. Значит, работа с полимерами, или, проще говоря, пластмассами, пробудила в вас творческую жилку. Ведь, насколько я помню, вы кончали какой-то химический институт?

Толь Толич расчувствовался, это тронуло внимание Набатникова и светлые воспоминания юности.

— А хорошее было тогда время, Афанасий Гаврилович!.. Я ведь тоже мечтал о научной работе, но тут должность солидная подвернулась. Слаб человек, ох как слаб! Квартира, машина... Да и потом сознание, что ты начальник, что от тебя судьбы многих людей зависят.

Заманчиво, конечно. — Он натянул пониже свою академическую шапочку. — Думал, что пробирки и реторты от меня никогда не уйдут. Ан нет, исчезли, испарились, улетучились, как дым, вместе с формулами, реакциями, галлоидами и металлоидами. Поверьте, Афанасий Гаврилович, я позабыл, что такое галлоиды. Хоть убей, не вспомню.

— Я тоже многое позабыл. Но таково уж устройство человеческой памяти. Она сама отбирает, что нужно хранить всю жизнь и чем пренебречь. Так, например, я не могу забыть студенческие годы, когда из меня сделали человека. И не кто-нибудь, а товарищи по комнате. Мы жили тогда в университетском общежитии на Ильинке, как в те годы называлась улица Куйбышева. В комнате восемнадцать человек. Длинный, покрытый линолеумом стол, за ним мы по вечерам занимались. Ну и дисциплинка у нас была! Кое-кто из ребят работал грузчиками на железной дороге, приходил попозже и сразу же у входа снимал сапоги, чтобы стуком каблуков не помешать товарищам. А сердечность какая была! Какая дружеская поддержка и теплым словом и последним рублем перед стипендией!.. Жили трудно, впрочем, как большинство студентов всех времен и народов. В нашей крепкой семье из восемнадцати человек мужали и перековывались характеры. Мы не знали ни пьяниц, ни похабников. Человек был весь на виду, и в то же время мы друг друга не стесняли, ценили способности и таланты, в чем бы они ни проявлялись. Через два года нас захотели перевести в разные комнаты, по три-четыре человека. Упросили коменданта общежития не делать этого. Не хотелось расставаться.

— Так никто и не ушел?

— Никто. Но к чему я это рассказываю? В прошлом году ко мне прислали молодого специалиста-почвовед, он только что окончил Московский университет. У нас есть одна работа по созданию искусственной почвы для будущего космического вокзала, или маленькой планетки, где должны находиться люди и выращивать всякие плоды для собственного пропитания. Работа перспективная, интересная, имеющая практическое значение даже в земных условиях. Так этот мальчик, когда я его временно, до окончания строительства нового дома, поселил с товарищами в одной комнате, запротестовал. «У меня, — говорит, — в университетском общежитии была отдельная комната, и со всеми удобствами. Почему

же сейчас я должен жить в худших условиях? Так, — говорит он мне, — вы понимаете заботу партии и правительства о молодых специалистах?»

Медоваров спрятал ехидную улыбочку и спросил:

— Любопытно, что вы ему ответили?

Набатников гневно стукнул палкой.

— Ничего! Буду я еще разговаривать со всякими спекулянтами! Противно. Отправил обратно по месту бывшей прописки, за невозможностью использования. Почвоведы нужны повсюду — и на целине, и в необжитых краях Сибири. Может быть, там ему сразу дадут отдельную квартиру. Пока, я знаю, бывает, что и ученые, инженеры и строители живут во временных бараках, в вагончиках и порою даже в палатках.

— Избаловали мы нашу молодежь, — сочувственно заметил Толь Толич.

— Нет, зачем же так говорить? Вообще-то ребята милейшие, во всем мире поискать. Но грешны мы во многом. Ой как грешны! Не успел человек грамоте научиться, как уже мама прикалывает над его кроватью плакат «Счастливое детство». Растет товарищ, кончает школу и слышит лишь одно: «счастливая юность», «счастливая юность». Привыкает к лозунгу и спекулирует им вроде того молодца, которого я отсюда отправил.

— Это еще что! — с воодушевлением воскликнул Толь Толич. — Недавно мой сынок не такую штуку выкинул. И откуда это у них берется! От горшка два вершка, пятиклассник еще, а законы наши изучил до тонкости. Приходит из школы и спокойно заявляет: «У меня сегодня двойка по арифметике». Я, конечно, всякие слова говорю, к совести его взываю, а он только посмеивается. Не стерпел я и вроде как схватился за ремень — поугагать. Дома он у нас даже грубого слова не слышит, не только чтобы его ремнем. И вдруг он с ухмылочкой, нагло спрашивает: «Папа, а тебе разве партийный билет не дорог?» У меня даже руки опустились. «То-то, — пригрозил сынок. — Позвоню сейчас в милицию. Узнаешь, как детей истязать».

— Чем же дело кончилось?

— Плюнул и ушел. Что я мог сделать?

— А надо бы сделать. И конечно, не за двойку, — беда поправимая. За спекуляцию. Вот за что!.. Простите, я не очень-то почтительно отзываюсь о вашем сыне. Но из таких ребят могут вырасти страшнейшие спекулянты.

Дойдя до жилого дома сотрудников института, Набатников распорядился устроить вновь прибывших в свободных комнатах для гостей, а сам прошел на пункт управления, где дежурил Дерябин. Он был, как говорится, в «своей стихии» и в буквальном и переносном смысле. Пока «Унион» еще не покинул земную атмосферу, Борис Захарович с группой исследователей проверял приборы, созданные в метеоинституте, радовался удаче молодых конструкторов ЭВ-2, прибора, который сейчас показывал исключительную точность, более высокую, чем в универсальном аппарате Мейсона. Борис Захарович уже думал об изменении схемы анализатора, чтобы внести в него некоторые усовершенствования, предложенные Багрецовым.

— А все-таки ночи здесь прохладные, — сказал Набатников, потирая заочевенные руки. — Наверно, градусов десять тепла. Интересно, сколько сейчас наверху?

— Сорок пять градусов мороза, — ответил Борис Захарович, указывая на медленно движущуюся ленту.

Договорившись, что «Унион» будет находиться в воздухе до утра, после чего, если не возникнет новой вспышки космической энергии, он пойдет на посадку, Набатников спустился вниз, где в вестибюле главного здания ждал Медоваров. Афанасий Гаврилович шумно уселся в кресло напротив.

— Стекла ваши, Анатолий Анатольевич, ведут себя прекрасно. Сорок пять градусов мороза выдерживают. Утром можете их потрогать, полюбоваться.

— Почему утром? — недовольно спросил Толь Толич. — Разве диск не поднимется в ионосферу?

— Пока нет необходимости.

— Но что такое сорок пять градусов для «космической брони»? Она должна выдерживать абсолютный ноль.

— Для этого «Унион» должен подняться на сотни километров. Успеется, мой друг, успеется.

Это не понравилось Медоварову, он думал, что уже в данном полете «космическая броня» будет испытана всесторонне. Но когда Набатников сказал ему, что все зависит от новой вспышки космической энергии, Толь Толич успокоился. Мало ли что может случиться до утра.

Хлопнула дверь, и на пороге показался Аскольдик. Он сунул Афанасию Гавриловичу покрасневшую от холода руку, буркнул свою фамилию и сел в кресло напротив.

— Скажите, товарищ директор, где я могу найти секретаря комсомольской организации?

Не очень была по сердцу Набатникову подобная манера разговора, да и вообще манера держаться: первым сует руку старшему, садится без приглашения.

— Видите ли, молодой человек, — извиняющимся тоном начал Афанасий Гаврилович, — нет у нас пока еще секретаря.

— До сих пор не выбрали? Странно.

— Прошу извинения, но выбирать не из кого. Комсомольцев нет.

— Молодежь, значит, не охвачена. Так. — Аскольдик полез в карман за блокнотом. — О чем же думает райком комсомола?

— Этого я вам сказать не могу.

— Значит, молодежь предоставлена самой себе? Странно!

Сидя в кресле, Афанасий Гаврилович опирался подбородком на палку и сочувственно смотрел на Аскольдику.

— Нет у нас молодежи. Пока работают только старики. Все-таки ученые, профессора, доктора. Возраст у них не комсомольский.

Аскольдик нерешительно перелистал блокнот и сунул его в карман.

— Впрочем, это не имеет значения. Извините, пожалуйста, а общественная жизнь у вас существует? Стенгазета выпускается?

— Вероятно.

— А вы точно не знаете?

Набатников растерянно посмотрел на Медоварова:

— Я не пойму, что хочет от меня ваш молодой товарищ?

Толь Толич уже заметил, что Аскольдик ведет себя чересчур непочтительно. Конечно, Набатников не бог весть какая персона, об этом мальчик мог знать хотя бы от самого Толь Толича, но всему надо знать пределы.

Приходится мальчика выручать.

— Вы таких ребят обожаете, Афанасий Гаврилович, — весело сказал Медоваров и метнул в Аскольдику свирепый взгляд. — Не успел прилететь — и уже с места в карьер начал искать секретаря комсомола. Энтузиаст! Не терпится ему скорее свой талант проявить. Прекрасно оформляет газету, рисует, выпускает сатирические листки. Увлекается этим делом. Горит на работе.

— На какой работе?

— Вот я и говорю: обличительные стихи, дружеские шаржи. Так сказать, критика сверху донизу. Невзирая на лица. — И, заметив удивление Набатникова, Толь Толич пояснил: — Ну да, конечно, в нерабочее время. А специальность у парня рабочая, скромная, фотолаборантом числится, даже не самим лаборантом, а его помощником.

Афанасий Гаврилович недовольно заметил:

— Но поймите, Анатолий Анатольевич, здесь солидный научный институт. И вдруг прилетают какие-то помощники, ученицы...

— Без них не обойдетесь, дорогой. — Толь Толич шутливо погрозил пальцем: — Отрываетесь от народа, Афанасий Гаврилович. С пренебрежением относитесь к маленьким людям. Возможно, это ваш будущий космический пассажир. Нехорошо, очень нехорошо.

— Мне не до шуток, Анатолий Анатольевич. Удружили вы мне своим троянским конем, — сухо заметил Набатников и повернулся к Аскольдику: — Фотолаборанты нам пока не нужны. А что вы еще умеете делать?

Аскольдик замялся, но потом лицо его приняло привычное высокомерное выражение.

— Видно, в вашем институте критика не в почете. А то бы я мог предложить вам вполне квалифицированный БОКС.

Опираясь на палку, Набатников приподнялся.

— О чем вы говорите? Какой бокс?

— Странно, что вам неизвестно. БОКС — это одна из разновидностей стенгазеты — «Боевой орган комсомольской сатиры». Понятно?

Внутренне подсмеиваясь над самим собой и желая пополнить свое недостаточное образование в этой отрасли культуры, Афанасий Гаврилович опять опустился в кресло и спросил:

— Ну а чем обычно занимается этот уважаемый орган? И какую пользу он может принести нашему институту?

Аскольдик снисходительно повел плечом:

— Я еще не имею местного материала. Ну, допустим, так... Бракоделы у вас есть?

— Как вам сказать? Есть у нас один профессор. Он выдвинул гипотезу насчет происхождения некоторых малоизвестных элементарных частиц. Трудился целый год, поставил ряд экспериментов и убедился, что гипо-

теза его несостоятельна. Может, он действительно, как вы изволили сказать, бракодел?

Несмотря на грозный предупреждающий взгляд Толь Толича, Аскольдик черкнул карандашиком в блокноте и задал новый вопрос, правда, уже с меньшей дозой уверенности:

— А стилиги есть?

— Прошу несколько расшифровать это понятие, — вежливо попросил Афанасий Гаврилович. — Я как-то смутно представляю себе...

— Вот странно. Ведь о стилигах много писали. Я, например, считаю... Ну, это такой человек... носит длинные волосы, потертые джинсы... Ну еще что? Проводит вечера в ресторанах, на танцплощадках... Потом... потом... — припоминал Аскольдик. — Да, самое главное. Не ведет никакой общественной работы, отлынивает.

— Знаю такого стилигу, — без тени улыбки подтвердил Афанасий Гаврилович. — Работает в нашем институте. Профессор.

— Профессор? — неуверенно переспросил Аскольдик.

— Совершенно верно. Ведь эта болезнь заразительная. Значит, какой, вы изволили сказать, первый признак? Ах да — длинные волосы. Правда, седые, но ему обязательно надо подстричься. Потертые джинсы с американской наклейкой? Штаны действительно потертые, но без наклейки. Надо бы новые. Представляете себе? Насчет ресторанов не скажу, здесь, на горе, их нет, а если бы открыли такое веселое место, то ходил бы туда обязательно. Вот на танцплощадку не ходит, возраст не тот. Что же касается общественной работы, то у профессора типичные замашки стилиги. Отлынивает, да еще оправдывается, говорит, что занят. Недавно приезжал сюда культурник из дома отдыха пищевиков и предложил профессору прочитать отдыхающим лекцию на тему «Будет ли конец мира?». Так что же вы думаете? Отказался!

— Наотрез?

— Наотрез.

Удовлетворенно улыбнувшись, Аскольдик перевернул листок блокнота.

— Я полагаю, что материал для БОКСа все-таки есть. А вы сомневались, товарищ директор. Как фамилия этого стилиги?

— Пишите, молодой человек. Фамилия его Набатников. — Афанасий Гаврилович встал и, протягивая руку насупившемуся Медоварову, сказал: — Покойной ночи, Анатолий Анатольевич. Видите, до чего я самокритичен.

Ночь для Набатникова оказалась беспокойной. В своем кабинете он потушил свет, лег на диван напротив контрольного экрана, чтобы, приоткрыв глаза, можно было видеть голубую звездочку «Униона». И когда она подолгу задерживалась на одном месте, Афанасий Гаврилович вскакивал с дивана и, шлепая босыми ногами по колючему, точно жнивье, ковру, подбегал к приборам. Испытания идут нормально, по программе. Сейчас, например, ровно три часа, — значит, диск остановился на очередной данной высоте.

Афанасий Гаврилович засыпал, и тогда ему мерещился какой-то маленький человечек, заспиртованный в банке. Стоит эта банка в музее, и все на нее смотрят. Человек в потрепанных штанах, длинноволосый. Вдруг он начинает расти, пухнуть. Банка лопается, и на столе уже извивается в уродливом танце не кто иной, а сам Набатников.

Он просыпается, протирает глаза. Приснится же такая чертовщина! На экране мерцает далекая звезда, ее отблеск лежит на мраморных шлифованных срезах, на страницах начатой рукописи. Все живое, теплое, настоящее.

Рассветало. Неровная мохнатая линия лиловой горы становилась все четче и четче, будто по ней с нажимом проводили карандашом. С неба смывалась темная краска, постепенно уходя в высоту. И вот когда над горой прочертилась золотая полоса, когда у подножия башни заблестели мокрые камни, Набатников взял свою походную сумку, вытащил из шкафа ружье и отправился в горы.

Так бывало каждое утро. Часа два Афанасий Гаврилович бродил по окрестности, но вместо ружья предпочитал пользоваться геологическим молотком. Тоже охота, но бескровная и не менее увлекательная. А ружье брал на всякий случай. Места дикие, малообжитые, встречается и всякое зверье.

Какие только мраморы не находил и здешних горах Афанасий Гаврилович! Он знал прекрасные черные, с золотыми прожилками хорвирабские мраморы Армении, находил куски мрамора цвета запекшейся крови, похо-

жие на знаменитые шрошинские мраморы Грузии. В его коллекции были шлифованные осколки серо-фиолетовых, бледно-зеленых, голубых местных мраморов с изумительным многообразием рисунков и оттенков. Каждый такой кусок Набатников рассматривал как неповторимую картинку. Он видел в сочетании пятен, линий, нежнейших переходах одного цвета в другой то горный пейзаж, то бурное море, то закатное небо.

В опытной мастерской института он приспособил станочек для распиловки и шлифовки мраморных кусков и частенько по вечерам проводил время за своим любимым занятием. Это было одно из маленьких его увлечений, причем началось оно недавно, только здесь, когда пришлось столкнуться со своеобразным великолепием высокогорной природы. Она не балует ни тенистыми лесами, ни цветами, ни виноградниками, суровы и каменисты берега здешних рек. Но именно камни, молчаливые и прекрасные, покорили нашего физика, хотя он ими никогда не занимался, и профессия его — изучение невесомых частиц материи — очень далека от тяжелых, чересчур уж земных каменных глыб, так поэтично и тонко воспетых академиком Ферсманом в его «Книгах о камне». Но для Ферсмана камень был всем: его трудом, наукой, жизнью. А для Набатникова — второй, возможно недолгой, любовью, но чистой и благородной.

Сегодняшнее утро не принесло Афанасию Гавриловичу ни радости, ни удовлетворения, если не считать бодрящего ощущения утренней прогулки. Далеко уйти он не мог — беспокоился за испытания, — а ближайшие тропинки были им все исхожены. Попались два довольно интересных полупрозрачных халцедончика, которые из-за своей твердости трудно обрабатываются, тем более при таком примитивном оборудовании, какое имелось в распоряжении Набатникова. Ничего другого заслуживающего внимания, а главное, того, чего не было в его коллекции, Афанасий Гаврилович не нашел.

Возвращаясь обратно, он увидел высоко в небе орлягнятника. Зная, сколько неприятностей приносят эти орлы чабанам, Набатников прицелился и выстрелил.

То ли ему так показалось, то ли ружье было заряжено не дробью, а разрывной, зажигательной гранатой — что уж совсем маловероятно, — но орел не просто упал, а как бы вспыхнул и превратился в облачко.

Сколько потом Набатников ни искал хотя бы орлиное перышко, никаких следов не осталось.

Дома он проверил несколько патронов и ничего особенного в них не нашел. Единственным правдоподобным объяснением столь странной случайности он мог считать оптический обман. Какой-нибудь отблеск на фоне облаков. Что же касается убитой птицы, то, видно, она упала в ущелье. Не заметил, как падала? Ну что ж, ничего удивительного — охотник он неопытный, выстрел ослепил его, пришлось зажмуриться. Вот и проморгал.

Смушало другое обстоятельство: уж очень подозрительно совпадают два факта — столкновение с орлом самолета и сегодняшней «оптический обман». Во всяком случае, над этим надо призадуматься, и не только самому, но и другим товарищам, более компетентным.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Получилась она как сугубо приключенческая. Тут есть и ночные неизведанные тропы, и воющий шакал, и таинственный голос. Но, честное слово, автор не хотел этого. Наоборот, он старался возможно короче и проще рассказать об одном трудном путешествии, без чего нельзя продолжать повествование.

а освещенную луной поляну из зарослей ежевики выполз шакал, тощий, похожий на бездомную собаку. Выступающие ребра едва скрывала облезлая шерсть. Старый, он уже с трудом добывал себе пищу, питался лягушками, ящерицами, падалью.

Пренебрегая мудрой осторожностью более молодых соплеменников, понурой рысцой домашнего пса перебежал он поляну, поднял голову, заскулил и вдруг смолк.

Из листвы чинары безжизненно свисала рука. Шакал попятился в кусты и боязливо выглянул оттуда. Человек не шевелился. Крадучись, шакал приблизился, зевнул, лениво вылизал свою облезшую шкуру и завыл.

...Как сквозь сон Вадим услышал вой. Опять ветер? Провел рукой по лицу. Липкое до самой шеи. Веки тоже слиплись, темно. Боль растекается по всему телу. Откуда она? Что было раньше? Мелькают обрывки воспоминаний. Он висел на тресе, горы подступали все ближе и ближе. Высокая зубчатая стена двигалась навстречу. Как черным мохом, заросла она лесом, и только на самой вершине торчали остроконечные скалы.

Вот уже различаются ветки деревьев, мелкий кустар-

ник, отдельные камни... Вадим боялся услышать треск над головой. Диск налетит на скалу. А ведь там Тимофей. Чтобы диск перелетел через гору, надо выбросить балласт. Совсем рядом, казалось, что рукой достанешь, проплывали темные густые деревья. Ветка хлестнула по ноге, оторвала болтающуюся внизу птицу-разведчика. Другая ветка больно ударила по руке.

Не задумываясь больше, Вадим расстегнул ремень. В эту же самую минуту из светящегося диска вырвались огненные струи, и он помчался в высоту. Что было потом, Вадим уже не помнит...

Он приподнимает веки, расклеиваются ресницы. Сквозь листву просвечивают звезды.

Диск исчез.

Нельзя пошевелиться. Жгучая боль, будто на теле нет живого места. Острый сук, как гвоздь, впился в бок, плечо онемело. Надо спуститься на землю. Ничего не видя, Вадим инстинктом угадывает, куда поставить ногу. Наступает на нее — и в глазах кровавая пелена. Неужели сломал? Нога соскальзывает. Падая, он цепляется за сучья, обдирает руки о шершавый ствол.

Чуть опомнившись, ощупывает лоб, рассеченную бровь, оглядывается. Горный склон. Трава будто покрыта инеем. Черные, уродливые тени деревьев.

Багрецов приподнимается и вскрикивает. На ногу наступать нельзя. Ждать до утра? Тоже нельзя. Надо предупредить, что там, наверху, Тимофей. Он подползает к кустарнику, выламывает палку, кривую, суковатую, и, опираясь на нее, пробует идти. Нога распухла, отяжелела, словно налилась свинцом.

Еле пересиливая боль, поминутно отдыхая, Вадим пересек поляну и добрался до лесной чащи. Но как найти там дорогу? Он предполагал, что идти надо вниз, по склону, в долину, где должны быть селения.

Послышалось злобное рычание. Багрецов оглянулся назад и оторопел. Возле куста метался зверь. Он припал на задние лапы, кружился и что-то трепал в зубах. Холод в сердце. Неужели пантера? В Армении они встречаются иногда. А сам он где? Возможно, что и в Армении. Стоял в нерешительности, раздумывал. Добежать до дерева, попробовать вскарабкаться?.. Но ведь пантера его достанет. И как пробежать?

Зверь насторожился. Стоит, не шелохнется... Выживает?

Раздумывать некогда. Вадим бросился вперед, высоко подняв над головой суковатую палку и...

Страшный зверь, оказавшись тощим шакалом, с жалобным визгом метнулся в кусты.

Но что обрадовало Вадима — шакал оставил растрепанное чучело орла.

Оторвана крышка, торчат провода от взрывателя. Странно, что взрыва не произошло, и это, конечно, к лучшему.

Багрецов закинул чучело за спину и поковылял в лесную чащу. Трудно идти, кровь течет из рассеченной брови прямо в глаз. От раны на боку рубашка мокреет и прилипает к телу.

Оставалась робкая надежда: может быть, «Унион» прилетел на место? Тогда не надо торопиться, а просто лечь на траву и ждать утра. Но как узнать? Вадим вспомнил о приемнике, что был у него в кармане, посмотрел на часы. Скоро будет метеопередача.

И вот опять тонкие стеклянные звуки. Какая высота — непонятно. Давление низкое. А вот и температура: больше сорока градусов мороза! Тимка погибнет. Скорее бежать, предупредить!

Он сунул приемник обратно в карман и, опираясь на палку, пошел напролом сквозь чащу. Нет, так он не дойдет. Боль не унималась. Вадим опустился на землю, сбросил пиджак, разорвал рубашку и непослушными, неумелыми руками стал перевязывать рану. Повязка съезжала, свертывалась жгутом. Но вот как будто бы ничего. Теперь самое трудное — встать на ноги. Нестерпимая, невыносимая боль. Наконец поднялся, остатками рубашки вытер лицо и пошел опять.

Сквозь черную узорчатую листву пробивается лунный свет. Лучи как прозрачные, стеклянные трубки упрутся в землю. При каждом шаге Вадиму чудится стеклянный хруст, будто острые осколки впиваются в тело и он обливается кровью.

Добравшись до ближайшего дерева, он повисал на нем, отдыхал, боясь опуститься на землю, — тогда уже не поднимешься.

Он слышал голос Риммы, она кого-то увещевала, подбадривала. Все это казалось слуховой галлюцинацией, хотя стоило лишь сунуть руку в карман, чтобы обнаружить невыключенный приемник.

Наступало утро. В просветах деревьев виднелись кусочки неба, бледно-лиловые, как жидкие чернильные

кляксы. Скрылась луна, и лес потерял всякую таинственность.

Черные узловатые стволы бука и ореха вставали сплошной стеной. Багрецов уже не чувствовал под ногами пологого склона — наверное, потерял направление. Как же спуститься в долину? Он свернул вправо, где темнел высокий кустарник.

От потери крови, от голода кружилась голова. Споткнулся о выступающий корень, упал. Хотел подняться, скользил по траве руками, искал, за что бы уцепиться. Какая-то ягода попала между пальцами, поднес к лицу, почувствовал запах кизила. Ягода сохранилась с прошлой осени. Еще нашел несколько и съел с жадностью.

Небо розовело, будто окрашенное кизиловым соком. Пора идти. Он поднялся и, наклонившись вперед, стал пробираться сквозь кустарник. Острые колючки впивались в тело, цепкие плети ежевики тянулись за ним, как зубастые змеи, обвивались вокруг ног, тащили назад.

Одежда разорвалась в клочья. Длинные иглы терновника подстерегали везде. «Тимка, а Тимка!..» — шептал он искусанными от боли губами, будто, повторяя имя друга, легче найти в себе мужество дойти до конца. И кажется ему, что из далеких межзвездных пространств слышится голос: «Скорее, Вадим, скорее! Здесь холод и черное небо. Я не вижу земли».

Вадим рванулся вперед, нога повисла в воздухе, и он покатился по крутому склону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О больших делах и маленьких спекуляциях, о попытках управлять «Унионом» без всякой техники и о человеке, который пожелал бы остаться неизвестным.

абатников понимал, что Медоварову здесь делать нечего. Но разве ему можно запретить проверить собственноручно поставленные печати и пломбы в некоторых отсеках «Униона», тем более что кое-какие приборы отказывали по самым неизвестным причинам. Кто в этом виноват? Дерябин или сотрудники НИИАПа? Ясно, что Толь Толич

должен убедиться лично, иначе будет писать во все инстанции — снимаю, мол, с себя ответственность за любые аварии, кои могли произойти в «Унионе».

Для Медоварова и его сотрудников «Унион» был обыкновенной экспериментальной лабораторией, вполне понятно, что о возможном ее использовании для исследования ионосферы никто из них не предполагал.

А если так, то, по разным соображениям, «Унион» оставался конструкцией незасекреченной, тем более что первый ее вариант был достаточно известен в научно-технических кругах. Тогда этот летающий диск чаще всего использовался для испытаний двигателей, аппаратуры радиоуправления, связи, телевидения и метеоприборов. Комплексная лаборатория, и больше ничего.

Не будь этого обстоятельства, да разве к «Униону» подпустили бы близко деятелей вроде Медоварова или его практически беспомощных сотрудников?

Впрочем, как мы помним, задача, поставленная перед НИИАПом, была несложной: временно установить аппаратуру управления и контроля в зале и несколько приборов в «Унионе», необходимых для короткого перелета в Ионосферный институт.

Но кто же ожидал, что за это время произойдет столь необыкновенное космическое излучение, ради которого «Унион» подняли в ионосферу?

Сейчас эта необходимость прошла. Излучение ослабло, и Набатников готов был хоть сию минуту спустить «Унион» на землю, тем более что Поярков просил дать ему время для подготовки к основным испытаниям.

Однако Набатников не оценил настойчивости бывшего директора галантерейной фабрики товарища Медоварова, который слезно умолял поднять «Унион» в ионосферу, чтобы «космическая броня» показала там свои изумительные свойства.

— Хотя бы на часок, Афанасий Гаврилович! — упрашивал Толь Толич.

Он доказывал, что нельзя пренебрегать полимерами, когда о них было решение, когда с невиданным размахом строятся заводы синтетических материалов, когда...

Впрочем, можно дальше не продолжать. Толь Толич умел спекулировать на больших делах. Он плохо представлял себе значимость «космической брони», но верил ее изобретателю, доктору наук Литовцеву, убежденный в том, что на пути каждого изобретения должны стоять препятствия. Значит, надо сделать все возмож-

ное, чтобы справедливость восторжествовала. Нельзя сейчас опускать «Унион» на землю.

Но ведь в «хозяйстве Набатникова» Толь Толич голоса не имеет. Придется искать союзников.

Осторожно, шепотком он убеждал конструкторов, что только сейчас, без всякой спешки, можно испытать двигатели как следует, по-дружески советовал медикам и биологам поторопиться с проверкой явлений невесомости, так как он слышал, что потом все радиоканалы будут заняты техниками, а для физиологических исследований выделяют лишь один, да и то на короткое время.

— И не забудьте, золотко, — вполголоса предупредил он какого-нибудь биолога. — Приедут иностранцы, — сами понимаете, долг гостеприимства: придется отдать им все ваши рабочие места. Торопитесь, пока не поздно.

Нашлись испуганные этой перспективой молодые ученые, аспиранты и, не объясняя ничего Набатникову, попросили от своего имени продолжать испытания «Униона» именно сейчас, чтобы закончить цикл начатых исследований.

Так шутка Набатникова о троянском коне в какой-то мере оказалась пророческой.

Обиженные сотрудники НИИАПа решили написать коллективное письмо в министерство, обвиняя Набатникова в том, что он затирает молодежь, не дает ей ходу, что он бюрократ и самодур. Но Медоваров попросил этого не делать, ибо он сам совершил ошибку; надо было заранее согласовать с Набатниковым состав экспедиции. А кроме того, здесь действительно негде разместиться. Ожидается приезд уважаемых гостей.

Аскольдик поймал Медоварова в коридоре и с усмешкой спросил:

— Товарищ начальник, как вы думаете, и мне уготована общая судьба? Вот удивится папан! Впрочем, насколько я понимаю в медицине, здесь критика не в почете. Зря я вчера растрепался Набатникову, испугался старик.

Кисло улыбнувшись, Толь Толич успокоил Аскольдика:

— Старик, конечно, не из пугливых. Но я, золотко, попробую с ним переговорить.

В кабинете Набатникова долго спорили о дальнейших испытаниях «Униона», нужно ли его сейчас под-

нять выше. Поярков возражал, говорил, что все ясно, надо готовиться к основному полету.

— Ну а если медики просят? — оправдывался Афанасий Гаврилович.

Поярков оглянулся на дверь. Никого, кроме него и Набатникова, в кабинете уже не осталось.

— Медики потом на мне отыграются, — вполголоса сказал Поярков.

— Неизвестно, пустят ли тебя в «Унион». Марк Миронович докладывал, как в самолете ты за сердце хватался.

— Там была особая причина...

Послышался осторожный стук, и в дверь просунулась голова Толь Толича.

— Можно мне к вам на секундочку? — проговорил он заискивающе. — На пару слов.

Поярков махнул рукой и вышел из кабинета. Афанасий Гаврилович с сожалением проводил его взглядом.

— Что-нибудь серьезное, Анатолий Анатольевич?

— Пустяки, Афанасий Гаврилович. Прошу извинения за беспокойство. Наши сотрудники вылетают обратно в десять ноль-ноль.

— Обижены?

— Есть немножко. Но я хотел бы вас просить одного из них оставить. Для нашего института это очень важно.

Афанасий Гаврилович равнодушно повел плечами:

— Вам виднее, Анатолий Анатольевич. Из-за одного человека не будем спорить. А какая у него тема?

— Да пока только присматривается. Космическими полетами интересуется. Хочет быть первым человеком на Марсе.

— Скромное желание. Ну а на Земле что он делает?

Толь Толич сказал нечто уклончивое, потом решил действовать напрямик.

— А что он может делать без специальности? Но человек он нужный. То есть я хочу сказать, не он, а отец — директор комбината. Мы этой весной полностью отремонтировали институт. Морока страшная. Мои снабженцы с ног сбились — все обивку искали.

— Обивку? Для чего?

— Для кресел, для диванов. Портьеры в кабинетах надо было сменить, ковры, дорожки. Нашелся добрый человек, пошел нам навстречу...

— Директор комбината?

— Какой там комбинат! Громкое название. Набивные ткани делают, ковровые дорожки. Шарфики, абжуры разрисовывают. Кустарная фабричка. Но руководство там крепкое. Пообещал товарищ — и сделал.

Набатников недоумевал:

— Что ж тут особенного? Ведь это же не подарок и не для вас лично?

— Какое там «лично»? По безличному. — Толь Толич обрадовался каламбуру. — Расчетец такой есть, как вам известно. Эх, Афанасий Гаврилович, побывали бы вы в моей шкуре! Ведь за прекрасные глаза ничего не делается.

Трудно было понять Афанасию Гавриловичу, что это — дружеская откровенность или обыкновенный цинизм? Он сам непосредственно занимался строительством здешнего института, вникал в разные хозяйственные дела архитекторов, строителей, транспортников. Знал, что иногда они договариваются между собой о взаимных услугах: одним нужен лес, другим камень, третьим обещали помочь автомашинами. Но чем хочет отблагодарить Медоваров своего благодетеля за ковровые дорожки?

— Посудите сами, Афанасий Гаврилович, — между тем продолжал Толь Толич. — Человек постарался для нашего института, сделал что мог. А я ему плачу черной неблагодарностью. Совесть-то у меня есть или нет?

— Боюсь, что мы понимаем ее по-разному.

Спорить на столь щекотливую тему Медоварову не хотелось.

— Пусть будет по-вашему. Но слово руководителя что-нибудь должно значить?

— Не «что-нибудь», а все! — сухо поправил Набатников.

— Тем более. Я, например, обещал этому директору взять его сына в командировку. Разве я мог предполагать, что вы всех отправите обратно? А потом, Афанасий Гаврилович, к чему нам лишние разговоры? Мальчик приехал с чистой душой, хотел помочь... А вы вроде как убоялись критики, игнорируете ее... Он так и заявил мне.

Глаза Афанасия Гавриловича покраснели от гнева.

— Это вы о том мальчишке? Вот спекулянт паршивый! Чтобы духу его здесь не было!

Вздыхнув, Толь Толич протянул уныло:

— Не любите вы молодежь, Афанасий Гаврилович.

Но поймите, если он уедет, то это произведет скверное впечатление. Зажим критики.

Набатников уставился на Толь Толича округлившимися глазами, потом, словно одумавшись, быстро зашагал по коридору.

Можно было смириться с неумным приспособленчеством Медоварова. В конце концов, он виден насквозь, а потому не так уж страшен. Сам признался в мелких спекулятивных грешках — нечто вроде товарообмена. За ковровые дорожки и диванную обивку сынку директора комбината устраивается приятная командировка. Взятка? Ни в коем случае! «Безналичный расчет» и обыкновенная дружеская услуга. Правда, командировка оплачивается из средств государства, но попробуйте доказать, что она не нужна. Будущему специалисту полезно ознакомиться с работами Ионосферного института. Дорогу молодежи!

— Да разве в этом дело? — жаловался Набатников Борису Захаровичу. — Всякие бывают спекулянты. Одни рыщут по магазинам, чтобы потом перепродать модные тряпки и босоножки. Другие, вроде Медоварова, используют выгоды начальственного положения, тоже этим спекулируют. Но нет отвратительнее спекулянтов принципами, гуманностью и чистотой. Медоваровский отпрыск пригрозил папаше партийным взысканием, когда тот попугал его ремнем. Самодовольный хлыщ, именуемый Аскольдиком, спекулирует высокими принципами нашей печати. Он же, как и тот молодой почвовед, которому я не мог дать отдельную квартиру, спекулирует нашей любовью к молодежи. А разве нет спекулянтов от науки?

Дерябин саркастически усмехнулся:

— Ни на чем не основанные предположения. Попробуй докажи.

Его подозвал Поярков, и они вместе прошли в зал, где устанавливались дополнительные приборы для будущих испытаний «Униона».

Глядя на движущуюся ленту самописца, Поярков удивился:

— Мейсоновский анализатор опять работает? Вы уверены, Борис Захарович, что так и должно быть?

Борис Захарович сам мучился в догадках. Хорошо бы сию минуту, не дожидаясь окончания испытаний, посмотреть, что в нем случилось.

— А какая сейчас скорость подъема? — вместо от-

вета спросил Дерябин, подходя к другому регистрирующему прибору.

— Почти расчетная величина, — пояснил Поярков, указывая на зеленую линию. — Ваши опасения, что «Унион» не достигнет нужного потолка, пока преждевременны.

— Посмотрим, посмотрим, — ворчливо заметил Дерябин. — Но вы же сами считаете, что его пора посадить? Чем вы объясняете этот скачок? — ткнул он пальцем в график, где еще до включения двигателей линия высоты резко пошла вверх. — Воздушными течениями? Здесь они не отмечены.

Рядом с линией высоты записывались восходящие течения, направление ветра и другие данные. Они говорили, что атмосферные условия тут ни при чем, диск поднялся выше от неизвестных причин. Поярков беспокоился: не случилось ли чего? Возможно, где-нибудь отказали стягивающие трубы? Надо все это проверить сейчас, пока не случилось чего-нибудь более серьезного. Непонятно, почему Набатников не прекращает испытаний?

— Ничего, потом разберемся, — сочувственно проговорил Борис Захарович. — Простите старика, всю ночь не спал, пойду часок вздремну.

Поярков опустил на диван и обхватил руками холодный кожаный валик. Так он сидел бездумно, потом вскочил, закурил, смял зажженную папиросу и быстро подошел к столу. Вот журнал испытаний «Униона». Здесь записаны все показания приборов. Высота, температура, влажность, давление. Но почему «Унион» сразу подскочил вверх? Неужели конструктор не знает всех особенностей своего творения? И главное, он бессилен. Что делается там, наверху, неизвестно. Скорее бы узнать.

За стеклянной дверью он увидел мутное белеющее пятно. Несколько раз открыл и закрыл глаза. Это Нюра склонилась над каким-то аппаратом.

— Я вам не помешаю? — спросил Поярков и, не дожидаясь ответа, сел к столу.

В комнате, кроме Нюры, никого не было. Она только что установила один из контрольных приборов, который вскоре должен использоваться при испытании новой курбатовской фотоэнергетики.

Серафим Михайлович спросил о каких-то пустяках и замолк. Нюра понимала его состояние. Как бы хотелось сказать ему ласковое слово, ободрить, прикоснуть-

ся к его щеке!.. Она колючая — забыл побриться. Нет, не скажешь ему ничего, не поглядишь ласково. Нельзя.

Нюра прятала зябнувшие руки в рукава халата, думая уже об ином — о письме Курбатова, которое она до сих пор не получила от Багрецова. Это не официальное приглашение, напечатанное на бланке. Письмо личное. Любовь ее была как игло — хотела сбросить, но не могла. Досадовала на Димку и письмо. Ведь мог бы оставить у дежурного, чтобы сейчас не мучиться нетерпением. А где-то в тайных закоулках ее сердца пряталось робкое желание, чтобы письма совсем не было. Пусть потеряется.

Серафим Михайлович долго молчал, наконец решился.

— Почему тогда, в самолете, вы вспомнили Багрецова? Что он должен рассказать? Поймите, кроме вас, я никого не хочу слушать...

Холодными пальцами Нюра робко притронулась к его руке.

— Потом... — И, щелкнув выключателем на пульте, смущенно проговорила: — Я долго думала, Серафим Михайлович...

— О чем? — Голос его задрожал.

— Говорят, что самолет Охрименко столкнулся с орлом. А может, самолет столкнулся с диском?

Поярков укоризненно посмотрел ей в глаза и тяжело вздохнул.

— Невозможно. «Унион» ярко светится, к тому же на самолетах установлены радиолокаторы.

— А если диск налетит на гору?

— И это невозможно. В «Унионе» тоже есть радиолокаторы, — устало и разочарованно сказал Серафим Михайлович. — Вы должны это знать не хуже меня.

Он пояснил, что радиолокаторы через специальную автоматику управляют двигателями. Впереди гора — радиолуч отразится от нее и с помощью приемника включит нужный двигатель с газовыми рулями. «Унион» свернет в сторону или поднимется выше. А кроме того, им можно управлять с земли.

— Вот и получается, что человеку там делать нечего, — равнодушно добавил Серафим Михайлович.

— Это, конечно, верно, — с некоторым сомнением подтвердила Нюра. — Но вот сейчас там что-то случилось, а вы...

Она не закончила фразы. Лицо Серафима Михайловича стало жестким, напряженным.

— Не будем говорить об этом.

За стеклом показался Аскольдик. Он гримасничал и делал какие-то знаки Нюре. Поярков заметил ее удивленный взгляд, вскочил и распахнул дверь:

— Милости прошу.

Не повернув головы, Аскольдик прошел мимо Пояркова.

— Имею честь попрощаться с вами, Анна Васильевна.

— Почему? — спросила она безразлично.

— Высылают как нежелательного иностранца. — Аскольдик язвительно хмыкнул. — Пишите до востребования. — И, заметив, что идет Набатников, юркнул в приоткрытую дверь.

Вежливо уступив ему дорогу, Набатников вызвал Пояркова в зал.

— Я должен с тобой посоветоваться, Серафим. У нашего друга Медоварова появились новые сторонники. Уже немцы и датчанин просят продлить испытания, хотя раньше не настаивали. Зачем именно сейчас им это понадобилось, ума не приложу.

Поярков огорченно вздохнул:

— Как хотите, Афанасий Гаврилович, но мы планировали иначе.

— Так-то оно так, — согласился Набатников, — только ведь гостям неудобно отказывать. Наверное, тут не обошлось без агитации Медоварова. А спрашивать у них неловко. До чего же человек дошел, все средства использует, чтобы продвинуть свои полимеры. Завидная настойчивость. Даже тебе, Серафим, есть чему поучиться.

— Ни я, ни Борис Захарович не верим в благородство Медоварова. Так бороться за чужое изобретение... Странно

Афанасий Гаврилович укоризненно посмотрел на Пояркова:

— Будто бы мы тебе не помогали, Серафим.

— Благодарю за сравнение... Какие-то несчастные окошки — и...

— Дело не в масштабах, — перебил его Набатников. — Возможно, для Медоварова эти окошки дороже всей твоей конструкции. Он в них хоть что-нибудь понимает, а остальное для него дело темное.

— Мне эта «космическая броня» тоже не кажется прозрачной. Чересчур уж ее рекламируют. Почему?

На этот вопрос даже сам Медоваров не смог бы точно ответить. Попробуем здесь кое-что прояснить, для чего необходимо рассказать об истории изобретения «космической брони».

В свое время в печати промелькнуло сообщение о том, что в лаборатории доктора химических наук В. И. Литовцева разработан один из видов так называемого «увиолевого» стекла. Оно пропускает ультрафиолетовые лучи, а потому весьма подходит для яслей, школ и больниц. У этого стекла были некоторые преимущества перед обычным плексигласом, а кроме того, хорошо организованная реклама. Но когда встал вопрос о его массовом производстве и заводские работники подсчитали, сколько такое стекло должно стоить, то выяснилось, что не дешевле богемского хрусталя и даже старинных изделий из баккара. Больница с такими драгоценными окнами стоила бы многие миллионы. В те времена Литовцев и глазом бы не сморгнул, услышав, что руководимая им лаборатория два года работала вхолостую и практически ничего не дала. При чем тут практика, когда есть авторское свидетельство на изобретение и, главное, научные труды?

Но вот началась перестройка управления промышленностью, что повлияло и на работу научно-исследовательских институтов. Проверили, чем занимается лаборатория Литовцева. Ему надо было как-то оправдать непроизводительные затраты на разработку новой рецептуры увиолевого стекла. Пусть говорят, что из этой затеи ничего не вышло. На больницах и яслях свет клином не сошелся. Дорого? Пожалуйста, не берите. А для космических кораблей подойдет органическое стекло Литовцева? Почему же нет? Тут экономика ни при чем, тем более что серийный выпуск подобного вида транспорта пока еще не запланирован.

С помощью друзей-приятелей была развита активнейшая деятельность по внедрению в жизнь «космической брони» Литовцева. Нашлись знакомые популяризаторы, которые в журнальных заметках доказывали, что необычайная прочность этой прозрачной брони может защитить межпланетный корабль даже от метеоритов, что крыши будущих оранжерей в космосе обязательно надо делать из столь необыкновенного материала.

Люди, занятые серьезной теоретической и практической работой в этой области, пожимали плечами. В конце концов, не все ли сейчас равно, из чего будут сделаны иллюминаторы? Есть стекла и пластмассы вполне подходящие.

По разным соображениям не писали о работах Пояркова. Да и сам он не хотел этого, считая конструкцию экспериментальной, несовершенной. Даже когда первый вариант ее был принят авторитетной комиссией и вездесущие корреспонденты облазили все его коридоры и закоулки, Поярков предупредил, что писать об этом преждевременно.

А Литовцеву нужна была популярность, ему и его лаборатории. И он добился этого. От различных организаций стали поступать заказы, просьбы о консультациях, лекциях, научном редактировании, рецензировании. Все это оплачивалось довольно неплохо. Выросла собственная дача, выросли престиж, уважение. Настоящие ученые кисло отзывались о деятельности своего коллеги, но все же — докторская степень, общественное внимание... Не каждому это дается.

Медоваров с придыханием произносил фамилию Валентина Игнатьевича — Набатников ему в подметки не годится.

Как-то в гостях у Литовцева, немного подвыпив, Толь Толич высказался:

— Можете вы объяснить, Валентин Игнатьевич, что случилось с Набатниковым? Ведь так хорошо начал! В московском институте у него был целый отдел, причем, заметьте, самый важный. Министр к нему запросто приезжал. Был Набатников секретарем партбюро, депутатом Моссовета. Потом, когда я ездил с ним в экспедицию, все ведь хорошо получилось. — Но, заметив кривую улыбку Литовцева, Толь Толич тут же поправился: — Не для меня, конечно. Хорошо для Набатникова. Атомным взрывом он перебросил целую гору. Его «теплые города» тоже нашли поддержку, один город уже построен... Правда, потом решили не делать никаких взрывов, чтобы там, на Западе, ничего плохого не подумали. Но ведь в этом Набатников не виноват, заслуги его налицо. А что в результате? Другого бы за такие успехи замминистра сделали. И вдруг узнаю, что вроде как по собственному желанию Набатников переводится из Москвы в какую-то дыру директором института. Меня хоть в Ташкент перевели — столицу респуб-

лики. А Набатникова и в бюро не выбрали, самоотвод уважили — так сказать, не задерживаем, золотко, скатертью дорога. И сидит он, раб божий, в башне на голой скале и локти себе кусает. Все связи оборваны — заступиться некому. Да и кто попробует заступиться, когда наверху все решено. Вот уж погорел человек так погорел...

Литовцев никогда не откровенничал с Толь Тоlichem, считал себя выше этого, но частенько пользовался его услугами, в свою очередь оказывая ему покровительство. Что же касается судьбы Набатникова, то она меньше всего занимала Литовцева. Каждый идет своим путем.

Но какие же разные эти пути! Пусть литовцевы и медоваровы думают о судьбе Набатникова как хотят, но ему самому она представляется необычайно счастливой.

Да, действительно, много сделал Набатников, но башня на голой скале, о которой с сожалением говорил Медоваров, была для того не местом изгнания, где придется грустить о столице, а пограничным пунктом, откуда начинается дорога в неведомое.

Литовцев любил латинские поговорки, и если бы к нему, а не к Толь Толичу обратилась Римма с вопросом, кто устроил Медоварова в НИИАП, то получила бы ответ: «Ис фецит куи продест», что означает: «Тот сделал, кому это выгодно».

Возникает законный вопрос, какими способами доктор химических наук мог устраивать Медоварова на разные места, подчас абсолютно не связанные с химией, устраивать в другие города, причем никто бы и никогда не догадался, что здесь действует осторожная и ловкая рука.

Не забывайте, что Литовцев занимался пластмассами с давних пор, когда они были еще диковинкой. Органическим стеклом и другими пластмассами интересовались разные ведомства, и Литовцев предлагал их всюду для изготовления деталей экспериментальных аппаратов. Потом, когда рецептура его пластмасс безнадежно устарела, а нового Литовцев ничего придумать не мог, ему пришла в голову счастливая мысль искать для старых пластмасс совершенно неожиданные применения.

Так, например, резиновую кишку, которую глотают для исследования желудочного сока, Литовцев предложил заменить жесткой пластмассовой трубкой, вводимой

в пищевод. «Больно? Ничего подобного. Вспомните шпагоглотателей». Всюду у него были связи в исследовательских институтах, находились точки соприкосновения с производственными и кооперативными организациями.

Но вот пришло другое время. Надо торопиться. Ведь сейчас, когда синтетическим материалам придается всенародное значение, когда в разных институтах и даже в заводских лабораториях никому не известные химики создают все новые и новые пластмассы, прочные, стойкие и, главное, дешевые, на былой славе не проживешь... Тебя позабудут сразу же.

Вот почему Литовцев цеплялся за малейшую возможность хоть как-то заявить о себе изобретением пластмассовой кишки или «космической брони», которая как бы объединяет вместе и проблему завоевания космоса; и народнохозяйственную задачу создания новых материалов.

Сейчас, пока не поздно, пока не перебежали тебе дорогу молодые и талантливые, надо ловить момент. И Литовцев, растерянный и жалкий, не гнушался ничем. Друзья попробовали протолкнуть давным-давно «изобретенную» в его лаборатории пластмассу, обладающую исключительной морозостойкостью. Однако ничего не получалось. Во-первых, сейчас это уже не новость. А во-вторых, разве эта пластмасса может заинтересовать производственные предприятия, которые делают мыльницы и зубные щетки? При шестидесяти градусах мороза на улице не умываются. А самое главное, уж очень дорога будет такая щеточка. Никто ее не купит.

Литовцев спал и видел, как бы протащить свою «космическую броню» в серьезные институты и конструкторские бюро, которые занимаются спутниками, межконтинентальными ракетами и где проектируются космические корабли. Но допуска к этим работам у Литовцева не было, проникнуть он туда не мог, а приглашений почему-то не последовало.

Несомненно, что эти организации обладают гигантскими возможностями, и талантливые ученые-химики работают над созданием настоящей «космической брони». А кроме того, существует стекло, прочное и жароупорное, из которого пробовали делать колпаки ракет. Разве «космическая броня» сравнится с таким стеклом? Или весьма совершенной керамикой?

Но не только эта причина, как догадывался сам Литовцев, закрывала ему доступ к работам, которые вы-

нуждены пока вестись в обстановке строгой секретности. Видимо, понимающие люди не во всем могут доверять доктору химических наук Литовцеву. Видимо, они помнят о нарушении им некоторых моральных принципов, бытующих в советском обществе. Речь идет о косвенном заимствовании кое-каких чужих экспериментальных работ для своей докторской диссертации. Литовцеву удалось вывернуться, друзья это дело замяли, но темное пятнышко осталось и несколько подпортило репутацию Валентина Игнатьевича.

Но ведь об этом знают немногие. А на новом месте работы — почти никто. С Медоваровым поступили жестче. За нарушение несколько иных моральных принципов (подробно об этом мог бы рассказать Багрецов, когда по вине Медоварова чуть было не погибла изобретенная Вадимом радиостанция) Толь Толич был освобожден от должности помощника начальника института, ему вынесли партийный выговор и отпустили на все четыре стороны. Пусть сам устраивается.

— Дело дрянь, — заключил Литовцев, выслушав покаянную речь Толь Толича. — Но попробуем иной ход. Бросим тебя, как у нас принято говорить, на производство. Постарайся, так сказать, своим самоотверженным трудом снять выговор. Пойдешь по линии местной промышленности. Ташкент тебя устраивает?

В Ташкенте, по совету Литовцева, Толь Толич работал на два фронта: кроме руководства фабрикой «Полимер», читал еще лекции в каком-то кооперативном или торговом техникуме. Потом, пользуясь связями Литовцева — а он во время войны защищал кандидатскую диссертацию в Ташкенте, — пошел по его стопам и странными, неведомыми путями получил степень кандидата педагогических наук. Говорят, что Толь Толич защищал диссертацию на тему о методе преподавания бухгалтерского учета в системе торгового ученичества или что-то вроде этого.

— Нон схоле, сэд вите дисмус, — напутствовал своего друга Литовцев: — «Учимся не для школы, а для жизни». Теперь со степенью у тебя и жизнь будет другая, — так по-своему повернул он смысл поговорки. — Не пропадешь. Вытащим.

И вытащил, но, конечно, чужими руками.

Валентин Игнатьевич не оставит после себя серьезных научных трудов, так же как и «эпистолярного наследства». Писем он почти не писал, не давал никаких

рекомендаций, избегал письменных просьб, характеристик. Зачем, когда можно встретиться с человеком с глазу на глаз и так, небрежно, между прочим, сказать, что существует-де на белом свете мало знакомый Литовцеву опытный и преданный работник по фамилии Медоваров, пострадавший от клеветы. «Всякое бывало. Недаром сейчас многие реабилитированы». Потом можно вздохнуть и перейти к другому разговору, представляющему общественный, а иногда и личный интерес для человека, могущего повлиять на судьбу невинной жертвы.

Впрочем, что нам до судьбы Медоварова? Ведь сейчас «Унион» поднимается на огромную высоту, где человеку грозит смерть. И человек этот — Тимофей Бабкин. Мы еще не знаем, где сейчас Багрецов. Об этом, конечно, узнаем, но вряд ли кому-нибудь станет известным, как без всякой техники некий изобретатель «космической брони» пробовал управлять «Унионом». Он добился того, что задержали полет до тех пор, пока не поставили окошки из этой брони. (Разве можно возражать против испытаний синтетических материалов?) Он дергал за ниточки марионетку — Толь Толича, и тот покорно выполнял его приказания, уверенный, что это необходимо для реализации ценнейшего изобретения.

Да и сам Литовец часто успокаивал себя могущественным словом «изобретатель». Всегда и всюду изобретателям приходилось бороться за свою идею. Современники обычно ее не понимали, а потому гибли на корню великие открытия и изобретения. Кто знает, не родилась ли «космическая броня» преждевременно? Может быть, только потомки ее оценят. Но это никак не устраивало Валентина Игнатьевича. Он должен привлечь к своему изобретению общественное внимание. Пожалуй, даже хорошо, что он не работает в секретной организации. Тогда бы о «космической броне» не писали ни строчки.

И Валентин Игнатьевич, рассчитывая на «помощь общественности», вступил на путь борьбы за «технический прогресс».

Вспомните «таинственные звонки». Толь Толич испугался катастрофы и задерживал подъем «Униона», но по телефонным нитям протиснулся властный голос Литовцева: «В высших инстанциях настаивают на скорейших испытаниях иллюминаторов — таковы сегодняшние обстоятельства». Никто, конечно, не настаивал, и ларчик открывался просто: готовилась большая статья о работах Литовцева, и надо, чтобы в ней было упомянуто о

последних практических испытаниях «космической брони».

Необходимо это сделать до подписания номера журнала к печати.

Небывалая вспышка космических лучей. Навстречу им должен лететь «Унион». Но Медоваров не согласовал этого вопроса с Литовцевым. Мало ли что может случиться с иллюминаторами? Лопнут от разницы давлений, потрескаются.

Срочно позвонил на дачу, но Валентин Игнатьевич изволили гулять. Только после ответного звонка выяснилось, что иллюминаторам эти беды не грозят и «Унион» может следовать по пути, намеченному Набатниковым.

Телефонные переговоры были тщательно законспирированы, а поэтому даже если бы их случайно услышали люди, заинтересованные в полете «Униона», то все равно бы не догадались, о чем идет речь: пустая обывательская болтовня.

Добившись согласия Набатникова на продолжение высотных испытаний «Униона», Толь Толич поспешил похвастаться Валентину Игнатьевичу.

Заказал междугородный разговор и на вопрос телефонистки, кого вызвать, ответил обычно: «Кто подойдет».

Подошла жена Валентина Игнатьевича.

— Приветствую вас категорически, — весело, с хохотком начал Толь Толич. — Не узнаете? Ваш постоянный вздохатель... Какой? А разве другие есть? Не потерплю... Ах, золотко мое, попросите, пожалуйста, хозяина, мы с ним выясним это дело. — И когда отозвался Литовцев, Толь Толич на всякий случай не стал называть его по имени. — Хозяин, а хозяин, что же это у вас в доме творится?.. У меня? Лучше некуда. По просьбе многочисленных зрителей игра продолжается. Мяч в воздухе... Да, да, на очень высоком уровне...

Потом он осведомился насчет здоровья, передал приветы, говорил о погоде и наконец вспомнил о троянском коне.

— Что за штука такая? Здешний хозяин смеется, что я ему троянского коня подсудобил. Почему нехорошо?.. Вылезли оттуда и подожгли? Ничего себе!.. Открыли своим ворота? Выходит, что мои ребята поджигатели? Очень мило.

Толь Толич рассеянно положил трубку.

— Интересно, кто еще об этом слышал?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Разве можно ненавидеть животных? При данных обстоятельствах это простительно, с чем, вероятно, согласится и читатель. Здесь впервые появляется еще один персонаж — Яшка-гипертоник. От него тоже кое-что зависит, но об этом вы узнаете позже.

кошко в полу кабины светлело. Вкрадчиво и незаметно вползло утро — мертвое утро, без птичьего гомона, злобно молчаливое, а вместе с ним в сознание Тимофея вползала упрямая, скользкая мысль: неужели это его последнее утро? Там, наверху, куда он летит, — пустота и смертельный холод.

Надо что-то делать, пока ты мыслишь, двигаешься и живешь! Надо еще раз попробовать добраться к двигателям, раньше это было легко. Неужели все люки закрыты?

Тимофей выходит в кольцевой коридор, бежит к боковому люку, который, как ему припомнилось, ведет отсек двигателей. Бежит и с облегчением открывает крышку, прочную, надежную, с уплотняющими прокладками, как на морском теплоходе.

За ней видны тускло поблескивающие стенки радиальной трубы. Перешагнув через порог, Тимофей, согнувшись, пробежал еще несколько метров и наконец достиг желанной цели. Здесь, в этом пустотелом кольце, расположенном почти по краю диска, должны находиться двигатели. Во всяком случае, так было раньше.

Опять неудача! Неизвестно зачем тут понастроили перегородок. Теперь уже нельзя пройти коридор насквозь и возвратиться на прежнее место. Бабкин уперся в закрытую дверь, вернее, в крышку люка. «Сектор № 2», — прочитал он четкую надпись. Интуиция, а главное, смутные воспоминания подсказывали, что стоит лишь проникнуть за эту перегородку, как там тебя ждет еще не остывшее тепло двигателя. Неужели и здесь закрыто? Тимофей взялся за ледяную ручку, опустил ее книзу, как у дверцы машины, и потянул к себе.

Точно пламя вырвалось из пустоты, ударило в лицо, проникло в горло. Бабкин задохнулся и сразу же захлопнул дверь. Придерживая ее спиной, будто кто-то ломился сзади, Тимофей старался отдышаться, жадно ловя ртом разреженный воздух. Еще немного — и все было

бы кончено. Потом он отчаянно корил себя за неосторожность. Ведь это же понятно: двигателям нужно охлаждение, а кроме того, при работе они выделяют вредные газы, от которых надо защитить аппараты «Униона». Вот и поставили перегородки.

А нельзя ли подойти к двигателям с другой стороны? Вдруг какой-нибудь из них стоит у самой стенки? Хорошо бы прижаться к этой теплой печке. И, опасливо покосившись на закрытую дверь, Тимофей полпелся обратно. Вот здесь он вышел в кольцевой коридор и повернул налево, — значит, теперь надо идти дальше.

Но что это? Впереди ярко сияют плафоны, как в вагоне Московского метро. Кто их включил? Зачем они здесь?

Тряпка на ноге развязалась — чуть было не потерял ее Тимофей, но он торопился, чувствуя, что все это неспроста. Да нет, это не лампы, не матовые плафоны, а оконца в солнечный мир. Играют зайчики на полу, радужные, веселые.

Наверху надпись «Сектор № 4». Тимофей переступил порог и подошел к первому оконцу. Не нужно тянуться к нему на цыпочках, стоит лишь чуть приподнять лицо. За толстым стеклом величиною с блюдо Тимофей не увидел неба, и солнце светило где-то в стороне, сквозь другое окно, побольше. Лучи падали на широкие листья, вроде как у тыквы, плети ее лежали на кирпично-красной земле. Все это было вроде игрушечной оранжереи в большой металлической банке.

Бабкин заметил знакомые ему телеметрические приборы, которые определяют температуру и влажность почвы, воздуха, отмечают процент кислорода, учитывают интенсивность солнечного сияния. Все эти приборы конструировались в лаборатории, где работал Тимофей. Знал он и о том, почему тыква растет на красной земле. Это вовсе не земля, а искусственный грунт, в который вводятся питательные вещества... Вот они, трубки, торчат. А наверху другая трубка, через нее отводится кислород, вырабатываемый листьями, если они освещены солнцем или даже электрической лампочкой.

Неясное предчувствие царапнуло по сердцу. Уже известно, что с одного квадратного метра листьев, примерно как в этой банке, можно получить столько кислорода, что его хватит для дыхания двух человек. Это подсчитали ученые, проектируя большой космический корабль. Уж не собираются ли там, внизу, попробовать за-

гнать диск в далекие космические пространства? Бабкин хотел было узнать, куда идет трубка с кислородом, но это оказалось не так-то просто. В соседней испытательной камере плавали водоросли, в следующей росли какие-то лопухи.

Заглянув еще в одну камеру, Тимофей инстинктивно отпрянул. На него бросился одноглазый пес. Тычась мордой в окошко, он отчаянно лаял, но сквозь изолированные стенки камеры и двойные стекла, между которыми, вероятно, был выкачан воздух, звуки почти не проникали.

— Тимошка! На место! Фу! — слышался знакомый женский голос.

Вздвогнув, Тимофей оглянулся и со злостью щелкнул крышкой приемника. То же самое, что и ночью. Оказывается, радиоволны попадают внутрь диска, вероятно через антенны, которые соединены с разными приемниками. Вот и сейчас эта кукла успокаивает подопытного пса по радио. Наверное, в его камере громкоговоритель. Где ж он?

Как ни старался Тимофей рассмотреть внутренность собачьей камеры, но сделать ничего не мог. Пес прямо так и прилип к стеклу. Стоило лишь улучшить мгновение, чтобы заглянуть хоть в щелочку, как оскаленная морда тут как тут. Тимофей опять включил приемник. Может быть, внизу скажут что-нибудь насчет испытаний.

— Будь ласка, одноглазик, успокойся, — ласково увещевал его голос с Земли. — Який дурень! На мышей гавкаешь.

Бабкин обозлился еще больше. Придумали тоже... «На мышей». Впрочем, чем он отличается от того несчастного мышонка, который так же случайно, как и Тимофей, оказался в диске?

Пес, видно, услышал знакомый голос, устыдился и лег на свою подушку. Теперь Бабкин мог подробно осмотреть его помещение. Кроме громкоговорителя, в стене торчал объектив маленькой телекамеры. К сожалению, в поле ее зрения не попадало нижнее оконце, а то бы Тимофея заметили. Он не может просунуть руку, чтобы помахать ею перед объективом. Разбить стекло? Напрасная затея. Такие стекла не разбиваются, они должны выдерживать огромное давление, как в батисфере.

Под объективом — микрофон, похожий на перевер-

нудное чайное ситечко. Каждый собачий вздох воспринимает он своим чутким ухом. А Тимофея, сколько бы ни орал под окошком, сколько бы ни стучал в него, — все равно на Земле не услышат. Этому одноглазому псу предоставлена временная конура с абсолютной звукоизоляцией. А если все-таки раздражить его? Может, там внизу, догадаются, что здесь не мышонок застрял? В самом деле, разве порядочный пес будет выходить из себя по такому пустяку?

Носом прижавшись к стеклу, Тимофей строил, как ему казалось, самые оскорбительные для собаки рожи. Делал вид, что нагибается и поднимает камень, грозил кулаком. Пес показывал зубы, рычал, а Римма его стыдила:

— Ось дурило! Помовчи хоч хвылынку. Тут ликари кажут, що у тебя давление повышается. — Послышались какие-то другие голоса, и она спросила: — Хочешь сахару?

Тимошка вскинул голову. Под репродуктором вздрогнула металлическая пластинка, на мгновение открылся наклонный желобок, и в Тимошкину пасть скатился кусок сахара.

Виляя хвостом, пес ждал, когда вновь бросят ему сахар, но Римма не торопилась и болтала всякую чепуху. Как же тут Тимофею не досадовать? Назвали пса человеческим именем, посадили в тепло, кормят. А ты приплясываешь от холода, со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, дышать трудно. Псу хорошо, там, внизу, врачи о здоровье его заботятся....

От собачьего ошейника к втулке в стене тянулся кабель в металлической оплетке, соединенной с приборами на поясе. Наверное, к этому широкому поясу собака привыкла, ей не мешали ни микрофон для выслушивания сердца, ни электрический термометр, ни разные другие приборы, показания которых передаются на Землю и автоматически записываются на ленте.

Бабкину не приходилось иметь дело с подобными исследованиями, но некоторые приборы этого типа конструировались, вернее, приспособлялись для медиков в лаборатории, где он раньше работал.

Тимошка не дождался сахара, равнодушно взглянул на страдающее лицо за стеклом и потянулся к кормушке. Она была устроена довольно занятно и чем-то похожа на автоматическую поилку. В маленькое блюдце, прикрытое сеткой, поступала полужидкая овсянка.

Пес слизывал ее с сетки, а голодный Тимофей глотал слюну и в то же время прикидывал, чем можно объяснить столь сложное устройство. Выводы, к которым он пришел, оказались малоутешительными. Сетка нужна затем, чтобы удерживать кашу, когда диск поднимется так высоко, что ослабнет земное тяготение. Видно, в кормушке пружина, она постоянно прижимает кашу к сетке. Ведь собственной тяжести не будет.

— Не будет... — вслух прошептал Тимофей, еще раз глотнул накопившуюся слюну и перебежал к следующему окошку.

Здесь действительно были мыши. Но собака не могла их ни видеть, ни слышать. В такой же звукоизолированной, как и у нее, камере бегали нумерованные белые мыши. Да, да, нумерованные! На спинках их четко выделялись цифры. «Как у футболистов», — подумал Тимофей, и опять ему стало неприятно. Откуда-то вынырнула зеленая мышь, потом розовая, голубая. Мыши раскачивались на веревках, грызли хлеб и сыр. Аккуратно нарезанные кусочки великолепной пищи торчали в специальных зажимах. Тимофей не мог смотреть на это без головокружения.

За мышами смотрели глазом телекамеры — тут опять торчит ее объектив, — микрофон прислушивался к веселому писку, приборы передавали вниз, на Землю, не холодно ли мышатам, хватает ли воздуха, не прибавить ли кислорода? Ну конечно — вон куда потянулась трубка из оранжереи. Этим же кислородом дышал и одноклазый.

Своим именем Тимофей не хотел называть пса даже мысленно.

В соседней камере жили Тимофеевы предки — пара макак-резусов. Родство, конечно, далекое, но существа они живые, веселые. Чувствуют себя прекрасно, прыгают, резвятся, перебрасываются бананами. Рядом с окошком лежит апельсин. Протянуть бы руку, схватить и вцепиться зубами в сочную мякоть. Губы пересохли, пить хочется. Дразнится обезьяна проклятая, содрала апельсиновую кожу и брызжущие соком дольки бросает в окошко. Мякоть шлепается о стекло, и тонкие обезьяньи пальцы размазывают ее по поверхности.

Обезьяны одеты довольно странно, в модные с «молниями» курточки. На одной из них — темная, на другой — в большую клетку. Видно, это сделано затем, чтобы лучше различать обезьян в телевизоре. Под куртка-

ми, наверное, датчики. А вон и кабели прикреплены к поясам.

Но до чего же хочется пить! Неужели макаки ничего не пьют и обходятся апельсинами? Впрочем, если «Унион» поднимется выше, где не будет тяжести, то вода выскочит из сосуда и шариком поплывет в пространстве. Попробуй тогда напейся.

Зря беспокоился Тимофей — обезьяны не умрут от жажды. Макаке, той, что размазывала апельсины по стеклу, надоело это занятие, она потянулась к резиновой соске, торчащей из стены.

Угол подъема диска постепенно увеличивался. Казалось, что вот-вот диск встанет совсем вертикально. Бабкин находился внизу, неподалеку от двигателей, и уже всерьез подумывал о том, как он сможет возвратиться в центральную кабину. Неужели придется карабкаться вверх? Во всяком случае, по ближайшей радиальной трубе не доберешься.

Он с трудом преодолевает подъем в кольцеобразном коридоре, чтобы повернуть в более пологую радиальную трубу. Надо торопиться, иначе совсем замерзнешь. Теперь его уже не интересуют окошки испытательных камер, где зеленеют еще какие-то растения, кролики шевелят розовыми носами, порхают птицы.

Некоторые камеры пока еще свободны, и, самое главное, нижние окошки у них без стекол. В камерах — никакой живности, нет ни воды, ни кислорода. Но как бы хорошо протянуть руки навстречу теплему солнышку и хоть немного согреться!..

Под верхним иллюминатором поблескивают коробочки фотоэлементов. Видно, они служат для измерения интенсивности солнечных лучей, проходящих сквозь разные стекла. В одной камере стекло зеленоватое, в другой золотистое... А вот и совершенно прозрачное, как хрусталь. Здесь нет фотоэлемента. Наверное, не успели поставить.

Тимофей просовывает в камеру руки, растирает их, греет. Потом подходит к камере с фотоэлементами. По их поверхности бегают тени. А что, если таким способом просигнализировать вниз? Закрывая и открывая один из фотоэлементов, Тимофей передает знакомый всем сигнал бедствия. Затем, на всякий случай, машет рукой над другим фотоэлементом, над третьим.

Он занимался этим довольно долго, утомился и вдруг почувствовал всю никчемность своей затеи. Ведь

система приборов включается на какие-то доли секунды, чтобы послать сигналы на Землю. Разве угадаешь, когда это будет? Он оставил приемник включенным, но никаких своих сигналов не слышал. В конце концов, неизвестно, по какому каналу должны передаваться показания фотоэлементов.

Не успел Тимофей положить приемник в карман, как почувствовал в пальцах острую боль, точно их обварили кипятком. Вероятно, прозрачное стекло иллюминаторов не защищало от ультрафиолетовых лучей. Здесь, наверху, где почти нет воздуха, эти лучи могут уничтожить все живое. Почему же раньше он не додумался? Теперь кожа будет слезать, как у некоторых чудаков, любящих до потери сознания загорать на пляже.

Помахивая обожженными руками, Тимофей поднимается вверх по кольцевому коридору и мельком заглядывает в камеры. Возле одной невольно останавливается. Еще бы: глядит на тебя какая-то оскаленная морда в прозрачном колпаке.

Из кармана, где лежит приемник, слышится мужской незнакомый голос:

— Яшка! На место! Ну, гипертоник, приготовились!

Морда исчезает. Тимофей заглядывает в окошко. Обезьяну в специальном костюме из голубой плотной ткани с ремнями кто-то тащит к креслу. Ремни тянутся как будто бы в соседнюю камеру. Но Тимофей понимает, что никого там нет, ремни уходят под кресло и, вероятно, наматываются на барабан, который поворачивается по приказу с Земли. От шарообразного колпака тянутся толстые резиновые трубки. Вполне возможно, что у Яшки-гипертоника изучается газообмен.

Кресло низкое, с далеко откинутой спинкой. Яшка лежит, туго привязанный ремнями. Но вот у Яшки начинает пухнуть живот. Бабкин глазам своим не верит: что же это творится с бедной обезьяной? Вздываются пузыри на коленях.

— Ничего, ничего, Яшка, — кто-то уговаривает его с Земли. — Если хочешь знать мое мнение, то это совсем не больно. Сидеть, Яшка, сидеть!

У Яшки такая страдающая морда, что Бабкину его искренне жаль. Издеваются над животным, а зачем, неизвестно.

В приемнике слышится какой-то разговор о бандажах, о перегрузке, о давлении. Разговор прерывается ласковыми обращениями к Яшке, и Тимофею кое-что уже

становится ясным. Испытывается противоперегрузочный костюм. В нем есть резиновые баллоны, они заполняются сжатым воздухом, давят на живот и ноги, чтобы при перегрузке не отливала кровь от верхней части тела.

«А как же я? — неожиданно мелькает запоздалая мысль. — У Яшки костюм, он в кресле... С ним ничего не случится... А со мной... Спасибо, хоть предупредили».

Надо как-то устроиться. И, понимая, что готовится нечто для него неприятное, Тимофей смотрит, как расположено Яшкино кресло, садится на жгучий морозный пол, вытянув ноги в том же направлении, как и Яшка, охватывает голову руками и замирает.

— Готов! — слышится спокойная команда.

Страшная сила прижимает Бабкина к стенке трубы, сдавливает грудь — не вздохнешь, — и диск стремительно вырывается в пустоту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Самая короткая, но существенная, потому что автор не хочет оставлять Багрецова в беде. Теперь надо позаботиться о Бабкине, но что поделаешь, когда дежурный по НИИАПу занят научным трудом? И все-таки попробуем.

яденька, а дяденька! — звенит над ухом тонкий мальчишеский голосок. — Чего это с вами? — И холодная вода льется в рот.

Багрецов приподнимает голову. Перед ним на корточках сидит мальчуган с жестяной кружкой. Его черные живые глаза светятся сочувствием и любопытством.

— Чего это с вами, дяденька? — повторяет он тревожно.

На лбу у Багрецова — мокрая тряпка. Мальчик осторожно приподнимает его голову и подносит кружку ко рту. Вадим делает несколько глотков и пристально смотрит на мальчугана, как бы желая убедиться, не сон ли это. Нет, мальчик живой, настоящий. Лет двенадцати, босоногий, в одних трусиках, загорелый, похожий на негритенка. Голова в мелких завитушках, словно обтянутая каракулевой шкуркой.

— Там хорошая вода, — проговорил он, кружкой показывая вверх. — Ждать надо немножко. — И, выплес-

нув остатки, побежал к высокому обрывистому склону. Держа кружку в зубах, мальчик полез вверх, цепляясь за выступающие корни деревьев. Повисая на одной руке, он поворачивался к Багрецову и улыбался.

Минут через десять мальчик снова появился на краю обрыва. Спускаться было труднее — боялся расплескать воду, поэтому приходилось держаться не только рукой, но и цепкими, как у обезьяны, ногами. Наконец он спрыгнул на траву, ухитрившись не пролить ни капли.

Вадим смотрел на него с восторгом и тайной завистью. Ни в детстве, ни тем более сейчас он бы не смог проделать такое путешествие. Он огляделся. Хорошо, что падать пришлось не с обрыва, а с более пологого склона. И орел-разведчик спланировал. Вот он лежит рядом, с поломанными крыльями. Днем он кажется жалким и отвратительным.

Мальчуган подбежал к Вадиму, помог приподняться и хотел было снять с него пиджак, чтобы промыть рану, но Вадим остановил:

— Подожди. Далеко отсюда деревня?

— Колхоз, — поправил мальчуган. — Не дойдете, через гору надо.

— А ты скоро добежишь?

— За двадцать пять минут. — Мальчик скосил глаза и как бы невзначай посмотрел на часы.

Только сейчас заметил Вадим, что его новый товарищ, кроме трусиков, носил еще и часы. Это было необычайно и трогательно.

Мальчик перехватил его взгляд и сказал с достоинством:

— Колхоз подарил.

— За что?

— Да так, — смутился мальчуган. — Волка прогнал...

— В колхозе есть телефон?

— Почему нет? Есть.

— Пусть вызовут междугородную... Киев... номер... — Вадим запомнил его, когда отправлял в ботинке записку. — Да тебе негде записать...

— Зачем писать?.. Так скажу.

— Перепутаешь. — Вадим, волнуясь, шарил по карманам. Записной книжки не оказалось. Вытащил шариковую ручку.

Мальчик протянул липкую от смолы ладонь:

— Пишите. Только покрупнее.

Вадим написал номер и объяснил, что нужно передать Дерябину или Медоварову. Мальчуган дрожал от нетерпения, понимая, что сейчас от него требуют.

— Меня Юркой зовут. А вас? — И, не дожидаясь ответа, засуетился, приподнимая Вадима. — В тень надо, здесь скоро жарко будет. Держитесь за меня. Крепче, крепче!..

— Беги, Юрка, беги...

По склону, через овраги и расщелины, перепрыгивая с камня на камень на другой берег горной речки, сквозь заросли и по тропкам бежал маленький Юрка. На него надеялся Багрецов и не ошибся.

...В правлении колхоза скучал Горобец. После вчерашнего отчаянно болела голова.

— Вызывайте Киев! — еще в дверях крикнул мальчуган.

Прислонившись к стенке и задыхаясь от быстрого бега, он протягивал Миколке ладонь с номером телефона.

— Вот скаженный хлопец — гукает, як с неба свалился.

— Да не я свалился, а дяденька.

— Откуда?

— Да вы же сами сказали: с неба! — чуть не плача, ответил Юрка. Некогда было объяснять подробнее.

Горобец сразу же стал серьезным. Мальчик передал ему просьбу Багрецова. Так вот где разгадка летающего человека. И Горобец почувствовал себя виноватым. Надо бы раньше, еще вчера звонить.

Дозвониться было нелегко. Горобец сначала связался с районным центром, потребовал Киев и затем НИИАП.

Телефонистка института соединила с дежурным. В связи с испытаниями «Униона» Медоваров ввел в институте дежурства даже в праздники. Горобец попросил позвать Дерябина. Дежурный с досадой отложил свою диссертацию.

— Куда вы звоните? — Это был один из обиженных аспирантов, которого Медоваров не взял с собой в Ионосферный институт. — Нет сегодня Дерябина.

— Як нема? — теребя шнур, нетерпеливо переспросил Микола. — Дуже треба.

— А кто говорит?

— Горобец говорит... Треба зараз кинчати випробування.

— Извините, товарищ Горобец. Вы из какого министерства?

— Якого министерства? С колхозу я.

— По вопросам испытаний мы можем разговаривать только с официальным представителем заказчика.

— Якого заказчика? — сердился Горобец. — Покличьте мне голову.

— Директора института тоже нет, — спокойно ответил дежурный и повесил трубку.

Горобец выругался и снова с остервенением стал крутить ручку аппарата. Наконец дозвонился, назвал дежурного бюрократом и сказал, что там, наверху, людына замерзает. Дежурный что-то пробурчал насчет холодильных установок, которыми НИИАП не ведает, потом, узнав, что Горобец звонит с Кавказа, посоветовал обратиться в горноспасательную станцию.

Разговор прервался, так как телефонная линия была передана другому району. Дежурный вообще ничего не гонял. Откуда ему знать, что разговор шел об «Унионе» и о том, что там мог оказаться человек. К тому же он сердился на Медоварова, который заставил его накануне защиты диссертации дежурить и отвечать на какие-то глупые вопросы.

Кроме телефона НИИАПа, Горобец не знал, куда бы еще можно было звонить. Надо скорее взять того парня, которого нашел хлопчик Юрка, и тогда уже решать, что делать дальше.

Горобец не предполагал, что «Унион» поднялся уже к верхней границе стратосферы, где жгучий холод сковывает тело, где тишина и смерть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пожалуй, больше всего здесь рассказывается о медицине, хотя ни Набатников, ни Дерябин, ни тем более Поярков не питают к ней особого пристрастия. Почему же они так горячо обсуждают вопросы медицины и при чем тут «кресло чуткости»?

В институте у Набатникова работали и биологи и медики, но в отличие от НИИАПа здесь велись планомерные исследования, имеющие серьезное научное и практическое значение.

При запуске специальных ракет за пределы атмосферы ученые вели исследования роста и деления клеток, влияния космических лучей на живые организмы. Возникали также и другие практические вопросы, связанные с межпланетными путешествиями.

Борис Захарович оторвал Пояркова от каких-то расчетов и предложил посмотреть, как чувствует себя подопытная живность.

— Не боишься за своего Тимошку?

— Я бы с удовольствием его там заменил, — хмуро проговорил Поярков, спускаясь по лестнице.

— В порядке самопожертвования?

— Нет, потому что твердо уверен в абсолютной безопасности.

— Что и называется самоуверенностью.

— Не знаю. Я надеюсь не только на конструкцию, но и на вашу автоматику, уважаемый Борис Захарович. Я уже давно просил разрешения на полет. Увидите, что добыю своего.

Дерябин подумал, что от такой горячей головы всего можно ожидать, и сказал уклончиво:

— Тут уж врачи решают. Их особенно интересует Яшка-гипертоник. Ты знаешь, что эта несчастная обезьяна перенесла? Марк Миронович рассказывал. В детстве Яшке привили малярию, и стал Яшка маляриком. Потом у него развилась гипертония, и с той поры его так и называют — Яшка-гипертоник. Я полный профан в медицине, но врачи решили, что для чистоты эксперимента, так сказать, в самом трудном случае, в условиях перегрузки и невесомости, проверка должна производиться на Яшкином организме. Пусть пострадает ради нас, грешных.

— Но там еще есть обезьяны, — напомнил Поярков, входя вместе с Борисом Захаровичем в новую, лишь недавно организованную лабораторию.

— Вот они. Легки на помине, — подтвердил Дерябин, указывая на экран.

Цветной телевизионный экран. Две обезьяны в курточках напоминали карикатурных модников. На другом экране нумерованные и раскрашенные мыши.

Под экранами пульта с контрольными приборами, самописцами. Врачи и биологи изучают записи сигналов, переданные из камер четвертого сектора с животными и растениями. Наиболее интересные из них касались пребывания животного мира в ионосфере, где проверялись

и перегрузка от ускорения, и падение в безвоздушном пространстве, где определялись допустимые дозы облучения ультрафиолетовыми лучами, испытывались разные защитные стекла, влияние космических лучей и незначительных, но вредных излучений при работе атомных двигателей. Камеры четвертого сектора были надежно защищены от вредных излучений топливными баками и специальными экранами.

С усмешкой и в то же время с завистью Поярков смотрел на обезьян: они прыгали, швырялись банановыми корками и вообще вели себя как в привычной земной обстановке, где задолго до сегодняшних испытаний, чтобы освоиться, жили в такой же камере, как в «Унионе». И если не считать каких-то странных падений и толчков, то жизнь на высоте в полтораста километров была не хуже земной.

Подойдя к Марку Мироновичу — главному врачу «Униона», Поярков спросил:

— Как наши пассажиры отнеслись к перегрузке?

— Стоически, — удовлетворенно ответил Марк Миронович и показал карандашом на ленту самописца. — Здесь все видно. Атомные двигатели включили в десять сорок пять. Теперь смотрите. Пульс, давление. — Он провел кончиком карандаша по стеклу. — Изменения есть, но через несколько минут все пришло в норму.

Поярков не без удовольствия подозревал Бориса Захаровича.

— Видите, ничего страшного.

— Я же насчет Яшки говорил. По нему тебе придется равняться.

Вмешался Марк Миронович:

— Не знаю, как вы предлагаете равняться? — И, пряча скупую улыбку в бородке, продолжал: — Но мне хотелось бы заметить, что Яшкин почтенный возраст и его гипертония представляют для нас серьезный интерес. Вот Яшкины показатели. — Марк Миронович повернулся к другому самописцу. — У нашего пациента весьма возбудимая натура. Прошу извинения, но в этом он походит на вас, Серафим Михайлович. Видите запись пульса? Он долго не мог прийти в норму. Пока все обстоит благополучно, но возможны рецидивы.

На экране сменялись кадры, как в кинохронике. Вот морские свинки, кролики. Яшка, подремывающий в кресле, и, наконец, Тимошка.

— Здравствуй, друг! — сказал Поярков в микрофон.

Тимошка, услышав знакомый голос, уперся лапами в стену и залился радостным лаем. Лай этот слышался из громкоговорителей, расположенных по бокам экрана, как в обычном звуковом кино. Тимошка прыгал, тычась носом в сетку своего репродуктора, будто бы за ним находился хозяин.

В соседней комнате Римма помогала Нюре устанавливать кодовые аппараты для новой серии испытаний.

— На кого цей вредюга гавкает? — спросила Римма, появляясь в дверях, и, заметив Пояркова, расплылась в улыбке. — Ах, вы здесь, Серафим Михайлович! Значит, моя помощь не требуется?

Она думала, что Поярков раскланяется: «Нет, нет, что вы, что вы? Вас Тимошка всегда слушается».

Здесь надо пояснить, что для успеха эксперимента важно убрать все раздражители, которые могли бы волновать животное. Зная привязанность Тимошки к Римме — она его всегда прикармливала, — Марк Миронович попросил ее о небольшом одолжении: если Тимошка почему-либо забеспокоится, то пусть Римма скажет ему пару ласковых слов, и он сразу же завилает хвостом.

Римма ждала, что ответит Поярков. Конечно, и он умеет успокаивать Тимошку, мог бы сейчас успокоить и ее, Римму, сказать, что ничего особенного не произошло и он извиняется за свои слова... А было это сегодня утром. Случайно зашел разговор о погибшем Петре. Серафим расслюнявился, утешать ее начал. А почему, спрашивается? Ничего между ней и Петром не было, замуж она за него выходить не собиралась. Мало ли кавалеров на свете, по каждому реветь — слез не хватит. Конечно, она удивилась — при чем тут Петро? — пожалала плечами и, чтобы Серафим ничего такого и не подумал, сказала, что к Петру она всегда была равнодушна и что он ей вовсе не нравился. Тут Серафим тоже вроде как удивился: ведь он часто видел их вместе, да и Петро говорил, что влюблен. Пришлось сказать, что не только Петро был влюблен — надо же как-то повисить себе цену в глазах Серафима, — но сердце ее свободно. Тут этот мальчик (а Римма всех знакомых мужчин, даже тридцатилетнего возраста, иначе и не называла) попросту схамил: «Откуда у вас сердце?» — сказал он, махнул рукой и ушел.

Вот и сейчас хамит. Перед ним стоит самая красивая в институте девушка, а он ее не замечает. Глядит как на пустое место.

Римма обозлилась, взяла оставленный Поярковым

микрофон и, механически повторяя Тимошке ласковые слова, ждала, что Серафим обратит на нее внимание. Пес, непривычный к людской лести, больше воспринимал не слова, а интонацию, заерзал, завертелся, и Марк Миронович был вынужден прервать Римму:

— Что-то у вас сегодня не получается, девушка. Смотрите, — привычным жестом показал он на цветные линии. — Тимошка волнуется. Эдак из нормального пса вы сделаете Яшку-гипертоника. Серафим Михайлович, прошу вас, возьмите микрофон на минутку. Скоро мы опять должны проверять перегрузку.

Римма равнодушно отдала микрофон. На языке вертелась эффектная фраза: «Пожалуйста, говорите, Серафим Михайлович. Будь ласка! Вы краще балакаете с собаками, чем с людьми». Впрочем, зачем себе врага наживать? Очень нужно! Да и нет в нем никакого интереса. Подумаешь, ведущий конструктор! Толь Толич говорил, что его в статье здорово проработали. Могут и выгнать, дело обыкновенное.

Обиженно надув и без того пухлые губы, Римма подождала, пока Тимошка не успокоится, и ушла.

Борис Захарович с улыбкой посмотрел на ровные зубчики Тимошкиного пульса, на спокойные кривые всяких других показателей здоровья и вздохнул.

— Трогательная забота. Бережем Тимошкины нервы, проверяем давление. Эх, кабы такую заботу да о человеке, и не в космических пространствах, а на грешной земле... Вот вы, медицина, — обратился он к Марку Мироновичу, — что смотрите?

— Шутить изволите, Борис Захарович. Если хотите знать мое мнение, то это уже стариковское брюзжание. Есть и поликлиники, и больницы, и медпункты. А для вашего брата ученого и специальная диспансеризация. Зовете вы или не зовете, врач к вам все равно приходит.

— А как же? Приходит знающий старикан. Давлением интересуется. — Дерябин лукаво прищурился в сторону Пояркова. — Посмотрит на стрелочку: все как будто нормально. Через неделю опять является, и вдруг стрелочка показывает, что с давлением плоховато. Тут он спрашивает: «Скажите, пожалуйста, Борис Захарович, за эту неделю вас в каком-нибудь журнальчике не обругали?» — «Нет, — говорю, — бог миловал». — «А на собрании вас кто-нибудь прорабатывал?» — «За что же? — интересуюсь. — Мне давно уж седьмой десяток пошел. Воровать не воровал, физиономию нико-

му не бил, хлеб задаром не ем, тружусь с малолетства. Чего же меня прорабатывать? Перетрутился, — говорю, — наверное, годы не те». — «Может быть, — усомнится старик, — но я же вас всех знаю. От работы ваш брат болеет редко, чаще всего от проработки. До инфаркта дело доходит».

— Опять Борис Захарович пугает народ кислородным голоданием? — весело спросил Набатников.

Он только что вошел, мешковатый, грузный и довольный. В Москве утвердили план испытаний «Униона», причем посоветовали это дело не откладывать.

— Нет, товарищ директор, — улыбаясь в усы, возразил Дерябин. — Мы говорим о чистом воздухе вообще.

Поярков придвинул Набатникову легкий металлический стул.

— Посидите с нами минутку. Я не могу понять, как в нашей среде иной раз создается такая тяжелая атмосфера, что уже думаешь о кислородной подушке. Конец твой пришел.

— Сквозняки надо почаще устраивать. — Афанасий Гаврилович откинулся на спинку стула и спросил: — А что по этому поводу думает Марк Миронович?

— В нашем институте надо постоянно держать открытыми окна и двери. И не только для проветривания, а чтобы все видели, какой чепухой мы там занимаемся. Но, к сожалению, у нас для всех, даже никчемных, ученых создан шадящий режим.

Серафим Михайлович с шумом отодвинул стул и встал, облокотившись на пульт.

— Наивнейший вы человек, Марк Миронович. Вы думаете, что сразу определишь, чепуха это или чистая наука? Ведь на этом прожженные дельцы жизнь свою строят. Даже в технике, где все, как говорится, на виду, такого можно туману напустить, что и дороги не найдешь.

Набатников привлек к себе Серафима Михайловича и усадил рядом.

— Да не туман это был. Успокойся. Простая дымовая шашка. Так сказать, местного значения.

— Местного? — резко переспросил Поярков. — Но если именно в этом месте вся моя жизнь, мысли, работа? А кроме того, дым едкий, он проникает всюду. Вы помните, как-то давно меня попросили написать брошюрку о новых типах летательных аппаратов? Согласился сдуру и по неопытности не застраховался: не прикрылся

видными именами. Знаете, как это у нас делается во многих популярных книжках: приношу, мол, глубокую благодарность за помощь в работе над книгой академику такому-то, члену-корреспонденту, доктору, кандидату... В общем, поминание за здравие, согласно званию. Другую ошибку сделал, кого-то там позабыл, кого-то не в том месте упомянул. Кто-то обиделся, кто-то заметил недооценку чьей-то роли в развитии современной авиации, обратил внимание на поспешные суждения насчет конвертоплана и еще какой-то новой конструкции. А главное, почему автор не сказал о будущем новых материалов? Хлоп, и по поводу моей несчастной брошюры появляется разносная статья. Автор перечислил все ее грехи и в заключение обвинил меня в скудости воображения. Он возмущается: как это можно в эпоху завоевания космических пространств писать о турбовинтовых самолетах, о каких-то дирижаблях, когда все мысли человечества находятся далеко за пределами солнечной системы? Статья, конечно, спекулятивная, но автор выразил свое мнение, и это его право. Однако дело не в статье, а в ее последствиях. Засуетились мелкие перестраховщики, и разные беды посыпались на мою голову. Из научного журнала возвратили уже принятую к печати работу, сослались на отсутствие места. Потом я получил письмо, что мой доклад в научном обществе переносится на осень.

— Совпадение, — успокоил Набатников. — Это уже твоя мнительность, Серафим.

— Мнительность? Хорошо. Чем же тогда объяснить, что на открытом партийном собрании какой-то аспирант, всю жизнь состоявший холуем у академика, потребовал обсудить выступление общественности по поводу антинаучной брошюры инженера Пояркова и поставить вопрос о его пребывании на посту руководителя конструкторской группы? Мнительность? Даже товарищ Медоваров, как известно, не числящийся в первых гениях человечества, размахивал этой статьей и упрекал в том, что я не сделал для себя выводов из выступлений общественности. До коих же пор всякие пошляки будут этим пользоваться: «Общественность осудила». А?

— Вот тебе, Борис, еще один пример спекуляции, — напомнил Набатников. — Тут и доказательств не требуется.

Видно было, что все пережитое волновало Пояркова. Врач уже с укоризной посматривал на Дерябина: ведь

он начал этот разговор. Поярков не спал несколько ночей, возбужден, измотан.

— Но в конце концов правда восторжествовала, — успокоительно напомнил Борис Захарович. — Все обошлось.

Поярков нервно закурил и, потрясая спичечной коробкой, заговорил вновь:

— Дорогой Борис Захарович. Я не мечтатель, не фантазер. Но думаю я как о несбыточном, что настанет время, когда нам, людям, что-то умеющим создавать в технике, науке, искусстве, придется испытывать лишь муки творения. Я хочу, чтобы с каждым годом нам было все труднее и труднее, но труднее за чертежной доской, в лаборатории, за письменным столом. Нам государство все дало, только работай. Мы же теряем силы на преодоление всяких искусственных препятствий: на борьбу с завистниками, карьеристами, спекулянтами. Я же знаю по себе. Просидишь весь день над чертежами — чувствуешь себя прекрасно, а поговоришь с Толь Толичем, как это было перед отправкой «Униона», — прямо хоть «Скорую помощь» вызывай.

Конечно, Поярков во многом прав, Набатников с ним согласен. Иной раз следовало бы избежать и крупного разговора, и не давать воли аскольдикам, если дело касается здоровья и творческой активности людей вроде того же Серафима. Ведь это же не по-хозяйски. А самое главное, надо до конца вскрывать, откуда тянутся нити всяких злостных «проработок» и кому это выгодно?

Афанасий Гаврилович мог бы поделиться и фактами и наблюдениями, но опять-таки «по-хозяйски» надо разрядить атмосферу. Серафим натерпелся, это его больная тема — не лучше ли спустить ее пока на тормозах? Ничего не поделаешь — бережное отношение к человеку.

И Афанасий Гаврилович с шутливым негодованием обратился к представителю медицины:

— Действительно, чепухой вы занимаетесь, Марк Миронович, в своем институте широкого профиля. Предлагаю актуальнейшую тему. За время войны, да и за последние годы, мы немножко, как говорится, поизносились. По-вашему, тут виновата сердечно-сосудистая система. Лечить ее трудно, легче всего оберегать. Каким путем? Ну, допустим, в служебных кабинетах поставим специальные аппараты-ограничители. Приглашаю я Серафима для серьезного разговора. Усаживаю в кресло, в которое вделаны приборы для измерения давления,

пульса. Я тоже сижу в таком же «кресле чуткости». Идет вежливый разговор. Серафим и я спокойны, давление, пульс — все в порядке, и на аппарате горят две зеленые лампочки. В общем, как на светофоре: путь открыт, можешь высказывать Серафиму мало приятные для него вещи. Проходят минуты, он начинает нервничать, давление повышается, пульс частит. На аппарате загорается другой сигнал, желтый. Внимание, дескать, поосторожней! А я еще не выговорился, угрожаю: поставим, мол, вопрос перед вышестоящими органами, привлечем общественность... Вдруг вспыхивает красная лампочка. Стоп-сигнал! Тормози, дорогой товарищ! Я, конечно, сбавляю басок, но Серафим уже разъярился, начинает меня крестить бюрократором, консерватором. Говорит, что я душитель изобретательской мысли...

— Да что это вы, Афанасий Гаврилович? — взмолился Поярков. — Разве я похож на Литовцева?

— Не похож. Тот гораздо тоньше действует. Так вот, — продолжал Набатников. — Я ведь тоже человек, меня возмущает дикая несправедливость изобретателя Пояркова... Он замечает это по вспыхнувшему желтому глазку, извиняется... Я успокаиваюсь и предлагаю закурить...

— Стоп! — вмешался Марк Миронович. — Запрещаю! При повышении давления курить противопоказано. Да и вообще пора бы отказаться от этой дикой привычки.

— Хорошо, придумаем что-нибудь другое. Помните мечту Маяковского? «Выбрать день самый синий, и чтоб на улицах улыбающиеся милиционеры всем в этот день раздавали апельсины»?

Все это были забавные шутки, люди отдыхали после напряженного труда и волнений. Только Медоварову сейчас не до шуток. Он звонил дежурному в НИИАП, чтобы узнать, не пришел ли приказ о назначении нового директора. И здесь Толь Толич мог надеяться на своего благодетеля. Литовцев обещал похлопотать через друзей, чтобы директором НИИАПа оказался «свой человек», который никогда не обидит Толь Толича.

Дежурный по институту ответил, что никакой почты из Москвы не было.

— А звонки? — нетерпеливо спросил Толь Толич.

— Кто-то спрашивал...

— Из Москвы?

— Нет, из райцентра. Слышно было плохо. Некий

чудак просил прекратить испытания. Я не в курсе, какой мы заказ посылали в Грузию? Но я выяснил, что тот, кто звонил, не может являться представителем заказчика.

— Мы получаем заказы через управление. Какая-то ошибка.

— Я тоже так полагаю. Но он называл Дерябина. Вообще же думаю, что это мистификация. Ругал нас бюрократами, говорит, что где-то человек замерзает.

— Один человек? Вы это точно помните?

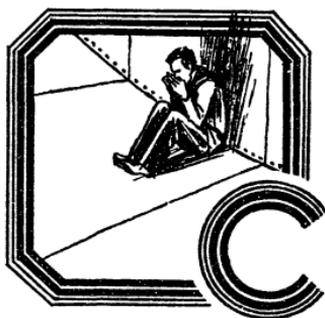
— Абсолютно. Я посоветовал обратиться в местную горноспасательную станцию. Мы же здесь ни при чем?

— Правильно. Мало ли кто мог звонить. Надеюсь, вы не дали ему адреса нашей экспедиции?.. Вот именно, золотко... должна быть бдительность. Вообще это не телефонный разговор, но, сами понимаете... Никому. Товарищи потом разберутся.

Медоваров глушил в себе всякие сомнения, что неожиданный звонок может быть связан с людьми в «Унионе». Замерзает один человек, а куда же другой делся?

Все эти оправдания для успокоения совести необходимы были Толь Толичу, чтобы не думать о последствиях, если вдруг придется спустить «Унион» на землю. Валентин Игнатьевич этого никогда не простит. К тому же все шансы за то, что в «Унионе» никого нет. Прав дежурный. Конечно, мистификация. Так-то оно спокойнее.

Толь Толич снял свою шапочку и вытер ею вспотевший лоб.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Здесь автор рассказывает о дальнейших неприятностях в «Унионе» и пользуется случаем напомнить читателю, что все произошло из-за испорченных аккумуляторов. Неужели мы так и не найдем виновника? И что это — ошибка или злой умысел?

Судя по всему, проверка действия ускорения на живые организмы закончилась вполне благополучно. Даже такой высокоорганизованный и чувствительный организм, как Яшка-гипертоник, когда были отпущены ремни, нащупал губами у себя в прозрачном колпаке питательную трубку и с удовольствием зачмокал.

Хоть этого и не слышал Тимофей, но видеть, как обезьяна наслаждается каким-нибудь апельсиновым соком или крепким бульоном, было выше его сил.

Никаких особых неприятностей в момент ускорения он не почувствовал, вероятно, потому, что правильно лег, по Яшкиному примеру.

Диск летел уже по инерции. Бабкин решил пройти обратно в кабину. Там все же теплее, можно хоть аккумулятор нагреть. Смекалка подсказала, что если один аккумулятор подключить к нескольким, то от перезарядки он будет нагреваться. Один взять можно, работа радиостанций и приборов не нарушится.

Так Бабкин и сделал. Пластмассовая банка, стойкая к высокой температуре, нагревалась как маленькая печка. Он жадно прильнул к ней, скользя по стенкам очеченными руками. Кажется, что и в кабине потеплело. Но это только кажется, будто сидишь в ванне и тело твоё согревают ласковые, теплые струи.

Сквозь толстое стекло, чуть запорошенное инеем, видит он ослепительно белое море облаков. По ним скользит радужная тень диска.

Звонкий, сухой треск на щите у приборов. Что же могло случиться? Непослушными деревянными ногами приближается он к щиту. Лопнула стеклянная трубка, из нее вытекает какая-то жидкость. Еще минута — и прибор перестанет работать.

Надо скорее закрыть трещину. Но обмороженные пальцы не повинуются Тимофею. Он дышит на них, чувствует запах спирта, вытекающего из трубки, быстро растирает им руки и зажимает трещину в стекле.

Уже ни одна капля не сочится. В мертвой хватке пальцы застыли на трубке.

Знал бы Тимофей, что за трубку он держит в распухшей, покрасневшей руке! От нее зависит работа всех ловителей Набатникова. По тонким металлическим шлангам в камеры, соединенные с ловителями, подавались пары какой-то незамерзающей жидкости. В момент падения Багрецова от удара каблукон был поврежден основной распределительный шланг. Он сплюснулся, давление в нем повысилось, отчего контрольная стеклянная трубка внутри кабины не выдержала и лопнула.

Во всяком случае, это объяснение наиболее правдоподобно, хотя у специалистов могут быть и возражения. Но дело в том, что Бабкину сейчас объяснения не требовались. Новых аппаратов Набатникова он не видел.

Да и вообще, не все ли равно, какой прибор испортился? Тут лишних нет.

С поднятой рукой он стоит, окаменевший, не зная, сколько времени это можно выдержать. Пальцы слабеют, капли просачиваются опять, бегут по заиндевевшей трубке.

Надо стянуть ее крепко-накрепко. Но чем? В кармане ничего подходящего нет, кроме маленького конденсатора, трубочки, залитой с обеих сторон битумом. Надо его расплавить. Аккумулятор можно замкнуть проводом, обмотанным вокруг конденсатора. Провод нагревается, черной струйкой течет битум. Пока он не застыл, Тимофей спешит залить стекло, потом вырывает из книжки листок, крепко обматывает трубку и снова заливает расплавленной массой. Надежный пластырь, теперь уже ни одна капля не просочится.

Испытывая что-то вроде удовлетворения, как всегда от законченной работы, Тимофей положил ноги на теплый аккумулятор. Немножко отогревшись, он опять замотал их остатками рубашки и подбежал к окошку.

Трудно понять, на какой высоте он сейчас находится, но такого в жизни он еще никогда не видел! Погода на редкость ясна. Каспийское море блестит, словно вырезанное из жести, со всеми своими заливами. Рядом так же аккуратно вырисовывается Черное море.

А вот и Крымский полуостров, он выглядит не больше пятачка. Как серебряные елочные нитки, Волга, Дон, Днепр теряются в лиловой мгле. Бабкину кажется, что видит он всю южную часть страны. Огромные черные пятна лежат на земле — это тени облаков. Сейчас в Ростовской области пасмурная погода, такая же и около Батуми. А горы — как засохшая глина на проселке.

Опять включаются двигатели. Диск в стремительном полете поднимается вверх. Тело отяжелело, стало чугунным, трудно поднять руку, оторвать ногу от пола. Но вот и это прошло.

Наклонившись над зеркальным люком, Тимофей смотрит на землю, подернутую туманом, где только два серебряных моря скупо просвечивают сквозь дымчатую синеву.

Настало время передачи. Еле шевеля обожженными и замерзшими пальцами, он поворачивает ручку настройки. Странные и непонятные сигналы пищат на разные голоса. Сквозь них слышатся трески включаемых и

выключаемых реле, гудение моторов. Видимо, сейчас работают несколько передатчиков.

Мучительно хотелось пить. Невозможно было пошевелить языком, словно весь рот наполнился горячим песком.

Тимофей нашел Димкину книжку, записал наблюдения и закрыл глаза. Димка стоял как живой, размахивал руками и что-то беззвучно говорил... А вдруг он разбился? Почему до сих пор не прекращаются испытания?

...Знакомое с детства жужжание послышалось над самым ухом. Бабкин невольно отмахнулся. На книжку упала пчела, самая обыкновенная земная пчела с желтым полосатым брюшком, и, неуклюже перебирая лапками, поползла. Он смотрел на ее трепещущие слюдяные крылышки, на мохнатые лапки, боялся пошевелиться, чтоб не спугнуть. Здесь беспомощны и человек, и мышь, которую он недавно видел, и пчела. У них у всех одна судьба.

Окошко покрылось густым слоем инея. Осторожно, чтоб не потревожить пчелу, опустив на пол записную книжку, Тимофей слизывает со стекла снежную пыль.

«Унион» набирает высоту. Давно уже позади остался плотный воздух тропосферы, пересечена граница стратосферы, и сейчас он летит в безвоздушном пространстве на высоте около сотни километров. Бабкин не включает приемника. Но что за странности? На высоте в восемьдесят километров было холодно, а потом опять потеплело. Но тепла этого он не чувствует, здесь же почти нет воздуха. Ну да, конечно, как же он позабыл об этом? Ведь существуют и теплые пояса, и слой озона, который нагревается солнцем.

Он смотрит на Землю и не может от нее оторваться. Далекие-далекие облака, а у самой их кромки выступает Земля. Именно «выступает», потому что с этой высоты она действительно кажется шарообразной. Горизонт обрывается сразу, пропадая в лиловой глубине. Кажется, это и есть «край земли», шагнешь, оступишься — и полетишь в космос.

И вдруг земной шар завертелся, как глобус. Поплыли моря, закачались горы. Тимофей зажмурился, вновь открыл глаза и никак не может понять, что же с ним происходит? Ослабел? Кружится голова? Нет. А вот и все прошло. Земля лениво останавливается, вроде карусели, когда выключается мотор.

Эти странные явления повторялись уже несколько раз, и Тимофей мучился, думая, что наступают галлюцинации, что скоро он потеряет сознание. С Димкой, наверное, беда, он мог бы уже предупредить.

Тимофей сунул замерзшую руку под пиджак и во внутреннем кармане нащупал трубочку индикатора радиоактивности. Приходилось работать с изотопами, вот и остался в кармане этот контрольный прибор. Он показывал довольно значительное радиоизлучение... Наверное, космические лучи. Это уже новая опасность, о которой Тимофей раньше не думал.

Как передать вниз, что здесь человек? Тут радиостанции, работающие на множестве каналов. На Земле известно, тепло здесь или холодно, как светит солнышко, как себя чувствует Яшка-гипертоник, не повысилось ли у него давление от нервных переживаний? Врачи выслушивают обезьянье сердечко, проверяют пульс. Им все известно, кроме того, что здесь погибает человек.

Мысль работала торопливо, лихорадочно. Как бы подобраться к Яшкиному микрофону, что спрятан у него под сердцем? Невозможно. Стекло не разобьешь даже молотком, да и пройти в четвертый сектор сейчас труднее: холод нестерпимый.

Где бы достать микрофон? Ведь от всех камер этого сектора провода тянутся к радиостанциям, сюда, в центральную кабину. Можно было бы подключиться.

— Пей молоко, Яшка, — опять послышалось из приемника. — Да не торопись, не торопись. Захлебнешься.

«Итак, Яшка завтракает», — позавидовал Тимофей, вспомнив, что видел соску внутри прозрачного Яшкиного шлема. Громкоговоритель подбадривал, слышались аппетитные Яшкины причмокивания, и все это было похоже на издевательство.

Тимофей протянул руку к приемнику — хотел выключить, но рука остановилась на полдороге. Так вот чем можно заменить микрофон: громкоговорителем. Еще в радиолюбительские годы Бабкин это пробовал, надо только подвести проводнички.

Когда это было, чтобы у Тимофея не болтались в кармане мотки проводов, отвертки, плоскогубцы, всякая радиолюбительская снасть? Вот и сейчас он пошарил в кармане, достал то, что ему нужно, быстро снял нижнюю крышку приемника и прикрутил к выводным лепесткам громкоговорителя два тонких провода. Теперь на-

до 'было найти, куда их подсоединить. С трудом преодолевая слабость, Тимофей подобрался к радиостанции. Вот распределительный щиток, сюда подходят кабели от всех секторов диска. Верхний ряд от сектора метеоприборов, потом от аппаратов Набатникова... А вот самый нижний ряд, где написано «Сектор № 4».

Под крышкой, которую пришлось отвинчивать, были расположены нумерованные контакты, к ним подходили провода от разных камер. Бабкин нашел контакты от Яшкиной, двенадцатой камеры, но разве догадаешься, куда присоединить громкоговоритель? Где тут можно услышать Яшкино сердце?

Именно эти два контакта из многих других необходимы были Тимофею, потому что показания температуры, кровяного давления, пульса, анализ газообмена передаются для записи на ленту, а сердце, как думал Тимофей, обязательно выслушивается через репродуктор.

Поочередно присоединяя проводнички к контактным парам, Бабкин наконец услышал в своем маленьком репродукторе Яшкино сердцебиение. Даже ничего не понимая в медицине, можно было догадаться, что Яшка чувствует себя превосходно, — ровные, ритмичные толчки.

Как же поступить дальше? Мутилось сознание, а оно, как никогда, сейчас должно быть ясным... «Значит, так, — напрягая всю свою волю, размышлял Тимофей. — Надо проверить приемником, когда, после какой передачи включится Яшкино сердце». Пока слышны незнакомые сигналы. Звонкое бульканье, журчит ручеек... А это, конечно, сердце... Тук, тук, тук... Яшка жив-здоров. Скорее бы подключить репродуктор!

Не успел Тимофей сказать несколько слов, как диск снова вырвался в пустоту.

Тимофей что-то кричал, почти не слыша себя. Да не все ли равно, лишь бы поняли, что здесь человек. Он повторил это еще раз и еще, отсоединил концы и включил приемник. Сердце перестало стучать. Слышится веселый, заливистый лай Тимошки.

Но почему же диск не замедляет ход? Почему летит все быстрее и быстрее? Непонятно. Сигналы должны быть приняты обязательно.

Послышался треск, будто за спиной кто-то рвал полотно. Бабкин обернулся. Кварцевые трубки на щитке, связанные с уловителями Набатникова, загорелись фио-

летовым светом. Ярко вспыхнули толстостенные колбочки с жидкостями. А в одной из них, у самого потолка, задрожал многоцветно переливающийся огонек.

Бабкин растерялся. Сейчас все взорвется. Нет. Пустая тревога — видно, так и должно быть. Надо записать наблюдения: время, продолжительность свечения, характер реакции.

Карандаш падает из рук, темнеет в глазах. Страшное, непонятное ощущение, точно сверху льется на тебя расплавленный металл, ползут по телу жгучие струи.

Космические лучи? Они, как бумагу, пронизывают стенки кабины, впиваются в мозг смертельными иглами. Нет, не они. Наверное, вредные излучения.

У Тимофея были все основания именно так и думать. В каких-нибудь графитовых коробках расщепляются атомы вещества. Вредоносные излучения заполняют всю кабину. Тимофей беззащитен, он знает, что такое лучевая болезнь. Недаром даже ничтожные крохи изотопов, с которыми он имел дело в контрольных приборах, спрятаны в толстых свинцовых экранах. Недаром он носит в кармане индикатор радиации.

Вот он! Излучение выше всех допустимых норм! Далеко за красную черточку выскочил дрожащий лепесток.

Куда деваться? Открыть люк в кольцевой коридор? Но и там смертельные лучи. Тонкие металлические стены для них не преграда. Лучи пройдут, догонят и бросят тебя на жгучий от мороза пол.

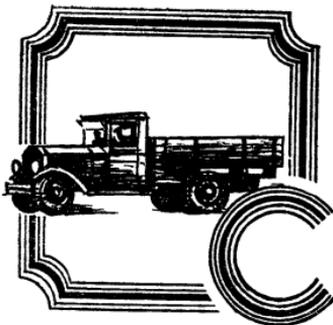
Выхода нет. Перед глазами огненные круги. Мелькает родное лицо. «Стеша, прости!» И думает он уже не о себе, а о ней, о горе ее, ни с чем не сравнимом. Где-то далеко, как огонек в ночи, теплится едва заметная надежда. Жить, жить... во что бы то ни стало! Лишь бы не погибнуть здесь, не увидевши Стешы и теплой земли.

Как остановить полет? Как выключить, прекратить подачу горючего к двигателям? А если отсоединить все аккумуляторы, что питают приборы управления? Все кончится тогда. Все замрет.

И вдруг он понял, что спасения нет. Остановишь двигатели — и диск, уже не поддерживаемый ничем, ринется вниз, ударится о плотный воздух, разобьется и сгорит.

Бабкин подползает к окошку. На стекле лежит мертвый мышонок, серый и без номера.

«Унион» продолжает свой полет...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Тут много событий, а кроме того, рассказывается о мальчиках, вытаскивающих кирпичи из нашего великого здания, и о настоящих людях, тех, кто поднялся на рекордную высоту мужества и долга.

Сейчас в ионосфере оказался молодой инженер Бабкин. И кроме здоровья, были у него другие, не менее ценные человеческие качества. Заслуги его в науке пока невелики, но, честное слово, этот случайный пассажир «Униона» не случайный человек на Земле.

Как он мог сообщить о себе? Записка в ботинке не помогла. Наверное, не нашли. Сигналы, переданные через фотоэлемент, не приняты. Осталось последнее — включить в линию, по которой передавалось биение Яшкиного сердечка, репродуктор от карманного приемника и крикнуть в него хоть несколько слов. Не было ведомо Бабкину, что врачам не требовалось выслушивать Яшкино сердце — его биение записывается на ленте так же, как и кровяное давление, и температура. А кроме того, Тимофей не знал, что подсоединился не только к одному каналу, а и к другому, по которому в этот момент передавался пульс. Вот и получилась совершенно неожиданная картина. Охрипший, слабый голос Тимофея записывался на ленте в виде дрожащих криков.

Перышки не смогли передать слов, однако упорно доказывали, что подопытный пациент — Яшка-гипертоник — серьезно заболел.

Но заболел не он, а Поярков. В самом деле, когда у тебя отбирают последнюю надежду, то вряд ли будешь хорошо себя чувствовать. Правда, на основании этого опыта нельзя еще ничего решить окончательно, но конструктор, истомленный неудачами и сопротивлением противников, был мнителен.

Единственным утешением он мог считать, что навсегда покинул «последний полустанок» — НИИАП. Здесь и воздух другой. Правда, все еще путается под ногами Медоваров, но после посадки «Униона» ему здесь делать будет нечего.

Это вполне закономерно. Впрочем, проживем — увидим.

Мы простились с обиженными сотрудниками НИИАПа, которые на другое утро после прилета в Ионосферный институт отправились восвояси. Простимся пока и с Аскольдиком. Он выпросил у Медоварова двухнедельный отпуск за свой счет и проследовал на отдых к морю.

— Точка, — сказал он на прощание. — В атмосфере культа личности Набатникова я дышать не могу. Я свободный человек. Точка.

Этой точкой закончилась бесславная командировка Аскольдика. Все его похождения, обычно начинающиеся на танцплощадках, представляли собой нечто вроде многоточия мушиных следов. Такова была основная деятельность борца за «свободного человека».

Впрочем, не стоило бы и вспоминать о нем, но перед самым отлетом Аскольдик сумел и здесь наследить. Правда, в несколько ином роде.

Медоваров искал случая, чтобы похвастаться самолетом-лабораторией НИИАПа, как она здорово оборудована и какими важными работами в ней занимаются. Не умея объясняться ни на одном иностранном языке и в то же время не желая прибегать к помощи переводчиков, он решил показать лабораторию польскому геофизику, который говорил по-русски не хуже самого Медоварова и мог сказать всякие лестные слова.

Во время осмотра лаборатории иностранному гостю представили сотрудников НИИАПа, в том числе и Аскольда Семенюка.

Выбрав подходящую минуту, Аскольдик подкараулил геофизика и, вроде как обращаясь к «международному мнению», высказал наболевшее: он говорил о том, что ему запретили издавать рукописный журнал «Голубая тишина». Жаловался на учебные программы. Почему в них не предусмотрено изучение известных в свое время поэтов-мистиков и символистов, а все часы отданы классикам и социалистическому реализму? Он, например, пишет стихи в духе Бодлера, а их почему-то не печатают, причем, так же, как и других «инакомыслящих» поэтов. Рассказал также, что попробовал перейти на сатиру, стал критиковать начальство в стенгазете. Сначала ничего — разрешили вывесить, а потом начальство обиделось и газету сняли. Все это совсем недавно произошло в самолете.

Аскольдик даже показал место, где висела злополучная «молния», просил весь разговор держать в тай-

не, хотя, кроме примитивной демагогической болтовни, в нем ничего не было.

Польский ученый считал себя другом Советского Союза, но ничего не понимал в политике, даже гордился этим, ставил науку превыше всего и ничем другим не интересовался. Слова обиженного советского студента поляку показались откровением, и, вспомнив кое-что из случайно услышанной передачи «Голоса Америки», гость захотел поговорить с Набатниковым и выяснить его отношение к затронутому вопросу.

Трудно определить причины странной в наши дни аполитичности польского ученого — ведь его народ столько перестрадал в минувшую войну. Но дело в том, что задолго до этих страшных лет он уехал в Швецию, где даже глубокие старики не могли бы припомнить, когда их страна воевала. Потом он вернулся в Варшаву, почти уже восстановленную, поехал в Женеву, где никогда не темнело небо от вражеских самолетов. Так и получилось, что за всю свою пятидесятилетнюю жизнь он не познал ни особых горестей, ни страха, он не видел смерти, обездоленных детей, что пережили его соотечественники.

Набатников пригласил геофизика к себе в кабинет и разлил по чашкам кофе.

— Боюсь, что я не смогу ответить на многие вопросы, — сказал он, садясь напротив гостя. — Вы интересуетесь атмосферной оптикой? Ведь, по существу, нам только сейчас утвердили программу испытаний «Униона». Это внеплановая, так сказать, инициативная работа, и о ней пока не будут писать.

— У вас не обо всем пишут, пан Набатников. Почему?

Прихлебывая с ложечки кофе, человек, проживший большую жизнь в науке, но далекий от окружающей его действительности, смотрел на Афанасия Гавриловича и ждал ответа, вовсе не касающегося ни атмосферной оптики, ни геофизики вообще.

Набатников это понимал и чувствовал, что все равно, кто бы ни сидел сейчас перед ним — друг или враг, — надо разъяснить ему многое, причем откровенно. Игра в прятки не в нашем характере.

— Я уточню этот, возможно несколько странный, вопрос, — откинувшись на спинку кресла, начал гость, и Набатников догадался, что здесь не простое любопытство. — У меня нет ни сына, ни дочери, но я очень люб-

лю молодежь. Она во всем мире одинакова. В той или иной степени ей присуще и фрондерство, и своеобразный нигилизм, отрицание многих традиций. Они хотят говорить громко о том, что им нравится или не нравится. У них свой вкус, и очень часто дурной. Но будем снисходительны. Дайте им свободу выражать свое мнение. Зачем связывать юношескую инициативу? Чего вы боитесь?

— Это не то слово, дорогой коллега. Мы не боимся, но подчас с тревогой поглядываем, как неразумные и нахальные мальчики, наслушавшись опытных демагогов, отрицают все, что нами завоевано и трудом и кровью. Тут болтался у нас один такой молодец. Мы строим новое счастливое общество. Представьте себе огромное высокое сооружение, но построить его скоростными методами нельзя — каждый тащит вверх кирпичи. Один взял побольше, другой поменьше. Многие несли непосильную ношу, чтобы приблизить счастливые дни, надрывались и гибли — сердце отказывало. И вот когда здание уже почти готово, на самую его вершину, ничем не обремененные, избегают некие молодцы и, подбадриваемые чужими голосами тунеядцев и врагов, пробуют сбрасывать вниз кирпич за кирпичом.

— Станный пример, пан Набатников. Но чем они оправдывают это нелепое разрушение?

— Ошибками строителей. Ошибки были, и мы их не скрываем. Но в том-то и дело, что по молодости лет и общей ограниченности эти мальчики могли видеть совсем немного: чуть перекосившийся кирпич, выщерблинку, застывшую струйку раствора. И, вместо того чтобы устранить это руками мастера, они готовы орудовать ломом. Нашлись и другие молодцы, эстеты, им, видите ли, не нравится оттенок облицовки. Долой ее! А иные демагоги знали лишь одно: что среди строителей предпоследних этажей оказались люди, которые хоть и много сделали для стройки, но, как потом выяснилось, пользовались не очень гуманными методами. Значит, надо повытаскивать все кирпичи, что заложены в прошлые годы? Нашлись и доморощенные теоретики, они уже подбирались к фундаменту — поковырять его ломиком, вытащить один кирпичик, другой, чтобы посмотреть: а все ли там, внизу, благополучно? Зря стараются! Наш дом стоит на прочнейшем фундаменте коммунистических идей и будет стоять вечно.

— Мне нравится ваша убежденность, пан Набатников...

— Дорогой коллега, это не только моя убежденность.

Неизвестно, как воспринял польский коллега слова Набатникова, но вскоре он опять вернулся к этому вопросу, а потом уже в свободную минуту стал обсуждать его с датчанином и венгром, которых не менее других волновали проблемы воспитания. Да это и понятно.

В связи с реорганизацией НИИАПа и передачей его в республиканское подчинение Набатникову звонили из Киева: «Кого бы вы, Афанасий Гаврилович, рекомендовали директором? Вы же непосредственно связаны с этим институтом. Мы собираемся расширить его производственную базу и совершенно изменить профиль работы. Посоветуйте, Афанасий Гаврилович».

И, ярый враг всяких протекций, использования родственных и дружеских связей, профессор Набатников с чистым сердцем посоветовал назначить директором НИИАПа своего друга — инженера Дерябина. «Не пожалееете».

Афанасия Гавриловича попросили переговорить с Дерябиным, о котором в Киеве много слышали, встречались с ним и были о нем самого лучшего мнения.

Борис Захарович отказался категорически:

— Не в мои годы, Афанасий. Да и способностей руководителя у меня нет. Сколько народа, и я их всех должен знать, чем они живут и что у каждого за душой. Характер у меня колючий, неуживчивый, не со всеми могу ладить.

— Зачем же со всеми? Это называется подлаживаться. Рабская привычка, отвратительная. Такой руководитель никому не нужен.

— Пусть другого подберут.

— Это не очень легко. Хочешь, чтобы остался Медоваров? Ведь свято место пусто не бывает.

— В том-то и дело, что место руководителя для меня действительно свято. А если не справлюсь? Ведь я народу должен смотреть в глаза. И потом, если говорить откровенно, зачем мне все это нужно?

— Спасибо за откровенность. Но уж если ты вспомнил о народе, то надо ставить вопрос правильно. Не тебе это нужно, а ему. Понял?

— Хорошо, я подумаю.

Не желая быть навязчивым — как-никак, а есть же у него мужское самолюбие, — Поярков не искал встречи с Ньюрой. Все равно это ни к чему не приведет, — как говорится, «насильно мил не будешь». Но какая-то глупая ревность к Багрецову все чаще и чаще заставляла сжиматься сердце. В самом деле, куда он исчез? Почему Ньюра должна мучиться? Дурной он человек, непорядочный, хотя Бабкин отзывался о нем хорошо. Но ведь дружба, как и любовь, часто бывает слепа. Кто знает, не прав ли в данном случае Медоваров? Он всерьез недолюбливает Багрецова и говорит, что это «тот мальчик».

А Медоваров чувствовал себя хозяином положения. Выбрасывая вперед маленькие ножки и постоянно прихлопывая спадающую шапочку, он бегал по всем этажам, делал вид, что все его интересует, хотя, кроме восхищения «космической броней», никто от него ничего не слышал.

— Признайтесь, Серафим Михайлович, — вкрадчиво начал он, останавливаясь возле линии контрольных самописцев, где отмечались технические показатели некоторых узлов «Униона», — довольны вы нашими иллюминаторами? Смотрите, какой мороз выдерживают!

— Нужны более длительные испытания, — сухо отозвался Поярков. — И на больших высотах.

— Теперь уже немного осталось, Серафим Михайлович.

Вошел Дерябин, сказал, что Медоварова вызывает дежурный по НИИАПу. Толь Толич недовольно поморщился и побежал на переговорный пункт. Впрочем, это, наверное, насчет приказа о новом начальнике.

На переговорном пункте Толь Толич встретил Набатникова. Он заказал Москву и, в ожидании, когда освободится нужный телефон, рассматривал бумажную ленту с записью вредных излучений, которые неожиданно появились внутри центральной кабины. Как они просочились туда из ловителей? Ведь была предусмотрена полная защита внутренних приборов. Правда, что-то странное случилось с давлением жидкости: то оно резко повысилось, то упало ниже нормы.

Разве мог подумать Набатников, что виной тому лопнувшая трубка, которую Тимофей все же исправил, но часть жидкости успела вытечь?

Разговаривать в присутствии Набатникова Медоварову не хотелось, тем более что все слышно через репродуктор, но ведь хозяина не выгонишь, это не частный

разговор, а служебный, и Набатникову даже в голову не придет оставить Толь Толича одного. Вежливость здесь ни при чем.

Он придвинул к себе микрофон.

— Медоваров слушает.

— Извините за беспокойство, Анатолий Анатольевич, — как бы оправдываясь, начал дежурный. — Обязан сообщить. Звонили из Голубевского сельсовета. Найден ботинок с запиской. В «Унионе» остались двое. Подпись неразборчива.

Толь Толич стукнул кулаком по столу.

— Что за глупые шутки?

— Я обязан доложить, товарищ начальник, — обиженно заметил дежурный. — Но если сопоставить это с другим звонком...

— От вас этого не требуется, — быстро прервал его Медоваров, боясь, что дежурный выболтает нежелательное. — Других новостей нет? До свидания. — И, повернувшись к Набатникову, развел руками: — Слыхали, Афанасий Гаврилович? Но кому нужны эти подлые шутки?

— Потом разберемся. А сейчас — на посадку.

— Что вы, Афанасий Гаврилович! Абсолютный вздор. Я сам осматривал кабину и все печати.

Но Афанасий Гаврилович уже шагал по коридору.

— На посадку, — сказал он Дерябину, торопливо входя в зал пункта радиуправления. — У тебя все готово, Борис?

Борис Захарович узнал, чем вызвано столь срочное приказание, и молча подошел к пульту, где многоцветной россыпью светились контрольные глазки. За огромным окном, от пола до самого потолка, открывалось широкое поле ракетодрома, куда нужно было посадить «Унион».

— Неужели поздно? — нахмурившись, сказал Дерябин, нервно протирая очки.

По самолетной посадочной площадке мчалась полупортка. За ней бежали, кто-то размахивал флажком. Все напрасно. Но вот машина развернулась, на мгновение наклонившись левым бортом, и резко затормозила у главного здания.

В кабине сразу же открылись две дверцы. Выскочили водитель и оборванный, с перевязанной головой Багрецов. Прихрамывая, подбежал он к вышедшему ему на-

встречу Набатникову и, не в силах произнести ни слова, поднял руку к небу.

Афанасий Гаврилович усадил Вадима на скамейку и, понимая, что сейчас не до расспросов, поспешил к Дерябину.

Пока не пришел врач, Нюра хлопотала возле Вадима, поправляла повязку, осматривала его, отряхивала и не знала, что делать. Он отвертывался, чтобы скрыть слезы. Неужели Тимка погиб?

Микола Горобец, он же случайный водитель полторки, беспокожно ходил возле человека, летающего без крыльев, за которым он ездил в горы. Когда Багрецов узнал, что в НИИАПе ничего толком добиться не удалось, он попросил Миколу хоть как-нибудь связаться с Набатниковым. Для Миколы это было проще простого, ведь институт совсем неподалеку. Можно доехать за полчаса.

— Где вы там были в кабине? — спросила Нюра, забинтовывая руку Вадима. — Почему остались?

— Аккумуляторы... Замыкание...

Ничего больше Нюра уже не спрашивала.

Подбежал Медоваров и сразу же набросился на Багрецова:

— Оправдываетесь? При чем тут аккумуляторы? Да кто вам разрешил? Из-за вас сорваны испытания.

Нюра умоляюще посмотрела на Медоварова:

— Анатолий Анатольевич, дайте же человеку опомниться. Он не виноват. Могла быть авария.

— Кто ставил аккумуляторы? Кто проверял?

Нюра коротко ответила:

— Я.

— Ну что ж, — скривив губы, усмехнулся Толь Толич, — выясним. Посоветуемся коллегиально. — И, неодобрительно покачав головой, исчез.

Торопясь к Дерябину, Серафим Михайлович на минутку задержался возле Багрецова, сказал ему несколько успокаивающих слов, стараясь не смотреть на ласковые Нюрины руки, что гладят его по лицу и нежно обнимают... Нет, никогда и ничего Поярков не спросит о Нюре. Да и зачем, когда многое становится понятным.

Стыдясь своего эгоизма, он побежал к Дерябину. Разве можно думать о чем-то личном и постороннем, когда надо спасти человека.

Строгий и сосредоточенный стоит у пульта Борис Захарович. Ведь сейчас от его искусства зависит не толь-

ко целость изумительной конструкции, но, возможно, и жизнь человека, если он не погиб раньше.

В таких условиях трудно быть спокойным.

На пульте одна за одной вспыхивают цветные лампочки. Это значит, что телемеханические устройства «Униона» готовы принимать команду.

Вращающееся зеркало радиолокатора уставилось в зенит. На темном экране рядом с пультом управления светится голубая жемчужина.

Больше всего беспокоило Бориса Захаровича, что неожиданно проникшие в центральную кабину вредные излучения в какой-то мере могли повлиять и на человека и на приборы, которые будут нечетко принимать команды с Земли.

Дерябин легко придавил красную кнопку. Вспыхнула сигнальная лампочка, показывая, что там, наверху, команда принята. Жемчужина на экране чуть заметно сползла вниз.

Пока еще работают двигатели. Но вот «Унион» приближается к более плотным слоям атмосферы. По приказу Дерябина стягивающие рычаги уменьшают объем диска, и он быстро начинает снижаться.

Радиолокатор не выпускает его из поля зрения. По масштабной сетке определяется высота.

— Двадцать тысяч метров, — Дерябин вытирает пот, вздыхает. — Далеко еще.

Успокаивает лишь одно — диск покорно слушается команды. Значит, радиация не повредила приборов, да и, судя по контрольной ленте, она быстро угасла. Сейчас в кабине ее почти нет.

Из окна видно, как в ярком синем небе появляется серебряная точка. Борис Захарович включает двигатели и, управляя газовыми рулями с помощью штурвала, как у самолета, ведет «Унион» на посадку.

Точка постепенно растет. Уже можно рассмотреть блестящую паутинку, что тянется за диском. Это трос, выпущенный без сигнала с Земли.

Все сотрудники Ионосферного института, все наши и иностранные гости выбегают на балконы, раскрывают окна, чтобы лучше видеть, как опускается на Землю «Унион».

Сверкающий на солнце диск, похожий на барометрическую коробку, словно отдыхая после трудного пути, устало склонившись на один бок, лежал на мягкой тра-

ве. Оба люка, что вели в центральную кабину и кольцевой коридор, были покрыты ледяной коркой.

К диску подвезли трехъярусный самолетный трап и установили его возле центрального люка, который из-за огромных размеров всего этого сооружения оказался действительно высоко.

Первым бросился к трапу Вадим. За ним спешил рассерженный его поведением Марк Миронович.

Перескакивая через ступеньки, Багрецов поднялся к люку, скользил руками по обледеневшим запорам.

Горобец вытащил из-под сиденья машины гаечный ключ и, мигом взбежав по трапу-лестнице, стал откалывать лед. Вверх уже поднимались Набатников, Поярков и Марк Миронович. Внизу дожидались санитары с носилками. Пользуясь правом врача, Марк Миронович категорически отослал Багрецова. Возле лестницы Вадим бессильно опустил на траву, но подбежала Нюра и увела его в сторону.

Открыли люк. Он зиял как черная глубокая нора. Люди прошли туда и долго не показывались.

Нюра сохраняла внешнее спокойствие. Не менее других ее тревожила судьба Тимофея. Но и Димку жалко. Зубы стучат от волнения, бледный, еле сидит... Она вытерла кровь у него под глазом. Сильно исцарапался, раны заживут не скоро. Но самое мучительное, что она, Нюра, чувствовала себя виноватой и перед Димкой и перед Бабкиным. Не согласись она тогда с доводами Бориса Захаровича, что надо ставить ярцевские аккумуляторы, возможно, не было бы такой беды. Проклятые аккумуляторы, сколько горя они принесли!..

В темной дыре люка появился Набатников, он подерживал ноги Бабкина. Поярков и Марк Миронович несли Тимофея за плечи. Несли бережно, чтобы не задеть о борт люка.

Подбежал Вадим, увидел Тимкино посиневшее лицо с закрытыми глазами, распухшие болтающиеся руки. Спустили Тимофея вниз, положили на носилки, голова его соскользнула на землю.

— Не надо, потом, — прошептал он побелевшими губами, когда ему хотели подложить подушку. — Земля...

Он приоткрыл глаза, увидел Димку, потянулся к нему, но даже головы поднять не смог. Прижавшись щекой к горячей от солнца траве, жадно вдыхая запах земли, он чувствовал ее материнское тепло, живитель-

ный ток растекался по телу. Вот так бы и лежать, долго-долго, чтобы забыть навсегда холодное и черное небо... Земля. Родная земля...

Тимофея увезла санитарная машина. Сейчас она вернется за Вадимом. Надо поскорее отдать птицу-разведчика. Она лежит в кузове.

Несмотря на протесты Ньюры, Вадим, прихрамывая, подошел к грузовику, приподнял брезент и увидел там мальчика в школьной фуражке.

— Юрка?

Вадим не ошибся. Растрепанную птицу сторожил мальчуган — он и птицу нашел, и «дяденьку, упавшего с неба». Разве можно было удержаться от любопытства, чтобы не посмотреть на летающий корабль, откуда без всякого парашюта человек выпрыгнул? А кроме того, надо же узнать, что случилось с тем, кто там остался? И недолго думая, захватив из дома только фуражку, Юрка проскользнул в кузов. Хотелось еще раз увидеть смелого человека, которого Юрка нашел. И вовсе он не герой, про каких пишут в книжках, он самый обыкновенный. Настоящий герой не стал бы кричать, когда Юрка попробовал оторвать прилипшую к ране рубашку. Какой же он герой? Совсем непохож. И все-таки прыгнул вниз, чтобы спасти воздушный корабль и своего товарища. Да и сейчас за него страдает.

Вадим попросил Юрку вытащить птицу из кузова, и ее унесли в лабораторию.

Сидя рядом с Вадимом на скамейке, Юрка болтал ногами, говорил какие-то успокаивающие слова, а сам думал, что бы такое хорошее сделать для Багрецова. Часы подарить? Но у него уже есть. А не подарить ли тот золотистый осколок, что недавно нашел? До чего же здорово он горит на солнце, переливаясь огнями, прямо как драгоценный камень. Ребята говорят, что это стекло. Только они врут. Может быть, это какое-нибудь особенное вулканическое стекло? Сквозь него посмотришь на солнце и видишь радугу и много-много маленьких звездочек.

Юрка очень ценил этот осколок и чуть не каждую минуту вытаскивал его из кармана, чтобы полюбоваться. Он куда интереснее калейдоскопа. И вот с этим своим сокровищем Юрка решил расстаться.

— Возьмите, пожалуйста, — сказал он, протягивая Вадиму сверкающий осколок.

Ничего не понимая, Вадим рассеянно взял его.

— Спасибо. — И, чтобы не обидеть мальчика, спросил: — Где нашел?

— Там, — Юрка неопределенно махнул рукой. — Посмотрите насквозь.

Подбрасывая на руке осколок, Вадим заметил, что стекло покрыто особым слоем, характерным для мельчайшей мозаики телевизионных передающих трубок. Да ведь точно такая трубка была в орле-разведчике!

Подъехала санитарная машина, и Марк Миронович приказал положить Багрецова на носилки.

— Если хотите знать мое мнение, молодой человек, то это вам несколько не повредит.

Пришлось согласиться, но Вадим прежде всего попросил, чтобы чучело орла и осколок сразу же передали Борису Захаровичу.

— Потом я ему все расскажу.

Пока Багрецова укладывали в машину, Поярков отозвал Марка Мироновича в сторону.

— Как вы думаете, с Бабкиным серьезно? Обморозился, а главное — сильное облучение.

— Надеюсь, что облучение не очень повлияло. Он оказался предусмотрительным. Помните, где мы его нашли?

— Под аккумуляторным каркасом.

— Совершенно верно. Множество металлических пластин и масса сухого и жидкого электролита послужили отличным экраном. Вот что значит умелое сочетание теории и практики. Не то что у нас, на «полустанке».

— Последнем, Марк Миронович, последнем. Я слышал, что уже приказ готовится. Полная реорганизация.

Марк Миронович заторопился к машине, а Поярков пошел навстречу Набатникову. Шагая вдоль бетонной дорожки, тот перелистывал записную книжку с наблюдениями Бабкина.

— Важнейшие и точные детали. Молодец Тимофей, — заметив Пояркова еще издали, заговорил Афанасий Гаврилович. — Вот что значит видеть собственными глазами. — Он поднял голову и мечтательно поглядел в синеву. — Запряжем мы эту вечную, неиссякаемую... Ты знаешь, — он захлопнул книжку, — что космическая энергия сотворила в одном из уловителей?

И Набатников рассказал о том, как в его уловителе сконцентрировалась такая огромная энергия космических частиц, что превратила легкие ядра вещества в средние. Освободилась атомная энергия.

— Неужели вы все-таки надеетесь спустить эту энергию на землю? — удивленно спросил Поярков. — Откровенно говоря, я скрепя сердце пошел на ваши требования в перестройке «Униона». Столько места занято!

— Не зря, не зря, дорогой Серафим, — радостно хлопал его по плечу Афанасий Гаврилович. — А Бабкин-то, ведь он, наверное, поставил рекорд высоты для аппаратов легче воздуха. Двигатели включены были позже. Жаль, что не соблюдены формальности, а то бы могли этот рекорд зарегистрировать... Впрочем, не это главное. Ты понимаешь, каких огромных высот мужества и гражданского долга достигли эти ребята. Бесценный рекорд, самый высокий!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О колючих ветрах, ранимой душе и о том, как Нюра Мингалева делает еще одну ошибку. О жалостливости и точном расчете. А главное — о том, к чему может привести низкая зависть.

Поярков чувствовал себя абсолютно разбитым — сказалось напряжение последних дней. Растянувшись на траве, он прикрыл утомленные глаза.

Рекорды, смелость, мужество... Не каждому придется испытывать самолеты, спускаться на морское дно. Не каждому случается спасти тонущего, поймать врага на границе, рискуя жизнью, предупредить катастрофу или вообще сделать что-нибудь героическое. Бывает, доживешь до старости, а вспомнить нечего — никакой героики. Даже неизвестно, есть ли у тебя мужество. Как бы ты себя чувствовал на узкой тропинке при встрече с врагом?

И в то же время никто не скажет Пояркову, что он слизняк, трус. Сколько нужно смелости, чтобы наперекор противникам, равнодушным авторитетам, консерваторам и маловерам доказать ценность твоей конструкции и добиться ее постройки. Ведь таких ионосферных лабораторий никогда не существовало. Другие утверждают, что, наоборот, это вчерашний день. Да и сейчас борьба не закончена. Точно еще ничего не известно, но у некоторых существует опасение посылать «Унион» с

человеком. Конструкция экспериментальная, недостаточно проверенная, есть более надежные решения. Единственная надежда на опыт Бабкина. Он не один час пробыл в ионосфере, а это кое-что значит.

Послышался шелест травы. На ходу перелистывая страницы лабораторного журнала, куда-то торопилась Нюра.

Поярков приподнялся, окликнул ее. Нюра от неожиданности вздрогнула, увидела Серафима Михайловича и, замахав руками, как бы отгоняя от себя незримую опасность, убежала.

Лежа на спине, как бывало в детстве, когда он мог часами следить за плывущими облаками, Поярков видел сейчас над собой металлические ребра диска. Здесь все знакомо ему: каждый шов, каждая деталь. Все это было им продумано, выстрадано. И он уже победитель — «Унион» прошел самые важные испытания.

Но, оказавшись смелым и настойчивым в этой борьбе, Поярков потерпел жалкое поражение на пути к личному счастью, никак не связанному со сварными швами и заклепками. Он посмеивался, что в иных бесталанных опереттах и примитивных песенках влюбленный обязательно косноязычит и никак не может объясниться. Да разве так в жизни бывает? Но почему Нюра не ответила на его смелое признание? Почему нужно говорить с Багрецовым? Почему боится сказать сама? Все бы простил ей: любые ошибки, проступки, увлечения. Однако случается и непоправимое.

Подошел Набатников и, с тревогой заглянув в осунувшееся лицо Пояркова, сказал:

— Хотел я тебя, Серафим, в комиссию включить по проверке «Униона», но потом подумал: сами справятся.

— Правильно сделали, Афанасий Гаврилович. А то я опять со всеми переругаюсь.

— Ну и характерец! — вздохнул Набатников. — Несчастливая у тебя будет жена.

Поярков отвернулся.

— Не будет, Афанасий Гаврилович. Никогда.

Подобная категоричность несколько удивила Набатникова — тут что-то неспроста, — но сейчас некогда было вмешиваться в личные дела ведущего конструктора «Униона».

Враг всякой официальной науки, Набатников все же должен был создать комиссию для проверки технического состояния «Униона» после высотного полета.

В комиссию вошли инженеры, конструкторы двигателей, радисты и механики, врачи и биологи. Последние сразу же проскользнули в четвертый сектор, чтобы собственными глазами без всяких телевизоров посмотреть на своих питомцев.

Главный врач «Униона» Марк Миронович беспокоился за Яшку, но, как ни странно, несмотря на угрожающие сигналы, принятые по телеметрической системе, сердце его и общее состояние были весьма удовлетворительны. Придется провести дополнительные исследования.

Председателем комиссии был назначен один из самых видных специалистов по реактивным двигателям. Медоварова тоже ввели в комиссию. Набатников знал, что пользы он особой не принесет, но зачем же обижать человека?

Больше всего Толь Толич интересовался, как Багрецов и его дружок смогли проникнуть в кабину? Он уже допросил Багрецова и сейчас старался доказать, что приятели залезли в «Унион» уже после того, как им, Медоваровым, был произведен осмотр центральной кабины.

Так же как и перед отлетом, сейчас он осматривал не двигатели, не аппаратуру, а целостность пломб и печатей. С особым пристрастием обследовал он печать на двери кабины, откуда можно было бы управлять диском непосредственно, а не с земли. Наверное, мальчишки не нашли эту кабину, где при первых испытаниях обычно сидел летчик. Вообще все подозрительно. А вдруг они хотели перегнать «Унион» за границу? Откуда Багрецов достал орла-разведчика? Говорит, что снял с антенны диска. Чепуха! Разве туда доберешься?

Медоварова сопровождал Дерябин. Стенки туннелей были холодными. Они еще хранили в себе ледяное дыхание заоблачного мира. Хорошо, что Дерябин предусмотрительно надел пальто и шляпу. А Толь Толич храбрился, пошел в одной гимнастерке, с непокрытой головой. Возвращаться не хотелось, а потому, чтобы не замерзнуть, он должен был вихрем носиться в гулких морозных трубах.

— Ну, вот и все, — сказал он, отогревая дыханием озябшие пальцы. — Двигатели без нас осмотрят, зоосад меня не интересует. Да, да. Самое главное, вы еще не видели иллюминаторов Валентина Игнатьевича?

— Опять «космическая броня»? — недовольно пере-

спросил Дерябин. — Что вы к ней прицепились? Идите смотрите, а я узнаю, что там с аккумуляторами.

Медоваров сразу же выпрямился, лысиной коснулся ледяного потолка.

— Извините, уважаемый Борис Захарович, — потирая затылок, сурово проговорил он. — Тут вы не правомочны. Насчет аккумуляторов подождем, ибо центральная кабина опечатана по причине аварии с ними. Создадим специальную, так сказать, аварийную комиссию, выживим виновных... Доложим по инстанции. Все как полагается.

Борис Захарович понимал, что Медоваров прав, но творческое нетерпение, когда хочешь разгадать, в чем же причина неудачи, заставляло протестовать. При чем тут какая-то особая аварийная комиссия? Разве сами не разберемся?

Толь Толич быстренько добежал до люка, откуда, как из печного отдушника, так и дышало жаром, спустился по лестнице и, глядя снизу вверх на хмурого Дерябина, спросил будто ни в чем не бывало:

— Как вы думаете, Борис Захарович, кого мы можем ввести в комиссию по оценке испытаний «космической брони»? В исключительных условиях полета она как будто бы показала себя неплохо? Небольшая комиссия, рабочая. Ну, скажем, под председательством ведущего конструктора Серафима Михайловича. Потом вы, конечно, войдете...

— Не войду, потому что в пластмассах ни черта не смыслю. Да и к чему такая спешка?

— Должен прилететь оператор из студии научно-популярных фильмов. Они готовят специальный фильм.

Спустившись из люка, Борис Захарович отдышался и, крепко сжимая узловатыми пальцами ручку тяжелой трости, категорически заявил:

— До тех пор пока мы не проверим самое основное, то есть причину аварии, ни о каких других комиссиях не может быть и речи. А ваш оператор пусть подождет.

Видя, что старика не переубедишь, да и ссориться с ним невыгодно, Толь Толич миролюбиво согласился:

— Да я разве что говорю? Обязательно причину надо расследовать. Возможно, Афанасий Гаврилович поручит это дело нашей комиссии. Так сказать, в рабочем порядке. Потом протоколом оформим.

Набатников согласился, и уже через полчаса центральная кабина была тщательно осмотрена. Для выяс-

нения некоторых подробностей в кабину пригласили Нюру. Она сразу же заметила в аккумуляторной батарее два пустых гнезда.

А внизу под ними, привязанные к металлической стойке пестрым Димкиным галстуком, виднелись злополучные банки, из-за которых так много пришлось пережить и ему и Тимофею.

Нюра бросилась было к этим банкам, но Медоваров сурово предупредил:

— Отставить. Мы сами разберемся, в чем дело, гражданка Мингалева.

И оттого, что он назвал ее гражданкой, как на суде, и не доверил хотя бы только отвязать испорченные банки, Нюре стало мучительно горько. Действительно как подсудимая, и взяли ее сюда, чтобы допросить на месте преступления.

— Почему эти аккумуляторы без паспортов? — спросил Дерябин, заметив на банках пустые металлические рамки. — Откуда вы их взяли, Анна Васильевна? Неизвестно, когда они заряжены, сколько циклов было до этого? Ничего не понимаю!

Нюра тоже ничего не понимала. В последний раз ей пришлось проверять эту группу аккумуляторов уже здесь, в кабине. Напряжение было нормальным, а что касается целлулоидовых паспортов, то их отсутствие она бы сразу заметила. Вот и все, что Нюра могла сказать.

Она подумала, что паспорта взяли Багрецов или Бабкин, но сразу же отбросила эту мысль. Они знали, что банки испортились, тем более надо сохранить паспорта, чтобы потом выяснить причину аварии. Ведь на паспорте все указано — и номер серии, и дата изготовления.

— Вы свободны. Можете идти, — милостиво разрешил Медоваров и, когда Нюра скрылась в люке, обратился к председателю комиссии: — Ну что ж, товарищ инженер-полковник, больше нам здесь делать нечего. Попросим Бориса Захаровича организовать экспертизу, так сказать, вещественных доказательств. Пусть проведут соответствующие измерения, а потом посоветуемся коллегиально. Как вы думаете?

Председатель комиссии пожал плечами:

— При чем тут «вещественные доказательства» и судебная терминология вообще? Всякая новая техника полна неожиданностей и капризов. А вы этой желторо-

той специалистке хотите приписать чуть ли не вредительство.

— Приписывать мы ничего не собираемся, — обиженно проговорил Медоваров. — Но если бы вы ознакомились с личным делом «этой желторотой», как вы изволили сказать, то кое-что вас бы там заинтересовало.

Дерябин стукнул палкой по звонкому полу.

— Погодите, Анатолий Анатольевич! Не здесь бы надо проявлять вашу бдительность. Да, Мингалева совершила ошибку и получила выговор. А вы готовы ей всю жизнь этот выговор помнить. Нехорошо.

— Вам кадрами не приходится заниматься, дорогой Борис Захарович. А у меня они вот где сидят, — и Медоваров похлопал себя по розовой шее.

Нюра ничего этого не слышала. Тяжело спускалась она по лестнице и лишь внизу, ступив на твердую землю, вдруг поняла, что второй ошибки ей не простят. И самое главное, что Нюра не знает, как эта ошибка произошла. Надо подробно расспросить Римму — возможно, что-нибудь и прояснится.

При абсолютном равнодушии и даже презрении к труду Римма увлекалась вязанием. Шапочки, шарфики, какие-нибудь пояски помогали Римме убивать время и в автобусе, и даже на работе, когда никто не видит.

Сейчас Римме нечего таиться. Она может вязать сколько душе угодно до тех пор, пока не придет машина за мальчишкой, который притащил сюда какой-то там золотой осколок и должен показать место, где он нашел.

Римма лениво перебирала спицами, нанизывая на них петельку за петелькой. А вообще она злилась. Ученица-лаборантка в няньки не нанималась, а тут ей пришлось водить мальчишку в столовую, кормить его, ходить за ним по пятам, чтобы не совал свой нос куда не следует. Приехал сюда зайцем, глядишь, в какую-нибудь ракету залезет. Милиционера к нему надо приставить, а не няньку. Детей она вообще терпеть не могла и заранее решила никогда не обременять себя пискунами. Очень они ей нужны! Взять хотя бы этого пацана — ни минуты покоя, бывают же такие любопытные.

Она беззвучно шевелила губами, считая петли, а Юрка, сидя рядом, болтал босыми ногами и расспрашивал:

— А где вы работаете? А что делаете? А давно? А сколько вам лет?

— Тебе что? Моя анкета нужна? — сбившись со счета, рассердилась Римма. — И запомни на всякий случай, что у женщин про года не спрашивают. Неприлично.

Юрка обиженно хмыкнул.

— Зачем неприлично? Это если бы вы были старая... А когда он еще полетит? — показал он пальцем на сверкающий диск. — А из чего он сделан? А он сварной или клепаный?

— Сам ты клепаный. — Римма надвинула ему фуражку на глаза. — Тоже мне, специалист нашелся. Помалкивал бы лучше.

Мальчик недовольно приподнял козырек.

— Зачем вы такая сердитая, тетя?

— Я тебе дам «тетя»! Тоже мне, племянничек нашелся. — И, завидев подъезжающую «Волгу», Римма замахала рукой: — Наконец-то! Забирайте свое сокровище.

Пустым взглядом смотрела она на удалявшуюся машину. С ума можно сойти от расспросов мальчишки. Что? Как? Для чего? Ну не все ли равно, клепаная эта погремушка, золотая, серебряная? Кому какое дело?

«Вот и не улыба идет, — заметив подходившую Нюру, неприязненно подумала Римма. — А макинтошик на ней ничего, приличный. Опять насчет аккумуляторов будет допрашивать. И как ей только не надоест?»

Римма не ошиблась. Нюра ей надоедала постоянными расспросами: не уронила ли та или не замкнула ли случайно аккумуляторную банку из тех, что задержались в лаборатории. Римма вначале отшучивалась, а потом стала злиться. Действительно, привязалась по пустякам. Да разве Римма не научилась хотя бы вольтметром пользоваться? Не поставит она разряженный аккумулятор. А кроме того, сама Анна Васильевна проверяла. Просто-напросто ярцевские аккумуляторы никуда не годятся. Серафим против них возражал, а Борис настаивал на своем. У Анны Васильевны рыльце тоже в пушку, почему она не сказала Серафиму, что старик хочет поставить ярцевские? А ведь Серафим в ней души не чаёт, по уши влюбился. Разве можно быть такой неблагодарной? Конечно, если Анна Васильевна мальчишками увлекается, тогда понятно. Багрецов покрасивее Сера-

фима, да и в герои вылез. Наверное, в газетах про него напишут.

— А хлопчик-то ваш гарнесенький, — чтобы предупредить ненужные расспросы, начала Римма, откладывая вязанье. — Вин хто? Инженер чи начальник лаборатории?

Нюра посмотрела на еще клубившуюся пыль от машины, с которой уехал Юрка, и удивленно переспросила:

— Какой хлопчик? Тот, что здесь сидел?

— Не прикидывайтесь, Анна Васильевна. Хиба я не чую? — Римма вытащила из сумки зеркальце и пригладдила брови. — Щастя людыне. Два закоханца. Тильки дуже они неспокойные... Серафим, конечно, посоліднее...

— Бросьте, Римма, — отмахнулась Нюра как от назойливой мухи. — Не до шуточек мне. Испорченные аккумуляторы сейчас проверяются. Непонятно, почему они оказались без паспортов. Я точно помню, что паспорта были у всех.

Римма почувствовала назревающую неприятность. В самом деле, что же это такое получается? Ей поручили поставить банки в гнезда и присоединить к шинам. Из второго ряда паспорта не вытащишь, — значит, вся вина ложится на нее. Начнут докапываться, кому и зачем она отдала паспорта? А кто их знает, может, эти аккумуляторы секретные? Правда, ее об этом не предупреждали, но вдруг сейчас, после испытаний, взяли и засекретили ярцевские аккумуляторы?

Откуда знать Римме, что испорченные банки были вынуты из своих гнезд, а если так, то и паспорта можно вытащить. В кабину ее не допустили, а Нюра не сказала, что банки стояли отдельно под каркасом.

Римма перепугалась не на шутку. Самое главное доказать, что никаких паспортов она не брала. И, позабыв, что всегда кокетничает украинскими словами, поспешно заговорила по-русски:

— Очень даже странно, Анна Васильевна. Ведь у нас в аккумуляторной нет ни одной банки без паспорта. Только ремонтные... Да разве я...

— Постой, постой! — перебила ее Нюра. — А ты не заезжала тогда в аккумуляторную? Возможно, перепутала как-нибудь?

— Вы что же, меня за дурочку считаете? — Римма поджала губы и вновь взялась за спицы. — Ремонт-

ные — значит испорченные. А я могла поставить только проверенные. Слава богу, не один раз вы меня заставляли их заряжать и разряжать. Числятся они у меня отдельно.

Хоть и трудно было Нюре, но она ничем не выдала своего волнения.

— Ты говоришь о тех банках, которые я после тебя испытывала? Их, что ли, поставила?

Метнув вопрошающий взгляд и не заметив в поведении Нюры ничего особенного, Римма призналась:

— Дождь был. Заехала в аккумуляторную протереть банки. Потом испугалась, думаю, не перепутала ли? Проверила напряжение. Все в порядке.

— Ремонтные не попали?

— Конечно, нет. Они же без паспортов. — Римма зашевелила губами, считая петли, но, чувствуя нетерпеливое ожидание Нюры, добавила: — Могли попасть только те, что вы сами проверяли.

Нюра схватилась за голову. Все позабыла, проклятая девчонка! Сколько раз ее предупреждали, что ярговские аккумуляторы, прошедшие большие сотни циклов, то есть зарядов и разрядов, могут отказать в работе. Им нельзя доверять. «Доверять? — переспросила себя Нюра. — А девчонке-пустышке ты могла доверить?» И сразу припомнилось, как, блуждая отсутствующим взглядом по потолку, Римма слушала надоевшие ей инструкции. При чем тут циклы? У Риммы свои дела, свои заботы, а на все остальное наплевать.

Лишь сейчас Римма поняла, что совершила непростительную ошибку, надо спасать положение.

— Сами напутаете, а я виновата. Откуда я знала?

— Да говорила же я тебе тысячи раз, — чуть не плача, доказывала ей Нюра. — Ну чем забита твоя голова? Скажи, пожалуйста?

— Чего вы на меня вскинулись? Ничего особенного не случилось.

— Не случилось? — Нюра даже привстала от удивления. — Из-за тебя люди остались в кабине, чтобы предупредить аварию. Из-за тебя диск попал в грозу. Ведь приборы не работали. Из-за тебя люди чуть не погибли.

Ого! Это дело посерьезнее. Римма почувствовала непривычное волнение. Да разве так можно клепать на человека? Она не виновата ни на копейку. И Римма бросилась в атаку:

— А кто вам позволил законы нарушать? Я еще в профсоюз пожалуюсь.

— Какие законы?

— Обыкновенные. В субботу заставили работать, да еще на два часа задержали.

— Но ведь это особый случай. Срочное испытание.

— А мне какое дело? Очень мне интересно отгуливать в будние дни, когда все на работе.

— Мало ли что тебе неинтересно, — терпеливо разъясняла Нюра. — Но космические лучи...

— А мне все равно... Космические, электрические, — в руках Риммы лениво шевелились спицы, — какие угодно. И нечего рабочего человека прижимать. Все говорят «забота о человеке». А где она, эта забота? Никакой охраны труда. Целую неделю спину гнешь, и тебе там, в субботу отдохнуть не дадут. Поневоле ум за разум зайдет. Не то что банки перепутаешь, отца с матерью не различишь.

Глядя на то, как Римма спокойно нанизывает петли, Нюра еле сдерживалась. Все кипело в ней. Ну еще бы, Римма знает свои права, знает и законы, профсоюз вспомнила, охрану труда. Замучилась от безделья, устала, бедная. И если бы не тайная радость, что все наконец выяснилось, что отказали не новые аккумуляторы, а те, которые и должны были прийти в негодность, то вряд ли Нюра смогла бы сдержаться.

— Все ясно. Тебе были даны новые, хорошие аккумуляторы, а ты их заменила испорченными. Можно сейчас позвонить в институт и проверить, где находятся банки, которые ты взяла из лаборатории. Так и скажу Борису Захаровичу.

Повернувшись к Римме спиной, Нюра медлила, наконец решилась и пошла.

Римма вскочила, удержала ее за платье:

— Не надо, Анна Васильевна! Не говорите. Новые тоже могли испортиться.

Нюра всплеснула руками:

— Какая же ты сквернавка! Слов не нахожу. Ради собственной шкуры готова погубить труд и счастье человека. Он всю жизнь работал над этими аккумуляторами. Да разве ты можешь понять? У... корова!

В это слово Нюра вложила всю глубину ненависти, которой раньше за собой не замечала.

А Римма даже не оскорбилась. Подумаешь, Художественный театр! Пусть себе ругает — все равно ни-

кто не слышит. Ей просто завидно, что сама она тощая, в чем только душа держится. Римме, конечно, придется стерпеть и не огрызаться.

Зная Нюрин мягкий характер и душевную теплоту, которую Римма определяла как «бабскую жалостливость», можно было бы на этом сыграть. У мамы такой же характер, и Римма часто пользовалась ее слабостью.

Удивительно сочетались в Римме и ханжеская стыдливость — в музее при виде гипсового Аполлона она всегда отводила глаза, — и жесточайший цинизм. Она никогда не позволяла себе поддаться влечению к кому-нибудь из своих друзей. Никто бы из них не смог признаться, что поцеловал ее хоть раз. Никогда не обнимали ее горячие мужские руки. Как и тысячи постоянных посетительниц танцплощадок, она танцевала лишь с подругами, автоматически подпрыгивая и размахивая руками. А если и отвечала на приглашение какого-нибудь завсегдатая, то даже в тесной толчее умела сохранять нужное расстояние между собой и партнером.

Она любила смотреть французские фильмы, но, когда там целовались, обязательно опускала ресницы. Чутьочку грубоватое словцо, шуточный намек на увлечение или возможную любовь к Римме, чем грешили летчики, сразу же делали ее недоступной и строгой.

Мать гордилась высокой нравственностью и чистотой дочери и в то же время не понимала, что за всем этим у нее скрывается и высокомерие и ложь, холодное равнодушие и пустота. Мама считала ее несчастной девочкой. В вуз поступить не удалось, балериной она не стала, актрисой тоже. Из секретарш перебросили на производство, ученицей сделали.

А ученица эта, несмотря на свою молодость, прекрасно усвоила те жизненные принципы, которыми столь умело пользовался ее наставник и руководитель Толь Толич Медоваров.

И не будь на свете таких людей, как Нюра, с ее легкой ранимой, отзывчивой душой, с ее незащищенностью от колючих ветров, от людей, шагающих по жизни тяжелой поступью, плохо бы пришлось Римме.

— Вы добра людина, Анна Васильевна, — стараясь придать своему голосу искреннее волнение, слезливо заговорила Римма. — Неужели из-за какой-то ошибки вы хотите, чтобы меня уволили? Ну куда я денусь? Ведь у вас специальность, а у меня? Вешаться мне, что ли? — Она уткнулась лицом в недовязанный шарф.

Нюра стояла в нерешительности, грызла горькую травинку и думала, что, скажи она правду, Римму ни минуты не будут держать в институте. Даже Толь Толь умоет руки.

— Нет, не могу. — Нюра выбросила травинку. — Не могу допустить, чтобы все подумали, будто испортились новые аккумуляторы, — злясь на свою мягкотелость и как бы оправдываясь, возразила она. — Или ты хочешь, чтобы всю вину я взяла на себя?

Все еще не открывая лица, Римма захныкала:

— Анна Васильевна, родненькая! Да вам же ничего не будет. Ну, я очень прошу! Так трудно было устроиться. Хотела даже на целину поехать, на сибирские стройки, да маму жалко. Она у меня совсем больная, совсем беспомощная...

И явная ложь, и кое-какие нехитрые артистические способности, и слезы, которые Римма могла вызывать у себя, вспомнив что-либо особенно неприятное, вроде того, что у нее под самым носом перекупили импортную кофточку или как ей не хватало денег на модные венские босоножки, — все было использовано для убеждения Нюры.

Много испытавши в жизни, зная, сколь горьки девичьи слезы, но никогда не плача по пустякам, Нюра разжалобилась, в носу защекотало, и, чтобы не выдать своей слабости, она сурово сказала:

— Ну, довольно, довольно. Расскажи подробно, как все случилось.

Римма достала из сумочки кружевной платочек и аккуратно вытерла ресницы.

— Мне вообще в этот день не повезло. С утра у мамы что-то было с сердцем нехорошо. А потом я с Петром поссорилась и вроде как предчувствовала, что никогда его больше не увижу. — Римма поднесла платочек к глазам и всхлипнула. — Так тяжело!.. Так тяжело...

Дальнейшие подробности были излишними. Нюра по себе знала, что такое любовь, из-за нее всякое может случиться. Потеряла девочка голову и все перепутала. Правда, Нюра не думала, что Римма способна на глубокое чувство, но ведь у каждого оно проявляется по-своему. Вполне возможно, что за внешней маской равнодушия Римма прятала свою любовь, ведь не всегда о ней должен догадываться твой избранник, а тем более окружающие. Все это давно было пережито Нюрой, как же тут не посочувствовать девичьему горю?

А Римма, прижимая платочек к глазам, украдкой наблюдала за Нюрой и жалобно рассказывала, что до сих пор сама не своя, что трудно сдерживаться и что истинное горе молчаливо. Только ей, чуткой Анне Васильевне, Римма может признаться, что она и Петро хотели пожениться.

Садясь рядом, Нюра обняла Римму за плечи и, ласково перебирая ее жесткие локоны, увещевала:

— Успокойся, успокойся, девочка. Я же ничего не знала. Не догадывалась.

Пора бы уже разобраться в истории с перепутанными аккумуляторами. Тут ни при чем ни девичья растерянность, ни болезнь матери и тем более ни любовные переживания. Все это придумала Римма. И не зря она поначалу вспомнила об охране труда и о том, что нельзя покушаться на субботний отдых трудящихся.

Римму не предупредили, что именно в субботу надо будет задержаться на работе, чтобы подготовить «Унион» к срочным испытаниям. А у Риммы были свои планы. Только не думайте, что она обещала встретиться с Петром — ни он и никто из ее друзей здесь ни при чем. Больше того, Римма даже обрадовалась, когда Петро улетел, а то бы опять потащил на Днепр соловьев слушать да луной любоваться. Глядишь, стихи бы начал читать, от которых Римму еще в школе тошнило. Обыкновенное нытье, и непонятно, как люди могут этим увлекаться.

Петро терпеть не мог танцплощадок. Говорил, что в этой круглой железной клетке, похожей на ту, что устанавливается в цирке, когда зверей показывают, он чувствует себя тигром. А Римма могла танцевать ежедневно и редко отказывала себе в этом удовольствии.

Но в ту субботу, когда «Унион» должен был подняться в воздух, Римму ожидало двойное удовольствие. Наконец-то она поразит в самое сердце одну ненавистную ей девчонку, которая приходит на танцплощадку только по субботам и каждый раз в новом сногшибательном платье. Римма давно готовила ей ответный удар, и каково же было разочарование, когда выяснилось, что придется задержаться на работе.

— Анна Васильевна, миленькая! — умоляла Римма. — Я сегодня никак не могу.

Ну что с ней поделаешь? И Нюра, после того как Римма взяла из лаборатории последние аккумуляторы,

сказала, что пусть она установит их в гнезда и отправляется домой.

Оставалось еще больше получаса до автобуса, с которым Римма намеревалась ехать. Ведь надо же еще переодеться. Не опоздать бы только! Все были заняты своими делами, а потому добровольных помощников не нашлось. Римма огляделась по сторонам и, вздохнув, поставила банки на аккумуляторную тележку. Надо торопиться.

Не сбавляя хода, Римма попробовала объехать лужу, круто повернула, и две банки упали прямо в грязь. Вот незадача! Пришлось вытирать их платком, иначе Анна Васильевна увидит при проверке и заставит переменить. Но грязь только размазывалась по стенкам. Возвратиться обратно? Опоздаешь на автобус. Недалеко по дороге находилось здание аккумуляторной, там можно сменить банки на чистые. Ничего особенного не произойдет, ведь Римма не возьмет испорченные или незаряженные аккумуляторы. Слава богу, за несколько месяцев она научилась кое-чему. Кстати, хорошо, что паспорта на банках не испачкались.

В помещении, где находились ярцевские аккумуляторы, никого не было. Сотни раз проверенные полосатые банки стояли на стеллаже у стены, только вчера их Римма заряжала. Правда, Анна Васильевна что-то там говорила насчет непригодности этих «полосатеньких» — слишком долго работали. Но ведь она типичная перестраховщица, вот и придирается. То недозаряжены банки, то перезаряжены, все по минутам рассчитывает.

Римма проверила вольтметром несколько банок и, убедившись, что все они дают нормальное напряжение, отогнула отверткой лапки у рамок паспортов, вынула их оттуда и заменила на те, что сняла с грязных банок. Ненужные банки она затолкала под стол — завтра вымоет.

В центральной кабине Римма сидела как на иголках. Анна Васильевна удивительно медленно проверяла напряжение, придиралась по пустякам, заставила даже вынимать банки из гнезд, чтобы сверить по тетрадке номера и даты изготовления... Вот-вот заметит подмену, спросит, почему на старых банках новые паспорта? Но банки-то одинаковые. Как их можно различить?

Все обошлось благополучно. Римма послала Анне Васильевне воздушный поцелуй и побежала к автобусу.

Но, как на грех, ей встретился Медоваров и попро-

сил передать командировки каким-то молодым инженерам.

— Вместе и поедете, Риммочка.

— Опаздываю, Анатолий Анатольевич, — взмолилась Римма. — Автобус уйдет.

— Сегодня дадим дополнительный.

Пришлось покориться.

Успела ли Римма сразить свою соперницу — это к делу не относится, однако Нюра жестоко могла поплатиться за свою доверчивость.

И вот сейчас, сидя на скамейке возле главного здания Ионосферного института, Нюра утешала Римму, говорила, что все обойдется и пусть девочка не беспокоится, Нюра ее не выдаст.

— Не скажете? — Римма чмокнула ее в щеку мокрыми губами.

— Постарюсь.

В дверях главного здания появился Толь Толич, заметил девушек и засеменил к ним.

— Плохи ваши дела, товарищ Мингалева, — с подчеркнутой откровенностью и тем самым проявляя вполне уместный в данном случае демократизм, проговорил он. — Предварительный анализ показал, что вы поставили заведомо негодные банки. Дружок ваш, Багрецов, говорит, что у них были паспорта, которые он якобы потерял. Все это, конечно, шито белыми нитками. Объясняться будете в другом месте, но мне любопытно, с какой целью вы поставили бракованные аккумуляторы?

Нюре и в голову не могло прийти, что с ней могут говорить таким образом. Ошибка, халатность, все, что угодно, но при чем здесь цель? Странные подозрения! Она не находила слов для ответа, и этим умело воспользовалась Римма.

— Шутник вы, товарищ начальник, — лениво потянувшись, сказала она. — Дуже потребны Анне Васильевне ваши банки. Все смугастенькие, все одинаковые. Перепутать ничего не стоит.

Это выглядело как заступничество, и Римма, боясь, чтобы Нюра не выдала ее, пустилась в дипломатию. В конце концов, она за двоих старается. Анна Васильевна тоже виновата.

Кто должен отвечать за халатность ученицы? Конечно, Анна Васильевна!

Но до чего же Борис смешной! До седых волос до-

жил, а сам вроде того хлопчика. Прибежал из лаборатории, обнял Анну Васильевну, радуется, говорит, что он всегда верил в ярцевские аккумуляторы, и какое это счастье, что произошла ошибка и отказали уже отработанные банки, а не новые. Поздравляет, руку ей целует.

Ясное дело, что Толь Толич должен был вмешаться.

— Позвольте, — говорит он Борису. — Мне непонятны ваши восторги. Ведь это полное притупление бдительности. Я должен передать дело Мингалевой в судебные органы, а вы ее поздравляете. Не понимаю.

Старик почему-то отмахнулся:

— И ничего не поймете, любезнейший Анатолий Анатольевич. Никогда.

Что он хотел этим сказать? Неизвестно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Здесь много вопросов. Как сделать всех хороших людей счастливыми? Всегда ли дружба переходит в любовь? И можно ли верить самым чистым, открытым глазам? Все это волнует Димку Багрецова, и автор волнуется за него.

Никогда еще не приходилось работать Багрецову в такой изумительной лаборатории. В метеоинституте и оборудование не то, да и задачи посромнее. А здесь испытывается сложнейшая аппаратура радиоуправляемых ракет, телеметрические приборы, телевизионные установки — все, что особенно интересовало Багрецова.

Он уже чувствовал себя хорошо, и, когда врачи решили сделать переливание крови Тимофею, Вадим предложил взять кровь у себя. Но были и другие, абсолютно здоровые кандидаты, а потому обошлись и без Димкиной помощи. Тимофею предстояло еще полежать недельки две в поликлинике Ионосферного института.

Вадим боялся, что его сразу же отправят домой, но по просьбе Набатникова и Дерябина директор метеоинститута продлил командировку Багрецова для наладки и испытания анализатора Мейсона. А кроме того, из Москвы было получено распоряжение исследовать птицу-разведчика на месте. С этим делом может прекрасно справиться инженер Багрецов.

И вот сейчас на его лабораторном столе соседству-

ют два аппарата. Один создан для изучения атмосферы, а другой — для шпионажа. Транзисторы и многие другие детали как для анализатора Мейсона, так и для летающего разведчика изготовлены прославленными американскими радифирмами. Об этом говорят фабричные марки. Много общего в схеме усилителей, в технологии, но до чего же разные цели, во имя которых были созданы эти два аппарата!

Багрецову отвели особую комнату, чтобы никто не мешал. Надо было восстановить схему птицы-разведчика, а потом уже провести электрические измерения.

Сквозь двойные рамы глухо доносился шум реактивного двигателя. Наверное, какую-нибудь ракету испытывают. В этой комнате даже форточек нет, очищенный от пыли, охлажденный воздух струится из решеток под окном. А там, за толстыми стеклами, цветет сирень, но запаха ее не слышно. Здесь пахнет какой-то химией от вскрытого трупа пластмассового стервятника. Странное чувство — почему-то противно копать в его механических внутренностях. Но что поделаешь? Надо.

Сегодня утром Вадим навещал Тимку. Он категорически запретил вызывать сюда жену. Во-первых, он не помирает, а во-вторых, зачем зря человека беспокоить? Послали ей телеграмму, что командировка затягивается, и все в порядке. Снимут повязки, пальцы начнут шевелиться, тогда можно и письмо написать.

Никогда в жизни Тимофей не болел. Мать Вадима, с которой он вчера говорил по телефону, удивлялась: «У Тимки особенный, редкий организм. Не то что мой сынок, дохлый». Хорошо бы выписать ее сюда, ведь она детский врач, умеет уговаривать детей лечиться. А Тимка обыкновенных врачей не слушается, в лекарства не верит, отплевывается. Единственно, с чем примирился Тимофей, это с необычностью своей болезни. Врачи предполагали, что на него все же подействовали вредные излучения. Вот и исследуют, как кролика. Это можно стерпеть, но кое-что Тимку беспокоило всерьез.

— Наклонись ко мне, — шепнул он, оглянувшись на медсестру, и, когда Вадим подставил ухо, спросил: — Ты что-нибудь читал насчет лучевой болезни? Говорят, от нее волосы вылезают. Лысым меня жена еще в старости увидит.

Тимофей кисло улыбнулся, и Вадим понял, что в этой шутке скрывалось беспокойство.

— Ты знаешь, что выяснилось? — тут же переменил

Вадим тему разговора. — Существовал еще третий орел-разведчик.

— Куда же он делся? — спросил Тимофей, приподнимаясь на локте.

— Афанасий Гаврилович случайно подстрелил. Говорит, что чуть не ослеп от вспышки. Начали докапываться, в чем дело? Помог осколок телевизионной трубки. Ну тот, что Юрка нашел.

— А может, не один десяток этих орлов летает?

— Не знаю. Пока, вероятно, их ищут вертолеты. Я ведь только сейчас за схему принялся, чтобы выяснить, как можно обнаружить такого орла более простыми радиотехническими средствами.

— Как хорошо, что ты его притащил, — умиротворенно сказал Бабкин, закрывая глаза. — Я бы хотел тоже с ним повозиться...

Вадим на цыпочках вышел из комнаты.

На другой день во время перерыва в лабораторию прибежала Нюра, чтобы узнать о Тимкином здоровье.

— Меня к нему не пустили, — с искренней тревогой проговорила она. — Возможно, ему хуже?

— Великолепное самочувствие, — успокоил ее Вадим. — Только врачи донимают. Прихожу, а он весь проводами опутан. Полные и всесторонние исследования. Разные космические частицы в нем ищут, сердце проверяют — на месте ли, не случилось ли чего при ускорении. Колпак на голову надели и смотрят на осциллографе — не отшибло ли память. Расспрашивают, что да как. И какое у него было ощущение на высоте. Особенно интересовался Серафим Михайлович. Не думает ли он сам подняться?

— Неужели это серьезно? Он говорил, что врачи...

— Мало ли что врачи. Человек он упрямый. С Бабкиным ничего особенного не случилось, Яшка-гипертоник тоже жив-здоров. Ну а что касается скверного Яшкиного самочувствия при ускорении, как показывали приборы, то Серафим Михайлович оправдывает это несовершенством обезьяньей психики.

Вадим говорил в обычной своей шутливой манере, но что-то в глазах Нюры заставило его насторожиться. Впрочем, Нюра за всех беспокоится, такой уж у нее характер.

— Я очень рад за Бориса Захаровича, — на всякий случай переключился он на другую тему. — Сколько ему пришлось перетерпеть с ярцевскими аккумулятора-

ми! Теперь все выяснилось. Ошибка, конечно, досадная, но все хорошо, что хорошо кончается.

Пройдя несколько шагов по комнате, Нюра остановилась перед Вадимом и подняла к нему спокойные глаза:

— На какой планете вы живете, Димочка? Досадная ошибка? А сколько вы пережили с Тимофеем из-за этой ошибки? Хорошо кончается? Но для кого как...

— За Тимку не беспокойтесь. Врачи говорят, что недели через две руки его заживут и он сможет подковыгнуть. А моя физиономия, — Вадим смущенно вынул из кармана зеркальце и посмотрелся. — Ничего, более-менее приличная. Девушки не пугаются.

Положив руки на Димкины плечи, Нюра грустно заглянула ему в глаза:

— Они-то не пугаются. Но мне за вас страшно. Смотрите не ошибитесь.

Вадим вспыхнул и отвел взгляд.

— Я не знаю, о чем вы говорите... Это просто так... Я...

— Вам не в чем оправдываться, Дима. — И Нюра мягко сняла руки с его плеч.

Они стояли рядом, ровесники и друзья. Но в этой маленькой девушке было столько женской мудрости, столько материнского чувства, что казалась она гораздо старше Димки и жизненным опытом, и сердцем. Нюре хотелось предостеречь его — он такой восторженный, наивный! А Римма уже позабыла о смерти любимого, она цепкая в жизни, как колючая ежевичная плеть. Запутаясь, исцарапаясь в кровь, но она тебя непустит.

Каждый вечер, любую свободную минуту Вадим отдавал Римме. Он чувствовал себя виноватым перед Нюрой — здесь она совсем одинока, скучает, — иногда приглашал пройтись втроем, но это не доставляло удовольствия ни ему самому, ни девушкам.

Нюра досадовала, что поддалась жалостливости и всю вину за перепутанные аккумуляторы взяла на себя. Никакой любви к Петру, наверное, у Риммы не было, иначе разве она могла бы так веселиться сейчас? Вадим не знал, что она часто встречалась с погибшим, что ее называли невестой Петра, а то бы и он удивился подобной веселости.

Беда подкрадывалась к Вадиму. Он был настолько ослеплен, что даже не замечал явной ограниченности

Риммы. В его глазах это казалось простой девичьей наивностью. В конце концов, он почти на пять лет старше, и ему нравилось поддерживать в себе эдакое покровительственное отношение к ребенку. Да, да, к ребенку, ибо перед ней Вадим почему-то надевал на себя маску умудренного жизнью скептика.

— Милая девочка, — снисходительно цедил он сквозь зубы, — вот когда будете взрослой...

Римме нравилась эта игра. Повиснув на руке Вадима, она в десятый раз заставляла рассказывать, как он полез снимать самовзрывающуюся птицу и что он чувствовал в это время.

Как ни скромничал Вадим, он поддавался на лесть, и каждый раз в его рассказе появлялись все новые и новые подробности, выгодно рисующие и без того смелый поступок. Вначале он относился к нему шутливо, говорил, что поджилки тряслись, когда пришлось вылезать из люка, но потом это превращалось в веселую браваду с полным пренебрежением к опасности.

С нетерпением и тревожной заботой о Димке Нюра ждала, когда Римма наконец-то раскроет себя. Ведь Димка чистый, хороший, разве он может смириться с ее позорной ограниченностью, ложью и эгоизмом. Она мещанка, хоть и странно звучит в наши дни это, к сожалению, живучее слово. Впрочем, не только слово, но и весьма распространенное явление, с чем мы стараемся бороться, не безуспешно.

Не умом, а инстинктом Римма чуяла настороженное выжидание Нюры, догадывалась, что той вовсе не по нутру увлечение Димки. Но не знала Римма истинной подоплеки этого молчаливого протеста, думая, что здесь играет роль женское самолюбие. Всякой девушке хочется держать при себе как можно больше вздыхателей. И так же, как она торопилась на танцплощадку, чтобы сразить свою соперницу, Римма и здесь решила одержать победу. «Ничего, Анна Васильевна, походите одна. Покусаете себе локотки. Я вашего мальчика еще заставлю поползать передо мной на коленях».

Зря дожидалась Нюра, что Димка наконец поймет, кого встречает он влюбленными глазами, перед кем раскрывается его бесхитростное сердце. Римма осторожна, она себя не выдаст.

«Устрица, — сказал о ней однажды Серафим Михайлович. — Чуточку приоткроет створки и сразу захлопнет. Так спокойнее жить».

В то время Нюра даже обиделась. Можно ли столь грубо говорить о девушке? Но за последние дни Нюра поняла, что Серафим Михайлович определил точно. В разговоре с Димкой Римма напускала на себя загадочность и раскрывала рот лишь затем, чтобы выдать многозначительное словечко или рассмеяться. Она избегала высказывать свои взгляды, никогда не давала оценок ни людям, ни событиям. На вопрос о просмотренном фильме, понравился ли он или нет, Римма могла лишь улыбнуться и вздохнуть. Понимай как знаешь.

Ничего об этом не скажет Нюра, хоть и считает Димку своим лучшим другом, она дорожит его дружбой, и кто знает, как ослепленный Димка воспринял бы ее предостережение?

Она подошла к столу, где лежала птица-разведчик, и дотронулась до сломанного крыла:

— А какой там аккумулятор?

— Никакого. Здесь сухая батарея. Правда, довольно мощная. Но разве она может сравниться с ярцевским аккумулятором? — И восторженный Димка начал доказывать, что это изобретение попросту гениально. — Помните, Нюрочка, солнечный вертолет? Теперь с ярцевским аккумулятором можно сделать изумительную машину. Вот когда ваш НИИАП реорганизуется, будете заниматься такими интересными работами! Я даже завидую вам, Нюрочка.

Нюра помолчала, как бы собираясь с мыслями, и, оглянувшись на шкаф, где за стеклом стояли знакомые желтополосатые банки, вздохнула:

— Нечему завидовать, Дима. Еще неизвестно, где придется работать. Медоваров предупредил меня об увольнении.

У Вадима округлились глаза.

— Вы с ума сошли, Нюрочка! Да как он смеет? Я побегу к Борису Захаровичу...

— Борис Захарович — гость. А Медоваров — начальник.

— Но ведь я же сказал, что у аккумуляторов были паспорта, что я их вынул, а потом потерял. Тимка тоже подтверждает.

Нюра печально усмехнулась:

— Для Медоварова это неубедительно. В самом деле, зачем вы их вынимали? Он думает, что вы меня выгораживаете.

— Поеду за Юркой. Он знает место, где я лежал, —

возможно, там и потеряны паспорта. Показал же он лошину, где нашел осколок.

— Это в районе, где Петро погиб?

— Да. Теперь причина ясна. Сегодня мне сказали, что с вертолета видели еще одно такое чучело. — Вадим потрогал черное тряпичное крыло. — Вертолет находился как раз под ним. Хозяева разведчика это заметили на экране своего телевизора... Ну и взорвали птицу, чтобы замести следы. Действительно, «подлая техника».

Вадим брезгливо отодвинул от себя чучело и, хромая, подошел к шкафу, где были заперты аккумуляторы.

— Если нужно, то вместе с Юркой мы пройдем по тому пути, где я ночью ковылял. Пластмассовые этикетки должны сохраниться. От сырости не размокнут.

— Можете поискать их, Димочка, но только затем, чтобы доказать Медоварову вашу правоту. А мне все равно. Ошибка есть ошибка.

— Опять эта покорность проклятая! — разозлился Вадим. — А вдруг это не ваша вина? Надо же выяснить.

— Комиссия выясняла.

— И комиссия может ошибаться. И целый коллектив. Разве это не бывает?

Нюра склонила голову:

— Я слишком много претерпела из-за первой ошибки и не хочу, чтобы страдали другие. Пусть с меня и спрашивают.

Сложные чувства обуревали Нюру. Так или иначе, ответ держать ей. Зачем же впутывать сюда Римму? Пусть она пустая, вздорная девчонка, но ведь молода еще и переделать ее можно. Даже Серафим Михайлович говорил об этом. А куда она денется, если выгонят из института? И Димке это будет неприятно. Получится так, будто она, Нюра, не уследила за своей ученицей и привела ее к беде.

Вечером друзей пустили к Тимофею. Пришли Вадим, Нюра и даже Римма. Она старалась завоевать расположение Багрецова, а потому решила повнимательнее отнестись к его другу.

Тимофей только что разговаривал со Стешей — ему подвели телефон прямо к кровати. Испытывая самое блаженное состояние от ласковых Стешиных слов, Ти-

мофей рассказывал, что сейчас делается в Девичьей Поляне, и поминутно поворачивался — то к Нюре, то к Римме.

Раньше он мог довольно равнодушно относиться к девушкам, конечно, кроме Стеши, и даже посматривать на них свысока. Но молодая жена резко запротестовала: «Это еще что за новости! Важность на себя напустил. Девчата к тебе с чистым сердцем, а ты от них бегаешь!» Бабкин удивленно заморгал глазами: «А что в них интересного?» — «Много ты понимаешь, — отрезала Стеша. — Таких девчат надо поискать. Бирюк. Мне даже совестно за тебя».

Здесь, при вынужденном безделье, тоска по Стеше обострилась как болезнь, она пряталась в сердце, в самых отдаленных его тайниках, что было еще мучительнее, еще больнее.

И вдруг — самое непонятное, чего не разгадать, не осмыслить.

Все началось с того, что Тимофей, человек немногословный, обрел дар речи и сколько угодно мог говорить с Димкой о Девичьей Поляне, о Стеше, чтобы тот подтвердил лишний раз, будто нет ее лучше на свете. Но вот стали приходиться Нюра и Римма, и Тимофей ощутил какое-то новое, непонятное ему волнение. Он боялся за Димку, который может Риммой увлечься всерьез, и в то же время ловил себя на том, что любит эту красивую девушкой. В ней было, как ему казалось, многое от Стеши: и веселая лукавость, и плавность движений, и огонек в глазах. А Нюра? Вот она сидит рядом, что-то рассказывает о ребятишках, которых нянчила, как и они забавные и как она скучает по ним. И детский упрямый рот, и опущенные ресницы, и завитки на шее — она подобрала волосы под косынку — все это Стешино. И у медсестры, немолодой женщины с добрыми усталыми глазами, тоже что-то от Стеши.

Знал бы Тимофей, что любовь его всколыхнула новые чувства. Пришла зрелость, когда любовь, отданная избраннице, возвращается к тебе отраженным светом от других женщин, в ком видишь ты ее черты. И это согревало сердце Тимофея.

Он расчувствовался и уже стал подумывать, что женщины вообще лучше мужчин, и добрее, и отзывчивее, но в эту минуту вошла медсестра «с добрыми глазами» и сурово приказала гостям освободить палату. Больному требуется отдых.

Римма обрадовалась, что наконец-то сможет погулять с Вадимом, — побежала одеться потеплее.

Нюра решила пойти к себе в комнату. Зачем им мешать?

— У меня к вам серьезный разговор, Нюрочка, — остановил ее Вадим.

— Опять аккумуляторы? — рассеянно спросила Нюра. — Позабудем про них.

— Хорошо. Будем говорить о любви.

— Вашей?

— Нет. Это касается только вас.

Многие девушки высмеивали редкую прямолинейность Багрецова, его искренность и полное отсутствие дипломатии. А у него это было нечто вроде жизненного принципа. Он считал, что хитрить можно лишь в борьбе с врагом, да и то это называется не хитростью, а стратегией. Он учился играть в шахматы, но безуспешно, ведь там нужно придумывать разные комбинации, а у него такого таланта не было. На футбольном поле он никак не мог оценить искусства техничных игроков с их обманными движениями, финтами, уловками. Конечно, игра есть игра, но внутри поднималось что-то вроде протеста, хотя Вадим и понимал всю его смехотворность.

Так и в любви. Шахматными ходами, хитрыми маневрами ничего не добьешься. Конечно, немало девиц на свете, которым нравится игра в любовь, но в этом есть что-то постыдное.

Хотелось бы Вадиму сделать всех хороших людей счастливыми. Наивная детская мечта. Но кое-что он все-таки может сделать. Только вот не всегда понимают его. Он так боялся потерять письмо от Курбатова, а Нюра взяла его равнодушно и сунула в карман пальто. Выходит, зря мучился, зря беспокоился. Нюра молчит, будто ничего не случилось. Надо бы узнать, о чем пишет Курбатов. И зачем он напоминает о себе, это жестоко. Не хватает людям чуткости и такта.

Вадиму тоже подчас не хватало такта, но подкупала его искренность.

— Нюрочка, я хороший? — спрашивал он, усаживаясь рядом с ней на скамейку.

— Вы же это знаете. — Нюра заботливо поправила у него повязку на лбу.

— А любите меня?

— Очень.

И сказано это было всерьез. Не виделись целый год, только переписывались, но дружба не угасла. Надо знать, что скрепило эту дружбу, как оценила Нюра благородство Вадима в те тяжелые дни, о которых и сейчас не может вспоминать без слез. Надо все это знать, тогда поверишь, что есть на свете большая дружба и она не всегда переходит в любовь*.

Вадим слабо улыбнулся:

— Ну что ж. Отношения выяснены. Значит, я могу спросить?

— Насчет письма? — перебила его Нюра, и губы ее задрожали.

Она боялась расплакаться. Как тут быть, если самые чуткие друзья не могут понять, что не хочет она никаких писем, никаких воспоминаний. Встает перед глазами другое лицо, близкое, родное. Изумленно-грустно смотрит на нее...

Она подбежала к стеклянной двери, взялась за ручку, увидела свое тусклое отражение. Женщина с потухшими глазами. Ну и пусть — никому она не нужна. Выбежала.

Кто-то осторожно дотронулся до плеча.

— Я не про письмо, Нюрочка, — услышала она голос Вадима. — Посидите со мной. Я только хотел спросить. — Он взял ее под руку и повел к скамейке. — Вы не видели буфетчицу перед отлетом? Тетя Поля ее, кажется, зовут? Ругается, наверное. Мы немного ей задолжали, сдачи у нее не было. Прошу вас, передайте...

Он долго рылся в боковом кармане — мешал перевязанный палец, — наконец вытащил деньги и протянул их Нюре. Нюра машинально взяла.

— Я, наверное, там скоро буду. Передам. А письмо вы можете прочитать. — Она достала из кармана пальто нераспечатанный конверт. — Возьмите. Но я не хочу знать, что там написано.

— А я тем более!

Вадим рассердился. Фокусы, девчоночьи капризы. Впрочем, кто ее разберет? Не так все это просто.

— Знали бы вы... — Нюра быстро заморгала, и, как она ни крепилась, в глазах ее заблестели слезы. — Знали бы...

— Вот и рассказывайте. Я должен знать.

* Читателю это известно, если он прочитал повесть «Осколок Солнца» в I томе «Избранных произведений» (примеч. авт.).

Сама не понимая, что делает, Нюра надорвала письмо, скомкала и бросила за спинку скамейки в кусты. Вадим пожал плечами, но не промолвил ни слова. Значит, так нужно.

С трудом преодолевая смущение и боль, Нюра говорила о встречах с Серафимом Михайловичем, о его признании в самолете, о том, что ответила ему, как все это получилось нехорошо и как ей сейчас тяжело...

Из этой сбивчивой речи Вадим понял, что Нюра любит уже не Курбатова. Стало немного обидно. Он-то, Вадим, верил в существование вечной любви, ради нее Нюра пожертвовала многим, мучилась, места себе не находила. Но прошел год, «пустяки в сравнении с вечностью», как любит повторять Римма, и Нюра уже страдает, что не ответила согласием другому, потому что связывает ее с первой любовью тонкая нить, которую она хотела бы разорвать.

Пусть будет так. Вадим не станет ей перечить. Больше того, готов помочь Нюре найти новое счастье, если только оно возможно, но уж больно горестно сознавать, что Нюра не оказалась Джульеттой. Видимо, это большая редкость.

Нюре захотелось узнать, не расспрашивал ли про нее Серафим Михайлович. Гордый; наверное, обиделся.

— Это неважно, — отмахнулся Вадим, предчувствуя совсем другую беду. — Скажите, что вы ему о себе наболтали?

— Ничего. Но он, наверное, понял... Не могу, и все.

Вадим настойчиво допытывался, боясь, что Нюра себя оболгала и ошибку расценила чуть ли не как преступление. Да, примерно она так и сказала.

— А разве неверно? Зачем скрывать?

— Лучшего вы не могли придумать, — уже всерьез разозлился Вадим.

Он заговорил громким шепотом, чтобы никто не услышал, но так раскипятился, что хотелось кричать.

— Можете обижаться, но глупость тоже имеет свои пределы. В какое положение вы себя поставили?

Позабыв о больной ноге, он метался возле скамейки, подбежал к кусту, где белел надорванный конверт, хотел поднять, но отдернул руку, как от ожога.

— Мне наплевать, любит Поярков вас или нет, — запальчиво выкрикнул Вадим, испуганно оглянулся и опять понизил голос до шепота. — Но каждому больно ошибаться в людях. Возможно, что вы уже его не уви-

дите, но он всю жизнь будет помнить, что нельзя верить даже самым чистым, открытым глазам... Была у вас ошибка, ее давно простили... А эту я бы никогда не простил...

Он услышал слабые всхлипывания, растерялся, полез в карман за платком, но потом подумал, что, возможно, платок несвежий, и, не зная, как поступить, быстро погладил Нюру по волосам.

— Ну, успокойтесь, Нюрочка. Я же не хотел этого. Мы что-нибудь придумаем.

Нюра вынула из рукава платок, отерла слезы, которые вызваны были жалостью не к себе, а к тому, кто, по словам Димки, перестанет верить даже самым чистым, открытым глазам. Нет ничего больнее, как потерять веру в человека!

Не желая вновь возвращаться к этой теме, Вадим молчал, облокотившись на спинку скамейки. За ней под кустом все еще белел конверт.

— Зря разорвали, — осторожно начал Вадим. — А если это важное, деловое письмо?

— Прочтите! — Нюра зябко передернула плечами.

Вадим обогнул скамейку, поднял письмо и, вскрыв конверт, подошел к фонарю.

— Ничего особенного, — сказал он, возвращая Нюре письмо. — Курбатов просит подготовить протоколы испытаний и переслать сюда. На днях здесь будет его инженер.

Римма уже успела переодеться и появилась перед Вадимом в модных брюках. Ведь надо же понимать, кому эта мода идет, а кому нет. И сразу же перед глазами встают пожилые и полные курортные дамы в узких брючках.

Заметив покрасневшие глаза Нюры, Римма послонила палец, пригладила брови и невинно спросила:

— Неужели Вадим Сергеевич обидел? Вот уж не похоже.

Она стояла, засунув руки в карманы, ждала ответа, но Вадиму было неприятно отделяться шуткой. Здесь большое человеческое горе. Надо все-таки чувствовать.

— Пойдемте потанцуем, Анна Васильевна! — предложила Римма и потянула ее за рукав. — Соскучилась до смерти.

Вадим удивился:

— Куда вы хотите идти, Римма?

— А никуда. Здесь потопчемся. В школе мы с девоч-

ками на каждой переменке танцевали. Мальчишки — во двор, мячи гонять, а мы в классе или в коридоре.

— И никто не запрещал? — еще больше изумился Багрецов.

— Кто же может запретить? Мы ведь тихо, без всякой радиолы. — Римма вновь потянула Ньюру за собой, но, убедившись, что той не до танцев, язвительно усмехнулась: — Ну ясно, с девочками неинтересно.

Она рассмеялась и, повернувшись к Вадиму спиной, защелкала по асфальту каблучками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О том, что означает латинская поговорка «пер фас эт не фас», о настойчивости изобретателя «космической брони» и про то, как был открыт оригинальный способ выявления равнодушных и что за этим последовало.

ужно было снять схему с орла-разведчика, чтобы узнать его свойства и на будущее принять наиболее действенные меры против подобных птичек, не допуская их залетать в глубь страны. Надо узнать диапазон волн, чувствительность приемника, кодовые устройства и другие технические данные, необходимые для организации службы наблюдения за этой телевизионной разведкой.

Уже многое проверил Багрецов, но вдруг позвонил Дерябин и приказал спешно идти к «Униону», захватив с собой кое-какие приборы.

— Срочные испытания, — и, не скрывая иронии, добавил: — Ничего не поделаешь, начальство настаивает на помощи изобретателю.

А весь сыр-бор загорелся из-за Медоварова. О нем уже все позабыли, но он снова напомнил, что существует «космическая броня» и протокол о результатах ее испытаний требуется срочно выслать в Москву.

Протокол был составлен, однако Дерябин отказался его подписать.

— Помилуйте, здесь ничего не сказано о том, обладает ли эта ваша броня защитными свойствами от ультрафиолетовых лучей. Я, например, знаю, что в других иллюминаторах были вставлены стекла с примесью редкоземельных металлов.

— Ах, Борис Захарович, — укоризненно покачал головой Толь Толич, — консерватизм вас заедает. Стеклу три тысячи лет от роду, а вы все за него держитесь. Неужели вы не верите в современную химию? Я-то кое-что в полимерах понимаю. А стекло ваше темнеет и от радиоактивных излучений, и от космических лучей. Такого с нашими иллюминаторами не случается. Смотрите, — он скользнул ладонью по стеклу окошка. — Вот уж действительно хрусталь. И никакой метеорит такую броню не пробьет. Разве это не находка для космических кораблей?

— Не знаю, — уклончиво ответил Борис Захарович. — Пока мы даже животных не хотим подвергать опасности ультрафиолетового излучения. А в следующем полете не останется свободных камер. Все будут заняты животными.

— Вот и прекрасно. Значит, испытаем всесторонне.

— Нас пока удовлетворяют другие стекла, тем более что Бабкина вынесли с обожженными руками. Это он сигнализировал перед вашим окошком из «космической брони».

— Нашли кому верить! — возмутился Медоваров. — Бабкин лежал там в бессознательном состоянии. Мало ли что ему померещилось.

Дерябин понимал, что споры ни к чему не приведут, а потому предложил:

— В конце концов, это нетрудно проверить. Направим кварцевую лампу на ваше окошко и посмотрим по приборам, пропускает ли оно ультрафиолетовые лучи.

Медоваров развел руками:

— Неужели вы думаете, что в Москве это не проверили?

— У нас этих данных нет. Я знаю только одно, что многие прозрачные пластмассы великолепно пропускают ультрафиолетовые лучи. А здесь нужно обратное.

Медоваров не хотел брать на себя ответственности за возможную неудачу, а потому позвонил Литовцеву. Валентин Игнатьевич был несколько обескуражен. Никаких технических требований на «космическую броню» не существовало. Это инициативная работа, причем довольно случайная, и автору в голову не приходило, что в космосе нужна защита от каких-то там ультрафиолетовых лучей. Впрочем, в «космическую броню» были введены некоторые добавки — возможно, они задерживают опасные лучи.

Времени оставалось в обрез, и Литовцев согласился на испытания:

— Действуйте.

Багрецову вовсе не хотелось отрываться от исследования схемы орла-разведчика, но приказ есть приказ. Он надеялся за полчаса справиться с заданием. «Космическая броня Литовцева». Не раз мелькало это название в научно-популярных журналах, но ничего определенного Вадиму не говорило. Были у него какие-то смутные ассоциации, связанные с прошлогодней командировкой на испытательную станцию Курбатова. Уж не тот ли это Литовцев, из-за которого в конечном счете пострадала Нюра? Не ему ли захотелось достать «осколок солнца», чтобы успешнее продвинуть докторскую диссертацию?

Однако на эти вопросы Вадим не мог получить ответа. К Медоварову не подступись — еще бы, опять этот мальчишка стоит на его пути. Борис Захарович никогда не слышал о прежней деятельности Литовцева. Не такое уж это научное светило! Да и вообще, к испытаниям его «космической брони» Дерябин отнесся скептически.

— Испытайте поскорее, — сказал он Вадиму и, недовольно глянув на Толь Толича, зашагал к главному зданию.

— Но ведь нужна ваша подпись, — растерянно проговорил Медоваров.

Борис Захарович обернулся:

— Ничего... Багрецову я вполне доверяю.

Медоваров промолчал и лишь зло посмотрел ему вслед.

Несмотря на явное пренебрежение Бориса Захаровича к этим испытаниям, что должно было бы вызвать соответствующую реакцию у молодого инженера, Вадим провел испытания добросовестно, как и всегда. Ультрафиолетовые лучи свободно проходили сквозь иллюминаторы Литовцева.

Вадим не удержался и сострил:

— Не хотел бы я сидеть возле такого окошка в космическом корабле.

Медоваров загрустил. Весь расчет строился на использовании подходящего момента. Ионосферные испытания? Значит, можно попробовать и «космическую броню», привлечь к ней внимание, чтобы потом, когда она действительно будет нужна, поставить вопрос об использовании ее при постройке гигантского космического вок-

зала. Пусть броня эта пока несовершенна — всякие вредные лучи проходят. Но ведь любое изобретение можно доработать, учесть замечания, признать недостатки. Прежде всего надо его, как говорит Валентин Игнатъевич, «застолбить», чтобы другой дорогу не перебежал. «Перикулум ин мора», то есть «опасность в промедлении», так всегда предупреждает Валентин Игнатъевич, и опять-таки по-латыни добавляет, что «опоздавшим остаются одни кости».

Действительно, опаздывать нельзя, и Толь Толич срочно позвонил Литовцеву. Так, мол, и так, что прикажете делать? Не подпишет старик протокол. Вредные лучи, не задерживаемые атмосферой, проскакивают в окошки, как в пустые дырки.

— Собачку не посадишь у окошка, — грустно пошутил Толь Толич. — Сгорит голубым огнем.

— Дело горит, а не собачка, — раздраженно перебил его Литовцев. — Неужели вы не понимаете всю его важность? Мне нужно две недели, чтобы прислать новые иллюминаторы.

Вполне возможно, что Литовцеву удастся уменьшить проницаемость брони за это время. Но как его оттянуть? Поярков вот-вот приедет из Москвы, где уточнит дату основных испытаний «Униона». Если они пройдут успешно, то об этом будут писать во всех газетах и уж, несомненно, упомянут о «космической броне».

В ней Толь Толич видел будущее межпланетных полетов. Ясно, что не только окошки в космических кораблях, но и сами корпуса их сделают из полимеров. А кто впервые открыл «космическую броню»? Вот она где, настоящая слава! Важно прибежать первым, хотя бы на одну десятую секунды раньше других. Тогда и призы, тогда и почет, лавровый венок и портреты в газетах. Главное, что тут дело верное. Даже если бы увиолевое стекло Литовцева было дешевле самого простого оконного и ради здоровья людей не только в больницах и яслях, но и во всех заводских крышах, во всех жилых домах страны ставились бы такие стекла, все равно слава Валентина Игнатъевича не была бы столь громкой, как в том случае, если бы он мог считать себя одним из создателей завтрашних межпланетных вокзалов.

Неважно, что пока в «Унионе» «космической броней» будут застеклены лишь два окошка. Важно, как это преподнести читателю и, главное, начальству, ведь они тоже читатели, и для них существует общественное мне-

ние, тем более что насчет брони Валентина Игнатьевича пишут очень много.

Толь Толич был убежден, что все это неспроста. Значит, это действительно гениальное изобретение. Развернешь журнал — и сразу же тебе статья о «космической броне»; заглянешь в «Пионерскую правду», что выписал для сынишки, — опять же броня; включишь радио — и там беседа Валентина Игнатьевича «Химия и космос». По телевизору не раз выступал, показывал модели пластмассовых ракет и колпаки для «пустолазов». В кинохронике заснята лаборатория Валентина Игнатьевича, в Доме актера он читает лекцию, в рабочем клубе выступает в устном журнале...

Все это настолько гипнотизировало Медоварова, что он готов всю жизнь убирать камешки с дороги, по которой шествует знаменитый изобретатель «космической брони».

Скоро сюда, в Ионосферный институт, должен приехать кинооператор для съемки эпизодов, связанных с «космической броней». Медоварова этот приезд не беспокоил. Иллюминаторы уже испытывались на высоте больше сотни километров, не полопались, не потрескались, а что касается защиты от вредных лучей, то оператора это меньше всего должно интересовать. У него есть утвержденный сценарий.

Самое страшное, если «Унион» поднимется без окошек из «космической брони». Медоваров слышал о чудесном стекле, которое лучше всяких полимеров. А вдруг его поставят в окошки раньше, чем Валентин Игнатьевич успеет доработать свою броню?

Надо обязательно оттянуть время. Но как это сделать? Ведь, по существу, миссия Толь Толича закончилась. «Унион» приземлился, печати и пломбы, за которые несет ответственность НИИАП, проверены. Причина аварии зафиксирована, найдена виновница — все в порядке. Логика подсказывает, что делать здесь Толь Толичу нечего, особенно в настоящее время, когда ходят упорные слухи о реорганизации НИИАПа. Надо к этому подготовиться всерьез.

Однако Толь Толич понимал, что стоит ему покинуть территорию Ионосферного института, как никто уже не вспомнит о «космической броне».

И Медоваров пошел на поклон к Набатникову.

Афанасий Гаврилович разговаривал с Москвой.

— Есть решение?.. Готовится?.. Но меня интересует

срок. — И, завидев Медоварова, робко стоящего в дверях, Набатников прикрыл рукой микрофон. — Попрошу, Анатолий Анатольевич, зайти немного позже.

Выждав несколько минут за дверью, Медоваров осторожно постучал.

Набатников был настроен благодушно, предложил Толь Толичу кресло, хотел угостить кофе, но тот отказался:

— Извините, Афанасий Гаврилович, я на минутку.

— Прощаться пришли? Ну что ж. Счастливого пути вам, Анатолий Анатольевич. Как говорится, не поминайте лихом. — И Набатников протянул ему свою широкую ладонь.

Это несколько озадачило Толь Толича.

— Нет, Афанасий Гаврилович, не прощаться, а наоборот. Хотел просить вашего разрешения остаться здесь, посмотреть хоть раз в жизни настоящие испытания. А то ведь варимся в собственном соку. Техника против вашей — слабенькая, ковыряемся кое-как. Поучиться негде.

— Вы поставили меня в неловкое положение, Анатолий Анатольевич, — нервно почесывая переносицу, сказал Набатников. — Откровенно говоря, я не могу понять, чему вы будете здесь учиться? У вашего института совсем иные задачи...

— Да разве я не понимаю, Афанасий Гаврилович? — прижав руки к груди, доказывал Толь Толич. — Масштабы не те. Мы, так сказать, у Земли крутимся, в атмосфере приборчики испытываем... А вы вон куда махнули, в ионосферу... Но я хочу поучиться у вас организации... Ведь у нас перестройка на носу...

Чувствуя, что от него не отвяжешься, Набатников досадливо поморщился.

— Оставайтесь. В конце концов, это ваше дело.

Медоваров сердечно поблагодарил, хотя прекрасно понимал, что Набатников не смог бы отказать. Оснований нет. Уж если сюда приезжают разные южноамериканцы, то почему бы фактическому директору НИИАПа не перенять опыт одного из крупнейших институтов страны?

Первые шаги сделаны, теперь надо выяснить, не будет ли отложен полет «Униона».

Знакомясь с организацией работы Ионосферного института, Медоваров решил поинтересоваться биологическими исследованиями. Марк Миронович ему кое-что

рассказал и, отвечая на вопрос о том, когда поднимется «Унион», высказал мнение, что перед этими длительными испытаниями он, как главный врач, считает, что надо провести некоторые опыты с животными на Земле и, возможно, отправить Яшку в ракете. В момент ускорения он чувствовал себя весьма скверно.

— Значит, вы будете на этом настаивать? — еле сдерживая радость, спросил Толь Толич.

Марк Миронович задумчиво поглаживал бородку.

— Как вам сказать? Вероятно, так и придется сделать. Поярков ждет от нас исчерпывающих выводов, чтобы мы разобрались в записи Яшкиного кровавого давления и других показателей. Техник утверждает, что приборы были исправны. Но, если хотите знать мое мнение, я этому не очень верю. Скачущее давление, какие-то спазмы сосудов. Кривые абсолютно невероятные. Надо тщательно исследовать приборы, тем более что они нового типа.

— Простите за малограмотность, Марк Миронович. Но есть еще один вопрос, так сказать, для накопления опыта. Ну а если бы вы точно знали, что приборы в полной исправности? Тогда как?

— Не знаю, как начальство, только я бы посоветовал не торопиться и проделать опыты, о которых я уже упоминал.

— Примите и мой совет, Марк Миронович. Пусть Борис Захарович поручит проверку приборов человеку совершенно объективному и знающему. Я говорю о Багрецове. Сам Борис Захарович с вашими пульсометрами не возился, а этот мальчик их даже ремонтировал. Изучил до винтика.

Абсолютно уверенный, что приборы работали нормально, — еще бы, по методике их использования защищены две кандидатские диссертации, — Толь Толич не придумал ничего лучшего, как поручить их проверку Багрецову. Если он определил, что иллюминаторы Валентина Игнатьевича никуда не годятся, то пусть сейчас докажет, что новые приборы вполне исправны.

Медоваров несколько переоценивал роль этой проверки, но приходится использовать все средства, как учил его Валентин Игнатьевич. «Пер фас эт не фас», то есть: «всеми правдами и неправдами», только бы добиться цели. Впрочем, почему «неправдами»? Ничего предосудительного Медоваров не делает, наоборот, содействует изобретателю. А кроме того, надо подумать и о живот-

ных. Зачем подвергать их риску, если можно этого избежать? Пусть лучше Яшку-гипертоника посадят в ракету. Она летит какие-то минуты, а «Унион», говорят, будет летать несколько суток. Бедный Яшка!

Но разве Медоваров мог догадаться, что дело тут не в Яшке или других животных, а в людях. Марку Миرونвичу стало известно, что «Унион», вероятнее всего, поднимется с людьми, а потому он хотел быть уверенным в исправности приборов, иначе действительно придется провести дополнительные опыты с животными.

У Багрецова было много работ плановых и внеплановых. А кроме того, были еще и личные дела, не терпящие отлагательства. Он считал себя виноватым перед Нюрой, как и перед любым другим человеком, несправедливо обиженным или обойденным. Он наивно верил, что стоит лишь найти паспорта от аккумуляторов, как справедливость восторжествует и Толь Толич, смущенно поглаживая бритую голову, скажет Нюре: «Извините, Анна Васильевна. Не учел. Недопонял. Нас учат признавать ошибки. Виноват. А что касается предупреждения об увольнении, то можете не беспокоиться. Аннулируем».

Ранним утром, чтобы успеть до начала работы выполнить задуманное, Вадим попросил в гараже машину и поехал искать Юрку. Адрес его был известен, но мальчуган опять убежал куда-то в горы и вряд ли вернется к обеду. Не имея абсолютно никакого представления, в каком месте Юрка его нашел, Вадим поездил с полчаса по разным дорогам и, вернувшись ни с чем, попросил Юркину маму, чтобы она прислала сына на ракетодром.

Не успел он взяться за крыло летающего разведчика, как Дерябин приказал бросить все и заняться проверкой медицинских приборов.

Вадим понимал, что его проверка не окончательная. Вполне возможно, что придется вызвать сюда специалистов, которые устанавливали эти приборы, и устроить что-то вроде технического консилиума. И Марк Миронвич, и другие врачи, которые исследовали Яшку после полета, ничего серьезного у него не нашли. Вероятно, тут что-то иное.

Радиостанции «Униона», приемники и записывающие устройства проверял сам Борис Захарович. Работают они абсолютно надежно. Значит, не в них надо искать

причину, а действительно в приборах, что определяли Яшкино самочувствие.

Электрические измерения, проведенные Багрецовым, показали, что здесь тоже все в порядке. Теперь надо укрепить приборы на руке. Вот пульсометр, похожий на ручные часы, к которым присоединен цветной провод. Такой же провод тянется от браслетки, что надевается на предплечье. А это электроды от аппарата для снятия электрокардиограммы.

Приборы были сделаны с использованием современной высококачественной техники, и они никак не походили на обычные, которые можно увидеть в клиниках и больницах.

Пока не пришел Марк Миронович — он задержался у Бабкина, — надо все подготовить для окончательной проверки. Провода от приборов подсоединялись к осциллографам и самописцам.

На экране движется зубчатая линия. Этот синий светящийся след показывает, как спокойно и четко работает пульс. Да, Вадим сейчас абсолютно спокоен, здоров. Давление у него нормальное — вот на другом экране тянутся две голубые ниточки, будто кто-то прочертил их фосфоресцирующим карандашом.

На третьем экране с нанесенной на нем сеткой и цифрами тоже бегают светлые зубчики. Это токи сердца. Зубчики ведут себя дисциплинированно, не скачут выше красной линии, не опускаются ниже зеленой. Идеальное сердечко!

Но почему-то оно встревожилось. Пульс участился, давление повысилось, зубчики скачут через красный барьер.

Успокойся, Вадим! Так нельзя проверять аппараты. К тому же ничего особенного не случилось. Это Римма идет по коридору.

Вот она постучала, просунула голову в дверь.

— Треба обидати. Зараз дви годины, — она протянула руку, где блестели золотые часики.

Передохнув, Вадим заставил себя успокоиться.

— Вас мне очень не хватало, Римма, — уже совсем по-деловому сказал он. — Помогите закончить проверку. Потом пойдем вместе.

Римма села спиной к аппаратам и сложила полные руки на коленях.

— Що звелыте?

— Мне очень нравится, когда вы говорите по-украин-

ски. Чудесный певучий язык. Но я его плохо понимаю, а сейчас мне важно понимать.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

— Какой я начальник? — смутился Вадим. — Вроде вас.

— Не скромничайте. Года через два вам лабораторию дадут. Возьмете меня ученицей?

— Почему ученицей? К тому времени вы уже лаборанткой будете.

— Я-то? — удивилась Римма. — Эх, Вадим Сергеевич! У меня зовсім иншая доля, другая судьба. — И, точно устыдившись своей откровенности, уныло спросила: — Ну, говорите, що я должна робить? Що принести? Що унести? Целый день на побегушках.

Вадиму стало неловко, он хотел было выключить приборы и пойти с Риммой в столовую, но все же их не терпелось проверить.

— Одну минутку, девочка. Не сердитесь. Попробуйте сказать... ну хотя бы в этот микрофон, что-нибудь сверхъестественное. Чтобы я дух не смог перевести... Скажем, вроде того, что я полечу в «Унионе» куда-нибудь далеко.

Римма зевнула и придвинула к себе микрофон.

— Удивительное дело! И чего это людям на Земле не сидится? Но я бы все равно вас не пустила.

Микрофон не был включен, но Вадим его резко отодвинул, инстинктивно, точно Римма говорила на весь мир.

— Почему? Почему бы не пустили? — пробормотал он, заикаясь.

Римма прошла по комнате и, проглотив зевок, устала на светящееся блюдо осциллографа.

— Вы просили сказать что-нибудь особенное? Ну что ж, мне не жалко. — Она помедлила в предвкушении эффекта. — Разве я могла бы отпустить любимого человека?

Все позабыл Вадим. Он смотрел уже не на экраны, где прыгали, извивались, подсакивали сумасшедшие линии, не на приборы, где стрелки удивленно покачивали маленькими головками, не зная, куда приткнуться. Он смотрел в холодные, голубые, как льдинки, глаза Риммы и не понимал, что это — шутка или признание?

— Вы шутите? — еле шевеля пересохшими губами, спросил он.

— А как же? Сами приказали. Ну что, злякались? На вас лица нет. — И Римма деланно засмеялась.

Вскочив со стула, Вадим хотел было сбежать, но за ним потянулись провода, и это вернуло его к действительности. В конце концов, он сам виноват, сам напросился. Но в сердце притаилась обида. Разные бывают шутки, только есть вещи, над которыми шутить нельзя, — совесть не позволяет. А Римме все равно...

Он отвернулся к аппаратам. Зубчатая линия пульса то сжималась, то разжималась, как гармошка. «Веселая музыка», — усмехнулся он, досадуя, что дал волю чувствам. Сердечные токи растерянно бродили по экрану, а линии, определяющие кровяное давление, то сходились, то расходились, как рельсы на узловой станции.

Возможно, все это казалось Вадиму, но не было никакого сомнения, что в таком состоянии он не может продолжать испытания. Надо успокоиться.

Он не спеша расстегнул ремешок пульсомера, хотел было снять электроды, но Римма сделала это сама.

— У вас пальцы почему-то не слушаются... Идемте скорее обедать, а то ничего вкусного не останется.

За обедом Вадим молчал, пробовал разобраться в себе, что же, в конце концов, произошло? А Римма болтала о разных пустяках — что отбивная сегодня жестковата, что из всех пирожных она больше всего любит миндальное, что однажды съела полкило мороженого и даже не простудилось.

Через час после обеда Римма вновь появилась в лаборатории.

— Я вам не нужна, Вадим Сергеевич? — Подчеркивая деловую сторону своего посещения, Римма назвала его по имени-отчеству. — Вы хотели что-то проверить? Могу быть морской свинкой. Могу в микрофон балакать.

Перед тем как испытывать приборы на себе, что было еще до той горькой обиды, которую Римма нанесла ему, Вадим хотел проверить их также и на Римме, но сейчас отказался. Однако Римма настаивала:

— Поучите меня, как с аппаратами обращаться. Сами же говорили, что я должна быть лаборанткой. Обрыдло мне аккумуляторы таскать.

Рассматривая бумажную ленту с записью разных медицинских показателей, определяющих самочувствие Яшки в полете, Вадим удивлялся, насколько они изменились после включения атомных двигателей. Только что отсюда ушел Марк Миронович, которому Вадим проде-

монстрировал полную исправность всех приборов. Значит, дело не в технике, а в Яшке. Видимо, его организм не переносит столь огромного ускорения. Марк Мионович разводил руками, качал головой и, видно, был не на шутку огорчен.

Любознательность Вадима часто приводила в ужас его мать. Ну хорошо, она врач, работает в исследовательском институте. Дома от медицинской литературы не прордохнуть, шкафы с журналами уже вылезли в коридор. Но Димка-то здесь при чем? Неужели ему недостаточно своей радиотехники, чтобы еще интересоваться медицинскими журналами? Правда, тут есть связь. Димка занимался электрорадиоприборами, которые применяются для диагностики и лечения. Но ведь это постольку поскольку. Не основная его специальность.

— Хорошо, садитесь, Римма, — все еще продолжая рассматривать ленту, согласился Вадим. — Попробуем выяснить одну странность. Уж очень знакомая кривая. Где-то я ее видел...

Чтобы убедиться в правильности полученных результатов, надо повторить опыт не один раз. Вадим проверял приборы и на себе, и на Марке Мионовиче, хотел было опутать проводами своего начальника Бориса Захаровича, но тот терпеть не мог медицинских исследований, особенно если показатели твоего здоровья выражаются в абсолютных цифрах (пульс, давление, температура и прочее). Пришлось благоразумно воздержаться.

Где-то пряталось сомнение, что приборы слишком чувствительны. Подумать только: Римма сказала несколько слов, а в сердце Вадима забушевали такие электромагнитные возмущения, что в осциллографе готовы были задымиться всякие там транзисторы. По словам мамы, у Вадима повышенная нервная возбудимость, да и случай здесь особый. Но взять бы того же Марка Мионовича. Человек пожилой, уравновешенный. А посмотрели бы вы на экраны, где бегали его сердечные токи! Спокойный, спокойный, но когда он убедился, что приборы в порядке, а значит, дело в Яшке, который не выносит ускорения, то и сердечко откликнулось. Пульс начал давать перебои, и, чтобы не смотреть на это безобразие, врач содрал с себя всякие электрические хомутики и ушел расстроенный.

Боясь притронуться к голой девичьей руке, Вадим затянул на ней резиновый браслет, присоединил электроды.

— Ну а это вы уже сами пристройте, — передавая ей специальный микрофон и отвернувшись к осциллографу, сказал Вадим. — Около сердца.

Он щелкнул переключателем, поставил его на самую первую кнопку, чтобы кривая не вылезла за пределы экрана. Ведь девушки, как правило, непосредственны. Вспыхивают, краснеют, у них острее проявляются чувства. Они чаще, чем ребята, смеются, а иногда и плачут. А если так, то на осциллографе опять будут скачущие кривые, вроде Яшкиных.

— Ваша «обезьянка» готова, — кокетливо проговорила Римма, упираясь руками в колени. — Можете включать.

Вадим подключил наиболее спокойные регистрирующие приборы с перьями-самописцами. На длинной разграфленной ленте они оставляли цветные линии.

Ровненькие зубчики пульса, округлые волнистые кривые говорили о полном сердечном покое Риммы. Она не понимала сущности испытаний. Не раз ее просили поговорить в микрофон, может быть, и сейчас Вадим проверяет, как разные звуки действуют на человека? Зачем это людям нужно, неизвестно. Впрочем, она и не стремилась «засорять мозги» всякой чепухой, а потому, слепо выполняя приказания, никогда не спрашивала, к чему это все и зачем. Толь Толич тоже придерживался этого метода. «Любопытному в театре нос прищемили, — шутливо предупредил он Римму перед тем, как «бросить на производство». — В нашем деле чем меньше знаешь, тем спокойнее».

Предупредил он ее на всякий случай, а скорее всего по привычке. В НИИАПе секретными работами не занимались, но когда-то давно Медоварову пришлось иметь дело с секретной лабораторией. С тех пор даже на фабрике, выпускающей пластмассовых жучков и паучков, чертежи новых клипс и брошек он спускал в цех с грифом: «Для служебного пользования». Немудрено, что в воспитании Риммы Толь Толич сыграл существенную роль. Ее ленивый ум ждал именно такого руководства. Вадима удивляло, что никогда она не спрашивала его о технике, но это было простительно. Вечера мимолетны, не хватало времени даже для стихов.

Но сейчас надо чем-то взволновать Римму, только осторожно, чтобы не получилось, как на предыдущих испытаниях с Марком Мироновичем и самим Вадимом.

Вчера в газетах он прочел, что на одном из островов,

где патриоты боролись за свою независимость, колониальные войска спалили и уничтожили несколько деревень. Погибли сотни женщин и детей. Повстанцев бросили в тюрьму, и теперь они ждут казни. Не только Вадима, но и всех работников здешнего института, иностранных гостей, да и, наверное, всех честных людей мира, серьезно взволновало это известие. Опять колонизаторы не унимаются, опять льется кровь.

Делая вид, что все еще подготавливает аппаратуру, Вадим рассказал Римме о трагедии маленького острова, о судьбе приговоренных.

— Подумать только, — искренне негодовал он, размахивая отверткой. — Против женщин и детей колонизаторы выпускают танки, бросают бомбы... Люди сгорают заживо...

— Не знаю. Не читала.

Вадим поперхнулся, и, позабыв о приборах, посмогрел Римме в глаза.

— Но ведь я же рассказываю?

— Вы это умеете, — рассеянно улыбнулась Римма и картинно потупилась.

На всех приборах, отмечающих ее самочувствие, ничто не изменилось. Вадим упрекнул себя в неадекватности — в конце концов, не все обязаны интересоваться международными событиями. Попробуем другое. И он осторожно перевел разговор на более близкую тему. Ссылаясь на пример своих друзей, которые поехали осваивать Сибирь, Вадим увлеченно рассказывал о том, что каждый день приносит нам новые большие и малые радости. Он даже постарался раскрыть перед Риммой широкие горизонты завтрашнего дня, упоминал о романтике, о приключениях...

Хоть бы что-нибудь задело Римму. На осциллографах, отмечающих ничтожные доли душевного волнения, все оставалось по-прежнему. Сердце Риммы работало с завидной четкостью метронома.

Вышла новая увлекательная книга, о ней пишут в газетах, говорит чуть ли не вся страна, люди спорят, радуются успеху автора или поносят его. Римма спокойна, книг она не читает. Допустим. Тогда еще одна новость: после долгого перерыва Киевская студия наконец выпустила интересный, талантливый фильм. Римма его видела, понравился, но воспоминания ее не тревожат.

В страшной растерянности Вадим подкручивал руч-

ки, щелкал переключателями, чтобы увеличить на экране зубчики, чтобы как-то заметить их изменение. На движущейся ленте самописцев он разглядывал в лупу цветные линии, чтобы увидеть отклонение их от заданной оси хотя бы на полмиллиметра.

— Посидите еще минуточку, Римма, — говорил он при очередном переключении. — Что-то случилось с приборами. Они отказались работать.

Зря старался Вадим. Приборы были в идеальном порядке, но они не могут отмечать изменения, которых нет. Римма обыкновенная равнодушная девочка, и таких, к сожалению, еще много. Не удивляйся и не трать силы, Вадим. Неужели таких девушек ты никогда не встречал?

— Вы знаете, отчего погиб Петро? — спросил он, уже не скрывая своего отчаяния.

Римма снисходительно улыбнулась. Опять ей пришивают Петра. Всякое люди могли наболтать — погиб от несчастной любви. А кто же здесь виноват?..

— Не понимаю, зачем вы спрашиваете? — равнодушно проговорила Римма. — Меня это меньше всего интересует.

Бедный Димка! Чистая твоя душа! Неужели ты никак не разгадаешь Римму? И нечего тут сердиться, злиться!

— Как не интересует? — воскликнул он и сдернул темное покрывало с летающего разведчика. — Вот что его погубило.

Испытывая некоторое разочарование, Римма пожала круглыми плечами:

— Я слыхала что-то насчет орла. Говорят, с ним было столкновение.

Вадим рассказал, что за орел появился над нашей территорией, вспомнил о разведывательных воздушных шарах, но, несмотря на подчеркнутое внимание Риммы, видел по приборам, что это ее абсолютно не касается. Наконец, чувствуя полную безнадежность всей этой затеи, с горькой мыслью, что теряет кусочек своего сердца, Вадим признался:

— Ничего-то вас в жизни не интересует.

Римма бросила на него игривый взгляд:

— Ну это как сказать!

— Да чего уж тут говорить! — вздохнул Вадим. — Одними тряпочками интересуетесь.

— Не только тряпочками. Но каждая девушка любит со вкусом одеться. Чи погано?

Вадим уже отчаялся, посмотрел на движущуюся ленту, где хотел запечатлеть хоть какие-нибудь эмоции своей любимой, и решил их вызвать самым простым, но малоутешительным для него способом.

— Да, конечно, приятно смотреть на красиво одетых девушек. Сейчас уже делают новые ткани. Скоро выпустят какую-то особую ткань, дешевле и красивее заграничной.

— Слыхала, — подтвердила Римма, и Вадим застыл, глядя на экран осциллографа. — Ничего хорошего тут нет. Я сумела достать настоящий американский нейлон. А наш выпустят — тогда его каждая домработница наденет...

С этой мыслью Римма уже смирилась, а потому никакого волнения приборы не отметили.

— Больше вы мне не нужны, — щелкая выключателями, сказал Вадим. — Спасибо.

— А когда в микрофон балакать?

— Не надо: мне уже все ясно.

Расстегивая браслетки приборов, Римма что-то напевала, потом взяла один приборчик, круглый, похожий на микрофон, и поднесла к его губам.

— Даю пробу, даю пробу... Раз, два, три... На меня ты посмотри. Как слышите, Вадим Сергеевич?

Она смеялась, дурачилась, болтая красивыми точеными ногами, и в этот момент — вот уж нехстати — вошел Дерябин.

— Ну, как успехи? — спросил он у Багрецова и покосился на Римму.

Вадим рассказал, что приборы работают нормально, пробовал на себе, на Марке Мироновиче, и вот сейчас Римма пришла помогать. Он совершенно сознательно не упомянул при ней, что показали испытания, и, дождавшись, когда она скрылась за дверью, поделился своими сомнениями с Борисом Захаровичем.

— В последнем случае, — Вадим указал глазами на дверь, — приборы ничего не отметили. Никаких изменений.

Дерябин в это время рассматривал записи на ленте.

— А это что? — ткнул он пальцем в размашистые кривые.

Пришлось Вадиму извиняться за Римму.

— Случайная запись. Она что-то болтала вроде как в микрофон, но... — Вадим проследил за взглядом Дерябина и осекся. — Вы думаете, что здесь то же?..

Сравнивая две записи: странного самочувствия Яшки при ускорении и болтовни Риммы, Борис Захарович не мог не отметить их тождественности.

— Да. Но если бы Яшка умел говорить, — снимая очки, пробормотал Дерябин. — Впрочем, он мог кричать... И это невозможно. Приборы защищены от звуков.

— Бабкин! — воскликнул Вадим. — Это он говорил.

— Чепуха. В Яшкину камеру просунуться нельзя. Подключиться к радиостанции трудно. Да и микрофона у него не было. — Борис Захарович дохнул на стекла очков, протер их и сказал неуверенно: — А впрочем, бегите узнайте.

Бабкин лежал на кровати, вытянув поверх одеяла забинтованные руки.

— Наконец-то! — обрадовался он вбежавшему Вадиму. — А я уже совсем подыхал от скуки. Читать нельзя. Ты бы мне какой-нибудь «автоперелистыватель» сконструировал.

— Ты что-нибудь передавал сверху?

— Как видишь, — Тимофей поднял руки. — Единственный практический результат. Лучше уж бросать записки в ботинках. Правда, жена спросит, куда я их дел.

— А в радиостанцию включался?

— Не помню. Кажется, пробовал... Погоди... — Тимофей вытащил из-под подушки карманный приемник и задумчиво повертел его в руках. — Ну да. Громкоговоритель подсоединял. Но ведь внизу все равно ничего не слышали.

Вадим не смог сдержать радостного нетерпения.

— Не слышали, но видели запись на ленте. — И он рассказал, что из этого получилось.

Притащили маленький магнитофон, на котором записали примерно те же слова, что передавал Тимофей, и когда воспроизвели эту запись графически, то выяснилась их абсолютная схожесть с зубчатой кривой, принятой из «Униона». Все это было нужно для доказательства, что самочувствие Яшки-гипертоника в момент ускорения оставалось нормальным. Это обрадовало и Дерябина, и Марка Мироновича, и, конечно, Багрецова, который внутренне гордился своим открытием, хотя в основном оно было подсказано Борисом Захаровичем. Дерябин подшучивал над Вадимом, что он уже практически подошел к созданию «кресла чуткости», о котором говорил Афанасий Гаврилович, что такие кресла с

сигнальными приборами нужно выпускать в серийном порядке.

— Пусть люди учатся бережному отношению друг к другу.

— Это, конечно, полезно, — с печальной улыбкой согласился Вадим. — Но я бы применял такие кресла для выявления равнодушных.

Борис Захарович похлопал его по плечу:

— Неплохо придумано. Хочет человек посвятить себя науке? Пожалуйста, побеседуем. И если приборы покажут, что товарищ из породы равнодушных, никакие знания его не спасут. В науке таким делать нечего.

В другое бы время Вадим увлекся этой темой, стал бы развивать ее, фантазировать. Но сейчас сердце его щемило, и не защита науки от равнодушных дельцов волновала его, а печальное открытие, что душа Риммы оказалась пустой. И дело здесь не в приборах, они лишь подтвердили то, над чем не раз задумывался Вадим. Сейчас, вспоминая мелкие частности, разговоры с Риммой, ее отношение к людям, интересы, все, из чего складывается внутренний человеческий облик, Вадим все больше и больше убеждался в своей ошибке. Не мог он полюбить ее. Не мог.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Мужское благородство. «первейшие богачи» и обида Медоварова. У автора появляется надежда, что справедливость восторжествует. Но ведь она не приходит случайно, за нее надо бороться.

агресцов старался не думать о Римме. Ведь еще столько дел, нужных, важных, интересных, за ними все позабудешь.

На другой день к вечеру пришлось вновь вспомнить о Римме. Исследуя схему летающего разведчика, Вадим поставил его на крыло, и тут на пол упали два белых целлулоидовых квадратика.

Быстро нагнувшись, Вадим узнал в них потерянные паспорта от аккумуляторов. Нетрудно было и понять, как они очутились внутри птицы. Видимо, Юрка, когда нашел Вадима в бессознательном состоянии, обнару-

жил рядом с растерзанным чучелом как бы выпавшие из него белые квадратики. Естественно, что мальчуган запищал их обратно вместе с проводами и другими электромеханическими внутренностями.

На матовой поверхности целлулоида ясно различались инвентарные номера, даты, число циклов — короче говоря, все, что требовалось знать об испытываемых аккумуляторах. На обоих квадратиках оказались какие-то закорючки, видимо изображающие подписи. Но может быть, это все-таки другие паспорта, не от тех аккумуляторов, что стоят за стеклом в шкафу? Вадим сравнил кое-какие внешние признаки и на банках и на паспортах — те же самые потеки, одинаковые царапинки. Доказательства убедительные.

Не успел Вадим как следует их рассмотреть, как в дверь осторожно просунулась пышноволосяя головка Риммы.

— Бориса нема?

— Бориса Захаровича, — поправил ее Вадим, садясь за стол. — Дурная школьная привычка называть так старших.

Римма проскользнула в дверь, бросила сумку на стол и насмешливо поблагодарила:

— Глубоко тронута вашим наставлением, Вадим Сергеевич. Что еще скажете?

Он отвел глаза от ее полных, обнаженных до самых плеч рук и ответил пустым словом:

— Ничего.

Увидев у Вадима паспорта, Римма изменилась в лице и с губ ее сползла улыбка. «Странно, чего она перепугалась? — удивился Вадим. — Вот сейчас приборы не остались бы равнодушными».

Умела Римма владеть собой, подошла ближе и, склонившись через плечо Вадима, спросила небрежно:

— Где вы их нашли? — И когда он ответил, лениво процедила: — Мне-то все равно, конечно. Но лучше бы вы их никому не показывали. Анну Васильевну подведете.

— Наоборот. — Вадим резко повернулся к Римме. — Теперь все выяснится. Номера аккумуляторов известны. Надо позвонить в институт, и там проверят, кто поставил испорченные аккумуляторы с такими-то номерами. Ведь они в книге записаны?

— Не знаю. Ко мне это не относится. — Римма танцующим шагом ходила возле стола. — Анна Васильев-

на должна отвечать. Наверное, она и в книге расписалась.

— Такой грубой ошибки Нюра не могла сделать.

Римма погладила себя по голой руке и тоненько хихикнула.

— Насчет ошибок помолчали бы. Выговор даром не дадут.

— Нехорошо злорадствовать. Стыдно.

Частенько играя на людской честности и простодушии, Римма совершенно точно знала, что Анна Васильевна, если уж ее удалось разжалобить и вырвать обещание не раскрывать истинного виновника истории с аккумуляторами, сдержит свое слово. Честность Вадима тоже не подлежит сомнению. Но, оказывается, это очень скверно. Ни ласки, ни уговоры не поколеблют его решения, и если он задумал помочь Анне Васильевне, то, уж конечно, своего добьется.

Паспорта с подписью Риммы выдают ее с головой. Разве тут можно оправдаться неопытностью, незнанием, рассеянностью? Ничто не поможет. Уж слишком явно преступление. Да, да, преступление! Ведь она самовольно, нарушив приказ, заменила аккумуляторы. «Зачем? — спросят ее. — Какие причины вас к тому побудили?» И, чтобы не подумали чего-нибудь серьезного, за что под суд отдадут, придется реветь и признаваться, что торопилась в город, не захотела возвращаться в лабораторию, а потому взяла старые банки в аккумуляторной. «А почему вы торопились?» — спросят ее. Люди захотят узнать, не скрываются ли здесь какие-нибудь смягчающие вину обстоятельства: болезнь кого-нибудь из близких, проводы любимого человека. Даже несчастная любовь и то может быть принята в оправдание.

Но ведь никого она не провожала, никого не любила. А признаться надо, чтобы не навлечь на себя более строгой кары, чем увольнение... Впрочем, кто поверит в истинную причину, из-за которой Римма совершила такой отвратительный поступок: вызвать зависть у девчонки с танцплощадки? Не поверят. Нет! В эту минуту она ненавидела Багрецова, его дурацкую честность и прямоту. Но ведь мальчик, кажется, влюблен в нее? Ну что ж, посмотрим!

Уже темнело, но Вадим не мог подняться, чтобы зажечь свет. Опираясь на спинку стула, Римма из-за плеча Вадима рассматривала чучело орла, делая вид, что это ее интересует, низко нагибалась, и тогда, боясь по-

вернуться, Вадим чувствовал ее щекочущее дыхание, шея его краснела, он злился на себя, но отодвинуться не мог.

Как бы невзначай Римма коснулась грудью его плеча. Вадим вздрогнул, сжал в кулаке целлулоидовые квадратики, но потом опомнился, распрямил их и положил на стол.

Римма глубоко вздохнула, нежно провела рукой по спутанной Димкиной шевелюре.

— Дурненький. Ничего-то вы не чувствуете.

Тяжело приподнявшись, Вадим посмотрел ей в глаза:

— Говорите.

— А что мне говорить? Спытайте у Анны Васильевны.

Разве можно Римму понять? Вначале Вадиму показалось, что она намекает на свое чувство... Нет, это никак на нее не похоже. Тогда в чем же дело?

Скривив губы в презрительной усмешке, Римма разрешила его сомнения:

— Неужели вы не видите, чего добивается ваша тихоня? Вы, як тот закоханец, вздыхаете по ней, а она смотрит совсем в другую сторону.

— Позвольте, Римма! — Вадим испуганно развел руками. — Ведь это обыкновенная дружба.

— Дитячи байки. Даже в школе я в это не верила.

— Это уже относится к вашей биографии, — холодно заметил Вадим. — Но я готов привести вам ряд примеров...

— Не желаю я никаких примеров. А вашу тихоню ненавижу, ненавижу!..

Совсем опешил Вадим. Разве знал он, что все это было разыграно и продиктовано якобы ревностью, а на самом деле совсем иными чувствами.

— Вы для нее все можете сделать, — прикладывая платочек к глазам, возмущалась Римма. — А я не хочу. Не хочу!

Быстрым кошачьим движением она схватила целлулоидовые паспорта, чтобы разорвать их, но Вадим вовремя бросился к ней:

— Не дурите, Римма! Отдайте сейчас же! Как вам не стыдно?

— Вам стыдно! Вам!

Она крепко сжимала паспорта, сильная, ловкая. Вадим попробовал отнять, но это оказалось почти невоз-

можно. Ведь перед ним девушка, разве он способен причинить ей боль, разжимая тонкие пальцы? Но самое главное, он боялся притронуться к ней, чтоб в пылу борьбы не обнять случайно, не коснуться щекой обнаженных рук.

А Римма уже все превратила в шутку, бегала вокруг стола, громко смеялась, взвизгивала, как от щекотки, и, когда Вадим настигал ее, прятала руки за спину, подставляя раскрасневшееся лицо.

— Ну, що вы зробите? Що?

Она понимала щепетильное благородство своего противника, и если он за столько вечеров, проведенных вместе, ни разу не решился ее поцеловать, то здесь, в лаборатории, она в полной безопасности.

Прижавшись к стене, Римма старалась разорвать, разломать на части плотные квадратики. Вадим боялся взять ее за руку, наконец, отчаявшись, оторвал Римму от стены, и девушка очутилась в его объятьях.

Это было так неожиданно, что Вадим растерялся, и только гневный голос Медоварова вывел его из оцепенения:

— Что здесь происходит?

Вспыхнул яркий свет. Римма закрыла лицо рукой и сделала вид, что плачет.

Толь Толич сочувственно погладил ее по голове и, повернувшись к Багрецову, дал волю своему гневу:

— Потрясающее безобразие! Хулиганство. Я сообщу об этом по месту вашей работы. В комсомольскую организацию. В райком... Да и вы как могли допустить? — вдруг накинулся он на Римму. — Я был лучшего мнения о вашей нравственности, гражданка Чупикова.

— Вы не смеете ее так обижать! — вспылил Вадим. — Можете пользоваться правами начальника, но не забывайте, что существует еще и мужское благородство.

От этой дерзости у Толь Толича отнялся язык. Мальчишка! Сам виноват, а туда же, в рыцари суется. Но в то же время, зная Багрецова, Толь Толич понимал, что это не позерство, а твердая убежденность в своей правоте. Девочка, конечно, хороша. Не раз он сам провожал ее завистливым взглядом, вздыхал и почесывал лысину. Встречая ее с Багрецовым, думал, что умненькая девочка лишь поддразнивает его, а жизнь свою построит на другой, более солидной основе. Но мальчик отличился. Такое мужество, такое благородство в защите де-

вичьей чести! Как же тут не замереть от восторга? А главное — не побоялся схватиться с начальством. Впрочем, это сейчас в моде — цыплячий нигилизм.

Мрачным тяжелым взглядом Медоваров сверлил противника.

— Так, так... Значит, в благородство играете? Ясно.

Но мальчишка почему-то спокоен. У другого бы поджилки затряслись. Мало ли что под этим «ясно» понимать? Насчет чего ясно? И многозначительно, как фокусник, Толь Толич вытаскивал из себя загадочные слова:

— Вы уже хотели сыграть в благородство в отношении гражданки Мингалевой, но попытка не удалась. Мы еще расследуем это дело, и не думаю, что сцена, которую я имел несчастье наблюдать, свидетельствует о ваших высоких моральных качествах.

Именно так, не раскрывая до конца, что он подразумевает под неудавшейся попыткой — а здесь можно понимать всякое, — Медоваров сразу убивал двух зайцев. Во-первых, он предостерегал Римму, намекая на донжуанские поступки Багрецова, а во-вторых, грозил ему дополнительным расследованием странной пропажи паспортов, которые, как тот сам признался, снял с аккумуляторов.

Багрецов догадывался, что за игру затеял милейший Толь Толич. Но самое отвратительное заключалось в том, что теперь уже оскорблялась честь не только Риммы, но и Нюры. С этим примириться нельзя.

— Как вам не совестно, Анатолий Анатольевич? — запуская пальцы в свою шевелюру и раскачиваясь, словно от мучительной зубной боли, заговорил Вадим. — Простите, что я вас, старшего, должен стыдить. Мне глубоко оскорбительны все эти намеки и подозрения. Хотите знать, что здесь произошло?

— Что за тон? С кем вы говорите? — возмутился Медоваров и, предупредив, что подобной дерзости не стерпит, направился к двери. — Вы тоже хороши, — проходя мимо, бросил он Римме. — Обязательно расскажу матери.

«От Медоварова всего можно ожидать: и матери расскажет, и знакомым», — решил Вадим и встал у двери.

— Нет, уж простите, Анатолий Анатольевич! Вы должны меня выслушать. Римма не очень удачно подшутила, взяла важные документы, а я испугался и стал у нее вырывать. Вот и все.

Медоваров саркастически улыбнулся, обращаясь к Римме:

— Ну, где же ваши документы?

При всем своем равнодушии и безразличии к людям этого Римма стерпеть не могла. Она готова была вцепиться в Димкины волосы и методично бить его головой об стену, пока он окончательно не ошалееет, пока память у него не отобьешь. Джентльмен какой нашелся! Защитник! Ну обнял. Поцеловать бы даже мог. Подумаешь, Художественный театр! Ничего бы не случилось. А тут своей слюнтяйской честностью он и утопить может.

— Никаких бумажек я не видела, — плаксиво пробормотала Римма. — Ничего я не знаю.

Этого не ожидал Вадим. Да в чем же тут дело? Почему несчастная девчонка так настойчиво цепляется за паспорт? Почему она лжет?

До боли стиснув пальцы, Вадим заставил себя успокоиться.

— Вы хорошо понимаете, Римма, что речь идет не о бумажках, а о пластмассовых паспортах. Они выпали из чучела.

Медоваров насторожился.

— Из этого? — показал он взглядом на стол.

Возникли вполне естественные подозрения. Что за паспорта такие? Листовки? Шпионские данные? Технические сведения? Во всяком случае, если верить Багрецову, то документы эти действительно важные.

— Где они? — испытующе глядя на Римму, спросил Медоваров.

Она поняла, что слезы тут не помогут, и даже глаз не опустила.

— А я знаю? Неужели после работы и пошутить нельзя? Ну, бегали тут... Он вырывал. Я куда-то бросила...

— Придется поискать, — мягко сказал Медоваров, догадываясь, что здесь какая-то уловка. — Только вы уж стойте на месте, — предупредил он, заметив нетерпеливое движение Риммы. — Я один справлюсь.

Толь Толич вперевалочку обошел вокруг стола, затем вокруг Багрецова, заглянул под стулья, осмотрел каждый угол лаборатории... Но Вадим чувствовал, что делает это он лишь для проформы, отлично зная, где могут быть паспорта.

Да и сам Вадим догадывался. Стоило лишь бросить

взгляд на стол, где раньше лежала красная сумочка Риммы. Сейчас этой сумочки не было, а Римма, заложив руки за спину, прислонилась к стене и с подчеркнутым равнодушием наблюдала за поисками Толь Толича. И если он мог думать чуть ли не о государственном преступлении, связанном со шпионажем — ведь документы были в птице-разведчике, — то Вадиму уже стало ясно, что Римма хотела использовать паспорта либо для мести Нюре, либо для каких-либо других также не очень благородных целей.

В сердце его боролись два чувства. Ну к чему эта комедия? Надо подсказать Толь Толичу, чтобы он бросил поиски. Пусть подойдет к Римме и прикажет отдать паспорта, которые она спрятала в сумку. Документы принадлежат институту, и она не вправе держать их у себя. Но жалость к Римме и щемящая боль, словно теряешь что-то дорогое, заставляли Вадима молчать. Может быть, Толь Толич уйдет ни с чем и Римма, оценив молчание Вадима, сама отдаст паспорта?..

— А ну-ка, деточка, дайте я здесь посмотрю, — как сквозь сон услышал Вадим ласковый голос Толь Толича. — Отойдите от стены.

Римма ответила вежливым «пожалуйста».

— Оказывается, и тут нет, — удивлялся Толь Толич. — А может быть, в суматохе вы сунули документы в сумочку? Поглядите, золотко.

Ну что оставалось делать Римме? Старик въедливый, упрямый. Откажешься — не поверит, тем более Димка ляпнул, что нашел паспорта в заграничном аппарате. Штука серьезная. Могут приписать, чего и не было.

Открывая сумку, Римма обиженно проговорила:

— Прямо допрос какой-то! — Вынула пудреницу, губную помаду. — Очень мне нужны ваши бумажки... Ну так и есть... Эти, что ли?

Она протянула паспорта Вадиму, но тот не ответил и лишь склонил голову.

Паспорта оказались в руках Толь Толича. У Риммы появилась надежда, что со стариком будет легче поладить, чем с мальчишкой, который неизвестно кого из себя изображает. Дон-Кихота, что ли?

Медоваров подошел поближе к свету.

— АЯС-12... Напряжение... Число циклов... Время работы... Но ведь здесь же все по-русски?

— Так и должно быть, — устало отозвался Багре-

цов. — Аккумулятор Ярцева сухой. Тип двенадцатый. Паспорта испорченных аккумуляторов.

— Этих? — Медоваров посмотрел в запечатанный шкаф, где сквозь стекло виднелись полосатые кубики. — Но вы же сами сказали, что паспорта от них потеряли. Как же они попали в чужой летающий аппарат?

— Точно не знаю.

— Странно. Очень странно. Ну что же, посоветуемся. — И, сунув паспорта в карман, Медоваров вышел из лаборатории.

— Ненавижу слюнтяев! — бросила через плечо Римма и, оставив Вадима в печальном недоумении, поспешила за Медоваровым.

Она догнала его в сквере возле лабораторного корпуса.

— Погодите, Анатолий Анатольевич. Я вам все расскажу.

— Ну что ж, присядем, золотко.

По мере того как Римма рассказывала, лицо Толь Толича хмурилось и хмурилось. Он-то думал, что ему удалось раскрыть целый шпионский заговор. Самовзрывающаяся птица, в которой найдены секретные данные новых, как будто атомных, аккумуляторов! Авария в ионосфере! Подозрительное поведение Багрецова! Борьба за обладание техническими паспортами! Да мало ли тут непонятных, странных, загадочных фактов, которые настораживают, заставляют проявить острейшую бдительность. А отсюда ясно, что только после работы специальной комиссии и следственных органов можно будет поднять «Унион».

На всю эту предварительную работу потребуется время. Минимум две недели. То есть срок, вполне достаточный для усовершенствования «космической брони».

И вдруг все рушится. Никакого таинственного шпионажа здесь нет, а есть обыкновенные технические паспорта, которые уличают глупую девчонку в преступной халатности. Мало ли что она молит не выдавать ее, не показывать паспорта. При других обстоятельствах можно было бы и сжалиться, но ведь Багрецову рот не заткнешь. «Благородство» не позволит ему выгородить пусть даже любимую девчонку и тем самым утопить другую. Ведь Мингалева уже предупреждена об увольнении. Теперь это дело придется переиграть.

Римма всхлипывала, заламывала руки:

— Ну куда я теперь денусь? Что со мной будет?

— Ничего особенного, золотко. Под суд отдадут, — на всякий случай припугнул Медоваров. — Мне вас абсолютно не жалко. Ну и вырастила мама дочку! Теперь всю жизнь будет плакаться.

Он говорил еще что-то равнодушно-назидательное, а в голове зрел новый план, как бы эту паршивую историю с подменой аккумуляторов использовать в своих целях. Нет ли тут хоть маленькой зацепочки, чтобы отложить испытания «Униона».

— Много ли у нас осталось новых аккумуляторов? Этих «аясов двенадцатых»?

— Штук пять. Не больше, — сморкаясь в платочек, ответила Римма. — Остальные проработали много часов, как те два.

— А вы только два подменили? А не десять? Вспомните!

— Что вы, Анатолий Анатольевич! Я хорошо помню.

— Ну, тогда я не знаю, чем вам помочь. — И Медоваров сделал вид, что хочет уходить.

Римма удержала его за рукав.

— Я ведь еще плохо разбираюсь. Может, они все долго работали?

— Конечно. Ведь это безобразие — доверять ученице такие ответственные дела. Могли вы позабыть отметить в паспорте, что аккумулятор проработал лишние часы? Могли. Значит, дело не в подмене, а в обыкновенной забывчивости. А это уже другой коленкор, золотко.

Не совсем понимая логику рассуждений Толь Толича, Римма все же догадывалась, что тот желает ей добра, и потому покорно соглашалась. Да, она забывчива. Да, она не помнит, на всех ли аккумуляторах ставила отметки о проработанных часах. Да, вполне вероятно, что в «Унионе» стоят банки, которые уже отслужили свой срок. Да, Мингалева не всегда контролировала ее работу.

— Так и говорите, если будут спрашивать, — сказал Медоваров, приподнимаясь. — Попробую что-нибудь для вас сделать, золотко. Ох уж эти мне молодые кадры! — И, ущипнув Римму за пухлую щечку, отпустил с миром.

Он долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Затем, приподнявшись на цыпочки, чтобы среди деревьев разглядеть блестящий диск «Униона», трусливо поежился.

До чего же трудно продвигать новое! Ну хорошо, есть на свете и магнитные бури, и вспышки космических

лучей. Набатников не хочет ждать и торопится поднять «Унион», чтобы чего-то там разглядеть. Но неужели у людей нет перспективного взгляда? Лучи были и будут, магнитные бури — тоже. А «космическая броня» — это перспектива. А попробуй скажи, посоветуй. Поярков доказывает, что полет откладывать нельзя. То же самое утверждают и астрономы, и радиофизики, и метеорологи. Странные люди, все они торопят, обрывают звонки — спрашивают, скоро ли? Дерябин со своим дружкой Ярцевым ждут не дождутся испытать какую-то невероятную штуковину. Курбатов — изобретатель фотознергетической ткани — шлет телеграммы. Только ведь надо понимать, что все эти дела в плане не значатся. Раньше на «Унион» не рассчитывали, обходились как-то. И насколько известно Толь Толичу, там, наверху, заняты более серьезными вопросами, чем определение срока испытаний обычной летающей лаборатории. Валентин Игнатьевич в курсе, намекает, что все передововерено Набатникову. А с ним Толь Толичу детей не крепить.

Вслушиваясь в настоуженную тишину ракетодрома, Медоваров пугливо озирался. Ему представлялось, что «Унион» уже поднимается, а рядом стоит Валентин Игнатьевич и строго глядит на Толь Толича: как это он допустил? Такое дело угробить!

Чувствуя шаткость своего положения, Медоваров панически боялся потерять испытанную опору, Литовцева. Всемоужий человек, незаменимый!

Научно-исследовательский институт, в котором он работал, перевели из Москвы поближе к новостройкам. Так что же вы думали? Лабораторию Валентина Игнатьевича передали другому институту, остающемуся в столице. Значит, ценят человека. Государственный масштаб! А до этого, когда его судьба решалась, он говорил в шуточку, что будет работать в пивном ларьке, а из Москвы не уедет. Смеялся: «На пивной пене я заработаю не меньше, чем на химии крупных молекул». Да, избави бог, случись что с ним — не пропадет, останется в Москве, будет где-нибудь консультировать или в крайнем случае бросит все и займется разведением клубники на своей даче. Так он и пригрозил, когда институт переезжал в другой город.

А что делать Толь Толичу? Своей дачи у него нет, а ведь загреметь с должности легко. Сейчас самостоятельность требуется, решительность. Самому мозгами надо

раскидывать, а не ждать, пока тебе сверху укажут. Вон ведь какая перестройка пошла!..

И Толь Толич вдруг почувствовал жалость к себе. Он человек скромный, знает свое место, не лезет в первые ряды. Куда ему до Набатникова, Пояркова, Курбатова! У него нет ни знаний старика Дерябина, ни даже способностей мальчишки Багрецова. Ничего нет! Вот и приходится выкручиваться: иной раз сыграешь на людских противоречиях, на ошибках, на разности интересов, на горе и счастье людском.хлопотное дело, опасное, но привычка выручает.

Он любил решать хитроумные задачи, но не шахматные, а житейские, ну, скажем, такие: можно ли остановить поезд, не прикасаясь к стоп-крану, не размахивая на путях красным флажком и, конечно, не ложась поперек рельсов. Валентину Игнатьевичу такую задачу решить — раз плюнуть. Ну, а он, Медоваров, человек маленький, способен найти решение? А ну-ка попробуем. И после тщательного анализа возможных вариантов Толь Толич приходил к выводу, что задача ему по плечу. Никто и никогда не догадается, что поезд остановился по желанию товарища Медоварова. Конечно, найдутся пострадавшие, но это уже частности. Так и сейчас. Глупая девчонка, коль она сумела проштрафиться, должна поезд остановить или, вернее, задержать его отправление. В данном случае Толь Толич подразумевал отправление «Униона» в ионосферу.

Эта задача его увлекала. Каково же будет развитие событий? Толь Толич проявляет бдительность, показывает Дерябину технические паспорта и говорит, что ярцевские аккумуляторы в «Унионе» надо заменить другими, ибо в таком ответственном мероприятии рисковать нельзя. Старик, конечно, на дыбы. Приглашается Римма, она весьма натурально ревет и признается, что не помнит, ставила ли отметки о проработанных часах на всех аккумуляторных банках. Старик хватается за сердце, но ничего не поделаешь — надо исследовать каждую банку. Да и тут нет уверенности, что в самый ответственный момент какой-нибудь аккумулятор не «скиснет».

Толь Толич утешает старика и советует затребовать новые аккумуляторы из лаборатории Ярцева. Но дело в том, что они еще не готовы. «Примите срочный заказ». — «Пожалуйста, только сразу его выполнить нельзя — технология сложная». Проходит время, и вот уже

высылаются новые аккумуляторы Ярцева и вместе с ними новые иллюминаторы Литовцева.

Вдруг мелькнула блистательная мысль: «Да ведь я должен, обязан предупредить насчет аккумуляторов. Кто поручится за девчонку, что она не перепутала все на свете. Тогда может быть авария, гибель «Униона».

Стало удивительно легко на сердце, и Толь Толич почувствовал, как в нем просыпается что-то вроде благодательства.

Зная, что даже поздно вечером Дерябин окажется на месте, Толь Толич не торопился с осуществлением задуманного плана. Он прежде всего позвонил Литовцеву домой, успокоил его, что «все будет в ажуре», и лишь тогда пошел к Дерябину.

У Бориса Захаровича никогда не было своего кабинета. Вся жизнь прошла в лаборатории, где нет мягких кожаных кресел, ковров, тихого уюта и длинных заседаний. Поэтому на приглашение Набатникова воспользоваться его кабинетом Дерябин ответил отказом и выбрал себе место в зале центрального пункта телеуправления.

Пустой полутемный зал. На высоком вращающемся кресле возле пульта с кнопками, рычажками, штурвалами сидит Дерябин и, рассматривая схемы анализатора Мейсона, почесывает карандашом подбородок.

Маленькая лампочка освещает схему, нижнюю часть лица, остальное все теряется в полумраке.

— Электроэнергию экономите, Борис Захарович, — подшучивал Медоваров, один за одним включая верхние плафоны дневного света. — У них здесь лимита нет.

Он присаживается на другое такое же кресло, морщится, пристраивая аккуратненькие сапожки на нижней перекладине, и сразу же приступает к делу.

— Большие неприятности, Борис Захарович. Я сейчас допрашивал эту дуреху Чупикову. Она призналась, что не всегда отмечала на паспортах аккумуляторов, сколько часов они проработали. Где у вас гарантия, что в самых ответственных испытаниях ярцевские аккумуляторы не откажут? Ведь вот паспорта нашлись. — Толь Толич вытаскивает их из кармана и протягивает Дерябину. — Здесь число циклов отмечено. А на других? Мингалева тоже хороша. Доверить ученице такое ответственное дело!

Борис Захарович подробно расспрашивает, где и как были найдены паспорта, и, убедившись, что Мингалеву

здесь особенно винить не в чем, ведь Толь Толич сам придумал для Риммы должность ученицы-лаборантки и покровительствовал ей, пришел к заключению, что во всей этой истории главная вина лежит на самом Медоварове.

— Вот они, ваши кадры! — Дерябин сердито смотрит на него поверх очков. — Я не знал, а то бы запретил этой девчонке даже близко подходить к аккумуляторам.

— Кто из нас не ошибается, Борис Захарович? — елеиным голоском поет Медоваров. — Секретаршей Чупикова работала хорошо. Решили перевести на производство. Десятиклассница, из трудовой семьи, анкета чистенькая. И вдруг — преступная халатность. За такое дело и под суд отдать могут.

Дерябин резко поворачивается на вертящемся кресле. В глазах загораются сердитые огоньки.

— Кого под суд? Неужели вы не видели, что это самая обыкновенная пустышка с танцплощадки? Ведь, кроме этого, у нее за душой ничего нет. Она равнодушна ко всему: к труду, к книге, к окружающим. Вот этих окружающих и судить надо. Боюсь только, слишком длинную скамью придется для них делать. В зале суда ее воспитатели не уместятся.

«Горяч старик, — с ухмылочкой думает Толь Толич. — Готов всех посадить на скамью подсудимых. Да разве в том дело, что девчонку не распознали? Она же видна как на ладони. А люди за нее просят, ходатайствуют. Уважаемые люди, полезные. Ведь не в лесу живем».

— Шут с ней, с девчонкой, — отмахивается Медоваров и переходит к главному: — Я, конечно, здесь человек посторонний, но в моем хозяйстве произошла эта неприятность. Каюсь, Борис Захарович, каюсь. Воспитательная работа у нас не на высоте. Только что же теперь делать? Неужели вы оставите в «Унионе» такие подозрительные аккумуляторы?

— Нельзя. А кроме того, из-за нашей неорганизованности может пострадать изобретатель.

— А что, если срочно заказать ему новую партию?

— Не успеет.

— Да ради такого случая можно подождать недельки две.

— Нецелесообразно. Аккумуляторы заменим другими.

— Что вы говорите? — всплескивает руками Толь

Толич. — Нечуткий вы человек. Отнять у изобретателя такую честь? Научную славу?

— Ярцеву реклама не нужна. Он скромн и очень, очень богат.

— Шутите, Борис Захарович, какой у него заработок? Ведь он обыкновенный инженер, а не академик.

— Да я не о том говорю. Ярцев богат, богат идеями, смекалкой. Неудачи словно окрылили его, и он уже давно придумал что-то совершенно потрясающее. Сегодня по телефону клялся, божился, что через три дня высылает новые — АЯС-15.

— Через три дня? — упавшим голосом повторяет Медоваров. — Тогда «Унион» и поднимется?

— Будем надеяться... Вы еще не представляете себе, что такое ярцевские аккумуляторы. Такое вы когда-нибудь видали?

Борис Захарович вынимает из кармана полосатенькую коробочку вроде зажигалки.

— Эта штучка может заменить стартерный аккумулятор любой автомашины. А потом мы позабудем о бензиновом моторе и на улицах запахнет розами. Вот что могут сделать наши первейшие богачи вроде Ярцева, Набатникова, Пояркова. Каково, а?

Медоварову не до восторгов. «Богачи», черт бы вас побрал!

Но вот и новая неприятность. Такого он не мог ожидать. Новая «космическая броня» сейчас не нужна. С борта самолета получена радиограмма от Набатникова.

— Полет «Униона» назначен на ближайшие дни, — обрадованно говорит Дерябин, потрясая листком. — Сюда летит целая делегация. Будут через час!

Он видит в дверях Багрецова и протягивает ему паспорта аккумуляторов.

— Выясните кое-какие подробности у Анны Васильевны. Да заодно скажите ей, что Анатолию Анатольевичу теперь все ясно. Не надо было доверять ученице. Ну, об этом мы еще поговорим.

Багрецов почему-то вздыхает, берет паспорта, идет к двери, но Дерябин его останавливает:

— Вот схема анализатора. Я кое-что подправил, сделал так, как в ЭВ-2. Прилетает Мейсон. Он настолько нетерпелив, что пожелал сразу же встретиться с вами в лаборатории.

— Но у меня там орел-разведчик. Может, убрать?

— Зачем?

— Неудобно. Ведь говорят, он честный изобретатель. И вдруг рядом с его аппаратом — такая непристойность.

— Ничего, пусть посмотрит... Полезно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В ней рассказывается о подготовке «Униона» к решающим испытаниям, о некоторых эффектных опытах, о разговоре Багрецова с настоящим американским капиталистом и что из этого получилось. А кроме того, Димка опять старается сделать людей счастливыми, для чего пользуется необычным способом.

а ракетодроме Ионосферного института приземлились два самолета. С ними прибыли Набатников и Поялков, несколько зарубежных ученых и специальная комиссия, составленная из крупнейших ученых страны. Членом этой комиссии был инженер из лаборатории Курбатова, одного из самых видных изобретателей, работающих в области фотоэнергетики, Пичуев, который впервые устанавливал телевизионные аппараты в «Унионе», а потом испытывал их в Заполярье, на строительстве «теплого города».

В ту пору Пичуеву помогала летчица Зинаида Зиновьевна Аверина. Многим известно, что она прыгнула с парашютом, чтобы спасти радиостанцию Багрецова и тем самым восстановить его доброе имя. Зина, или, как ее называли, «Зин-Зин», уже стала женой Пичуева, но прилетела сюда не просто женой, а вторым пилотом. В пути их разделяла перегородка между пилотской кабиной и пассажирским салоном, что совсем не нравилось Пичуеву. Так редко бывают вместе, и вдруг перегородка! Насмешка судьбы.

Здесь, на высоком плато, ночи всегда бывают прохладные. А ночь уже наступила. Но люди, всего лишь час назад прибывшие сюда самолетом, не ложились.

Огромное сооружение «Унион», которое действительно воплощает в себе идею союза множества наук, не разделенных ни условными границами, ни границами государств, скоро будет последним полустанком на пути к звездам.

Пройдемте на ракетодром. Сейчас он залит светом прожекторов. Но больше всего света возле «Униона»,

где скрестились все лучи, и не только прожекторные, но и всех звезд, мерцающих в черном небе, любопытной луны, которая должна бы заинтересоваться своим соперником — сияющим диском.

Из многих стран мира собрались сюда «первейшие богачи» — люди богатые и новыми смелыми идеями, и опытом, упорством, терпением. Люди, когда-то не знавшие друг друга, возможно, бывшие враги или союзники, но сейчас все они связаны единым стремлением, единой мечтой.

Большая группа ученых и инженеров столпилась с правой стороны диска. Здесь испытывается приспособление для выбрасывания «хвоста кометы».

Представьте себе длинный рулон специальной ткани, покрытой фотоэнергетическим слоем. В космических пространствах, где солнечные лучи не задерживаются атмосферой, поверхность каждого метра такой ткани дает огромную энергию, которую можно использовать не только для аппаратов «Униона», но в будущем и передавать на Землю. Правда, способы такой передачи пока еще не совсем доработаны, но проведенные опыты в земных условиях были весьма многообещающи.

— Отойдите! Отойдите, пожалуйста! — вежливо предупреждает охрана, выставленная вдоль всего ракетодрома. — Дальше этой линии не заходить.

И вот из самой кромки диска вырывается небольшая ракета и тянет за собой километровую светящуюся ленту. Она дрожит над головой, точно раскаленная до голубого сияния. Дрожит как зеркальная водяная струя. Нет, даже не так. Попробуйте вообразить, что ночное небо вдруг раскалывается на две половинки и между ними видишь завтрашний голубой день.

Ракета догорает. Лента плавно опускается вниз и теперь уже золотой рекой пересекает ракетодром. В ней купаются лучи прожекторов.

— Снизу ткань покрыта светящейся краской, — поясняет инженер, нагибаясь и показывая ее обратную сторону. — Это чтобы легче наблюдать за полетом «Униона». А сверху фотоэнергетический слой. Мы его поместили в шестиугольные ячейки, как в пчелиные соты...

Нюра ходила поодаль. И не потому, что ее мало интересовали новые успехи Курбатова. Инженера из его лаборатории она хорошо знала — приезжал не один раз в НИИАП. Увидит, начнутся расспросы: как дела? Как

работается? Начнет узнавать, скоро ли она закончит дополнительное задание по просьбе Курбатова? А как ответить? Что ее уже предупредили об увольнении и что задание передадут кому-нибудь другому? Завтра утром она уезжает вместе с Риммой. Так приказал Медоваров. Можно было бы обратиться к Борису Захаровичу — ведь работа еще не закончена, — но Толь Толич самолюбив и не потерпит, чтобы вмешивались в его дела. Уволит все равно, да еще с плохой характеристикой. Серафим Михайлович прилетел, а она его даже не видела. Может быть, так лучше? Уехать и позабыть навсегда. Так лучше.

Знала бы Нюра, как мучается сейчас Димка из-за того, что не может рассказать ей о последнем разговоре с Дерябиным. Ведь сейчас уже ясно, кто непосредственно виноват в истории с аккумуляторами. Правда, у Вадима нет-нет да и кольнет в сердце при воспоминании о Римме, но он старался о ней не думать. Да и некогда. Он даже не успел увидеться с Поярковым и встретить друзей. Как хотелось бы пожать руки Зине и Пичуеву! Но пришлось принимать заокеанского гостя...

Впервые в жизни Багрецов беседовал с американцем, причем это был откровенный разговор двух очень разных людей. Они не подходили друг другу ни по возрасту — Мейсону уже под пятьдесят, — ни по убеждениям, потому что Багрецов комсомолец, а Мейсон капиталист, глава фирмы, выпускающей приборы для исследовательских институтов. Пусть в этой фирме всего два десятка рабочих, а сам Мейсон — основная техническая сила: главный инженер, ведущий конструктор и начальник лаборатории. Все равно, он живет не только своим трудом, но и трудом рабочих, которые дают ему прибыль. Он хозяин и единственный владелец средств производства, станков и оборудования, цехов и даже земли, на которой они находятся. Все, что когда-то узнал Багрецов из политекономии, приобрело весомость и наглядную простоту.

Он испытывал странное чувство. Живой капиталист, довольно прилично изъясняющийся по-русски, сидит рядом с комсомольцем, хлопает его по коленке и говорит, что он чертовски хороший парень и самый лучший друг его фирмы.

Учтите также не совсем обычную обстановку: поздний вечер, тишина, пустынные коридоры — и только двое в лаборатории. Люди, которых недавно разделяли

и океанские пространства и продолжает разделять тягостная настороженность.

Эта встреча никак не походила на официальный прием, на пресс-конференцию. Набатников представил гостю некоторых своих сотрудников, потом Бориса Захаровича Дерябина и Медоварова. Наконец уже в лаборатории очередь дошла до Вадима. Именно он больше всех интересовал Мейсона.

Время было горячее, люди занятые — сейчас надо уточнить план испытания, рассказать коллективу института о принятых в Москве решениях, — а потому Мейсона поручили Багрецову, и, вежливо извинившись, Набатников и Дерябин покинули лабораторию.

Толь Толич хотел было задержаться: неудобно оставлять мальчишку с американцем — наболтает еще чего-нибудь. Однако Набатников решительно взял Толь Толича под руку:

— Пойдемте, Анатолий Анатольевич. Они сами разберутся.

Мейсон вовсе не походил на знакомый Вадиму по карикатурам и фельетонам образ преуспевающего американца. Казалось, что Мейсону абсолютно наплевать на одежду: какой-то рыженький свитер с вытянувшимися рукавами, широкие брюки с пузырями на коленках. Вот тебе и капиталист! Но потом Вадим понял, что ничего особенного в этом нет. Мейсон может позволить себе роскошь не обращать внимания на костюм. В конце концов, директор фирмы достаточно обеспечен, чтобы его не встречали по платью. Всем понятно — это не от бедности, как хочет, так и одевается.

Покосившись на дверь, Мейсон иронически усмехнулся, но вдруг заметил свой уже вскрытый аппарат.

— Можно? — Он осмотрел его и сокрушенно покачал головой. — Я всегда боялся этот метод. Запайка ампула. Как вы мог исправлять? Там, — показал он на потолок, — отшень высоко. Вы отшень храбрый.

Пропустив мимо ушей насчет храбрости — к делу это не относится, — Вадим подробно рассказал, что случилось с анализатором, как в связи с вынужденным переключением тока испортился нагреватель, как перестали подаваться ампулы и что пришлось в этом случае сделать.

— Переключение произошло по нашей вине, — сознался Багрецов, но умолчал, что это случилось из-за испорченного аккумулятора. — Однако я еще в Москве

пробовал делать вот что... — И, раскрыв схему анализатора, показал на ней некоторые пересоединения, вычерченные красной тушью.

Быстро схватив чертеж, Мейсон так и впился в него глазами. Лицо постепенно светлело.

— Суперкласс! — сказал он, хлопнув себя по коленке, и вдруг усомнился: — Но почему тут конденсатор? Можно переключать немножко транзистор...

Вадим сдержанно возразил, что для надежности он хотел бы предложить это маленькое усовершенствование... Мейсон опять засомневался. Нужно ли оно? Заспорил, загорячился...

И вдруг, забыв все правила международного этикета, Димка стал доказывать, что аппарат Мейсона хотя и довольно интересен, но недоработан, не продуман в деталях, что с ним еще нужно полгода возиться, прежде чем пустить в серийное производство.

— А монтаж, монтаж! — восклицал Вадим, тыкая пальцем в переплетение цветных проводов. — Знаю я вашу американскую систему. Снаружи все прекрасно: и лак и никель. А внутрь заглянешь — приляпано кое-как. Весь монтаж на соплях...

— Это есть новый русский слово? Я прошу повторять.

Если Мейсон не понял какого-то слова, то Багрецову вообще бы надо понимать, что он слишком далеко зашел в своей технической дискуссии. Оценка американского радиомонтажа была в какой-то мере справедливой. Их аппаратура внешне красива, но внутри оставляет желать много лучшего. Этим особенно возмущался Бабкин, человек придиричивый и в высшей степени аккуратный. От него и услышал Вадим столь презрительную оценку, выраженную не очень благозвучным словом.

Кое-как Вадим постарался замаячить свою оплошность, а Мейсон уже говорил о том, как бы получше переделать анализатор именно сейчас, чтобы в новом качестве он мог занять достойное место среди аппаратов «Униона».

Разные сидели люди за столом. Люди абсолютных противоположностей. Но общее дело, беспокойная мысль исследователя, жажда познаний и радость умелых рук — все это сближало американского предпринимателя Стивена Мейсона и советского инженера Вадима Багрецова.

Тут же они решили попробовать одну схему. Мейсон схватился за паяльник.

— Прошу немножко включать.

У него были рабочие руки с узловатыми жилами, и, видно, многое он перенес, прежде чем организовать свою фирму, которой очень гордился, хотя, с точки зрения советского инженера Багрецова, такая фирма больше напоминала радиоремонтную мастерскую или в лучшем случае телевизионное ателье.

Мейсон восхищался оборудованием здешней лаборатории, оснащенной самыми новейшими приборами, которые для него слишком дороги, и жаловался, что ему приходится выдерживать жесточайшую конкуренцию.

— Военный заказ... Фьють... — грустно присвистнул он. — Нет, не можно... Лютше звезды считать, спектр смотреть... Атмосфера.

Из дальнейшего рассказа, прерываемого лишь позвякиванием пинцета и стуком паяльника, когда клали его на подставку, Вадим понял, что Мейсон изобрел разные приборы для спектрального и теплового анализа звезд, конструировал кое-какие метеоприборы и вообще вещи известные, но привносил в них выдумку, отчего сложные задачи решались у него просто, как в универсальном анализаторе для исследования атмосферы и далее — газов в межпланетном пространстве.

Разговор шел наполовину по-русски, наполовину по-английски. Вадим читал и переводил английскую техническую литературу, но разговорный язык знал плохо. Практики не было.

— Мой маленький фирма отшень бедный, — уже совсем доверительно говорил Мейсон. — Его всегда можно... как это по-русски?.. кушать.

— Конкуренция?

— Да, да... Я буду немножко торговать здесь Советский Союз... В Штатах нет аппарат «Унион». В Советский Союз нет конкуренция. Можно всем фирма строить один «Унион». Вы много строить: атомная станция, гидростанция в Сибирь. Много новый город. Тут никто не можно мешать...

— Нет, все-таки мешают, мистер Мейсон, — сказал Багрецов, заметив, что тот все время поглядывает на соседний стол, где лежит крылатое чучело. — Например, ваши заокеанские соотечественники, те, что придумали вот эту штуку.

Вадим подвел Мейсона к орлу-разведчику и расска-

зал, при каких обстоятельствах он попал сюда, рассказал о гибели самолета, о выводах комиссии, расследовавшей причины этой катастрофы, напомнил о многих случаях запуска воздушных шаров над территориями демократических стран.

Американский изобретатель рассматривал летающий аппарат с телевизионной камерой, видел в нем микроскопические радиодетали, выпускаемые разными фирмами, детали, которые применяются и в анализаторе, потому что фирма Мейсона их не производит, а предпочитает покупать готовыми. Он с грустью признался, что новые транзисторы фирмы «Колибри» очень хороши, но слишком дороги, Мейсон не может их покупать для своих аппаратов.

— В этот разведчик много «Колибри»... Тут, — он показывал на них авторучкой. — Еще тут. Еще тут. Для наука дорого, для шпиона можно..

Презрительно сморщившись, Мейсон тронул чучело за крыло и отошел к окну. Там он приоткрыл портьеру и вдруг, как бы чего-то испугавшись, возвратился к своему анализатору.

— Можно проверить?

Схема, которую испытывал Мейсон вместе с Багретовым, оказалась удачной, и вот уже потом, в совершенно благодушном настроении, американец закурил и придвинул свой стул к Вадиму.

— Мистер Багретсоф, вы можно говорить честно?

— Так меня учили всю жизнь, — сухо ответил Вадим.

— Мы здесь говорить. А магнитофон сейчас записывать?

— Конечно, нет. Для потомства наш разговор мало интересен.

— Но есть люди, кому ваш разговор с иностранцем интересен.

— Есть органы государственной безопасности. Но в данном случае им здесь делать нечего.

— Я есть американец. Капиталист.

— Но приехали к нам с честными намерениями?

— О да! А если я хотеть покупать у мистера Багретсоф секрет? Позвать мистер Южная Америка или Штаты? — Он рассмеялся и испытующе посмотрел на Вадима.

— Вы умный человек и не предложите такого абсурда.

— Почему? Почему? — заинтересовался Мейсон. — Вас можно снимать на фильм... Как это?.. «Волосок от смерти». Можно повторять храбрость на «Унион». Качаться на трос... Потом немножко прыгать... Отшень замечательный фильм... Паблисити! Сенсация! И отшень много доллар...

— Меня никогда не привлекала артистическая карьера.

— Можно быть хороший инженер. Ол райт! Пожалуйста! Один раз сниматься на фильм, получать доллары, потом покупать фирму.

— А зачем она мне нужна?

Скептически усмехнувшись, Мейсон щелкнул золотым портсигаром.

— Что есть у мистер Багретсоф? Большой вилла? Яхта? Два авто: «кадиллак», «шевроле»?

— У вас очень мало фантазии, мистер Мейсон. Мне нужно гораздо больше. Вилла? Но ведь она всегда стоит на одном месте. А я хочу видеть всю страну. Мне жизни не хватит, чтобы посмотреть ее как следует. Я могу жить не в виллах, а во дворцах-санаториях, и не только в Крыму и на Кавказе, но и у других морей, озер и рек. Я могу жить в горах и в лесах. Всюду, где захочу. Зачем мне яхта, когда множество прекраснейших теплоходов бороздят наши моря и реки? И к машине я равнодушен. Если надо ехать далеко, то предпочту самолет, а в городе, особенно летом, обхожусь прохладным метро или веселым троллейбусом... Я очень люблю, когда рядом со мной много людей.

Разговор, продолжался в том же духе. Мейсон больше расспрашивал, чем рассказывал, да это и понятно — слишком много он слышал разной чепухи у себя на родине: и о замкнутости советских людей, и о ненависти их к эксплуататорам, и о всяких тайных кознях, которые якобы готовят коммунисты против капиталистического мира.

Самым удивительным Мейсон считал, что его оставили наедине с Багрецовым. Нет ли здесь какой-нибудь провокации?

Об этом он осторожно намекнул Вадиму, рассказывая о совершенстве «подлой техники», о микрофонах, которые спрятаны в стене, о карманных магнитофонах и таких же передатчиках, миниатюрных телекамерах, применяемых Федеральным бюро расследований. Таковую камеру нашла у себя в квартире известная амери-

канская актриса. Тайный глаз наблюдал за ней много месяцев.

Багрецов сначала вышучивал подозрения Мейсона, а потом оскорбился всерьез.

— В таком случае вы и меня ставите в неловкое положение. Значит, и мне не доверяют? Плохо вы нас знаете, мистер Мейсон.

Вадим увлекся, он говорил один на один с представителем чужого мира, желая переубедить его, будто от этого разговора что-то могло зависеть, будто здесь, в этой лаборатории, решались судьбы человечества. Искренность тона, горячая вера в справедливость, в будущее — все это подкупало Мейсона. Ему по душе была и смелость Багрецова, которую он показал не только в спасении «Униона», но и здесь, в откровенной беседе, в спорах с американцем.

Обняв Вадима за плечи, Мейсон подвел его к аппарату, стоящему в углу.

— Вы дьявольски хороший парень. Отшень честный парень, — сказал Мейсон, глядя сквозь стекло магнитофона, как движется лента в кассете магнитофона. — Вы не сделал это. Я думаю, тут ошибка. Просто... случай...

Он повел Вадима к окну. Под ним на полу тянулась блестящая змейка микрофонного кабеля, который затем исчезал в складках портьеры.

Откинув штору, Мейсон показал на микрофон, стоявший на подоконнике.

— Просто случай? Но почему такой глупый?

Вадим лишь сжимал кулаки и не мог вымолвить ни слова.

Он не помнил, что было дальше, о чем говорил Мейсон, кажется, он сразу ушел отдыхать с дороги, а Вадим, даже не выключая магнитофона, запер дверь лаборатории, отдал ключ дежурному и побежал к Набатникову.

Опять судьба (кстати говоря, существо вполне реальное, с именем, отчеством и фамилией) сыграла с Вадимом мерзкую штуку. Дело идет не только о его чести, когда за нее вступилась Зина. Нет, здесь ставятся под сомнение добрые намерения всего коллектива. Какая грязная провокация!

Афанасий Гаврилович проводил совещание. Не будет он слушать Вадима, не до него. Придется ждать, а пока надо посоветоваться с Тимофеем.

Услышав о Димкиной неприятности, Бабкин развел забинтованными руками:

— Хорошенькое дело! А может, ты сам позабыл выключить магнитофон?

— Да я с ним и не работал. Помню, что микрофон стоял на месте, но кто его спрятал за портьеру, ума не приложу.

— А вдруг это твой Мейсон сделал?

— Не думаю. Он честный человек. Даже если допустить, что он решился на это, то зачем бы он стал предупреждать меня? Да и вообще, если бы он приехал с такими целями, то захватил бы карманный диктофон.

— Откуда мы знаем, какие у него цели? Я только одно могу сказать, что умный человек, каким ты считаешь Мейсона, на такую грубую работу не пойдет.

Наконец-то Вадим дождался Набатникова.

— Прошу вас скорее в лабораторию, Афанасий Гаврилович. Несчастье случилось.

Выслушав по дороге Вадима, Набатников уточнил кое-какие факты и успокоил его:

— Думаю, что это не провокация и не случайность, а просто чья-то дурость, к тому же довольно поганая. Правильно в народе говорят, что дураков не сеют, не жнут, сами родятся! По моим наблюдениям, делятся они на две категории: дураки злые и дураки безобидные. Судя по всему, сейчас расписался первокаатегорник.

Вадим взял ключ у дежурного и вместе с Афанасием Гавриловичем вошел в лабораторию.

— Вот здесь мы сидели, — показал Вадим на тесно сдвинутые стулья и, отдернув портьеру, добавил упавшим голосом: — А здесь — микрофон.

Пройдя вдоль кабеля и приоткрыв крышку магнитофона, Афанасий Гаврилович почесал в затылке:

— Что же нам теперь делать, Вадим? Может, и никакой записи нет. Но без разрешения Мейсона мы этого не узнаем. А вдруг он не захочет, чтобы я услышал хоть кусочек вашей беседы? Как бы подойти к этому поделикатнее?

Он вызвал по видеотелефону дежурного и узнал, что Мейсон пока еще не уходил в свою комнату и сейчас находился у Дерябина в центральном пункте управления. Там тоже был установлен видеотелефон, и Набатников мог поговорить с Мейсоном.

Разговор шел по-английски. Из него Вадим понял, что Афанасий Гаврилович прежде всего извинился за происшедшее недоразумение, и, для того чтобы убедиться в существовании записи и наказать виновных, необходимо включить магнитофон хотя бы на минуту. Нет ли у мистера Мейсона к этому возражений? Если же они возникнут, то мистер Мейсон может один прослушать запись и в дальнейшем поступить с ней по собственному усмотрению.

На это Мейсон ответил, что весь разговор с «лучшим другом его фирмы» мистером Багрецовым, самым замечательным парнем, которого он когда-либо встречал и благодаря которому многое понял, можно хоть сейчас передавать по радио на весь мир.

— Это было бы чертовски хорошее «паблисити» для моей фирмы, — рассмеялся Мейсон, но в шутку пожелал вырезать кусок пленки, где записано не очень лестное мнение о монтаже анализатора. — Тут есть одно русское слово, которое мистер Багрецов не хотел перевести. Пожелайте ему спокойной ночи. Гуд бай!

Вадим включил магнитофон, зашелестела лента, а из репродуктора послышался голос, который напомнил Вадиму о своем горьком разочаровании:

«Даю пробу, даю пробу. Раз, два, три... На меня ты посмотри... Как слышите, Вадим Сергеевич?»

— Великолепно! — раздраженно подтвердил Набатников. — Но мне Борис Захарович сказал, что эта ученица не оставила у него светлых воспоминаний. Не знаю, как у тебя, Вадим?

Далее был записан голос Бабкина, еще какие-то опыты — и все. Никаких разговоров с Мейсоном.

— Ты что? Кассеты перепутал? — спросил Афанасий Гаврилович.

— Да я с тех пор и не прикасался к магнитофону.

И вдруг Вадима осенило.

Та кассета была под номером вторым. На всякий случай он заглянул в ящик, где лежали запасные кассеты, но второго номера не нашел. Он пошарил возле магнитофона, посмотрел на всех столах, в шкафу, всюду, где только можно искать... Кассета с пленкой исчезла.

Несмотря на прохладные ночи, Багрецов спал на открытой террасе, заплетенной диким виноградом. Сквозь

узорчатые листья пробирался лунный свет, играл на белом, свежeweымытом полу, отчего он казался разрисованным, как ковер.

Положив руки на колени, Вадим долго сидел не раздеваясь. В воздухе стояла звенящая тишина. Мысленно блуждая в событиях сегодняшнего дня, Вадим вновь и вновь возвращался к странной истории с пропавшей кассетой. Набатников сказал, что этим делом займется сам, и отправил Вадима спать. За себя Вадим не беспокоился — Афанасий Гаврилович разберется, кто прав, кто виноват. Но все же было неприятно: накануне такого события, как полет «Униона», вдруг возникают какие-то дурацкие или просто грязненькие дела.

А у Вадима много забот. Как хочется людей сделать счастливыми! Ведь он искал Нюру, чтобы успокоить ее, сказать, что она ни в чем не виновата. Он искал Серафима Михайловича — поговорить бы с ним, пусть верит чистым и открытым Нюриным глазам...

Может быть, Нюра не спит? Вместе с Риммой она живет в соседней даче. Римма, наверное, еще не пришла домой, совсем недавно он видел ее с Толь Тоlichem — какой-то серьезный разговор. На Вадима даже не взглянула. Да это и понятно, сама сказала, что терпеть не может слюнтяев.

Стараясь легче опираться на больную ногу, он подошел к открытому окну рядом с террасой и прислушался. Сюда перевели Тимку, он все еще находится под наблюдением врачей, но уже достаточно здоров, чтобы сменить больничную палату на комнату для приезжающих.

Взявшись за подоконник, Вадим подтянулся и заглянул внутрь комнаты. Тимка сладко похрапывал. Нет у него никаких забот.

Вадим обогнул угол дачи и остановился в нерешительности. В комнате Нюры темно, окно открыто. Он походил по скрипучей, усыпанной гравием дорожке, нетерпеливо ожидая, что, может быть, Нюра услышит его шаги. Наконец не выдержал, поднял мелкий камешек и бросил в окно.

Нюра не спала. Кутаясь в белый шерстяной платок, подошла к окну.

— А где Римма? Ведь она даже вещи не собрала. Машина отвезет нас рано утром.

Вадим зажмурился и широко раскрыл глаза.

— Но вы-то при чем?

Перегнувшись через подоконник, Нюра поправила у Вадима галстук.

— Разве она вам ничего не сказала? Уже билеты заказаны. — Нюра помолчала. — В вагоне отосплюсь. А здесь не могу. Горы со всех сторон, того гляди раздавят. А я же трусиха.

В ярком лунном свете нетрудно было заметить и ее печальную улыбку, и припухшие, покрасневшие веки. Опять, наверное, плакала, как тогда в пустыне. Багрецов раскипятился. Ведь теперь всем ясно, даже Толь Толичу, что Нюра не виновата. Почему же он отсылает ее домой, когда работа не закончена?

— Но дело даже не в этом. Вы видели Серафима Михайловича?

Нюра отрицательно покачала головой:

— Не нужно.

— И вы собираетесь уехать не попрощавшись? Да после того, что вы себя оболгали, это преступно. Неужели не поймете? — И с несвойственной ему грубостью Вадим спросил: — Где окно Пояркова?

Рассеянно перебирая бусы под платком, Нюра безразлично ответила:

— Не знаю. Кажется, на той стороне.

— Надо бы знать. Что же мне теперь, во все окна камни бросать?

Словно опомнившись, Нюра провела рукой по лицу, встрепенулась, стала просить, убеждать, что ничего не нужно рассказывать Серафиму Михайловичу, что получится нехорошо, неудобно — будто она сама подослала Вадима. А он упрямо стоял на своем.

Нюра попробовала рассердиться — кто дал ему право вмешиваться в чужие дела, — но и это не помогло. Хотела разжалобить, говорила, что от стыда сгорит и, не дождавшись утра, ночью убежит на станцию. Вадим оставался твердым и непреклонным. Он знает, что делать.

На противоположной стороне дачи все окна были открыты. Какое же из них Пояркова? Вадим подходил к каждому и прислушивался. Говорят, что влюбленные плохо спят. За собой он этого не замечал, но люди разные, и вполне возможно, что Поярков шагает по комнате, курит или ворочается в тоскливой бессоннице. Нет, всюду тихо, никаких шагов, табачный дым не ползет наружу. Все спят — и влюбленные и прочие. Одному Вадиму больше всех нужно.

Думал он об этом с горькой иронией, подшучивал над собой, но знал, что не такие трудности преодолевались им ради чести и справедливости. Пусть судят о нем как хотят, но он считает, что поступает правильно. Однако где же все-таки окно Пояркова? Помнится, как-то шел он по коридору до конца, затем открыл дверь с правой стороны.

Вадим сломал сухой прутик, присел на корточки и на песке начертил план дома. Наглядно. Теперь можно узнать, куда выходит окно. Наверное, вот это, угловое? Вадим бросил туда камешек. Никакого впечатления. Бросил другой, посылоннее.

— Кто там безобразничает? — послышался сердитый голос, и в окне показалось заспанное лицо Набатникова. — Вадим? Вот уж не ожидал!

— Извините, Афанасий Гаврилович, — испуганно оправдывался Багрецов. — Я не хотел. Это случайно... То есть я думал, что здесь...

— Ошиблись адресом. Ее окно выходит на другую сторону.

Не повезло Вадиму. Афанасий Гаврилович не раз видел его с Риммой. Теперь подумает, что кавалер вызывает ее на свидание. Ой как нехорошо, стыдно!.. Но почему Афанасий Гаврилович перебрался в эту дачу?

Откуда Вадим мог знать, что на время испытаний «Униона» Набатников отдал свой кабинет для установки новой аппаратуры, которая раньше не предусматривалась планом.

Конечно, обидно, что разбудил Афанасия Гавриловича, но ведь у него доброе сердце, он поймет. И пожалуй, даже лучше, что камешек попал не к Пояркову, а к Афанасию Гавриловичу, ему удобнее переговорить со своим другом.

— Я хотел бы посоветоваться с вами, Афанасий Гаврилович. Можно? — глядя на него снизу вверх, спросил Вадим.

— До утра нельзя ли потерпеть?

— Боюсь, что будет поздно.

— Насчет пропавшей кассеты беспокоиться? Напрасно. Ведь совесть у тебя чиста?

— Я не о себе, Афанасий Гаврилович. Завтра утром уезжает Анна Васильевна.

— Тут я ничего поделать не могу. Решает директор института, где она работает.

— Но Медоваров хочет ее уволить, хотя мы уже точно знаем, что она ни в чем не виновата.

— Об этом мне рассказал Борис Захарович. Думаю, что ему незачем расставаться с Анной Васильевной. Институт будет реорганизован, и его директором уже назначен Борис Захарович. Скоро пришлют приказ.

— А Медоваров?

— Останется на старой должности. Борис Захарович, наверное, спит, но я могу позвонить дежурному, чтобы он пока не отправлял Анну Васильевну. Итак, вопросы все?

Помедлив, Вадим решил.

— Нет, Афанасий Гаврилович. Есть один самый главный: как сделать хороших людей счастливыми? Анна Васильевна никак не может забыть свою давнюю ошибку...

И Вадим рассказал, что из-за этого произошло. Зачем она оболгала себя, оттолкнула Пояркова? Зачем просила его все узнать у Вадима? Не будет Поярков ничего узнавать, как и всякий уважающий себя мужчина. Он верит Нюре, и этого ему достаточно. А она все глаза проплакала.

— Хочу пойти к нему и все рассказать, — заключил Вадим.

Афанасий Гаврилович укоризненно покачал головой:

— Только этого не хватало. Да он и слушать тебя не захочет. Ему дорога эта женщина как она есть, без всяких анкетных данных. А кроме того, ты подумал, как бы она себя чувствовала, если только после выяснения некоторых фактов ее служебной биографии Серафим Михайлович прибежал бы к ней и встал на колени?

Вадим растерялся.

— Но как же быть?

Набатников поплотнее закутался в теплый стеганный халат.

— Как говорит Борис Захарович, «туман обязательно надо рассеивать». Положись на меня. А сейчас — спать, спать!

С сознанием исполненного долга Вадим вернулся на террасу, закрылся с головой одеялом и мгновенно уснул.

Дело передано в надежные руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тут много серьезных вопросов: и о «дальних родственниках», которые нам мешают, и о том, что не каждый может быть дирижером, и в каких случаях совершенно обязательны и светлый ум, и чистое сердце.

тром Вадим встал бодрым. Совесть его была чиста, и даже история с пропавшей кассетой казалась мелкой шуткой. Этого же мнения придерживался и Мейсон. Оба они занимались подготовкой анализатора к предстоящему полету.

Борис Захарович сказал Нюре, что все улажено и она останется здесь до конца испытаний «Униона». Римма уехала одна и даже руки никому не подала: все ловчат как могут, а стрелочник виноват.

Недавно Нюра заходила проведать Тимофея. Оказывается, Димка не появлялся с самого утра. Тимофей волнуется, говорит, что с Димкой случилось какое-то несчастье, но в чем дело, так и не сказал. Просит обязательно его найти, пусть забежит хоть на минутку.

И если Тимофей беспокоился за друга, то Медоварову надо было подумать о себе. Пока еще он не знал о назначении Дерябина руководителем НИИАПа и целиком был занят мыслью о своей ответственности перед Валентином Игнатьевичем и его изобретением. Всю жизнь опираясь лишь на друзей и покровителей, Медоваров понимал, что только таким образом он может удержаться на приличной высоте. Но разве теперь Валентин Игнатьевич его поддержит? Пальцем не шевельнет.

Но что может сделать несчастный Толь Толич? Попробуй заикнись об истинной причине, зачем необходимо задержать полет «Униона». Разве кто здесь понимает значение «космической брони»? На смех поднимут. Вот Валентин Игнатьевич — тот умеет на своем настоять. Железный человек!

Толь Толич был прав. Литовцев обладал прямо-таки мертвой хваткой. Он подчинил себе десятки людей и в достижении намеченной цели мог, как говорится, пройти по трупам. Его побаивались всерьез. Да, конечно, слава у него дутая, популярность создавали друзья и прихлебатели. Но к чему связываться? От такого че-

ловека всего можно ожидать. Создаст дело о зажиме изобретателя, в мучениках будет ходить, кляузничать. Хлопот не оберешься.

Так думали солидные ученые, а Толь Толич чувствовал себя загнипнотизированным кроликом и ждал, когда Валентин Игнатьевич соблаговолит его проглотить.

Перебирая в памяти события последних дней, Толь Толич пришел к выводу, что во всем виноват Багрецов. Кто проводил испытания иллюминаторов? Багрецов. Кто выяснил историю с записью Яшкиного кровяного давления и прочими показателями, из-за которых могли бы отложить полет «Униона»? Опять же Багрецов. Ну а если сюда прибавить и старую обиду, о чем Толь Толич не может вспоминать без ярости, да еще приплюсовать заявление мальчишки насчет «мужского благородства» и другие его дерзкие выпады «в адрес товарища Медоварова», то вряд ли здесь можно было бы подразумевать мирное разрешение конфликта. Ущемления своего авторитета Толь Толич никогда не простит. Он еще поборется.

Медоваров никак не мог понять, почему его сигналы о подозрительном поведении Багрецова в «Унионе», о неожиданной находке орла-разведчика и странной дружбе с капиталистом Мейсоном никем не были приняты во внимание. Ни Набатников, ни Поярков, ни Дерябин ничего не предпринимают в отношении личности Багрецова. Конечно, сейчас другое время, но бдительность всегда остается бдительностью. Нельзя же ее подменять благодушием.

Так убеждал себя Толь Толич, так говорил своим коллегам, так писал в заявлении, хотя почему-то был уверен, что искренность и простодушие Багрецова никак не могут уживаться с деятельностью иностранного разведчика.

И все же Толь Толич настаивал, что Багрецовым следует заняться, что ему здесь не место, что в институте много посторонних глаз и общение с представителями капиталистического мира может привести молодого инженера к выдаче государственных тайн. Недаром его видели сначала со шведом, а на другой день с французом.

— А со швейцарцем не видели? — спрашивал Дерябин и, когда Толь Толич удивленно поднимал брови, спокойно пояснял: — Полезное знакомство. Наш гость привез замечательные метеоприборы. Надо бы с ними повозиться.

Медоваров жалко улыбался и замолкал.

Он должен доказать свою правоту и восстановить свой уже изрядно пошатнувшийся авторитет. Ну хотя бы в глазах Набатникова. А то ведь подсмеиваются кому не лень:

— Анатолий Анатольевич, вы видели у Багрецова значок королевского воздушного флота? Интересно, за какие заслуги он его получил? А мистера Стюбнера не встречали с пионерским значком? Наверное, Багрецов подарил. Интересно, что он хотел этим сказать?

Все эти шуточки глубоко задевали Толь Толича.

Неужели товарищи не понимают, что сейчас, когда в институте много иностранцев, надо проявить особую бдительность. И во всяком случае, пока не будут выяснены преступные замыслы того же Багрецова, «Унион» не может отправиться в полет. Мало ли что мог придумать Багрецов со своим дружком американцем? Почему этот мальчишка вдруг стал чинить анализатор, хотя там, наверну, надо было свою шкуру спасти?

Для кого он старался? Вот если бы какой-нибудь наш прибор испортился, тогда другое дело. Нашему изобретателю можно помочь, например такому, как Валентин Игнатьевич. За него бросишься и в огонь и в воду. Прикажет — и сделаешь. А у Багрецова американец вроде хозяина. За каким чертом советский инженер должен ему помогать?

Все это никак не укладывалось в сознании Толь Толича. Вот если бы возбудить у товарищей подозрение, что дело нечисто, тогда бы они отложили полет «Униона» до тех пор, пока не закончится следствие.

Но где бы найти зацепочку? Медоварову посчастливилось. Несмотря на его предупреждение, Набатников все же оставил Багрецова наедине с американцем. Хорошо, попробуем, что из этого выйдет? В конце концов, мальчишка всякое может наболтать. Повод для разбирательства есть. И, воспользовавшись моментом, Толь Толич поставил микрофон за портьеру, а потом, проходя мимо магнитофона, включил его. Бдительность, товарищи, бдительность!

Возможно, Медоваров и не додумался бы до этого. Но собственный несчастный опыт надоумил. Когда-то давно, совершенно случайно телевизор показал людям мелкий, но довольно неблагоприятный поступок Толь Толича, когда он сознательно оставил разработанную Багрецовым радиостанцию на месте предполагающегося

взрыва. Так почему же не воспользоваться техникой для того, чтобы вскрыть вражескую деятельность Багрецова? Тут не личные мотивы, а сам бог велел. Ну что ж, сквитаемся.

Беседа Багрецова и Мейсона проходила довольно долго. Толь Толич нетерпеливо шагал взад и вперед по дорожке сквера, высматривая из-за сиреневых кустов, когда покажется на ступеньках лабораторного здания американец или Багрецов.

Но вот вышел недовольный Мейсон, а за ним совершенно растерянный Багрецов. «Что-то у них там случилось!» — удовлетворенно подумал Медоваров и, проводив их глазами, поднялся по ступенькам.

Ключ, как и должно быть, оказался у дежурного. В лаборатории горел свет — Багрецов позабыл его погасить.

Магнитофон так и остался включенным. Значит, никто не заметил, что разговор записывается.

Толь Толич нажал клавиши обратной перемотки ленты и через минуту уже слышал разговор Багрецова с американцем. Вначале это было малоинтересно: техника, рассказ Багрецова о том, что ему пришлось исправлять в анализаторе. Но потом, потом... Разговорчики, мягко выражаясь, не для печати, выдающие Багрецова с головой. Шалишь, миленький! За такую вредную болтовню отвечать придется.

Не дожидаясь, пока будет воспроизведен весь разговор, Медоваров перемотал кассету, спрятал ее на шкаф, а в магнитофон поставил другую, чтобы в случае, если вернется Багрецов, все оставалось по-прежнему. Зачем возбуждать лишние подозрения?

Вот почему Багрецов мог продемонстрировать Набатникову не запись разговора с американцем, а веселое лепетание Риммы.

А потом, поздней ночью, когда Вадим бегал от окна к окну, чтобы «сделать людей счастливыми», Толь Толич рассеянно выслушивал жалобы Риммы, поглаживая ее по плечу, что-то обещал, а сам обдумывал, как бы поэффектнее преподнести разоблачение Багрецова.

Утром постучался к Набатникову, где уже сидели Поярков и Дерябин, поздоровался, помолчал и наконец выдал из себя сочувственный вздох:

— Простите, Афанасий Гаврилович, что я вмеша-

ваюсь в чужие дела, но по всему видно, что полет «Униона» откладывается.

Набатников спрятал усмешку и повернулся к Пояркову:

— Как считаешь, Серафим? Только что ты докладывал о полной технической готовности — и вдруг такая неприятность. У Бориса Захаровича техника тоже в порядке.

— Ах, Афанасий Гаврилович! — еще глубже вздохнул Медоваров. — Я человек маленький, но ведь мы уже все знаем, что не все определяется техникой. Есть серьезные политические мотивы. — И с привычной многозначительностью он посмотрел на потолок: — Там понимают это лучше нас.

— Где «там»? — резко спросил Поярков. — Кто вам сказал, что надо отложить полет?

По губам Толь Толича скользнула печальная улыбка.

— О таких вещах не спрашивают, Серафим Михайлович. Существует мнение — и все.

Рассердился и Дерябин. Он нервно протер очки, надел их и уставился на Медоварова:

— Опять туман? Опять таинственные звонки?

Набатников предупреждающе тронул его за плечо:

— Успокойся, Борис. Сейчас выясним. Итак, чье же это мнение, Анатолий Анатольевич? Начальника главка? Замминистра? Министра? Или кого-нибудь из работников ЦК? Можете назвать?

Покосившись на Бориса Захаровича, Медоваров развел руками:

— Здесь не только коммунисты, но и...

Борис Захарович приподнялся:

— Я могу уйти.

Афанасий Гаврилович усадил его на место.

— У нас разговор общий. И от тебя секретов нет. А к вам, Анатолий Анатольевич, у меня покорнейшая просьба. Не надо спекулировать. Нехорошо. Состряпает иной начальник какую-нибудь несуряницу — ошибки ведь всякие бывают, — разозлит народ и, вместо того чтобы взять вину на себя, поднимает глаза вверх. Приказали, дескать. А люди там и поумнее и поопытнее, такой глупой ошибки не допустят, и отказываться им от своих суждений тоже незачем. Вы хотите нас предупредить, что кто-то там, наверху, считает полет «Униона» несвоевременным. Я об этом ничего не знаю. Но предположим, вы правы. Тогда нам очень важно вы-

слушать авторитетное мнение человека, который поделился с вами опасениями. Мы либо согласимся с ним, либо попробуем разубедить. Итак, Анатолий Анатольевич, кому же мне звонить? Министру?

Набатников взялся за телефонную трубку, но Медоваров удержал его:

— Извините, Афанасий Гаврилович, но я передал вам неофициальное мнение. Я не имел права.

— Почему? — удивился Афанасий Гаврилович. — Ведь это же не сплетня, а деловой разговор? А кроме того, я достаточно тактичен, ссылаться на вас не буду и попросту посоветуюсь, стоит ли отправлять «Унион»?

Толь Толич не терял присутствия духа.

— К сожалению, я не уполномочен...

Поярков не сдержался, вспылил:

— Недостойная игра, Анатолий Анатольевич. За чью спину вы прячетесь? Кто или что вами руководит?

Медоваров приосанился, снял академическую шапочку и, помахивая ею перед собой, как веером, назидательно произнес:

— Мною руководит партийный и гражданский долг. Простите за откровенность, но вокруг вашего «Униона», уважаемый Серафим Михайлович, околачиваются всякие подозрительные личности. Возможно, я ошибаюсь, но трудно понять, почему некоторые из них оказались в кабине? Я также не совсем уверен, почему надо было исправлять американский анализатор?

— Мы уже это слышали, — вмешался Набатников. — Факты нужны, Анатолий Анатольевич, факты, а не подозрительность.

Его поддержал Борис Захарович:

— Нашли кого подозревать! Багрецова, Бабкина! Абсолютная нелепость.

Лицо Медоварова неприятно сморщилось, он раздраженно сунул ермолку в карман.

— Ну хорошо! Я виноват — пусть будет нелепость. С вашего разрешения, попробую доказать обратное. Пожалуйста, если вас не затруднит, пройдемте в лабораторию.

Солидно, выпятив животик, Толь Толич шагал по коридору, а вслед за ним шли молчаливые, угрюмые Дерябин, Набатников и Поярков.

За столом сидел Багрецов. Заслышав шаги, он положил паяльник и, увидя старших, вытянулся по-военному.

Афанасий Гаврилович поздоровался и попросил Багрецова временно перейти в другую комнату. Не успела за ним закрыться дверь, как Толь Толич вскочил на стул, достал со шкафа кассету с пленкой и легко прыгнул на пол.

— Сейчас попробуем разобраться, кто из нас прав, кто виноват. Прошу заранее извинения.

Глядя на Медоварова, как он ловко и привычно сменил кассету, как умело установил регулятор громкости, Набатников все еще надеялся на чудо. Нет, Медоваров не мог решиться на такую глупую выходку, чтобы записать разговор американца с Багрецовым.

Но вот из аппарата послышался голос Мейсона, и глаза Набатникова покраснели от гнева.

— Да как вы посмели?

— Ничего не поделаешь, Афанасий Гаврилович, приходится. Уж очень мы доверчивы, товарищ начальник. Но вы послушайте, послушайте. Волосы дыбом встанут. — И Толь Толич погладил свою блестящую лысину.

История с записью разговора Мейсона была уже известна и Дерябину, и Пояркову, но каждый из них не очень-то придавал этому значение, смущала лишь пропавшая кассета. И вот она нашлась столь неожиданным образом. В конце концов, это лучше, чем неизвестность. Мало ли в какие руки могла попасть пленка и кто ее будет прослушивать?

А Толь Толич торжествовал: он подкручивал ручки громкости и регулировки тембра, похлопывал по решетке громкоговорителя:

— Вот сейчас, сейчас... Слушайте. Мальчик такую клевету возвел на Советскую власть, так ее поносил, что...

Борис Захарович сердито прервал Медоварова:

— Никогда не поверю!

— Воля ваша, — криво улыбнулся Толь Толич. — Сейчас услышите собственными ушами.

Мейсон и Багрецов разговаривали о том, что же мешает человеку жить по-настоящему? Что мешает строить новые города, переделывать природу, растить сады? Багрецов сказал, что советскому народу мешают заокеанские Друзья Мейсона с их авиационными базами вокруг нашей страны и те, кто, например, придумал орла-разведчика. Мейсон согласился: эти джентльмены ему тоже мешают, ибо он изобретает и строит аппара-

ты для науки, а не для войны, а на военных заказах богатеют и расширяются конкурирующие с ним фирмы.

«Конкуренция. Это есть отшень, отшень страшно, — слышался из громкоговорителя глуховатый голос Мейсона. — В Советский Союз можно работать вместе. Мистер Поярков изобретать «Унион». Мистер Дерябин изобретать другой аппарат. Никакой фирма не можно мешать».

Заговорил Багрецов:

«У нас, конечно, частных фирм не существует. Есть институты, заводы. Но хозяин у них один — народ. Именно поэтому и легче работать. Только не думайте, что Пояркову, Дерябину и другим никто у нас не мешает».

«О да, я знаю. Я смотрел «Крокодил». Самый плохой человек — это есть бюрократ. Он всегда убивает изобретатель. Он есть гангстер». И Мейсон рассмеялся.

«С бюрократами мы как-нибудь справимся. Гораздо чаще мешают другие. Иногда у нас печатаются объявления, что разыскиваются родственники — наследники какого-нибудь заокеанского предпринимателя. Бывает это довольно редко. Но родственников по духу вашим молодым бездельникам, по стремлениям и жизненным установкам можно встретить и у нас. Вы уже знаете, что в «Унионе» оказались испорченные аккумуляторы. Произошло это по вине одной девушки, равнодушной и невнимательной».

«Папа этот мисс есть академик? Я знаю, девочка не можно работать. Много есть деньги».

«Все не то, мистер Мейсон. У ее родителей совсем немного денег. Папа — бухгалтер, мама — медицинская сестра. А дочь...»

«Сестра мой сын, — со вздохом сказал Мейсон, — ничего не думать. Ничего не хотеть. Только дансинг, авто... Только весело. Я отшень хотеть иметь такой сын, как вы. Ваш папа рабочий?»

«Нет. Меня воспитала мать — доктор медицинских наук, член-корреспондент, почти академик. Разве в этом дело?»

«Мой сын надо было учить в советской школе».

«В советской школе учились и Зоя Космодемьянская и Римма — девушка, о которой мы сейчас говорили. Во французской школе учились и смелые патриотки и

много девушек вроде Риммы. Значит, дело не только в школе».

«Мистер Багретсоф хочет сказать, что есть француз лучше советский человек? И американец тоже есть лучше?»

«А разве вам самому это не ясно?»

Толь Толич схватился за голову:

— Ну и ну!.. Дошел мальчик до точки...

А «мальчик» продолжал развивать такую простую и понятную мысль, кажущуюся Медоварову невероятной в устах советского человека.

«В вашей стране у нас много друзей, — говорил Багрецов. — Есть имена, известные всему миру. А кроме того, мы не настолько ограничены, чтобы ставить хорошего, честного американца ниже своего плохонького».

«Вы есть коммунист?» — спросил Мейсон.

«Пока комсомолец. Чувствую себя не совсем подготовленным».

«История партия не учил?»

«Нет, не то. С характером надо было что-то делать».

Мистер Мейсон попробовал уяснить себе, что означают эти слова Багрецова, но для Вадима все это было абсолютно естественным и закономерным и он ничего не мог прибавить.

«Можно еще один маленький вопрос?» — сказал Мейсон, и голос его прозвучал хотя робко, но с явно выраженным любопытством.

Сущность вопроса сводилась к тому, что если многие помехи в нашей стройке Багрецов объясняет «дальними родственниками капитализма», то нет ли и других людей, которых никак нельзя назвать этими родственниками, но они тоже мешают. Ведь есть же просто лентяи. А кто еще?

«А кто еще? — По некоторой паузе можно было судить, что Багрецов подбирал ответ. — Набатников говорит, что люди равнодушные и благодушные. Из-за них в служебные кабинеты нередко пробираются такие начальники, которым работа эта совсем не подходит. Например, я знаю бывшего директора галантерейной фабрики, а сейчас он вроде заместителя директора научного института. Я молод, мне трудно судить, но старшие говорят, что он мелкий человек и не очень умный».

Мейсон спросил:

«Он есть инженер? Коммерсант?»

«Образование инженерное. Но всегда был администратором».

Мейсон все допытывался, какой же талант у этого человека, чем он заслужил право руководить? Ведь он вроде вице-президента фирмы. Возможно, при ее организации он внес большой капитал? Багрецов ответил, что у нас этого не бывает, и «фирма», то есть институт, никакого капитала от «вице-президента» не получала.

Это страшно удивило Мейсона. Такой человек в его фирме не заработал бы ни одного доллара.

«Я буду нанимать инженера, смотреть, что умеет, если не умеет, буду выгонять».

Багрецов поспешно сказал:

«На то у вас и волчий закон капитализма. А мы выгонять не будем».

«Тогда переводить его в цех на станок».

«Не умеет».

«Зачем тогда платить деньги?»

«Мне трудно разговаривать с вами, мистер Мейсон, — с заметной нервозностью ответил Багрецов. — Я привел довольно редкий случай... И потом, сейчас все будет по-другому. Кстати, вы хотели проверить клапан анализатора? Тут изменилось напряжение...»

Толь Толич подошел к магнитофону и повернул ручку громкости, чтобы сделать тише.

— Дальше обыкновенный технический разговор. До конца я его не успел прослушать. Но и этого достаточно... Теперь, мне кажется, всем понятно, что дело требует особого разбирательства.

— И для этого надо задержать испытания? — иронически спросил Поярков.

Выключив магнитофон, Толь Толич надел свою академическую шапочку и, обведя глазами присутствующих, сказал многозначительно:

— Вам решать, товарищи. Но я считал своим долгом сигнализировать.

Послышался телефонный звонок. Набатников взял трубку.

— Москва? Кинокорреспондент? Когда прилетать? Пока мы никого не приглашали... «Космическая броня»? Не знаю... Товарища Медоварова? Пожалуйста.

Медоваров побелел от гнева и отвел протянутую ему трубку.

— Не беспокойтесь, Афанасий Гаврилович, я с ним поговорю из телефонной будки. Вот нахал!

И когда за Толь Толичем закрылась дверь, лицо Набатникова светилось широкой мягкой улыбкой.

— А магнитофон тебе здорово помог, Борис. Теперь тебе легче расстаться со своим помощником.

— Немудрено, что Багрецов не сумел ответить на последний вопрос, — сокрушенно добавил Поярков. — Действительно, сколько мы денег переплатили таким бездарностям вроде Медоварова. А попробуй предложи ему поработать руками, если головой не может. Такой крик поднимется... Забота о человеке, то, другое, третье...

Набатников прошелся по комнате и внушительно подчеркнул:

— Именно забота о человеке. В технике есть выражение: «Защита от дурака». Это значит, что аппарат должен быть так хорошо и умно сконструирован, чтобы даже дурак не смог его испортить. Вот и в жизни надо бы такого добиться: так организовать аппарат научного учреждения или предприятия, чтобы дураки его не портили. И, заботясь о человеке, надо защищать его от дурака.

В эту минуту вошел Медоваров и подозрительно оглядел разговаривающих.

— Придется дать ход этому делу, — печально произнес он, снимая с магнитофона кассету. — Ваши кадры, Борис Захарович. Сами должны заняться.

Дерябин не успел возразить, как вмешался Поярков.

— Вы хотите дельце состряпать? — гневно спросил он Толь Толича. — Неужели решитесь?

Испуганно попятившись, Медоваров потряс кассетой над головой:

— А как же вы думаете? Разве это голос советского человека? Это «Голос Америки». Антисоветская пропаганда... Клевета...

— Я вас не узнаю, Анатолий Анатольевич, — успокоительно проговорил Набатников. — Будьте благодарны. Вы предъявляете Багрецову столь тяжкие обвинения, что если бы они подтвердились, то пришлось бы делать соответствующие выводы. Во всяком случае, такие поступки должны быть наказуемы. Итак, что же вы считаете клеветой на советское общество?

— Вы же сами слышали. Он поносил систему подбо-

ра кадров. Он ставил под сомнение советскую систему заботы о человеке. Так откровенничать с американцем! Ведь тот может подумать...

— Не может, а уже подумал и сказал мне, — прервал Медоварова Афанасий Гаврилович. — Сказал, что, только побывавши в нашей стране, он понял искренность и дружескую простоту советского человека. Он в восторге и от мужества Багрецова, и от его честного разговора.

— Еще бы, столько грязи вылить на советский народ! — брезгливо скривив губы, выдавил из себя Медоваров. — Любому капиталисту понравится. Наверное, его заинтересовал разговор насчет... недоумков...

Дерябин переглянулся с Афанасием Гавриловичем и с его молчаливого одобрения сказал:

— Дорогой Анатолий Анатольевич! Должен признаться, что некоторые основания к этому разговору у Мейсона были. Он заметил вашу неумную выходку с микрофоном. Афанасию Гавриловичу пришлось извиняться.

Поярков зло посмотрел на Медоварова:

— А вам придется извиняться и перед нами и перед всем нашим коллективом. Но думаю, что в последний раз. Забота о вашей персоне слишком дорого нам всем обходится.

— Ну, это мы еще посмотрим! — взъярился Толь Тольич. — Не вам распоряжаться кадрами. Да и потом, я не пойму, что здесь происходит?

Борис Захарович подышал на стекла очков и, протирая их платком, переспросил:

— Не понимаете? Присядьте на минутку. И разрешите мне, человеку беспартийному, что вы изволили не раз подчеркивать, разъяснить известный вам принцип социализма «От каждого по способности, каждому — по труду». Я высоко ценю способность руководить и считаю, что здесь мало способности, здесь нужен талант. У меня, например, такого не имеется. С лабораторией как-нибудь справлюсь, а за большее никогда не брался. В хоре петь могу, а на солиста не вытягиваю.

— Не приbedняйся, Борис Захарович, — прервал его Набатников. — Вытянешь.

— А вы, Анатолий Анатольевич, — продолжал Дерябин, — считаете себя не только солистом, но и дирижером. Труд ваш почетный, нужный, но опять-таки не чересчур обременяющий. Вы по ночам не просыпаетесь,

чтобы записать ускользающую мысль, не мучаетесь годами в поисках единственного решения. Вы покинули кабинет — и до следующего утра мозг ваш возвращается к младенчеству. На вас надеялись, вам верили. И так уж получилось, что, несмотря на весьма скромные способности и не очень тяжелый труд, вы получали вопреки принципу социализма гораздо больше, чем заслуживали. Дачу вам предоставило государство? Предоставило. Была персональная машина, и, когда ее отобрали, вы кричали, что это безобразие, что работать нельзя. Но потом успокоились и превратили дежурную машину в свою персональную для жены и домашних.

— Это вас не касается! — оборвал его Медоваров.

— Зато вас касается, — мягко продолжал Борис Захарович. — Мне хочется, чтобы вы поняли. Я согласен с Серафимом Михайловичем, что мы с вами уже не встретимся ни в каком институте, ни на какой другой ответственной работе, как требуется светлый ум и чистое сердце. Но очень горько сознавать, что все это не произошло раньше, что потребовалась ваша глупейшая ошибка, связанная с нарушением международных норм гостеприимства. Тут уж ваши заступники ничего не сделают. Побоятся.

Понурился, Толь Толич вышел из кабинета.

— Вот человек! — вздохнул Афанасий Гаврилович. — Никогда он не поймет своей вины и будет ссылаться на несчастную случайность.

Оставшись один, Набатников все еще продолжал думать о Медоварове. В какой-то мере он жертва — растерялся и вылетел на крутом повороте.

Он не понимал, что сейчас нельзя работать по старинке — поглядывать на потолок и ждать указаний, что электронно-вычислительная машина не решает таких сложных и тонких задач, как подбор сотрудников, она не умеет отделить семена от плевел в науке, она не знает, кому можно доверить это священное дело.

У нашего народа большая и гордая душа. С каждым годом она раскрывается все шире и шире. В ней находится место и для близких друзей, и для тех, кто может быть другом. Но разве это понимает Медоваров? Так глубоко в нем укоренилась мания подозрительности, таким мохом обросло его сердце, куда нет доступа простым человеческим чувствам, что он, вероятно, до сих пор считает себя правым в грязненькой истории с маг-

нитофоном. Ошибка это или недомыслие? Ни то, ни другое...

Афанасий Гаврилович не успел еще определить, чем был вызван проступок Медоварова, как пришлось столкнуться с новой неприятностью. Предварительно постучавшись, в кабинет вошел немолодой человек в темно-синем костюме, с забинтованной шеей.

Он предъявил удостоверение органов государственной безопасности и сел в предложенное ему кресло.

— Извините, что отрываю вас от дел. Но я на минутку, — сказал он почти шепотом и, дотронувшись до бинта, улыбнулся. — Да вы и сами понимаете, какой я разговорчивый. Простыл в дороге.

— Не хотите ли горячего кофе? — предложил Афанасий Гаврилович.

— Благодарю вас, я уже лечился, — вежливо отказался гость и сразу же приступил к делу. — Мне поручено расследовать одну маленькую неприятность. Как вам известно, первый вариант «Униона» довольно широко использовался для исследования атмосферы. Работа эта не была секретной, однако в печати о ней не упоминалось.

— Насколько я знаю, ни в газетах, ни в журналах даже фотографий не было. Но это вполне естественно. «Унион» предполагалось модернизировать.

— К сожалению, после модернизации лишь отдельные элементы конструкции стали секретными. И ничего нет странного, что в редакции одного из научно-популярных журналов оказались эти фотографии.

Следователь выложил их на стол. Это были снимки иллюминаторов «Униона».

Набатников бегло взглянул на них.

— Ничего интересного. Не знаю, зачем они понадобились редакции? Впрочем, есть среди нашего брата один рекламист. Наверное, это окошки из «космической брони»? А кто снимал?

— Помощник фотолаборанта Семенюк.

— Аскольдик? — воскликнул Афанасий Гаврилович. — Имел честь недавно познакомиться.

— Он ба́луется кинокамерой, снимает девиц на пляже, и вдруг почему-то на пленке оказались вот эти кадры, — следователь положил руку на фотографии. — Пока нам многое неясно, я я прилетел посоветоваться с вами. Как вы думаете, кого-нибудь, кроме вашего «рекламиста», могут заинтересовать эти снимки?

— Вряд ли. Но о чем речь? Редакция их не опубликовала...

— С вами я могу говорить откровенно, — перебил его следователь. — Мне нужен не только ваш совет, а я обязан предупредить, что копии снимков попали в чужие руки. Есть ли тут основания для опасений? Мне трудно судить, я не специалист в технике, но не считаете ли вы, что следует воздержаться от полета до выяснения некоторой ясности в эти дела? — И он снова положил крепкую руку на фотографии.

Афанасий Гаврилович не мог не верить его открытому лицу, опыту, убежденности, всему, что было лучшего в этом человеке, но согласиться с ним не мог.

— Вы лучше меня знаете, что в чужие руки могут попасть и не такие снимки, — сказал Афанасий Гаврилович. — А что толку? Поймите меня, дорогой друг, я не вижу ни малейшей связи между предстоящим полетом «Униона» и случайными фотографиями, которые вряд ли будут использованы. Возможно, я ошибаюсь, но переубедите меня...

— Я рад, что этого сейчас не потребуется. Ваши доводы более состоятельны, чем мои. Но разрешите несколько позже вернуться к этому вопросу.

Набатников проводил гостя и, вспомнив Медоварова, вздохнул. Какие же все-таки разные слова «подозрительность» и «подозрение». Сегодня он встретился и с тем и с другим. Не слишком ли этого много для профессора, которому положено заниматься высокой наукой — космическими лучами и прочим. Но что поделаешь? Такова жизнь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Об одной важной телеграмме, о случайности и необходимости, об успешном эксперименте профессора Набатникова и о том, как избежать лишних волнений.

оследние испытания «Униона» поколебали сомнения противников Пояркова. Да, действительно, газонаполненная летающая конструкция с реактивными двигателями может

быть использована не только для исследования верхних слоев атмосферы, но и как средство воздушного транспорта. Кое-кто иронически улыбался. Помилуйте, дорогие друзья, но ведь это возврат к старому! Жесткий дирижабль Циолковского. Ну конечно, форма другая, двигатели более современные. Только в наш век, когда открыты принципиально новые пути в развитии транспортной авиации, когда существуют и конвертопланы, и турболеты, и даже проекты фотонной ракеты, как-то странно возвращаться к дирижаблю.

Сторонники Пояркова доказывали, что для трансатлантических перелетов реактивный дирижабль обладает существенными преимуществами перед всеми другими видами транспорта. Полет на нем абсолютно безопасен, он может садиться даже на воду. У него огромная грузоподъемность при малых эксплуатационных расходах.

Так говорили инженеры, экономисты, хозяйственники. И с этим нельзя было не согласиться. Но когда им стало известно, что «Унион» — это не просто летающая лаборатория и тем более не дирижабль для перевозки людей и грузов, а нечто вроде космического корабля, то многие пожимали плечами. Таковую махину отправить в космос? Здесь, наверное, без атомного горючего не обойдешься.

Однако специалистов, которые хорошо знали, что «Унион» уже испытывался с атомными двигателями, удивляло другое. Оказывается, во время полета «Униона» его можно выводить на разные орбиты. Видимо, это имеет научное и практическое значение.

Но до этого пока еще далеко, а сейчас Поярков нервничал. В Москве до сих пор не решили, можно ли запустить «Унион» в ближайшие недели?

Наконец-то пришел долгожданный ответ. Набатников пригласил Пояркова в свой кабинет и, грузно приподнявшись с кресла, протянул телеграмму:

— Наша просьба удовлетворена.

— Какой вариант? — несмело спросил Поярков и почему-то побледнел.

— Самый максимальный. Сейчас покажу.

Не скрывая своего торжества, Набатников сбросил пиджак, подошел к стене и щелкнул выключателем. Взметнулась вверх намотанная на валик шторка. На черном стекле светящимися люминесцентными красками были нарисованы предполагаемые орбиты «Униона».

— Наглядный чертежник? — весело спросил Афанасий Гаврилович. — Люблю законченную работу...

Перед глазами Пояркова светились разноцветные эллипсы. Они окружали голубой шар Земли. Вот самая близкая к ней оранжевая орбита, вот следующая, нарисованная зеленой краской, затем сиреневая.

Несмотря на огромные знания и широкий технический кругозор, Афанасий Гаврилович Набатников все же оставался физиком, а Серафим Михайлович Поярков — конструктором. Поэтому точнейшие расчеты, связанные с траекторией полета, были им недоступны. Этим занимались математики и астрономы с помощью самых совершенных электронно-вычислительных машин.

— А ведь здорово, что выбрали именно этот вариант! — говорил Афанасий Гаврилович, скользя взглядом по сияющей орбите. — После первого испытания «Униона» и обработки всего материала я подумал о некоторых незнакомых частицах.

Поярков снисходительно улыбнулся:

— Вы ждете, что там найдутся какие-нибудь особые частицы небывалой мощности?

— Всякое может быть, — уклончиво заметил Афанасий Гаврилович. — Сегодня вечером я кое-что расскажу. Кстати, а что ты думаешь о «Чайках»? Нельзя ли разместить еще несколько штук?

— Пока у меня такого задания не было, — пожимая плечами, ответил Поярков. — Ведь рассчитывали, что полет будет с людьми. А в телеграмме ничего не сказано.

Набатников опустил шторку у карты.

— Вероятно, решение придет дополнительно. Ну а как проходит тренировка у Багрецова?

— Врачи довольны. Только я боюсь, что зря мы парня мучаем. А вдруг полет не разрешат?

— Но ведь он на это и не рассчитывает. Обыкновенная контрольная проверка.

Так оно, собственно говоря, и было. В Ионосферном институте велась большая работа по изучению человеческого организма в условиях космических полетов. Для этих целей приглашали летчиков и просто добровольцев. Таким «добровольцем» считался и конструктор Поярков, которому по роду работы было крайне необходимо представить себе самочувствие космического путешественника. Ведь работа только начата, и дальше конструктор будет проектировать не «полустанки» вроде

«Униона» и даже не космические вокзалы, а орбитальные пассажирские лайнеры. Значит, всякие ускорения, перегрузки и хотя бы минутную невесомость надо испытать на себе.

Ну а при чем тут Багрецов? Здесь, в Ионосферном институте, он занимался исследованием орла-разведчика, подготавливал к испытаниям анализатор Мейсона.

Обе эти работы были уже закончены. Разведчик с кратким отчетом отослан в Москву, где, вероятно, его покажут иностранным корреспондентам.

И все же Набатников и Дерябин не хотели отпускать молодого инженера, которому вот уже второй раз продлили срок командировки. Бабкина тоже не отпускали по причине исследования в его организме космических и радиоактивных частиц. Багрецову приходилось работать со всякими современными медицинскими контрольными приборами, а потому здесь, в Ионосферном институте, ему поручили за ними присматривать. Ведь далеко не каждый врач знает электронику и радиотехнику — им трудно разбираться в капризах новых приборов.

Не раз для проверки Багрецов надевал их на себя и так же, как Поярков, вертелся на специальной карусели, летал на реактивных самолетах и, кроме перегрузки и невесомости, испытывал всякие другие неприятности. Потом они превратились в систему и послужили основой для серьезной тренировки.

Афанасий Гаврилович с удовлетворением отметил новое увлечение Багрецова и, получив самые лестные отзывы врачей о предварительных результатах этой тренировки, как-то в шутку сказал ему:

— Не пойму я тебя, Вадим. Неужели ты хочешь опять подняться в «Унионе»? Первый полет не отбил охоту?

Вадим вдруг сразу посерьезнел.

— Тогда это была случайность. А сейчас я думаю о необходимости.

— Значит, если бы таковая оказалась, — все так же улыбаясь, продолжал Набатников, — то полетел бы не задумываясь?

— Почему не задумываясь? Я уже думал... Мог бы следить за приборами. Наверное, это нужно...

На том и закончился разговор. Афанасий Гаврилович был уверен, что Вадим от своих слов не откажется, и если будет получено разрешение на полет «Униона» с экипажем, то можно послать Пояркова и Багрецова.

В самом деле, ведь, кроме старика Дерябина, которому даже думать нельзя о таком рискованном путешествии, никто лучше Багрецова не знал приборов «Униона». К тому же он наблюдал за ними в полете. У Вадима было какое-то особое чутье, интуиция, пользуясь которой он мгновенно определял ту или иную неисправность в сложном аппарате. Не следовало бы, конечно, сомневаться в надежности многократно проверенной техники, но всякие бывают случайности — опытный глаз не помахает.

А у Набатникова другие думы. Днями и ночами он не выходил из своей лаборатории. Уж очень интересные данные были получены в последнем ионосферном полете «Униона». Сопоставляя их с результатами своих многочисленных экспериментов, Набатников вывел определенную закономерность в поведении некоторых космических частиц и сегодня наиболее близко подошел к решению задачи. Все зависело от течения реакции в его новом аппарате.

Вот уже несколько дней помощники подготавливали неожиданный и смелый эксперимент, который Афанасий Гаврилович должен был провести сам. Он ждал этой минуты.

И она настала.

Садясь в кресло, Набатников увидел перед собой хорошо знакомое ему широкое окно с защитными стеклами. А там среди сосудов с реактивами, необходимыми для сегодняшнего опыта, стоял свинцовый цилиндр с выводными трубками и кабелями, которые уже были присоединены к измерительным приборам.

Годами вынашиваются идеи, делаются тысячи опытов, и вот наконец все как бы концентрируется в одном решающем мгновении. Последний эксперимент!

Полная и абсолютная удача! Набатников не мог сдержать своей радости. Он должен поделиться с другими — выбежал из лаборатории и весело приказал:

— Свистать всех наверх!

И когда на крыше башни разместились сотрудники и гости Ионосферного института, Афанасий Гаврилович обвел их сияющими глазами, извинился за нарушение обычных традиций, потому что выступает без всякой подготовки, без графиков, таблиц и диаграмм.

— Однако я не хочу делать научного сообщения в общепринятом смысле этого слова, — заметно окая от

волнения, предупредил Набатников. — Это скорее всего разговор о близкой мечте, до которой я, кажется, дотронулся рукой. К чему такое нетерпение? Не лучше ли подождать публикации труда, разработки солидной теории? Все это будет в свое время. А сейчас мне разрешили поделиться с вами первыми успехами...

Надо было знать профессора Набатникова, чтобы не удивляться несколько странному характеру его доклада.

— Внизу, в подвале, как в стеклянном гробу спящей царевны, лежит «философский камень» — мечта алхимиков. Простите за сказочную, а не научную терминологию.

Он рассказывал о неожиданных свойствах недавно открытых космических частиц, о том, как при некоторых специально созданных условиях они воздействуют на многие вещества и превращают одно в другое.

— Но это еще не все, — продолжал Афанасий Гаврилович. — Ведь при этом мы получаем дешевую атомную энергию. Не из урана и не путем сложного синтеза водорода, но если один из новых экспериментов будет удачным, то я представляю себе маленькие электростанции в каждом поселке, совхозе, в любой деревне, в самых недоступных и отдаленных местах. И главное — никаких высоковольтных линий, которые тянутся на сотни и тысячи километров.

Он говорил, что наступит время, когда космическая энергия будет двигать межпланетные корабли...

Многие из присутствующих задавали вопросы. Но вполне понятно, что о технических особенностях, цифровых данных и прочих существенных деталях никто не спрашивал. Всему будет свое время.

На верхней площадке башни еще задерживалось солнце. Но вот и лучи его пропали, завязнув в облаках. Стало темнеть, похолодало. Постепенно, один за одним, спускались вниз сотрудники и гости. Остались, как говорится, только близкие.

Набатникова окружили друзья: Дерябин, Поярков, все, с кем он тесно связан и трудом и мечтой. Здесь же молодая поросль: Багрецов, Бабкин, Нюра.

Борис Захарович тоже им под стать, помолодел, приосанился. Он снял очки, и то ли отблеск оранжевых облаков, то ли внутренняя радость светились в его глазах.

— Темный я человек, — с улыбкой заговорил он, и Багрецов подумал: «Это он-то темный?» — Не моего

ума дело, но ведь если представить себе, то, пожалуй, из всякой чепухи, из глины, из грязи можно золото делать и энергию добывать...

Казалось, что этот ворчливый старик, всю жизнь трезвый как стеклышко, вдруг захмелел и стал бормотать что-то совершенно ненаучное:

— А воздух какой будет! Ни труб, ни гари, ни дыма! Автомашины тоже заменим — аккумуляторными. Нечего воздух отравлять. Тогда я еще сто лет проживу.

Пришла шифрованная радиограмма: «Унион» полетит по заданному маршруту, имея на борту двух человек — Пояркова и Багрецова. Это будут лишь предварительные испытания. Через несколько суток «Унион» должен приземлиться на одном из военных аэродромов, после чего результаты полета могут быть опубликованы.

— Вполне закономерно, — сказал Набатников, обращаясь к Пояркову и Дерябину, которых он вызвал к себе в кабинет. — Я не хочу сравнивать, но даже о полете первых спутников мы сообщали лишь после выведения их на орбиты. О других полетах тоже ничего не писали заранее.

Поярков задумался.

— Так-то оно так, — произнес он неуверенно. — Но здесь, в институте, даже гости знают, что готовится запуск «Униона». Они ждут этого события и будут провожать нас.

— Ошибаешься, Серафим, — поправил его Набатников. — Пока только нам известно о полете с людьми. Когда «Унион» выйдет на орбиту, тогда можно сообщить, что в нем есть обезьяна по прозвищу Яшка-гипертоник, Тимошка, весьма уважаемый пес, потерявший глаз в защите частной собственности. А кроме того, летят и другие, менее знаменитые четвероногие. Вот и все.

— Не беспокойся, — вмешался Борис Захарович. — Конспирацию мы как-нибудь обеспечим. Рядом с кабинетом начальника есть лаборатория, куда, кроме Афанасия и двух-трех сотрудников, никто не вхож. Там мы установим телеметрическую аппаратуру, чтобы исследовать твое, Серафим, и Димкино самочувствие. Приятно?

Поярков не сдавался:

— Ну хорошо. Я и Вадим зайдем кабину ночью на-

кануне отлета, но как объяснить людям наше таинственное исчезновение? Ведь мы не покажемся здесь несколько дней.

Борис Захарович снисходительно поглядел на Пояркова и пригладил ершистые усы.

— А это уже проще простого. Организовано множество контрольных пунктов. Почему же и Афанасий, и я, и ведущий конструктор должны все из одного места следить за «Унионом»? Нецелесообразно.

— Значит, мы ночью будто бы вылетаем на другой пункт наблюдений? — спросил Поярков, вставая.

Афанасий Гаврилович поднял к нему смеющиеся глаза:

— Именно так и говори. Кстати, избавишь от лишних волнений дорогое тебе существо. Предупреждаю, ей ни гугу. — Он приложил палец к губам.

Слегка покраснев, Поярков отвернулся.

— Не будем говорить об этом.

— Нет, будем!

— Тут уж пошли дела семейные, — понимающе улыбаясь, сказал Дерябин. — А я, как всегда напоминал Толь Толич, человек беспартийный. И, в общем, тактично выставляюсь за дверь.

Не будем и мы присутствовать при этом разговоре. Он был действительно партийный, если пользоваться определением Димки Багрецова, который считал Набатникова настоящим коммунистом, потому что у него большая душа. И беседу эту надо держать в секрете ото всех, даже от самого Багрецова, хотя он и приложил все старания, чтобы она состоялась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Здесь Набатников вспоминает арифметику, интересуется киносъемкой, «творческой инициативой» и прочими вещами, которые не имеют прямого отношения к завтрашнему полету. А кроме того, тут рассказывается об одном волнующем событии в жизни Пояркова.

Вполне понятно, что после своего открытия, которое Набатников скромно называл «одним из частных решений перспективной задачи» — называл то ли в шутку, то ли потому, что некогда было думать о формулировках, — он сде-

лал все возможное для нового исключительного эксперимента, подтверждающего практическую ценность его работы.

Опять он летал в Москву, советовался, спорил... И люди, которые даже с точки зрения студента обладали весьма скромными познаниями в теоретической физике и не очень точно представляли себе, скажем, космическую частицу «мю-мезон», вдруг согласились с Набатниковым и, отклонив притязания виднейших астрономов, радиофизиков и других ученых, утвердили программу испытаний «Униона» так, как хотел Набатников.

Для этого пришлось освободить многие секторы летающей лаборатории, сократить весьма возросшие требования физиологов, которые доказывали, что сейчас в центре внимания должен быть человек как хозяин космоса. И ученые, отдавшие всю жизнь исследованию далеких туманностей, авторы всемирно известных работ по спектральному анализу звезд и многие другие ученые, одержимые и влюбленные в свою науку, покорно склоняли головы, когда им говорили, что придется подождать с их экспериментами, потому что так нужно Набатникову.

Но дело, конечно, не в Набатникове. Так нужно народу. Люди, умеющие видеть «через горы времени», могли по достоинству оценить дерзкий замысел Пояркова.

Но прежде всего они увидели в «Унионе» самое важное, самое главное: это не просто гигантская научная лаборатория или космический вокзал на пути к звездам, а... будущая электростанция. Последние опыты Набатникова показали, что осуществление этой идеи вполне возможно. Надо пробовать.

Оставались считанные дни до полета «Униона», а Набатников все еще ничего не говорил Багрецову о том, что вопрос о нем уже разрешен.

Зачем раньше времени волновать парня? Будет ждаться, нервничать. Не лучше ли сказать накануне, чтобы он поменьше мучился нетерпением?

Афанасий Гаврилович не сомневался в Багрецове. Ясно, что тот не откажется. Вот почему только за день до отлета Вадим узнал о своей необычной командировке.

Разговор происходил в кабинете.

— Согласен? — спросил Афанасий Гаврилович.

Вадим нервно поправил галстук.

— Я давно был согласен и сказал об этом.

— Знаю. Но ведь и Семенюк, или, как вы его зовете, Аскольдик, тоже рвался в космос. Мальчики — народ увлекающийся, — подтрунивал Набатников, но, заметив обиду на лице Вадима, сразу посерьезнел и крепко обнял его. — Прости за сравнение... Ты поймешь меня без пышных слов. Дело ответственное, рискованное... Но тебе его можно доверить.

— Спасибо, — Вадим низко склонил голову.

Он еще не мог разобраться в том смятении чувств, что обуяло его, боялся, что хлынут они наружу и это действительно будет мальчишеством, как уже намекнул Афанасий Гаврилович.

Набатников понимал Вадима, и ему не показалась странной та сдержанность, с которой он принял столь волнующее известие. Но парню надо дать опомниться, пусть поразмыслит на досуге, и Афанасий Гаврилович встал, как бы давая этим понять, что его ждут другие дела.

— О твоих обязанностях в полете мы еще поговорим. А пока я должен предупредить о соблюдении полной секретности. Никому ни слова.

Вадим вспомнил о матери. Она не знала даже о первом его полете — ничего не писал, чтобы не беспокоилась, — вспомнил о друге своем Тимофее и в сомнении спросил:

— Бабкину тоже нельзя сказать?

— До твоего возвращения.

— Спасибо, — уже невпопад повторил Вадим и, пожав протянутую Набатниковым руку, вышел из кабинета.

Оставшись один, Афанасий Гаврилович резко выдвинул ящик стола, достал оттуда фотографии, на которых были сняты иллюминаторы «Униона», и задумался. Вероятно, сегодня ему предстоит не очень приятный разговор с Аскольдом Семенюком. Вот ведь, казалось бы, парень как парень, отец его работал где-то по снабжению, потом с большим трудом добрался до поста директора промкомбината. Ничего особенного — зарплата среднего служащего, не то что у матери Багрецова. У нее множество научных трудов, деньги порядочные. И у нее только один сын, больше никого нет. Могла бы побаловать как следует. А вышло наоборот: Димка вырос трудолюбивым и честным, а Семенюк-младший ока-

зался не только бездельником, но и просто паршивцем, если не сказать большего. В чем же тут дело? Кто виноват?

Афанасий Гаврилович до сих пор не мог успокоиться из-за этой проклятой киноплетки, которая по милости младшего Семенюка и Медоварова попала в чужие руки. Как теперь уже стало известно, ее копия оказалась за рубежом. Но что в ней там нашли интересного? Семенюк снимал только иллюминаторы. Это было точно доказано, и, по существу, за помощником фотолаборанта никакой особой вины не числилось. Он выполнял распоряжение Медоварова.

Из разговора со следователем Набатников узнал, что Аскольда Семенюка не вызывали, а ограничились беседой с Медоваровым, которому было предъявлено обвинение в притуплении бдительности и использовании служебного положения. Он не имел права принимать частные заказы и приказывать помощнику лаборанта фотографировать иллюминаторы Литовцева для какого-то журнала.

Сейчас, рассматривая фотографии, переснятые с киноплетки, Набатников припоминал свой недавний разговор со следователем.

— Да ведь это нижние иллюминаторы, — доказывал Набатников. — А те, что сделаны из «космической брони», были наверху.

— Вполне возможно, — согласился следователь. — Но сущность дела от этого не меняется.

— Я тоже так думаю. Однако что-то мне здесь не нравится. Возможно, Семенюк ошибся... А если здесь другая причина?

Следователь помолчал и сказал откровенно:

— Не знаю почему, но меня предупредили, чтобы Аскольда Семенюка пока не тревожить.

— Вряд ли он связан с иностранной разведкой. Молод и глуп.

— По глупости тоже бывает. Но в данном случае это исключено. Мы проверяли... А ваши опасения я понимаю... Специальная техника. Хорошо бы вы сами выяснили насчет иллюминаторов... Если это вас не затруднит.

— Пустяки, — отмахнулся Набатников. — Люди меня интересуют не меньше иллюминаторов. Любопытно познакомиться поближе. Говорят, что мальчик где-то здесь отдыхает от трудов праведных.

— Так точно, — подтвердил следователь. — Он должен сюда заехать — позабыл отметить командировку. Медоваров потребовал. Перед сдачей дел хочет, чтобы вся отчетность была в порядке.

Набатникова удивило это странное совпадение, но ведь с Толь Толичем был уже серьезный разговор и, вероятно, ему подсказали, как поступать дальше. А Набатникову подсказывать не нужно, он сделает все возможное, что от него зависит.

Аскольди́к приехал именно в тот день, когда его и ожидали. Зайти к директору института? Пожалуйста! И ни тени удивления. Наконец-то Набатников пожелал извиниться? Ведь неудобно, когда люди приезжают в командировку, а им — от ворот поворот. Вероятно, подействовала жалоба, которую тайком от Толь Толича подписали три аспиранта. Разве так можно относиться к молодым кадрам? Накрутили, видно, Набатникову хвост. Теперь лебезит, заискивает перед молодежью.

«Ну, ясно!» — подумал Аскольдик, когда, предложив ему кресло, Набатников начал разговор издалека. Спрашивал, как отдохнул молодой товарищ — уже успел загореть, — интересовался киносъемкой, как она получается?

— Спасибо, Афанасий Гаврилович, — вежливо ответил Аскольдик. — Получается. На цветную снимал... Да что вы! Не в первый раз. Освоена... А места здесь вполне приличные. Хочу осенью опять подъехать. Недавно «Волгу» получил.

— Выиграли в лотерею?

— Что вы, Афанасий Гаврилович! Купил на свои кровные... То есть не совсем на свои, — заметив удивленный взгляд Набатникова, поправился Аскольдик. — Папан у меня добрый. Помог.

— Это приятно. Анатолий Анатольевич очень хорошо о нем отзывался. Кстати, а вы знаете, сколько стоит «Волга»?

— Конечно.

— Отец ваш директор производственного комбината? Так, кажется? Ковры, дорожки... Не помню, что-то мне говорил Анатолий Анатольевич. Зарплата его вам известна?

— Примерно, — нехотя ответил Аскольдик.

— Вы извините меня, товарищ Семенюк, за любопытство. Возможно, вам посчастливилось? По займу

выиграли? Нет? Тогда, может быть, дача в наследство осталась? Отец решил сделать вам подарок и продал ее за ненадобностью?

— При чем тут наследство? — обиделся Аскольдик. — Дачу сами построили и продавать ее пока не собираемся.

Афанасий Гаврилович взял со стола счетную линейку и протянул ее Аскольдику:

— Видимо, я совсем позабыл арифметику. Проверьте, пожалуйста. По моим расчетам, ваш папа должен работать два года, чтобы купить «Волгу». Но ведь пить-есть тоже надо. Мама не работает, а вашу зарплату всерьез принимать нельзя. Она почти целиком уходит на содержание машины и ваши личные потребности. Математический парадокс.

— Я не математик, Афанасий Гаврилович, — лениво произнес Аскольдик, кладя линейку на стол. — И, откровенно говоря, этим вопросом никогда не интересовался.

Набатников чуть не стукнул кулаком по столу. Не интересовался? А сюда прилетел с блокнотом, хотел выпускать сатирический листок, любопытствовал, спрашивал, нет ли бракоделов среди ученых, выискивал сплетни, дотошный до всякой ерунды... А что творится дома, его, видите ли, не интересует. Но самое главное, что тут он искренен. Он всегда в стороне. И, к сожалению, так нередко бывает. Развернешь газету, читаешь: «Из зала суда». Опять проворовался какой-нибудь завмаг. Построил себе дачу за огромные деньги. А откуда у него деньги — никто раньше не спрашивал. Равнодушные доброхоты отводили ему участок, подписывали всякие бумаги, продавали стройматериалы, помогали рабочей силой... А ведь стоило только прикинуть в уме общую сумму его многолетней зарплаты и примерную стоимость дачи, как дело уже можно передавать в прокуратуру. До каких же пор мы будем оправдываться пережитками капитализма? Почему мы слепо закрываем глаза и ждем естественного и обязательного конца, что жулик обязательно попадетсЯ? Неужели так мало значит профилактика?

— Простите мою назойливость, товарищ Семенюк, — как можно спокойнее проговорил Набатников. — Вы изволили заметить, что бытовыми вопросами не интересуетесь. Тогда чем же?

Аскольдик снисходительно усмехнулся:

— Мне очень странно слышать это от вас, Афанасий Гаврилович. Разве сейчас, когда открылись дороги в космос, можно интересоваться чем-либо другим? Вся молодежь только и думает, как бы поскорее распрощаться со старухой.

— Какой старухой? — удивился Афанасий Гаврилович.

— Землей, конечно.

Набатников только руками развел. Вон чем он прикрывает свою пакостную философию! «Впрочем, почему именно вас, уважаемый профессор, занимающегося изучением космоса, волнуют какие-то мелкие жулики? — иронически спросил он себя. — Полноте, Афанасий Гаврилович, завтра открывается новая эпоха в истории человечества. Вечная энергия космических пространств будет спущена на Землю...»

Нет, не убедит себя профессор Набатников, и зря он старается пышными словами оградить свое сознание от сегодняшнего, сиюминутного. Во имя чего? Ради кого он живет и трудится? Во имя будущего человечества, ради наших детей... Но опять вновь и вновь возникает трезвая, холодная мысль. Дети? У Набатникова взрослая дочь — учительница в сельской школе. Она счастлива, и ей не нужна ни «Волга», ни столичная профессорская квартира, в которой она могла бы жить. И вот, заложив ногу за ногу, сидит перед тобой мальчик. Он тоже один из тех, кому должно принадлежать будущее. Таких мальчиков не так уж много, но они живут в дачах, построенных на ворованные деньги, разъезжают в ворованных машинах. Они догадываются об этом, догадываются их друзья, но никто не хочет называть вещи своими именами, лишь стыдливо прячут голову под крыло и делают вид, что ничего не знают.

Так вот и сейчас с Аскольдиком. Казалось бы, странно, что Набатников прежде всего затеял разговор о «Волге», даче, зарплате, а не о том, почему сфотографированы вовсе не те иллюминаторы, которые нужно.

Ведь именно это его беспокоило, это мучило.

Может быть, подсознательно, но Афанасий Гаврилович не мог отделить одно от другого. Аскольдику на все наплевать. Какая ему разница, на чьи деньги — папины или государственные — куплена машина? Не все ли равно, что сфотографировать? Важно не попадаться.

— Вы комсомолец, Семенюк? — после некоторого молчания спросил Набатников.

Аскольдик откинулся на спинку кресла.

— Да. Но разве в мои обязанности входит проверка семейного бюджета? Я уважаю своего отца, и подобный контроль был бы для него оскорбительным...

— Но ведь здравый смысл подсказывает...

— Я еще молод, Афанасий Гаврилович, — саркастически улыбнулся Аскольдик. — Откуда у меня здравый смысл? Мне кажется, что папа умеет жить. Ничего плохого в этом я не вижу.

Набатников понял, что не здесь надо переубеждать Аскольдика, но как-то не мог подойти сразу к основной цели разговора. Мальчишка наивен, хотя и носит маску скептика. С годами это проходит, но есть недоумки, которые такую маску носят до конца жизни.

Нелегко разговаривать с этим заносчивым мальчуганом. Так, например, он убежден, что судьба открытия или изобретения зависит только от людей, облеченных властью. Это они стоят на пути новаторов. А попробуй скажи, что от него — помощника фотолаборанта — тоже кое-что зависит, он рассмеется в лицо. Его не переубедишь, даже если расскажешь во всех подробностях историю с перепутанными аккумуляторами... Мало ли чего не бывает по молодости лет. Обыкновенная ошибка. У девчонок память слабая, они рассеянные.

Но чем объясняется ошибка Семенюка, надо разобраться обязательно. И Афанасий Гаврилович решил вызвать его на откровенный разговор.

— Вы человек взрослый, но еще очень молоды, чтобы безболезненно воспринимать замечания и советы старших, а потому с вами разговаривать довольно трудно... Но я попробую просто на пальцах объяснить вашу вину.

Аскольдик поднял рыжеватые брови:

— Вину? Интересно.

Набатников вышел из-за стола, тяжело зашагал по комнате.

— Вы увлекаетесь кинолюбительством, — продолжал он, искоса поглядывая на Аскольдика. — Занятие интересное, но хлопотное. А у вас все возможности. В НИИАПе прекрасная лаборатория, а сам лаборант, при котором вы состоите в помощниках, уже освоил проявление обратимой пленки и по мягкости душевной вы-

полнял все ваши заказы... Вы не расставались с кинокамерой и однажды по срочному заказу Медоварова засняли ею окошки из «космической брони».

— Ну и что же здесь особенного? — пожал плечами Аскольдик. — При мне не было тогда фотоаппарата. А снимки получились вполне приличными, Медоваров доволен.

— Охотно верю и ценю вашу оперативность. Вы сумели найти выход из затруднительного положения. Ну а дальше?

Со слов следователя Набатникову было известно, что Медоваров позабыл о снимках. Да и Семенюк не помнил, на какой пленке их искать. К тому же заболел фотолаборант, и десятки пленок остались непроявленными. Семенюк совершенно не знал этого процесса, а потому ждал, пока лаборант выйдет на работу. И вдруг, как снег на голову, Медоваров срочно потребовал снимки для отправки в Москву, чтобы Литовцев успел их сдать для очередного номера журнала.

— Ну а дальше? — повторил Набатников. — Кто вам проявил пленку и отпечатал снимки?

— Станный вопрос! В любой фотографии это можно сделать.

— Проявить кинопленку?

— Подумаешь, какая сложность!

— Но ведь пленка обратимая. Значит, не в любой фотографии.

Аскольдик несколько смутился.

— Я уже не помню. Возможно, товарищ один проявил..

Об этом и говорил следователь. Пока трудно разобраться, какими путями пленка оказалась в чужих руках. Проявлялась она дома у одного кинолюбителя. Римма могла бы подробно описать его внешность. Римма пустынькая девушка, но в излишней доверчивости ее упрекнуть нельзя. Познакомившись на танцплощадке с элегантным молодым человеком, Римма не садилась в его машину, избегала темных аллей в парке над Днепром и встречалась с ним только на танцах. На вопрос, где она работает, гордо отвечала: «В научном институте». И, несмотря на предупреждение Медоварова, что во всех случаях надо меньше говорить о работе, Римма стала рассказывать, как без нее нельзя было обойтись в подготовке «Униона». Хвасталась предстоящей командировкой в Ионосферный институт и, чтобы придать

этому максимальную достоверность, приводила множество интересных подробностей, кто, и зачем, и почему туда летит. Римма познакомила своего партнера по танцам с Аскольдиком и радовалась, что у них нашлись общие интересы. Опять она начала лелеять мечту стать киноактрисой, потому что мальчики изводили на нее множество пленки, которую проявлял ее новый знакомый.

— Меня вот что интересует, товарищ Семенюк, — продолжал спрашивать Набатников. — Почему вы снимали не те окошки, которые было приказано?

— Откуда вы знаете? — огрызнулся Аскольдик.

Возможно мягче, хоть это и было трудно, Афанасий Гаврилович пояснил:

— Фотографии прислали нам на консультацию.

Он сказал об этом совершенно искренне, но по вполне понятным причинам не уточнял, что снимки прислали не из редакции.

Аскольдик язвительно хмыкнул:

— Значит, по фотографии вы можете определить, из чего сделаны окошки? Странно.

— Дело не в том, товарищ Семенюк. Вы снимали нижние окошки, а вам приказано было снять верхние.

— Во-первых, я не верхолаз. А во-вторых, не вижу разницы.

— Если бы вы поднялись наверх, тогда бы увидели.

Набатников не хотел уточнять эту разницу: по всей окружности диска между иллюминаторами находились рефлекторы радиолокаторов. А внизу их не было.

— Приказано отснять окошки, я и отснял, — оправдывался Аскольдик.

— Но приказание выполнено неточно.

— Я проявил творческую инициативу, — насмешливо процедил Аскольдик.

— Бросьте вы меня дурачить, товарищ Семенюк! Ваша «творческая инициатива» определяется словом «наплевать».

Больше разговаривать не о чем. Действительно, Аскольдику на все наплевать. Но почему это так волнует Набатникова? Он подробно рассказал следователю о своем разговоре с Семенюком.

— У меня нет никаких сомнений, что Семенюку было совершенно безразлично, какие фотографировать окошки, — в заключение сказал Афанасий Гаврилович.

Но сердце почему-то беспокоило.

Этого было слишком мало, чтобы отложить полет, до которого оставались уже не дни, а часы.

Часы томительные, тягучие. Поярков места себе не находил. Ну сколько раз можно осматривать «Унион», проверять управление, оборудование? Сколько раз изучать расчеты траектории? Да и кроме того, все это было сделано давным-давно настоящими знатоками своего дела, которым Поярков верил безоговорочно. А Набатников? А Дерябин? Разве в этих делах они меньше понимают, чем конструктор?

День клонился к вечеру. И если бы мальчик типа Аскольдика до конца прочитал книгу, в надежде найти в ней нечто «волнительное» — любят они это словечко, — то метал бы громы и молнии, писал бы в редакцию, что автор снизил тему, что не знает он «правды жизни», если накануне полета в космос некий Поярков, которому выпало это счастье, вдруг прогуливается с какой-то мало-заметной девицей. Разве об этом он должен думать перед ответственным испытанием?

Аскольдики, конечно, у нас достаточно, но людей, по духу близких Пояркову или Нюре Мингалевой, в тысячи раз больше. И автор, как и Димка Багрецов, страшно хочет им счастья. А кроме того, в жизни человека настоящая большая любовь значит не меньше космического полета, и все это неотделимо друг от друга. Вот почему Поярков с нетерпением ждал того часа, когда можно постучаться в комнату Нюры и вызвать ее на прогулку. Теперь он знал, что говорить.

Ни от кого не таясь, Поярков взял Нюру под руку и вышел за ворота института. Где-то за снежной вершиной догорало небо. Поярков сказал, что ночью должен улететь на контрольный пункт, и сразу же замолчал. Молчали долго. Слышался лишь размеренный точный шаг.

— Вы меня любите? — неожиданно спросил Поярков. — Я знаю, вы не солжете.

Нюра молчала.

И это молчание было столь красноречивым, что у Пояркова остановилось дыхание. Он поднял ее, маленькую, легкую, и, раскачивая на руках, что-то шептал, низко наклонившись к лицу.

Нюра хотела освободиться — все это случилось так неожиданно!.. Было и радостно, и немного стыдно. Она оправдывалась:

— Я просила узнать... Ведь когда-то...

— Не обижай меня, — говорил Серафим Михайлович, целуя ее. — Ничего не хочу знать. Ничего.

Потом они сидели на скамейке, где любил отдыхать Набатников, где когда-то Димка на расстоянии метра друг от друга сживал с Риммой. Казалось, вот оно пришло, долгожданное счастье, но в душе росла тревога. Поярков проклинал себя, что не сумел сдержаться, что все это случилось накануне самого рискованного в мире опыта, и если он не вернется, то заставит Нюру еще больше страдать.

Она же, чувствуя что-то напряженное, неладное, выспрашивала. И дело здесь не в мистике, телепатии и народных приметах, что, мол, «сердце — вещун». Тут совсем другое. Сдержанность чувств, великолепное качество в жизни, дается не каждому. Иной хоть и знает, что для общей пользы нужно солгать, но когда это делает, вдруг заалеет как маков цвет. Так было и с Поярковым. Он не лгал, а просто уводил разговор в сторону.

— Но почему нельзя было днем улететь? — допытывалась Нюра. — Почему ночью?

— Некогда.

— Нашли же время для меня?

Глядя на мерцающую многоцветную звездочку, самую яркую на всем небосклоне, Нюра, как бы вспомнив о чем-то, спросила:

— Вы будете отсюда далеко?

— Далеко, — чуть слышно ответил Поярков.

— Пусть не покажется это вам смешным, но я прошу: посмотрите на ту звездочку. — Нюра подняла к ней голову. — Завтра в это же время я тоже буду смотреть на нее и думать о вас.

Прищурив глаза, Поярков заметил, что от дальней звездочки тянется к нему тонкий, как алмазная нить, сияющий лучик. Это первая линия связи, которую изобрели влюбленные. Тайным шифром, неслышимым и невидимым, поверяют они друг другу мысли и чувства... Наивная игра, но сейчас ее предлагает любящая.

— Обещаете? — спросила она, обняла его голову, прижала к груди.

И тут случилось самое непонятное, самое волнующее в жизни Пояркова. Он услышал, как бьется сердце любимой. Он слышал его размеренный стук, потом быстрые

неуверенные толчки, замирание и вновь властные удары — тук-тук-тук. Он понимал ее волнение, и сердце его отвечало тем же. Оно живет! Оно твое!

И не видели они, как мимо проходил Димка Багрецов, и, конечно, не знали, как тяжело ему. Именно здесь, на этой скамейке, сидел он с Риммой, а сейчас бродит и бредит воспоминаниями. Радостно лишь то, что эти счастливы. Пусть опять он что-то потерял. Но как хочется всех хороших людей сделать счастливыми!.. Бабкин скоро уедет домой. Стеша ждет не дождется, соскучилась. А у Вадима никого нет, ни одна девушка по нем не скучает. Сегодня он хотел поговорить по телефону с матерью, но раздумал, боялся ее взволновать — ведь она догадается по голосу, что сын чем-то обеспокоен. Разве это скроешь?

А Тимка ни о чем не догадывался. Вот и сейчас, когда Вадим сказал, что ночью улетает на другой контрольный пункт, Бабкин мог только посоветовать одеться теплее.

— Может, на Алтай полетишь. Там горы повыше, чем здесь. Холодно. А я, наверное, больше никуда не полечу, — продолжал он, сжимая и разжимая большие пальцы, как ему советовали, для гимнастики. — Слишком много приключений. Стеша беспокоится.

— Но ведь она понимает...

— Да, конечно. Только вот у меня дочь скоро будет.

— Почему дочь?

— Так хочу. Ее труднее воспитывать.

— Оригинальничаешь, Тимка. Все говорят, что мальчишки — сорванцы, а девочки тихие.

— А потом вырастет какая-нибудь Римма.

Вадим печально заметил:

— Бывает. — И, тут же вспомнив историю с аккумуляторами, сказал: — А вдруг бы она такую штуку учинила перед завтрашним полетом? Полная катастрофа!

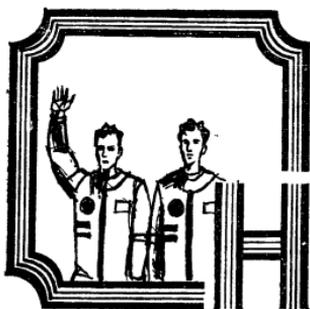
Как ни странно, всегда спокойный, даже флегматичный, Бабкин заговорил резко, взволнованно:

— Ты думаешь, она бы переживала? Ерунда! А таких девчонок много. У них свои интересы. Танцплощадки, сплетни, тряпки... Нет уж, довольно! И если у меня будет дочь, то прежде всего я отниму у нее мечту о подобной чепухе. А ведь есть девчонки, которые только в этом и видят счастье.

— Их никто не научил любить, — в грустном раз-

мышлении подсказал Вадим. — Любить свой труд и хороших людей.

Прощаясь с Бабкиным, Вадиму хотелось расцеловаться, но он сдержался, чтобы не выдать себя... Да, конечно, ничего особенного, обычный рейс на Ил-18. До скорого свидания, Тимка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Космонавты накануне старта. О чем они могли думать и как об этом узнать? Что такое вялая лирика и можно ли ее определить методами электроники? И в конце — о крылатом слове победы и счастья.

ечего и говорить, что подготовка к таким ответственным испытаниям была закончена задолго до полета, назначенного на рассвете. С шести часов вечера территория, откуда должен был подняться «Унион», находилась под усиленной охраной, и ни один человек, кроме директора Ионосферного института Набатникова и еще двух-трех ответственных лиц, не имел права подходить к летающей лаборатории.

Нельзя даже сравнивать предыдущий старт с территории НИИАПа, когда «Унион» нужно было только переправить на ракетодром Ионосферного института, но все же печальный опыт с молодыми инженерами, случайно оставшимися в центральной кабине, сейчас, несомненно, учитывался.

Здесь бы, конечно, никогда такого не произошло. Сам Набатников осматривал каждый отсек гигантского диска, низко согнувшись, до боли в спине ходил по трубчатым коридорам, заглядывая в камеры. Освещение прекрасное, не хуже, чем в гостиных и каютах комфортабельного дизель-электрохода. Ему представлялось, что после испытаний «Унион» переоборудуют и вместо камер здесь появятся действительно каюты для желающих испытать космическое путешествие на необычном лайнере-дирижабле. Абсолютно безопасный полет. Сотни пассажиров плавно спускаются на Землю в назначенный пункт. А пока не лаборанткой Ньюрой Мингалевой проверялись новые ярцевские аккумуляторы, а заводскими инженерами. Они прилетели сюда специально. Но и это-

го мало: окончательную проверку производил Борис Захарович Дерябин, он же испытывал всю автоматику, радиоаппаратуру и телеметрические устройства.

Наконец все люки и центральный вход «Униона» были опечатаны, и теперь за работой аппаратуры и поведением животных следили только на расстоянии в лабораториях института.

Пассажиров «Униона» уложили спать в десять часов вечера. Ни Поярков, ни тем более Димка Багрецов не смогли бы заснуть так рано. Но их положили в специально оборудованную для этого комнату, где главный врач «Униона» Марк Миронович включил аппараты электросна и, поручив медсестре наблюдать за спящими, осторожно вышел на цыпочках.

Вадим открыл глаза, протер их и снова приоткрыл чуточку.

— Довольно спать, — слышался голос Пояркова. — Как старики говорят: «Царство небесное проспишь».

У Багрецова невольно мелькнула мысль: «А ведь мы скоро будем в этом «царстве небесном». Царстве вечного холода, тьмы, пустоты... — Он вздрогнул, поежился и тут же поспешил себя успокоить: — Нет, это говорится в другом, мистическом смысле. «Царство небесное» сулят после смерти... А мы ведь тоже можем...»

До того рассержен был Вадим этой нелепой мыслью, что мгновенно вскочил с постели, готовый сразу же лететь, лететь куда угодно, забыв о своем позорном малодушии.

Но все это оказалось не так-то просто. Открылась дверь, и, предводительствуемая Марком Мироновичем, на пороге показалась целая бригада врачей в белых халатах. Сейчас они будут выстукивать и выслушивать пациента, советоваться и качать головами. Стоит ли, мол, посылать человека в космос в таком неуравновешенном состоянии.

И опять в голове у Вадима пронеслась навязчивая, тошная мысль: «Консилиум у постели умирающего».

Собрав всю свою волю, Багрецов проявил чудеса выдержки. Ни привычные дедовские методы выслушивания больного, проверка пульса на ощупь, ни современные электронные приборы, те, что безошибочно рисуют на экране физиологические процессы, происходящие в организме, не показали сильного нервного возбуждения

и тем более угнетенного состояния будущего космического пассажира. В эти минуты Вадим мог совсем не дышать или даже остановить биение сердца, как, говорят, это делали легендарные индийские факиры, только бы врачи допустили его к полету.

Зря беспокоился Багрецов. Врачи еще раньше изучили его организм. Они долго искали сердечные и всякие другие неполадки, которые хоть в малейшей степени послужили бы препятствием к столь серьезному испытанию. И дело вовсе не в том, что у него не нашли какого-нибудь аппендицита или других скрытых болезней, могущих неожиданно обостриться в самое неподходящее время; и не в том, что Багрецов вдруг оказался «атлантом», то есть идеальной человеческой особью с точки зрения врачей и художников. Все это относительные пустяки.

А в чем же суть? Почему именно на Багрецова пал выбор Набатникова, когда он искал второго пассажира «Униона»? В том-то и дело, что здесь не подходит слово «пассажир», здесь нужно лицо активное, действующее. Значит, если Пояркова считать командиром корабля, как это принято в авиации, то Багрецов должен быть либо вторым пилотом, либо штурманом, или, что ему ближе всего, бортрадистом, или, вернее, и он и Поярков просто наблюдатели.

Ведь у человека есть еще внутреннее зрение, интуиция, сложные чувства, которых не заменишь никакой кибернетикой. Он сразу может принимать решения при неожиданных обстоятельствах.

Вадим резко приподнялся и посмотрел в окно.

Диск «Униона», притянутый тросами к земле, слабо светился. Никаких прожекторов, все буднично и просто. Но почему же так долго не идут за «наблюдателями», почему так долго испытывают их терпение?

Все было рассчитано абсолютно точно, и вовсе они не так уж долго ждали — это время тянулось медленно. Буквально за час до рассвета, чтобы зря не томить путешественников в кабине, за ними пришли Набатников, Дерябин и главный врач, усадили в машину и с потушенными фарами подъехали к «Униону».

Возле него уже стоял трехъярусный трап, высокий, как пожарная лестница. Поднялись наверх. Под тяжелыми шагами Набатникова стонали ступеньки.

Он снял печать и открыл люк. В который раз специалисты под руководством Дерябина осматривали цен-

тральную кабину «Униона» и все его уголки, но это повторилось и сейчас.

После официальных и деловых инструкций Набатников не выдержал, порывисто — даже кепка слетела с головы — расцеловал Пояркова и Багрецова, но, чтобы это не походило на тревожное прощание, пошутил:

— Пользуясь случаем, заранее поздравляю с возвращением. А то ведь к вам потом не пробьешься. Совсем зацелуют.

То ли у Дерябина был насморк, то ли он хотел протереть очки и полез в карман за платком, но Марк Миронович посмотрел на него таким свирепым взглядом — разве можно волновать пациентов, — что тот лишь потянул носом и сурово произнес:

— Не забудьте о кодированных передачах.

Эти передачи казались Багрецову бесполезной затеей. Зачем нужно что-то передавать, когда внизу все лучше нас знают. Высота, курс, отклонение от него, все технические показатели, даже самочувствие экипажа — все известно. Но, вспомнив о внутреннем зрении, интуиции и прочих сложных особенностях человеческой породы, понял, что такие передачи нужны, хотя бы для определения психического состояния космонавтов. Ведь говорят, что космические лучи...

Но, к счастью, дальнейшие размышления Вадима были прерваны сдержанной, вполголоса командой Набатникова:

— По местам.

Борис Захарович хотел было предложить присесть на минутку, по старому русскому обычаю, но после команды счел это неудобным: дисциплина как на войне.

Молча, почти не дыша, Багрецов шагнул в темноту люка, нащупал там первую ступеньку и вдруг со всей ясностью представил себе, что с этой ступеньки начинается дорога в космос. Он поднимается все выше, выше, сердце сжимается от волнения и радости, и все же тайная тревога ни на минуту не покидает его.

Внизу слышится мелодичное позвякивание, будто кто-то стучит молоточком по цимбалам. Это поднимается Поярков. Видимо, металлические части его скафандра ударяются о звонкие перекладки лестницы.

«Значит, он уже закрыл нижний люк», — подумал Вадим, вспомнив свое первое неудачное путешествие.

Центральная кабина, где находились радиопередатчики и другая основная аппаратура, была освещена. Это

Набатников, последним осматривая «Унион», нарочно оставил здесь свет, чтобы Пояркову и Багрецову не плутать в темноте. Горели плафоны и в радиальном коридоре, который вел в отсек, где в данном полете должны находиться люди.

Не случайно, что Багрецов и даже Бабкин, который во время своего ионосферного полета исходил все коридоры «Униона», ничего не знали о безымянной камере, приспособленной для человеческого существования в течение всего времени полета.

Благодаря огромному объему диска ее можно было запрятать глубоко внутрь. Со всех сторон камеру окружали отсеки, заполненные газом, внутри которых было множество защитных переборок, как у подводной лодки. Поэтому сравнительно небольшие метеориты вряд ли смогли бы нанести вред экипажу «Униона». Сила удара будет значительно ослаблена, прежде чем метеорит достигнет стенок кабины с людьми.

Из этих же соображений защиты экипажа Поярков категорически отказался от огромных иллюминаторов, сквозь которые так приятно было бы наблюдать звездный мир. Во-первых, мир этот удобнее наблюдать с Земли через телевизионные телескопы, расположенные в верхней части диска. А во-вторых, ни «космическая броня» Литовцева, ни более совершенные прозрачные материалы не смогут полностью защитить людей от солнечной и космической радиации, от температурных воздействий и тем более от возможной метеоритной опасности.

— Огромные окна, как в салоне волжского теплохода, нужны только героям фантастических романов, — доказывал Поярков своим противникам, которые ратовали за «космическую броню». — Ведь человек летит в космос не за тем, чтобы любоваться пейзажами. И прежде всего он должен чувствовать себя в безопасности.

Вот почему кабину для людей поместили внутри диска, а наблюдать за окружающим можно было с помощью специальных оптических устройств, чем-то напоминающих перископы подводной лодки.

Все это было знакомо Вадиму еще раньше, когда он привыкал к условиям будущего полета. Вместе с Поярковым часами он сидел в кабине, притянутый ремнями к креслу, учился видеть совершенно необычным зрением, когда у тебя перед глазами что-то вроде кинопано-

рамы. Над ее основным экраном поместился еще один, позволяющий видеть все, что творится над головой, а внизу, на третьем и четвертом экранах, должна быть видна Земля и, как в зеркальце автомашины, то, что остается позади.

К этому не сразу привыкнешь. Но так показалось вначале. А сейчас, когда Багрецов вошел в полутемную кабину, где светились лишь стрелки и цифры приборов, то ему представилось, что иначе и видеть нельзя. Круговой обзор, и не только в плоскости, но и в пространстве. Не надо вертеть головой. Вроде как на затылке у тебя появились глаза. Да и не только на затылке.

Прямо перед собой ты видишь освещенный купол башни, несколько поясов окружающих ее окон, плоскую крышу института с корзинками и решетками радиолокаторов, нацелившихся в небо. На втором экране — яркие предрассветные звезды. А внизу — абсолютная темень. Ведь «Унион» пока еще отдыхает, лежит на земле. И наконец, последний, четвертый, экран. Вдали цепочка гор, просторное поле ракетодрома, и ходит по нему взад-вперед высокий грузный человек в светлом плаще. Это Набатников. О чем он думает? О чем?

В кабине вспыхнул яркий свет, его зажег Поярков.

— Ну что ж, подключаемся, — весело сказал он, садясь рядом с Вадимом и вставляя в поясную фишку колодку со штепселями. — Марк Миронович, наверное, уже дожидается. Нервничает.

— Ему разрешено нервничать, — заметил Вадим, также через шланг подключаясь в радиотелеметрическую систему.

На приборной доске зажглась контрольная лампочка. Это значит, что заработал один из передатчиков, который предназначен только для того, чтобы точно и объективно сообщать на Землю о здоровье путешественников. Об этом будут знать не только Марк Миронович, не только Набатников и Дерябин, но и некоторые ученые из Академии медицинских наук, специалисты из Центра космической связи, будут знать и в других институтах, где установлены специальные аппараты для приема зашифрованных телеметрических передач. Но только сами космонавты останутся в неведении, каков у них пульс, кровяное давление и как работает сердце.

На это им не следует отвлекаться, и меньше всего они должны об этом думать. На приборной доске, на

различных пультах — всюду, куда ни глянь, на стенках кабины, даже на потолке размещены приборы, сигнальные лампочки, крохотные самописцы и осциллографы. Все, что касается технического состояния «Униона» и внешних условий, в какой-то мере влияющих на полет, все это могут определить по приборам и «командир корабля» и «наблюдатель» Багрецов. Все узнают, кроме того, что происходит у них в организме в столь необычных условиях.

Здесь надо сказать еще об одном методе наблюдения за космонавтами, о котором ничего не знали ни Поярко, ни Багрецов.

Однако, как говорится, «для чистоты эксперимента» пусть космонавты остаются в неведении. Дело касается самого сложного — нервных клеток мозга, которые могут быть подвержены действию космической радиации. Ведь пока еще многое остается неясным...

Сейчас в ожидании отлета именно об этом и зашла речь.

Заметив, что Вадим все время поправляет свинцовый колпак под шлемом, Серафим Михайлович предложил:

— Да сними ты его. Ведь пока не нужен.

Вадим с радостью снял с себя колпак, выдавленный из тонкого свинцового листа, и, рассматривая его розовую суконную подкладку, усеянную пуговками контактов, удивлялся:

— Мне кажется, что это придумали перестраховщики. Над головой всевозможные защитные перегородки, свинцовые, жидкостные. И вдруг нате вам — дополнительный колпак. Да ведь там, наверху, для космических лучей он вроде как бумажный... А потом, надо же верить опытам. С собаками от этих лучей ничего не случилось... С обезьяной Яшкой-гипертоником тоже обошлось благополучно. Наконец, Бабкин...

— Что Бабкин? — прервал его Поярко.

— Отделался, как говорится, легким испугом, — свободно и непринужденно продолжал Вадим, видимо, решив, что юмор в данной ситуации — лучшая защита от страха. — Боялся, что полысеет, да и то не от космических лучей, а от вредных излучений в уловителях Набатникова.

— Это еще не совсем доказано. А потом, твой Бабкин поднимался на какую-нибудь сотню километров и пробыв там, наверное, часа два...

— «А у меня, да и у вас, в запасе вечность...» — как бы про себя продекламировал Вадим любимые строки Маяковского, встрепенулся и со смешком добавил: — Все-таки несколько суток.

Серафим Михайлович покосился на Вадима и выругал себя за неосторожность. Детям на ночь не рассказывают страшных сказок. Он чувствовал себя старше Вадима не на пять лет, а действительно чуть ли не на вечность. Такая жизнь прожита, как в бою, где один день стоит целого года. Случались дни, когда, сидя за чертежной доской, чувствуешь, что истекаешь кровью... Спускается ночь, и ты уже не идешь, а ползешь к далекому мерцающему огоньку, не зная, что там ждет тебя...

Он смотрел, как Вадим рассеянно пересчитывает маленькие, похожие на поросычьи сосочки, пружинистые контакты на розовой подкладке свинцового колпака, — смотрел и думал, что это действительно не защита от мощной космической радиации. Но при чем тут контакты? Зачем от колпака идет толстый бронированный кабель? Куда идет? К «заземлению», как говорят радиолюбители? Смешной парадокс. Ведь Земля тогда будет в сотнях километров отсюда.

Не только Пояркову, но даже людям, никогда близко не соприкасавшимся с космическим излучением, известно, что есть такие тяжелые частицы, которые глубоко проникают в живую ткань, ионизируют ее. А если они затронут нервные центры? Тогда что?

Свинцовые колпаки сделаны не для защиты, а для проверки возможного влияния космических частиц на мозговые клетки. И если внизу на экранах, где видны биотоки мозга, будет замечено что-либо угрожающее, то «Унион» немедленно спустят вниз. Изучение этих биотоков производилось давно, созданы специальные аппараты, помогающие диагностировать психические заболевания, но только совсем недавно был изобретен новый аппарат, который решили применить для такого совершенно исключительного случая.

Об этом ничего не говорили ни Пояркову, ни Багрецову. Вадим сейчас снял колпак и сразу же вызвал неудовольствие Марка Мироновича. Значит, врачи-психиатры могли наблюдать работу нервных клеток только у Пояркова. А перед отлетом хотелось бы проверить аппараты.

Неизвестно, что бы чувствовал Поярков, глядя на графическое изображение своих мыслей. В специальной лаборатории рядом с кабинетом Набатникова стояла необычная аппаратура.

Представьте себе два полуметровых экрана. На каждом из них вычерчено схематическое изображение мозга, разделенное на отдельные нумерованные участки. Вот экран Пояркова.

То там, то здесь на чертеже вспыхивают звездочки. Они показывают, где в данное мгновение наиболее интенсивно работают нервные клетки. По характеру вспышек, по их интенсивности, по тому, как они перебегают с одного места на другое, можно проследить процесс мышления, узнать его активность, быстроту реакции и многое другое, в чем пока еще трудно разобраться виднейшим ученым-психиатрам.

Кстати, двое из этих ученых уже застыли у экрана Пояркова и с нетерпением ждали, когда появится что-нибудь особо интересное, скажем, в минуты сильного нервного возбуждения. Ведь человек должен волноваться перед таким потрясающим полетом.

Ничего не поделаешь — врачи есть врачи, и если Набатников расценивал установку этих контрольных приборов лишь как средство вовремя спасти людей от возможного тяжелого заболевания, то врачам хотелось наиболее полно проследить течение этой неисследованной болезни, чтобы в дальнейшем найти способы предупреждения и борьбы с ней. Ведь совсем не за горами полеты обыкновенных пассажиров.

Поярков не мог видеть экран, где сейчас перебежали с места на место «звездочки его мыслей». Он смотрел на другой экран, видел светлеющее небо, где гасли настоящие звезды и куда был прочерчен его путь. Без всякой электроники видел он и розовые облака, и чуть заметные снежные горы.

Все это настраивало на лирический лад, что сразу же было отмечено врачами. Звездочки лениво толпились на маленьком пятачке, бродили по кругу, сонные и тусклые, как вымученные стихи. Такова бывает лирика в объективном изображении современной электроники.

И вдруг россыпь огней. Они запрыгали, заметались, действительно быстрые как мысль, мгновенно перескакивая с одного места на другое, думы разные, но в них чувствовалась какая-то определенная закономерность и тяготение к верхнему участку нарисованной схемы.

Врачи переглянулись, посмотрели на самописцы и осциллографы. Приборы показывали, что Поярков несколько возбужден, повысилась частота пульса, дыхание прерывистое. В чем же дело? По вспышкам на экране, по бегающим звездочкам можно было бы заключить, что это волнение вызвано отнюдь не страхом или, что вполне естественно, тревогой перед полетом. Объективные данные полностью исключали гнев, раздражение... Никто ничего не понимал: за свою сравнительно недолгую практику работы с новым аппаратом врачи пока еще не встречались с подобной картиной на экране.

Да и в самом деле, разве можно приборами определить сложные человеческие чувства, взвесить радость, измерить печаль? На каких хитроумных экранах увидите вы то, что привычно называть движением сердца или чистотой души? Как можно узнать силу любви?

А именно она перепутала все на экране и поставила в тупик ученых-психиатров.

Уже не отдельные вспышки, а космические ливни, похожие на те, что недавно наблюдал Набатников, бушевали на экране.

Ученые разводили руками. Что же такое творится в сознании будущего космонавта?

Ничего особенного. Он столько передумал за эти дни, столько раз представлял себе полет, что голова уже не воспринимала бессчетного повторения одних и тех же мыслей. Больше того, выработалась защитная система-блокировка. Случайно взглянет Поярков на кромку диска, промелькнет мыслишка насчет сопротивления воздушной среды — и вдруг сразу же исчезает, будто в мозгу срабатывает какая-нибудь защелка и не дает мысли разматываться дальше. Ведь до этого он мотал ее, мотал и так и эдак. Все выяснил, рассчитал, проверил, — зачем же теперь себя выматывать?

Но мысль работает даже во сне. Поярков ее может дисциплинировать. И вот для успокоения появилась вялая лирика, отмеченная на экране. Наконец — самое настоящее живое, полнокровное: Серафим Михайлович вспомнил о Нюре.

«Как? Неужели в те немногие минуты, которые остались до старта, он может думать о чем-то постороннем?» — удивился бы Аскольдик (да и не только он).

Простите, но так случилось: Поярков вдруг ощутил прилив огромного страстного чувства, какого никогда не испытывал.

Все, что было до этого, показалось ему анемичным, скучным и, что самое оскорбительное для любви, расщудочным. Мелкая ненависть к мальчишке Аскольдику, глупая ревность к Багрецову и к тому, кого Нюра когда-то любила. Стыдно! Почему только вчера, накануне испытаний, он сбросил с себя эти ветхие лохмотья несчастного вздыхателя? Почему не раньше?

Он вспомнил, как поднял ее на руки, маленькую, будто невесомую, как почувствовал на губах ее горячее... нет, только сейчас он понял, жгучее, опаляющее дыхание... Вспомнил — и сердце его остановилось... И опять не тогда, а сейчас, перед стартом... Все в эти минуты кажется по-иному, и надо бы вчера не так говорить с ней...

Поздно. Уже совсем рассвело. Через пятнадцать минут старт. Хоть бы одним глазком взглянуть на нее. Наверное, она здесь, среди провожающих. Почти для всех «Унион» лишь огромная машина с приборами и подопытными животными. Вот-вот она оторвется от земли. Все как полагается — обычные испытания. А у Нюры оторвется сердце... Но как она догадалась? Неужели прочла в глазах? Проклятая неосторожность! Лучше бы вчера не видеть ее. Ведь знаешь же хорошо, что не умеешь лгать.

На экране мелькали люди. Вот Набатников поднял палку, указывая куда-то в небо. Дерябин, вероятно, уже на месте, возле пульта управления. А это Бабкин. Наконец-то ему разрешили выйти на воздух. А рядом — Нюра, подняла воротник своего клетчатого пальто, закуталась шарфом, зябко поводит плечами, ежится от свежего ветерка.

Еще сильнее заколотилось сердце, кровь прилила к щекам. Посмотреть бы на нее поближе, заглянуть в глаза. Он крутил ручки оптических устройств, пробуя увеличить изображение, увидеть лицо крупным планом.

Сгоряча включил электронный телескоп. Нет, ничего не получается. Лицо Нюры превратилось в туманность, но зато над ней четко, до мельчайших подробностей, был виден старый, морщинистый лик Луны.

Зачем она сейчас нужна Пояркову?

Нюра исчезла. Куда? Почему? Опять волнения. Не

знал Поярков, что ее отозвал Набатников. Он только что обошел кругом всего диска, и вдруг возникли сомнения: исправна ли одна из мощных фотоэнергетических плит, потом получивших название «солнечной батареи». Эта плита чем-то показалась ему подозрительной.

Часть диска, где Набатников усмотрел неисправную плиту, лежала на земле, поэтому ее можно было даже потрогать руками.

— Анна Васильевна, — обратился к Нюре Набатников, — вы хорошо знаете курбатовские плиты. Что-то я в этой сомневаюсь. Она вроде как позеленела. От времени, что ли?

Разговор этот слышали и Поярков и Багрецов, хотя сидели они в кабине, в десятках метров от того места, где разговор этот происходил. Все объяснялось довольно просто. В обшивке диска, в разных его отсеках, были скрыты микрофоны, предназначенные для регистрации ударов метеорных частиц. Удары должны быть слышны на Земле и в кабине космонавтов, где установлено специальное табло, показывающее номер отсека, куда попала частица.

Немудрено, что разговор Набатникова и Нюры, стоящих рядом, услышали через наушники космонавты.

Поярков не мог не узнать ее голоса. Стараясь не дышать, он слышал вовсе не обязательные для него вещи. Нюра успокаивала Афанасия Гавриловича, говорила насчет позеленевшей плиты, присланной из новой партии, что цвет такой и должен быть и что это нисколько не отражается на ее электрических и механических свойствах.

Видимо, Афанасия Гавриловича вполне удовлетворило Нюрино объяснение, он поблагодарил ее и отошел. А Поярков чего-то ждал.

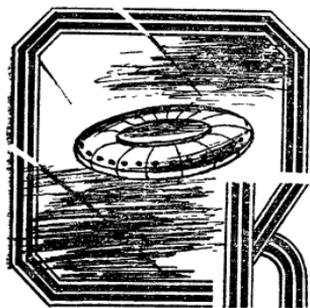
Так, по крайней мере, показалось Багрецову. И вдруг, к своему удивлению, Поярков слышит сказанное шепотом древнее, как мир, слово:

— Люблю...

Это было, конечно, наивно, особенно в столь неподходящей обстановке — за три минуты до старта в космос, но что поделаешь, если Нюра не сдержалась и, прильнув губами к холодному металлу, шепнула любимому напутственное слово.

Оно было с ним все время в пути — крылатое слово победы и счастья.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Чему удивлялся Тимофей Бабкин? Вы-
вают ли умные птицы? И что такое
«сила небесная»?

ак и было намечено, «Унион» вна-
чале достиг своего потолка.
Здесь, в сильно разреженной атмосфере, включились
атомные двигатели и вынесли гигантскую космическую
лабораторию на заданную орбиту.

Теперь уже двигатели не нужны. «Унион» мчитя по
инерции.

На плоской крыше Ионосферного института, где
огромные параболоиды радиолокаторов, как чаши, под-
нятые к небу, ловили отраженные от диска невидимые
лучи, где толстые трубы телескопов, похожие на гигант-
ские коротковольные минометы, нацеливались на гори-
зонт, чтобы не пропустить те немногие минуты, когда
пролетит «Унион»...

Именно здесь, а не в зале у приборов, вглядыва-
ясь в утреннее небо, стоял Тимофей Бабкин. На его ру-
ку устало опиралась Нюра, дрожавшая от холода и вол-
нения.

Там, внизу, на большом телевизионном экране, мож-
но будет наблюдать и Землю с высоты, и другие интерес-
ные картинки, а не только пролет светящейся звездоч-
ки, но Тимофей захотел собственными глазами, без вся-
кой вспомогательной техники — радиолокаторов, силь-
нейших менисковых телескопов, даже без бинокля —
увидеть эту новую звезду.

Могучая радиолокационная и астрономическая тех-
ника позволяет видеть «Унион» на больших расстояниях.
Ночью за «Унионом» можно увидеть и другой след. Это
светящаяся курбатовская ткань, вроде как хвост ко-
меты.

В сегодняшнее ясное утро глаза всех телескопов и
радиолокаторов смотрели на восток. Оттуда, из туман-
ной дали, должен вынырнуть «Унион» и, описав дугу,
скрыться за холмами. Как только радиолуч коснется
металлической поверхности диска и отразится обратно,
все телескопы и все приборы, что следят за ним, мгно-
венно придут в движение. Бесшумные моторчики станут

поворачивать трубы и параболоиды, ни на секунду не выпуская из своего поля зрения пролетающий диск...

Этого момента и ждали наши друзья. Опершись на парапет и стискивая побелевшими пальцами его узорчатую решетку, Нюра всем телом устремила вперед, как бы желая хоть чуточку быть поближе к тому месту, где появится «Унион».

На нее с тревогой поглядывал Тимофей. Что это, волнение? Любопытство? Впрочем, и сам Тимофей не мог совладать с теми довольно странными ощущениями, которые сейчас испытывал.

Ему казалось, что он, Тимофей Бабкин, несется сейчас вокруг планеты. Пусть там, наверху, осталась лишь частица его тепла да прибор, сделанный вместе с Димкой, все равно вторично приходится переживать и страшное волнение неизвестности, и радость нехоженых троп.

Тимофей гордился, что был одним из первых, пусть даже случайных, путников по дороге в космос. И если тот крошечный отрезок пути в «Унионе» хоть как-то помог сегодняшнему полету, то лучшего и желать нельзя. Он понял, что настоящее счастье не в спокойном безоблачном существовании, как ему казалось раньше, а в огромном беспокойстве за всех. Там, наверху, он боялся не только за себя, Стешу, Димку — он мучился, думая о Пояркове, Дерябине, Набатникове, обо всех, кто строил и оборудовал «Унион».

С чувством глубокого стыда вспоминал Тимофей, как иной раз лучшие свои стремления и поступки прикрывал маской скептика, равнодушно пожимал плечами, лениво острил и делал вид, что все ему надоело. Разговаривая с Риммой, Тимофей видел себя как в зеркале, только у Риммы этот ленивый скептицизм определял ее сущность, а у Тимофея просто так — глупое жеманство.

— Летит! — вскрикнула Нюра.

На горизонте заблестела розовая звездочка с маленьким хвостиком. «Как головастик, — невольно подумал Тимофей и тут же выругал себя. — Подобрал сравнение, нечего сказать».

Звездочка промелькнула и растаяла в утреннем тумане. На площадке показался Набатников.

— Земля!

Это прозвучало как возглас легендарного матроса Колумбовой каравеллы, но в данном случае, спустив-

шись к телевизору, люди могли видеть не кусок земной тверди в океанском пространстве, а чуть ли не всю нашу планету с огромной высоты.

Сбежавши вниз по лестнице, Бабкин и Нюра в изумлении застыли у большого телевизионного экрана. Стереоскопически выпуклой вставала Земля. Сквозь разорванную вату облаков вылезали горы, моря казались лиловыми. Сероватой зеленью, розовыми песками пустыни была заполнена вся правая часть экрана. «Унион» летел по меридиану, а потому оставалось странное впечатление, будто земная ось переместилась к экватору и шар вот-вот повернется к нам белым пятном Антарктиды. Этого не произошло — изображение померкло. «Унион» скрылся за горизонтом, а радиоволны не проникают сквозь толщу Земли.

Даже в эти немногие минуты удалось записать изображение на видеоманитофонную пленку, чтобы в любой момент продемонстрировать его на телевизоре. Все показатели многочисленных приборов, в том числе ЭВ-2 и мейсоновского анализатора, принимались на контрольных пунктах нашей страны и на исследовательских судах.

В соседнем зале, помимо наблюдения за животными, изучали деление клеток, влияние космических лучей на рост растений. Что же касается физических исследований ионосферы, Солнца и планет, то о них и говорить не приходится. Сотни приборов, установленных в «Унионе», передавали свои показатели.

Набатников мог быть довольным первыми успехами: «Унион» вышел на орбиту, полет продолжается. Но все же история со снимками, оказавшимися в чужих руках, нет-нет да и припомнится. Медоваров получил серьезный урок и, как рассказывал следователь, ходил обиженным, готовясь к сдаче дел.

Он был по-своему честен. Корабль его тонул, команда уже кинулась к шлюпкам, но он пока еще за капитана и должен бдительно стоять на капитанском мостике. Он удвоил охрану у материального склада, зачем-то ввел особые пропуска в полупустующие лаборатории, откуда разбежались аспиранты — медики и биологи. Ведь теперь в НИИАПе нельзя будет защищать диссертации. Все иностранные журналы Медоваров объявил временно под запретом. Увольняемым работникам давал лишь скупые, сдержанные характеристики,

да и то после подробного изучения их анкет. Да, конечно, лишняя предосторожность никогда не помешает. Но о чем думал уважаемый Толь Толич, когда приказывал Семенюку фотографировать иллюминаторы? Теперь над этим многие поразмыслят.

«Унион» в полете! Ни на минуту не прекращается радиосвязь с контрольными пунктами. Вот «Унион» пролетел над Камчаткой, Уралом и снова должен появиться неподалеку от Кавказа.

Удивительна новая установка, недавно привезенная в Ионосферный институт. На большом экране с помощью целой группы радиолокаторов просматривается весь небосклон. Вот понизу бежит светлая точка рейсового самолета Москва — Баку. А это метеорологи запустили очередной шар-пилот с металлической пластинкой. Совсем рядом, как легкая снежинка, промелькнула птица.

А иногда по самому верху экрана вдруг прочертит свой след метеор.

«Унион» точно идет по первой заданной орбите. Если он станет снижаться из-за воздушного сопротивления — пусть ничтожного, но все же имеющегося на этой высоте, — то автоматическое устройство включит двигатель, и «Унион» возвратится на свою орбиту.

Вот почему Дерябину и его помощникам не приходилось прикасаться к ручкам управления.

На экране появилась сияющая точка «Униона». Какая там точка! По величине ее не сравнишь даже с самолетом. Виден эллипс. Слово торпедный катер, он мчится по серо-голубому морю экрана.

Но что это? Сверху, из дальних высот, летит наперез другая точка. Это метеор! Его ионизированный хвост ясно виден на экране.

Пространства вселенной глубоки. Метеор летит еще очень далеко от «Униона», и вероятность столкновения ничтожна, а Ньюра уже полна страха. Никогда Тимофей не видел у нее такого напряженного, испуганного лица.

Замигали соседние экраны, где «Унион» показывался в другой плоскости. Радиолокаторы-дальномеры сразу же определили траекторию падения метеора. Он летит навстречу!

Набатников не мог побороть волнения, стиснул зубы и широко раскрыл глаза.

— Не совестно? — укоризненно спросил Борис Заха-

рович, тихонько тронув его за плечо. — Ведь там автоматика.

Вздвргнув, Набатников замотал головой.

— А люди? — Он услышал сдавленный вздох и заметил Нюру. — Ну да, ведь я же человек, — поправился Афанасий Гаврилович. — Не могу спокойно смотреть.

Но автоматика Дерябина работала лучше человека. Вероятно, оставались доли секунды до того мгновения, как довольно крупный метеор пронзил бы обшивку диска. Однако реакция радиолокатора и связанной с ним автоматика была точной и быстрой. Радиолуч издалека увидел метеор и приказал «Униону» свернуть влево. Вот и все.

Нет, оказывается, далеко не все. Не прошло и минуты с тех пор, как «Унион» избежал встречи с метеором, не успел еще растаять его след на экране, как возник новый повод для волнений. Хорошо еще, что Нюра не смотрела на экран, а то неизвестно, как бы она восприняла такое событие.

От светящегося пятнышка «Униона» отскочила искорка и помчалась вниз. Может быть, это сработала катапульта и выбросила кабину с людьми? Нюра ничего не знала о катапультах, но еще в тот вечер догадалась, что Поярков летит не один, а с Димкой. У них все можно прочесть в глазах.

Волноваться не следует. Набатников и Дерябин следили за экраном и, заметив летящую искорку, даже обрадовались.

— Все в порядке... — выдохнул из себя Афанасий Гаврилович. — Теперь можно ехать на открытие электростанции.

Бабкину уже было известно, что Ионосферный институт взял вроде как шефство над одним здешним колхозом, но сейчас никак не мог понять, что за срочность такая — бросить все и приветствовать колхозников по случаю установки керосинового движка для освещения? Ведь там, наверху... Да нет, чепуха какая-то!

Только из вежливости Бабкин согласился поехать с Набатниковым, когда он предложил ему:

— Поедем, поедем, Тимофей. Здесь нам пока делать нечего.

Мейсон рассматривал ленту с телеметрическими записями работы анализатора.

— Мистер Набатников! Я так думал, что еще вчера

газеты написали, что сегодня пустят колхозную электростанцию. А «Унион» пустили, писать нельзя?

— Ошибаетесь, мистер Мейсон. Можно писать, но опыт еще не закончен. Мы не любим хвастаться раньше времени, как некоторые заокеанские деятели. А в данном случае не будем писать и про колхозную электростанцию.

— Можно ее смотреть?

— Пожалуйста. Только ее еще нет.

— Русские всегда хотят делать чудеса...

— Нет, почему же? — усмехнулся Набатников. — Мы не только хотим. Мы их делаем. Разве это вам не известно?

Прислушиваясь к разговору, Бабкин соглашался с Афанасием Гавриловичем, но, будучи человеком трезвого и даже несколько скептического ума, испытывал неловкость. Нашел чем удивить американца — колхозной электростанцией. Ведь ему, наверное, уже самую современную атомную показывали, синхрофазотрон и всякие другие достижения.

Дорога шла в горы. Бабкина посадили рядом с шофером, а позади, на правах гостеприимного хозяина, Набатников развлекал Мейсона разговорами, причем, насколько Бабкин понимал по-английски, ни одного слова об электростанции сказано не было.

По обочинам дороги лежали груды щебенки, приготовленной для ремонта отдельных поврежденных участков. Люди куда-то ушли. Стоял одинокий каток, который уютжат асфальт.

С железной лопатой на плече, в брезентовых рукавицах, в полинявшем, когда-то с цветочками платье, в тапочках на босу ногу поднималась вверх женщина.

Женщина обернулась, и Набатников сразу узнал ее. Однажды вместе с Поярковым он проезжал по этой дороге. Женщина лет сорока, со следами былой красоты, с мускулистыми натруженными руками, тащила огромный камень. Ей пришлось остановиться, пока машина не проедет. Набатников оглянулся и заметил ее взгляд, полный боли и укоризны... Помнится, тогда Поярков накричал на молодого бригадира, потом поехали в дорожное управление. Там обещали что-то сделать, но вот опять эта встреча.

Набатников приказал шоферу остановиться и спросил у женщины:

— Далеко?

Она нехотя ответила, что закончила работу, идет в селение, где расположилась их ремонтная бригада. Это было по пути, и Набатников предложил женщине:

— Садитесь, подвезем.

Испуганно взглянув на свои рукавицы, запыленные ноги, на порванный подол платья, она категорически отказалась:

— Замараю вас. Сама дойду, не маленькая.

Но в глазах солидного городского человека светилось столько доброты и товарищеского участия, что женщине не хотелось его обижать. Может быть, это большой начальник, который приехал сюда проверять работу? Ведь совсем недавно он тоже здесь был, тогда бригадира сняли и женщинам запретили колоть щебенку.

— Сейчас, конечно, полегчало, — рассказывала она «большому начальнику», но тот почему-то хмурился и все время поворачивался к соседу, объясняя ему на непонятном языке.

— Вы не обижайтесь на меня, — извинился перед ней начальник. — Он плохо знает по-русски. А я ему перевожу.

В этом была лишь доля правды. Мейсон довольно прилично понимал по-русски, слышал, о чем говорит работница, но ему хотелось высказать и свое мнение по данному вопросу. Удобнее всего это сделать по-английски.

Совсем просто, по-дружески Афанасий Гаврилович расспрашивал у работницы, как она живет. Та не жаловалась, привыкла и к лопате, и к лому, и к тачке. Но ведь она неученая, ничего больше не знает, не умеет... Заработок тоже хороший.

— Вы не подумайте, что я всегда такая, — словно оправдываясь, говорила она, показывая на платье, на рваные тапочки. — Приду с работы — обута, одета не хуже людей... Спецовки тоже дают.

Она сняла рукавицы и положила их на колени. Краем глаза смотрел Набатников на ее тяжелые руки со вздувшимися венами, руки молотобойца, каменщика, руки рабочего, воспетые в стихах. Но здесь гордиться было нечем. Лишь сейчас понял Набатников болезненную нетерпимость Пояркова к тому, что еще осталось у нас от подневольного прошлого и тяжелых военных лет. Женские руки должны быть женскими, какими их создала природа.

Мейсон пожимал плечами и говорил, что ему трудно

понять, почему в социалистическом обществе до сих пор существует тяжелый женский труд.

— Ведь она с лопатой. Она дорожный рабочий. А вы говорите о всеобщем среднем образовании.

— Не только говорим, — поправил его Набатников, — а оно у нас действительно всеобщее и обязательное. Теперь о данном конкретном случае. Пусть она вам скажет, почему у нее в руках лопата, а, к примеру, не пишущая машинка?

Не зная биографии этой женщины, Набатников мог рассказать ее довольно точно. Рано вышла замуж, специальности не было, работала в колхозе. Началась война, муж погиб на фронте, деревню сожгли, дети умерли еще маленькими, других родственников растеряла. Куда деваться? Предложили поехать на Кавказ, где потеплее. Рабочей силы не хватало, а дороги надо восстанавливать. Вот и все.

— А почему она потом не училась? — спросил Мейсон, когда предполагаемая Набатниковым биография почти оказалась точной.

— В сорок лет? Не каждому это удастся.

— Но все-таки женщина с лопатой, с тачкой — это стыдно, — не унимался Мейсон.

— Очень стыдно! — согласился Набатников. — Но этого скоро не будет. А у вас? Я не говорю уже о ваших колониях. Мне хотелось только спросить: многие ли ваши женщины потеряли мужей во время их кратковременной прогулки по Европе? Много ли бомб упало на ваши города и селения?

Набатников прекрасно относился к Мейсону. Это деловой человек, предприниматель и в то же время талантливый конструктор. В какой-то мере он патриот, его заботят судьбы своего народа. Он много ездил, видел мир. Видел униженных женщин Гарлема, женщин и детей на табачных плантациях Юга. Видел толпы безработных женщин на улицах Парижа, Вены, Токио. Видел побои, издевательства над женщиной, полное ее бесправие и нищету. Все это казалось обычным, и никто не показывал ему пальцем: смотрите, мол, что на свете делается. Однако стоило лишь ему переехать нашу границу, как взгляд его обострился, он искал подтверждения тому, о чем прожужжали уши продажные газетчики и лицемеры, те, что ездили по нашей стране со слезами умиления, а вернувшись домой, рассказывали всякие грязные небылицы. И вдруг знакомый факт:

женщина — дорожный рабочий. Стыдно? Да, именно, нам стыдно, что не искоренили мы еще породу равнодушных деляг-хозяйственников, которые никак не могут отказаться от практики военных и послевоенных лет. Только не Мейсону на это указывать, не шведам, не швейцарцам, никому, кто в те годы спокойно спал или наживался на людском несчастье...

«А все-таки надо что-то делать, — подумал Набатников. — Задача самая главная».

— Если не очень торопитесь, — обратился он к попутчице, — то задержитесь здесь на часок. Увидите кое-что интересное.

Женщина смущенно согласилась. В данном случае Бабкин ничего не мог возразить. Вполне вероятно, что она никогда не бывала на открытии электростанции. Но тащить с собой Мейсона, как это сделал Набатников, по меньшей мере неудобно.

Вот и колхоз. Десятка три домиков, прилепившихся на склоне, точно ракушки. Пустынная улица — люди еще не приходили с работы. Нет и намека, что ожидается торжество. Лишь свежеструганные столбы и блестящие, не успевшие потемнеть провода подсказывали, что все готово для пуска электростанции.

«Но где же она сама? — недоумевал Тимофей. — Где ее здание? Неужели и движок и генератор смогут разместиться вон в той будке вроде газетного киоска? Очень странно, что от нее тянутся провода. Может быть, это трансформаторная подстанция? Нет, непохоже...»

Бабкин решал техническую задачу, которая его уже начинала заинтересовывать. А Набатников как ни в чем не бывало осмотрел будку, где стоял пустой толстостенный цилиндр, сказал несколько одобрительных слов председателю колхоза и просил его распорядиться, чтобы убрали камни с соседней луговины.

— Так, на всякий случай, Симон Артемович, — пояснил он, заметив недоумение старика.

О председателе колхоза Симоне Артемовиче Соселия, бодром старике в коричневой черкеске, Бабкин знал только понаслышке, да и то из Димкиных рассказов, но сразу же догадался, что рядом с ним стоит не кто иной, как тракторист Горобец, один из тех, кому Бабкин обязан был своим спасением.

Пользуясь случаем, Тимофей горячо поблагодарил его и тем самым вогнал парня в краску. Чтобы скрыть

смущение, Горобец спросил, не видно ли внизу на дороге грузовика с движком и генератором.

— Профессор говорил, що зараз и свет буде... А як же? — И Горобец начал доказывать, что электростанцию надо еще установить, смонтировать, наладить, что дело тут пахнет не часами, а днями, — короче говоря, мороки хватит.

Тимофей лишь понимающе кивал головой, но ничего путного сказать не мог. Видимо, у Афанасия Гавриловича какие-то свои планы. Может быть, электростанция передвижная, смонтирована в машине? А скорее всего он достал курбатовскую ткань.

— Но где же тогда аккумуляторы, чтобы вечером свет горел? — спросил Тимофей у Горобца. И выяснил, что никаких аккумуляторов не привозили, а сегодня приезжали техники и поставили в кустах маленькую радиостанцию.

Тимофей не смог сдержать любопытства:

— Где она? — И поспешил к выгону, куда указал Горобец.

Выгон почему-то был огорожен веревками, подвешенными на кольях. Может быть, здесь пасутся козы?

Подлезая под веревку, чтобы посмотреть радиостанцию, Тимофей подумал: «А не хочет ли Набатников попробовать передать энергию на расстояние без всяких проводов? Место здесь открытое, ровное. Поставь радиопрожектор на башню института — и передавай». Однако, оглянувшись, Тимофей сразу же отбросил эту догадку. Башня была далеко за горами. Прямой видимости нет.

Да и кроме того, антенна радиостанции, которую он уже заметил в кустах, никак не подходила для этой цели. Обыкновенный стальной прутик.

— Назад! Назад! — вдруг закричал Набатников и замахал руками, будто случилось что-то необыкновенное.

Тимофей даже обиделся. Не видел он полевой радиостанции! Подумаешь, секрет! Не с такими вещами приходилось дело иметь. Не спеша, вразвалочку Тимофей пошел обратно.

Но Афанасий Гаврилович почему-то рассердился всерьез, подбежал к Тимофею и больно схватил за руку:

— Вы будете слушаться или нет?

Над головой что-то прошелестело. Бабкин невольно поднял глаза.

Серебряная острокрылая птица пронеслась мимо, коснулась земли и заскользила по траве.

Набатников проводил ее глазами и шутливо ударил Тимофея по руке:

— Ваше счастье. Эдак и без головы можно остаться. Впрочем, я сам виноват. Все были предупреждены заранее, а про вас я позабыл. Заговорился.

Теперь уже можно подойти к птице, вернее — металлическому планеру с размахом крыльев в несколько метров. Конструкция его показалась Бабкину не совсем обычной. Фюзеляж толстый, как бочонок, острый нос словно у меч-рыбы. Потом выяснилось, что это была оригинальная приемная антенна.

Мейсон дотронулся до нее прутиком.

— Би-би-би? — спросил он у Набатникова. — Тоже как «беби-луна»?

— Нет, мистер Мейсон. «Би-би-би» не здесь. А вон там, — и Афанасий Гаврилович кивком головы указал на аппарат, который Бабкин принял за обыкновенную полевую рацию. — Это маленький радиомаячок. Он подавал сигналы.

Конструктор анализатора Мейсон — человек, конечно, знающий, но вопрос его показался Бабкину наивным. Если планер летит прямо на антенну и точненько опускается возле нее, то, значит, это радиоволны привели его сюда. Так птицы летят на свет маяка и, кстати, часто об него разбиваются. А эта металлическая птица куда умнее. На определенной высоте в ее электронном мозгу заработала автоматика, потянула за собой рули глубины, выпустила закрылки, и птичка мягко села на землю.

Ничего здесь чудесного нет — техника давно известная, но к чему это все? Вот вопрос! И опять Тимофей растерялся. Невозможно понять Афанасия Гавриловича. Он как ребенок: одна игрушка надоела — давай другую, третью. Не успел еще приземлиться «Унион», а Набатников уже едет открывать электростанцию, попутно занимается чем-то вроде телемеханики. Удивительное непостоянство! Но разве этим что объяснишь?

Если инженер Бабкин ничего не понимал, то что же сказать о других?

Опершись на палку, старик Соселия скептически рассматривал птицу. Так вон она какая вблизи! Ничего особенного. В полете она интереснее. С этим соглашался и Горобец, сейчас он хмуρο поглядывал на заходящее

солнце и думал, что зря обнадежил колхозников, будто сегодня включится свет. Уже лампы повесили в хатах. Профессор потребовал, чтобы купили люми... люми-несцентные... Слово-то какое, натошак не выговоришь. Он говорил, что для такой электростанции, какая здесь будет, варварство и позор применять отсталую технику. Бедь обыкновенные лампы жрут энергию без зазрения совести. Даже космической не хватит.

Для тракториста эта космическая энергия представлялась весьма туманно — впрочем, как и для многих. Даже советские искусственные спутники и ракеты, оснащенные аппаратами для изучения космических частиц, пока еще мало помогли в решении одной из самых сложных загадок природы. А открытие Набатникова? Это лишь первый удачный опыт, но их надо проделать тысячи, чтобы достигнуть успеха. Но ведь он занят сейчас другим и обставляет свои опыты не так уж кустарно, как вначале подумалось Бабкину.

Из-за поворота выехал фургон с блестящими чашами радиолокационных антенн. Затем другая машина-лаборатория, где, видимо, производились какие-то измерения, связанные с полетом планера.

Из машины вылезли два инженера, которых Бабкин не раз встречал в институте, захватили с собой приборы и направились к Набатникову.

— Вскрываюте, — нервно бросил он, подходя к планеру.

Инженеры почему-то долго возились, отвинчивая носовую часть планера. Наконец отвинтили ее. Как и предполагал Бабкин, в этом головном отсеке помещалась приемная аппаратура и всякая механика, что воздействовала на закрылки, рули и прочие органы управления планером...

А что за груз принес он сюда? В хвосте — закопченное сопло, как у реактивных двигателей. Возможно, весь фюзеляж был заполнен горючим? Нет, это бессмысленно. Где же полезный груз? Несомненно, Набатников знал, но волновался он, как показалось Бабкину, не меньше других.

Заметив на склоне отару овец, розовых от заходящего солнца, Набатников спросил Соселия:

— Ваши? Когда стричь будете?

— Чем, дорогой? — пряча обиду в голосе, ответил старик. — Машинки электрические для стрижки купили... А что сделаешь?

Набатников неожиданно рассмеялся:

— Стричь будем! И знаете как? Небесной силой! Да, да! Я не шучу. И коров доить, и бриться! — Он вытащил из кармана небольшой футляр и протянул его старику: — Вот вам подарок, электробритва. А работать она будет от силы, что спустим с небес.

Подняв руку вверх, Набатников помолчал и, зажмурившись от удовольствия, сказал искренне:

— А ведь здорово!

«До чего же земной человек! — залюбовался им Тимофей, тщетно пытаясь уловить взаимосвязь «небесной силы» с электробритвой. — Для него Земля — центр вселенной. Вокруг Земли кружится и Солнце, и все планеты. Все галактики — всё для человека».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Здесь пойдет разговор о космической романтике, радости познания и о том, как человек себя чувствует в пустоте. Автор пытается доказать, что на Земле лучше, с чем соглашаются и его герои.

Первые часы полета показались Багрецову нудными, будто сидишь в поезде и ждешь не дожدهшься своей остановки. Вначале еще было что-то необычное, когда стягивающие оболочку рычаги начали удлиняться, диск постепенно раздувался от сжатого до предела газа, и наконец после того, как Дерябин дотронулся до кнопки, тем самым освобождая диск от тросов, он порывисто взмыл вверх — именно эти минуты могли бы запомниться навсегда.

Провожающие махали руками, платками, шляпами, будто все они знали, что в диске сидят люди и могут оценить это искреннее проявление чувств. Впрочем, наверное, так же провожали и первые спутники без людей, но каждый, кто их строил, понимал, что там, в высоте, — его мечта, мысль, труд. И даже когда спутник погибнет, он еще долго будет сиять в памяти человечества светом угасшей звезды.

Пока «Унион» еще не покинул пределы атмосферы и, главное, привычного земного притяжения, когда не очень-то будешь разгуливать по коридорам по причине

невесомости, Багрецов считал необходимым осмотреть центральную кабину, камеры с животными и все то, что потом проверять почти невозможно.

Поярков передал вниз шифром, что телеметрические показатели самочувствия второго члена экипажа временно исключаются из общей системы наблюдений. И лишь после этого Багрецов начал технический осмотр летающей лаборатории.

Казалось бы, в этом не было особой необходимости, но даже на телефонных станциях, где все предельно автоматизировано, ходит вдоль щитов дежурный, прислушивается к жужжанию, шелканию, стрекотанию приборов и нет-нет да и взглянет, не застрял ли где случайно какой-нибудь ползунок искателя.

А «Унион» — огромная комплексная лаборатория, в ней самая разнообразная автоматика, и, даже если она сотни раз проверялась, всегда возможны пусть ничтожные, но все же неполадки. Как символ абсолютной надежности люди приводят в пример часы. «Работает как часы», — говорят они о приемнике, телевизоре, о любой технике, забывая, что даже в часах, сравнительно простом приборе, где действуют только силы механики, лопается иной раз пружина, часы отстают или бегут, их нужно периодически чистить... Какая уж тут надежность?

В «Унионе» же сосредоточено все. Вся современная техника. Вот Багрецов прошел в центральную кабину. Здесь мозг и нервы этого летающего гиганта. Несколько радиопередатчиков, электронно-вычислительные и телеметрические устройства, приборы радиотелеуправления. Здесь происходят всевозможные физические и химические процессы, за которыми следят сотни людей на Земле. Что понимает в них Багрецов?

И все же он здесь хозяин. Он познал тайны движения электронов, научился ими управлять и теперь, глядя на приборы, мигающие глазки разноцветных лампочек индикаторов, замысловатые фигуры, вычерченные на экранах осциллоскопов, мог представить себе полную картину работы того или иного аппарата.

Здесь безраздельно властвовала электроника. Человек доверил ей поддерживать курс космического корабля, следить за случайными метеоритами и, если нужно, обходить их. Он доверил ей все расчеты, все наблюдения за планетами и звездами, за теплом и холодом, за космическими, рентгеновскими и всякими другими луча-

ми. Он доверил ей тончайшие измерения и поручил регулярно сообщать о здоровье экипажа и его друзей. Ведь в одной из камер томится от скуки Тимошка, четвероногий друг Пояркова и Багрецова.

Вадим подробно осмотрел каждый аппарат, проверил все напряжения и токи и, убедившись, что все в порядке, пошел навестить Тимошку. Согнувшись, как говорил Борис Захарович, «в три погибели», Вадим двигался по узкому звенящему коридору. Вот здесь ходил в одних носках замерзающий Бабкин, и вполне понятно, насколько тогда он завидовал своему собачьему тезке, которому было тепло, его сытно кормили и даже баловали сахаром. До сих пор у Тимофея сохранилось неприязненное чувство к этому ни в чем не повинному псу. Впрочем, скорее всего из-за клички — Тимка самолюбив.

«Интересно, догадывается ли он, что я уже скоро побью его рекорд высоты?» — подумал Вадим, пересекая по радиусу первый кольцеобразный коридор.

Стало холодно. Вадим надел варежки, что болтались под рукавами на шнурках, как у маленьких детей, и включил электроподогревающую систему. Через минуту он уже чувствовал себя как в теплой ванне. Варежки тоже были на полупроводящей подкладке, она нагрелась, и приятное тепло ласково окутывало замерзшие пальцы.

Если при первых испытаниях «Униона» оставались свободные камеры в секторе № 4, то есть биологическом, то сейчас они все были заполнены. Сквозь толстые стекла иллюминаторов Багрецов видел всевозможные растения, разноцветных и нумерованных мышей — так легче следить за ними по телевидению, — видел кроликов и собак. Собаки еще не были привязаны в станках, но, как только наступит состояние невесомости, сработает автоматика и притянутые ремнями животные окажутся на своих местах. Это им больше нравится, потому что в таком положении они получают сахар.

А вот и наш друг — Тимошка. Он привычно следил за кормушкой в надежде, что там появится кусок сахара.

— Рано, еще рано, Тимошка, — сказал Вадим, забыв, что пес его никак не сможет услышать.

Только через громкоговоритель, да и то при передаче с Земли, в камеру проникают звуки. Видимо, кто-то сейчас заговорил с Тимошкой, он поднял глаза к сетке,

откуда слышался знакомый голос, и завилял хвостом.

Вадим осмотрел приборы возле Тимошкиной камеры, на всякий случай сделал кое-какие записи и пошел дальше.

Кроме Яшки-гипертоника, в камерах были еще две человекообразные обезьяны, одетые в специальные скафандры. Животным предстояло испытать и резкую смену давления на больших высотах, и другие не менее опасные эксперименты, чтобы люди сумели определить пригодность новых скафандров в условиях космического пространства. Может ли там существовать человек хотя бы полчаса? Как-никак, но все же нельзя отрицать возможность аварии с тем же «Унионом» или с другим космическим кораблем.

Испытывая смешанное чувство жалости и страха, Вадим рассматривал клапан в потолке обезьянней камеры. Сейчас он закрыт, но через некоторое время, когда «Унион» поднимется выше, там, на Земле, Дерябин нажмет какую-нибудь ничем не примечательную кнопку, и клапан откроется. С жалобным свистом вылетит воздух, обезьяны окажутся в космической пустоте, где ничего нет — ни тепла, ни влаги и, главное, нет того привычного давления, которым мы недовольны, если оно хоть чуточку превышает норму и, судя по барометру, предвещает ненастье. «Бури, грозы, дожди, как это все-таки хорошо! — невольно подумал Вадим. — А там, наверху, можно даже позабыть, что существует великолепное слово «погода».

И надо же было именно в ту самую минуту, когда Вадим размышлял о прекрасных свойствах земной атмосферы и о том, как без нее плохо, вдруг опуститься шлему скафандра. Нет, это не случайность. Сработала автоматика, и прозрачный шлем, откинутый Вадимом назад за ненадобностью, плотно, со щелчком сел на свое место. Хлоп — и ты заперт, точнее говоря, изолирован от внешнего мира — дыши воздухом из баллона.

В чем же дело? Не стало воздуха в коридоре? Упало давление? Случайный метеор пробил обшивку диска? Нет, этой мысли не хотел допускать Багрецов.

Он бежал по гулко звенящим трубам, и звон их болезненно отдавался в ушах. Скорее в кабину, там, наверное, все благополучно.

Еле отдышавшись, Багрецов помедлил у входа, открыл дверь, вошел в шлюзовую камеру, закрыл ее за собой и только тогда с замиранием сердца распахнул дверь в кабину.

Поярков сидел, бесцельно глядя на экран, где золотистые облака точно овечьей шкурой окутали Землю. Ничего интересного.

— Холодно? — спросил он, поворачиваясь к Вадиму. — Нос отморозил?

Вадим посмотрел на стрелки приборов, показывающие давление в разных отсеках диска, и, заметив, что ни одна из них не опустилась ниже нормы, равнодушно ответил:

— Да, немножко холодновато.

Он понял, что встревожился понапрасну. Автомат сработал не от изменения давления, а от понижения температуры. В коридорах сейчас до пятидесяти градусов мороза.

Садясь в свое кресло и подключаясь к переговорному устройству, Вадим осторожно спросил:

— Тут есть катапульта. Она когда-нибудь испытывалась?

Поярков скользнул по его лицу беглым взглядом и, не найдя в нем явно выраженной тревоги, а скорее любопытство, ответил:

— Не один раз. Но только на сравнительно небольших высотах, где мы еще что-то весим... В буквальном, конечно, смысле, а не переносном.

Лишь в общих чертах Вадим представлял себе действие катапульты, и, возможно, это даже лучше, чем знать дотошно все ее достоинства и слабости. Так, однажды, вылетев в командировку, он попал в очень сложные метеорологические условия. Рядом сидел пассажир, все время нервничал, а Вадим лишь подсмеивался над ним. Наконец самолет приземлился, и только тогда сосед признался, что сам он летчик, а потому прекрасно понимал, какие неприятности их могли ожидать.

Так что не всегда полезно все знать до тонкости — меньше сомнений и беспокойства. Багрецов не сомневался, например, в электронике. Она наблюдает за полетом, и если случится серьезная авария, то кабина будет выброшена катапультной. Однако при всей этой уверенности в электронике Багрецов почему-то больше всего надеялся на красную рукоятку, похожую на ручной тормоз автомашины. Она торчала в полу рядом с креслом Пояр-

кова. Дернешь ее на себя — и кабина вылетит в пустоту.

Эта несчастная рукоятка буквально гипнотизировала Багрецова. Смотрит ли он на стрелку высотомера или прибора, показывающего наружную температуру, следит ли за работой передатчиков, — все равно красная ручка притягивает его взгляд. Он сердился на себя. Ведь совершенно ясно, что катапульту приспособили сюда на самый крайний случай, которого даже трудно ожидать. Но что поделаешь? Человек есть человек, он существо земное, и глупо было бы доказывать, что он прекрасно чувствует себя в пустоте.

А где начинается эта пустота? Где кончается земная атмосфера? Границ не существует, они условны. «Унион» сейчас уже приближается к ионосфере. Диск раздулся до полного своего объема и поднимается еле-еле.

Но вот и потолок. Здесь «Унион» может передохнуть, чтобы на Земле успели сделать все нужные измерения, а потом, используя более современную тягу, чем легкий газ, ракетой взмыть в высоту.

Поярков поставил рычажок шифратора на одно из делений, и вниз было передано очередное сообщение: «Все в порядке. Можно включать двигатели».

— Приготовились! — скомандовал он и нажатием кнопки откинул кресла назад. — Внимание!

Вадим лежал в противоперегрузочном костюме-скафандре и чувствовал, как давят на тело воздушные подушки. Это было необходимо, чтобы при большом ускорении кровь не оттекала в нижнюю часть тела. Все это он уже испытывал на специальных каруселях и в других условиях. Но дело в том, что постепенное нарастание скорости к моменту выхода «Униона» на свою орбиту должно закончиться довольно чувствительным толчком, которого Вадим чуть-чуть побаивался: этого он еще не испытывал.

На всякий случай Поярков предложил опустить шлемы, после чего Вадим слышал его только через наушники. Лежа в откинутах назад кресле, можно было видеть потолок, где, так же как и на стенах, светились стрелки приборов. Виднелась часть верхнего экрана с пеземным фиолетовым небом. Сквозь его унылую темноту прорывались лучи каких-то непонятных звезд. Они колыхались, будто отраженные в колодце, и вдруг пропали...

Это включились двигатели. «Унион» помчался в просторы вселенной, но даже сейчас Багрецов не ощутил ничего похожего на то, о чем когда-то читал в фантастических романах. Да, конечно, простор. Может и дух захватить от одного только сознания, что ты на пути к звездам.

Но Багрецов уже отстегивал ремни, затем чтобы, приподнявшись, посмотреть на Землю. Ее покрытое голубовато-зеленой дымкой полушарие занимало почти весь нижний экран, и в то же время она казалась такой маленькой и уютной, что у Вадима сжималось сердце, будто он прощается с ней навсегда. Родной дом, родные поля, моря, океаны... Все это приобретает здесь особый смысл, и, может быть, только сейчас ты оценишь по-настоящему, какое изумительное наследство тебе досталось.

Поярков заметил, что Вадим приподнялся, и приказал ему вытянуться в кресле и застегнуть ремни. Опасное ускорение при выходе на орбиту может застать его врасплох.

Удивительно медленно тянется время. Скорость огромная, а летишь все-таки долго. На верхнем экране повисли немигающие звезды, им, наверно, скучно в пустоте. Если смотреть на них с Земли, то они куда интереснее. Мерцают, зовут, переливаясь огнями. Все это — мираж, движение в атмосфере. А здесь, где нет ее, где звезды видишь без радостного мерцания, исчезает всякая романтика и кажутся они тебе холодными и враждебными.

«Унион» выходит на орбиту. Включается еще один атомный двигатель, и страшнейшая сила прижимает ноги Вадима к упругим подушкам. Кажется, что вся кровь отхлынула от груди и бросилась вниз. На мгновение потемнело в глазах, куда-то помчались звезды, закуружились в огненных колесах, остановилось дыхание...

Но через минуту сразу стало легко, и не только в груди, а и во всем теле. Багрецов приподнял руку, чтобы откинуть шлем, и не почувствовал ее, точно она онемела... Да нет, она просто висит в воздухе, как чужая или ее подвесили на ниточке. Вторая — тоже...

— Все в порядке? — спросил Поярков, откидывая шлем, и, заметив, что Вадим проделывает какие-то непонятные упражнения, улыбнулся. — Ничего, привыкнем.

Он, так же как и Вадим, почувствовал необычайную

легкость своего тела, когда руки и ноги болтаются как у картонного паяца. Трудно соразмерить движения. Так в детстве летаешь во сне, но сейчас это было гораздо острее, потому что ты ни на мгновение не выключаешься из реальности. Ты не имеешь на это права.

Однако не этому удивлялся Поярков. Закончен многолетний труд. «Унион» летит далеко от Земли, чего ты так упорно добивался, к чему стремился. Но почему тебя не покидает странное ощущение будничного покоя, словно ничего не случилось? Может быть, это своеобразная реакция? Неизвестно...

— Нас просили записывать свои впечатления, — напомнил Вадиму Поярков. — Начинай ты... Можешь на диктофоне. У меня какой-то сумбур в голове.

От диктофона Вадим отказался — не видно, что записано. Лучше уж по старинке, на бумаге.

Он выдвинул из подлокотника кресла металлический цилиндр, в котором был укреплен бумажный рулон, вытащил из гнезда предусмотрительно привязанный на шнурке карандаш и, глядя на белое поле бумаги в окошке этой своеобразной тетради, задумался. В самом деле, а что же писать?

— Ведь это бортовой журнал, — решил он, видимо, по ассоциации с морской и воздушной практикой. — Значит, надо отмечать курс, скорость, направление ветра... Впрочем, ветра здесь нет... Тогда что же? Мы вышли на орбиту... но я не заметил времени...

— И не надо. На Земле его заметили с астрономической точностью. Все, что ты перечислил, они знают лучше нас. И самочувствие твое им известно: пульс, дыхание... Ты напиши о своих впечатлениях. Вот что требуется.

Багрецов посмотрел на темный экран, где было полным-полно звезд — и маленьких и больших, но все они горели одинаково ярко и чем-то напоминали оперную декорацию.

Заметив растерянность Вадима, Поярков посоветовал:

— О звездах тоже нечего писать. Внизу они видны как на ладони. Сам понимаешь — электронные телескопы... Кажется, они все работают? — Он посмотрел вверх, где фосфоресцировала схема расположения приборов в «Унионе», и, заметив светящиеся голубые треугольнички, удовлетворенно добавил: — Ну и задали мы работу астрономам!..

Снова Вадим посмотрел на Землю. Она побледнела, выцвела и стала похожа на огромную Луну. По ней бежит тень — значит, на этом полушарии наступает ночь... И здесь, наверху, тоже ночь.

— И про Землю ничего не напишешь, — отмахнувшись от плавающего карандаша, сказал Багрецов. — Ее там лучше видно.

Поярков гладил щеку пушистой теплой рукавицей, и ему казалось, что это ластится ручная белка, которая живет у него в доме. Давно с ней не играл.

— Нет, о Земле бы я написал, — проговорил он после недолгого молчания. — Только слов не найти... Попробуй.

Невольно вспомнив, что когда-то писал стихи, Вадим представил себе, как это могло бы здесь выглядеть. Стихи из космоса? Ужасное кошунство! В минуты сильных потрясений не до рифм. Но какое же здесь потрясение? Все позади, и даже последний толчок, что выбросил тебя за пределы земной атмосферы, останется в памяти лишь болезненным ощущением. Одно самое невероятное и острейшее чувство, равного которому никогда не испытывал и никогда не испытает Вадим, — это жадная, мучительная до слез любовь к Земле и хозяину ее — человечеству.

Обуреваемый этими чувствами, Вадим заговорил:

— Я вот о чем подумал, Серафим Михайлович. Сколько по свету бродит эгоистов и пошляков, которые прямо заявляют, что не любят людей и землю, где они родились. У молодых это чаще всего дурацкая поза. Им все надоело, и они, видите ли, желают отправиться в космический рейс, на Марс, на Венеру, в галактику, к черту на рога. Как таких ребят вылечить? Посадить бы их сюда, в кабину, в камеры вместо Яшки и Тимошки. Пусть полетают хотя бы недельку, и тогда они будут целовать землю и всех людей.

— Всех — это зря, — чуть улыбнулся Поярков. — Есть ведь настоящие человеконенавистники. Они не мальчишки, и у них это вовсе не поза. Они не говорят, а делают. Читал, наверное, о последних событиях?

Конечно, Вадим читал и пробовал даже рассказывать Римме о том, как колонизаторы расправлялись с патриотами. Римму это не волновало. Тогда Вадим очень огорчился, а сейчас...

— Я почему-то стал иначе относиться к людям, — признался он Пояркову. — Враги, конечно, есть враги,

но я говорю о наших ребятах... Вы помните, сколько было получено писем после запуска первых спутников и ракет. Писали студенты, старшие школьники. Все они готовы были лететь в космос. А зачем?

— Нет, здесь ты не прав, Вадим. Это было одно из проявлений патриотизма. Многие писали, что готовы отдать жизнь, если потребуется.

— Во имя науки? Но в данном случае это наивно. Какую пользу может принести науке ничего не понимающий в ней школьник или даже студент? Если бы Афанасий Гаврилович не сказал мне, что я нужен здесь как специалист по приборам, ни за что бы не полетел!

— А романтика? — хитро усмехнулся Поярков.

— Но ведь ее надо понимать здраво. Кто же всерьез будет утверждать, что работать под землей шахтером гораздо приятнее, чем трактористом в поле? Или, скажем, нет лучше работы, чем под водой — водолазом. Все это неизбежность. Люди спускаются в шахты и на морское дно, чтобы там, наверху, хорошо жилось всем. Так же и здесь, в пустоте, самой отвратительной среде, противной человеческому духу, будут работать люди опять-таки для счастья на Земле.

— А радость познания? — все с той же иронической усмешкой допрашивал Поярков. — Открытие неведомых миров? Разве ты не хочешь первым побывать на Марсе?

— Только для познания или славы? Не хочу! Вот если бы я был ученым и помог раскрыть загадку Земли. Или был геологом или ботаником... Если бы я знал, что, возвратившись с Марса, мог бы открыть на Земле новые богатства, вывести для тундры полезные растения, тогда бы полетел...

— Ты какой-то особенный, — удивился Поярков. — Даже Аскольдик и тот мечтает о Марсе.

— Ну и пусть мечтает. А я о нем самом думаю. И тоже мечтаю, как бы таких ребят переделать. Он песчинка, пылинка в мироздании, но мне он дороже, чем все галактики вселенной. Именно здесь я особенно это почувствовал...

— Вот об этом и напиши в бортовом журнале.

Вадим замахал на него руками.

— Да что вы, Серафим Михайлович! Это же серьезный документ.

— Боишься, что опубликуют?

На мгновение Вадим задумался. В голову прокраслась трусливая мыслишка: а ведь это может быть, если мы не вернемся живыми и дневник случайно уцелеет.

— Кому мои рассуждения интересны? — стараясь освободиться от этой мысли, улыбнулся Багрецов. — Да и многим ребятам будет обидно. Человека в космос послали, а он вроде как на Земле остался.

Поярков ласково посмотрел на него:

— И я там остался, Димка. Будем отвечать вместе. Да знаешь ли ты, насколько интереснее было выдумывать и строить этот «Унион», чем сейчас лететь в нем. Там, внизу, борьба, жизнь, поиски... То ли у меня такой склад характера, то ли еще почему, но я никогда бы не смог стать пожарным, хотя понимаю, что это почетная и мужественная профессия... Я не могу быть сторожем или дежурным...

— Но мы здесь наблюдатели, — напомнил Вадим.

— И это не для меня. Действия мало. Вспомнишь, что за тебя работают и даже думают автоматы, как-то обидно делается.

«Унион» летел по вытянутой орбите и сейчас приближался к Земле. Вот тут Багрецов услышал нечто для себя радостное.

— Вторая «Чайка»! — воскликнул Поярков, только что принявший условный сигнал с Земли. — Следи!

Это было как нельзя кстати, потому что Вадим не заметил, как вылетала первая. Задолго до старта его познакомили с оригинальной системой, которая позволяла отсылать на Землю те или иные экспериментальные материалы и подопытных животных. В специальных отсеках находились планеры. По сигналу с Земли срабатывала катапульта, и планер летел на зов радиомаяка.

Для простоты планеры именовались «Чайками». Вот одна из таких «Чаек» и должна промелькнуть на экране, за которым нетерпеливо наблюдал Багрецов.

Ослепительно яркая, будто раскаленная добела, промчалась птица по экрану. За ней тянулся огненный хвост, как у «катюши». Работу этого гвардейского миномета видел Багрецов в старой военной кинохронике. Но здесь совсем другое. С минимальным запасом горючего «Чайка» должна покинуть орбиту «Униона» и, постепенно снижаясь, войти в плотные слои атмосферы, где она сможет планировать.

Автоматические телевизионные устройства следили за полетом «Чайки». Струя пламени исчезла, и планер уже летел по инерции. Интересно, а что сейчас отправили на Землю?

Что несет с собой «Чайка»? Вадим мог только предполагать, но толком ничего не знал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Опять спустимся на Землю. Тут еще остались нерешенные вопросы. Кто должен открыть колхозную электростанцию, работающую на «звездном топливе»? И наконец, необходимо разрешить вопрос, который волнует мистера Мейсона.

Мейсон из деликатности не подходил близко к планеру, но все же ему не терпелось проверить свою догадку, и он, показав прутиком в небо, спросил у Набатникова:

— «Унион»?

— Прямым сообщением... В назначенный срок, — ответил тот, озабоченно приподнимая крышку.

— Зачем? — все более настойчиво расспрашивал Мейсон.

Набатников стоял к нему спиной, глядя на приборы, которые присоединял инженер к контактам внутри планера.

— Зачем? Зачем?.. — рассеянно повторил Афанасий Гаврилович. — Чтобы всюду было светло... А потом, как говорит мой друг Серафим, чтобы у женщины были красивые руки... Нет, нет, не сюда, — поправляет он инженера. — Теперь определим мощность.

Старик Соселия разочарованно отворачивается и отходит в сторону. Верно говорят, что все ученые — чудаки. Бритву зачем-то подарил, обещает женщинам красивые руки. Все только обещает. А электростанция где? Зачем людей обманывать?

— Симон Артемович! — слышит он голос Набатникова. — Принимай свое хозяйство.

Не спеша, с сознанием собственного достоинства подходит Соселия.

Рядом с птицей лежит снаряд, какие приходилось видеть еще во время войны. Тяжелый снаряд — не поднимешь.

Ошибся старик. Набатников спокойно приподнимает снаряд и на вытянутых руках несет его Симону Артемовичу.

— Вот вам и электростанция. Подарок советской науки.

Соселия растерянно принимает его, кланяется:

— Спасибо, дорогой... Только...

Набатников перебивает:

— Благодарить не за что, Симон Артемович. Мы для проверки даем вам эту электростанцию. Будем следить за ней, изучать.

Вполне понятно, что Набатников не хотел здесь читать лекцию о технических особенностях электростанции, тем более что наблюдать за ней будут сотрудники института, а не местные электрики. Но Бабкин уже догадался, в чем дело. На цилиндрическом снаряде была выбита марка АЯС-15. Так вот чего наконец добился изобретатель Ярцев!..

Эта марка ничего не говорила Мейсону, но разве он не был инженером, разве, сопоставив некоторые технические данные, факты и собственные наблюдения, он не догадался, что в форме обтекаемого снаряда, занимающего почти весь фюзеляж планера, находился аккумулятор особого типа и, вероятно, огромной мощности.

— Аккумулятор? — спросил он для подтверждения своей догадки.

Набатников подтвердил, чем вызвал глубокое разочарование тракториста.

— Ну, это чистая морока, — вздохнул Горобец и, почесывая затылок, сдвинул на глаза кепку. — А заряжать его где?

Афанасий Гаврилович поднял руку к небу.

— Там.

— «Небесной силой»? — ухмыльнулся Горобец. — Шуткуете, товарищ начальник.

— Вот Фома неверный! Ведь собственными же глазами видел «Унион». Там таких птичек, — Набатников показал на планер, — можно десятки разместить.

— Значит, они каждый день должны прилетать?

И Горобец совершенно резонно подтвердил это положение из собственной практики. Попробуй не подзарядить тракторный аккумулятор, а ведь он только искру дает, и фары от него светят. А на селе десятки ламп, потом будут станки в мастерской, да клуб, да

всякое другое хозяйство. Воду тоже надо качать, подвесную дорогу строить. Да разве тут аккумуляторы потянут? Придется каждый день менять.

Набатников мягко потрепал его по плечу:

— Все подсчитано, друг мой: раз в полгода будет прилетать сюда птичка и приносить дары небесные...

Бабкину это уже начинало нравиться. Казалось бы, какие обветшалые слова: «сила небесная», «дары небесные». А сейчас, сбросив с себя мистическую шелуху, они заиграли вновь, обозначая точные физические понятия. Не зная нужных подробностей, Бабкин мог лишь предполагать, каким образом Афанасию Гавриловичу удалось эту «силу небесную», то есть космическую энергию, заставить служить человечеству. Он же говорил, что нашел новые частицы, которые в специальных уловителях (возможно, резонансных, как предполагал Тимофей) превращали одно вещество в другое. Освобожденная атомная энергия каким-то неизвестным доселе способом становилась электрической и заряжала сверхмощные ярцевские аккумуляторы.

«Ну а дальше, — продолжал размышлять Бабкин, — все было проще простого: по заданному плану электронно-вычислительное устройство с помощью автоматики и катапульты выбрасывало в нужном месте планер, и он летел прямо на маяк. Конечно, его сигналы должны быть специально кодированы, иначе птичка полетит на любую радиостанцию, если она работает на той же волне, что и птичкин приемник».

Один из инженеров взял у Соселия чудесный аккумулятор, взял просто, как сверток, под мышку и понес его в каменную будку. Там, если не считать массивного, как несгораемый шкаф, цилиндра, тоже ничто не могло удивить Бабкина. А ведь сейчас люди присутствуют при монтаже единственной в мире электростанции, которая работает не на угле, газе, нефти, сланце, торфе, не на каком другом обычном топливе, не на гидроэнергии или энергии солнца, ветра, даже не на атомном горючем, а на звездной вечной энергии, той, что никогда не исчезнет.

Любитель точных определений, Бабкин искал более емкое и конкретное название для новой, необычной электростанции и с некоторой иронией все же решил, что она работает на «звездном топливе». Димка бы ее назвал весьма романтически: «Звездная электростанция

колхоза «Рассвет». Интересно звучит. Жаль, что Димка не попал на открытие. Потом будет каяться.

Инженер опустил снаряд-аккумулятор в толстостенный цилиндр, затянул гайками приготовленные заранее медные шины и все это закрыл стальной крышкой.

Набатников молча подошел к цилиндру, несколько раз щелкнул рукояткой замка и повернулся к собравшимся.

— Надеюсь, что вам не нужно объяснять, почему электростанция должна быть за семью запорами. Ведь пока она первая в мире.

Кому-кому, а профессору Набатникову было известно, что далеко не все его сотрудники и даже друзья одобряли этот проект.

«Поставить на опытную эксплуатацию секретный ярцевский аккумулятор где-то в горном селении? Нет уж, увольте», — возмущался Дерябин, доказывая, что подобное изобретение может понравиться на той стороне, где его постараются использовать в военных целях. Потом пришли к выводу о необходимости серьезной охраны «колхозной электростанции». Предусмотрели надежный сейф с секретным замком, электронную блокировку, при нарушении которой всюду завоют сирены... Да мало ли что было сделано для защиты электростанции от «любопытных».

Так и предполагал Бабкин. Но он тщетно ломал себе голову, как изобретателю Ярцеву удалось добиться, чтобы его знаменитый аккумулятор не разряжался сам по себе. Ведь Афанасий Гаврилович только что сказал, будто новый аккумулятор, то есть АЯС-15, надо менять раз в полгода. А прежние образцы разряжались чуть ли не через сутки. Очень странно. Однако Бабкин уцепился за интересную мысль. Теоретически доказано и рассказано в популярных книжках, что ежели в металлическом кольце возбудить ток, а кольцо это поместить в камеру, где бы удалось получить температуру абсолютного нуля, то мы, так сказать, имеем своеобразный аккумулятор, по причине того, что ток этот будет бегать по кольцу сколь угодно, что и подтверждено соответствующими опытами.

«А если так, — рассуждал Тимофей, с уважением поглядывая на цилиндр, где хранилась «сила небесная», — то не запрятал ли Ярцев свой необыкновенный аккумулятор в коробку с космическим холодом? Ведь там, наверху, как уверяют нас физики, — абсолютный

нуль. Но можно ли этот нуль, то есть мороз в двести семьдесят три градуса, сохранить на Земле, как ледяную воду в термосе?.. Впрочем, и не до того люди додумываются».

Эта успокоительная мысль даже с точки зрения самого Бабкина не выдерживала никакой критики, но сейчас ему некогда было заниматься гипотезами, потому что уже собрался народ и все с минуты на минуту ждали, когда загорится свет на колхозной улице.

Пора бы и включить рубильники. Уже темнеет, а инженеры все возятся у щитка, самого обыкновенного, со стрелочными приборами, ничем не отличающимися от тех, что используются на аккумуляторных подстанциях.

Обычно на открытие межколхозной или районной электростанции приглашаются знатные люди. Они произносят речи, торжественно перерезается красная лента у дверей. Так и должно быть. Ведь это большой праздник.

Здесь же все оказалось по-иному. Набатников считал, что рано выдавать авансы. Пока это только опыт, первый в истории человечества, — кстати говоря, наглядно доказывающий материалистическую сущность мира. И кто знает, можно ли сейчас всерьез надеяться на недавно открытую «силу небесную», будет ли она честно работать, не так, как ее мифическая предшественница?

Будучи убежденным атеистом, Набатников не верил ни в бога, ни в чертей, но в данном случае не очень-то верил и в небесную энергетику. Пока, по самым скромным подсчетам, киловатт-час этой энергии стоил многие сотни рублей. Пройдут годы, прежде чем ее будет выгодно применять. Да и то в особых, исключительных случаях. Неизвестно, что из этого дела получится, но есть надежда, что внуки доживут до тех дней, когда «небесная сила» заменит в электростанциях уголь и нефть, когда она будет самой дешевой и везде, в любом уголке мира, доступной.

Набатников вошел в будку электростанции. Перед глазами три рубильника. Их нужно включить одновременно, чтобы свет засиял всюду во всем селении.

Кто же будет включать? Кому предоставить эту честь? Афанасию Гавриловичу хотелось пусть не по традиции, неофициально, но отметить этот праздник, хотя

бы ради первого успешного эксперимента, от которого во многом зависит будущее космической энергетики.

Он обернулся назад и, остановившись в дверях, ищущим взглядом окинул собравшихся. Ну, прежде всего один из рубильников должен включить председатель колхоза Симон Артемович. Второй включит кто-нибудь из самых старейших колхозников и, наконец, третий — вон тот молодой парень, которого представили Набатникову как лучшего бригадира.

Так бы и сделать. Достойные люди. Но в сердце шевельнулось что-то иное, оно таилось как боль и вдруг выплеснулось наружу. Он заметил в толпе закутанную в черный, порыжевший от времени платок старую мать. Говорили, что ей лет восемьдесят и она воспитала множество детей и внуков. Великая честь для ученого Набатникова, если ее руками, теми, что без устали нянчили детей, то есть наше будущее, включится первая космическая электростанция на Земле. Ведь она тоже для будущего.

Рядом, опершись на лопату, стоит женщина много моложе той. Война лишила ее детей, не пришлось их долго нянчить. Но руки ее, драгоценные руки, сколько они перетаскали камней, сколько вымостили дорог!.. Да разве за такой великий подвиг она не достойна зажечь небесный свет на родной земле? Пусть это будет символом того, что настанет время, когда ни она, ни одна женщина нашей планеты не будут знать тяжелого труда.

И вот наконец Набатников выбрал третью из тех, кто успеет по-настоящему воспользоваться дарами неба и ради которой все это делается. Расширив от удивления черные глазенки, смотрела на него голоногая девчушка в коротком платьице и чувьяках.

Он попросил двух женщин подойти к рубильникам, поднял девочку и объяснил, что нужно сделать. И вот три руки: высохшая, сморщенная от старости, другая — жилистая и мозолистая, совсем непохожая на женскую, и, наконец, пухлая детская ручонка включают «небесный свет» и заставляют работать неистощимую силу, которая дремала в вечности мироздания.

Далекий от сентиментальности и тем более нарочитой позы, Афанасий Гаврилович благодарно поцеловал эти женские руки и прикоснулся губами к измазанной чем-то сладким щеке ребенка.

— Когда-нибудь вспомнишь, детка!

Не только она, но и все будут помнить. Яркие, оранжевые, словно наполненные апельсиновым соком, вспыхнули лампы. Осветилась улица, загорелся свет в окнах. Над входом в клуб засияла реклама нового фильма: «Дорога в Завтра».

Бабкин его уже видел и презрительно усмехался. Фильм делали очень долго, а потому стал он не фантастическим, а историческим. Знал бы сейчас режиссер, что здесь, в грузинском селе, вспыхнул даже не завтрашний, а послезавтрашний свет. Но ведь об этом почти никто не знает. И правильно, зачем раньше времени хвастаться?

Принимая благодарности и поздравления, Набатников отшучивался, говорил, что пока еще рано благодарить — цыплят по осени считают, — а сам нетерпеливо посматривал на фургон с радиолокаторами и всякой другой аппаратурой. Он ждал вызова Дерябина, который должен был сообщить по радио, как идет испытания «Униона».

Наконец дежурный радист позвал Набатникова к аппарату. Прежде всего Дерябин сказал, что телеметрические данные, относящиеся к объектам № 1 и № 2, принятые на контрольных пунктах и уже расшифрованные в институте, вполне удовлетворительны.

Это обрадовало Афанасия Гавриловича, но он тут же посочувствовал пассажирам «Униона». «Бедный Серафим, бедный Димка, думали ли вы раньше, что вас будут именовать «объектами», да еще нумерованными? Но ничего не попишешь, это простейший шифр». Дерябин сообщил, что пульс, кровяное давление, дыхание и прочие показатели состояния здоровья космических путешественников не вызывают опасений. У главного врача «Униона» Марка Мироновича все эти данные перед глазами, вычерчиваются графики, кривые, и никакое даже мало-мальски серьезное изменение в показателях не останется незамеченным.

Набатников облегченно вздохнул. Как ни говори, но даже в самые торжественные минуты, когда планер удачно приземлился, когда проверен был космический аккумулятор и включена электростанция, у Афанасия Гавриловича нет-нет да и заскребут кошки на сердце. А что там, наверху? Как поживают друзья мои, родные, дорогие?

— Спасибо, Борис, за приятные вести. Теперь докладывая насчет технических показателей первой груп-

пы, — нажимая на «о», говорил Набатников в микрофон. — Есть отклонения от нормы?.. Нет, нет, без цифр... А вторая группа как поживает?..

Его интересовали скорость полета, высота, не перегревается ли оболочка, то есть все, что касается движения «Униона». Ко второй группе Набатников относил данные, определяющие среду, в которой сейчас летит «Унион», какова там температура, космическая и солнечная радиация и так далее. Потом его интересовала третья группа — наблюдение за планетами, и, наконец, — изучение биологических условий в космосе: деление клеток и прочее.

Обо всем этом он спросил мельком. Дескать, нет ли тут чего-нибудь особенно выдающегося, хотя прекрасно понимал, что выводы можно сделать лишь после тщательного изучения материала.

Но был еще опыт, о котором Дерябин мог бы сказать вполне конкретно. Странно, почему он об этом умалчивает? Видимо, из скромности. Ведь именно он, Борис Захарович Дерябин, так упорно настаивал срочно испытать новые ярцевские аккумуляторы. Ну и что получилось? Так же хорошо, как и здесь?

— Операция «Чайка» проводится успешно, — наконец-то сказал Дерябин. — Кроме вашего, получены сообщения из пунктов Б и В. Сердечно благодарят.

Все идет как нельзя лучше. Если раньше Набатников в какой-то мере сомневался в точности приземления планеров, посланных с «Униона», то сейчас эти сомнения отпали. По заранее разработанному плану портативные радиомаяки были доставлены на дрейфующую станцию, то есть в пункт Б. Затем в лагерь геологической экспедиции, где в труднодоступной горной местности были найдены рудные ископаемые. Теперь в этом пункте В, куда уже прилетела «Чайка» с мощным аккумулятором, можно начать предварительную разработку пласта. На первое время электроэнергии хватит.

Радиомаяки были разосланы и в другие пункты, расположенные на Крайнем Севере, в тайге, степи, где почти нет никаких энергетических ресурсов. Ведь страна наша огромна, и природные условия в ней столь разнообразны, что электрифицировать ее обычными способами далеко не всегда возможно.

А кроме того, у нас есть друзья. В странах, где они живут, не везде легко добывается электроэнергия, без

которой немислим человеческий прогресс. Вестниками мира и счастья вот-вот должны полететь «Чайки» в разные страны, где они очень нужны.

Сейчас в отсеках «Униона» «Чаек» разместилось немало, но в следующий полет, если опыт окажется удачным, можно захватить их побольше. Конечно, тут многое зависит от экспериментального цеха, где делаются новые ярцевские аккумуляторы.

Набатников давно уже переговорил с Дерябиным, выяснил все, что можно, но, несмотря на хорошие вести, его все же не покидала тревога за людей, которые летят сейчас в черной пустоте.

Стараясь успокоиться, он думал о будущем своего недавнего открытия.

Маленькие электростанции по всей стране, космическая энергия, падающая на Землю «манной небесной». Кто знает, не будет ли она продаваться в магазинах в «расфасованном виде».

Планер закрепили на крыше фургона. Набатников сердечно попрощался с колхозниками и вместе с Мейсоном и Бабкиным сел в машину. Бабкина опять посадили впереди. Глядя на черную и блестящую, будто сапожными щетками начищенную дорогу, Тимофей заскучал по дому. Надоело ездить. У Димки другой характер, он непоседа. Интересно, куда его пошлют после командировки? Все ничего, но ведь опять встретится какая-нибудь Римма. Не везет парню. И лишь сейчас Бабкин вспомнил, что второпях не успел прочитать ее письмо как следует. Он даже не понял, почему оно адресовано ему, а не Димке? Опять какой-нибудь ловкий ход.

Ошибался Тимофей. После всего того, что произошло, Римма не могла писать Вадиму, но у нее оставалась крохотная надежда на Бабкина — может быть, он замолвит за нее словечко перед Дерябиным или кем-нибудь другим из начальства, чтобы ее опять устроили в лабораторию. Вернувшись в НИИАП, Медоваров сразу же подписал приказ об увольнении Риммы «за халатность и нарушение трудовой дисциплины». Зачем тащить за собой «хвост», который может повредить на новой работе?

Так кончилась «научная карьера» Риммы. Пришлось поступить официанткой в ресторан, где она часто бывала с Петром, где ее однажды встретили Нюра и Поярков. Там она любила танцевать.

«...А сейчас не потанцуешь, — писала Римма. — Так набегаешься за вечер, что ног совсем не чувствуешь. Теперь я ненавижу танцы, ненавижу грязные тарелки, придирчивых посетителей, жалкие чаевые. Всех, всех ненавижу. Особенно Аскольдика, он как прилетел с курорта, все время надо мной издевался. А вчера в ресторан не пришел — отца, говорят, арестовали за взятки. Теперь Аскольдик будет приключенческими книжками спекулировать. Он и раньше этим занимался. Ловкий мальчик — проживет».

Тимофей дочитал письмо и вздохнул. Спутники, ракеты, космические корабли, «Унион», дороги к звездам... Время-то какое необыкновенное... Но когда же на земле переведутся пакостники и ловкачи?

Он бы мог долго размышлять на эту тему, сетовать, что, мол, многие из нас чересчур благодушны, что нет настоящей непримиримости к подобным делам, однако его отвлек разговор Мейсона и Набатникова.

— Вы знаете, мистер Набатников, о чем я все думал, когда смотрел на вашу серебряную птицу? — издалека начал Мейсон, вынимая портсигар. — Разрешите курить?

Получив согласие, Мейсон нажал кнопку зажигалки и, затягиваясь сигаретой, продолжал:

— Я вспомнил черный орел. Две птицы, но какие разные! Одна грязный шпион, другая несет свет, радость... Я видел здесь счастливых людей. Они радовались, что получили свет с неба... Скажите, мистер Набатников, вы верите в то, что это не просто удачный эксперимент, и ваша птица может так очень точно сесть в любом месте?

— Да, конечно. Но для этого нужен маленький радиомаяк. То есть надо попросить эту птицу прилететь туда, где ее ждут.

Мейсон помолчал, нервно потушил сигарету и всем корпусом повернулся к Набатникову.

— Но птица может принести не аккумулятор, а ядерную боеголовку?

— Не знаю. Этим вопросом я не интересовался. Да и к тому же, в случае необходимости можно использовать межконтинентальную баллистическую ракету. У нее побольше нагрузка.

Обладая достаточным тактом, Мейсон не расспрашивал о тех или иных технических подробностях в конструкции «Чайки», о том, как устроена катапульта в

«Унионе», чтобы выбрасывать их одну за другой. Его интересовала, если так можно выразиться, общая постановка вопроса.

— Насколько я понимаю, — вновь заговорил он, — ваша птица может очень точно сесть в любое место Нью-Йорка, Вашингтона или какого-нибудь другого города?

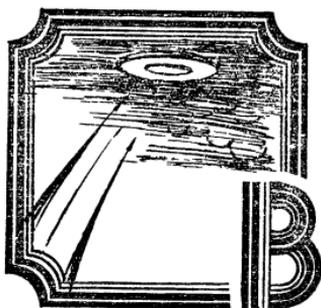
— Да что вы говорите! — не смог сдержать улыбки Набатников. — Соединенные Штаты на одном из первых мест в мире по выработке электроэнергии. Там есть Ниагара, множество других рек, страна богата нефтью. Так неужели Нью-Йорку или любому американскому городу потребуется сравнительно ничтожная энергия нашей птички? К тому же ее никто и не просит.

Мейсон тяжело вздохнул.

— Есть люди, которые очень просят. Их можно видеть в Пентагоне, на Уолл-стрите. Я этого очень не хочу.

Бабкин хоть и плохо понимал по-английски, но в данном случае до него дошел даже подтекст. От себя бы он добавил, что этого не хочет не только владелец маленькой фирмы Мейсон, но и Набатников, Багрецов — никто из честных людей на всей планете.

Неужели это так трудно понять и сделать разумные выводы?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В ней снова возникают нерешенные вопросы, и самый главный из них — могут ли метеориты лететь от Земли в космос?

В последний вечер перед отлетом Полярков и не предполагал, какое серьезное обязательство он взял на себя. Да, конечно, это все сентиментальная чепуха — посмотреть на звездочку, о чем просила Нюра. Но ведь он обещал. До чего же нелепо складывается жизнь! Первая ничтожная просьба любимой, а выполнить ее он бессилён. В небе оказалось столько звезд, они сидели прямо друг на друге, так что определить, какая здесь Нюрина, было совершенно невозможно. Вот что значит не подумавши

обещать. Может быть, именно в эту минуту Ньюра смотрит на свою мерцающую звездочку, а он бессмысленно шарит глазами по вселенной.

Багрецов точно не знал, но догадывался, что только «Унион», управляемая космическая лаборатория, которой не грозит неизбежное снижение в плотные слои атмосферы, может лететь довольно близко от ее границ. Надо полагать, что именно здесь, где происходят всякие непонятные ионосферные возмущения, которые так досаждают радистам, в этой малоизученной среде, практическое значение «Униона» трудно переоценить.

И не случайно Бориса Захаровича Дерябина, инженера, мечтающего управлять погодой, интересовали эти сравнительно небольшие высоты.

Пояркову тоже хотелось быть поближе к Земле, полюбоваться на нее, красавицу. Самые нежные, самые проникновенные слова мысленно посылал ей Поярков и ждал, когда сможет увидеть не только кусочки океанов и грязно-желтые пятна пустынь, но и заметить следы человеческого труда — новые моря, каналы, а ночью мерцающие огни городов.

В эти минуты на видимой части Земли была ночь. То ли облачность, то ли несовершенство телевизионных устройств или другие какие причины не позволяли Пояркову увидеть огни родной планеты. Однако он думал иначе. Далекie звезды, яркие до необычайности, слепили глаза. Разве при них увидишь слабые огни, зажженные у себя дома Великим человечеством? Какая-нибудь ничтожная звездочка, где пока еще из магмы варится твердь, где, возможно, только через миллиарды лет вырастут розовые или голубые лишайники, — и вдруг она сияет ярче, чем Москва, чем все огни Родины, откуда начались дороги в космос и дорога к ней, звезде-младенцу, из которой неизвестно еще что получится: то ли она превратится в туманность, то ли прольется на старую Землю метеоритным дождем, то ли исчезнет, пронизав пустоту ядовитыми частицами, гибелью всего живого.

Кто знает, не эту ли звезду должен найти Поярков, как об этом просила любимая? На душе стало легче — нашлось оправдание.

«Мы солнца приколем любимым на платья», — писал когда-то Маяковский. Вот это правильно, по-человечьи.

Думалось и о другом, не менее важном, хотя Пояр-

ков глушил в себе мельчайшие признаки беспокойства, подменяя их лирическими отступлениями. Трудно забыть о метеорной опасности. Чем дальше от Земли, от ее защитной атмосферы, тем больше возможностей столкновения с метеорами. Правда, «Униону» это почти не грозило, и дело здесь не только в теории вероятностей, а в надежном радиолокационном автомате. Обнаружив метеор на значительном расстоянии, он успевает изменить курс корабля. Только маленькие осколки иногда ударяются в его обшивку, но серьезной опасности это не представляет, даже если наружная оболочка пробьется. Отсеки «Униона» сравнительно невелики и напоминают пчелиные соты. Сквозь несколько перегородок осколок уже не пройдет.

Так же успокаивало и другое немаловажное обстоятельство. Многолетнее изучение падения метеоритов позволило предсказывать, когда и где космонавты могут с ними встретиться. Правда, здесь пока ученые не добились абсолютной точности прогноза, так же как и в предсказывании погоды, но ошибки бывали сравнительно редки.

Во всяком случае, на орбитах, близких к Земле, по данным наших и зарубежных обсерваторий и специальных вычислительных центров, метеоритная опасность была почти полностью исключена.

Но чем же тогда объяснить, что совсем близко у Земли «Унион» встретился с целым метеоритным потоком, летящим навстречу? Яркие освещенные солнцем осколки промелькнули на экране, послышались сухие, как выстрелы, удары по обшивке. На потолке кабины, где фосфоресцировала схема расположения отсеков диска, вспыхнули красные точки.

— Пробита ячейка в секторе пятом, — хладнокровно заметил Поярков, — двенадцатом и несколько ячеек в четвертом. Странно, что здесь метеорит прошел так глубоко.

Трудно, конечно, сдерживать волнение, но Багрецов, покоренный спокойствием Пояркова, в тон ему проговорил:

— Наверное, встретились с большим метеоритом. Но только почему же радиолокаторы не изменили курс?

— Плохо ты их проверил перед отлетом, — занятый какими-то своими мыслями, отозвался Поярков. — Посмотри, что там стряслось.

— Вы шутите, Серафим Михайлович, — обиделся Вадим, показывая на группу приборов. — Я же за ними все время смотрю. Работают нормально... Пожалуйста вам, — токи в антеннах, напряжение, синхронизация. Дальше все в порядке вплоть до исполняющих механизмов. Возможно, какие-нибудь газовые рули не работали?

— В этом деле ты не специалист. Рули не подведут. Но и они ни при чем. Попробуй сверни в сторону, когда осколки летят на тебя широким фронтом. Обязательно на какой-нибудь наткнешься.

Вадим задумался.

— Я, конечно, тут не специалист, — вздохнул он огорченно. — Только ведь на более высокой орбите никаких осколков не было, а здесь появились. Говорят, что по теории вероятностей...

— Оставим высокую материю, Вадим, — прервал его Поярков. — Туда их труднее забросить.

Было от чего удивиться молодому космонавту. Ведь об этом он ничего никогда не читал. Метеориты не забрасываются, а падают сами. Это же все-таки неуправляемая стихия. Впрочем, во многих фантастических книжках рассказывалось о марсианах. Они даже прилетали на Землю. Чего им стоит бросить к нам горсточку металлических осколков? Но трудно подумать, будто в это верит солидный инженер вроде Пояркова. Видно, опять шутит.

Вновь забарабанили осколки. Замигали сигнальные огоньки.

Взглянув на Пояркова, Вадим убедился, что ему совсем не до шуток.

Переведя рычажок шифратора, Поярков нажал кнопку.

— Что вы передали? — поинтересовался Багрецов.

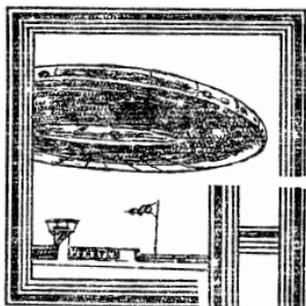
Лицо Пояркова помрачнело, ожесточилось.

— Просил изменить орбиту. А вас прошу, — проговорил он тоном приказа, — перейти на полную герметизацию, так же, как и я, опустите шлем.

И Вадим уже стал вдыхать воздух из баллона.

Да, конечно, сейчас не до вопросов.

А на потолке все вспыхивали и вспыхивали тревожные звездочки. Уже восемь пробоев насчитал Багрецов...

ГЛАВА СОРОКОВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Тут автор просит извинения за косность, и он уже не может говорить о себе в третьем лице. Теперь не «он», а я разговариваю с «дальними родственниками», как их назвал Димка Багрецов. Вольно или невольно, но они помогают тем, кто хочет закрыть дорогу к звездам.

арушая традиции напряженного сюжетного рассказа, я хочу предупредить читателей (особенно впечатлительных), что для Пояркова и Багрецова заготовлен благополучный конец. В жизни это не всегда бывает, но я не могу иначе поступить со своими героями.

А на сердце неспокойно. Ведь подумать только, что «дальние родственники» вроде Валентина Игнатьевича Литовцева, Медоварова, Аскольдика и Риммы хоть и косвенно, но все же смогли повлиять на полет «Униона».

Умозрительно нетрудно себе представить, что при первом рейсе космического корабля вдруг происходит авария из-за пустяка, ну, скажем, из-за того, что лопнула какая-нибудь гайка или трос, сделанные равнодушными или нерадивыми руками. Но практически это исключено. Каждый понимает, что в данном случае детали проходят многократный и совершеннейший контроль. Тогда в чем же дело? Где искать причины аварии или в данном случае причину неудачных испытаний «Униона»?

Я упоминал о «дальних родственниках». Возможно, опять произошла ошибка вроде той, в которой была повинна Римма? Совсем нет. Жизнь полна удивительных хитросплетений. Мы и не подозреваем, как отдельные малозначимые поступки связаны между собой, как ничтожная червоточинка губит зрелый плод.

Известно, что фотографии окошек из «космической брони» оказались за рубежом. Кое-кто из читателей может подумать, будто ее изобретатель — Литовцев — возглавлял шпионскую группу. Писали много про шпионов, и книги эти пользуются успехом. Есть даже целая категория юных читателей, которые, приходя в библиотеку, просят: «Дайте что-нибудь про шпионов». Другие книги их не интересуют. Да, кстати, если эти строки попадутся на глаза Аскольдику — в чем я глубоко сомневаюсь, ведь, кроме «шпионской» и

«ультракосмической» литературы, он ничего не читает, — то я хотел бы напомнить ему о язвительных письмах, посылаемых им в редакции по поводу той или иной книги. Аскольдик бывал глубоко разочарован, коли, рассчитывая встретиться со шпионами, не находил в книге таковых и написана она была о людях, с которыми встречаешься каждый день. «Удивляюсь, дорогой товарищ редактор, — строчил Аскольдик. — Как можно печатать подобное «произведение»? Все ясно с самого начала... Нет захватывающих переживаний... Покажите нам захватывающие картины будущего... Раскройте тайны галактики... А здесь дидактика, поучительство... Мы уже выросли...» Ну и так далее.

Мне по-человечески жаль вас, Аскольдик: неприятности в семье, вы тоже остались не у дел. Спекуляция приключенческими книгами — занятие ненадежное. А ведь, не правда ли, странно, что вы, такой мастак по части детектива, десятки книг изучили до тонкости, — и вдруг сами попались в ловушку, стали невольным пособником иностранной разведки. Нет, я вас не пугаю, вы счастливо избежали других, еще более серьезных неприятностей. Из всех вас, «дальних родственников», случайно связанных с испытаниями «Униона», пострадал лишь «болезненно бдительный» Медоваров. Извините, что я применил не совсем обычный термин, но это действительно болезнь, и характеризуется она подозрительностью и слепотой. Какое противоречивое сочетание, не правда ли? Но уважаемый Толь Толич был действительно слеп. Именно вас, Аскольдик, следовало бы остерегаться. На месте Медоварова или любого другого руководителя я бы никогда не принял вас ни в научный институт, ни в лабораторию, где хоть в какой-то мере ваша деятельность могла повлиять на успех испытаний, на судьбу изобретения.

Опять парадокс. Успех испытаний! Судьба изобретения! Да неужели они могут зависеть от какого-то помощника фотолаборанта? Вздор!

Но будьте терпеливы, Аскольдик. Я еще должен поговорить с Валентином Игнатьевичем.

Мне рассказывали, Валентин Игнатьевич, что вы страшно возмущались фельетонами, где высмеивались темы некоторых кандидатских диссертаций. Встретив в печати критику научной деятельности «последних полустанков» вроде пресловутого НИИАПа, вы писали пространные заявления в разные организации с тре-

бованием прекратить «травлю честных советских ученых».

Не сердитесь, Валентин Игнатьевич. Советские ученые сделали все, чтобы возвеличить славу Родины. Земным поклоном кланяется им народ. Но ведь дело-то это святое, а потому некоторые ваши поступки кажутся кощунственными, тем более что они продиктованы не интересами науки, а иными, не очень благородными соображениями.

Вы человек умный, и жизненного опыта у вас достаточно, а потому прекрасно знаете, зачем пишутся и фельетоны, и даже книги, в которых вы и близкие вам по духу ученые показаны как они есть. Их не так уж много, однако наука знает примеры, когда один лишний атом чужеродного вещества делает его никуда не годным.

Мы научились очищать германий, удалять из него вредные для работы примеси. Научимся различать и тех, кто мешает науке двигаться вперед.

А это в тысячи раз сложнее. Неужели, Валентин Игнатьевич, вы думаете, что мне очень приятно вспоминать о вас вот уже во второй книге?

Так хочется помечтать, без удержу, без предела. Ведь тема-то космическая. Но я придержал мечту и захотел показать читателям, к чему могут привести некоторые эгоистические наклонности, характерные не только для вас. Когда-нибудь люди научатся относиться к этому без лишней снисходительности.

Я не буду напоминать вам о методах, которыми вы пользовались, когда готовили докторскую диссертацию, как к вам попал «осколок солнца», не стану рассказывать, какими путями вы добились испытаний вашей «космической брони» и как старались задержать полет «Униона». Если это вас заинтересует, то перелистайте книгу.

Итак, я уже говорил, что вы, Валентин Игнатьевич, и другие близкие вам по духу товарищи частично повинны в неудаче первого космического полета «Уннона». Вы помните, что редактор журнала, где собирались печатать статью о ваших работах, возражал против снимков иллюминаторов из «космической брони». Вас это тогда не насторожило? Не заставило хоть чуточку притушить саморекламу? Нисколько! Вы стали действовать через других лиц.

Я очень смущен, Валентин Игнатьевич, что вас,

доктора наук, ставлю рядом с Медоваровым, помощником фотолаборанта Семенюком и даже с Риммой, которая сейчас работает официанткой. Но ведь вы все советские граждане. Думаю, что должны понимать всю сложность нашего времени, когда идет борьба двух политических систем...

Впрочем, я слишком примитивно рассуждаю... Вы морщитесь, и к тому же политика вас вообще не интересует... Тогда попробуем иначе. Есть добро и зло. Ясно, что вы не принадлежите к людям, которые окружили нашу страну авиационными и атомно-ракетными базами, то есть к тем, кто творит зло. Вы стоите где-то посередине.

А в наши дни борьбы за общее счастье это равносильно тому, что вы уже одной ногой в чужом лагере.

Вы презрительно усмехаетесь. Но я и сам чувствую, что вас не убедил. Тогда обратимся к фактам. Будьте добры, прочитайте еще несколько страничек.

Набатников приехал вовремя. Не успел он пройти в свой кабинет, как Дерябин предупредил, что от Пояркова получена кодированная радиограмма. Он просит вывести «Унион» на другую, более удаленную от Земли орбиту.

— Чем это вызвано? — спросил Набатников.

Дерябин молча указал на сигнальные точки, подтверждающие, что в «Унионе» не все благополучно — пробито несколько ячеек.

Это было полной неожиданностью для Набатникова.

— Что говорят специалисты?

— Разводят руками, — огорченно сказал Дерябин, и глаза его сердито сверкнули из-под очков. — Доказывают, что теоретически это возможно, но практически сомнительно. Правда, поверхность «Униона» достаточно велика, а потому вероятность встреч с метеоритами возрастает.

— Но ведь даже маленькие метеориты оставляют за собой ионизированный след. Хоть это обнаружили?

— Нет. Тут происходит какое-то странное явление. Видимо, Поярков не хочет во второй раз встречаться с метеоритами, превратившимися в спутники.

— О таком превращении я что-то не слышал. Еще одна тайна природы?

Дерябин рассеянно потрогал колючие усы.

— Не слишком ли часто мы на нее ссылаемся?

— А чем ты докажешь обратное?

— В том-то и дело, что это пока гипотеза.

Помедлив, Набатников наконец решил:

— Гипотеза или тайна, но орбиту придется изменить... Действуй, Борис.

Через несколько минут, убедившись, что операция прошла благополучно, Дерябин возвратился к Набатникову.

Он следил за полетом «Униона» по контрольным приборам и экранам. На одном из них, где горели сигнальные точки, Набатников задержался взглядом.

— Кроме этого, никаких особых повреждений не замечено? — спросил он недовольно.

— Техника вся в порядке. Самочувствие экипажа... — Борис Захарович запнулся и огляделся по сторонам, — ..ну, в общем, так сказать, хорошее. Только вот с Тимошкой. — Он махнул рукой. — Идемте... Сами увидите.

В зале, где хозяйничали биологи, повисла насто-роженная тишина. Все были удручены и даже несколько обижены, что из-за простой случайности один из важнейших экспериментов оказался незавершенным.

На экране, к которому сейчас подошел Набатников, виден был одноглазый пес, добрый друг и помощник человека. В последние смертные свои минуты он, как рассказывают, тянулся к репродуктору, откуда слышал успокаивающий человеческий голос.

А голос этот дрожал. Почему? Ведь молодой ученый, тот, кому пришлось успокаивать Тимошку, не раз снимал с операционного стола трупы собак, над которыми проводил опыты во имя жизни людей. Но сейчас было другое. Всякий понимал, что в космической пустоте без воздуха не сможет существовать живое существо. Метеорит пробил стенки Тимошкиной камеры, и «одноглазика», как его ласково называли, не стало.

Набатников с грустью смотрел на плавающий в пустоте окоченевший труп, где у самой морды, будто дразнясь, кружился кусок сахара. Не успел его поймать Тимошка.

Возможно, лишь в эту минуту за все время полета «Униона» у Набатникова проснулось нечто вроде страха. Теоретические расчеты, экспериментальные данные — все это говорило, что метеорная опасность ничтожна, и вот вам: в первом же мало-мальски длитель-

ном полете первая жертва. Судя по всему, метеориты были маленькие, такие легко сгорают даже в верхних слоях атмосферы. Но почему они попали в орбиту «Униона»? Значит, далеко еще не все изучено.

Сейчас Афанасий Гаврилович уже серьезно опасался не только метеоритов, но и всяких других неожиданностей.

Неприятно, конечно, но пришлось сообщить в Москву о первой неудаче. К сожалению, она оказалась не последней.

Нюра работала в центральном зале, куда поступали основные телеметрические показатели с «Униона». Сейчас она расшифровывала записи, определяющие электрические свойства новых аккумуляторов АЯС-15. За них можно было не беспокоиться, так же как и за общие испытания «Униона». Вполне понятно, что Нюра, как и многие другие сотрудники, ничего не знала о радиограмме Пояркова, о причинах, почему «Унион» переместился на другую орбиту. И все же, когда Набатников появился в дверях, стоило лишь Нюре взглянуть на него, как она сразу поняла, что случилось нечто серьезное.

А потом об этом узнали все. Светящаяся точка «Униона» быстро пересекала экран по диагонали.

Глядя на экран остановившимися глазами и чувствуя удары своего сердца, Нюра не могла вымолвить ни слова.

— Снижается? — услышала она голос Набатникова, и Борис Захарович коротко ответил:

— Да.

Что могла понять Нюра? Вслушиваясь в напряженную тишину, всматриваясь в окаменевшее лицо Бориса Захаровича, она догадывалась, что это почти катастрофа.

Так думали и другие. Испытания были рассчитаны на трое суток, и вдруг неизвестно почему «Унион» начал снижаться. Об этом последовательно сообщали контрольные пункты. Но самое страшное, что Дерябин даже не пытается возратить «Унион» на свою орбиту. Что же там случилось?

Набатников и Дерябин ушли на пункт управления. Тянулись долгие минуты, однако, судя по точке на экране, «Унион» спускался к Земле. Это же видели инженеры, обслуживающие аппаратуру радиотелеуправ-

ления. Если бы они не были заранее предупреждены, то могли бы удивиться, как это при сильном боковом ветре и без всяких корректирующих сигналов с Земли «Унион» точно следует заданному курсу на юг.

В какой-то мере это успокаивало Набатникова. Значит, с Поярковым ничего особенного не случилось, если он может управлять «Унионом». Последние телеметрические показатели его самочувствия были приняты сравнительно давно, во всяком случае, до резкого снижения «Униона». Тогда и Поярков и Багрецов чувствовали себя хорошо.

А как сейчас? Все механизмы «Униона», все его приборы были в полном порядке, об этом свидетельствовали радиogramмы контрольных пунктов. Но там не могли принимать голоса человеческого сердца.

Набатников прошел в лабораторию, где этот голос записывался. Ползет шелестящая лента. Вот прежняя зубчатая кривая Пояркова, вот — Багрецова. Скоро, когда «Унион» прилетит поближе, опять появятся зубчики. А вдруг они выровняются, погаснут и замрут в прямой безжизненной линии?

Отгоняя эти мысли, Набатников убеждал себя, что если бы такое случилось, то «Унион» не мог бы точно держать курс. Значит, ведет Поярков. Но он там не один. Неужели беда с Багрецовым? А иначе зачем идти на посадку?

Из кабинета послышались продолжительные звонки междугородной. Набатников решил, что вызывает Москва. Несомненно, там беспокоятся. Но как им ответить?

Да, действительно, звонок был из Москвы. Набатникова предупредили, что с ним сейчас будут говорить. В трубке было слышно только тяжелое дыхание Набатникова. Он ждал.

— Афанасий Гаврилович? — спросил солидный мужской голос, и, когда тот подтвердил, посыпалась скороговорка: — С вами говорят по поручению редакции научно-популярного журнала...

— Кто говорит?

— Пирожников. Мы бы хотели знать ваше мнение по поводу «космической брони» Валентина Игнатьевича Литовцева. Мы даем подборку о работах его лаборатории. По нашим сведениям, «космическая броня» успешно выдержала высотные испытания...

— Откуда у вас эти сведения?

— Есть материалы, фотоснимки. Мы ожидаем, что в ближайшие дни появится сообщение об успешном полете «Униона», так вот, нам хотелось бы дать в очередном номере...

— Но мы-то здесь при чем? — рассердился Набатников. — В «Унионе» были два окошка из этой вашей брони. Потом их выбросили. Можете так и написать.

— Здесь какая-то ошибка. О работах Валентина Игнатьевича писали не раз. А сейчас, когда осваивается космос, его изобретение...

— ...ни черта не стоит, — уже не мог сдержаться Набатников. — И это не мое мнение, а ведущего конструктора.

— Могу я с ним переговорить?

— Не можете. — И Афанасий Гаврилович бросил трубку.

Потом он ругал себя за грубость, что дал волю чувствам, но в ту минуту, когда решалась судьба людей и того же Пояркова, с которым действительно нельзя было переговорить, рекламные трюки изобретателя «космической брони» казались невыносимыми.

Следователь предупредил Афанасия Гавриловича, что Медоваров избегал телефонных звонков Литовцева, боялся его и горько раскаивался, что помогал ему «в реализации изобретения». Вот почему изобретатель ничего не знал о неудачных испытаниях иллюминаторов. Надо полагать, что звонок Пирожникова был не случаен и подготовлен самим Литовцевым. Но разве к этому доктору наук можно предъявить хотя бы какие-нибудь претензии? Он чист перед судом и даже перед богом, в которого тайно верил.

«Унион» приземлился на закрытом аэродроме неподалеку от Ионосферного института. В составе специальной комиссии туда выехали Набатников и Дерябин. Космические путешественники сейчас находились в медпункте. К ним поспешили врачи, чтобы выяснить их самочувствие, а заодно и провести некоторые исследования.

Убедившись, что с Поярковым и Багрецовым ничего страшного не случилось, Набатников не стал их тревожить.

— Пусть пока отдохнут. А мы займемся техникой.

Для осмотра «Униона» пришлось облачиться в защитные костюмы. Если кабина космонавтов была надежно изолирована от космических частиц и атомных двигателей, то в других отсеках диска могли сохраниться следы вредных излучений.

В составе комиссии были также и биологи. Хотя телеметрические приборы и показывали, что подопытные животные чувствовали себя неплохо, но все же лучше всего убедиться в этом собственными глазами, и не на расстоянии, а непосредственно обследовать своих питомцев. Погладить их, приласкать. Они этого заслужили.

Даже крохотную амёбу, видимую только под микроскопом, хотелось погладить стеклянным волоском — скальпелем микрохирурга. Она тоже участвовала в космическом полете, и на ней можно было проследить, как в условиях невесомости происходит деление клеток.

Набатников и Дерябин прежде всего пошли в сектор биологов, чтобы выяснить подробности гибели Тимошки и найти метеорит, который пробил стенки камеры. Неужели он падал не сверху, а действительно, как предполагает Борис Захарович, летел по орбите вроде спутника?

У дверцы Тимошкиной камеры сняли пломбу, повернули ключ в замке и осторожно вытащили труп. В боковой стенке темнело обугленное отверстие, похожее на пулевое. А на противоположной стороне — дырка с рваными краями. Видимо, метеорит застрял в термоизоляционной обшивке, так как в соседней камере отверстия не было.

Борис Захарович попробовал по привычке протереть очки, но рука его скользнула по поверхности прозрачного колпака.

Прежде чем вскрыть обшивку, Афанасий Гаврилович приказал сфотографировать внутренность камеры, чтобы потом учесть все подробности, необходимые для определения траектории полета метеорита.

И вот наконец метеорит лежит в стеклянной баночке.

— Да, кажется, ты, Борис Захарович, прав, — сказал Набатников, передавая баночку Дерябину. — Это спутник. Только сиротский.

— И к тому же пакостный.

Сквозь стекло можно было рассмотреть обыкновен-

ный стальной шарик, вроде как от подшипника. Он уже покрылся окалиной и, видимо, скоро бы сгорел или распылился, если бы не встретился с «Унионом».

— Идем узнаем, наверное, остальные шарики тоже достали, — сказал Дерябин и заторопился к выходу.

Он не ошибся. Опытные механики специальным инструментом вытащили вредных «спутников» из могучего тела «Униона». Ранение неопасное, но кто знает, будь у них масса побольше, что бы тогда случилось. Ведь их много — не увернешься.

В ожидании, пока врачи разрешат встретиться с космонавтами, Набатников и Дерябин сидели в кабинете начальника аэродрома и обсуждали столь странное появление чужих спутников на орбите «Униона».

— Я помню, — говорил Борис Захарович, все еще с удивлением рассматривая баночку с шариками, — что после запуска наших первых спутников американцы посылали такие шарики, ибо ничего более солидного запустить не могли. Но сейчас-то зачем чепухой заниматься? — Он сердито отодвинул банку.

Афанасий Гаврилович слушал, и улыбка блуждала у него на губах. Он взял баночку с шариками и, поворачивая ее так, чтобы рассмотреть со всех сторон, проговорил с усмешкой:

— Тебя удивляет, Борис, почему люди занимаются всякой чепухой? А вдруг это те же самые шарики, что запущены при первых опытах? Не хотят они сгорать. Не хотят подчиняться законам физики. Волшебные шарики, заговоренные.

— Эдак можно много мусора набросать в космос. Потом придется его расчищать, как после войны моря от плавающих мин... Но я одного не пойму. Почему именно на орбите «Униона» появились эти минные заграждения? А если их сотни, тысячи вынести на орбиту?

— Заранее известную, — подчеркнул Набатников.

— Вот именно. Так чем же ты объясняешь это нарушение всех международных норм?

— Ошибкой, — снова усмехнулся Афанасий Гаврилович. — Американцам долгое время не удавалось запустить настоящую космическую ракету. Спутники часто не выходили на орбиту. Ну а сейчас... Небольшое отклонение. Не сумели, простите, пожалуйста.

Дерябин погрозил ему пальцем:

— Нет, друг, ошибаешься. У американцев прежде всего реклама. Запуская ракету или спутник, кричат на весь мир. А сейчас промолчали. Почему?

— Научились у нас скромности. Вот и все. А кроме того, надо еще доказать, откуда эти шарики запущены. Может быть, этим занимается такое государство, как Люксембург?

Борис Захарович задумчиво протирал очки.

— Так-то оно так. Но, видно, много набросали этой дряни даже на самую близкую орбиту.

— Не уверен, — с сомнением произнес Набатников. — Здесь уже начинают действовать силы тяготения. Сложный расчет.

— Тогда я не понимаю, почему Серафим пошел на посадку. Черт его знает, что там могло случиться на другом полушарии.

— Потерпи, Борис. Скоро все выяснится.

Однако терпеть пришлось довольно долго. Врачи продолжали исследовать космонавтов и никого к ним не допускали. Наконец, отчаявшись, Набатников и Дерябин уехали к себе в институт, чтобы завершить неотложные дела.

Только через два часа Поярков и Багрецов могли показаться в институте. Надо ли упоминать, что Серафим Михайлович прежде всего отыскал Ньюру, а Вадим — Бабкина.

К сожалению, о полете рассказывать было нельзя, и вот по каким причинам...

Поярков и Вадим пришли в кабинет к Набатникову, где, кроме самого хозяина и Бориса Захаровича, никого не было.

Набатников запер дверь, крепко обнял и расцеловал друзей, поздравил их с благополучным возвращением.

— Ну а теперь рассказывай, Серафим, — проговорил он, плотно усаживаясь в кресло.

Нервно закусив губу, Поярков молчал, как бы собираясь с мыслями, наконец сказал:

— Поймите, Афанасий Гаврилович, у меня не было другого выхода.

— А я в этом и не сомневался, — ободряюще улыбнулся Набатников и, передавая Пояркову банку с шариками, спросил: — Тут, значит, главная беда?

С любопытством рассматривая шарики, Поярков покачал головой:

— Нет, потом мы с ними уже не встречались.

— Понятно. — В голосе Набатникова послышалась тревога. — Мы не смогли достаточно уверенно следить за полетом на другом полушарии. Неужели техника подвела? Чья техника? Твоя? То есть общая конструкция? Двигатели? Или автоматика, электроника? Это уже по твоей части, Вадим. — И он вопросительно посмотрел на Багрецова.

— Все было в порядке, — ответил Багрецов.

— Странно, если бы оказалось не так, — подтвердил Борис Захарович. — Мы сами видели, как точно сработала радиоавтоматика, когда прямо на диск летел метеор. Может быть, слишком перегрелась обшивка? — вдруг усомнился он. — Но до этого приборы показывали вполне терпимую температуру.

— Можно, я расскажу все по порядку? — нетерпеливо проговорил Поярков и нервно потушил папиросу. — Никаких неисправностей мы с Вадимом не заметили. Скучали и больше всего смотрели на Землю. На большом экране вы, наверное, видели ее лучше нас. Я-то не особенно восхищался. Красиво, конечно. Вода, пустыни, туман. Возможно, такой она была в первые дни своего рождения. Не видели мы самого главного, что сделали руки человеческие. Не видели городов, каналов, возделанных полей. Мертвая планета.

Набатников согласился с этим и спросил об американских спутниках, что ходили по другим орбитам. Не видел ли он их?

— Ведь это тоже дела человеческие.

Лицо Пояркова потемнело. Он погромел шариками в стеклянной банке.

— Вот что мы видели. Подлые дела человечья. Видели и другие, пострашней. Расскажи, Вадим, ты первым это заметил.

Багрецов смутился.

— Я ведь тогда ничего не понял...

— Ну а мы постараемся понять, — ободрил его Афанасий Гаврилович. — Расскажи своими словами. Хмуря брови, вспоминая подробности, Вадим рассказывал:

— Мы пролетали над океаном. Вдруг я заметил яркую вспышку. Пригляделся. Вижу маленький остро-

вок, а над ним развеивается тонкая золотая нитка. Она тянется вверх, и на конце у нее появляется вроде как бусинка. Бусинка увеличивается... Я уже мог рассмотреть, что это высотная ракета. Ну, думаю, все как полагается. В разных концах мира запускаются ракеты для исследования верхних слоев атмосферы. Не хотелось будить Серафима Михайловича, он двое суток не спал. Только вижу: ракета летит прямо на нас...

— Вовремя он меня тогда разбудил, — продолжал за Вадима Поярков. — Гляжу — и глазам своим не верю. Орбиты «Униона» всем были заранее известны, точно рассчитано, где и когда он будет пролетать. Неужели, думаю, нельзя подождать минутку, а потом уже и запускать свою ракету? На всякий случай включил двигатели и чуточку изменил курс. Ракета промелькнула совсем рядом. Это был новый тип радиоуправляемой ракеты, мне неизвестный. Думаю, куда она полетит дальше? Может, это еще один спутник или ракета, посланная на Луну? Ничего подобного. Ракета возвращается вниз и опять летит на меня. Пришлось увертываться. Так она гонялась за мной, норовя ударить снизу.

Набатников озабоченно почесал переносицу.

— Ты это точно помнишь, что всегда снизу?

— Ну конечно. Ведь наверху и по кромке — радиолокаторы. Зачем бы я тогда стал заниматься пилотажем?

Многое стало ясным Афанасию Гавриловичу. Радиолокаторы должны были следить за метеоритами и в случае необходимости изменять направление полета. Грубо говоря, «Унион» мог увернуться от любого падающего метеора, куда бы он ни летел — на Землю или на Луну. Но ведь снизу, от планеты, не отрываются небесные тела, именно поэтому радиолокаторов в нижней части диска не было, что блестяще доказал Семенюк своими фотографиями, когда снимал окошки Литовцева. Вполне вероятно, что и другие технические подробности учитывались людьми, которые после неудачи с шариками направили на «Унион» свою радиоуправляемую ракету. Важно было найти уязвимое место. Но кто же мог подумать, что так обернется дело?

У Набатникова оставались еще кое-какие сомнения, и потому он промолчал о своих догадках. А кроме того, даже близким родным о таких вещах не говорят.

Можно сделать только общие выводы, и Афанасий Гаврилович поделился ими с друзьями:

— Об устройстве радиоавтоматики мы никому не сообщали. Чертежи засекречены. Но ведь достаточно было узнать, что внизу диска нет радиолокаторов, как этим сразу же воспользовались. На океане наших контрольных пунктов тогда не было. Ничего не увидишь. Мало ли отчего мог сгореть «Унион»? Все шито-крыто. Какое счастье, что вы полетели, ребятки!

Афанасий Гаврилович сел между Поярковым и Багрецовым, крепко обнимая их.

Как всегда в минуты сильного волнения, Борис Захарович сердито пощипывал ус.

— Опять туман, — упрямо сказал он. — Ну, соли на хвост еще можно насыпать, вроде шариков. Но сбивать ракетой нашу космическую лабораторию — на это надо решиться. Ведь существует общественное мнение...

— Наивничаешь, Борис, — снисходительно усмехнулся Набатников. — Никто бы не узнал об этом подлом деле. В нашей мирной лаборатории «Союз наук» кое-кому мерещится новое оружие. Значит, любой ценой «Унион» надо уничтожить, а заодно испытать новую радиоуправляемую ракету, которая, видимо, и создана для поражения целей в межпланетном пространстве. Но воображаю их удивление, когда «Унион» вел себя как в воздушном бою...

— Не совсем так, Афанасий Гаврилович, — возразил Поярков. — Это не бой, а нападение из-за угла. Жаль, что я не мог сфотографировать эту космическую ракету. Пусть бы народ посмотрел, для каких «научных целей» она была запущена.

Набатников замахал на него руками:

— Да ты что? Всерьез? Очень хорошо, что мы ничего не фотографировали. На другой же день заокеанские писаки такую бы чушь наговорили насчет разведчиков «красного империализма», что целый месяц будешь отплевываться. Лучше помалкивать до поры до времени. Зачем гусей дразнить?

Но всем было понятно, что не только по этим сообщениям пресса будет молчать. В конце концов, первый космический полет «Униона» не достиг своей цели. Мы скромны и до тех пор, пока не добьемся полного успеха, хвастаться не станем. А кроме того, газетные сообщения о прерванном полете гигантской лабо-

ратории в космосе только вызовут радость в стане врагов. Ведь ничем нельзя доказать истинную причину, из-за которой была сорвана программа испытаний. Будет молчать и заокеанская пресса. После того как мы доказали полное свое превосходство в космосе, коекому невыгодно, чтобы мир знал о существовании новой необычной советской конструкции. И к тому же оставалась надежда, что в следующий раз уже более совершенную конструкцию — пассажирский лайнер — тоже можно уничтожить.

— Тимошку жалко, — вспомнив о нем, с грустью проговорил Поярков. — Ну ведь те, кто запускал шарики и ракету, знали, что в «Унионе» и собаки и обезьяны... Фарисеи! Они нам до сих пор Лайку простить не могут... А сами...

— Нашел чему удивляться, — раздраженно перебил его Дерябин. — А тебя бы эти вояки пощадили?

Глядя на потухший экран, где когда-то плыла точка «Униона», на уснувшие стрелки приборов, неподвижные ленты самописцев, Поярков думал о чем-то своем, наконец, обратился к Набатникову:

— Как же теперь? Когда мы сможем повторить полет?

— Вот этого я не знаю, — сурово ответил Набатников. — Правильно напомнил Борис, что после войны тральщики вылавливали мины и торпеды. А сейчас в воздухе плавают шары и орлы-разведчики. В космосе появились стальные шарики и смертоносные ракеты. Мне кажется, что, пока не очистится небо над планетой, такую систему, как «Унион», нельзя посылать в космос с пассажирами.

Он говорил об этом, веря, что скоро в мире станет теплее и радостнее. Он не мог не вспомнить и тех, кто путается у нас под ногами, кто мешает нам на дорогах к звездам. Вместо «Униона» там будут построены сияющие вокзалы, и навсегда отомрут «последние полустанки» на пути в науку. Остановки огменены, и экспресс мчится в будущее... Теперь уж легче работать. От науки постепенно отпадают, как жирные клещи, всякие литовцы и жалкие медоваровы.

— А главное, что многие молодые, — продолжал Набатников, — почувствуют ответственность перед будущим и перед своим народом.

Пояркову пришлось немного погрустить, что отодвигается его мечта о газонаполненном космическом

лайнере. Но будем снисходительны: он жил сейчас не далекой мечтой, а полнокровным счастьем на Земле и, простите, пожалуйста, думал он о Нюре, о будущем малыше, о многом другом, о чем никогда не пишется с большой буквы, как иной раз слово «Космос».

А Борис Захарович? У него свои думы. Просторы вселенной только еще начинают исследоваться. Обидно, что «Унион» приземлился, и неизвестно, когда отправится в далекое путешествие. Но он будет летать над страной, забираться в самые высокие слои атмосферы. Ведь небо над Родиной бесконечно! Сколько еще там загадочного, неясного... Кто знает, не научимся ли мы скоро повелевать стихиями, вызывать дождь, разгонять тучи... И это будут не просто опыты, а плановая система народного хозяйства...

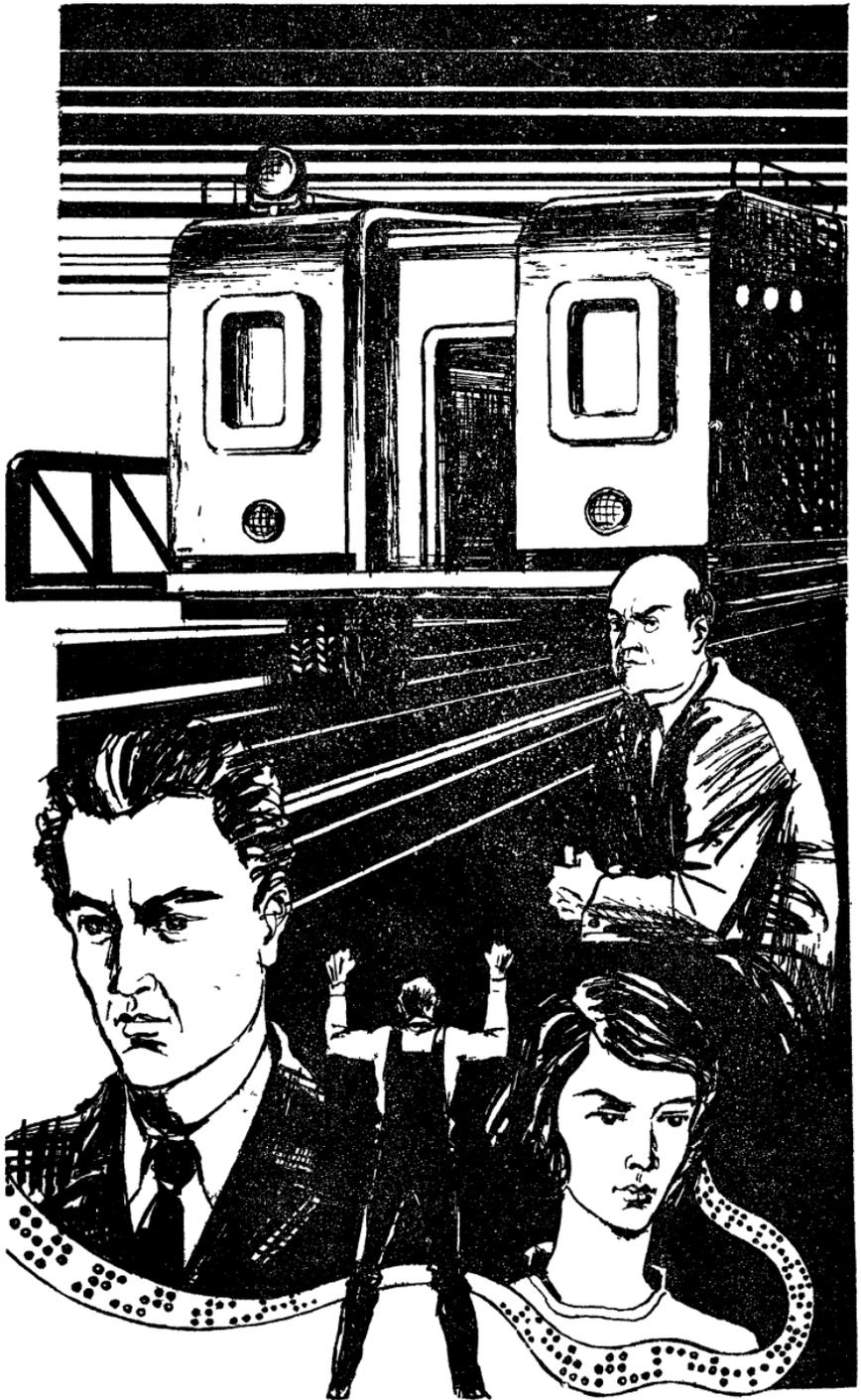
У Вадима более чувствительная душа. Он мечтал о чистом небе и верил, что оно станет таким, если будут чисты человечьи сердца, если каждый будет страстно желать и стремиться к тому, чтобы не только над ним, но и над всей планетой вечно сияло спокойное мирное небо.

1956—1958(1980)

КОГДА ПРИБЛИЖАЮТСЯ ДАЛИ...

Роман о реальной мечте

В этой книге, где в подзаголовке стоит «Роман о реальной мечте», я прежде всего вспоминаю В. И. Ленина. «Надо мечтать!» — писал он и, развивая эту мысль, приводил высказывание Писарева: «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать... если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...» (Ленин В. И. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, с. 172).

В романе «Когда приближаются дали...» мне очень хотелось рассказать о людях — мечтателях и творцах, тех, что ясно представляют себе, каким может быть их творение, видят поставленную перед собой цель. Рассказать, как вера и убежденность помогают им преодолевать все препятствия на сложном и трудном пути.

Здесь вы можете встретиться с некоторыми моими героями. Как уже было упомянуто ранее, они путешествовали из книги в книгу («Семь цветов радуги», «Альтаир», «Осколок солнца», «Последний полустанок»). В первой из них, например, Багрецову было всего восемнадцать лет. Если дотошно подсчитывать, сколько ему и другим персонажам лет, то сейчас они достигли уже среднего возраста. Правда, если пользоваться приемами фантастики, то можно изобрести эликсир вечной молодости, но это мне не по нутру. Людей, похожих на моих героев, я встречал неоднократно, и мне хочется оставить их молодыми, одержимыми. О таких интереснее рассказывать. Такими же одержимыми остаются учителя юных героев, упорные в борьбе с «временно прописанными» в нашем обществе. Один из таких, которого я страстно ненавижу, пролез и в этот роман. Как и раньше, здесь много приключений, есть и фантастика. Но она вполне может стать осязаемой реальностью, если жизнь поставит такие проблемы, а мы приложим достаточно усилий, чтобы их разрешить.

Работая над этой книгой, я частенько вспоминал слова Маяковского: «Хорошо начинать писать стих о Первом мае так в ноябре, когда этого мая, действительно, до зарезу хочется». И май этот обязательно будет. Так будем же мечтать о мае и делать все, чтобы его приблизить.

Бывает так, что лежишь в густой траве и видишь перед собой чахлые корешки, букашек и всякую мало-приятную мелочь. И если даже приподнимешь голову — опять перед глазами бурьян, крапива, трухлявые пни. Приподнимись повыше — увидишь немного подальше: кусты, низкорослые деревья. Привычная картина... Но поднимись во весь рост или, еще лучше, взберись на горку — и тебе откроется линия горизонта. И хрустит под ногами бурьян, рассыпаются в прах трухлявые пни, что скрывали от глаз манящие дали. Вот они, совсем рядом, светлые, близкие.

С самого первого дня, как только Багрецов появился в пограничном районе, предъявил свой пропуск и командировку, он чувствовал себя в постоянной тревоге. Ходил озираясь, прислушивался, не хрустнет ли сучок за кустами, не промелькнет ли чужая тень.

Злился на себя: наивно, глупо. Но что поделаешь? С раннего детства начитался всяких приключений.

Его удивляло, что здесь, неподалеку от заставы, никто не следит за ним, не спрашивает документы. Неужели такой беспечный народ пограничники?

Где бы ни появлялась эта долговязая фигура в берете, с модным галстуком, с платочком, торчащим из бокового кармана, солдаты подсмеивались: и перед кем он так вырядился! А для Багрецова это был обычный костюм, и лишь в случае крайней необходимости — чтобы, скажем, подняться на мачту автоматической метеостанции для проверки какого-нибудь нового прибора — Вадим надевал комбинезон.

Интересная у него профессия: конструировал специальные телеметрические приборы для метеорологов, сам устанавливал их, проверял. Часто ездил в командировки, вместе со своим другом Бабкиным побывал в среднеазиатской пустыне, в горах Алтая, повидал камчатские сопки, даже участвовал в экспериментальном космическом полете.

Сюда, на южную границу, Багрецов приехал проверять приборы, которые устанавливал здесь года три назад. Кому же, как не самому конструктору, заниматься этим делом? А кроме того, не так уж давно он усовершенствовал кое-какие приборы радиометеостанции и решил в комбинации с ветряком использовать новые солнечные батареи Курбатова. Как они себя здесь поведут? Все расчеты и лабораторные опыты говорили, что такая комбинация целесообразна. Работа эта не казалась Багрецову особенно увлекательной, но что поделаешь — дисциплина. Вот уже несколько

дней, как он поднимался на холм, где стояла мачта радиостанции, и, производя нужные измерения, трудился дотемна.

Сквозь по-весеннему прозрачные ветви бука видел он реку, маленький, заросший рыжими травами островок, видел кусочек чужого берега, который казался унылым, пустынным, будто и люди там никогда не бывали.

Багрецов брал с собой бинокль, чтобы, не поднимаясь на мачту, наблюдать за солнечными батареями.

Хотелось посмотреть в бинокль на тот берег, где другой мир. Станный и непонятный, он волновал Багрецова, как все неизвестное.

Вскоре Багрецов увидел «чужих», но не в бинокль, а на заставе. Наши пограничники привели двух крестьян, задержанных при попытке перейти речку и поискать свою скотину. Крестьяне были почти раздеты, рваное тряпье едва прикрывало тело. Эту страшную бедность и потом наблюдал Багрецов: жалкие хижины, кое-где пасутся тощие коровы. На полях согбенные фигуры с мотыгами. Вечерами там стоит нерушимая тишина. Темно, в редких окнах мерцают огоньки.

А здесь, на склоне горы, светились огни колхозного селения, оттуда слышался голос радио, рокот автомобилей, и Багрецов все чаще и чаще думал о затаенной тишине чужого берега.

Однажды на той стороне в будку, над которой болтался вылинявший флаг, вошли три офицера в щеголеватой военной форме, знакомой Багрецову по фотографиям и кинофильмам. Брюки, заправленные в башмаки, короткие куртки, пилотки.

...Завтра Багрецову надо уезжать. Работа закончена. Завтра он сядет в самолет и, возможно, никогда не вспомнит о днях, проведенных на границе.

Однако события развернулись иначе. Уже смеркалось, когда он в последний раз взобрался на холм, туда, где стояла мачта радиостанции. Закатные лучи играли на зеркале солнечной батареи. Шумели лопасти ветряка, гудел генератор...

Вадим опустил на землю, сел, но тут же приподнялся и, чтобы не испачкать плащ, снял его и повесил на нижнюю крестовину мачты.

Захотелось испробовать силу. Багрецов подпрыгнул и подтянулся на руках, затем полез на мачту: надо по-

смотреть, не греются ли подшипники у ветрогенератора. Ветерок приличный, за все дни такого не было.

Почти у самой вершины мачты ветер сорвал с Вадима берет. Вадим проследил за ним взглядом, вытягивая шею. До реки берет не долетел, застрял где-то в кустах.

Перед глазами Вадима замаячил заросший камышом и болотными рыжими травами островок. Будто в зеленой рамке виднелся он между деревьями. Вполне возможно, что островок никому не принадлежал, был, так сказать, нейтральной почвой, если считать за почву тинистую отмель, наполовину залитую водой.

Рыжая трава напоминала лисий мех, взьерошенный ветром. Сильный порыв — и Вадим совершенно ясно увидел человека. Человек лежал на животе, мокрый. Наверное, ждал темноты, чтобы переплыть на нашу сторону. Его можно было заметить только с большой высоты, болотные травы скрывали надежно.

Вадим навел бинокль, но рука дрожала, и горизонт прыгал, все расплывалось. Наконец навел на резкость. Теперь стало видно четко и ясно: вода, стебли — огромные, как бамбук... И высоко поднятое лицо с закушенными от боли губами, широко раскрытые светлые глаза, раздвоенный подбородок... Голова стриженная. Ворот гимнастерки разорван, на шее кровь...

Багрецов не помнил, как спустился с мачты. До заставы далеко, километров пять. Время бежит. Вадим жадно хватает воздух. Сердце готово разорваться не только от бега, но и от волнения. Багрецов выскочил на открытое место и чуть не задохнулся. Холодный упругий ветер дул вдоль реки. Казалось, будто мчит-ся навстречу бушующий водопад...

— Стой! Кто идет?

Для Вадима это был спасительный оклик. Он уже совсем выбивался из сил.

...Рано утром, когда привезли его плащ и потерянный берет, Вадим не удержался и спросил, чем закончились вчерашние поиски.

Посыльный развел руками:

— Мы больше по хозяйственной части. Нам про такие дела не докладывают. Но, видать, пока еще не поймали.

На том и закончился разговор.

ГЛАВА 2. ЗАГАДКА «МЕРТВОГО САДА»

рошло полгода. Все реже и реже Багрецов вспоминал случай на границе. А командировка в новый район, где Вадим никогда не бывал, совсем выгеснила старые воспоминания. Вадима предупредили, чтобы он захватил с собой телеметрические приборы, которые только-только начали применяться в строительной технике. Это показалось странным. Ехать за тридевять земель и тащить с собой уникальные приборы на какую-то неизвестную стройку! Таких приборов нет еще, наверное, ни на одном московском строительстве! Впрочем, начальству виднее. А кроме того, интересно посмотреть новые, еще не обжитые места, повстречать новых людей и.. давнишнего друга Надю Колокольчикову. Оказывается, она уже находится там, на строительстве, с аппаратами для телевизионного контроля.

Не нужно ворошить былое. Рана еще не зажила, обида помнится. А ведь три года с тех пор прошло, когда Вадим чувствовал себя самым несчастным человеком в мире, если Надя не могла с ним встретиться.

Сейчас другое. Встретились и сразу же заспорили. И чтобы Надя не подумала, будто Вадим все это время страдал в разлуке, Багрецов ни в чем не хотел уступить, проявляя свой жесткий, мужской характер.

Он доказывал, что технику двигают не инженеры-исследователи, к коим принадлежит сама Надя, а люди творческие, то есть инженеры-конструкторы. И что женщинам не свойственно конструкторское мышление.

— Как так? — возмутилась Надя.

Спор происходил возле проходной будки стройучастка, куда сегодня ранним утром приехал Багрецов. Пропуск еще не был готов.

Место и время для такого спора были явно неподходящие. Боясь запачкать белое пушистое пальто, Надя подстелила газету на железной бочке, а Багрецов кое-как примостился на маленьком чемоданчике.

За высоким забором гремела лебедка, гудели моторы, слышалось шипение выпускаемого пара, звон металла, грохотали камни в железном кузове самосвала.

Надя, маленькая, со стриженной медноволосой головкой, отчего Вадим называл ее Щегленком, в минуты раздражения ударяла каблучками по гулкой бочке.

— У женщин нет конструкторского мышления? Ужасно! И ты это посмел сказать? — старалась она перекричать шум. — А тысячи женщин-конструкторов на заводах?!

— Да ведь это же детализовщики, — усмехался Вадим. — Ты мне назови женщину, скажем, авиаконструктора, кораблестроителя, видную изобретательницу. Нет, не исследовательницу, не математика...

— погоди, погоди... — Надины и без того прищуренные глаза превратились в черточки. — Сейчас вспомню...

«Щегленок», — ласково поглядывая на нее, думал Вадим. Ей немало доставалось на уроках: чертит что-нибудь, рисует и вдруг забудется, начнет насвистывать. Всегда выступала на школьных вечерах. Хороший слух. Музыкальность. Пророчили консерваторию, а кончилось дело радиотехникой. Увлеклась приемниками, телевизорами, поступила в техникум связи, показала недюжинные способности в области радиоизмерений, затем приняли ее лаборанткой в научно-исследовательский институт. Училась заочно, и теперь она инженер, а для Вадима все-таки маленький «щегленок».

— Оставим, Надюша, бесполезный спор. Будущее все-таки во многом принадлежит технологии. Нет, не технологам-ремесленникам, а настоящим изобретателям. Но изобретатели, как правило, работают не в исследовательских институтах, а в промышленности. Вот это люди!

Сжимая в карманах кулачки, Надя нервно постукивала каблучком по железной бочке, ждала, когда Димка выскажется. Разве можно противопоставить заводских работников ученым? Ведь одни без других ничего не стоят, а потому и работают рука об руку. Взять хотя бы ту же опытную стройплощадку, куда НИИ командировал Надю. Конечно, здесь должны быть и архитекторы, и строители, научные работники и заводские инженеры. Димка еще не успел познакомиться с

начальником строительства Васильевым, а то бы понял, что даже в одном лице может сочетаться видный ученый-исследователь, инженер-конструктор и технолог. Но даже и этого мало. Васильев необычно разносторонен. Несколько лет назад он изобрел и построил танк для поисков нефти под дном Каспия, а сейчас, говорят, совершил переворот в строительной технике.

Надя ничего в строительстве не понимала. Как приехала, приказал Васильев выделить комнату для ее телеконтролеров. Зачем на строительстве нужно телевидение — Надя представляла себе довольно слабо. А здесь вообще пока еще ничего не строили. Нет даже ни котлована, ни фундамента; правда, вдали виднелось какое-то сооружение, а тут гараж и домики для обслуживающего персонала. За эти дни Надя встретила лишь нескольких рабочих. Вот и все ее впечатления от строительства...

Она заинтересовалась Васильевым. Седеющий, малоразговорчивый человек с умными серыми глазами. Взглянул мельком, сказал несколько обязательных слов и простился. Занятая подготовкой аппаратов, Надя его больше не видела. Капризничал один из телевизоров. Вероятно, испортился в пути. Надя нервничала, боялась — а вдруг не сумеет наладить? Как тогда? Что скажут тебе серые глаза? Ужасно!

Все эти годы Вадим старательно избегал встречи с Надей. Но вот и пришлось встретиться. Сколько же времени можно таить в себе обиду! Надя тоже перестала спорить и сердиться. Улыбается: «Довольно, Димка. Будем опять друзьями».

...Пропуск на стройплощадку наконец выписан, вахтер взмахнул рукой — давай, мол, сюда, приезжай, предъявляй документы.

Багрецов представлял себе, что такое строительная площадка, однако, миновав проходную, убедился в своем невежестве. Если Надя думала, что здесь должен быть кирпич, то Вадим рассчитывал на вполне современные методы строительства. Но где же порталные краны, блоки, панели, каркасы, бетон, кровля? Из чего же здесь собираются строить дома? Материалов не видно никаких.

— Интересно, Надюша, зачем нас сюда прислали, — сказал Багрецов, поставил чемодан на бетонированную дорожку и помахал занемевшей рукой. — Пока я ничего не вижу.

Надя с усмешкой пожала плечами:

— Тебе-то что? Не видишь и не видишь. А мне приказано видеть. Начальник строительства Васильев говорил, что телеконтролеры нужны для наблюдения за каким-то там процессом внутри здания. Я по наивности и спрашиваю: «А где оно?» Отвечает, что сегодня начнут строить. Но мои аппараты потребуются для второго здания.

— Бедный Щегленок! Будешь сидеть здесь до зимы. Проси маму выслать шубу. Шутка сказать, дом построить. Минимум несколько месяцев.

Больше всего он боялся, что и сам останется здесь надолго. В другое бы время радовался: новые люди, незнакомая техника — что может быть интереснее? А сейчас совсем не то. И зачем только девушек посылают в командировки! Он готов взять на себя ее дела — как-нибудь справится, — лишь бы уехала поскорей, лишь бы не встречаться никогда.

Нельзя было отказать Наде в проницательности, она поняла тревогу Димки и поспешила его успокоить:

— Васильев сказал, что если опыт будет удачным, то он меня отправит домой через неделю.

Вадим устало поднял чемодан. Дом — за неделю? Чепуха! Ведь это не крупноблочное строительство.

Строительное управление находилось в конце территории. Насвистывая что-то веселое, Надя независимо шла впереди.

Бетонированная дорожка оборвалась сразу, будто остановившись с разбегу у широкого рва. Надя могла поспорить, что вчера этого рва не было. Неужели за ночь смогли его вырыть? Зачем он здесь?

Багрецов заметил ее растерянность.

— Заблудился, Щегленок?

— Не может быть. Я здесь вчера ходила.

Прикрыв глаза от солнца, Вадим посмотрел вдоль канала.

Канал пересекал чуть ли не всю территорию строительства. В конце его высился гараж. Ясно было одно: управление, куда Надя вызвалась отвести Багрецова, оказалось на противоположной стороне канала. Как же туда перебраться?

Надя заметалась, подбежала к самому краю.

— Димка, — услышал Вадим ее оклик, — на той стороне лесенка.

Надо будет спрыгнуть вниз, потом принять Надю на руки, ведь она маленькая, ей трудно самой спуститься.

Вадим высокий, длинный, но когда он снизу протянул Наде руки, то все же не достал до нее.

— Прыгаю, — предупредила она. — Держи крепче, рыцарь. Не осрамысь.

Надя медлила. Лестно и приятно смотреть на него с высоты. Тянет, глупенький, руки вверх — сдаюсь, мол, на милость победительницы, прошу пощады.

Легкая как перышко, скользнула Надя вниз, Вадим лишь поддержал ее за талию, и вот она уже стоит на одной ноге, вытряхивая песок из туфли.

Поднялись по железной лестнице и только тут встретили первого человека на стройплощадке, видимо строителя, в брезентовой спецовке, сплошь покрытой известью. Лицо его тоже было белым, точно напудренным. Он стоял задумавшись, напоминая гипсовую статую рабочего где-нибудь в районном парке культуры и отдыха.

Надя спросила, как пройти в управление. Он посмотрел на нее непонимающе и указал рукавицей налево:

— За «мертвый сад».

Вчера она гуляла по садику, на который ей сейчас указал рабочий. Здесь был старый хутор, жил какой-то чужак. Но почему сад называли «мертвым»? Осенний, что ли? Но он еще наполовину зеленый, пожелтели кустарник да кое-какие деревья. Вот и сейчас его видно. Будто по зеленому блестящему шелку разбросаны желтые и красные листья. Интересно, как бы выглядел такой рисунок на платье?

Подойдя ближе к деревьям, Надя всплеснула руками:

— Дождь, что ли, прошел над садом? Или это роса? Что скажешь, специалист?

«Специалист» молчал. Без ложной скромности он мог признаться, что немного понимает в происхождении и характере атмосферных осадков, строил всякие электронные приборы для определения влажности, изучал микроклимат в разных районах, короче, считал себя достаточно сведущим в этих делах. Но здесь он растерялся и мог лишь удивленно смотреть на странные шутки природы. Дождь? Роса? Неужели Надюша не видит, что это лед? Будто в гололедицу, им покры-

ты стволы, ветки, листья. Но время-то еще теплое, даже сейчас жарко, пришлось снять пальто.

Надя перепрыгнула через толстую трубу, похожую на газопровод, и, по-детски подскакивая на одной ножке, побежала. Махнув пестрой косынкой, крикнула:

— Догоняй.

Надя скрылась за кустарником и вдруг отчаянно взвизгнула. Багрецов бросил чемодан, пальто и перемахнул через трубу. Два десятка метров до первых кустов он пролетел как на крыльях.

Размазывая кровь по щеке, Надя с ужасом смотрела на сиреневый куст. Вадим хотел раздвинуть ветви, посмотреть, что же там могло быть, но листья на них оказались твердыми и острыми, будто жестяными. Он невольно сунул порезанный палец в рот и лишь сейчас догадался, что не льдом покрыт «мертвый сад»... Какая там гололедица! Блестящее стекловидное вещество обволакивало деревья и кустарник. По траве нельзя было пройти: она звенела и трещала, резала ботинки.

Надя боялась пошевелиться. Кругом колючие стеклянные ветки. Услышав всхлипывания, Вадим словно очнулся, обнял Надю и вывел на безопасное место.

Она оглянулась на «мертвый сад».

— Объявление хоть бы повесили. Фокусники.

Багрецов не мог подавить в себе любопытства. Непонятно, что же здесь произошло? На том месте, где он стоит, трава пожелтевшая, но совершенно нормальная. Засохший кустик полыни тоже обыкновенный. А чуть подалее все покрыто стеклом, как ледяной коркой.

Он окинул взглядом сад. Ближайшие деревья — акация, сирень. Еще какие-то декоративные растения. Жимолость? Кое-где на ветках блестящие сосульки. Пройдя несколько шагов, Вадим заметил желтый одуванчик. Осеннее цветение. А вот цветет: цикория, будто сделанный из стекла, лепестки голубые, прозрачные. Вадим тронул стебель ногой, он упруго сопротивлялся, потом со звоном лопнул, как стеклянная трубка. Багрецов нагнулся: у ног лежала застывшая лягушка с широко раскрытым ртом. Блестящая, она напоминала майоликовую пепельницу.

Надя, успокоившись, припудрила царапину и, не в силах сдержать любопытства, пошла к Вадиму.

Он слышал, как хрустит трава у нее под каблучками, надо бы пойти навстречу, но не было сил оторваться от этого необычного зрелища. На холодном гладком листе застыла стрекоза. Она уже никогда не взлетит, и прозрачные крылышки ее поистине стали стеклянными.

Страшный сад. Весна его никогда не разбудит. Он вечен в своей осенней красоте.

— Димка, смотри! Щегленок... — послышался жалобный голос Нади.

Он подбегает к ней, и Надя пугливо жметесь к его плечу. Возле куста, словно пытаясь взлететь, подняла крылья будто окровавленная красноголовая птичка. Сейчас она кажется раскрашенной фарфоровой статуэткой. Глаза, подернутые пленкой, раскрытый клюв... Наверное, в последние свои минуты хватала воздух в густом липком дожде. Багрецов догадывался, что распыленная масса, чем-то напоминающая жидкое стекло, падала сверху, обволакивая все живое в этом саду. Но зачем это нужно? Чья злая воля умертвила его? Дикое издевательство над природой, и простить этого нельзя.

Вадим оторвал от земли щегла, чтобы показать начальнику строительства. Сад обходили стороной. Надя совсем расстроилась, опасливо косилась на мертвую птичку, лежащую у Димки на ладони. Вадим молчал.

С этих пор он никогда не сможет назвать Надю Щегленком. Никогда.

ГЛАВА 3. НИКТО ИЗ ХИМИКОВ НЕ СЛЫХАЛ О ЛИДАРИТЕ

изненный опыт у Багрецова велик, но, постоянно общаясь с настоящими творческими людьми, он мог категорически утверждать, что это люди изумительной душевной чистоты. Ведь он жил с ними рядом, бок о бок. Однако он наблюдал и другое, не раз убеждался на опыте,

что в науке невероятно трудно отличить создателей от потребителей. Последние очень ловко маскируются. Попробуй раскуси их.

Итак, в институт, где работал Багрецов, пришла бумага из некоей организации, которая пышно именовалась НИИСТП (Научно-исследовательский институт строительно-технических проблем). Багрецову было приказано составить список телеметрических приборов для передачи на расстояние примерно таких показателей, как влажность, температура, механические деформации, — всего, что требуется строителям.

Багрецов составил список, взял приборы и на другой же день отправился «в распоряжение начальника ОКБ НИИСТПа товарища Васильева А. П.». Единственно, что знал Вадим, — стройка находилась где-то в Западной Сибири, вдали от крупных населенных пунктов — в неизвестных Вадиму местах.

Встреча с Васильевым не так уж волновала Багрецова. Начальник особого конструкторского бюро и он же руководитель строительства. Наверное, опытный администратор, погрязший в хозяйственных заботах.

Но как бы удивился Вадим, познакомясь с «опытным администратором» Васильевым и увидев его за столом в своем кабинете!

Васильев приходил на работу очень рано, когда его никто не мог беспокоить. Это время отдавалось самому главному. Тут формулы, колонки цифр, беглые рисунки, эскизы, собранные в толстой пронумерованной и прошнурованной книге, сухо именуемой «технический дневник». Прежде чем сесть за письменный стол, он долго, как хирург, мыл руки, вытирая их, придирчиво осматривал каждый палец — не осталось ли чернильных пятен — и лишь тогда брался за перо. Работал он с увлечением. Васильев боялся, что не успеет выложить все свои идеи, экспериментально доказать их плодотворность и все это передать людям.

Но вот когда ему, инженеру-механику по образованию, предложили руководить конструкторским бюро в институте, где решались проблемы строительства и где властвовали представители «чистой науки» — физики, химики, которые потом вынуждены были объединиться под флагом «физико-химической механики», то на первых порах он растерялся. Новая наука с огромной будущностью. Совсем недавно ее создали советские и зарубежные ученые. Как он сможет объединить

у себя в конструкторском бюро, которому приданы лаборатории и физиков, и химиков, и механиков, интересы ученых всех этих специальностей? Прошел месяц, и Васильев понял, что в лабораториях его КБ далеко не все жаждут такого сотрудничества, а потому и работа идет ни шатко ни валко.

С самого первого дня, как только Васильев переступил порог института, его стали считать несусветным чудачком. Но не потому, что, скажем, он оказался рассеянным, как принято думать об ученых, или встряхивал пробирку, говоря при этом: «Видите, что-то черненькое там белсет?» Не искал он и свою палку, висевшую на руке. У нового начальника были иные странности. Знакомясь с сотрудниками, он вызывал их поочередно в кабинет. Приходит к нему в назначенный час молодой диссертант. Васильев говорит, что просмотрел все его отчеты, диссертацию, и тут же с места в карьер советует оставить научную работу. «Таланта, — говорит, — у вас нет. Не мучайте себя и нас. Пока не поздно, займитесь полезным делом».

К новому начальнику многие молодые ученые стали относиться с уважением. Действительно — талант, и заслуг у него в прошлом достаточно. Но находились и другие. «При чем тут наука? Если ты инженер, то сиди на заводе, занимайся массовой продукцией. А здесь научный институт. Ученый выбирает себе тему и чаще всего работает над ней всю жизнь. Он однолюб, изучает тему до тонкости, пока не будет ее знать лучше всех. Только такой ученый, не заглядывая в справочник, может ответить, к примеру, какова звукопроводность пенобетона такой-то марки при минусовых температурах. А вы говорите «Васильев»! Что он может?» Перед войной Васильев конструировал танки, потом подводную установку для разведки нефти, наконец, пришел в строительный институт разрабатывать технологию массового производства домов. Все это были звенья одной и той же цепи.

В институт строительно-технических проблем Васильев попал не случайно. По существу, его направили туда как автора ценного и весьма оригинального изобретения, которое было необходимо срочно реализовать. Сборные дома, крупноблочное строительство, дома из новых материалов, в том числе из пластмассы, — все казалось пройденным этапом в сравнении с новизной васильевского изобретения.

К сожалению, дома, построенные по его принципу, должны обойтись довольно дорого — так же, как из пластика, потому что в состав быстротвердеющей массы, из которой делается дом, входит так называемый «лидарит» — синтетический материал, созданный двумя авторами, Литовцевым и Дарковым.

Доктор химических наук Литовцев руководил лабораторией, где разрабатывались некоторые синтетические материалы, необходимые для строительной промышленности. Эта лаборатория, где работал инженер Дарков, была несколько на отшибе от института, считалась «отдельной» и подчинялась только руководству НИИ. Будучи с Васильевым почти на равных правах, доктор химических наук не скрывал своего пренебрежения к инженеру-механику, который-де, ничего не понимая в химии, ставит невыполнимые технические условия. И летучесть, оказывается, у лидарита большая, и вязкость не та, и, главное, стоимость велика.

И сейчас пришлось милейшему Валентину Игнатьевичу прилететь к черту на кулички. Мало ли что!

Васильев сидел в своем кабинете — крохотной комнатусе сборного домика — и, неприязненно поглядывая на гостя, задавал себе один и тот же вопрос: зачем Литовцев летел в такую даль?

Не снимая пальто, Валентин Игнатьевич развалился на диванчике и, поглаживая лысину с темным венчиком волос, благодушно рокотал:

— Ну и грязища, я вам скажу... Пока ехал с аэродрома, думал, богу душу отдам. Трясет, мотает по ухабам, колдобинам. Но что поделаешь! Как говорили латиняне, «салюс публика — супрема лекс». То есть «общее благо — высший закон». Мой молодой соавтор товарищ Дарков изволили заболеть, вот и пришлось потрясти свои старые кости.

— Как спали? — спросил Васильев. — Устроились сносно?

Валентин Игнатьевич вытянул из рукавов жесткие манжеты с золотыми запонками, проверил, крепко ли они держатся, усмехнулся:

— Великолепно! Почти как в гостинице районного масштаба. Но, как говорится, «пер аспера ад астра». Через тернии к звездам.

Васильев поежился от холода и застегнул пуговицу на воротнике своей рабочей куртки.

— До звезд нам пока еще далеко. Задержались с монтажом, оборудованием. А зима уже на пороге.

— В этом ваша главная беда, Александр Петрович, — укоризненно проворковал Литовцев. — Масштабы не те выбираете. Ну зачем вам понадобилось строить здесь? Я, конечно, понимаю: патриотический подъем, освоение Сибири, целина, то, другое, третье. Но ведь мы с вами не комсомольцы. С нас и спрос другой. Силенки надо поберечь на более серьезные дела.

— Опытные и дальновидные люди, которых я глубоко уважаю, утвердили проект строительства.

— А кто его проектировал? — не без ехидства спросил Литовцев. — Кто настаивал, что надо строить примерно в этих местах? Проект вы обосновали убедительно. Для скоростного строительства материалов здесь нет, привозить их дорого. Климат, как говорится, резко континентальный, что важно для массовой проверки лидаритовых домов... Короче говоря, все это звучит веско. Но, дорогой Александр Петрович, первого успеха мы с вами уже достигли. Лидаритовый домик полгода находится в эксплуатации. Никаких нареканий нет. Почему вы не откликнулись на разумное предложение наших хозяйственников построить дачный поселок из лидарита для сотрудников института?

— Подождут. Здесь, где действительно рождается будущее, поселки нужнее.

Валентин Игнатьевич иронически поднял густые брови, похожие на черных гусениц.

— Страшнейший утилитаризм. А я-то считал, что будущее рождается в научных институтах. Разве мы с вами не на потомков работаем?

Ссылка на потомков не понравилась Васильеву. Он резко двинул стулом.

— Боюсь, что вы несколько ограничиваете понятие «потомки».

Литовцев не понял намек, откинул в сторону тяжелую палку и продолжал делиться своими мыслями:

— Вы изволили упомянуть, Александр Петрович, насчет ограниченности некоторых понятий. Вот и вас упрекают в том, что вы сознательно ограничиваете возможности вашего метода. Я, например, беседовал кое с кем из ученого совета, — он оглянулся на дверь. — Не буду конкретизировать, Александр Петрович. Ока-

зывается, многим не нравится ваша нарочитая приземленность. Дома-то у вас одноэтажные.

— Простите, Валентин Игнатьевич, — холодно произнес Васильев. — Вы не были на заседании совета, а потому повторили абсолютно неподходящее к данному случаю слово «нарочитость». Это давний спор, и мои позиции были подкреплены экономическими, техническими, эстетическими и всякими другими соображениями. У нас огромные пространства: степи, тундра, пустыни. Да и в других местах, где раскинулись колхозные и совхозные поля, люди хотят жить в хороших и — ближе к земле — удобных домах. Им не нужны высотные здания.

Литовцев снисходительно улыбнулся:

— Конечно, «вдвойне дает, кто дает скоро», — гласит латинская мудрость. Но мы, ученые, должны все предвидеть. Пройдет десяток лет — и советскую деревню уже не будут удовлетворять ваши низкорослые домишки.

— Почему?

— Почему? Неужели, Александр Петрович, вы не понимаете? — Валентин Игнатьевич уже начал сердиться. — Потребности возрастают! Скоро мы будем строить города в космосе. Население планеты в двухтысячном году увеличится, кажется, вдвое. Где столько людей можно разместить? А что делаете вы? Не знал я, сколь прозаическую роль вы уготовили нашему лидериту. Разработали великолепную идею и сами наступаете ей на горло. Ведь из лидерита можно строить величественные сооружения.

— Всему свое время. Сейчас я хочу построить только один маленький поселок. А потом и целый город.

— Одноэтажный?

— Вот именно. Кроме зданий общественного назначения. Город-сад, где много зелени, солнца. Несмотря на развитие техники, люди мечтают быть ближе к природе.

— Ну и что же? — Валентин Игнатьевич скорчил презрительную гримасу. — Въедут в ваши домишки новоселы, и хозяйки будут поносить начальника строительства Васильева за то, что нет чердака для сушки белья и в спальне не устанавливается бабушкин комод. Надо же знать их «модус вивенди» — образ жизни. Поймите, дорогой мой, что все это преходяще. Уже никто не вспоминает, что когда-то строился Волго-Дон,

Куйбышевская, Братская и другие гидростанции, что были первые целинники. Наука, а не дела остаются в вечности. Подумайте о будущем поколении ученых. Что скажут они, если в наших трудах не найдут ни величественных перспектив, ни путей, по которым можно двигаться вперед?

— Найдут, — уверенно сказал Васильев. — Над этим работают тысячи ученых. А новое поколение, и не только ученых, но и все наши потомки, на которых вы ссылаетесь, будут благодарны нам за то, что мы позаботились о них. Нам с вами многое дано... Иной раз размахнешься — такая фантастика в голову лезет, что прямо дух захватывает. Берешь карандаш, считаешь, чертишь... Потом опомнишься — ведь не это сегодня самое главное. Собираешь бумажки и прячешь в самый дальний ящик. Даже на ключ запрешь, чтоб соблазна не было. Придет время — займись.

Литовцев ласково погладил свою лысину, вздохнул.

— В вас говорит инженер, Александр Петрович. А вы попробуйте мыслить абстрактно, не примешивая сюда грубо утилитарную цель. Прошу извинения за пример из личной практики. Как был создан лидарит, тот самый пористый и легкий материал, образец которого вы сейчас изволите вертеть в руках? Известен и газобетон, и пенобетон, и пенопласты. Но в то время, когда я работал над «космической броней»...

— Я что-то слышал об этом, — перебил его Васильев.

— Да, о ней много писали, — небрежно подтвердил Литовцев. — Но это изобретение было несколько преждевременным... Так вот, именно тогда я поставил перед собой чисто теоретическую задачу создать совершенно новый синтетический материал, который бы обладал свойствами, отличными от всех известных пенопластов и прочих материалов. Я не знал, на что он будет пригоден, и только мой дорогой друг Дарков, ознакомившись с вашими техническими условиями, нашел ему применение. А мне, как ученому, совершенно безразлично, куда он пойдет — на строительство ваших домишек или на вокзал в космосе.

Васильев понимал, что все это поза, за которой скрывается беспокойство изобретателя лидарита.

Встретившись несколько раз с другим соавтором лидарита, Васильев убедился, что, несмотря на «теоретические предпосылки» Литовцева, все же Дарков яв-

ляется основным автором нового материала. Именно Дарков провел всю экспериментальную работу, создал технологию изготовления массы и мог, как достойный представитель физико-химической механики, консультировать опыты Васильева. Но консультантом оказался Валентин Игнатьевич — просто химик; ранее занимался пластмассами, но потом отстал, разленился, и овладение новыми, смежными отраслями науки ему казалось вовсе не обязательным. В технологии лидарита он смыслил очень мало, однако инженеру-механику Васильеву и такой специалист казался «богом». Ведь Литовцев все-таки разбирается в химических соединениях, знает, как действует та или иная добавка на прочность, вязкость, стойкость и прочие качества строительного материала.

— Сегодня мы произведем пробную заливку формы, — сказал Васильев и, передавая Литовцеву тетрадь с записями результатов последних экспериментов, спросил: — Вам это знакомо?

— Дарков мне ежедневно докладывал, — уклончиво ответил Литовцев и, снимая пальто, вздохнул. — Ну что ж, Александр Петрович, как говорят французы, «вернемся к своим баранам». Вас интересовала температура массы?

— Нет, Валентин Игнатьевич. Я хотел посоветоваться с вами, нельзя ли снизить давление.

Глубокомысленно нахмурившись, Литовцев вынул из кармана складную вешалку, повесил на нее добротное, кирпичного цвета пальто, застегнул на все пуговицы и, поискав на стене крючок, укоризненно покачал головой:

— Да, это не Европа. А что, если иностранцы нагрянут? Вам же краснеть придется, Александр Петрович.

— Мне не до шуток, Валентин Игнатьевич, — нетерпеливо проговорил Васильев. — Я хотел бы снизить давление, потому что боюсь вчерашней истории. Неважное начало.

Походив по комнате, Литовцев наконец повесил пальто на оконную ручку, стряхнул с него несуществующие песчинки и покровительственно улыбнулся Васильеву:

— Пора привыкать, Александр Петрович. В нашей жизни неприятностей хватает. А давление снижать не советую, потом на прочности скажется.

В дверь постучали, и сразу же на пороге появилась Надя Колокольчикова.

Протягивая на ладони словно облитую стеклом, мертвую птицу, Надя сказала с укоризной:

— Вот что у вас получается, Александр Петрович! И вам ее не жалко?

Васильев молча поднялся из-за стола, взял птичку и поднес ее близко к лицу, будто сквозь прозрачную твердую корку хотел согреть ее своим дыханием.

— Весь сад такой же мертвый, — услышал он незнакомый голос, повернулся и у двери увидел высокого курчавого парня.

У ног его стоял обшарпанный, выдавший виды чемодан с остатками бумажных наклеек. Васильев догадался, что это приехал вызванный из Москвы инженер по телеметрическим приборам.

— Багрецов, — представился тот, назвал институт, откуда приехал, и замолчал, видимо ожидая, что же скажут о «мертвом саде».

Васильев поздоровался и опять стал рассматривать птицу. Ее сжатые коготки, раскрытый клюв, слипшиеся перышки. Вадим смотрел на него неприязненно. Как он подробно изучает ее! Наверное, холодный, черствый человек. Можно подумать, что сейчас он решает, нельзя ли таким образом сохранять дичь. Ничего на лице не написано.

— Быстро схватывает, — наконец произнес Васильев, передавая птицу Литовцеву. — Так почему же, Валентин Игнатьевич, это не всегда у нас получается? Не взять ли другие пропорции?

— Попробуйте, Александр Петрович, — сказал Валентин Игнатьевич, подбрасывая на руке мертвого щегленка. — Я ведь не технолог, но мои теоретические предпосылки, подкрепленные экспериментальными данными лаборатории, говорят, что это оптимальный вариант. Конечно, если есть сомнения...

Вероятно, для того, чтобы замять неприятный разговор, тем более в присутствии посторонних, Васильев сделал неопределенный жест рукой и обратился к Наде:

— Я вас понимаю. Мне тоже жалко и сад и все другое, — он взглядом указал на щегленка. — Но случилась авария. Неизвестно почему лопнула труба.

— С жидким стеклом? — спросил Багрецов.

Васильев посмотрел на него виновато:

— Если бы так. Горячей водой из шланга смыли бы еще ночью. А эта штука проклятая, — он вытянул, как карту из колоды, из лежащей на столе стопки лидаритовых пластин одну, самую прозрачную, — не растворяется. Загубили мы сад, загубили. Что я теперь старику скажу?

Ни Багрецову, ни Наде ничего не было известно о неудачах Васильева. Что же касается Литовцева, то ему непонятны были сложные переживания начальника экспериментального строительства. А Васильев одну из неудач принял к сердцу особенно болезненно. В степи выбирали место для будущего поселка, натолкнулись на небольшой хуторок. Ветхая избенка и чудесный маленький сад. Этим «поместьем» владел старик пенсионер, бывший чабан. Когда старик узнал, что здесь будет строиться совхоз, попросил взять и его сад. Пусть сад будет первым в поселке. Васильев согласился, место для строительства оказалось подходящим. Избенку можно разобрать, а бывшему чабану дать квартиру в новом доме.

В саду был вырыт небольшой колодец. В нем находился коленчатый прозрачный патрубок для контроля текущей по подземной трубе летучей жидкости, что служила растворителем лидарита и заставляла новый синтетический материал быстро твердеть на воздухе. В патрубок был вставлен манометр, показания которого передавались на пульт управления.

Вся система работала нормально, но вот сегодня ночью Васильева разбудил глухой взрыв. Лопнул пластмассовый патрубок. Могучая струя ударила в крышку колодца, выбросилась вверх, послышался свист, как в нефтяной скважине, затем шум дождя. Крупные капли забарабанили по листве. Пока поняли, в чем дело, пока добежали до крана, чтобы перекрыть фонтан, тонны лидаритовой жидкости обрушились на деревья и кусты...

Быстро испаряясь, жидкость эта оседала на нижней поверхности листвы, на стволах, на ветках.

Уцелели лишь две сосны: туда не дошли едкие пары. Эти пары вызывали кашель, глаза слезились, люди могли работать только в специальных защитных масках.

Этот химический состав был пока еще очень дорог, сложен в производстве, лишь один завод взял на себя смелость изготовить несколько тонн реактива для лида-

рита. И тут такая авария. Хорошо, что хоть немного осталось для первых опытов. А то что бы делать? Вряд ли завод скоро доставит еще хоть одну цистерну.

После сегодняшней ночи этот проклятый летучий реактив, уничтоживший сад, стал особенно ненавистен Васильеву. Но как он сумел разорвать наипрочнейший пластмассовый патрубок? Ведь стенки патрубка проверялись на заводе под давлением, в несколько раз превышающим нормальное. Не мог же завод прислать сюда бракованную деталь. Надо вызвать представителя завода, пусть исследует причины разрыва.

— А что я старику скажу? — будто это было самым главным, произнес вслух Васильев и, заметив удивление в глазах Багрецова и Нади, спохватился: — Впрочем, вы же еще ничего не знаете. Идемте, я покажу, что делать.

Он предупредительно открыл перед ними дверь, затем, обратившись к Литовцеву, спросил:

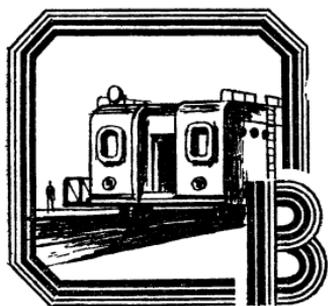
— А вы, Валентин Игнатьевич, не желаете высказать свои соображения?

— Нет, Александр Петрович. Это все детали. С вашего разрешения, я подумаю об основном. Кстати, уже назначена комиссия для расследования причины аварии?

— Я думаю пока обойтись экспертизой.

Литовцев снял с вешалки пальто и, многозначительно помолчав, равнодушно сказал:

— «Ад либитум». То есть как угодно, Александр Петрович. Вам виднее.

ГЛАВА 4. ЧТО ТАКОЕ СТРОЙКОМБАЙН?

Вадим молча шел за Васильевым, иногда помогал Наде перешагнуть через лужу или канавку и как бы невзначай поглядывал на большое металлическое сооружение, к которому они сейчас приближались. Вадим уже догадывался, что в нем-то и заключается особенность ва-

сильевского метода. Это, видно, какая-то сложная машина, а внешне напоминает гигантский вагон или автобус с мягкими обтекаемыми формами. Вместо окон у него овальные выступы. По бокам две двери с пристройками вроде тамбуров... Взгляд Багрецова скользнул ниже. Действительно, это автобус, видны солидные колеса, как у самых мощных самосвалов. Узорчатый рисунок от протекторов протянулся вдоль канала, через который Вадим сегодня утром перебирался с Надей. На участке, где стоял автобус, канал был забетонирован как внутри, так и по краям, а потому колеса покоились на прочном монолитном основании.

Васильев подвел Багрецова и Надю к самому краю канала.

— Подождите здесь, — сказал он и куда-то ушел.

Эта вынужденная задержка обрадовала Вадима. Он хотел поподробнее рассмотреть «домостроительную машину» и догадаться, на каком принципе она построена. Конечно, Багрецов не строитель и не механик, но человек достаточно понимающий в технике. Неужели он опытным глазом конструктора не сможет проникнуть сквозь стальные стены этого сооружения и определить, что же там установлено? Ближе подойти нельзя. У этого вагона или автобуса с боков выступали прямоугольные рамы, как бы отгораживающие всю конструкцию от любопытных.

Но как же проникнуть внутрь? Внизу под вагоном темнеют люки. Вот сейчас из люков выпрыгнули, словно парашютисты, пять человек в блестящих комбинезонах и защитных масках.

Один из них, с красным пышным шарфом на шее, поднял голову и, заметив Надю, приветственно помахал рукой.

— Кто это? — ревниво спросил Вадим, когда тот выбрался из канала.

Надя почему-то покраснела и передернула плечами:

— Откуда я знаю? Он же в противогазе.

Вадим хотел было сказать, чем же, мол, объяснить ваше смущение, дорогая Надюша, но не успел.

Загудела сирена, как у электрички, и автобус тронулся. Ничего особенного — на то и колеса. Однако колеса оставались неподвижными. Он двигался в другом направлении — поперек канала. Автобус словно разрезали вдоль оси пополам, и обе половинки сколь-

зили по рамам, удаляясь друг от друга. В шутку говорят, что автобус не резиновый, а тут он расширяется, пухнет. Слышался гул электромоторов, это они раздвигали стены автобуса. А что же внутри? Пустота? Нет, там нечто похожее на кремовую мякоть, как у банана. Медленно снимается с нее стальная кожура.

Да нет, это не мякоть, а твердая стена. Дом освобождался из формы, как кулич. Выпекли его — нате, пожалуйста! Пробуйте!

Вновь загудела сирена. И стальная форма, разъятая на две половины, двинулась вперед вдоль канала.

Прижав кулачки к подбородку, Надя смотрела на эту чудесную машину, и если бы не Вадим, то обязательно попала бы под раму.

Он вовремя схватил Надю за руку и оттащил в сторону.

Вадим осматривал цепким глазом конструктора только что рожденный дом. Нет, конечно, это не бетонное литье. Внутри нет никаких опалубок. Это ясно видно сквозь овальные окна. Значит, была только внешняя скорлупа — стальная форма. Она раздвинулась в стороны, и дом готов.

Крыша дома показалась Вадиму полупрозрачной. Ясно, что она не из бетона, а из того материала, который здесь называют «лидаритом». Наверное, и весь дом такой.

Под музыку сирены, как створки гигантской раковины, сжимались вместе две половинки стальной формы. Потом стальная форма отъедет еще дальше и оставит за собой второй свеженький дом, затем третий, четвертый... Так вырастет улица. Теперь понятно, зачем нужен был канал. Это длинный котлован, где уже заложено начало общего бетонного фундамента.

Не все было понятно Багрецову. Зайди он спереди «домостроительного агрегата», или стройкомбайна, — мог бы заметить фрезы, которые делали канал. Заметил бы Вадим и вибрационные трамбовки и такие же вибрационные смесители для разновидности песчаного бетона, который тут же приготавливался, чтобы по мере движения стройкомбайна можно было укладывать быстротвердеющий бетон. Основой его, вероятно, служил грунт, размельченный фрезами и виброустановками.

Ну и, конечно, впереди должна быть застекленная кабина водителя. В данном случае это вынесенный вперед пульт управления с приборными досками, телеэкранами и прочей техникой, так странно соседствующей с баранкой водителя, ножными и ручными тормозами. Можно было предполагать, что стройкомбайн должен иметь свою электростанцию, чтобы не тащить за собой электрокабель, но, пока машина не прошла основных испытаний, электростанция оставалась лишь в чертежах автора конструкции. Также в данном образце не предусматривались цистерны для раствора лидарита и бункеры для сыпучих материалов.

Все это пока подавалось по трубам и шлангам.

Целый комплекс работ был проделан научно-исследовательскими институтами страны, чтобы подготовить опыты Васильева. Васильев понимал, что даже для легких лидаритовых домиков необходим надежный, прочный и современный фундамент. Изобретатель пошел еще дальше. Он запроектировал общий фундамент для десятков домов, а довольно обширные подземные помещения предполагал использовать для теплиц, складов, гаражей и в прочих подсобных целях.

«Домостроительная машина» передвинулась на несколько метров вправо и замерла.

— Надюша, ведь это конвейер, — восторженно прошептал Багрецов. — Идет машина и оставляет за собой готовые дома. Ты вдумайся, что это значит.

— Две квартиры по три комнаты, только кухонь почему-то нет, — будто не слыша его, говорила Надя, представляя себе, как это все выглядит внутри. — Соседи хорошие.

Новорожденный домик понравился Наде. Он был уютным и веселым. Мягкие и, как казалось Наде, ласковые линии, необычные окна — не то овальные, не то похожие на телевизионные экраны с закругленными краями. Расположены они асимметрично, на разной высоте от земли, что, вероятно, продиктовано не только художественным вкусом, но и целесообразностью. По мнению Нади, окна в гостиной должны быть ниже, а в спальне приподняты. И далекое от стандарта расположение окон, и празднично оформленные входы — все это подчеркивало ту изящную простоту, которой должно отличаться удобное современное жилище.

Подошел Васильев и пригласил Надю с Багрецовым осмотреть лидаритовый дом и стройкомбайн, чтобы наметить точки, где будет установлена телевизионная и телеметрическая аппаратура.

Он критически посмотрел на снежно-белое пальто Нади:

— Боюсь, что на ваш рост комбинезона не подберут. Завернетесь в халат.

Принесли тяжелую, чем-то пропитанную хламиду, в которой Надя чувствовала себя отвратительно. Длинный халат волочился по земле. Надя пробовала его подбирать, но тогда подвернутые рукава спадали.

У входа в лидаритовый дом Васильев предложил надеть защитные маски.

— Штука малоэстетичная, — сказал он, передавая Наде нечто вроде противогаза. — Но без этого задохнетесь. Газ еще не выветрился.

Он быстро надел маску и прошел вперед, оставив Надю в печальном недоумении. Как эта штука надевается? Ни разу в жизни не пробовала.

Заметив, что Надя растерялась, Вадим пошутил:

— Не стесняйся, Надюша. Тебе все идет, — и помог надеть маску.

Васильев оглянулся:

— Прошу за мной. Только будьте внимательны.

Голос его, приглушенный маской, был чужим, в нем чувствовались настороженность и сдержанное волнение. Как не понять этого Вадиму! Он даже удивился, что Васильев повел их сюда сразу после опыта, который, как догадывался Вадим, имел существенное значение для дальнейшего развития васильевского метода. В таких случаях изобретателю хочется остаться одному, все оценить, взвесить...

Далекий от того, чтобы даже мысленно обидеть Надю, Вадим все же считал ее специалистом узкого профиля. Вот сейчас она смотрит на так называемую лидаритовую стену, проводит по ней пальчиками и вряд ли догадывается, что материал стены напоминает скорее всего газобетон, а не пенопласт. В институте, где работал Багрецов, встречались всякие материалы. Он вспомнил о пенопласте, из которого пришлось клеить легкую коробку с хорошей звукоизоляцией, чтобы заглушить жужжание прибора. Пенопласт мягкий, ножом режется. А здесь пористые, но твердые стены, будто сделанные из пемзы.

Вадим осторожно провел по стене ладонью. Поверхность холодная, гладкая, как стекло. Присмотревшись, можно заметить, что поры или ячейки просвечивают сквозь тонкое стекловидное покрытие, а полупрозрачный свод казался сделанным из сахара. Вероятно, это тот же крупноячеистый лидарит, но без твердого наполнителя, то есть чистая пластмасса.

Надя все время поправляла маску, и Васильев спросил:

— Трудно дышать? Ничего, скоро привыкнете.

Никогда Надя к этому не привыкнет, и вовсе не потому, что дышать трудно. Раздражала в маске металлическая нашлепка с дырочками. Ну точь-в-точь свинячий пяточок!

В разговоре с Васильевым Надя низко опускала голову и прикрывала безобразную нашлепку рукой, отчего дышать действительно было тяжело. Тот сочувствовал и оправдывался:

— Ничего не поделаешь. Летучий растворитель. Когда-нибудь избавимся от него.

Надя осматривала просторную прихожую новой квартиры, отметила ниши для встроенных шкафов. Удобно, ничего не скажешь. Комната направо, комната налево, за ней — третья. Только почему же все-таки кухни нет? Здесь вот, наверное, будет ванная, но никаких облицовочных плит: гладкие стены будто покрыты молочного цвета стеклом. Да и в комнатах такие же стены, только разных цветов. Полы окрашены — если здесь подойдет это слово — в цвет стен. А на самом деле они покрыты вроде как пластиком, хотя и это определение тут не подходит.

Квартира была почти готова, оставалось лишь вставить рамы, навесить двери да произвести еще небольшие отделочные работы. А водопроводные трубы, электропроводка? Неужели все это скрыто в стене? Надя решила, что и отопительная система тоже где-то там внутри. Чистенькая квартирка, ни строительного мусора, ни потеков краски на полу. Хоть завтра въезжай. Но странное дело. В самой большой комнате, которую Надя приспособила бы под гостиную, посреди пола чернела, как прорубь, дыра. Надя не утерпела и спросила:

— Александр Петрович, здесь будет погреб? Вот уж неудобно!

Взяв Надю за руку, отчего она смутилась и еще ни-

же наклонила голову, Васильев подвел ее к отверстию в полу.

— Потом это заделается. Но когда мы будем сооружать второй дом, в раздвижной форме, именно на этом месте, должна стоять ваша телекамера.

Тут Васильев рассказал о самом главном, чего с таким нетерпением дожидался Багрецов.

— Что мне нужно от вас? — говорил Васильев, попеременно обращаясь то к Наде, то к Вадиму. — Когда возводятся стены этого дома, внутри не должно быть ни одного человека. А контроль необходим. Я хочу собственными глазами видеть, что делается внутри формы, следить по приборам за всем этим сложным процессом. Мне нужно знать, как идет наслоение, контролировать толщину, прочность, однородность различных слоев. Многое зависит от температуры, влажности, давления струй... Сотни обязательных условий, не говоря уже о чисто химических реакциях, в которых я не искушен. Мне крайне необходима ваша помощь. Итак, телекамера будет стоять здесь.

Васильев указал на темнеющий люк посреди зеленого ячеистого пола и, выяснив у Нади ряд технических вопросов, обратился к Багрецову:

— Ваши датчики необходимо установить в стенках формы таким образом, чтобы непрерывно следить за технологическим процессом. Я уже распорядился, чтобы сделали отверстия в форме на разных наиболее ответственных участках. Потом мы с вами посмотрим чертежи.

Багрецова это несколько уязвило. Конечно, Васильев может поступать как ему заблагорассудится, но, прежде чем сверлить дырки в стальной форме, надо бы посоветоваться со специалистами в области телеметрии. А вдруг датчики не подойдут по габаритам или на них будет сказываться влияние магнитных полей? Что тогда? И, как всегда, со свойственным ему прямодушием Вадим признался, что чертежи надо было ему показать раньше, а самое главное, он не понимает существа дела, и если от него требуется сознательное отношение к работе, то для общей пользы он просил бы хоть кратко, но пояснить, за каким, собственно говоря, процессом необходимо наблюдать.

— Я же понимаю, — волнуясь, продолжал Вадим, — что это не обычный процесс литья или прессовки. Тут все гораздо проще...

Васильев жестом остановил его:

— Но если бы вы знали, сколько сложностей в этой кажущейся простоте! Теперь по существу. Вы нетерпеливы, мой друг. Прежде всего я кратко сформулировал задание, а сейчас постараюсь удовлетворить ваш законный интерес к тому, что происходит внутри формы. Потом, если захотите, можете ознакомиться с протоколами, отчетами и всякими другими бумагами.

— Очень хочу.

Надя ущипнула Вадима за руку, а Васильев, испытующе взглянув на него сквозь стекла маски, сухо заметил:

— Пожалуйста. Кстати, среди этих бумаг найдете инструкции и описания приборов, которые вы привезли. Я взял на себя смелость заранее подготовиться. Одну минутку... — предупредил он и, подойдя к стене, стал ее выстукивать.

— Что? Получил? — привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до Димкиного уха, прошептала Надя. — Я очень рада.

А чему тут радоваться? Действительно получил. И по заслугам. В самом деле, почему, зная принцип работы и характеристики прибора, его точные габариты в миллиметрах, необходимо было дожидаться великого специалиста Багрецова? Конструктору Васильеву лучше знать, где сверлить дырки.

Не замечая смущения Багрецова, — да и как заметишь под маской? — Васильев похлопал по стене и, на секунду задумавшись, обратился к Наде:

— Вы когда-нибудь видели краскопульт? Маляры, например, стены красят.

Надя растерянно пожала плечами. В ее маленькую комнату как-то приходили маляры белить потолок, но работали без всяких механизмов, обыкновенной кистью.

— Тогда как бы вам объяснить? — поглаживая дырчатую нашлепку маски, проговорил Васильев. — Краскопульт — это...

Багрецов пришел ему на помощь:

— Надя знает. Представь себе пульверизатор, только не для одеколona, а для краски.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Васильев. — Но в наших условиях мы разбрызгиваем не краску, а массу, напоминающую жидкий бетон, цемент. Мы вроде бы оштукатуриваем внутренние стенки фор-

мы, но постепенно накладываем слой за слоем, который на воздухе быстро густеет. Первоначально разбрызгивается тяжелая масса, она твердеет и становится очень прочной даже без железного каркаса. Потом накладывается основной слой лидарита, он похож на газобетон — легкий, звуконепроницаемый, прекрасный теплоизолятор. Так делаются стены.

— А потолок? А перегородки? — спросила Надя, невольно оглядываясь.

— То же самое. Сквозь этот люк, — Васильев указал на пол, — поднимается система форсунок. Она вращается. Струи жидкого лидарита ударяют в стенки формы, фонтаном бьют вверх и оседают на потолке. А перегородки делаются позже. Сейчас поймете как.

Васильев пропустил Надю вперед. Выйдя из сырого дома, она с облегчением сняла маску, вынула из кармана зеркальце и причесалась. А Вадим все еще никак не мог опомниться, позабыл о маске, думая, насколько просто и убедительно решается задача массового строительства. Ведь это же переворот в технике! Ведь васильевские дома, по существу, цельнолитые. Возможности производства их неограниченны. Интересно все-таки узнать насчет перегородок. Неужели они заготавливаются раньше, а потом вставляются внутрь? Это сложно. «Не очень изящное решение», как говорят конструкторы.

Васильев снова куда-то ушел. Вероятно, туда, где находились подсобные помещения. Ясно, что на строительстве должна быть компрессорная, где сжимается воздух, — иначе как же разбрызгивать лидарит? Должны быть специальные устройства для размельчения и размешивания массы, электроподстанция, диспетчерская. Да мало ли что! На голом месте, без подготовки, домишки не начнешь формировать.

Вскоре Васильев вернулся, — оказывается, он распорядился, чтобы внутренность стройкомбайна была открыта для обозрения. Обе половинки его стальной формы поехали в разные стороны, наконец замерли, и Васильев жестом предложил следовать за ним.

Однажды Багрецов видел док для ремонта судов. Нечто похожее представилось ему, когда он вошел на платформу стройкомбайна. С обеих сторон поднимались высокие стены с ребрами и сварными швами. В платформе было сделано несколько люков. В одном

из них торчала странная конструкция, напоминающая голую елку, но из металлических трубок. Как догадался Багрецов, это и были форсунки для разбрызгивания лидарита.

— Осторожно, — предупредил Васильев. — Дальше не ходите.

Снизу из длинной щели поднималась стена, сделанная из металлических блестящих полос. По этому принципу, но только из дерева, делаются крышки бюро, летние шторы, крышки детских пеналов и табакерок. Эта железная штора, разматываясь внизу под платформой, поползла вверх между двумя рельсовыми стояками и наконец остановилась.

Вадим оглянулся. За его спиной поднималась еще одна стена. В ней был вырезан прямоугольник двери. Между стенами находилась система форсунок. Не нужно быть специалистом, чтобы понять, каким путем делаются междукомнатные перегородки. Стальные шторы обрызгиваются лидаритом, а когда он достаточно затвердеет, шторы спускаются вниз. Потом форсунки перемещаются в другой люк, и через некоторое время уже готовы новые перегородки.

Принцип-то ясен, но еще многое было непонятно Багрецову. Почему, например, лидарит не прилипает к шторкам перегородки, да и вообще к стенкам формы? Если лидарит имеет усадку, значит, сам отходит. Или чем-то смазывают форму, как делают хозяйки с противнем. Это не проблема. Интересно устроены оконные «карманы», они забраны решеткой, — видно, на ней лидарит не оседает, а проскакивает, и его удаляют с наружной стороны формы.

Васильев подробно рассказывал Наде, как установить телеконтролер, чтоб осматривать стены. Лучше всего вместе с мощными фарами под форсунками. Пусть вращается. Надя усомнилась, будет ли что видно. Во-первых, с какой скоростью станет поворачиваться телекамера? Если быстро, то какой же тут контроль? Оказалось, установка вращается медленно. Во-вторых, сквозь пары, брызги ничего не увидишь. Но и тут Васильев успокоил Надю. Паров нет, газ летучий, прозрачный, а брызги — тяжелые, далеко в стороны не разлетаются. Во всяком случае, надо попробовать. Внизу под форсунками — мертвое пространство, там можно установить любую аппаратуру, и с ней ничего не сделается.

Дошла очередь и до Багрецова. Ему точно было указано, где надо подключить приборы, чтобы он вместе с монтером занялся проводкой.

— А разве основная электропроводка для освещения у вас пойдет по стенам? — спросил Вадим. — Я думал, она скрытая. Заранее делается.

— Несомненно. А вы хотите ею воспользоваться?

— Конечно, зачем же делать лишнюю работу.

Васильеву это понравилось. Смекалка у молодого инженера есть. Вся осветительная проводка в специальной изоляции подвешивалась на шнурах, для розеток и выключателей делались отводы, которые, после того как проводка оказывалась замурованной в стене, оставались свободными. К ним-то и хотел подключить Багрецов контрольные приборы.

Васильев махнул кому-то рукой, и через минуту перегородки ушли вниз. Он долго шагал по звенящей платформе, размахивая резиновой маской, зажав ее в руке и не зная, куда сунуть. Потом остановился возле Багрецова, спросил неуверенно, знает ли тот генератор ВГ-600, не работал ли с ним?

Еще бы не знать! Как свои пять пальцев. Это мощный высокочастотный генератор. Такими устройствами пользуются для быстрой сушки древесины, фарфоровых изоляторов и еще чего-то. Не так давно Багрецова командировали на один завод, где нужно было установить контрольные приборы, определяющие влажность в изделиях, их структуру и прочие параметры. Вот там-то и пришлось поработать с генератором ВГ-600.

Васильев спросил, сможет ли Багрецов проверить генератор, настроить. Да не один генератор, а целых шесть. Вадим поколебался и ответил утвердительно. Дело в том, что инженер, который должен ими заняться, не мог сейчас выехать, Васильев нетерпелив — уж очень хочется поскорее начать опыты по просушке стен токами высокой частоты: форма не будет простаивать, пока дом обсыхает — для этого нужно несколько дней, — а тут сразу же может заполняться лидаритом. Сильно сократится время строительства.

Было и другое, о чем Васильев умолчал. Он надеялся, что сушка токами высокой частоты позволит резко удешевить производство за счет применения водного раствора лидарита и навсегда освободиться от драгоценной летучей жидкости. Литовцеву в этом слу-

чае придется уступить свои позиции молодому инженеру Даркову, который, вопреки мнению уважаемого соавтора и начальника, продолжает работу по удешевлению лидарита. Лабораторные опыты уже кое-что обещали, и если бы не серьезная болезнь Даркова, — глядишь, и добился бы он успеха, пока начальник в командировке.

Слишком давит Литовцев своим авторитетом. Если уж он считает, что, кроме лидарита, ни один материал не подойдет для нового метода строительства, то и пытаться не следует. Это было известно всем сотрудникам института. Васильев все же решил поговорить с Литовцевым. Неужели лидарит незаменим?

ГЛАВА 5. ХОЗЯЕВА И «ВРЕМЕННО ПРОПИСАННЫЕ»

Васильев распорядился, чтобы Багрецова поместили в общежитие, пусть отдыхает с дороги, а затем займется генераторами. Но разве сейчас до отдыха? Вадим разыскал склад, где стояли ящики с аппаратами, вскрыл один из них и достал толстую книжку-инструкцию к пользованию ВГ-600. Ее надо изучить на совесть, чтобы завтра избежать возможных неприятных случайностей.

Наскоро пообедав, он, даже не раскрывая чемодана, сел на свою койку в общежитии и занялся инструкцией. Комната маленькая, на двоих, широкое окно, возле него раскладушка соседа, рядом тумбочка, на ней стопка книг по электротехнике, рамка с портретом молодой женщины с гладкой прической и большими, чуть испуганными глазами.

Долго читал Вадим. Стемнело. Он поискал выключатель, щелкнул, но свет не загорелся; что-то случилось на линии. Вадим чертыхнулся, сунул книжку под подушку и в ожидании света, сняв ботинки, лег не раздеваясь.

Вадим не мог отделаться от смешанного чувства радости и тревоги, вызванного впечатлениями дня.

Встреча с Надей. А Васильев? Какой своеобразный человек! И этот его стройкомбайн...

У Васильева почти нет людей на строительстве. Смешно сказать, за них воздух работает. В самом деле, сжатый до нужных пределов, он сначала разбрызгивает жидкий цветной лидарит № 1, чтобы при высыхании получилась твердая скорлупа стены и крыша, потом укладывает лидарит № 2, мелкопористый материал. Из него же создаются перегородки. Потом разбрызгивается стекловидный окрашенный лидарит, и отделка стен закончена. Даже полы настиляет сжатый воздух, разбрызгивая легкий лидарит (для тепла), а на него — прочный цветной пластификат; когда он застывает, он делается похожим на линолеум, а стоит гораздо дешевле.

Любопытен был Вадим. Сегодня он пришел к Васильеву и под предлогом, что это ему необходимо знать для установки контрольных приборов и генератора ВГ-600, подробно расспрашивал не только о начальной стадии производства, но и о том, что остается сделать для полной готовности дома. Он узнал, как устанавливаются водопроводные и всякие другие трубы. Их не нужно специально крепить, они надежно держатся в толще лидарита. Все это сильно сокращает и стоимость и время строительства. Отопление, а летом охлаждение домов производится с помощью полупроводниковых элементов, вделанных в наружные стены. Затем вставляются рамы, навешиваются двери — и пожалуйте, новоселы! «Домостроительная машина-автомат» — как ее мысленно назвал Вадим — движется дальше. Завтра у вас появятся соседи. Не скачайте.

Все это прекрасно. Но Вадим, как человек дотошный, расспрашивал обо всем. «Скажите, — интересовался он. — Здесь будет поселок, у каждой семьи квартира? А как построить общественные здания: поселковый Совет, школу, клуб, кино, театр, больницу? Ведь машина — вернее, ее стальная форма — тесновата».

Оказывается, Васильев это учитывал. Из одинаковых кирпичиков, созданных в «домостроительной машине», можно составить любые здания, вытянув их вдоль улицы, расположив по квадрату или в форме буквы П. Строить можно как угодно планировщику и архитектору. А вскоре, если опыт удастся, Васильев

сконструирует новую систему. Специально для зданий общественного назначения.

Вадим лежал с закрытыми глазами и видел, как «домостроительная машина», или, проще, стройкомбайн, ползет по степи, оставляет за собой одну, другую, десятую улицу, город. Потом комбайн разбирают, грузят на платформы и отправляют в другой район, где его ждут. А если сделать несколько таких машин, послать их не только на новые земли, а в пустыни, тундру, на Дальний Восток, в Арктику и там, в районах месторождений ценных руд и нефти, построить новые города?

Вадим открыл глаза. На стене отпечатались лунные квадраты, рябые из-за того, что стекла были забрызганы известью. «Надо бы вымыть, — лениво подумал он, рассматривая тени на светлой стене. — Похоже на кратеры лунные. Проецируются. — И тут же представил себе телескоп, с которого бы можно проецировать изображение на экран. — Нет, без электронного преобразователя ничего не выйдет, — света маловато».

Точно быстрое облако подкатилось к луне. Нет, какое там облако. На светлом квадрате четко выделялся силуэт. Человек прижался к стеклу, заглядывая в комнату.

Багрецов приподнял голову и замер. Бледное лицо, закушенные губы, раздвоенный подбородок. Лицо похожее на то, что видел в бинокль тогда на границе.

Человек чуть отступил от окна, затянул у подбородка шарф и, помедлив в нерешительности, исчез. Вадим лежал не шелохнувшись, шея затекла, руки онемели, тело не слушалось. И все же ощупью нашел под кроватью ботинки, надел один, еле попадая ногой, у другого запутался шнурок. Вадим рвал его зубами, подскочив к окну. Куда пошел, в какую сторону? Наконец выбежал, огляделся...

Тишина на строительстве. Луна освещала бетонную дорожку, похожую на широкую стальную ленту рулетки. Она терялась где-то в глубине. На столбах висели потухшие фонари, раскачивались от ветра. Кто знает, почему они потухли? А вдруг не случайно?

Вадим добежал до котлована. Никого нет. Спрыгнул вниз, чтоб пройти незамеченным туда, к стройкомбайну. За него Вадим больше всего тревожился.

Вот уже и бетонированный канал, фундамент нового дома. Послышались приглушенные голоса. Вадим замедлил шаги, перешел на теневую сторону, поднял голову.

Облокотившись на раму стройкомбайна, стоял тот, кого искал Багрецов, а рядом, совсем близко, — Надя. Никого не замечая, занятые друг другом, они о чем-то говорили вполголоса. Надя тихонько смеялась, шаловливо грозилась перчаткой.

Ничего не понимая, Вадим пятился назад. Неужели он видит того, с пограничного острова? И рядом с ним Надю.

Авария оказалась серьезной. На строительной площадке замелькали фонари. Как потом узнал Багрецов, дело касалось не только освещения. Остановились компрессоры, вибромельница, бетономешалка, все моторы стройкомбайна. Вышел из строя трансформатор на подстанции. Точно неизвестно, что с ним случилось, но, видно, его придется менять. А это долго и трудно. Ни завтра, ни послезавтра нельзя начинать новый дом.

Но это еще не все. К завтрашнему дню был подготовлен раствор лидарита, и если его не использовать сразу же, то он загустеет и станет негодным. Сделать новый раствор невозможно — не хватит растворителя. Целые тонны его буквально вылетели в трубу, лопнувшую вчера.

Даже на обыкновенном строительстве могут случиться две аварии подряд. Здесь же, где приходится иметь дело с новой технологией, пока еще практически не изученными, но лишь лабораторно испытанными материалами, — тем более. И все же эти аварии могли озадачить Васильева и насторожить Багрецова.

В смятении Вадим прибежал в свою комнатенку. Искать сейчас Васильева? Зачем? Об аварии он знает — люди уже бегают с фонарями. Предупредить, что видел подозрительного человека? Но если он здесь и мило беседует с Надей, значит, тут и работает. Его проверяли, прежде чем допустить к опытному строительству. Надо бы послушать, о чем он говорил с Надей, но это Вадиму показалось подлым, тем более что ей-то он верит. В школе еще вместе учились.

Вадим сидел на кровати, медленно раздеваясь, и думал, как поступить. А что, если пройти сейчас туда,

к Наде? Неудобно, получится вроде слезки из ревности. Лучше поговорить с ней утром. Он развязал галстук, повесил его на спинку кровати и, боясь передумать, быстро разделся и забрался под одеяло.

Луна светила прямо в глаза. Издалека прилетела девичья песня. Он закрылся с головой, приказал себе уснуть, но сон не приходил. Считал до ста, потом в обратном порядке, стал было подремывать, но за дверью послышались шаги. Видно, сосед по комнате. Придется знакомиться, начнутся разговоры... Лучше всего притвориться спящим.

Кто-то вошел, скрипнула дверь, потом щелкнул замок — ясно, что вошедший был здесь хозяином. Чиркнула спичка, запел выдвигаемый ящик стола. Вероятно, сосед достал свечку и зажег, потому что у Вадима засветилась тонкая полоска между одеялом и простыней. Любопытно, конечно, как выглядит твой сосед, с которым придется видеться каждый день, разговаривать, а возможно, и подружиться. Вадим легко сходился с людьми, особенно с теми, кто постарше. Он чуточку выглянул из-под одеяла. Человек стоял вытянув руки вверх — снимал не спеша рубашку. Обнажился впалый живот, выпирающие ребра. Рубашка поползла на голову — открылась шея, тонкая, худая, с левой стороны пересеченная красноватой полосой, возможно — шов после операции. Вадим поморщился, вспомнив, как ему недавно удаляли железы.

Сосед разделся, взял со стола ножницы, наклонился над свечой. Вадим чуть не вскрикнул. Так вот с кем он собирался дружить! Сосед, видимо, нервничал, ножницы дрожали в руке. Пламя свечи заметалось и погасло. Прежде чем вновь ее зажечь, он сломал несколько спичек. Потом подпоясался полотенцем, долго искал мыльницу, хотя она лежала перед глазами на тумбочке, и, не найдя ее, вышел за дверь. Через минуту вернулся с мокрым лицом, приблизился к столу и, глядя на огонь остановившимися голубыми глазами, стал рассеянно вытирать шею. С лица катились капли, а он водил полотенцем по сухому месту.

Показалось ли ему что-то, он вдруг в испуге сделал шаг назад, уронил стул. Стул упал с таким грохотом, будто в комнате выстрелили. Багрецов сбросил с головы одеяло.

— ...прощения, — услышал он глуховатый голос. — Разбудил? Это нехорошо.

При других обстоятельствах Багрецов не придал бы значения акценту. В национальных республиках не все хорошо говорят по-русски, и очень часто бывает, что человек всю жизнь живет в Москве, а родной язык все же дает о себе знать. Но тут совсем другое.

И все же он пробормотал вежливо что-то необязательное, вроде «ничего, ничего, пожалуйста», привстал на постели и протянул руку:

— Будем знакомы. Вадим... — он несколько замялся и, решив, что в данном случае панибратство ни к чему, прибавил: — Сергеевич Багрецов. Инженер.

— Я — Алеша, — сосед пожал руку и поставил стул на место. — Монтер, помощник.

Фамилию свою он не назвал.

Багрецов спросил:

— Вы только с работы? Товарищ... — он помедлил нарочно.

— Алеша, — подсказал сосед и, накинув на плечи полотенце, как женский платок, сел спиной к свету. — Работы нет. Авария.

Вадим поднял глаза к потолку, где висела лампочка без абажура:

— Свет?

Новый его знакомый сидел устало согнувшись, опустив руки на колени; ответил не сразу.

— Свет? — переспросил он и тут же добавил равнодушно: — Да, конечно. Трансформатор немножко испортить. Это он. Я знаю.

— Кто «он»?

— Чужой человек.

«Сумасшедший, — подумал Вадим, искоса поглядывая на коротко стриженную низко опущенную голову. — Или притворяется? Интересно, что он еще скажет?»

Но тот молчал; наконец, будто очнувшись, поднялся, откинул одеяло на своей постели и загасил свечу.

— Спокойной ночи, — сказал он, закутываясь потеплее.

«Гуд найт», — хотел было ответить Димка, но вовремя спохватился. Нельзя же допустить всерьез, будто столь наивного чудака послали к нам для диверсии, успокаивал он себя. Да ведь от него так и несет иностранщиной. Не хватало табличку на грудь повесить: «Я есть диверсант». Ерунда абсолютная! Уж те,

кого к нам засылают, знают русский язык. Возможно, «Алеша» политэмигрант? Завтра надо поговорить с Надей, вероятно, она его знает чуточку побольше.

Вадимом овладела скучная жалость к самому себе, она убаюкивала, а заснуть не давала. И присутствие соседа тревожило: спал тот беспокойно, тяжело, стонал, вскрикивал, бредил. Русские слова мешались с английскими. Так всю ночь до утра.

Невыспавшийся, злой, Багрецов с самого раннего утра бродил по строительству. Вошел в «мертвый сад».

Вот словно обледеневший столб. А это колодец, сквозь который проходила труба с прозрачным патрубком. Остатки патрубка увезли для исследования. От столба спускаются два провода. Не здесь ли произошло короткое замыкание?

Но что это? Среди колючей травы валяется блестящая ленточка провода, совсем не похожего на тот, что обычно употребляется в нагревательных приборах, в электроплитах например. Такой провод Вадим видел, когда чинил лабораторный термостат. Сразу же мелькнула мысль: а что, если таким проводом обмотать прозрачный патрубок и подключить к сети? Вполне вероятно, что он лопнет. Именно таким способом давно, еще в детстве, Вадим обрезал бутылки, чтобы получать из них стаканчики для гальванических элементов. Можно предположить, что кто-то подобным методом нагревал пластмассовую трубку. Сначала появилась трещина, а через некоторое время под давлением лидарита пластмасса лопнула. Так возник «мертвый сад». Кому это было нужно? Зачем?

Вадим сунул провод в карман и пошел к стройкомбайну. Там, опершись на раму, стояла Надя. На этом же самом месте вчера ее видел Вадим с «Алешей». Это имя он мысленно ставил в кавычки, иначе не мог. Помощник монтера надел его как защитную маску, а Надя этого не замечает. Надо бы предостеречь.

Небрежно поздоровавшись, Вадим тут же огорошил Надю вопросом:

— Вы сколько лет знаете некоего «Алешу»?

Надя удивленно вскинула брови. Этого она не потерпит. Возмутительно!

— А в чем дело? Вы-то знаете меня давно, — она тоже подчеркнуто обратилась к Димке на «вы». — Но это не дает вам права меня контролировать.

— Какой там контроль? Просто предупреждение.

— Может быть, объяснитесь? — На губах Нади застыла надменная улыбка. — Чем я так провинилась перед вами?

— Если бы только передо мной, — сказал Вадим и вдруг осекся. — А хотя бы и так. Не успели познакомиться с человеком. Кто он? Откуда? Никому не известно. А уже друг-приятель...

Надя звонко расхохоталась. Ей было весело смотреть на Димкину злость. «Бедный, не умеет он прятать свои чувства. Распетушился. Смешно! Лучше забыл бы все обиды — такой дружбой нельзя пренебрегать, — мог бы тогда и понять меня. Ведь я ни в чем ни капельки не виновата. Ты, конечно, очень хороший, давно-давно это знаю. А того, о ком спрашиваешь, я даже боюсь. Он для меня загадка».

Вчера, лишь завидев Алексея, Надя хотела бежать, но словно оцепенела, как щегленок красноголовый с поднятыми крыльями, застывший, молчаливый. Ждала, облокотившись на раму.

Алексей подошел и стал рядом. Может быть, искал слова, а Надя не хотела их, боялась. Лишь потом немного успокоилась и, чтобы скрыть тревогу, стала о чем-то рассказывать, весело и беззаботно. Однако все время чувствовала, что чужой он человек, непонятный. Всего лишь три дня его знает. Правда, видела в Москве, когда была у Васильева. Зашла в кабинет, а он молчаливо сидит у окна. С тех пор вспоминала о нем часто, наконец стала уже позабывать, и вдруг он встречает ее на станции! А потом... потом, неизвестно почему, каждый вечер вместе. Этот не Димка, рассказывать не умеет, красноречием не отличается, ни веселости в нем, ничего. Угрюмый, болезненный, о себе говорит скупое, больше о технике, о работе. И, как ни странно, Надю это интересует, хотя в электротехнике она понимает, во всяком случае, не меньше, чем помощник монтера. Неудобно было спрашивать, почему он так мало учился. Зачем напоминать о прошлом? Видно, Алексею это неприятно. Вся жизнь его здесь, на строительстве.

Вот и все, что Надя о нем знала. Глупенький Димка! О чем он может предупреждать? Что ему известно?

— Ты неискренна, Надюша, — уже другим тоном заговорил Вадим, шадя ее самолюбие. — Вчера вот на

этом месте человек с тобой поздоровался, я спросил, кто это, а ты ответила, что не знаешь. Нехорошо.

Надя нервно скручивала перчатку, злилась.

— Не придирайся. Тогда он был в маске.

— Он всегда ее носит.

— До чего же ты бестолков, Димка. — Надя резко натянула перчатку, и та лопнула. — Отстань от меня! (Как же тут не рассердиться? Лайковая. Совсем новая. Зашить трудно.) Что за претензии? Мало ли кто со мной здоровается!

— Опять хитришь, Надюша. Дело не в том, кто с тобой здоровается. Злись на меня сколько хочешь, но я не могу хитрить. Я прямо скажу... Вчера, поздно вечером, когда случилась авария, я был здесь...

— Подслушивал?

— Спасибо, Надюша, — Вадим низко наклонил курчавую голову. Завитки упали на лоб. — Спасибо на добром слове.

Он повернулся и зашагал вдоль рамы, скользя по ней рукой, будто по перилам крутой лестницы; он спускался куда-то вниз.

Обе половины стальной формы стояли далеко друг от друга. Электроэнергии на строительстве все еще не было, мотор стройкомбайна не работал и не мог соединить половинки вместе. Надолго ли это — неизвестно. Зрела обида, как тянущий нарыв, и вместе с тем мучила досада на себя. Надо бы смириться, все же он — мужчина, должен иной раз и уступить женщине, снисходительнее относиться к ее характеру, ошибкам. Не потакать, конечно, но вести себя сдержанно, по-мужски. А что сейчас получилось? Надюша в запальчивости сказала глупость, а ты фыркнул, как рассерженный котенок, и удрал. Теперь уже нельзя возвращаться, стыдно. Вадим досадовал на себя, что не спросил у Нади значение некоторых английских слов, услышанных сегодня ночью, когда сосед бредил.

А что, если махнуть рукой на обиду и вернуться? Пусть Надя переведет. Но тут Вадим вспомнил, с какой яростью у соседа вырывались слова. Не все они, наверное, переводимы, во всяком случае — девушкой. Да и знает ли она их?

Вадим посмотрел на часы. Наверное, Васильев уже в управлении. Надо, чтобы он разрешил перенести ящики с генераторами на место их установки. Пока можно обойтись без электроэнергии. Работы хватит.

Дверь в кабинет была распахнута, но Вадим не переступил порога. Он каким-то внутренним чутьем догадался, что Васильеву сейчас не до разговоров. Так оно и оказалось. Рассеянно покачивая ногой, Васильев сидел на окне, смотрел на бумаги, лежавшие на столе, и не хотел подходить к ним. «Не в бумагах нужно искать решение, — размышлял он. — Густеет лидарит, завтра его уже нельзя будет использовать. Все замрет на строительстве, а отсюда огромные убытки, химзавод не сможет быстро приготовить растворитель, да и поставить его сюда дело нелегкое».

Васильев решил спасти лидарит во что бы то ни стало. Единственное средство — подогреть его и сохранить теплым до тех пор, пока на строительстве не появится электроэнергия. Но беда в том, что в цистерне с лидаритом № 2 предусмотрен лишь электрический подогрев. Значит, ничего не выйдет. Электрочайник не поставишь на газовую плиту или керосинку.

Повернувшись к окну, Васильев увидел лежащие на земле цистерны. В них когда-то был растворитель лидарита. Ничего не придумаешь, придется перекачивать приготовленный раствор в эти цистерны и подогревать его нефтяным топливом. Сложно, хлопотливо, но только таким путем можно сохранить лидарит.

Он подошел к телефону, чтобы не теряя ни минуты отдать распоряжение, и тут заметил стоявшего в двери Багрецова.

— Вы ко мне? Что-нибудь срочное? — спросил Васильев и, не дожидаясь ответа, поднял трубку и назвал номер. — Валентин Игнатьевич? Уже проснулись? Хотел посоветоваться с вами. Какую мы должны поддерживать температуру лидарита?.. — Он слушал, и лицо его вытягивалось. — Неужели такой узкий интервал?.. Я понимаю. Но при чем тут терморегулятор? Ведь без электроэнергии его невозможно использовать. Хорошо. Жду. — Васильев бросил трубку на рычаг и опустился в кресло. — Слушаю вас, — сказал он устало.

Это относилось к Багрецову, но тот медлил. Ясно, что не вовремя он влез в кабинет. Опять какие-то осложнения. Нелегкое дело руководить экспериментальным строительством.

— Я хотел узнать... — виновато забормотал Вадим. — Я хотел сегодня перетащить ящики с генераторами. Или подождать?

— Чего ждать?

— Подстанция не работает. Потом... — Вадим не решался сказать, что нашел провод в «мертвом саду». — В общем, как тут быть? — закончил он.

— Готовить генераторы.

— А подстанция?

— Пусть это вас не беспокоит. Послезавтра начинаем.

Багрецов получил указания, к кому обратиться за помощью, и ушел.

Васильев уже вызвал из областного центра передвижную трансформаторную подстанцию. Энергия будет. Лидарит, или, вернее, его жидкую химическую основу, скоро начнут подогревать. Беспокоило лишь одно — как без терморегулятора поддерживать постоянную температуру. Литовцев доказывает, что она не должна изменяться больше чем на пять-десять градусов. Когда под цистернами будут гореть костры, попробуй точно отрегулировать температуру. Это тебе не электрический нагрев, а техника примитивная, кустарная.

Впрочем, Литовцев, наверное, преувеличивает значение постоянной температуры. Привык к лабораторной точности, осторожничает, перестраховывается. Но нельзя отмахнуться от его даже самых скрупулезных требований. Кто разрабатывал технологию лидарита? Кто изучал, исследовал растворы и смеси, поведение их при разных температурах? Конечно, доктор химических наук Литовцев, соавтор лидарита. Он, Васильев, не специалист в химии. Учил когда-то по школьной программе, немного в вузе. Читал, конечно, о наиболее важном. Но разве это знания? Вот и приходится в рот смотреть признанным авторитетам, ловить каждое их слово и часто принимать на веру.

Литовцев не заставил себя долго ждать. Пришел он свеженьким после крепкого сна, на гладковыбритых щеках пудра, лысинка розовая. Все в этом человеке говорило о безмятежном спокойствии, жизнью он был доволен. Авария его не волновала — обычный случай на производстве! Да, собственно говоря, она никак не может повлиять на судьбу лидарита. Еще под Москвой его великолепные свойства были проверены практически — в доме ни одной трещинки, стоит себе и будет стоять десятки лет. Здесь, на новых землях, что особенно важно — а это Литовцев хорошо понимал, хотя в разговоре с Васильевым зывал к чистой

науке, — тоже появился домик из лидарита. Весь вчерашний день лаборанты обследовали его, брали пробы с поверхности, измеряли твердость стен, исследовали их на звукопроницаемость, термоизоляцию, все, что требовалось по программе.

Литовцев прилетел сюда не один, а со своими лаборантами. Сейчас Валентин Игнатьевич торопил с составлением протоколов, желая выслать эти документы в институт как можно скорее.

Что там скрывать, за лидарит не исключена премия. Нет, Литовцева никто бы не упрекнул в отсутствии скромности. Не сам же он будет выставлять свою кандидатуру. На то есть ученый совет. Конечно, если спросят о Даркове, надо его поддержать. Человек преданный науке и, что самое главное, предан ему — руководителю лаборатории: никогда не подводил. Сейчас он, правда, возится с водными растворами лидарита, что может быть чревато неприятными последствиями — вдруг получится? Значит, новые испытания, дело затянется, и вопрос о премии отложится на неизвестный срок. Неужели Дарков не понимает, что рубит сук, на котором сидит? И, главное, не один сидит, а с начальником лаборатории!

— Как спали, Александр Петрович? — спросил Литовцев, здороваясь и, не дожидаясь ответа, веером разложил на столе протоколы. — Вот полюбуйте. Все пункты техусловий выполнены и перевыполнены. Поздравляю с успехом.

— Какой там успех, Валентин Игнатьевич! — Васильев собрал протоколы, отодвинул в сторону. — Надо спасать положение.

Он рассказал, что собирается подогреть массу, но его смущает предостережение Литовцева.

— И совершенно справедливо смущает, — согласился Литовцев. — Но, дорогой Александр Петрович, я не считаю возможным отступать от технических условий. Если мы будем кустарничать и разводить костры вместо соблюдения точных технологических требований, то я ни за что не ручаюсь. Изменится вязкость, прочность, усадка... Да мало ли какие сюрпризы нас ждут!

Он зашел с другой стороны стола и подвинул к Васильеву пачку протоколов.

— Здесь все сказано. Это нами завоевано; и уступать позиций не следует. Милый вы мой Александр

Петрович, я очень дорожу вашим именем талантливо-го изобретателя и руководителя. Но ведь «ноблес облиз», как говорят французы, то есть «положение обязывает». Представьте себе, какое впечатление может создаться в институте и в управлении, ежели второй дом, который мы здесь сделаем второпях, рухнет, покособится или начнет расслаиваться. Доказывай потом, что из-за аварии мы вынуждены были поступиться некоторыми требованиями в технологии. «А кто вам велел?» — спросят. И будут правы.

— Но ведь пропадают тонны лидарита!

— Разве мы в этом виноваты? Кстати, что говорит экспертиза о причине аварии на подстанции?

— Короткое замыкание возле распределительных шин. Временно их поставили вниз. Там же нашли лом, концы его оплавились. Как он попал туда, пока еще неизвестно.

— Странно, — Литовцев задумчиво погладил лысину. — Но я слышал, что испортился трансформатор. Как это могло случиться? Там же должны быть предохранители. В квартирах и то ставят пробки, чтоб при случайном замыкании не горели провода. — Он снисходительно усмехнулся. — Видите, Александр Петрович, химики тоже в электричестве разбираются. Больше того, мне известно, что существуют трубчатые предохранители. Я их в руках держал, рассматривал, даже исследовал. Правда, это было давно, но, помню, ко мне обращались с вопросом о более эффективной замене борной кислоты. Оказывается, ею пропитывают асбест. Когда плавится предохранитель, кислота испаряется и дуга гаснет. Так почему же здесь не сработали предохранители?

— Они были заменены другими, рассчитанными на больший ток. Назначена комиссия, будут разбираться, как это получилось. — Васильев торопливо посмотрел на часы. — Так вот, Валентин Игнатьевич, я прошу сделать все от вас зависящее, чтобы спасти лидарит, проследить за температурой, если возможно — снизить ее.

Чувствуя, что Васильева не переубедишь, Литовцев в раздражении встал и категорически заявил:

— Если хотите, Александр Петрович, то ваше требование бесчеловечно. Нельзя же ставить под удар и меня и Даркова, к тому же сейчас тяжело больного. Мы не можем отвечать за аварии. Здесь плохо органи-

зована охрана, и мы тут ни при чем. Надо усилить охрану. Немедленно!

— От своих квартирантов не убережешься.

— Это кто же такие?

Васильев упрямо сжал губы.

— Временные прописанные в нашем обществе. — Из-под волос его сползли на лоб морщины. — Слов нет, пробираются к нам разные мерзавцы посуху и под водой, прыгают с парашютами. Также есть враги, купленные здесь, на месте. Случаются катастрофы и аварии не без участия этих деятелей. Но чаще всего виноваты свои «временно прописанные». Кто они? Неразоблаченные дураки, которым нельзя поручить серьезные дела, равнодушные бюрократы, лентяи и ротозеи, наконец, самая страшная категория — мелкие шкурники и эгоисты. — Васильев поминутно поглядывал на окно. Должен был прийти диспетчер. Время бежит, лидарит густеет, а цистерны еще не подготовлены.

ГЛАВА 6. «КТО ЕСТЬ КТО?» ПОПЫТКА ВЫЯСНЕНИЯ

Валентином Игнатьевичем трудно было поладить; собственно говоря, Васильев к этому и не стремился. Однако сегодня вечером Литовцев опять пришел выяснять, нет ли чего нового в расследовании причин двух аварий на строительстве.

— Мне пока еще ничего не докладывали, — сухо ответил Васильев, просматривая очередную почту. — Экспертиза покажет.

Но, очевидно, не только за этим пришел Валентин Игнатьевич. Утренний разговор он считал незаконченным. Ему показалось, что Васильев ущемляет права консультанта и создателя лидарита. И сдобным, приторным голосом Валентин Игнатьевич начал жаловаться:

— Меня крайне возмущает странный утилитаризм, который проповедуется нашим уважаемым директором.

Дарков болен, а потому неудобно было отказаться, но думаю, что моя командировка сюда не совсем оправдана.

— Вы один из авторов, создатель нового материала. Где же вам быть? Тем более я не химик.

— Но и я не технолог. — Литовцев поднялся и отошел к окну.

— Так ли, Валентин Игнатьевич? — усомнился Васильев. — Неужели вы всерьез отмахиваетесь от технологии? Здесь же перспективы, будущее! Ну хотя бы в нашем строительном деле...

Литовцев выдавил на лице вежливую улыбку:

— Зачем спорить, Александр Петрович! Мы друга друга хорошо понимаем. Строительство ваших домиков — дело очень важное. Я, как и вы, заинтересован, чтобы все обошлось благополучно. Сделаю все, что от меня зависит. Но будем объективны. Скажите, пожалуйста, неужели вы уверены, что ваш метод строительства, ваша технология могут сыграть важную роль в развитии научно-технического прогресса? Ведь мы должны увлечь нашу молодежь гигантским размахом завтрашних дел.

— Вы непоследовательны, Валентин Игнатьевич, в своей гигантомании. Хотите увлечь молодежь мечтой о строительстве гигантских лидеритовых вокзалов в космосе и даже запланировали у себя в лаборатории работу об исследовании прочности лидерита при абсолютном нуле. А на Земле пока довольствуетесь построенным нами одним домиком. В ближайшие дни будем строить второй, а затем, как предел ваших земных мечтаний, вас вполне устроит здешний лидеритовый поселок в два десятка домиков. Я же думаю о сотнях тысяч таких жилищ.

— Дорогой Александр Петрович, я не о том думаю. Что там вокзалы в космосе?! И тем более ваши сотни тысяч человеческих жилищ! Мечта человечества обращена к нашим далеким братьям по разуму. Вполне возможно, что у них такая цивилизация, до которой нам еще о-го-го... Об этом пишут многие серьезные зарубежные издания.

— Простите меня, Валентин Игнатьевич, погряз я в текучке неотложных дел, но относительно инопланетной цивилизации тоже кое-что читал. Она ведь может быть и на уровне самого низшего порядка. Серьезные ученые

предполагают, что мыслящие существа могут представлять собой двухмерную пленку плесени.

— Ну а пульсары, квазары? — с ожесточением возразил Литовцев. — Ведь некоторые ученые обнаружили, что эти электромагнитные колебания могут быть искусственного происхождения. Их изучают уже много лет во всем мире.

— А каковы результаты? — с нетерпением спросил Васильев, скрывая иронию. — Пока это сомнительные гипотезы.

— А почему бы нам самим не проявить инициативу и не посылать сигналы инопланетянам?..

— Если они есть, — усмехнулся Александр Петрович. — Но такие энтузиасты, как вы, уже хотят создать специальные генераторы, отобрав для них энергию, равную чуть ли не всей мощности сибирских электростанций, и орать на всю вселенную: «Ау, отзовитесь!» Кстати, на каком языке, каким путем вы предлагаете посылать эти сигналы?

— Я читал об одном талантливом ученом... — неуверенно начал Литовцев, — он сейчас занят этим вопросом. Наверное, в любой галактике знакома геометрия, математические формулы... Но дело не в этом. Этот ученый обнаружил, что за последний год наиболее часто принимаются сигналы определенной частоты. Именно сейчас и надо, не теряя времени, создать соответствующие генераторы и регулярно посылать сигналы. Я уже кое с кем говорил о финансировании столь важного эксперимента. Ведь это же мировая сенсация! Разве мы можем отдавать пальму первенства зарубежным ученым? Ведь и они не дремлют. Помочь талантливому ученому я считаю, например, своим патриотическим долгом.

— Ну зачем же такие громкие слова? — Васильев поморщился. — Но думается мне, что священное понятие «патриотизм» в общегалактическом масштабе звучит по меньшей мере кощунственно. Помогите, пожалуйста, вашему ученому по собственной инициативе. Наше плановое хозяйство пока этого не предусматривает. Есть самые первоочередные задачи. Я лично считаю, что если связи с инопланетянами мы ждали миллионы лет, то подождем и еще немного.

Васильев встал из-за стола и подвел Литовцева к карте страны.

— Вы извините меня, Валентин Игнатьевич, — начал он, беря указку. — Так как нам нужно работать вместе и чтобы у нас не было расхождений во взглядах по данному поводу, хочу вот так, как на школьном уроке, рассказать, какие задачи перед нами поставлены и ради чего мы сюда приехали, — он обвел указкой весь север страны, захватил Западную и Восточную Сибирь. — Вот они, наши самые богатые пространства. Здешняя земля может давать девяносто процентов гидроэнергии, здесь чуть ли не все имеющиеся в стране запасы угля, цветных металлов, огромные запасы железной руды, нефти, леса. Пахотной земли в несколько раз больше, чем там, за Уралом, — он протянул указку в сторону хребта, затем нервной, дрожащей рукой обвел всю северную часть страны. — Здесь площадь больше девяти с лишним миллионов километров. И на каждый километр, как вы думаете, сколько человек приходится?

— Не занимался я как-то подобной статистикой, — с оттенком пренебрежения проговорил Литовцев. — Однако все же читал, что в небольших промышленных странах Западной Европы на один квадратный километр приходится примерно триста жителей.

— Вот видите. А у нас в северной части страны приходится на километр три четверти человека.

Васильев сел за стол и стал раскладывать перед собой, как пасьянс, разноцветные плитки лидарита, стеклоцемента, новых образцов пенобетона и газобетона. Затем, отложив в сторону одну из плиток, сухо произнес:

— Не будем спорить, сколь благородны стремления связаться с инопланетянами, но мы-то с вами приехали сюда для решения более конкретных задач. — Он смешал в кучу образцы стройматериалов и, указывая на них, добавил: — Вот они — наши основные дела.

Он стал разбирать почту.

— Это вам, — и передал Литовцеву толстый пакет.

— Разрешите? — вежливо спросил Литовцев, надрывая конверт. — Наверное, из лаборатории. Везде найдут, даже здесь в покое не оставят.

Он пробежал сопроводительное письмо к протоколу лабораторных испытаний и с опаской взглянул на Васильева: догадался ли тот, от кого письмо? А оно было

от Даркова: подрубленный сук, на котором тот сидел вместе с начальником, угрожающе потрескивал. Оказывается, Дарков слишком рано вышел на работу, еле ходил, но, пользуясь относительной свободой, в отсутствие руководителя лаборатории занялся своей бредовой идеей, то есть исследованием возможности создания водного лидарита. Это ему в какой-то мере удалось. Однако врачи не дремали и снова уложили его в постель.

Перелистывая страницы протокола, Литовцев видел колонки цифр и формул. Результаты лабораторных испытаний были многообещающи. Совершенно неожиданная добавка к цементной массе разрешила основные трудности, из-за которых приходилось пользоваться дорогим растворителем. Лидарит стал иным. Все, что сделал Литовцев, все его добавки, разработанный им сложный технологический процесс, основанный на летучем растворе, все это оказывалось лишним и ненужным.

«Лидарит, — с тоской подумал он, читая выводы протокола. — Никаких «ли», только «дарит».

Мысли путались, Валентин Игнатьевич бессвязно лепетал.

— Кому дарит, что дарит? Вот так подарок!

Нет, Дарков не осмелится отказаться от соавтора. Молод еще. Кандидатская диссертация впереди. Менять руководителя ему невыгодно.

— Что-нибудь неприятное? — будто издали услышал он голос Васильева.

Умел владеть собой Литовцев. Вопрос Васильева не застал его врасплох. С кривенькой усмешкой протянул ему протокол:

— Действительно неприятность. Оставил за себя Григория Семеновича Даркова, а он вместо плановых заданий черт-те чем занимается. Вот полюбуйтесь, «перпетуум-мобиле». Человек он грамотный, а пишет ерунду.

Васильев прочитал письмо, потом выводы на последней странице.

— А здорово! Ведь это почти бетон, и к тому же дешевый в новой технологии. Хотелось бы верить, что Дарков на правильном пути.

— Еще бы! Мне не меньше вашего этого хочется. Но... — Литовцев склонил голову и развел руками.

— Валентин Игнатьевич! Расскажите простыми словами, в чем тут дело? В чем коренная ошибка Даркова?

Литовцев подвинул стул и сел рядом с Васильевым.

— Извольте.

Васильев слушал его скупые, заранее обдуманые фразы и с грустью размышлял о том, что так же он может выступить и на ученом совете, на любом заседании, где бы ни рассматривалась работа Даркова. В доказательствах Литовцева он чувствовал фальшь, она вылезала на поверхность, чуть прикрытая научной объективностью, тоже нарочитой, как и все его поведение.

— Спасибо, Валентин Игнатьевич. Думается мне, что ваши доводы убедительны, — дипломатично заметил Васильев. — Стенки обязательно станут деформироваться, расслаиваться. Но мы будем сушить их высокой частотой. Попробуем? А?

— Пустая затея.

— Кто знает? Время у нас есть. Вы категорически возражаете против подогрева лидарита, опасаясь нарушения температурного режима. Пусть так. А предложение Даркова нам ничем не грозит. Оно сверхплановое. Выйдет? Хорошо. Не выйдет? Возвратимся к старому методу. — Видя замешательство Литовцева, Васильев решил быть настойчивее. — Очень прошу вас, Валентин Игнатьевич, лично проследить за подготовкой раствора по новой рецептуре, чтоб не перепутали чего-нибудь.

Литовцев двумя пальцами, точно боясь испачкаться, взял протокол.

— Неумный вы человек, Александр Петрович. Не жалеете себя. Берете лишнюю обузу. Придется отчитываться за повышенный расход материалов, рабочей силы. Кстати, — он подчеркнул строку в протоколе. — Тут есть разные добавки. Например, неизвестно, зачем Даркову потребовался алюминат бария, который в данном случае абсолютно не подходит... Нет, на вашем месте я решил бы иначе. Лучше попробовать спасти лидарит, чем заниматься голым эмпиризмом. Вы ставите меня в страшно неловкое положение. Я обязан поддерживать ваши заблуждения, испытывать эту чепуху, — он с усмешкой ткнул пальцем в протокол.

Задав несколько деловых вопросов, он направился к двери, но задержался. Вошел Багрецов и, неумело пряча волнение, спросил Васильева, нельзя ли вместо шести генераторов обойтись пятью.

— Я еще не все проверил, но, думаю, остальные в порядке, — сказал он, вытаскивая из кармана сломанную ось и протягивая ее Васильеву на ладони. — От переключателя. Разрешите попросить в мастерской совхоза выточить новую. Но все концы придется отпаивать в переключателе, снимать верхнюю панель...

Васильев взял обломки оси, невольно соединил их вместе и аккуратно положил на стол.

— Новое дело. Как же это получилось?

— Наверное, уронили.

— Во время перевозки?

— Не думаю. Генератор был в двойной упаковке.

— Значит, здесь. Когда вынимали из ящика. Кто это делал?

Багрецов не ожидал, что Васильев будет так подробно расспрашивать о пустяковом случае. Ну сломалась и сломалась. Копеечное дело. Пришел узнать о пяти генераторах и спросить разрешения заказать ось, а выходит, что наябедничал. И, главное, на кого? На человека, которого можно заподозрить в других, куда более страшных делах. Ужасно неприятно — фактов никаких, а сердце болит. Скажи сейчас, что генератор вынимал из ящика помощник монтера, и выйдет очень некрасиво. Совестно перед собой и перед Надей. Если узнает — а узнает она обязательно, — скажет, что столь мелкой мести не ожидала от друга. Вот противная история! Но и «Алеша» был противен Багрецову. Он суетился, совался не в свои дела, все хотел сделать сам — ящики дотащить, и вскрыть их, и гвозди выдергать. Согнувшись, хрипел под тяжестью ящика, а двое подсобных рабочих такой же ящик спокойно несли, взявшись за края, не понимая, чего это парень так надсаживается. Больше всех ему нужно, что ли? Силенки в нем кот наплакал, а туда же, в грузчики лезет. Занимался бы своими проводами.

Но и здесь ему не терпелось. Землекопы рыли канаву для кабеля, и тут же помощник монтера работал в несуществующей должности помощника землекопа, орудовал ломом и лопатой. Бухту тяжелого кабеля поднять не мог, катил через весь двор, задыхаясь и кашляя. Когда не было своего дела, этого помощника видели у бетономешалки, у склада, где он разгружал машину с бутылками кислот и других реактивов. Какие грехи замаливал странный подвижник столь непосильным ему трудом?

— Кого вам дали в помощники? — спросил Васильев, чувствуя замешательство инженера.

Если б это знал Багрецов! Да и не только он — вероятно, никто не догадывается об истинном лице этого помощника. Пока пришлось ответить, что зовут его Алеша.

— Да, это, конечно, не та кандидатура, — заметил Васильев, нахмурившись. — Никакого у парня опыта. Неизвестно, что с ним делать.

— А вы его знаете?

Васильев скупно улыбнулся:

— Хотелось бы. Это мой сын.

Надя всегда обходила стороной «мертвый сад», боялась его и, уж конечно, ни за какие блага в мире не пошла бы туда поздним вечером, пусть даже не одна, а с Димкой, верным рыцарем и нежным другом. Но сегодня она и не заметила, как очутилась на скамейке «мертвого сада». Рядом сидел не Димка, а чужой человек, но такой, что, если бы он протянул ей руку, пошла бы за ним хоть в тайгу, куда угодно, пешком на своих высоких каблуках.

Скамейка блестела под луной, покрытая будто стеклянной коркой. На дорожке — нерасплескивающиеся лужицы, осенний ветер проносится над ними, даже не тронув рябью.

Наде холодно, она прячет ладони глубоко — до самых локтей — в рукава, вздрагивает и еще ближе придвигается к Алексею. Нехорошо, конечно, стыдно, но что поделаешь, если он не понимает, что надо взять ее замерзшие ладошки и отогреть своим дыханием.

Сегодня она услышала грустную Алешкину повесть, и стал он от этого еще ближе, роднее. Сколько перенес, сколько вытерпел! Какими смешными кажутся теперь ее мелкие горести, обиды, неудачи. Даже совестно за них. Она бы не выдержала, умерла, если пришлось бы испытать хоть десятую часть Алешкиных невзгод. А он все вытерпел.

Алексей родился в Ленинграде. Помнит, как мама водила его в детский сад мимо бронзовых коней на мосту, мимо Дворца пионеров. Папа и мама уехали в командировку на все лето. А детский сад вывезли на морское побережье Эстонии. Это было летом сорок первого года. Началась война, неожиданное нападение врага не позволило вывезти всех ребят вовремя,

часть из них осталась в оккупации, в том числе и Алексей.

Ребят увезли в Германию. Алексея отдали на воспитание фермеру. Чистить птичники, делать самую черную работу. Он сбежал. Долго бродил по лесу, его поймали, высекли и отдали другому фермеру. В конце войны Алексея перевезли в Западную Германию, где он попал к американцам. Держали его в лагере для перемещенных лиц, говорили, что вот-вот отправят на родину, но дело это слишком затягивалось. Мальчишка оказался строптивым. Тогда его в числе таких же решили убрать подальше. Привезли в Южную Америку.

— Пальмы, бананы. Очень жарко, — рассказывал Алексей. — Потом много кар... грузовик по-русски. Ехать много. — Алексей с трудом подыскивал нужные слова. Смушался, сжимал пальцы до хруста, до боли.

Надя, зная английский язык, приходила ему на помощь.

Среди тех, кого вывезли из Западной Германии, были и подростки вроде него, и взрослые разных национальностей: русские, поляки, чехи. Кого соблазнили посулами, а кого взяли и угрозами, шантажом. Всех их расселили далеко друг от друга. У негров Алексей научился английскому, но говорил еще очень плохо. Бежать было трудно. Мечтал пробраться в портовый город, а там проскользнуть на торговый корабль, отправляющийся в СССР. Но до порта Алексей не добрался. Несмотря на полуголодную жизнь, побои и болезни, вытянулся он здорово, возмужал. Когда, измученный после многих дней тяжелого путешествия, Алексей появился на улице какого-то пыльного городка, подошел полисмен и вежливо препроводил путешественника к шерифу. Потом пятиминутный суд, и в результате — тюрьма за бродяжничество.

Алексей говорил, закрыв глаза, раскачиваясь, будто мучился острой болью, не зная, как утихомирить ее.

Выпустили его из тюрьмы, в кандалах отправили обратно к плантатору отрабатывать долг. Терпел, мучился и опять сбежал, но в другую сторону. Стал работу искать. «Джаб». Пытался собрать денег на дорогу в порт, хоть одеться немножко. Оборванный ходил, босой. «Трэмп» — бродяга. Никто на работу не принимал, собаками травили. Ничего не умел делать Алексей. Сборщик бананов, ананасов, ломка табака — разве это про-

фессия? Мускулы слабые, желтый от малярии, тощий. Кому нужны такие работники? Страшился тюрьмы, а сесть он мог прочно, если дознаются о его происхождении. «Красный» — и все тут. Была еще и другая причина, из-за которой Алексей молчал. Он не мог назваться советским. Разве такие бывают советские люди? Ведь он обыкновенный бродяга, неграмотный, грязный, оборванный. Он не имеет права позорить свою родину. Никогда. И Алексей Васильев, едва научившийся читать по складам — как давно это было! — уже начал позабывать русскую речь, сторонился людей, а потому почти не знал и чужого языка. Вера в спасение оберегала замученного юношу от тупой покорности животного. Он часами смотрел на звезды и думал о том, что только они связывают его с родиной, так же сияют над ней. Однажды под вагонами приехал в порт. Сколько раз по дороге его снимали, били. А он опять цеплялся...

И вот наконец Алексей оказался в большом порту. Он не помнит, в каком. Кораблей много. Наверное, и советские были. Спрашивал у матросов, какой корабль идет в Советский Союз, никто не отвечал, смотрели подозрительно. А вдруг кто-нибудь заговорит по-русски? И вот услышал: какие-то двое, хорошо одетые, выходили из ресторана. Он бросился к ним — обнимает, плачет, просит увезти домой. Один ударил, Алексей упал на камни затылком. Больше ничего он не помнил. Очнулся в тюремной больнице. Откуда ему знать, что не все русские могут помочь, что есть и такие, которые живут в чужом доме, работают на чужих. Алексей опять оказался в тюрьме за оскорбление американского подданного. Алексей тоже считался американцем, их вечным должником. В тюрьме узнали, что он не отработал своего долга на одной плантации, хотели отправить обратно, но парень был настолько болен и слаб, что босс не захотел его кормить задаром. Но раз боссу держать парня невыгодно, то и другим — тоже. Пусть идет на все четыре стороны. Так Алексей Васильев стал «свободным американцем». Все прошлое забыто.

«Теперь ты Вильям Джеймс, тебе прислали паспорт американского гражданина, — сказал ему шериф с лиловыми ушами. — В надежном стальном сейфе хранится документ с твоей подписью. Разве ты не просился в Штаты, не подписывал договора с представителем уважаемой фирмы? А вот и другой документ — расписка

в выдаче тебе ста пятидесяти долларов. Никто не виноват, что ты их потерял. Хозяин поступил с тобой чертовски великодушно, он взял на себя все убытки по переезду. И даже долг простил. Ты же договор не выполнил! Теперь иди, постарайся стать настоящим американцем. Знай, что наша страна — страна величайших возможностей. Начинай свой маленький бизнес. Не хочешь? Дело твое. Но может быть, ты вздумал обратиться в советское консульство или даже посольство? Не советуем. Изменников родины там не очень-то жалуют».

Напрасно беспокоились полицейские. Ничего бы этого не сделал Алексей. Не только писать, читать мог с трудом. Ни одной русской газеты и книги он не видел. Учился читать по-английски, когда бродил по дорогам. Всюду попадались рекламные щиты с кричащими названиями сигарет, виски, мыла, зубной пасты... Подбирая газеты на улицах — а ими были усеяны все тротуары портового города, — Вильям Джеймс учился читать, как человек, впервые познавший могучую силу печатного слова. В сознание, по сути, большого ребенка, каким и был Алексей, вошли не только реклама, хроника убийств и великосветских скандалов, а и ложь, грязная ложь о его родине. Война — жадное чудовище, превратившее его в голодного раба, — опять поднимала голову. Газеты полнились клеветой на Советский Союз. Всюду он видел сплошной обман. И там, у босса на плантации, в полиции, в тюрьме, всюду — и на рекламных щитах, и в книжках, где точно рассказано, как нужно обманывать, чтоб заработать миллионы. В газетах, где с восхищением описаны подвиги жуликов и пройдох. Все держится на лжи: человеческие права, демократия, закон. Даже богиня правосудия Фемида — женщина с весами и повязкой на глазах, нарисованная в газете, — как подумалось Алексею, лишь потому завязала глаза, чтоб не смотреть, как люди обманывают друг друга.

Опять, пешком или прицепившись под вагонами, добрался в другой порт. Негры грузили мешки с мукой. А вдруг корабль идет в Европу! Все равно куда, лишь бы поближе к дому. Надсмотрщик зазевался, Алексей взял мешок и пошел по трапу в трюм. Спрятался там, всю дорогу питался мукой, воду пил из пожарного шланга. Нсизвестно, сколько дней просидел в темноте. Боялся ослепнуть. Но вот в трюме открыли люки, стали

разгружать. В первый момент он ничего не видел; даже спрятаться не успел. Опять поймали — что же он мог сделать? — а когда вывели на палубу, перед ним выросла из тумана страшная зеленая баба — статуя Свободы. Так он попал в Нью-Йорк.

Дальше о своих мытарствах в «американском раю» Алексей рассказывал очень скупо. Видно, это были самые тяжелые для него дни. Надя представляла себе ужасную судьбу безработного американца, читала в книгах и газетах, но вот теперь с ней рядом сидит человек, испытавший подобные мытарства. Поверить невозможно! Само понятие безработицы никак не укладывалось в голове. А у Алексея руки истосковались по труду, он рвался на родину, больше ничего он не хотел; заработать на проезд, чтобы подкупить кого-нибудь на корабле, — ведь так просто его не выпустят — невозможно. Здесь никому не нужны его руки. Всюду, куда ни ходил Алексей в поисках работы, висели таблички: «Рабочих не требуется».

Страшный город. Страшные трущобы, воровские притоны, каждый день грабежи и убийства. Ночью не уснешь от дикого визга сирен полицейских машин. Алексей решился на обман, которому здесь учили всех с самого детства. Случайно, из обрывка газеты, он узнал о существовании советского консульства. Но где оно находится? Однажды возле торгового порта увидел машину с советским флажком, побежал за ней, не догнал, конечно. С тех пор, когда появлялся в этом районе, уже чувствовал на себе пристальные взгляды полисменов. Не ходить в порт он не мог — теплилась надежда, что удастся встретить советский корабль или какой-нибудь другой, чтобы добраться на родину. Но за бродяжкой следили, даже близко не подпускали к кораблям. Надо было придумывать что-то похитрее.

— Трудно. Очень! Только я очень-очень хотел обмануть полисмен, — проговорил Алексей и, услышав в саду треск ломающегося стекла, резко повернул голову.

По аллейке шел, понурившись, сосед его по комнате, большой друг Нади, в чем она сама признавалась.

— Добрый вечер, — пробормотал, не глядя на них, Багрецов.

Надя подавила в себе неприязнь к Димке и со светской любезностью улыбнулась:

— Присаживайся, Димочка, милый. Тебя нам очень не хватало.

Он не понял, смеется Надя или говорит всерьез, застыл не шелохнувшись, чувствуя себя еще хуже.

Алексей все понял по-своему и не хотел быть лишним.

— Гуд найт... покойной ночи. Холодно. Пойду. — Он дотронулся до Надиной руки, кивнул Багрецову и ушел.

Надя хрустнула пальцами и, когда Алексей исчез в темноте, сказала горячим шепотом:

— Знаете ли, товарищ Багрецов, кажется, я скоро вас возненавижу.

Вадим хотел бы объяснить, что не виноват, что попал сюда случайно, но, вспомнив, что это уже во второй раз, пожал плечами и зашагал прочь.

ГЛАВА 7. ДЕНЬ СПОРОВ И ССОР

Сегодня большой день на строительстве. Из города прибыла передвижная трансформаторная подстанция, и все заработало полным ходом. Раздвинулись стенки стройкомбайна. Багрецов и Надя проверяли в нем свои аппараты.

Правда, Димка не мог сейчас сказать, где аппараты свои, а где чужие. В первую очередь он должен отвечать за генераторы ВГ-600, к которым не имеет прямого отношения. Возможно, другой бы потребовал, чтобы начальник строительства послал телеграмму на имя директора метеоинститута с просьбой разрешить инженеру означенного института заняться неполюженными в данном случае аппаратами. Но Димка, как говорится, проявил необходимую инициативу и обязался помочь наладить высокочастотную сушку лидаритовых стенок внутри стройкомбайна. Работал Вадим молча. Хотелось переброситься словечком с Надюшей. К тому же мучило любопытство. Ведь она все знает об Алек-

сее. Но после вчерашнего Надя с Димкой не разговаривает.

Она пристраивала маленькую — не больше коробки от ботинок — телекамеру к форсунке, крепила ее специально заказанными для этой цели хомутиками, но делала это неумело, придерживая камеру коленом, чтоб освободить руки. Некуда было девать отвертку, она ее зажала в зубах, а потом, когда понадобилось взять, не могла: обе руки были заняты хомутиками и винтами. Видимо, после истории со сломанной осью Алексея перестали сюда допускать. А он бы, конечно, помог.

Щелкая переключателями на панели генератора, Вадим исподлобья наблюдал за Надей. И вот Надя чуть не выронила камеру, Димка успел подхватить ее.

— Одна не справишься, Надюша. Разреши?

Надя не ответила. «Пусть помогает, — решила она, — но это не значит, что я простила вчерашнее. Он еще у меня попрыгает».

От телевизионной камеры змеился блестящий кабель, который нужно было протянуть дальше через дорогу. Здесь часто проходили машины, подвозившие к стройкомбайну разные материалы и полуфабрикаты. Именно поэтому было целесообразно вести кабель под землей, для чего следовало предварительно вырыть канаву. Обычно это делалось канавокопателем, но в данном случае он не мог здесь пройти — мешала рама домостроительного агрегата. Кстати, не всюду можно рассчитывать на машину, руки еще ой как требуются! Придется копать лопатой, вручную. Это не входило в обязанности электромонтеров, которым поручили проложить кабель. Послали за подсобными рабочими, но, оказывается, они уехали за каким-то грузом на станцию. Непредвиденная задержка.

Надя нервничала, боялась, что не успеет сегодня проверить аппараты, а откладывая это дело на завтра не хотелось. Мало ли что? Вдруг какой-нибудь сюрприз? Техника для нее новая, сразу не разберешься.

Алексей еще утром знал, что для Надиных аппаратов нужно подвести кабель. Как бы хотелось показать Наде свою работу, пусть не очень большую и важную, но все же необходимую, без нее нельзя включить телевизоры, которыми будет управлять Надя. Одного не

учел Алексей, что кабель пойдет не на столбах, а понизу, работа легкая, а потому прямой Алешкин начальник — монтер Макушкин Семен Алексеевич, у которого он состоит в помощниках, взял эту работу на себя, а своего подчиненного послал менять изоляторы. Правда, участок маленький, но все же висеть на когтях, вцепившись в столб, куда менее приятно, чем ходить по земле.

Желая сделать возможно больше, Алексей всегда торопился. Часто не все у него получалось как надо, приходилось начинать сызнова, но он не признавал усталости, даже когда тело ныло, чувствовалась боль в каждой жилочке, руки опускались как плети, его исцарапанные, с ожогами, в пятнах неотмытого асфальтового лака руки. Лишь они и дают Алексею право чувствовать себя полезным.

Он втайне завидовал своему ровеснику Макушкину. Вот кому повезло! Был колхозником, потом поступил на фабрику учеником токаря, затем на курсы электриков, оттуда его послали на завод монтером; года два проработал — и вот он уже здесь, на целинных сибирских землях. Правда, его направили в совхоз, а он почему-то попал на опытное строительство. Но и здесь люди нужны, дело не маленькое.

Что особенно привлекало Алешу Васильева и почему он так завидовал судьбе своего ровесника — это возможность познать и труд землепашца, и токаря, тянуть провода, паять, разбирать и чинить моторы, если нужно — выточить подшипник, заварить лопнувшую станину. Все это умел делать Макушкин, руки у него были поистине золотые. Алеша совсем недавно начал работать, а потому с ним постоянно случались несчастья: то провода не так скрутит, то паяльную лампу испортит, то руки обожжет горячим варом; станет привинчивать фарфоровые ролики, а они почему-то трескаются. И все же он не унывал: когда-нибудь научится всему. А пока хотелось сделать как можно больше.

Он только что закончил смену изоляторов и спешил на помощь Макушкину. Усталость брала свое, занемели ноги — долго висел на столбе. Вскинул когти на плечо, пошел медленно.

Оглянулся, чтобы полюбоваться на сделанное. Ровно стоят новые белые стаканчики, а другие уже потемнели от времени. Между соседними столбами блестят провода. Это тоже его работа. А вон там они спускаются

к проходной будке. Тоже его. В окне общежития Алексей заметил женщину, она гладила, за утюгом скользил зеленый шнур. Куда тянулся шнур? К розетке. А кто ее привинтил к стене, кто делал всю внутреннюю проводку в этой комнате? Алексей. Вон там, у забора, на мачте — прожектор. Кто его туда поднимал? Конечно, он, Алексей.

Под ногами рыхлая, еще не успевшая осесть, недавно выкопанная полоса земли: что под ней? Силовой кабель. Его своими руками укладывал Алексей, потом зарывал лопатой, землю притапывал, утрамбовывая, будто танцевал от радости по случаю законченной работы. И все-все, что он здесь видит, — его труды, его дела.

Высокая железная стена скрывала от Алексея все, что за ней делается. Наверное, Макушкин уже закончил подводку кабеля, надо спросить, нужна ли ему помощь, и получить новое задание.

За стеной Макушкина не было. Слышался металлический цокот каблучков. Заложив руки в карманы своего белоснежного пальто, Надя ходила по железной платформе взад и вперед, при каждом повороте резко взмахивая ногами. Тут же неподалеку, задумавшись, стоял Багрецов, опираясь на панель генератора. Алексей уже поднялся на лестницу, но потом решил, что здесь идет серьезный разговор, и хотел уже вернуться, как Надя тут же обратилась к нему:

— Вас-то мне и надо. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы кабель подвести? Не хочется по такому пустяку обращаться к начальнику строительства. Узнайте, Алеша. Прошу вас.

Он скрылся мгновенно. Наверное, что-то опять случилось. Где же Макушкин?

Макушкина не надо было долго искать. С другой стороны стройкомбайна, раскинув ноги в коротких — гармошкой — сапогах, в которые были заправлены засаленные брюки спецовки, лежал Макушкин, покуривал. По-осеннему мягко грело солнышко, сладко слипались глаза. Как длинный лоснящийся угорь, рядом тянулся кабель, его конец терялся в сухой пожелтевшей траве.

Надвинув на самые брови кепочку с крохотным козырьком, Макушкин равнодушно спросил об изоляторах:

— Все сменил? Аль еще остались?

— Нет, не остались. А здесь как? — Алексей взглядом указал на кабель.

— Обыкновенно. Загораем.

Алексей не привык к этому понятию. Что значит «загорать»? Почему задержка?.. Рабочих нет? Все на выгрузке? А мы?

— Тебе что... больше всех нужно? — Макушкин сплюнул сквозь зубы. — Наше дело сторона. Канавы рыть не нанимались. Каждому свое. Понял?

— Ничего не понял. Тут лопатка есть. Один час работать.

— А кто платить будет? Ты, что ли?

— Не знаю. Но работа стоит. Почему ждать?

— Не знаешь? Тогда помалкивай. Пусть начальство беспокоится. Они вон где, — Макушкин поднял палец к небу. — А мы по земле ходим. Нам копейка нужна.

Несмотря на явное недовольство Макушкина, Алексей побежал за лопатой.

— Ты, я думаю, очень устал, — сказал он, вернувшись. — Я один буду делать.

Поднявшись, Макушкин отряхнулся; подойдя к Алексею вплотную, схватил заступ.

— Моего разрешения нету!

— Я буду сам...

— Сам с усам, — заплывшие глазки Макушкина вспыхнули яростно. — Брось, говорю!

Никогда Алексей не видел его в таком состоянии. За что сердиться? Совершенно непонятно.

— Почему? — удивлялся он, и лицо его сделалось совсем растерянным. — Почему?

— А потому. Нечего их баловать.

— Кого? Что есть «баловать»?

— Ты мне дурачком не прикидывайся. Сам знаешь кого — начальников.

— Не понимаю. Значит, тебя баловать? Ты есть мой начальник.

Макушкин в сердцах плюнул, бросил заступ и заговорил густо и хрипло:

— Психованный ты, что ли? Или как еще назвать? Я «начальник куда пошлют». Всякие там нормы и расценки я не устанавливаю. На то есть шибко грамотные, не нам с тобой чета. Начальники бумажки подписывают, а мы спину гнем. Им палец дай, а они руку оттяпают. Вот и выходит, что им потакать нельзя. Ты сегодня ка-

навку вырыл за спасибочки, а завтра они ее в твою норму впишут. Вот и умоешься, — он скользнул пятерней по лицу. — Будь здоров.

Трудно было Алешке разобраться в таких сложных для него вещах, как нормы, расценки. Вот почему доводы Макушкина казались ему странными и, во всяком случае, неубедительными. Кабель нужно убрать под землю. Это ясно. Руки есть, лопата есть. Так в чем же дело? Он поплевал на ладони и нагнулся поднять заступ.

— Тебе что приказано? — вскипел Макушкин. — Законы свои устанавливаешь? Откуда прискакал, туда и катись!.. В свою Америку.

Алексей побледнел. Почему в «свою»? Разве он не дома? Алексей молча поднял заступ и вонзил в мягкую податливую землю.

Макушкин готов был избить его до полусмерти, но сдержался. Он знал, что и пожаловаться нельзя. Начальству только работу подавай, а там хоть трава не расти, за твой карман страдать не будут.

«Выслуживается, черт, — с ненавистью глядел он на Алексея. — Подмазывается, боится, чтоб обратно не отправили. Неизвестно еще, зачем он здесь устроился. За деньгами не гонится, работает чуть ли не задарма и всюду свой нос сует».

Вчера Макушкина вызывали в комиссию по расследованию причин аварии на подстанции. Расспрашивали о помощнике, потом лом показывали, который в будке нашли. Дескать, чей такой? Кто им работал? А откуда знать монтеру? Не сам же он дыру в стенке должен пробивать, без того делов хватает. Он и из совхоза-то ушел потому, что не по специальности работу предложили. Он ведь не строитель. Да и тут на твоём горбу ездят кому не лень. Чуть не каждый день то одну подводку сделай, то другую. Какие-то инженеры с аппаратами приехали — подай им третью линию. Заставили новые распределительные шины поставить, говорят, что временно. А если временно, то зачем же дыры в стене колотить? Чужого труда не жалеют.

Сейчас, после ссоры со своим помощником, особенно встревожила мысль, не он ли виновник аварии. Кто его, «американца», знает? Пропадешь заодно с ним, как пить дать. Подальше бы от греха.

— Подмазываешься? — презрительно сплюнув, сказал Макушкин и растянулся на траве. — Ну давай, да-

вай. Только все одно тебе веры не будет. Все одно ты чужой.

Алексей в бешенстве поднял заступ.

— Кто чужой? Я? — опомнился и застыл так. — Сам чужой. Тебе надо жить в Штаты. Здесь не можно. — Он медленно опустил заступ. — Ты есть бизнесмен. Всех продавать... Всех обманывать... Копейка твоя душа!

Макушкин перепугался. Ясное дело, малый тронутый. Стукнет еще по башке. Не спуская с него глаз, на четвереньках отполз в сторону, лениво встал и процедил сквозь зубы:

— В другом месте поговорим.

Свидетелями ссоры оказались стоявшие на краю платформы Литовцев и Васильев.

«Не умеет Алешка сдерживаться, — с досадой думал Александр Петрович. Отец не мог всем рассказать об Алексее. Возникнут кривотолки. Выгораживает, мол, сына. Ведь никому нет дела, какое воспитание он получил, где жил многие годы. — Сейчас ты советский человек и будь добр придерживаться норм поведения, которые установлены для всех. Надо бы больше уделять ему внимания. Но где взять время?»

— Товарищ начальник! — раздался недовольный голос. — Так дело не пойдет, товарищ начальник.

Васильев обернулся. Неподалеку стоял монтер Макушкин.

Александр Петрович спросил, чем он недоволен.

— Выходит, что мы еще и канавы должны рыть, — монтер покосился в сторону Алексея. — Разве это монтерское дело? На то другие люди приставлены. Я ведь не землекоп какой-нибудь. У нас работа чистая.

— А грязную кто будет делать?

Макушкин пожал плечами:

— Откуда нам знать? Я вот, к примеру, на курсах учился, — он сдвинул кепку на лоб. — Грамотный вообще. Чего ж мне в земле возиться? Каждому свое.

— Кто вас заставляет делать эту работу? — спросил Васильев, глядя сверху на вырытую уже наполовину канаву.

Макушкин презрительно хмыкнул:

— А кто меня может заставить? На то законов нету. Я еще что хотел сказать, товарищ начальник, — он исподлобья метнул взгляд на Литовцева. — Да вроде как и не знаю...

— «Тут уж пошли дела семейные», — усмехнулся Литовцев, вовсе не предполагая, что этой крылатой фразой из «Ревизора» попал в самую точку.

— Какие там «семейные»! — возмутился Макушкин. — Не буду я работать с американцем, вот и весь мой сказ, — он отвернулся и еще ниже надвинул на глаза кепку.

— Хорошо, — холодно заметил Васильев. — Переведем его на другую работу. Но почему вы им недовольны?

— Законы свои устанавливает. Бродяга.

Литовцев невольно поежился. Неудобно получается. Как-никак, а монтер оскорбляет сына начальника строительства. Правда, по незнанию, но... «Бродяга» — это уж совсем неприлично. И Литовцев постарался помочь Васильеву, напомнив, что парня следует оборвать. Ведь еще Гораций утверждал, что всему есть мера.

— Александр Петрович, я думаю, что данный разговор ни к чему хорошему не приведет, — мягко сказал Литовцев и повторил слова Горация по-латыни: — «Эст модус ин ребус».

— Какой там «ребус»? — Макушкин окинул его неприязненным взглядом. — Тут разгадывать нечего. Американец он и есть. Тип! Кидается на людей как бешеный. Мне своя башка дороже.

Он хотел было намекнуть насчет аварии, но сообразил, что такими словами зря не бросаются. Кому нужно, тот разберется. Да и начальник знает, что к чему. Не маленький.

— Не уберете его от меня, — осмелев, пригрозил Макушкин, — тогда могу и «бегунок» взять. Дело нехитрое.

Васильев вежливо, хоть и клокотало все внутри, разъяснил монтеру Макушкину, что в такой форме неудобно ставить требования начальнику строительства и что если товарищу Макушкину по каким-либо причинам не хочется работать здесь, на строительстве, то удерживать его не будут. Что же касается замены помощника, то эта просьба может быть удовлетворена.

— Александр Петрович, — Надя тихонько дотронулась до его рукава, — можно вас попросить на минуточку?

Она отвела его к телеаппарату, который уже был установлен под форсунками, поворачивала всю эту си-

стему, что-то говорила, доказывала, прижимая руки к груди, а Макушкин сурово наблюдал, не жалуется ли на него эта «шибко грамотная» девчонка. Всерьез он эту девчонку не принимал — и за что только деньги платят?! — но было это от зависти. На инженера выучилась, а дело-то у них общее. У нее — провода, изоляторы, ток переменный и постоянный, и у него — тоже. А она раза в два больше заколачивает, командировочные тоже идут. Везет же людям!

— Как вас зовут? — услышал Макушкин серьезный и властный голос того, кто только что разговаривал с начальником строительства.

— Семен Лексеич, — по привычке прикинувшись протачком, ответил Макушкин. — А что?

— А то, что, во-первых, не Лексеич, а Алексеевич, — скривившись, будто съел что-то противное, сказал Литовцев, — а во-вторых, разве вы не знали, что «американец» — сын Александра Петровича? Как вам не стыдно называть его «бродягой»? Мальчик много перенес, его надо окружить заботой и вниманием. А вы — «бродяга». Неудобно, очень неудобно!

Можно было бы и не говорить этого. Конечно, неудобно, но при чем тут неудобство, если дело касается собственной шкуры? Макушкин быстро смекнул, чем тут пахнет. Мало ли что начальство говорит — дескать, убедим, то, другое, третье. Но ведь намек ясный был: мол, вас, Семен Лексеич, удерживать не будем. А работка здесь, как говорится, непыльная. Неужто опять в совхоз подаваться? «Ай, какая промашка вышла!» — подумал Макушкин и с надеждой посмотрел на Литовцева.

Быстро сообразив, что требуется его совет, Валентин Игнатьевич заговорил, покровительственно поглаживая парня по плечу:

— Видите, мальчик, что наделали? Придется извиняться.

Начало оказалось неудачным, помешал Багрецов; стал возле, будто ему другого места не было разматывать провода. Он зло смотрел на Макушкина, как бы говоря ему: помоги, все равно делать нечего, галок считаешь да от работы отрываешь занятых людей.

Литовцев поморщился, но тут его отозвали по делу. Принесли плитку, сделанную из водного раствора лидарита. Все еще по-старому называл он новый материал, созданный Дарковым... Принесли и результаты испыта-

ний этой экспериментальной плитки. Кажется, что-то получается. Он придирчиво ощупывал глазами каждую циферку в длинном столбце данных, определяющих прочность материала на сжатие, на растяжение, на изгиб, твердость и влагостойкость, судорожно сжимал в руке лидаритовую пластинку, потом, найдя в протоколе какую-то маленькую зацепочку, побежал в лабораторию.

Макушкин облизал пересохшие губы — дело, конечно, дрянь. Верно говорит старик — придется просить прощения. Дождавшись, когда Васильев закончил свои дела на платформе и стал спускаться по лестнице, Макушкин пошел за ним.

— Зря это я, товарищ начальник, — догоняя, сказал монтер. — Без помощника разве можно? Пусть остается.

Васильев замедлил шаги, удивленно повернул голову:

— Дадим другого, поопытней.

— Чего там опытней? Все одно учить придется. Пусть уж этот остается. Малый он хороший, положиться можно. А что в Америке был, так разве мы не понимаем?

...Уже вечером, после того как были проверены не только пластинки, но и сделана попытка залить часть стены водным раствором лидарита, Васильев спросил у Литовцева:

— Наверное, это вы, Валентин Игнатьевич, сказали монтеру о сыне? Я не хотел этого.

Скрывать было невозможно, да и напрасно. По данному поводу Литовцев мог спорить, у него имелось собственное мнение.

— Не отрицаю, Александр Петрович. Что верно, то верно. Вы странный человек, весьма странный. Неужели вы не хотите оградить мальчика от грубых и несправедливых нападков, от чрезмерной работы, которую могут на него взвалить всякие там макушкины, люди тупые, необразованные? Для них ваше имя — все. Теперь мальчик будет спокоен. Им никто не посмеет командовать. Его уважать станут.

— За что?

— За вас, Александр Петрович! Хоть это ему дайте, бедному мальчику. Впрочем, прошу извинения, обстоятельства щекотливые... Я их не учел. Бывает, когда отцам неудобно, стыдно за своих детей.

— Бывает, — резко отчеканил Васильев. — Стыдно бывает за барчуков и тунеядцев, за пьяниц и хулиганов. Но здесь совсем другое. Извините, — он дал понять, что разговор окончен.

Литовцев, усмехаясь, смотрел ему вслед.

Рабочий день уже давно закончился, а Надя и Багрецов все еще возились с установкой и проверкой аппаратов. Кабель был проложен, ток включен, поэтому никаких препятствий к тому, чтобы испытать ТКП — то есть телеконтролеры Пичуева — в новом, неожиданном для них применении, Надя не видела. К сожалению, пока еще нечего было контролировать. Пробная заливка метрового участка формы производилась вручную и на виду. Смотреть можно и без телевизора.

Но зато у Димки сегодня двойная работа. Он проверяет один из высокочастотных генераторов и свои контрольные приборы. Генератор сушит экспериментальную плиту, а приборы показывают, что при этом в ней творится, как распределяются силовые напряжения, не появляются ли внутри трещины или пустоты, как там дела с температурой и влажностью. Надя в этом не очень хорошо разбиралась, но и не любопытничала — некогда, своих забот хватало, а к тому же с Димкой она все еще не разговаривает. Девичья обида, как уголек в золе, может тлеть долго.

Скупые солнечные лучи окрасили верхнюю кромку стальной стены, казалась она будто раскаленной токами Димкиных генераторов. А сам Димка сидит в неудобной позе на лестнице и сквозь заранее подготовленные отверстия с внешней стороны формы во влажную еще массу втыкает пластмассовые челночки датчиков. От них тянутся проводки разноцветные, как пряжа ковровой ткани, свиваются в пестрые жгуты и дальше идут вместе к ящику с транзисторными усилителями и потом, за десятки метров отсюда, к пульту управления приборами, которые показывают и температуру, и давление, и влажность...

Именно влажность. Только она сегодня интересовала Литовцева. На нее была вся надежда. Если воду не удастся выгнать из стены сразу, то восторжествует настоящий лидарит на летучем растворе, который в лидаритовых стенках не задерживается.

Литовцев не отходил от Вадима. Снизу следил, чтобы острия датчиков были вставлены глубоко, ведь глав-

ное — знать структуру и особенности подготовленного к просушке участка стены не на поверхности, а в самой ее толще. Он не разрешил Вадиму спуститься вниз, чтобы придвинуть конденсаторные пластины генератора ближе, чем это было запроектировано для высокочастотного прогрева стен при сомкнутых вместе обеих половинах формы.

— Но ведь так быстрее, — попробовал возразить Багрецов.

— «Фестина ленте» — «торопись медленно». Наверное, слышали такое выражение? Советую его придерживаться, мой молодой коллега.

И Валентин Игнатьевич терпеливо разъяснил, что во всех случаях, если ты занимаешься экспериментированием, нельзя облегчать себе задачу — потом будешь горько каяться, ибо взял неверный путь. Вот и сейчас... Придвинешь пластину ближе, участок стены просохнет быстрее, а опыт придется повторять, чтобы узнать, как поведет себя испытуемый материал в действительности.

— Не будем себя обманывать, Вадим Сергеевич, — заключил он, похлопывая Багрецова по плечу. — Оставьте пластины конденсатора на месте и включайте генератор.

Вадим был польщен вниманием доктора наук: называет по имени-отчеству (запомнил ведь!). Как приятно встречаться с вежливыми людьми! А Васильев другой. Не то что имя-отчество, фамилию, наверное, не помнит. Сухой человек, слова ласкового не скажет. Так и с сыном обращается. В самом деле, почему тот роет канавы, когда может только учиться?

Судьба Алексея крайне занимала Вадима, но о ней он ничего не знал; расспрашивать неудобно, да и встречались они редко, только когда сосед приходил домой; а это бывало лишь поздним вечером, Багрецов спал или делал вид, что спит. И виновата в этом была только Надя. Позабыть бы о ней совсем.

Перед тем как включить генератор, Вадим пошел еще раз проверить, на каком расстоянии от прогреваемой стенки установлена конденсаторная пластина, или «щит», как называет ее Литовцев.

На платформе стройкомбайна было пусто, Надя уже ушла. Рядком, как ширмы, стояли легкие алюминиевые щиты, приготовленные для высокочастотного прогрева, но в данном случае не маленького кусочка

стены, а всех стен. Наверху на стальных тросах висели такие же пластины, которые будут использованы для прогрева потолка. Они были похожи на матовые зеркала.

Уже темнело. Вадим точнее установил щит, чтоб не было перекоса, и вдруг почувствовал, что кто-то наблюдает за ним. Пригляделся. Склонив голову, в уголке между щитами и стеной сидел Алексей. Заметив взгляд Багрецова, он не переменил позы, только еще ниже нагнулся.

А с другой стороны, поднявшись на лесенку, подглядывал Валентин Игнатьевич, и, как подумал Вадим, лишь затем, чтоб узнать, не придвинул ли он щит вопреки приказанию консультанта. Что-то в этом не понравилось Вадиму — странное недоверие! В лаборатории ему поручали не менее ответственные дела, и никто не сомневался в его честности. Только так расценивал Вадим поведение доктора наук Литовцева, и это было обидно.

Генератор был уже выключен, и стрелки приборов успокоились.

Вадим удивился, почему в таких решающих испытаниях не участвует Васильев.

Неужели этот первый эксперимент — а его результат, по мысли Вадима, должен был бы определить направление дальнейших поисков — не интересуется Александра Петровича? Ведь даже его, Багрецова, мучает нетерпение. Получилось или нет?

ГЛАВА 8. БАГРЕЦОВ ВСТУПАЕТ В ЕДИНОБОРСТВО

Выждав необходимое время, когда, по расчетам, эксперимент должен уже закончиться, Васильев направился к стройкомбайну, подошел к столику, где Литовцев с брезгливо отвисшей губой разглядывал ленту самозаписывающего прибора. Он держал ее растянутой в руках, как портновский сантиметр, и хмурился.

— Паршивы наши дела, Валентин Игнатьевич? — улыбнувшись, спросил Васильев, ничем не выдавая своего волнения. — Не сохнет? Не твердеет?

Вопрос относился не к Багрецову, но тот с радостью поспешил ответить, что влажность ничтожная, стрелка стоит почти на нуле. Все идет как нельзя лучше, и вообще беспокоиться нечего.

Валентин Игнатьевич неприязненно покосился на Багрецова. Мальчишка всюду свой нос сует. Помолчал бы, когда не спрашивают.

А Вадим и сам это понял. Неудобно получилось, бестактно. Чужим голосом проговорил:

— Простите. Я так обрадовался, что... — он замолк и стал чертить пальцем по столу.

— Восторженность надо попридерживать, молодой человек. — Литовцев лениво свертывал бумажную ленту. — Здесь не футбольный матч. Да и радоваться особых оснований нет. Счет не в нашу пользу.

Он повернулся к Васильеву и, уже не обращая внимания на Багрецова, который все еще водил пальцем по столу, чуть припорошенному цементной пылью, начал методично докладывать о результатах первой проверки. В манжетах, словно лампочки, поблескивали топазовые запонки. Говорил он бесстрастно, сдобным, мягким голосом; сначала коснулся вопросов, не вызывающих никаких сомнений, признал, что кое в чем ошибся. Вязкость, например, не уступает лидериту. А потом постепенно перешел к главному и заявил, что его беспокоит остаточная влажность.

— Я не верю в точность измерений, — он постучал пальцем по стеклу прибора. — В данном случае таким прибором нельзя пользоваться.

Вадим отодвинулся от стола, чтоб не мешать; изумлен он был до крайности. О чем идет речь? Прибор высокой точности запломбирован, имеется паспорт, из которого ясно видно, с какой погрешностью можно производить измерения.

-- Подведем, как говорится, «сумма-суммарум», — продолжал Литовцев. — Кое-что мы уже выяснили, Александр Петрович. Но прежде чем заливать новой массой всю форму, необходимо проверить несколько плит приборами более высокой точности. Прецизионными в полном смысле этого слова. Мы с Дарковым однажды поплатились целым месяцем работы из-за недооценки техники измерений. Нельзя же так, Александр

Петрович, — он с извиняющимся видом развел руками. — Нельзя.

И хотя Багрецов доказывал, что измерение влажности в любой среде доступно даже радиолюбителям, которые сами строят для этого приборы, Литовцев стоял на своем. Не один, а два прибора разных типов надо выписывать из Москвы. Багрецову же было невдомек, что это как-никак несколько дней, которых Литовцеву не хватает. Что касается Васильева, то Валентин Игнатьевич надеялся его убедить ссылками на прежние свои работы, доказывающие необходимость особенно тщательного эксперимента. В этом Литовцев не ошибся. У Васильева пока еще не было серьезных оснований возражать.

Валентин Игнатьевич надел шляпу, прихлопнув ее на макушке.

— Ну вот, обсудили «про эт контра», как говорится, «за» и «против». Пора и по домам.

— Одну минуточку, Валентин Игнатьевич, — остановил его Багрецов. — Только один вопрос: какая здесь требуется точность?

— Где? — будто не понимая, переспросил Литовцев, тяжело опираясь на палку.

Вадим опустил лампочку пониже и пальцем указал на шкалу прибора:

— Вот тут.

Литовцеву самому не приходилось заниматься измерениями. На то существовали научные сотрудники, инженеры-исследователи, лаборанты. Вопрос Багрецова его разозлил.

— Занимайтесь своим делом, Вадим Сергеевич, — сквозь зубы процедил Литовцев и нервно помахал палкой. — Нам нужна максимальная точность.

— Но какая? В каких пределах?

— Короче говоря, Вадим Сергеевич, нас эта точность не удовлетворяет, — сухо заявил Литовцев. — Подготовьте письмо о высылке нового прибора. Александр Петрович подпишет.

— Не подпишет! — в запальчивости воскликнул Вадим. — Надо знать, что подписывать.

Чувствуя его правоту, Васильев успокаивающе сказал:

— Почему? Разве я вам не доверяю?

— Спасибо, Александр Петрович, — Багрецов подчеркнул это легким кивком. — Но я и не сомневался в

вашем доверии. Судя по паспорту, так называемая «погрешность» прибора минимальная, и заменять его не следует.

Литовцев еле сдержался. Вот так характерец у мальчишки!

— Думается мне, товарищ Багрецов, — заговорил Валентин Игнатьевич размеренно и спокойно, шагая вдоль стола, — что вы взяли на себя не свойственные вам функции. Мне непонятна ваша категоричность. Что это за разговор? У вас по меньшей мере странные представления о дисциплине на производстве. Возражать начальнику строительства! Да кто вы такой?

— Обыкновенный инженер, — сдерживая волнение, ответил Багрецов. — Но у меня есть право не соглашаться и с вами — доктором наук, и с начальником строительства, если дело касается доверенной мне техники. Я же не пешка, чему-то учился. Приборы знаю, могу разобрать их и собрать. Могу отградуировать по эталону. Вы мне говорите, что точность мала. А я спрашиваю, какая нужна в процентах? Десятая? Сотая? Выписывать новые приборы, даже разных типов, конечно, можно, но зачем терять драгоценное время?

— Не ваша забота, — буркнул Литовцев, отходя в сторону.

— Как не моя? — искренне удивился Вадим. — А чья же?

Литовцев стукнул палкой о землю и резко повернулся к Васильеву:

— Александр Петрович, объясните ему, пожалуйста. Я не за тем сюда приехал, чтобы пререкаться по пустякам с заносчивыми молодыми людьми.

Васильев не хотел вмешиваться в разговор. «Возможно, Багрецов ошибается, действительно прибор надо заменить, однако же правда пока на его стороне».

Валентин Игнатьевич, будто читая мысли Васильева, сразу переменял тон, заговорил с ласковой укоризной:

— Если уж вы так настаиваете, дорогой мой юный коллега, придется объяснить, как говорили латиняне «аб ово», то есть «от яйца», или «с самого начала». Мы с Александром Петровичем не новички в науке. Десятки штанов просидели в научных институтах. Опыт кое-какой приобрели. А отсюда — вы это должны понимать,

Вадим Сергеевич, — мы часто пользуемся интуицией. Я, например, уверен, хотя и не могу сейчас доказать, что в данном случае нужна бóльшая точность измерений. В конце концов у меня могут быть и другие соображения, которые заставляют требовать замены прибора. Вы в шахматы играете?

Багрецов, понурившись, рыл носком ботинка землю. На вопрос Литовцева вскинул голову:

— Сейчас нет. В детстве увлекался.

— Этого достаточно. Тогда вам понятно, что я могу заранее предполагать, как сложится партия. Но все зависит от противника, какой ход он выберет, чем пойдет — пешкой или конем? Противник у нас общий — неподатливая природа. Вот и здесь, — Литовцев палкой указал на темнеющую массу стройкомбайна, — она тоже сопротивляется. Мы решили пойти конем — выгнать воду из стен высокочастотными генераторами, а природа отвечает ходом слона — новой угрозой, что стена вспучится или осядет. А почему? По самой простой причине — мы, допустим, пренебрегли проходной пешкой, как и сейчас ничтожнейшими остатками влаги. Все это сознательно утрирую, но так яснее. У меня больше опыта, чем у вас, Вадим Сергеевич, и я заранее предугадываю возможную угрозу. Вижу, где она назревает, а потому мы с Александром Петровичем имеем право кое-чем и пожертвовать. В данном случае несколькими днями, пока не пришлют новый прибор. Каждому свое, — Валентин Игнатьевич с сожалением развел руками. — Тут уж ничего не поделаешь. Как говорили латиняне, «что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Не огорчайтесь, мой юный коллега. Все мы были молоды и многого не понимали.

— Опять не согласен, — упрямо сказал Багрецов. — Я могу переделать прибор, отключить шунт для повышения чувствительности, проверить по стрелочным приборам, вмонтированным в контрольный пульт. Могу приспособить для этой цели осциллограф. Найду метод определения нужных параметров с помощью изотопов, меченых атомов. В конце концов любыми техническими средствами докажу, что прибор показывает точно. Я очень уважаю вас, Валентин Игнатьевич, боюсь показаться дерзким, но вы совсем не знаете приборов. У каждого из них есть паспорт, где указаны и точность, и допустимая погрешность при разных частотах, и пределы измерений. Хотите, я сейчас принесу все паспорта?

Мы тогда договоримся, как лучше наладить измерения.

Литовцев безнадежно махнул рукой:

— Тащите. В первый раз встречаюсь с таким упрямством! — И после того, как Багрецов растворился в темноте, раздраженно заметил: — Сочувствую вам, Александр Петрович, трудно быть начальником строительства. Попробуй найди с такими всезнайками общий язык! — Он большим пальцем показал через плечо. — То ли дело в лаборатории. Я бы его минуты не держал у себя. Критика вещь полезная, но невольно вспомнишь и Горация: «Эст модус ин ребус», то есть, извините, «всему есть мера». Да разве кто из моих сотрудников — слава богу, кандидаты, аспиранты, не этому чета — осмелился бы на подобный выпад? Черт знает что! Как мы воспитываем нашу молодежь!

— Смотри где, Валентин Игнатьевич, — медленно, с расстановкой проговорил Васильев. — Бывают и вывихи. В вашей лаборатории народ вышколенный, не то что в других.

— Не жалуясь, Александр Петрович, не жалуясь.

— Охотно верю. А я терпеть не могу школяров. В исследовательском институте им делать нечего. Вот такие, думающие, инициативные, вроде Багрецова, мне куда милей. -- Васильев посмотрел на часы. — Простите, Валентин Игнатьевич, я должен сейчас по радио говорить с Москвой. Насчет прибора решайте сами. Итак — до утра!

На холодной железной лесенке стройкомбайна, плотно-плотно запахнувши ватник, сидел Алексей, ждал, когда освободится отец. Заметив, что тот уже распрощался с Литовцевым, поднялся и устало пошел навстречу. Подыскивая слова, он рассказал, как чуть не ударил Макушкина.

— Надо уметь держаться, Алексей, — глубоко вздохнув, сказал Александр Петрович. — Куда мне девать тебя? С Багрецовым работать не смог. Теперь история с Макушкиным. Такой помощник ему не нужен.

— Значит, никому не нужен? — сказал Алексей с горечью. — Неправда, отец. Макушкин не может понимать, Багрецов не может. Никто не может. Пойми ты! Ты должен понимать. Не хочу быть чужим. Ты мне говорил, здесь... надо помогать... Работай подсобный рабочий. Я хотел... подсобный рабочий.

Васильев крепко обнял его за плечи и, так шагая до

самого крыльца домика управления, мягко увещевал, говоря, что подсобный или «разнорабочий» — это не профессия для молодого человека. Хочешь быть монтером — пожалуйста, учись, работай. А лучше всего пока только учиться, кончить школу, а там дороги тебе не заказаны.

Отца своего Алексей любил, как может любить человек, у которого долго не было ни близких, ни родных, ни друзей, ни товарищей. Он слушался его беспрекословно, угадывал малейшее желание, повиновался всегда, но сейчас воспротивился.

— Не можно отнимать... джаб, работа, — сказал он, останавливаясь возле двери.

— Об этом мы еще дома поговорим, — сказал Васильев, открывая дверь. — Заходи попозже. Мариам кое-что прислала.

Пусто, одиноко на строительной площадке. Лишь неподалеку от стройкомбайна, в освещенном кругу у стола с приборами, маячила фигура Литовцева. В своем пальто рыжеватого-красного цвета он напоминал лису, попавшую в свет автомобильных фар, будто также боялся выскочить из круга.

«Васильев на стороне Багрецова», — думал он раздраженно. Багрецов, конечно, пешка в сравнении с ним, «королем лидарита», но пешка-то грозит стать проходной. Настроение Валентина Игнатьевича окончательно испортилось от пронизывающего холодного ветра и сырости. Нос покраснел, пальцы замерзли. Пришлось повесить палку на руку и тем самым лишиться удобной опоры.

— Да куда же этот Багрецов запропал? — воскликнул Валентин Игнатьевич, завидев приближающегося Алексея. — Оставил меня сторожем. Мальчика тоже нашел. Безобразие!

Алексей не знал, куда себя деть, чем заняться, и предложил:

— Вам можно ходить домой. Багрецов я здесь подождать. Что надо ему сказать?

Литовцев было обрадовался, но тут же передумал.

— Нет, Алеша, — ласково заговорил он, зная, что это может быть приятно Васильеву. — Лучше поищите Багрецова.

Алеша тут же, не раздумывая, побежал.

Дисциплинированный мальчик. Но оставить его возле ценных приборов неудобно. Именно неудобно. Сын начальника, но это же ничего не значит. Биография странная. Конечно, мальчик не виноват, но... Проклятая когода! Сверху накрапывает. Надо бы зонтик взять — жена предлагала. Не послушался. Слишком уж по-стариковски, а вот шерстяные носки зря позабыл. Ноги мерзнут. Ветер продувает насквозь, зуб на зуб не попадает, а уйти нельзя, как солдату на посту, охраняющему важнейший военный объект. Кстати, скоростным методом Васильева можно делать и доты, и форты, и крепости, и всякие там военные укрепления для защиты наших рубежей. Только придется брать более прочную и дешевую массу, чем лидарит, сырье для когорой найдется везде. Но кто же думает об авторстве, о личных интересах, если дело касается обороны страны? Патриотизм, священный долг! Вспомним Отечественную войну, когда все как один...

Но Литовцеву вспоминать было нечего, кроме заботы народной о нем самом, ученом, от которого чего-то ждали и пока еще ждут. А у него сейчас ворочалась боязливая мыслишка, что предложение Даркова открывает новые пути к созданию высокопрочной дешевой массы. И Литовцев гнал ее, душил в самом зародыше. Нет, дескать, не подойдет, настанет время — придумаем вместе куда более совершенное. Чтоб отогнать эту зыбкую мыслишку, приосанивался — будто и впрямь сейчас он часовой и ему положено охранять важный объект. Настоящего часового Литовцев видел больше по телевидению, а так, в жизни, встречал чаще старичков вахтеров в валенках, ватниках, шея повязана теплым шарфом. Проверяют пропуска и в свободные минуты по-стариковски балуются чайком. Однако на них Валентин Игнатьевич походить не желал, припоминал, как выглядят настоящие часовые, а перед глазами почему-то выплывала верещагинская картина «На Шипке все спокойно». Одинокий замерзающий солдат.

Валентину Игнатьевичу стало жалко себя. Все-таки уже немолод. Может простудиться, схватить насморк, пневмонию — ах, если б шерстяные носки! Но что поделаешь, долг прежде всего. Он невольно, будто винтовку, положил палку себе на плечо и стал тверже печатать шаг, но представил себя со стороны — показалось смешно, и он похлопал палкой по ноге, будто стеклом по лакированным крагам.

Алексей видел, как вспыхнул свет в окне комнаты, где он жил вместе с Багрецовым. Значит, сосед пришел. Оба они избегали друг друга. И основной причиной была Надя. А могли бы подружиться. После того как Вадиму стало известно, что Алексей родной сын Васильева, старые подозрения стали отмирать, так постепенно желтеют и сохнут нижние ветки у ели. Конечно, отцу должно быть известно, где скитался его сын, если даже Макушкин намекал на это. По мнению Вадима, Александр Петрович не принадлежал к тем слепым родителям, которые только балуют великовозрастных балбесов, а потом в ужасе всплескивают руками — дескать, кто виноват, что детеныш оказался трутнем или кем-нибудь похуже? И если Димка не совсем доверял Алексею, то отцу его верил абсолютно. Разве отец мог допустить, чтобы Алешка был замешан в грязном деле?

Однако сомнения возникли снова. Вадим должен был найти паспорт прибора, который так смущал Литовцева. Включил свет, выдвинул ящик стола, где лежали инструкции и другие технические документы. Кажется, все паспорта в коричневой папке. Быстро нашел ее, развязал.

Перебирая плотные листы, один из них уронил. Нагнулся под стол и, как на грех, заметил монтерский ящик Алексея, обыкновенный, с длинной ручкой, чтоб удобнее было носить. В ящике инструмент, черные круги изоляционной ленты, паяльник, куски олова, припоя, канифоли, обрывки проводов. А среди них поблескивала всегда как новая нетемнеющая ленточка, точно такая же, как найденная Вадимом в «мертвом саду», под застывшей стекловидной массой.

Багрецов сунулся в ящик, схватил уже ленточку, но, будто обжегшись, бросил и отдернул руку. Нехорошо, чужое!

Потом пересилил себя; в данном случае ненужная шепетильность. Вытащил целую катушку, кусачками, которые всегда держал в кармане, откусил нужный отрезок провода, чтобы после измерить его сопротивление и сравнить с теми же показателями, что и в найденном куске под слоем лидарита. Но это на всякий случай, хоть и уверен был в правильности своей догадки. Такой же провод, такой же!

Вадим нагнулся, чтобы поставить ящик обратно, да так и застыл.

— Не надо, я сам, — слышался голос Алексея. — Иди скорей, там ждут.

Все обошлось бы благополучно, будь у Вадима характер другой. Не в карман же залез! Что тут особенного? Срочно понадобились плоскогубцы или отвертка. «Специально прибежал за ней, свою где-то посеял. Прости, Алеша, пожалуйста. Сейчас принесу». Так бы и сказать надо, с улыбочкой да шуточкой. Но вместо этого Вадим залился краской и, не поднимая глаз, пробормотал:

— Я нечаянно. Кусачки искал... Вот.

— Это кусачки? — спросил Алексей, подойдя к столу и передавая хозяину никелированный инструмент. Он лежал рядом с катушкой.

Вадим позабыл ее убрать, сейчас она расплывалась в глазах, превращаясь в высокий блестящий цилиндр, чем-то похожий на снаряд. Пусть бы разорвался, что ли, только бы пропасть, исчезнуть и не чувствовать немого осуждения Алексея. Димка схватил паспорт прибора, на прощание выдавил из себя невразумительные извинения и опрометью выбежал из комнаты.

Литовцев встретил его недовольным брюзжанием:

— Заставляете ждать, Вадим Сергеевич. Я не обязан караулить ваши игрушки.

— Простите, Валентин Игнатьевич. Я не знал, что вы их караулите, — оправдывался Вадим. — С вами оставался Александр Петрович. Если вы хотели уйти вместе с ним, то здесь же Алексей был...

— Вот именно Алексей, — сердито буркнул Литовцев. — Эх вы, наивное дитя, — он постучал палкой о землю.

Будто и ничего не сказал Валентин Игнатьевич — так, полунамеком, к нему не придерешься, а Вадим насторожился. Возможно, и прав он в своих подозрениях, если они возникают у людей постарше да поопытнее? Но сейчас старался не думать об этом, показал Валентину Игнатьевичу паспорт прибора, подчеркнул, что у них в лаборатории данная точность считается очень высокой, однако, если потребуется, можно заменить проволочный шунт, чтобы повысить цену деления.

— Я сам намотаю, проверю по другим приборам, — убеждал Вадим Валентина Игнатьевича. — Ведь это пустяк.

— Не сомневаюсь. Но здесь этот пустяк превращается в проблему. То провода нет, то еще чего-нибудь не

хватает. Подумать только: нужно было термостат исправить, сгорела обмотка, так, видите ли, провода не оказалось.

Багрецов понимал, что для обмотки термостата, простейшего аппарата, по существу, ящика с электроплиткой, можно применить хотя бы тот провод, отрезок которого лежал у Вадима в кармане. В чем же тут дело? И он спросил:

— Не понимаю. Кто вам сказал, что провода нет?

— Есть тут великий специалист...

— Алексей? — вырвалось у Вадима.

Литовцев испытующе посмотрел на него:

— Нет, Вадим Сергеевич. В данном случае не он, а товарищ Макушкин. — Литовцев сунул в карман паспорт прибора и зевнул. — Мы еще вернемся к этому вопросу. А пока до завтра, Вадим Сергеевич. Надо полагать, что после работы у молодого человека найдутся и другие занятия. Берите пример хотя бы с них, — он указал палкой в сторону «мертвого сада».

Мимо, ни на кого не глядя, шагал Алексей. За ним торопилась Надя.

Вадим проводил их взглядом и, не обращая внимания на саркастическую улыбку Валентина Игнатьевича, пошел в обратную сторону.

По настоянию Валентина Игнатьевича Васильев отложил на один день заливку формы водным раствором лидарита. Впрочем, теперь этот состав следовало бы называть по-другому, частица «ли» быстро улетучивалась, как и жидкость, послужившая основой лидарита.

За эту частицу, за славу, за спокойное, сытенское существование боролся Валентин Игнатьевич, пробуя методы дипломатии, используя свой уже траченный моллю научный авторитет и групповые интересы, основанные на его любимой латинской поговорке: «Даю с тем, чтобы и ты мне дал» («До ут дес»).

Однако здесь, на строительной площадке, вдали от друзей и приятелей, от сотрудников, которых ты взял себе в лабораторию по протекции, Валентину Игнатьевичу приходилось надеяться лишь на свои силы.

Два лаборанта не в счет. Хотя Валентин Игнатьевич и тащил их в аспирантуру, они ничем помочь ему не могли. Как говорится, «не так воспитаны», чтобы зани-

маться делом. Серьезные, казалось бы, специалисты, ведь чему-то их в вузе учили!

Так вот эти «серьезные специалисты» вдруг вспомнили, что, будучи еще подростками, упустили то, что даровано им жизнью. И только сейчас, будто опомнившись, решили вознаградить себя за упущенное: буйно пошли в рост девчоночьи космы до плеч и дьяконские бороды. Лаборантов здесь прозвали «близнецами», так они были похожи друг на друга. Фамилий их никто не помнил, знали, что один из них Алик, другой Эдик. Даже Валентин Игнатьевич не всегда мог точно обратиться по адресу, называя Алика Эдиком и наоборот. По одежде их также невозможно было различить. Не успели они в ранней юности пофорсить джинсами в обтяжку, как уже стали модными клешики с пуговками и цепочками. Ничего не поделаешь — надо наверстывать упущенное. И «близнецы» появлялись возле стройкомбайна, позвякивая цепочками на радость здешней приبلудной собачонке Шарикку. Позвякивали они и гитарами, благо это еще было модно. Гнусаво напевали только по-английски, но ни Алексей, ни Надя, знавшие английский, не могли понять в песнях «близнецов» ни одного слова.

Валентину Игнатьевичу иной раз казалось, что Алик и Эдик занимаются лидаритом лишь потому, что это синтетика, что это модно. И если бы их спросили о рецептуре Даркова на цементной основе, они отнеслись бы к ней с пренебрежением: «Ну как же? Ведь это 78». Так оценивают их родственники по духу все то, что считают консервативным, далеким от моды. А 78 — это число оборотов граммофонных пластинок, которые выпускались раньше (сейчас они почти все долгоиграющие, с числом оборотов 33, 16 и даже ниже).

И Валентин Игнатьевич, трезво оценивая деловые качества «близнецов», понимал, что спасти лидарит даже по причине его новомодности мальчишки не способны. Да, действительно, можно надеяться только на себя.

Он должен за последние два дня, оставшиеся до решающих испытаний, найти хоть какое-нибудь слабое место в предложении Даркова, если не удастся опровергнуть его рецептуру полностью, доказать, что это очевидная ошибка увлекающегося и неблагодарного соавтора.

Нет, конечно, Валентин Игнатьевич объективен, дело не в благодарности, но соавтор Дарков — простой

инженер-исследователь без степени и звания — должен бы знать свое место. Так-то оно спокойнее.

Сегодня воскресный день, но время не терпит. Пусть лаборанты отдыхают. Сам Литовцев, сам доктор наук займется исследованиями. Он не был сугубым теоретиком. Его считали экспериментатором. Но сколько лет он не сидел за лабораторным столом! Он лишь заглядывал через плечо кого-нибудь из своих сотрудников.

Доктору химических наук показывали, что делается под микроскопом, когда твердеет лидарит, водили в темную комнату, где на экране были видны радужные спектры, позволяющие судить о степени деформации лидаритовой пластины под нагрузкой. Валентин Игнатьевич смотрел на стрелки приборов, на счетчики меченых атомов, на синие светящиеся линии осциллографов, но у него и мысли не было, чтобы повернуть ту или иную ручку аппарата, желая точнее настроиться, проверить другой режим, заглянуть в самую суть вещей.

Он не просил тут же, при нем, изменить процент добавки к цементу или лидариту, не садился за стол, чтобы собственными руками взять колбу и реактивы и повторить кажущуюся ему сомнительной химическую реакцию. Всему этому он предпочитал результаты: протоколы за тремя подписями, графики, фотографии и солидные отчеты с историей, выводами и точными заключениями. Даже образцы лидаритовых плиток он предпочитал видеть на стенде под стеклом, чтобы никто не притрагивался к ним руками.

И вдруг здесь, в тесной каморке, почему-то называемой лабораторией, он, Валентин Игнатьевич, доктор наук, должен заняться опытами, от которых зависит все его будущее! Собственно говоря, он даже не знал, с чего начинать. Ознакомившись с паспортом прибора, Литовцев решил, что измерениям можно верить. Мальчишка Багрецов оказался прав — остаточная влажность в лидаритовой массе, нанесенной на стенку стройкомбайна, ничтожна. «Лидаритовой? — с горькой усмешкой переспросил себя Литовцев. — Была когда-то... А теперь?..»

Стараясь заглушить гнетущее беспокойство, Литовцев метался по комнате, доставая из шкафов нужные и ненужные реактивы, вытащил микроскоп, фарфоровую ступку, все это расставил на столе и в недоумении остановился.

Если он не мог спорить с мальчишкой Багрецовым, то с Дарковым тем более. Талантливый, черт! И, главное, упорный, сам до всего доходит. Ведь, казалось бы, и лаборанты есть у него, и экспериментальная мастерская — только приказывай да отчеты пиши. Ничего подобного! От лабораторного стола не оторвешь, в мастерской тоже сам возится. Ведь Дарков исследовал все марки цементов и других вяжущих веществ, пробовал комбинировать самые неожиданные добавки. Все это испытывал, пользуясь макетами форсунок Васильева. Ясное дело, что, прежде чем прислать сюда отчет и протоколы, он провел десятки опытов с новой рецептурой материала, пригодного для стройкомбайна. С таким не поспоришь.

Литовцев смотрел на лабораторный стол, чисто выструганный, но еще не покрашенный, на стеклянные банки с притертыми пробками, где находились образцы цементов разных марок, банки с реактивами для добавок, образцы песка, извести, каких-то других наполнителей, входящих в состав лидарита. Вспомнилось, что Дарков жаловался на плохую работу вибрмельницы, которая не давала особенно тонкого помола, отчего прочность лидарита резко падала. «А какой здесь помол? Какова дисперсность? — спрашивал себя Литовцев, рассматривая белый порошок сквозь стекло банки. — Хорошо ли работает вибрмельница? Это можно определить под микроскопом».

Микроскоп был новой системы, незнакомой Литовцеву. «Где же инструкция?» Инструкции на месте не оказалось. «Как же проверить величину измельченных частиц? Впрочем, попробуем».

Из футляра, оклеенного изнутри бархатом, он достал предметное и покровное стеклышки, нашел пинцет, захватил из банки щепотку песчаной пыли. Не успел донести ее до стекла, как она высыпалась на рукав. Валентин Игнатьевич брезгливо попробовал стряхнуть, но мелкая пыль прочно застряла в шерсти, рукав долго пришлось оттирать носовым платком.

Все движения Валентина Игнатьевича были преисполнены достоинства, но в то же время чем-то напоминали кошачьи. Так ходит важный кот после дождя, выбирая место посуше.

Вода и лидарит не могут существовать вместе. И не должны! После того как ничего не получилось из попытки измерить частицы тонкого помола, Литовцев решил

по-иному узнать врага лидарита. Он должен создать его подобие именно сам, своими руками, чтобы проникнуть в его тайны, разгадать слабости. Рецепт новой массы со всеми добавками и технологией изготовления Дарков прислал. Кто знает, может быть, химикаты требуют чересчур высокой очистки, а наполнители не терпят посторонних примесей, что практически, на строительной площадке, трудно обеспечить.

И когда в фарфоровую ступку с сухим порошком, составленным по рецепту Даркова, полилась тонкая струйка воды, как бы разделяя его надвое, у Валентина Игнатьевича потемнело в глазах. Вода, будь она проклята!

Дверь бесшумно отворилась. Точно щит, на Литовцева надвигалась серая плита из нового материала, того, что сняли со стенки стройкомбайна. Вот-вот придавит.

— Это что за шутки?! — фальцетом выкрикнул он.

Плита опустилась на пол, и из-за нее показалось растерянное лицо Багрецова.

— Простите, Валентин Игнатьевич. Я не знал, что вы здесь.

— Зачем эту штуку вы сюда притащили? — ворчливо спросил Литовцев, все еще чувствуя неприятный озноб.

— Александр Петрович сказал, что она вам завтра понадобится.

Багрецов стоял у открытой двери, в которую врвался яркий солнечный свет; свет играл на стекле пузатых колб, похожих на застывшие мыльные пузыри, забирался в реторты, пробирки и стеклянные трубки, связанные в пучки, будто толстая прозрачная солома. Лучи искрились в кристаллах, запрятанных в банки, в звенящей струйке, вытекающей из крана. Всюду было солнце, и только хмурая тень лежала на лице Валентина Игнатьевича.

— Какое давление могут выдержать ваши телеконтролеры? — неожиданно спросил он.

— Во-первых, они не мои. Ими занимается Надя Колокольчикова из телевизионного института. А во-вторых, Валентин Игнатьевич, я не пойму, о каком давлении вы спрашиваете.

Литовцев продолжал размешивать жидкую массу в ступке.

— Ну, если обвалится сырой потолок в процессе наслоения. Что останется от аппаратов?

Вадим натянуто улыбнулся:

— Боюсь, что на это они не рассчитаны. Но ведь и вы не рассчитываете на такую катастрофу.

— Конечно, — согласился Валентин Игнатьевич. — Однако здесь и трубы лопаются, и трансформаторы горят. «Ниль адмирари», то есть ничему не следует удивляться.

Вадим пожал плечами.

Еще вчера Валентину Игнатьевичу удалось вызвать некоторые подозрения у Багрецова, касающиеся аварий на строительстве. Больше того, он даже неосторожно выдал себя, когда разговор зашел о проводе для термостата, вспомнив при этом Алексея. Надо бы прощупать упрямого малого, что ему известно, и по возможности склонить на свою сторону. Во всяком случае, он довольно настороженно относится к Алексею, и, кроме того, здесь примешиваются личные мотивы, что было неоднократно замечено Валентином Игнатьевичем.

Он отложил ступку в сторону. Толочь, что-то там размешивать, нагревать, замораживать... Прищуриваясь, глядеть в микроскоп, возиться с пинцетами, пипетками и всякой ерундой! Зачем, когда есть куда более эффективные методы тайной дипломатии, ловких ходов — столкнешь противников лбами, и сам, как «терциус гауденс», то есть «третий радующийся», тихонько посмеиваясь, выскальзываешь за дверь.

Есть и другой способ: одному польстишь, другого поприжмешь, за что третий тебе благодарен. Вот и сейчас эта ничтожная пешка, обыкновенный инженеришка, у которого нет ничего и, главное, никого за спиной, тоже может быть полезен, если найти его больную струнку.

Люди есть люди.

— Садитесь, Вадим Сергеевич, — Литовцев указал ему на высокую табуретку. — Мне очень нравится юношеский задор, с которым вы вчера отстаивали свою правоту. В какой-то мере вы одержали победу. Точность прибора оказалась достаточной. Но, милый друг, это пиррова победа. Разве дело только в остаточной влажности? А остаточная деформация? А температурный коэффициент?

И Литовцев, удобно устроившись на столе, что не нравилось Багрецову (все же здесь лаборатория), долго перечислял всевозможные термины, которые были известны специалисту по радиоэлектронике Багрецову, но отнюдь не в применении к строительной технике, совершенно ему незнакомой. А Валентин Игнатьевич уже стал оперировать узкоспециальными понятиями из области физико-химической механики. Упомянул о дисперсности, гидрофобности и прочих вещах, о которых радист знал лишь понаслышке.

«Сепию выпускает, как каракатица, — думал Вадим, сидя на высокой неудобной табуретке и легонько покачиваясь. — Научный туман. Интересно, что за этим кроется?»

— Вы имеете что-нибудь возразить? — насмешливо осведомился Литовцев, заметив его нетерпеливое движение. — По поводу дисперсности или...

— Нет, по поводу вашего метода доказательства. Вы прекрасно понимаете, что в этой технике я абсолютный невежда. Так зачем же...

— Именно затем, чтобы напомнить вам об этом. — Литовцев нагнулся, вытер руки полотенцем, висевшим под столом, и заговорил уже другим тоном: — Теперь по существу. Мне Александр Петрович изволил сообщить, что вы автор нескольких изобретений?

Опустив голову, Вадим пробормотал, что изобретения у него действительно есть, но незначительные, касающиеся лишь узкоспециальной техники.

— Это неважно, — перебил его Литовцев. — Сделали вы какое-либо открытие или создали прибор, все равно это ваш труд, любимое детище. Могли бы вы допустить, чтобы при первых испытаниях оно погибло?

Вадим вспомнил испытания своей маленькой радиостанции, которая чуть было не оказалась погребенной под грудой камней от взорванной скалы, и ответил отрицательно*.

Валентин Игнатьевич удовлетворенно погладил вспевшую лысинку.

— Вот видите, мы уже находим общий язык. Теперь поставьте себя на мое место, но учтите: вы работали с товарищем, он соавтор изобретения, причем по болезни не может приехать на испытания. Будете ли

* Об этом было рассказано в романе «Альтаир» (примеч. авт.).

вы рисковать его добрым именем, многолетним трудом, всем, что вам обоим дорого?

— Но почему же «рисковать»?

— Потому что сейчас самая неподходящая обстановка для ответственных испытаний, от которых зависит будущее нового материала. Авария за аварией, а чем они вызваны — неизвестно.

— Однако начальник строительства не хочет откладывать испытания. Ему виднее. Значит, опасаться нечего.

Валентин Игнатьевич притворно вздохнул.

— Я очень уважаю Александра Петровича, но опасюсь его неоправданного оптимизма. — Он вытащил из кармана яблоко и ножичком стал срезать кожуру. — Уж очень неудобно спорить с Александром Петровичем. Но мне бы очень хотелось отложить испытания, пока не разрядится атмосфера, пока не выяснятся причины аварий. У вас все приборы подготовлены?

— Все.

— Счетчики? Датчики? Термисторы там разные?.. Все до одного? — И когда Багрецов вновь подтвердил, Литовцев дочистил яблоко, слез со стола и, пожимая плечами, сказал: — Ну что ж, так и порешим. Боюсь за Даркова, как бы он не узнал о катастрофе.

— Опять катастрофа? — удивленно воскликнул Вадим. — Разве вы не верите в свою работу?

— Верю, но в данных условиях я не могу защитить ее от случайностей. — Он отрезал от яблока тонкие ломтики и с наслаждением отправлял в рот. — Кстати, вы живете в одной комнате с Алешей. Как там себя чувствуете?

Багрецов округлил глаза:

— Обыкновенно. Как же иначе?

— Не знаю, но я бы всегда чувствовал, что он чужой. всю сознательную жизнь он воспитывался в капиталистическом лагере, далеко от советской земли. Там ему прививали свои взгляды, свои привычки. Ведь ребенок что воск. Мало ли что из него можно сделать, чему научить.

Багрецов резко отодвинул в сторону табуретку.

— Не обижайтесь на меня, Валентин Игнатьевич. Меня тоже многому учили. Скажем, честности и прямоте. Почему вы не говорите со мной откровенно, а вот уже второй день намекаете на какие-то подозрительные

дела Алексея? Я ему тоже не очень верю, но вы упорно их связываете с авариями...

Оглянувшись на дверь, Литовцев приложил палец к губам и укоризненно покачал головой:

— Кто же о таких вещах кричит? А кроме того, у вас болезненное воображение, юноша. Пейте бром. Вы превратно поняли мои слова и сделали нелепые выводы. Поговорите об этом с Алешей, — добавил он с криковой усмешкой.

Быйдя из лаборатории, Багрецов встряхнул головой, будто вынырнул из-под воды, зажмурился от солнца и долго так стоял с закрытыми глазами, вспоминая до мельчайших подробностей весь разговор с Литовцевым. Неужели тот прав — болезненное воображение?

Завтра с утра должны начаться испытания. Алексей все еще никак не мог закончить осветительную проводку, которая пойдет внутри будущей стены. Багрецов давно уже проверил генераторы, подготовил приборы, но не уходил, боясь оставить Алексея одного. Для себя Вадим объяснял это контролем за его работой — монтер он неопытный, приходится помогать, — однако нет-нет да и вспомнится кусок провода, найденный у лопнувшего пластмассового патрубка, катушка в монтерском ящике... Все еще помнились слова Валентина Игнатьевича: «Ребенок что воск. Мало ли что из него можно сделать, чему научить».

Вадим злился на свою неблагодарную роль, брал у Алексея конец провода и, протаскивая его сквозь изоляционную трубку, кричал:

— Держи крепче. Да прямее, прямее! Неужели тебя даже этому не научили?

Алексей оправдывался, говорил, что здесь, на курсах, ему не приходилось иметь дело с такими проводами и трубками, но он, конечно, научится.

— Да я не о том, — раздраженно говорил Вадим. — Такие вещи и ребенок должен понимать. Там, где ты был, наверное, что-нибудь делал? Учился? Какая была твоя последняя профессия?

— Учился. Как быть шпион, диверсант.

Вадим побледнел, потом лицо его залилось краской. Он решил, что Алексей издевается над ним. «Наверное, заметил, что я не оставляю его одного. Как это все противно, тошно!»

Не глядя на Алексея, Вадим зашагал на противопо-

ложную от него сторону и там скрылся за щитами-пластинами конденсаторов. Если бы он посмотрел на растерянное лицо Алексея, он не увидел бы в нем ни капли усмешки, издевки; ведь тот говорил правду.

ГЛАВА 9. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ПРИКЛЮЧЕНЧЕ- СКОГО РОМАНА

диноко сидела Надя в «мертвом саду», ждала, что вот-вот хрустнет стеклянный стебель, со звоном упадет на землю окоченевший лист и в просвете между деревьями появится Алексей.

Она должна говорить с ним, но ни взглядом, ни словом, ничем нельзя показать, что ждет этой встречи, что места себе не находит, страдая от непонятого и злого волнения, которое не в силах перебороть. В эти минуты Надя ненавидела себя, и больше всего за то, что искала оправдания не свойственным ей поступкам. Ну когда это было, чтобы она целый час мерзла на скамейке, даже не зная, придет он или не придет?! Ведь это неслыханное унижение! Такого с ней еще никогда не бывало. И Надя объясняла столь невероятный поступок обыкновенным любопытством — интересно, мол, что дальше случилось с Алексеем и как он сумел вернуться домой? Ведь это же целый приключенческий роман, до таких романов Надя была охотницей. Впрочем, самая жгучая тайна, гениальнейшее хитросплетение событий, о чем мог бы рассказать Алексей, не заставили бы прийти Надю в «мертвый сад», где даже днем ей было неприятно. Нет, это все не то — наивные детские увертки.

Сквозь черную, гладкую — будто из клеенки — листву просвечивали лунные лучики, они играли на стеклянных сталактитах, повисших на ветках колючего крыжовника, малины, склонившейся под тяжестью этого нетающего льда, и странно было слышать шум ветра над головой при полной неподвижности листвы. Светлые лунные пятна на дорожке точно примерзли к ней. Надя нервно вздрагивала при каждом шорохе, пугливо

пряталась в воротник, но уйти не могла, зная, что только здесь найдет ее Алексей.

Хрустнуло стекло. Вздвигнув, Надя повернула голову.

— Я везде-везде искал, — несмело проговорил Алексей. — Боялся.

— Чего?

— Здесь плохой человек есть.

— Кто же это? — Надя весело прищурилась. — Багрецов?

Алексей замахал руками:

— Зачем Багрецов? Он свой. Здесь чужой человек ходит.

Внимательно рассматривая этого рослого парня в запыленном комбинезоне, Надя невольно подумала: «Как он похож на своего отца! И вот эта болезненная мнительность ему совсем не идет».

— Успокойтесь, Алеша. Чужих здесь нет. Вам это кажется. — И Надя подвинулась, чтобы он сел рядом. — Рассказывайте, что с вами случилось дальше! Я ужасно нетерпеливая. Итак, вы говорили, что решили бежать из Нью-Йорка. Каким путем?

Алексей присел на край скамейки и опустил голову.

— Пошел в армию.

— Американскую? — не удержалась Надя. — Они воевали всюду. Агрессоры.

Волнуясь и путая английские слова с русскими, Алексей сказал, что потому и записался, что воевали. Там много таких было, бродяг.

— Но как это?.. Ласт бат нот лист... — мучился он, стараясь найти русские слова.

Надя вздрагивала всем телом. Противно и жалко. Наконец, чуть успокоившись, перевела сухо:

— Понимаю. «Был последним, но не худшим». Перевод точный, только... — и она отодвинулась.

— Там были убийцы, гангстеры... жулики... Обман — много доллар. А я...

— Нот лист? — Надя сурово сжала губы. — Не худший? Вряд ли. Те были американцы, покупные солдаты. Но вы же...

— Советский? Так хотела сказать?

Алексей попытался объяснить, что его не обманули, он знал, что делал. Сейчас все, конечно, понял, но и тогда посмотрел на карту в газете и подумал: зачем аме-

риканцам плыть через океан, чтобы воевать в маленькой стране? Над Штатами не летали чужие самолеты, десант не высаживался на американской земле. Тогда зачем же война? Кто ее позволил?

К тому времени Алексей уже вполне прилично читал на английском языке, но в газетах многого не понимал. Они твердили, что американцы должны воевать за океаном, чтобы там уничтожить коммунистов. А почему американцы должны вмешиваться в чужие дела? Почему они хотят убивать коммунистов, которые живут на своей земле? Народам, живущим в своем доме, не нужны заокеанские полисмены. Они не хотят, чтобы их убивали и грабили. Им все равно, под каким флагом это будет делаться, под американским звездно-полосатым или любым другим чужеземным. Под этот звездно-полосатый флаг встал и Алексей Васильев, по паспорту Вильям Джеймс, «свободный американский гражданин». Его не сразу взяли в армию, проверяли благонадежность, здоровье, которым он не мог похвастаться, но, видимо, у вербовщиков были какие-то свои соображения, и Джеймса зачислили в войска.

— Я не был бонхэд... костяная голова, — продолжал Алексей, чувствуя взволнованное дыхание Нади. Она верила, что не за кусок хлеба Алексей стал солдатом. Он поехал за океан, зная, что много американцев сдавались в плен коммунистам. Он тоже хотел попасть к ним, тогда бы его отправили домой...

Надя понимала Алешку, живо представляя себе, как там, на чужой земле, все казалось ему холодным, искусственным, как эти мертвые застывшие ветки, пожелтевшие листья: они не облетают, скованные прозрачной броней. Все есть в этом саду: и пестрота красок, и поздние цветы, и даже птицы, лягушки, стрекозы. Видимость жизни, а не сама жизнь. Хочешь дотронуться, прикоснуться к ней. Осторожно! Кажущийся мягким, шелковым листик впивается в руку острым стеклом. Податливые, чуть упругие ветки, какими ты привык их всегда ощущать, становятся другими, будто сделанными из колючей проволоки. Сквозь такой кустарник не продерешься. Путь закрыт.

Алексей только одного не учитывал — американцы вели войну в Азии, но посылали войска и на другие континенты. К счастью, Алексея привезли в раскаленный от солнца, ослепительно белый малюсенький городок неподалеку от границы Советской страны. В это:

городке хозяйничали американцы. Алексея начали учить стрелять из автомата, окапываться, подползать к колючей проволоке, бросать гранаты, плавать с аквалангом, в полном вооружении переходить реки по дну. Его научили, как пользоваться надувной десантной лодкой, картой и компасом.

— Я был солдат, — старался объяснить Алексей. — Должен шагать на солнце. Всегда кровь из нос. Только я думал — ничего. Много учить — это хорошо. Это очень нужно мне дома. Я знал: скоро буду в Советский Союз.

Скоро не получилось. До советской границы было сравнительно недалеко, однако постоянный надзор не давал ему возможности даже приблизиться к границе. Он старался обмануть бдительность офицеров немой покорностью, точностью выполнения приказов, опасался ненужных разговоров о том, зачем на здешней, не принадлежащей американцам земле построены их казармы. А такой вопрос частенько интересовал кое-кого из солдат.

В одно жаркое утро Вильяму Джеймсу был устроен экзамен по русскому языку. Прошло еще некоторое время, и Джеймса вместе с солдатами неизвестных ему национальностей засадили за изучение азбуки Морзе, потом показали, как обращаться с маленькой радиостанцией и пользоваться шифрами. Все это было довольно подозрительным для учащихся, но об истинной цели столь странных уроков никто ничего не говорил. Наконец, когда начались уроки по географии СССР и некоторых других стран с подробным перечислением крупных заводов, аэродромов, судостроительных верфей, Алексей догадался, к какой роли его готовят. Началось обучение парашютным прыжкам. Он понимал, что, как только он овладеет русским языком, его перебросят в Советский Союз. Кто там поверит, что он вовсе не хотел быть диверсантом? Уроки русского языка велись ускоренными темпами. В то же время Алексей готов был совсем позабыть слова, что помнил с трехлетнего возраста. Но ведь с побоями, унижениями могут и заставить строптивного ученика говорить по-русски. Родной — и в то же время такой ненавистный язык.

Надо бежать, пока не поздно. Он уже многое знал; его научили читать карту, прятаться в кустах, осторожно ступать, неслышно ползать. Возле советской грани-

цы, когда он пытался бежать, его ранили и запрятали в один из лагерей.

Он был каторжником — мостил дороги, долбил киркой неподатливый грунт, рыл оросительные каналы и готовил план нового побега. Невозможно вспомнить, сколько времени — два, три, четыре года — он находился в каком-то полузабытьи, механически раскалывал камни, возил тачки, зимой гнил на мокрой соломе, летом сушил его испепеляющий зной. И только мечта о Родине, упорная и жгучая, поддерживала в нем силы.

И вот он опять бежал. Алексей рассказывал, а Надя чувствовала, как он вновь почти физически переживает те страшные дни. Рассказал о том, как украл акваланг. Раньше учили переходить реку, но он не знал, что на дне той реки, которую ему нужно перейти, были колючие заграждения. Потерял очень много крови, но все-таки вылез на остров, а ночью опять пошел под водой. Больше он ничего не помнил. Днем Алексея нашли советские пограничники.

Возле «мертвого сада» было всегда пусто, здесь никто не ходил. Но этим вечером, накануне самых ответственных испытаний, именно здесь, а не около стройкомбайна можно было увидеть начальника строительства. Что привело его сюда? Беспокойство за сына? Александру Петровичу не очень нравилось, что Алешка проводит почти все вечера с Надей Колокольчиковой. Девушка она избалованная, ветренная. Даже с Литовцевым разговаривает кокетливо, щуря глазки. Поиграет мальчишкой, посмеется, а он будет мучиться. Натура у Алешки цельная. Опасения серьезные, но Александр Петрович не считал себя вправе вмешиваться в сердечные дела сына. Это неудобно, бестактно.

Совсем иная тревога привела начальника строительства к «мертвому саду». Провод, найденный Багрецовым возле лопнувшего патрубка, все еще не давал Васильеву покоя, хотя давно уже было выяснено, что к этому саду слишком далеко тянуть электролинию, и вряд ли кто-нибудь на это мог решиться. Сегодня у Васильева промелькнула пока еще туманная, но достаточно обоснованная мысль, что провод можно было раскалить от аккумулятора, и Васильев решил пройти на это место в надежде хоть чем-то подкрепить свою догадку.

Как шмель, жужжал фонарик, рука устала нажимать на его рычаг. Луч света вырывал из темноты либо застывшую в стекловидной массе траву, комки грязи, путаницу следов на тропинке, либо скользил по песчаной сухой почве, где среди разных отпечатков невозможно было найти квадратное углубление или что-нибудь похожее на то, что здесь стоял аккумулятор. Да и вряд ли здесь мог быть злой умысел! Приехал представитель завода, где производились пластмассовые патрубки, взял осколки, привез десятки новых патрубков для строительства поселка и уехал обратно. Ответа о результатах исследования пока нет.

Васильев уже хотел было идти домой, но тут появился запыхавшийся Литовцев.

— Вот вы где, Александр Петрович! А я вас по всему строительству ищу. Приятная новость. Я дал в Москву телеграмму. Послезавтра приезжает товарищ Пузырева.

— Кто она такая?

— Неужели не встречались? В институте личность достаточно известная, кандидат наук. Работает у меня пока младшим научным сотрудником.

— Меня в данном случае не степень ее, не звание интересуют. Что она умеет делать?

— Очень знающий человек. Последнее время работала с Дарковым. Новый рецепт они, наверное, вместе разработали. Во всяком случае, в водных растворах она разбирается лучше меня. Я же не бетонщик. — Последнюю фразу Литовцев процедил презрительно.

Васильев подумал, что Литовцев поступил тактично и умно. Он избавил начальника строительства от необходимости вызвать специалиста, который в большей мере знаком с новым предложением Даркова, чем бывший его соавтор.

— Очень хорошо сделали, Валентин Игнатьевич, — искренне поблагодарил Васильев. — А не отложить ли нам испытания на денек-другой? Подождем вашу Пузыреву... А?

— Думаю, что это разумно.

В степной тишине чуть слышно плыла девичья песня. Васильев и Литовцев молча шагали по тропинке, что проходила возле «мертвого сада», и изредка обменивались репликами о предстоящих испытаниях.

— Молодежь не спугните, — понизив голос, сказал Литовцев, глядя в просвет между деревьями, где рядом,

плечо к плечу, сидели Надя и Алексей. — Позавидуешь!

Васильев прибавил шаг и, отойдя подальше, проговорил:

— Боюсь, как бы Алексей голову не потерял.

— По моим наблюдениям, ей это тоже грозит. Но такой невесткой я бы гордился. Девушка с образованием. Работает в исследовательском институте. У нее все впереди. Глядишь, степень получит. Научные труды. Прекрасная жена для Алеши! — вздохнул Валентин Игнатьевич. — Вы бы поговорили с ним...

— О чем? — резко спросил Васильев. — Сказать, что у нее хорошее будущее? Я вижу, что люди они разные, но и об этом говорить не могу.

— Станный человек вы, Александр Петрович, — приподняв шляпу как для приветствия, удивленно проговорил Валентин Игнатьевич. — Неужели вы ничего не хотите сделать, как говорили латиняне, «про домо суа», то есть в защиту своего дома? Неужели вы не поможете сыну найти свое счастье? Ведь ему самому это сделать гораздо труднее, чем его сверстникам, выросшим дома.

Васильев нервно передернул плечами. И чего этот непрошенный советчик лезет не в свои дела? Что он за человек? Васильеву уже не раз становилось очевидным, что дела, порученные Литовцеву директором института, Валентин Игнатьевич устраивает лишь ради собственных сугубо личных интересов. И где-то в глубине души возникало недовольство собой: слишком рано он поверил Литовцеву. Ведь его поездка в Сибирь на стройку лишь козырная карта, умело используемая в игре, а телеграмма насчет Пузыревой — вынужденный ход, продиктованный отнюдь не благородством. А история с прибором? Вряд ли это была обыкновенная ошибка, в которой Литовцев потом признался. Слишком уж горячо он настаивал на необходимости отложить испытания. Все это говорило о том, что нельзя слепо верить Литовцеву. Пожалуй, было бы лучше, если бы он уехал. Но можно ли надеяться на Пузыреву, хотя она и работала над новой рецептурой?

Лишь сейчас понял Васильев, что все эти дни, не ставя перед собой сознательно такой задачи, он постепенно узнавал Валентина Игнатьевича. Ведь Литовцев любил выражать собственное мнение не только по техническим вопросам.

Вопросы воспитания молодежи, вопросы морали, семьи, брака, поведения в обществе — здесь Валентин Игнатьевич считал себя высшим судьей. Еще бы! Он создал крепкую, весьма благополучную семью, дети воспитаны в страхе и повиновении, за столом не разговаривают, умеют держать себя при гостях. Аллочка и на виолончели играет, преуспела и в английском. Ребенком ходила в группу к англичанке. Сейчас учится в балетной школе. Юра заканчивает университет, водит машину, теннисист. Слава богу, на семью Валентин Игнатьевич не может пожаловаться. Если вспомнить все высказывания Валентина Игнатьевича, то в основном они касались именно этого круга вопросов, и перед Васильевым постепенно обнажалась вся нехитро замаскированная обывательская сущность «воспитателя»...

Так, обламывая листья у белого тугого кочана, можно добраться до кочерыжки. И Васильев, думая об этом сравнении, решил, что для пользы дела надо обламывать листья, не дожидаясь, когда их хватит мороз и когда они сами отпадут, гнилые и ненужные.

ГЛАВА 10. КОГДА РУШИТСЯ ПОТОЛОК И КОГДА ПОДЛОСТЬ НЕНАКАЗУЕМА

так, Надя дождалась дня, когда ее телеконтролеры оказались необходимыми. С Димкой она по-прежнему не разговаривала. Алексей сказал ей о сломанном переключателе и о том, что отец хочет перевести его на другую работу. «Кто наябедничал насчет переключателя? Конечно, Димка, — решила Надя и еще больше на него разозлилась. — Вот до чего ревность доводит, даже совесть потерял!»

Испытания начались рано утром. По собственной инициативе Надя взяла Алексея в помощники и делала вид, что обойтись без него не может. Десятки раз она гоняла его по лестнице стройкомбайна, заставляя то поднять, то опустить аппарат, то изменить угол наклона объектива. Алексей понимал ее с полуслова, радо-

вался, что занят делом, хотя попросту был у Нади мальчишкой на побегушках.

Багрецов управлялся один. После того как Алексей ответил, чему его учили за границей, что показалось Димке насмешкой, уже не хотелось прибегать к его помощи. Пусть с ним занимается Надюша.

— Начнем, пожалуй, «ин оптима форма», так сказать, по всем правилам, — весело проговорил Литовцев, подходя к Васильеву. — Коллега Пузырева задержалась, как гласит телеграмма, «по семейным обстоятельствам», но с химией как будто все в порядке.

Под напускной веселостью Валентин Игнатьевич прятал глубокую тревогу. Еще с вечера под наблюдением лаборантов была приготовлена жидкая масса Даркова. Сам Валентин Игнатьевич проследил, чтобы цистерну с раствором опечатали и возле нее поставили охрану. Эту предосторожность Васильев считал излишней, но подчинился настоятельной просьбе Литовцева.

— Ничего не поделаешь, Александр Петрович, — криво улыбался Литовцев. — Обстановка требует. А кроме того, я хочу оградить интересы моего друга, Григория Семеновича Даркова. У него оказался инфаркт. Вы представляете себе, что будет, если он узнает о неудаче?

— О неудаче вы напоминаете уже который раз, — хмуро заметил Васильев. — Поверьте, что с этим настроением работать трудно. Должна быть уверенность, иначе все прахом пойдет.

С улыбкой превосходства на припудренном после бритья лице, в теплом пальто, велюровой мягкой шляпе, закутанный шарфом, чтобы не простудить горло, смотрел Валентин Игнатьевич на бегающего от стройкомбайна до пульта управления охрипшего Васильева в белесом от цементной пыли брезентовом комбинезоне, с покрасневшими от утреннего холода руками, — человека, славе и карьере которого сегодняшние испытания ничем не грозили.

Чего же он бегаёт? Чего суетится? Директором института его не назначат, в академики не выберут. Какое там в академики! Он еще даже не кандидат. Либо это сумасшедший фанатик, либо ему можно приписать латинское определение «тестимониум паупертатис» — «свидетельство о бедности, о скудоумии».

А этот «скудоумный» с каждым днем все больше и

больше убеждался, что лидарит годился лишь для первых опытов, а по существу это был лабораторный материал, не рассчитанный на массовое промышленное изготовление. Лишь сейчас, с изобретением Даркова, открываются новые, невиданные перспективы, которые могут в корне изменить обычное представление о методах поточного строительства.

Вначале опыты проводились на маленьких пластинках, раствор Даркова разбрызгивался ручным краскопультом, потом перешли на метровые пластины, залили часть формы. Казалось бы, все получилось хорошо и нечего было тревожиться, но, опытный экспериментатор, Васильев знал, что самое трудное впереди.

Он не ошибся. На экране телевизора со специальным защитным козырьком от солнца можно было рассмотреть тугие струи жидкой массы, оседающей на стенках формы. Выключили форсунки. Яркий прожекторный луч скользил по стенам, освещая отдельные участки уже готовой, быстро твердеющей стены.

Васильев давал отрывистые приказания Наде направлять прожектор, соединенный с объективом, в ту или другую сторону.

Особенно боялся Васильев за потолок. Под действием собственной тяжести масса, похожая на сырой бетон, еще не успевший окончательно затвердеть, может расслоиться и упасть вниз.

— Покажите потолок.

Надя легко повернула небольшой штурвал, и объектив телеконтролера оказался направленным вверх.

— Дайте большее увеличение, — снова приказал Васильев.

Надя изменила фокусировку, и на экране показалась шероховатая поверхность с кратерами, горными пиками — ну точь-в-точь как в телескопе, когда смотришь на Луну.

Но что это? Мертвая планета ожила, вспучилась, побежали трещины, как при землетрясении, выросли новые горы, и вдруг огромный кусок ее поверхности рухнул вниз. На экране промелькнула тень, глухой удар, как дальний пушечный выстрел, разорвал напряженную тишину.

Надя вздрогнула, зажмурилась, боясь, что аппарат погиб под сырым тестом цементной лепешки, но вспо-

мнила о прозрачном конусе сверху — защита надежная — и вновь открыла глаза.

Аппарат работал, показывая стенку формы с остатками упавшей массы. На этом месте потолка почти не было.

Вот еще удар, точно взрыв, потряс стальную форму, потом второй, третий. Шлепались на звонкий пол тяжелые лепешки.

Экран потемнел. Надя решила, что упало напряжение в сети.

— Алеша, посмотрите, что на щите.

Но Алексей не отвечал. Сжав кулаки, он стоял возле стальной стены и вслушивался в глухие взрывы. Как-то отец рассказал, что того дома в Ленинграде, где они раньше жили, больше нет, во время войны при ночном налете бомба пронизала его насквозь, под развалинами погибла мать Алексея. Красивая женщина с большими, как бы испуганными глазами, фотографию он показывал Наде. Может быть, сейчас Алексей и думал о страшной ленинградской ночи? А что должен испытывать сам инженер, когда рушится его мечта?

Надя искоса поглядывала на Александра Петровича, следившего за экраном, но лицо его было непроницаемо. Вероятно, в такие минуты он умел собирать всю свою волю, твердо сжимая кулаки, чтобы случайно не расслабиться.

Очень мало понимала Надя в физико-химической механике. Но она была экспериментатором и, хоть возилась не со строительными материалами, а с телевизионными камерами, чутьем догадывалась, что именно сегодняшние испытания могут определить всю дальнейшую работу Васильева.

Убедившись в неудаче, Васильев приказал раздвинуть форму, убрать сырую массу и спросил у Литовцева:

— Плохо схватывается. Возможно, слишком жидкий раствор?

— Сделано точно так, как указано в рецептуре.

— Но меня интересует ваше мнение...

— Я не могу позволить себе роскошь судить о науке, в которой не искушен. Вот придет Пузырева...

Но Пузырева не ехала, несмотря на вторую телеграмму, подписанную начальником строительства.

— Кто еще работал с Дарковым? — томясь нетерпением, спрашивал Васильев.

— Мои лаборанты Алик и Эдик, кроме них — молодой инженер без степени, то есть «дии минорес» — младшие боги, — пожимая плечами, говорил Литовцев. — Еще одна лаборантка. Я ее мало знаю, но Пузырева что-то говорила о ее моральных качествах. Да разве им можно поручить серьезное дело!

С этим не мог не соглашаться Васильев. Два лаборанта Литовцева жадно смотрели ему в рот, ловили каждое слово признанного главы школы, создателя лидарита, и даже пикнуть не смели, чтобы выразить свое мнение.

Впрочем, это было вполне понятно. Молодой инженер, которого недавно назначили в лабораторию Литовцева, попробовал усомниться в температурной стойкости лидарита и решил ее проверить. Через неделю инженер исчез. Потом уже в лаборатории узнали, что он уволен «за неспособность к научной работе».

Убедившись, что Литовцев не желает рисковать своим добрым именем, помогая начальнику строительства заниматься «внеплановыми испытаниями», Васильев попробовал обратиться к лаборантам. Согласно рецептуре мальчики честно отвешивали какой-то алюминиевый порошок, разные другие добавки, смешивали их с цементным раствором и наполнителем, но когда Васильев спрашивал у них, достаточна ли вязкость, мальчики, как по команде, затыгивали на шее пестрые прозрачные козыньки и смущенно переглядывались.

— Надо спросить Валентина Игнатьевича, — хором отвечали они.

Валентин Игнатьевич появлялся в дверях, окидывал подчиненных суровым взглядом и цедил насчет необходимости органических стабилизаторов, чего Дарков не предусмотрел.

— Совершенно верно, Валентин Игнатьевич, — подкивал один из лаборантов.

— Вот именно, — подхватывал другой.

Литовцев смотрел на них с явным пренебрежением и, повернувшись к Васильеву, добавлял:

— Но еще раз повторяю, Александр Петрович, что в данном случае мое мнение ни к чему не обязывает. Вероятно, можно обойтись и без стабилизаторов.

Начинались первые осенние заморозки. По утрам на дорогах хрустел ледок. Надо было торопиться. Скоро придет раствор для лидарита. Рисковать нельзя.

Иначе холода и снежные метели сильно затрудняют испытания, тем более что здешнее строительство не рассчитано на зимние условия.

Васильев послал еще одну телеграмму директору с просьбой ускорить выезд Пузыревой и, махнув рукой на консультанта, на его вышколенных лаборантов, сам занялся рецептом Даркова.

Поражало совершенно непонятное явление: заливка стальных пластин из краскопульта или с помощью маленькой цемент-пушки всегда давала положительные результаты. Но стоило перенести опыты на стройкомбайн, как все выглядело иначе. На стенках бетон держался, но лишь когда форма была раздвинута. Если же форма сдвигалась и наблюдения велись через телекамеру, то можно было заметить, как сырое тесто начинало сползать со стен, обрушиваться с потолка, точно машина старалась сбросить с себя тяжелый груз.

Никаких вибраций, ничего, что могло бы механически или электрически подействовать на сырую массу, в машине не обнаружено. Значит, дело в составе массы, в каких-то подчас неуловимых явлениях нарушения кристаллизации, побочных химических реакциях, в чем инженеру-конструктору Васильеву трудно разобраться. Его считали человеком весьма образованным, универсалом. Но что поделаешь, если, например, бетон живет, как организм. В нем появляются «цементные бациллы», которые вызывают на поверхности белую слизь, и бетон разрушается. Надо знать, как за ним ухаживать, пока он еще не созрел, какие вводить в него ускорители твердения, как закаливать его. Все нужно знать, и, главное, не по учебникам и справочникам, а практически.

Васильев попробовал проверить классические рецепты ячеистых бетонов, чтобы познать, в чем сущность изобретения Даркова. Оказалось, что обычные рецепты совершенно не годились для стройкомбайна, они требовали другой технологии. Скажем, газобетон обычного типа должен заливаться в форму, а не разбрызгиваться по стене, на которой он ложится кусками, как мыльная пена, после чего делается рыхлым, вовсе не пригодным для строительства.

У Васильева была довольно приличная техническая библиотека, часть которой он привез с собой. Поздними вечерами он сидел в кабинете и, разложив перед собой

справочники, пробовал доискаться, в чем же основная идея Даркова, какую роль играет неожиданная добавка к цементу. Если бы Васильева спросили о добавках к стали, он не стал бы рыться в справочниках, наизусть зная все ее марки, все особенности. Скажи ему, что создана новая сталь с такими-то показателями, — и в этом случае он мог бы определить, что в ней есть и какова ее примерная технология. Но здесь другая наука, физико-химическая механика, в данном случае далекая от металлургии.

И все же Васильев не отчаивался. До приезда опытной специалистки из Москвы он сам месил цементное тесто, зная, что сейчас дорога каждая минута.

Именно в такую минуту, когда он размешивал раствор, в лабораторию вошла Надя.

— Александр Петрович, вас ждут.

— Кто? — не отрываясь от работы, спросил он.

— Женщина. Она там с Алешей разговаривает.

Васильев решил, что приехала Пузырева. Как он ее ждал! Ему казалось, что только она сможет помочь, причем сразу же, стоит лишь задать ей несколько вопросов — и все будет в порядке. Он покажет свои записи, образцы пластин, протоколы испытаний. Кому-кому, а специалисту, проработавшему в институте десятков лет, нетрудно будет определить, почему разрушается строительный материал, составленный по рецепту Даркова.

— Это новый консультант, Наденька, — весело сказал Васильев, тщательно моя руки под краном. — Теперь мы все узнаем.

Надя стояла возле двери и почему-то не уходила. В щель тянулись закатные лучи.

— Алеша с ней хорошо знаком? — наконец спросила она с подчеркнутым равнодушием.

— Не думаю. В институте он почти никогда не бывал.

— Это ничего не значит. Ну что ж, спасибо. — И, нервно передернув плечами, Надя выскользнула за дверь.

Вот тут и верь мужчинам! Казалось бы, у Алешки никого нет, ни друзей, ни родственников, тем более знакомых женщин. Тогда чем же объяснить загадочную картинку: когда она шла сюда, рядом с Алешкой вдруг появилась молодая, по-настоящему красивая женщина — перед собой Надя кривить душой не будет, дей-

ствительно она хороша — и принялась обнимать его за плечи, ласково гладить по волосам. Надя делает вид, что ей безразличны эти нежности, гордо поднимает голову и проходит мимо. Алешка же краснеет, отодвигается от женщины и лепечет что-то невразумительное — Надя с трудом понимает, что он просит передать отцу о приезде гостя.

— С удовольствием, — говорит Надя и, не оглядываясь, чтобы не выдать досады и недоумения, убыстряет шаги.

Не желая теперь вновь встретиться с Алешкой, Надя обогнула здание и пошла к воротам. Тут ее догнал Литовцев, взял за руку повыше локтя:

— Не торопитесь, девочка. Подождите старика.

В этой глуши, где не с кем словом перемолвиться, поболтать с хорошенькой и к тому же умненькой девушкой — одно удовольствие. Тем более что она напропалую флиртует то с Алексеем, то с Багрецовым. Кокетливо щурит глазки.

— Я безмерно удивлен, Надя́н, — произнося ее имя на французский лад, он ласково и артистически играл своим тенорком, говорил обыкновенные пошлости, привычные в том маленьком мирке, где ему льстили и считали обаятельным. — Чем объяснить ваше одиночество? Капризом юности или горьким разочарованием?

Искося взглянув на него, Надя поняла, что и он был свидетелем той сцены, которая не давала ей покоя.

— Вы на станцию? — спросил Литовцев, небрежно вешая трость на руку.

— Нет.

— Мне нужно дать кое-какие телеграммы. Почему бы вам не проводить старика? Хотя бы ради оригинальности.

— Это скорее скучно, чем оригинально, — равнодушно отозвалась Надя. — Но мне все равно. Пойдемте.

Поднимаясь на ступеньки проходной будки, Валентин Игнатьевич еще крепче сжал руку Нади, чтобы она случайно не оступилась, и эта навязчивая предупредительность была ей неприятна.

...Темнеющая степь с дальними огоньками станции показалась Наде неудобной, холодной. Возможно, потому, что рядом шел застегнутый на все пуговицы че-

ловек, точный, расчетливый. Надя глушила в себе воспоминания об Алексее, думала о дружбе с Димкой, что так нелепо оборвалась. В эту минуту ей страшно хотелось чувствовать бережную Димкину руку, опираясь на нее, идти далеко-далеко, до самого горизонта, чтобы позабыть о склоненной стриженной голове, которой ласково касались чужие женские пальцы. Где ты, Димка? Отзовись!

Валентин Игнатьевич исподволь нащупывал тему для разговора, однако Надя догадывалась, что его все не интересуют неудачи последних испытаний, и она только из вежливости и уважения к старшим принимала участие в разговоре.

— Меня поражает современная молодежь, — с игранным возмущением переменял тему Валентин Игнатьевич. — Я понимаю Алешу. «Беати поссидентес», то есть «счастливы обладающие». Мальчик взрослый, всякие могут быть увлечения. Но нельзя же допускать, чтобы его знакомая, или... как там ее назвать — неважно, вдруг так прямо, «а лимине» — «с порога» то есть, открыто выражала свои чувства. Это попросту неприлично.

— Не знаю, о чем вы говорите, — как можно спокойнее сказала Надя, злясь на себя и на бестактность Литовцева. — Мне, например, ужасно нравятся люди с открытой душой, которым не нужно прятать свои чувства.

— Дорогая Надин, времена безрассудной любви давно уже канули в вечность. Пылкие Ромео не взбираются по шелковым лестницам на балконы. За это милиционеры штрафуют. Джульетт я видел только крашенных.

— Так вам и надо!

— Вы наивны, деточка. Любви вообще не существует. Она выдумана поэтами. Зачем далеко ходить за примерами? Я наблюдаю за сыном. Он у меня вроде подопытного кролика. Знакомит с девушкой, намекает, что это его невеста. Потом приходит в гости другая. Опять малый без ума. Наконец, самая последняя любовь. «Квази», то есть «как бы» любовь... А Юрка доказывает, что крепче ее на свете не бывает. Ссылается на Вергилия, который изрек однажды: «Омниа винцит амор». Дескать, «любовь все побеждает». По некоторым соображениям, потребовалось мое вмешательство. Невеста неподходящая. Вернее, не она сама, а ее се-

мейка. Юрочка мой поскулил недельку, и тем дело кончилось.

— Потому что ваш Юрочка — кролик. Сами же сказали.

Надю до отвращения стал раздражать Литовцев, но она не могла решиться вернуться обратно. Совсем стемнело, боязно. Рядом хоть и противная, но все-таки живая душа. А позади никого, только черные тени овражков и придорожных кустов.

Надя не пыталась освободить руку, которую Валентин Игнатьевич сжимал все крепче и крепче — то затем, чтобы помочь ей перешагнуть канавку, то чтобы не споткнулась о камень. Боязнь темноты и сурового молчаливого простора заставляла Надю идти бок о бок с Литовцевым, чувствовать его дыхание на щеке, когда он, доверительно наклоняясь к ней, говорил о радостях жизни, о веселых курортных поездках, о том, что Надя еще много должна узнать, но только ей, девушке умненькой, надо наплевать на всех мальчишек в мире, товарищи они ненадежные, ветреные, в чем она только что убедилась — Литовцев явно намекал на Алексея, — и никто из них не даст ей настоящего счастья.

— Да это вы и сами понимаете, — ворковал Валентин Игнатьевич. — Сначала не расставались с одним, потом с другим. Не хмурьтесь, милая деточка. Древние мудрецы говорили, что это — «ин рерум натура», то есть «в природе вещей».

— Простите, Валентин Игнатьевич, — раздраженно перебила его Надя. — Не знаю насчет мудрецов, по какому поводу они это говорили, но вот вы говорите пошлости.

— Абсолютно верно. Но кто вам еще это скажет, причем искренне и доброжелательно? Надо знать жизнь, девочка.

— У меня к этому больше возможностей, чем у вас.

— Не понял.

— У меня впереди еще много лет.

Намек пришелся не по вкусу Валентину Игнатьевичу.

— Но что толку, когда обыкновенные радости жизни придут к вам слишком поздно! Надо пользоваться ими сейчас, пока не притупилась свежесть восприятия, пока остры впечатления. Вы, например, говорили, что никогда не видели ни моря, ни гор. Вы даже Волгу не

смогли рассмотреть. Ночью переезжали. А представляете себе, как приятно проехаться по красавице Волге на теплоходе?

— Не спорю. Когда-нибудь это сделаю. А сейчас у меня осталось несколько дней от летнего отпуска, и я хочу поехать к маме в Курск. Там сейчас гастролирует их передвижной детский театр.

— Ваша мама актриса?

— Да. Травести. Все еще девочек играет.

«Так вот откуда у Надин сценические наклонности!..» Литовцев помолчал, как бы обдумывая подходящую фразу, картинно выпрямился и спросил небрежно:

— А почему бы вам, Надин, не поехать отсюда по Волге? — И, не дожидаясь ответа, пояснил: — От Саратова до Горького, кажется, четыре дня, а там поездом до Москвы всего одна ночь. Я бы мог составить вам компанию.

— Но мне нужно к маме, — чувствуя какую-то непонятную неловкость, проговорила Надя.

— Положитесь на меня, Надин, — Валентин Игнатьевич отечески погладил ее по плечу. — Сумею составить маршрут, я заранее закажу билеты. Сейчас чудесная осень, вы увидите Волгу, будем бродить по улицам разных городов, выходить на пристанях. Изумительная поездка! Вы не пожалеете, девочка.

Надя молчала.

Литовцев оценил ее молчание по-своему. Девочка смущена, раздумывает, осторожничает, но и он тоже не мальчик, знает, как себя вести. Поэтические осенние закаты, золотая листва, россыпь огней прибрежных городов, рыбачьи костры — все это умело сочеталось в рассказе Литовцева с комфортом каюты «люкс», салом-рестораном и прочими благами цивилизации.

Он осмелел и уже не снимал своей тяжелой руки с хрупкого Наденькиного плеча.

— Знаете, Надин, лишь человек в зрелом возрасте может быть истинным другом юности. Вы непохожи на отсталую девушку «ноли ме тангере», то есть «не тронь меня». Еще Гораций писал «срывай день, не заботясь о будущем». Что меня привлекает в этой поездке? Слава богу, я десятки раз путешествовал по Волге. Но мне хотелось бы вашими глазами взглянуть на нее, заново пережить волнения юности, как при первой встрече с этой изумительной природой. В моем же лице

вы найдете внимательного спутника, который избавит вас от забот и хлопот, связанных с дорогой. Я рыцарски буду служить вам. Я... — Он оглянулся и замолчал.

По обеим сторонам дороги двигались чуть освещенные серпом луны две темные фигуры. Шли они поодаль, видимо не желая выдавать себя, но в то же время и не отставая от идущих впереди.

— Пойдемте быстрее, — испуганно пробормотал Валентин Игнатьевич и, схватив Надю за руку, потащил вперед. — Может быть, успеем добежать.

На что уж трусишка Надя, но и то удивилась:

— Зачем?

— «Зачем!»! «Зачем!»! — зло передразнил ее Литовцев. — Откуда мы знаем, что это за люди?... Здесь, говорят, поблизости трудовые колонии организованы. Может, оттуда сбежали молодчики... — Он еще быстрее потащил Надю за собой.

Она не могла бежать. Каблуки высокие, попадают в засохшую глинистую колею. Да и потом, что за глупость! Нельзя же каждого куста бояться. Надя оглянулась — возможно, отстали? Нет, наоборот, бежали вслед. Надя вырвала руку у Литовцева и остановилась.

Две темные фигуры тоже остановились, выжидая. До станции было еще далеко.

— Теперь поняли? — прошипел Литовцев.

Багрецов не меньше Васильева был огорчен неудачными испытаниями. Все его электронные контролеры, гамма-уровнемеры, тензометрические датчики, установленные на стенках формы, как во время заливки, так и позже, при высокочастотной сушке, показывали, что процесс происходит нормально, но, по странному совпадению, именно в тех местах, где ни контролеров, ни датчиков не было, наблюдалось разрушение слоя. Значит, надо определить эти участки и перед следующими испытаниями поставить там контрольную аппаратуру. В конце концов нельзя же обойтись только Надиными телеаппаратами, когда требуются не только визуальные, но и более точные данные.

Все оказалось не так просто, как на первых порах представлялось Вадиму. Если раньше Васильев не прибегал к помощи электростатического поля, когда частицы разбрызгиваемого раствора, заряженные положи-

тельно, оседают на заземленной форме стройкомбайна, то сейчас этот метод пришлось применить, хотя он и вызывал дополнительные трудности. Например, между слоями разбрызгиваемого раствора, с целью электропроводности их поверхности, необходимо было наносить тончайшую пленку то ли графита, то ли алюминиевого порошка. Вадим этого точно не знал. Система вращающихся форсунок была надежно изолирована от корпуса, и между ними в процессе наслоения цементной массы была довольно высокая разность потенциалов, видимо порядка нескольких тысяч вольт. Это создавало необходимость особо тщательной защитной блокировки при испытаниях.

Сейчас для подготовки завтрашних экспериментов надо было найти Надю, у которой есть точные записи, на каких участках потолка происходили наиболее серьезные повреждения слоя.

Димка обыскал всю территорию строительства. Нади нигде не было. Вероятно, бродит с Алексеем где-нибудь неподалеку? На всякий случай спросил у вахтера.

— Да вот уж как полчаса с этим самым... с профессором ушли. Видать, на станцию.

Движимый смутным чувством тревоги, Вадим выскочил за ворота. Забежать домой было некогда, и Вадим снял светлый плащ, свернул его и сунул под мышку. Шел он быстро, усиленно напрягая зрение. Но вот и они: фигурка в белом пальто и рядом темная, бесформенная. И тут смелость Вадиму изменила: как воспримет его появление Надя? Опять подумает, что он следит за ней, подслушивает, хотя знает, что Вадим в этом отношении щепетилен. Он и сейчас боялся приблизиться, шагал вдоль кювета, путаясь ногами в сухих плетях какого-то, черт его возьми, чертополоха, брюки намокли от вечерней росы чуть ли не до коленей.

Шел в постоянном страхе: а что, если Надя увидит? — из-за чего не мог выйти на дорогу, где он сразу станет заметнее. Но все это пустяки — долг есть долг, — однако Вадим вовсе не думал, что придется испытать неожиданно болезненное чувство, когда словно вороново черное крыло рука Литовцева легла на плечи Нади и она допустила это. Что в мире делается! Ведь сама же говорила, что терпеть не может Литовцева...

За спиной Вадима послышались тяжелые шаги. Кто-то бежал. Вадим присмотрелся. Размахивая кепкой, в расстегнутом ватнике, человек мчался, будто за ним гнались. Странно.

Вадим предусмотрительно отошел в сторону от дороги. Человек пробежал бы мимо, но его пришлось окликнуть.

Это был Алексей.

— Где она? — запыхавшись, спросил он.

— Что-нибудь срочное?

Вадим мог предполагать, что Надю срочно вызвали на строительство, Васильеву потребовались записи или дополнительные испытания. Ведь мысль изобретателя никогда не дремлет, он постоянно работает — и дома и на прогулке, всегда думает о том, как бы решить задачу, а тем более сейчас у Васильева после неудачных испытаний. Возможны и другие срочности: телеграмма-молния, дома неблагополучно. Но все это сразу развеялось, стоило лишь повнимательнее посмотреть на Алексея.

— Где она? Где? — повторил тот, волнуясь.

Вадим указал на еле различимые вдали фигуры, Алексей успокоился и пошел рядом.

Ни Вадиму, ни Алексею не хотелось говорить о Наде. Они прекрасно понимали друг друга, и при данных обстоятельствах любое упоминание о ней было бы фальшивым и неуместным.

Алексей неожиданно спросил:

— Ты часто письма пишешь. Кому?

— Маме. Потом еще друг есть.

— А у меня есть мачеха. Друга нет.

— Да, это, конечно, тяжело, — вздохнув, заметил Вадим.

— Я тоже так думал, когда попал домой. Я не хотел чужого человека. Мачеха, степ-мутер, — задумчиво произнес Алексей. — Сколько про мачеху сказок есть! Я читать сказки по-английски, потом по-русски. У разный народ про мачеху написано. Мачеха злая, противная очень, очень некрасивая... Похожа... как это? — на ведьма. Детей посылает в лес. Там дети будут замерзать. Их будут кушать волки. Никогда я не читал, что есть добрая мачеха, ни там, оф Америка, ни здесь... дом.

— Но ведь это в сказках.

— Зачем в сказках? Когда я говорю, что у меня

есть мачеха, все хотят вздохнуть. Ты тоже сейчас... вздохнул.

— Это по привычке. Но, возможно, мачеха у тебя хорошая?

— Не знаю. Она есть мачеха.

Алексей упрямо потупился. Когда-то, еще в детском саду, им показывали цветок, он называется «мать-и-мачеха». Внизу у него листики бархатные, мягкие, а сверху холодные, жесткие. Значит, это очень плохо — мачеха, даже само слово какое-то унижительное, злое. Так как же жену отца — свою «мачеху» — он мог встретить хорошо? Хотя для этого причин конкретных не было, но до сих пор своей отчужденности понять не может. Она конструктор, вместе с отцом работала в Баку, у них есть девочка, значит, как сказал Алексей Вадиму, «май систер» — сестренка. Он ее очень любит, и отца тоже. А Мариам для него так пока еще и остается мачехой. Почему? — допытывался Алексей.

— Мне кажется, что ты ее должен уважать хотя бы ради отца, — ответил Вадим.

— Уважать? — переспросил Алексей и, показывая вперед, где рядом с Надей шел Литовцев, проговорил хмуро: — Его тоже уважать? Почему? Он старый ученый. Много делает. Только не буду верить ему, не люблю его. И Мариам тоже, — почти с детской наивностью заявил Алексей.

Он рассказал, что сегодня Мариам приехала сюда. Знает, что отцу тяжело, захотела быть вместе... Ну и хорошо, спасибо, но он-то, Алексей, здесь при чем? Он для нее посторонний человек, а она для него тем более. Но почему Мариам не понимает этого? Алексей знает, что книг она много читала. В них, наверно, сказано, какой должна быть мачеха. И он с искренним волнением попросил Вадима объяснить, как держать себя с мачехой. Ведь у нее не спросишь. Обидится.

— А отец? Он же поймет тебя. Подскажет.

Взяв Вадима под руку, Алексей помедлил и, как лучшему другу, признался, что у отца он спрашивать не может. Отец столько вынес горя... когда мать погибла. А потом из-за него, Алексея. Отец любит Мариам, и Алексей боится хоть чем-то помешать его счастью. И не только потому, что он его отец. Алексей бежал домой через пустыню, продирался сквозь колючие зарос-

ли, плыл под водой, искал свой берег. На опыте он познал, как это трудно. А отец всю жизнь это делает. Он всегда впереди, он ищет дорогу, пробиваясь сквозь чащу. Ищет не для себя, а для всех...

— Нельзя ему делать больно! — заключил Алексей свою горячую, взволнованную речь. — Лучше я буду умирать!

Рваное облачко, что закрывало молодую луну, поднялось вверх, словно легкая занавеска от ветра, и на дороге стало светлее. Не сговариваясь, Вадим и Алексей разошлись в разные стороны, чтобы казаться менее заметными. Так они и шли по обеим сторонам дороги, как бы охраняя идущих впереди. Однако Вадим заметил, что Литовцев вдруг прибавил шаг и потащил Надю за собой.

Это не понравилось Алексею, и он побежал вслед. Ясно, что и Вадиму пришлось не отставать.

Надя отбросила руку Литовцева и остановилась. Алексей тоже замедлил шаги. Вадим последовал его примеру, но в конце концов эта игра в прятки ему надоела, он негромко крикнул:

— Надюша!

— Димка! — послышался радостный голос, и Надя бросилась к нему навстречу. — Как я рада! Ужасно!

Подбежав к Вадиму, она растерялась: рядом стоял Алексей. Вот он положил руку Димке на плечо и, не стыдясь прорвавшегося чувства, сказал с облегчением:

— Надюша, милая. Мы очень, очень... Ужасно беспокоились.

Алексей что-то еще бормотал смущенно, корил Надю за позднюю прогулку, приходилось отшучиваться; но когда он спросил, что ей нужно на станции, Надя вспомнила о приезжей гостье и, злясь на себя, ответила:

— Сама не знаю. Оставим этот разговор.

Вадим понял, что Надюша чем-то расстроена и они — непрошенные соглядатаи — тут ни при чем. Больше того, она им даже рада. Значит, виноват Валентин Игнатьевич, и этого ему нельзя простить, будь он хоть в пять раз старше Вадима и в десять раз более уважаем.

— Ну что ж, проводим старика на станцию, — вполголоса сказал Вадим, заметив, что Литовцев

Надя до боли в ногтях вцепилась в рукав Алексея. «Неужели никто ему в морду не даст?» — промелькнула несвойственная ей по грубости мысль.

— Мальчишки, милые, — с трудом вымолвила она, — что же вы молчите?

— Мы хорошо воспитаны, Надюша, — ответил Вадим и, точно ничего не было, воскликнул: — Футбол-то прозевали!

Он вытащил из кармана овальную коробочку, повернул рычажок, засветился экран, замелькали фигурки игроков, и сразу же из громкоговорителя величиною с пяточок послышался голос спортивного комментатора: «Удар! Еще удар!.. Ну кто же так бьет по воротам!»

— Счет... Счет какой? — оживилась Надя. Ведь сейчас на одном из стадионов Европы происходило самое волнующее состязание сезона.

Она была ярой болельщицей и сразу же завладела Димкиным телевизором.

С Димкой это редко бывало, но сейчас он решил схитрить: незаметно от Нади повернул ручку настройки, и передача прекратилась.

— Что-то испортилось, — сказал он сокрушенно. — Хотел подстроиться точнее.

Надя огорчилась:

— Как же теперь быть? До конца матча еще целых сорок минут.

— Надо бегать домой, — предложил Алексей. — Надо успеть.

Надя крикнула в темноту:

— Валентин Игнатъевич, у нас авария! Придется бежать домой.

Алексей шепнул Наде:

— А как же он? Нельзя оставлять на половина дороги.

— Димочка проводит.

Вадима это никак не устраивало.

— Пожалуйста, — равнодушно сказал он. — Только у моего другого телевизора я кинескоп менял. Развертка дурит. Надо наладить. Ты, Надюша, этого сделать не сможешь. Надо в схеме разобраться.

— Вечно у тебя так! — рассердилась Надя и, оглянувшись на Литовцева, добавила вполголоса: — Ничего, пойдет за нами.

Сколько сказок сложено, сколько книг написано о страданиях детей в доме мачехи! С давних времен, из поколения в поколение переходит молва о злых ее кознях. И вряд ли мы припомним хоть какие-нибудь страницы, где бы описывались ее мучения. Но ведь в наши дни мы гораздо чаще видим совсем иное. Есть люди хорошие и плохие вне зависимости от того, в каких семейных отношениях они между собой состоят. Также есть дурные дети и заботливые мачехи, которым приходится далеко не сладко. Однако на их женские плечи люди взваливают все давнишние грехи, когда-либо содеянные мачехами всех времен и народов.

Редкая судьба у Мариам: сама еще молодая женщина, а тут вдруг — взрослый сын. Правда, в горных селениях Азербайджана, откуда она родом, девушки рано покидали родительский кров, создавая свою семью. И у Мариам могли уже быть взрослые дети, но любовь долго не приходила к ней, а потом появилась неожиданная, непонятная. Также и сын оказался неожиданным. Александр Петрович считал его давно погибшим, но улыбнулось счастье. Алешка вырвался из чужого мира, теперь он дома, с отцом и женщиной, которая призвана заменить ему мать.

В Москве, в комнате Алексея, висел большой портрет его родной матери, и никогда не могла даже подумать Мариам, что Алешка так же должен любить и мачеху. На это она не рассчитывала, но быть самым лучшим его другом хотела во что бы то ни стало. По существу, Алешка одинок, отца видит редко, настоящих товарищей приобрести не сразу. И все же Мариам чувствовала нетающую ледяную перегородку между собой и «сыном», как мысленно она его называла.

Несмотря на ее заботы об Алексее, на живое участие в его судьбе, крепнет эта ледяная стена, которую, кажется, ничем не растопить. Если бы не это, Мариам была бы счастлива. Все есть у нее: и любовь, что сра-

зу пришла, безраздельная, властная; веселая дочурка, увлекательный труд... Все есть, кроме полного счастья в семье.

Александр Петрович человек сдержанный и тактичный, он видит, что сын дичится Мариам, но никогда ему не скажет об этом, и Мариам чувствует себя виноватой. Она не знает, как подойти к Алексею. Покупает ему модные заграничные рубашки и галстуки, а они так и лежат в шкафу. Приносит бананы и ананасы, к которым Алексей так и не притрагивается.

Знала бы Мариам, как для него эти галстуки неприятны! Они напоминают о прошлом, когда он голодным и оборванным проходил мимо пышных витрин с модной одеждой, а тропических фруктов видеть не может. сколько корзин он перетаскал на своих плечах! Но признаться в этом не хочет: опять Мариам начнет его жалеть. Он категорически не хотел принимать чьи-либо заботы. Сам стирал, сам пришивал пуговицы.

Алексей хотел чувствовать себя абсолютно самостоятельным и жить только на свои заработанные деньги, чтобы познать радость свободного труда, чего он был лишен на чужбине. Он не хотел пользоваться никакими благами, что достались ему не по праву.

Дело доходило до болезненных чудачеств. Алексей, например, считал, будто проходная комната в квартире отца досталась ему незаслуженно. Ведь он ее не заработал, а приехал на готовенькое. Он даже мечтал, что придет время, когда получит комнату в каком-нибудь заводском или совхозном общежитии за свой личный труд, что успел вложить в общее дело.

Он сказал об этом отцу, тот горько пошутил: откуда, дескать, у парня, воспитанного в капиталистическом мире, оказались столь максималистские тенденции на пути коммунистического строительства? В принципе Васильев поддержал сына, но посоветовал с мечтой пока повременить, так как его странные тенденции могут не найти поддержки. Над парнем начнут издеваться. Пусть пока привыкнет к нашему образу жизни.

Встретившись с Мариам на строительстве, Алексей испытывал двойственное чувство. С одной стороны, очень хорошо, что она прилетела, — отец будет доволен, ему сейчас тяжело. Но в то же время было обидно за себя: неужели эта чужая женщина ближе отцу, чем собственный сын, которого отец не видел многие годы? Алексей понимал всю наивность подобных рассужде-

ний, но от этого было не легче. Не легче было и Мариам.

В первую минуту Алексей будто обрадовался ей, но потом нахохлился, на все ее вопросы отвечал односложно и с нетерпением ждал, когда позовут отца, чтобы избавиться от тяжелой необходимости разговаривать с мачехой.

Наконец из-за угла лаборатории показался отец. Алексея как ветром сдуло — зачем мешать их встрече? — и Мариам, словно еще чувствуя зыбкий пол самолета, неуверенно пошла навстречу мужу. В эту минуту она уже все позабыла, слышала какие-то радостные слова, чувствовала крепкие родные руки, и лишь немного спустя до ее сознания дошло, что Александр Петрович настойчиво спрашивает ее о чем-то.

— Где Иришка?

— Дома. Мама приехала погостить.

— Но ведь ты же хотела сама лететь в Баку?

— Зачем лететь? Да? Отпуска не дали.

— А как же сейчас?

— Упросила. Да? По семейным обстоятельствам.

— Странно. Сюда должна была приехать для консультации некая Пузырева. Но до сих пор ее нет. То же, говорят, «по семейным обстоятельствам».

— Мы женщины, Саша.

— Но что ты называешь семейными обстоятельствами?

— Как что? Я должна быть с тобой в трудную для тебя минуту.

— Не понимаю. Я тебе ничего не писал.

— Как всегда, дорогой. — Мариам нахмурилась, затем, подняв голову к Васильеву, просветлела. — Потом расскажешь. Ты рад, что я прилетела?

Васильев приподнял ее за талию, ласково шепнул:

— Сумасшедшая.

— Сам такой.

— Ну хотя бы телеграфировала.

— Зачем? Чтобы спросить разрешения? Но ведь я не просто так приехала. У меня есть и задание. Да?

— Обрадовала, — укоризненно покачал головой Васильев. — А я-то по наивности своей действительно подумал, что здесь только сердце виновато... «Задание»... Ладно, идем в управление. Выкладывай на стол командировочные документы. Да?

Он поддразнивал Мариам пресловутым бакинским «да», в котором слышится и вопрос и утверждение. От этого «да» она никак не могла отвыкнуть.

Мариам привстала на цыпочки и, взявшись за борта его пиджака, заглянула в глаза:

— Глупенький. Зачем командировка? Меня просто просили кое-что узнать. Но мы оставим это до завтра. Сейчас я хочу знать все о твоих делах.

Васильев смотрел на жену, и вместе с чувством теплой благодарности за счастье, что внесла она в его трудную, беспокойную жизнь, в нем возникло острое недовольство собой. Он никогда даже не пытался скрывать свои неудачи от Мариам. Правда, она способный конструктор широкого профиля и может судить о делах мужа, будто сама занимается ими. Но ведь он-то должен и поберечь ее от лишних неприятностей — у нее своих на работе хватает. И Васильев дал себе слово ничего сейчас не говорить Мариам о том, сколь серьезны его неудачи, что это грозит дальнейшей судьбе стройкомбайна и вообще реализации изобретения, которому он отдал годы жизни.

Ночью Мариам проснулась от ощущения, что Саши нет рядом. Открыв глаза, она увидела его за столом. Лампа была прикрыта газетами, чтобы свет не мешал Мариам, и только узенький лучик лежал на бумаге, над которой склонился Васильев. Мариам осторожно пошевелилась. Он виновато оглянулся:

— Прости, Мариаша. Я только записать, — и, бросив карандаш, подошел к кровати.

Сидя возле нее на маленьком гостиничном коврикe, прижавшись к теплой, ласковой руке, он говорил какие-то смешные несуразности и вдруг вспомнил:

— Кто-то из классиков писал, что счастливый брак — не тема для литературы. Вероятно, это правильно. Как бы сейчас про меня написать? Сидит пожилой человек на полу, говорит глупости, и ему не стыдно.

— Да, на бумаге все выглядит иначе... — Мариам помолчала, потом привстала на кровати. — Все-таки ты должен мне все сказать. Да?..

— Подожди до завтра. Да? — передразнил он ее.

Мариам протянула руки за часами, лежащими на тумбочке.

— Четыре часа, — Она положила часы обратно и,

кутаясь в теплое одеяло, проговорила: — Ты просил узнать, когда пришлют гранки. Звонила в редакцию журнала. Вежливо извиняются, но из слов заместителя редактора поняла, что твоя работа в набор не пошла.

— С глаз долой — из сердца вон. Обычная история.

— Зачем «обычная», Саша? История неприятная. Да? Вот послушай. Как тебе известно, наше заводское конструкторское бюро тесно связано с вашим институтом. У нас работает молодой талантливый инженер, твой метод он предложил для крепления кровли при проходке шахт. За угольным комбайном идет машина-автомат с форсунками и разбрызгивает на стенки шахты жидкий бетон. Этот же способ можно применить при прокладке метро. Тогда не потребуются дорогие чугунные или еще какие-нибудь тьюбинги. На первых порах инженер хотел проверить твоё изобретение при бурении широких скважин для колодцев. Такие машины мы строим, но после бурения стенки закрепляются обычно опусканием бетонных колец..

— Но у меня пока ничего не получается, — вырвалось у Васильева. — Бетон, созданный по рецепту Даркова, трескается и отваливается от стенок.

— Мало ли что у тебя не выходит. А у другого получится, тем более что условия разные. Но не в этом дело. — Мариам высвободила руки из-под одеяла и села. — Дарков, у которого всегда консультировался наш инженер, к сожалению, заболел, пришлось говорить с каким-то Пирожниковым.

— Тоже из лаборатории Литовцева?

— Конечно. Но этот Пирожников ничего не знает. Последнее время с Дарковым он не работал.

— А Пузырева?

— У нее какое-то домашнее несчастье, и в лаборатории она почти не бывает... Но ты слушай дальше. То ли для того, чтобы отвязаться от нашего инженера, Пирожников заявил, что метод Васильева оказался порочным и работа его не будет опубликована.

— Постой... Но какое отношение он имеет к редакции? И кроме того, что он понимает в моих работах? Ведь он только химик. Кстати говоря, с лидаритом все хорошо получилось, с другими пластмассами тоже. Наконец, по моему способу делались трубы. Говорят, что это сулит серьезные перспективы. При чем тут какой-то Пирожников?

— Он все время вертится в редакции. На письма отвечает, аннотации пишет. Ему стало известно, что дела нехороши, неудачные опыты, две аварии... Сразу же сигнал. Да?

— Ты говоришь странные вещи, — Васильев сжал виски руками. — Ведь это же заявление некомпетентного мальчишки. А в редакции сидят умные люди.

— Верно. Умные и осторожные. Сигнал! Значит, надо повременить.

— Но ведь можно позвонить директору, в партийное бюро...

— В партийное бюро? Но именно туда прежде всего обратился комсомолец Пирожников. Повод основательный. Да? Еще бы! Взлетели на воздух тонны лидарита, в создании которого он принимал самое близкое участие. Вместо исправления своей ошибки Васильев занимается бесперспективной внеплановой работой. Сроки строительства первых лидаритовых домов для молодых механизаторов задерживаются. Труженики целинных земель живут в вагончиках...

— Да откуда он все это знает? — раздраженно спросил Васильев.

— Знает. Да? Из газет и писем друзей. Кстати говоря, кто-то из здешних лаборантов написал ему, что приходится выполнять твои внеплановые задания, и Пирожников уже размахивал этим письмом на комсомольском собрании. Кричит: «Мы не допустим, чтобы нас эксплуатировали».

— Дурак.

— По некоторым отзывам, законченный. Да? Но демагог. В таком сочетании это уже страшная сила.

Завод, где работала Мариам, был очень интересен и своеобразен по своему профилю, он выпускал буровые установки, шахтное оборудование, имел мощное конструкторское бюро и охотно принимал заказы на постройку опытных образцов по предложениям изобретателей, в том числе и Васильева. Постоянное общение с научно-исследовательскими институтами, творческая, деятельная обстановка, при которой каждый работник оценивается лишь по таланту и труду, где нет ни степеней, ни званий, «школ» и «школок», где мысль создателя обязательно получает свое реальное воплощение в машине, станке, технологическом методе, где все это проверяется на практике, а не прячется в архивы, —

именно это позволяло Мариам настороженно относиться к деятельности специалистов типа Пирожникова.

— Я не могу понять, почему в вашем институте доверяют этому халтурщику ответственные задания. Приехал недавно согласовывать технические условия на лабораторную вибротельную установку. Заявился в КБ важный, на всех свысока смотрит. Ну как же! Ведь он представитель научного института. Такую чушь молот, что даже девчонки-практикантки прыскали за его спиной. А Литовцев этому пустомеле авторитет создает. Да? Кому это нужно?

— Пока не знаю. Возможно, что и самому Литовцеву.

Утром неподалеку от «мертвого сада» трава покрылась инеем. На вытопанных дорожках он лежал тонким слоем, точно соль, выступившая из земли. Взошло скучное осеннее солнце, дорожки потемнели, и только белые странные тени прятались у забора, за стройкомбайном, всюду, куда не проникали солнечные лучи.

Васильев показывал Мариам место аварии, показывал трубы, сложенные у забора, и с грустью думал, что вместо отдыха на своей родине, куда Мариам рвалась еще с весны, она выбрала здешний невеселый уголок, где с самого первого дня ей приходится заниматься всякими неприятными делами.

На заводе, где она работала, проектировалась оригинальная установка, что-то вроде химического предприятия под землей, где нет людей и все процессы происходят автоматически. Для подачи реактивов в рудные месторождения требовались кислотоупорные трубы из пластмассы именно той марки, что используется на здешнем строительстве.

Проектировщикам стало известно об аварии. Лопнул прозрачный патрубок, а это уже серьезное предостережение. Пока его исследуют на заводе, где такие трубы были выпущены в небольшой серии, пройдет много времени. А кроме того, если едет свой человек на строительство, то почему бы его не попросить разузнать об этом деле на месте? Вполне возможно, что были допущены какие-либо отклонения от норм эксплуатации. Мариам достаточно разбирается в этой технике, пусть телеграфирует свои соображения.

— Напрасно ты берешь на себя такую ответственность, — сказал Васильев, останавливаясь на краю за-

стывшей лужи из лидарита. — Пусть комиссия работает.

— Я постараюсь ей помочь. А кроме того, мне жалко наших ребят. Ходят как в воду опущенные. Неизвестно, что им дальше делать.

— Ждать.

Мариам подняла вверх лукавые глаза:

— Тебе это тоже советовали. Почему бы не подождать Пузыреву? Наш инженер, о котором я тебе рассказывала, говорит, что, когда заболел Дарков, работа в лаборатории замерла. Внешне ничего не изменилось. Люди на местах. Аппараты, приборы, колбы, пробирки — все как было, только жизни нет. Да? — Мариам подошла к застывшему под слоем лидарита кусту сирени. — Совсем как в этом «мертвом саду».

— Смотри, уколешься, — предупредил ее Васильев, заметив, что она идет дальше. — Я однажды здесь в кровь исцарапался.

— Именно этого и боятся в вашем институте. Исцарапаться! Ты бы вырубил эту мертвечину, — советовала Мариам.

— Топор не берет. Да и некогда этим делом заниматься.

— Сегодня опять испытания?

— Обязательно. Ты понимаешь, Мариаша, я еще никогда в жизни не сталкивался с такой невероятной загадкой. Ставлю под форсункой стальную плиту, включаю компрессор. Начинается разбрызгивание жидкой цементной массы, сделанной точно по рецепту Даркова. Все получается великолепно: масса прекрасно схватывается и, пока еще сырая, крепко держится на плите. Но стоит мне только провести этот опыт в закрытой форме стройкомбайна, когда обе ее половины сдвинуты, как цементную массу точно подменили, она не хочет держаться не только на потолке, но и на стенках. У меня самая новейшая контрольная аппаратура. Телеконтроль, радиоактивные изотопы. Из института метеорологии привезли аппарат, основанный на принципе измерения толщины снежного покрова с помощью изотопов. Здесь он у меня измеряет толщину наращиваемых стен. Однако никакая техника не помогает. Неразрешимая загадка.

— Таких не бывает, Саша.

— Ты сначала выясни насчет лопнувшего патрубка, а потом утверждай.

— Попробую выяснить, хотя уверена, что техника здесь ни при чем. Да?

— Спасибо. Значит, виноват начальник строительства? То есть я? Завод поставил доброкачественные патрубки, а здешнее руководство не провело соответствующей воспитательной работы с кадрами, в результате чего получилась авария. Видишь, уже готовая формулировка для выводов. Так и подсказки комисси.

Мариам оглянулась, не видит ли кто, и обняла мужа.

— Какой ты у меня злой.

— Устал я очень, Мариашка. Вот и бросаюсь на всех.

— А ты отдохни, пока еще не привезли лидарит. Говорят, здесь на речке рыбалка хорошая. Потом сделаешь плановые десяток домиков, и поедем в Москву.

Васильев испытующе посмотрел ей в глаза:

— Шутишь?

— Затем «шутишь»? Разве я не знаю, что ты у меня особенный?

— Неправда, Мариам. Меня просто честность заела. Ведь обещал ребятам дать целый поселок. Надо сделать.

Желая отвлечь его от дурных мыслей, Мариам напомнила:

— У тебя сегодня испытания. Я же никогда не видела.

— Что ж, посмотри. Но радости будет мало.

— С таким настроением незачем и пробовать.

Васильев взял ее крепко под руку, чтобы не поскользнулась на тропинке, залитой лидаритом, и, шагая в ногу с Мариам к месту испытаний, говорил:

— Иногда я страшно ненавижу себя за глупое нетерпение, за кустарничество. В самом деле, почему бы не подождать знающего человека, чтобы вместе заняться поисками? А я не могу, готов ногтями разрывать землю, не дожидаясь, пока принесут лопату. Рою, рою, пальцы кровоточат. И кажется мне, что рядом Литовцев стоит, опираясь на палку, подсмеивается. А сзади, зная, что тебе некогда обернуться и дать в морду, какой-то Пирожников сыплет за шиворот песок... Забавная картинка? Как ты думаешь?

Мариам невесело рассмеялась.

ГЛАВА 12. ПРОТИВНИКИ НЕ СОГЛАШАЮТСЯ НА НИЧЬЮ

Сегодня Васильев начал новую серию опытов, очень трудоемких, но единственно возможных в данных условиях. Придерживаясь основной рецептуры Даркова, Васильев решил внести некоторые изменения в технологию, для чего покрытие внутренних стенок формы производилось при повышенном и пониженном давлении струй, изменялись конфигурация форсунок, температура подогрева, время сушки и так далее. Все эти опыты велись на отдельных участках формы и в разных местах. Были составлены графики и таблицы, причем во множестве вариантов, чтобы хоть методом исключения найти причину разрушения слоя.

Столь широкий фронт работ потребовал установки дополнительных контрольных приборов. Один Багрецов с этим не мог справиться, а потому Надя пришла к нему на помощь.

Ясное дело, что без Алексея она не смогла обойтись, к тому же он стал удивительно понятливым. Алеша понимал ее без слов.

Мариам смотрела на все эти приготовления, держась в стороне, чтобы никому не мешать. Надя изредка на нее поглядывала и с каждым разом все больше и больше убеждалась, что Алешкина мачеха не только хороша собой: в ней было что-то особенно привлекательное, и вся она была какая-то «уютная». Прежде всего Надя отметила ее скромность, даже застенчивость. Мариам боялась лишней раз взглянуть на мужа, хотя нетрудно было заметить, что этого ей очень хочется. Алешка пробегает мимо, и она машинальным, материнским движением поправляет у него завернувшийся воротник, тот даже не благодарит — медведь, конечно, вежливости никакой, — мчится дальше, и Мариам провожает его теплым и чуточку грустным взглядом.

Что с Алешки взять? Ну откуда ему знать правила приличия? До сих пор ведь не познакомил с мачехой.

И вот Надя, махнув на него рукой, а заодно и на ненужные условности, подходит к Мариам:

— Мне Алеша говорил о вас. — И, протягивая руку, добавляет: — Надя.

Мариам задерживает ее маленькие пальцы в своих и ласково улыбается:

— Мне тоже говорили о вас.

— Алеша? — нечаянно вырывается у Нади.

— Нет. Александр Петрович.

Сказано это было сдержанно, и Надя почувствовала, что далее эту тему развивать не следует, причем в обоюдных интересах.

Загудела сирена, зажглись красные контрольные сигналы на боковых стенках формы. Обе половинки поползли друг к другу, соединились, и сигнальные фары оказались рядом, как глаза, горящие тревожным светом.

Надя извинилась и поспешила к аппаратам телеконтроля. Сейчас заработает компрессор, начнут действовать форсунки. «Неужели опять ничего не выйдет?» — подумала Надя и по достоинству оценила тактичность Мариам, которая осталась в стороне, не желая быть свидетелем возможной неудачи. Александру Петровичу и так нехорошо — лучше уж не видеть ее соболезующих глаз.

Неподалеку от стройкомбайна стоял грузовик. Мариам забралась в кабину, опустила стекло и оттуда наблюдала за испытаниями. Ей не нужно было смотреть на экран телевизора, следить за стрелками приборов, разглядывать графики, слышать отрывистые приказания Васильева.

В его движениях, жестах, в выражении лица можно было прочесть и робкую надежду, и нетерпение, и мучительное раздумье, и боязнь неудачи. Десятки раз сдвигались и раздвигались створки формы, вздыхал компрессор, из стальной коробки слышался шум при боя, звонкое шипение мечущихся струй и, точно заключительные скорбные аккорды, гулкие удары густой массы, падающей на платформу. Рушился сырой потолок.

Новый опыт. Заливка участка прошла благополучно. Выключены форсунки. Заработали высокочастотные генераторы — начинается сушка. Проходят минуты, Мариам втягивает голову в плечи, замирает в болезненном ожидании: неужели снова обрушится потолок? Сла-

бенькая надежда согревает сердце — пронесло! И вдруг как удар торпеды в стальное корабельное днище... Сердце падает. Больно, и Мариа́м почти физически ощущает эту боль.

Багрецов, Надя, подсобные рабочие — все, кто участвовал в сегодняшних опытах, готовы были работать до утра, только бы добиться успеха. Даже лаборанты-«близнецы», воспитанники школы Литовцева, увлеклись смелым экспериментом, не обращая внимания на кривую улыбочку своего шефа. Эту улыбку Литовцев сразу же прятал, как очки в карман, стоило лишь только ему встретиться со взглядом Васильева. Больше того — научный консультант свято выполнял свой долг и делал все от него зависящее, чтобы соблюсти в растворах точную рецептуру Даркова и технологический режим. Литовцев понимал, что орешек оказался крепким и раскусить его так просто, как пытаются это сделать одержимый конструктор Васильев, не удастся.

Кстати говоря, чем больше он проведет опытов, тем прочнее и весомее будет слава лидарита, оказавшегося действительно незаменимым. В этом Валентин Игнатьевич был убежден уже после первых часов сегодняшних испытаний, а потому мог позволить себе роскошь предложить новый эксперимент.

— Я опять-таки должен оговориться, — вежливо взяв Васильева под руку, начал Валентин Игнатьевич, — физико-химическая механика не моя стезя. Для меня это «terra incognita». Но не думаете ли вы, дорогой Александр Петрович, что рецепт уважаемого моего коллеги, Григория Семеновича Даркова, нельзя принимать как догму. Как уже не раз вам докладывал, я против всякой эмпирики в науке, но уж если вы на то пошли, то «мутатис мутандис», то есть, внося соответствующие изменения, позвольте предложить...

И Валентин Игнатьевич довольно убедительно изложил свои соображения по поводу увеличения схватываемости нового материала или его вязкости.

Васильев хоть и не очень верил Литовцеву, но доводы его не противоречили рецептурным справочникам, поэтому приходилось соглашаться. Тут же лаборанты-«близнецы» составили еще один вариант раствора, и опыты продолжались. Никаких эмоций у Валентина Игнатьевича эти эксперименты не вызывали. Каж-

дый пачальник, а тем более такой, как Васильев, имеет свои причуды. Он сам за них и в ответе.

Так же рассуждал и монтер Макушкин. Сегодня он дежурный. Самое милое дело — ходи да посматривай. Завтра отгул — можно в деревню сходить к бывшим дружкам. Говорят, кто-то сапоги продает, уступает по дешевке — жмут, проклятые. Свояку подойдут, перепродать можно. Сегодня бы сходить надо, а то еще упустишь... Да вот затеяли волынку, до самой ночи здесь проваландаешься. Несознательный народ! Бегают как очумелые, а все зря. Брали бы пример с профессора, он только палочкой показывает, а командировочные идут. Житуха — дай бог каждому.

Макушкин в замызганном ватнике ходил по территории строительства, следил, чтобы не было нарушений правил эксплуатации сетевых воздушных и кабельных проводов, случайных, не предусмотренных инструкцией включений электробытовых и разных других приборов. Ходил облеченный властью и не знал, где ее проявить.

Заметив, что приезжий инженер Багрецов надставил резиновый кабель обыкновенным, осветительным шнуром и готов включить его в сеть, Макушкин поднял руку:

— Погодите маленько. За аварии вы, что ли, будете отвечать?

Багрецов только что получил приказание Васильева включить прибор для измерения температуры на расстоянии. Вполне возможно, что стенки формы перегреваются, причем неравномерно. Легче всего это определить термистором, помещенным в собирающее устройство. Нужно было удлинить шнур, иначе неудобно работать с прибором.

— Эти времянки здесь ни к чему, — строго проговорил Макушкин, указывая на белый шнур, лежащий на земле.

Багрецов нервничал. Стенки формы остывали, а еще не все ее участки проверены. Он отмахнулся от Макушкина, как от надоедливой мухи:

— Потом, потом, не мешайте, — и поднял вверх трубу, похожую на телескоп.

Стрелка прибора медленно поползла к нулю. В данном случае она показывала температуру облаков. Что-то не понравилось Багрецову, то ли он не поверил, что осенние облака слишком холодны, то ли еще какая со-

мнительная причина потребовала быстрой прикидки, работает ли прибор, и Багрецов, к немалому удивлению Макушкина, стал направлять трубу на него.

— Стойте на месте, — приказывал Багрецов. — Не вертитеесь. Расстегните ватник!

Ничего не понимая, Макушкин послушно выполнял все эти требования.

Вдруг Багрецов подошел и озабоченно положил ему руки на лоб.

Макушкин разъярился, резко отбросил его руку:

— Не лапай. Не купишь!

— В чем дело? Что вы злитесь? Мне нужно было проверить...

— Себя проверь. Еще неизвестно, кто из нас... — И Макушкин недвусмысленно повертел пальцем у виска.

Он был уверен, что москвич его разыгрывает, издевается. И главное, за что? Подумаешь, какой образованный!.. Замечание ему сделали насчет провода. Профессор тоже еще нашелся. Да он, Макушкин, как есть дежурный монтер, самому профессору обязан сказать, ежели непорядок замечен.

Подошел начальник Васильев, и по тому, как он торопил Багрецова, Макушкин понял, что жаловаться не стоит, и здесь он не найдет справедливости. «Леший их знает, — подумал он, отходя в темноту, — один большой начальник, а другой просто инженер, мелкая сошка, а вроде как одинаковые. Видать, они оба...» — И он мысленно покрутил пальцем у виска.

А совсем уже поздно, когда начальник убедился, что опыты пора заканчивать, к дежурному монтеру прибежал Багрецов.

— Вы простите меня, — говорил он сонному Макушкину, лежавшему на жестком диванчике в будке дежурного. — Мы друг друга не поняли. Некогда было объясняться...

Он вытащил из рукава какой-то куцый карандаш на проволоке и ткнул Макушкина в руку.

— Так и есть, — сказал Багрецов, глядя почему-то на часы. — Температура нормальная. А тогда мне показалось...

Макушкину хотелось спать, но пересилило любопытство. Оказалось, что не карандаш это был, а электрический градусник и не часы это были, а вроде как вольтметр, где стрелка показывала температуру.

— Это самая обыкновенная штука, — объяснил Багрецов. — Разница в том, что градусник надо держать десять минут, а здесь — секунду.

В свое время, когда Макушкин работал на фабрике, он ухитрялся часто бюллетенить: приходил к врачу и в ожидании приема умел вытворять всякие штуки с градусником, чтобы повысить температуру.

— Изобрели на нашу голову, — хмуро сказал он, тыча себе в нос, щеку, шею градусником-карандашом. — Раз — и готово.

Он смотрел на циферблат и видел, как тоненькая стрелочка показывала одно и то же число «36,6». Все ясно, можешь отправляться на работу.

Багрецов не обратил внимания на реплику Макушкина и продолжал:

— Здесь, в наконечнике, чувствительный полупроводник-термистор. Он превращает теплоту в электрический ток. Но ведь теплоту можно измерять и на расстоянии. Это я и сделал, когда направил на вас аппарат... Ватник расстегнулся — стало больше излучаться тепла...

— Вроде как от печки, — с ухмылкой заметил Макушкин. — Вспотеешь тут бегамши... Выходит, что направил трубочку на человека — и сразу видно, вольтит он или вкалывает будь здоров.

— Это и так видно, — не преминул съязвить Вадим, хорошо зная, как работает Макушкин. — Вам, как электрику, следовало бы поинтересоваться термисторами. Это самое обыкновенное чудо. Вон в окошке — звезда. Видите, как горит?

— Вижу, — неохотно откликнулся Макушкин, так как пришлось пригнуться и встать, чтобы разглядеть звезду, на которую указывал инженер. — Горит будь здоров!.. Выдает полным накалом.

— Так вот, если на нее навести специальный телескоп с термистором, то можно узнать, какая на этой звезде температура. Понятно?

— Чего ж тут не понять? Но только в другой раз насчет времянок поглядите. Мне же из-за вас холку намнут, будь здоров. Одна авария уже была, с меня хватит.

— Извините, это я впопыхах, — искренне признался Вадим. — Батарейку искал, а она, оказывается, в чемодане лежала. Никакой проводки для нового прибора не требуется. Вот он, пожалуйста, — Он вытащил

из кармана аппарат, похожий на обычную фотокамеру с телеобъективом.

Всю технику, которая его окружала, Багрецов готов был сделать карманной. Сверхминиатюрный всеволновой приемник, крохотный магнитофон и телевизор-малютка — все это для него было пройденным этапом. Но он мечтал о конструкциях, далеких от его специальности, и уже кое-что спроектировал. Если же дело касалось радиотехники или чего-то близкого к профессии Багрецова, то его фантазия здесь была неистощима. И действительно, сейчас он показывал Макушкину карманный термометр, которым можно определять температуру какого-нибудь нагретого тела, причем на довольно большом расстоянии.

— Вы курите? — спросил Вадим и, получив утвердительный ответ, попросил: — Закурите.

Макушкин нашарил в кармане спички, достал пачку сигарет и, удивляясь, как это людям не надоест даже после работы заниматься всякой скучной техникой, сунул сигарету в рот.

— Выйдем на улицу, — предложил Багрецов.

Набросив на плечи ватник, Макушкин неохотно поплелся за москвичом. Ничего особенного инженер не показывал. На далеком расстоянии, когда уже стал совсем неразличим огонек сигареты, положенной на землю, Багрецов находил ее сразу, стоило лишь поводить трубкой аппарата. Стрелка прибора так и прыгала за шкалу, точно не сигарета лежала на земле, а раскаленная болванка. Аппарат показывал, откуда струится тепло: то из дымовой трубы, то из приоткрытой двери конторы. Лампочка у проходной будки излучала не только свет, но и тепло. Остывал мотор компрессора, и стрелка показывала, что он еще горяч. Под ногами тоже было тепло — здесь зарыт силовой кабель. Чуть-чуть нагревались провода, подвешенные на столбах, и маленькая трубка аппарата ловила ничтожную их теплоту, превращая ее в движение светящейся стрелки на шкале.

Но это была чужая, незнакомая техника, которая мало интересовала Макушкина. Да и к своей-то он относился с неприязнью: все чего-то новое придумывают, непонятное — аж башка трещит. Учить заставляют, инструкции читать. А получка как была, так и остается прежняя. Задаром, что ли, голову ломать? Дураки-то повывелись.

Он готов был уже оставить Багрецова, но тот вдруг рассмеялся:

— Не спрячешься. — И, показывая в темноту, где горели зеленые светящиеся точки, объяснил: — Тоже тепловой излучатель. Ишь, глазищи-то выпучила.

Кошка перебежала за куст, но и там была найдена термолокатором.

— А ежели, к примеру, заяц? — наконец-то проявился интерес у Макушкина. — Далеко его учуешь?

— Не пробовал, но думаю, метров за двести-триста. Конечно, если земля холодная.

— Ну а человек, коли по степи идет?

— Километра за два можно обнаружить. Да вот хотя бы... — Багрецов услышал голоса у проходной будки и направил туда рефлектор аппарата. — Здесь, конечно, близко, но все-таки...

Хоть и весьма несовершенен был термолокатор Багрецова, построенный на принципах общеизвестных аппаратов, но он определил, откуда исходила теплота — от лампочки над дверью проходной будки или от группы людей, которые сейчас о чем-то спорили возле этой двери.

— Будь здоров, «профессор», — насмешливо приветствовал Макушкина знакомый, видно, парень, снимая кепку и низко кланяясь. — Как жизнь профессорская? Не худо тебе здесь на научных хлебах? Не выгнали еще?

— Давай проходи, — угрюмо буркнул Макушкин. — Нечего тебе здесь делать.

— Насчет дел помолчал бы, «бегунок». Как вы считаете, ребятки? — Парень обернулся к своим спутникам.

— «Бегунок» и есть, — подтвердил кто-то. — Другого прозвища не подберешь.

На «бегунка» особенно сердился Макушкин. Но ведь не кто иной, а сам виноват. Чуть что — грозился: «Давайте расчет. Шалавых нету. Подавай «бегунок!»» Запомнили ему это слово, так с ним и путешествовал, как с обходным листком.

— Где тут у вас начальство живет? — не обращая внимания на злость Макушкина, спросил у Багрецова насмешливый парень.

Вадим понял, что за этой как бы развязностью парень явно скрывал смущение. Это можно было прочи-

тать на лицах всех ребят и особенно девушек. Пришли прямо с работы: поверх лыжных штанов были надеты короткие ситцевые платица и темные жакеты. «Не успели переодеться, — решил про себя Вадим. — Видно, дело срочное, не терпящее промедления». Он не знал, что Васильев ушел домой удрученным и что после такого тяжелого дня начальнику строительства было не до встречи с молодежной делегацией из совхоза. Вот почему Вадим осмелился и привел делегацию к дому Васильева. Нажал кнопку звонка и скрылся в темноте.

Дверь открыла Мариам. Кутаясь в теплую шаль, она стояла на ветру и не знала, как поступить. Александр Петрович, наскоро пообедав, ушел в другую комнату и вот уже около часа молча сидит с закрытыми глазами. Даже подойти страшно.

— Простите нас, конечно, — с той же нерешительностью, что и у Мариам, начал длинный нескладный парень, раскачиваясь, точно от ветра. — Поговорить хотели. Дело вроде как серьезное.

— Зима скоро, — подсказала девушка, придерживая у коленей развевающееся платье. — Куда деваться?

Другая тоже сослалась на зиму, потом на дождь, и Мариам поняла, что речь идет об опытных домиках, которые до сих пор не построены, и комсомольцы пришли узнать, в чем тут задержка.

Но дело обстояло иначе. Не только дома интересовали посланцев из совхоза, клуб им нужен, чтобы кино смотреть, спектакли ставить. Летом хорошо и под открытым небом, а сейчас что делать?

— Предложение у нас есть, — сказал высокий парень, наклонившись к Мариам. — Может, чего и получится?

— Заходите, — сказала Мариам, широко распахивая дверь.

Она была уже рада этому приходу, хорошо зная по опыту, что в трудные минуты очень важно напомнить человеку, насколько он нужен, необходим, как люди ждут его новых работ, искренне желая успеха.

И вот сейчас, с теплой улыбкой смотря на ребят, ожесточенно вытирающих ноги в прихожей, на девушек, которые боязливо, на цыпочках, ступали на половичок, чтобы не наследить, на руки их, огрубевшие от работы и знойных ветров, Мариам была счастлива, чувствуя

неразрывную связь между собой, Васильевым и теми, кому принадлежит его талант, ради кого он живет и трудится.

Жмурясь от яркого света, ребята рассаживались на стульях поближе к столу, а девушки прижались друг к другу на уютном диване в глубине комнаты.

— Саша, к тебе гости, — сказала Мариам, заглянув в дверь.

И то, как это было сказано, по-домашнему, по-семейному, и кипящий чайник на столе, печенье и конфеты, предложенные гостям, — все это располагало к простому, доброму разговору.

Васильев вышел в домашней стеганой куртке, поздоровался и, на ходу завязывая пояс, спросил:

— Нетерпение одолевает? Так я понимаю? — И, не дождавшись ответа, добавил: — К ноябрю получите.

— Спасибо, — без особой радости сказал веселый парень. — Но только мы еще и клубом интересуемся. Мы, конечно, мало в этом деле понимаем, но про ваши научные опыты нам директор рассказывал. Вот мы и подумали с ребятами... Нельзя ли, мол, соединить ваши три или, скажем, четыре дома вместе, чтобы большой зал получился. Кино бы там устроили, сцену... Лектор когда бы приехал или артисты... Зимой нам без клуба не обойтись.

— Потанцевать негде, — услышался робкий голос с дивана.

— Тут о деле говорят, — бросил парень через плечо, — а они насчет танцев. Несознательные, конечно! — И, глядя в упор на Васильева, продолжал: — Клуб у нас на будущий год запланирован. Мы бы, конечно, дожидаться не стали. Научились бы и плотничать, и печи класть. Девчата-прицепщицы стали бы заправскими штукатурами, малярами. Объявили бы комсомольскую стройку, и дело с концом. Но сами понимаете, не будем же мы строить барак. А для современного дома — все привозное, даже дерево. Все на учете... Директор нам сказал, что вы на здешней извести и глине работаете. Мы этого добра накопаем сколько хотите, привезем, все сделаем, что нужно. Ночами будем работать, вам помогать. Полсотни комсомольцев пришем на стройку.

— Куда мне столько! — печально улыбнувшись, сказал Васильев и отодвинул стакан. — В том-то и

дело, что люди здесь не нужны. Машина за них работает. А обслуживать ее и трех человек достаточно. Эх, ребятки! Если бы все было так просто...

И, чувствуя настойчивую потребность выговориться, поделиться своими бедами и тем самым хоть немного облегчить душу, Васильев начал рассказывать о лидарите, о рецепте Даркова, о бетоне, позволяющем даже тем стройкомбайном, что здесь есть, создавать здания с большой площадью без всяких подпорок и перегородок. Далеко позади остались вопросы о клубе, ради чего пришли сюда ребята, и каждый из них — тракторист и прицепщица, они же плотник и штукатур, — видели, как идет по степи машина, оставляя за собой не только жилые дома, но и школы, гаражи, ясли и детсады. То, о чем еще не мечтал даже сам конструктор.

— Но вот пока не получается, — виновато проговорил Васильев.

Все молчали. Да и что тут скажешь? Каждый из присутствующих знал этим словам цену.

— Не горюйте, ребятки, дело поправимое, — заметив, что гости погрустнели, улыбнулся Васильев. — Скоро мне помощницу из Москвы пришлют. Как-нибудь разберемся.

Он стал расспрашивать ребят об их новых профессиях, трудно ли они осваивались, об организации технических курсов. Гости охотно отвечали, однако нет-нет кто-нибудь и спросит: а не слишком ли жидок раствор, почему он плохо схватывается? А нельзя ли подогреть его или разогреть стенки формы? Но разговор не клеился.

Мариам не один раз звонила Алексею, чтобы он пришел с Багрецовым, но они куда-то запропастились — видно, гуляют где-нибудь. Наконец дозволилась:

— Алеша, приходи чай пить. У нас гости.

— Спасибо, Мариам. У меня тоже гости.

— Приходи с Вадимом.

— Какой же он есть гость? Тут есть еще товарищ... — В голосе чувствовалось смущение, и Мариам догадалась, что ему неловко говорить о своих гостях в их же присутствии.

— Тащи всех с собой. Да? — сказала она и через несколько минут уже встречала Алешу с Вадимом в прихожей. За ними постукивала каблучками Надя.

— Это Надя, — с трудом вымолвил Алексей, выдвигая ее вперед, и почему-то отвернулся.

А Надя вовсе не смущалась, она даже подчеркивала свое расположение к Алексею, брала его под руку и всем своим видом говорила, что счастлива быть рядом с ним и ее абсолютно не интересует, что об этом скажут другие. Впрочем, она пришла в дом, где ее не осудят.

Надя сбросила в прихожей пальто, небрежно передала его Димке, чтобы повесил, и поискала глазами зеркало. Зеркала не оказалось, пришлось раскрыть сумочку...

Мариам молча наблюдала за Надей. Смотрела на ее уверенные, точные движения, они были грациозны и в то же время деловиты, ни одного лишнего жеста, все законченно, отработанно, как в балете.

Поправив прическу, Надя чуть пригладила брови, осмотрела себя со всех сторон — не помялось ли ее любимое темно-зеленое платье — и вошла в столовую. Ну, Димка, берегись! Этого Надя ему никогда не простит. Знал же он, что девушки и ребята пришли сюда прямо с работы. А она вырядилась прямо как на бал. Лаковые туфельки, а девчата в сапогах. Сидят перешептываются, осматривают ее с головы до ног. Чувствуешь себя как на сцене.

Багрецову не терпелось узнать, что дали сегодняшние испытания, и он спросил:

— Александр Петрович, как проверка на прочность? Вы довольны?

— Очень доволен. Я уже здесь рассказывал.

— Но ведь... — начал было Вадим и осекся, чувствуя, как Надя больно ущипнула его за руку.

Беседа шла, как говорится, ни шатко ни валко. Вадим показывал свой термомокатор, но в комнате он был неинтересен: отмечал теплоту чайника, электролампочки, но это никого не поражало, никого не удивляло.

И вдруг у входа послышался стук.

— Смотрите на стрелку, — сказал Вадим, направляя трубку аппарата на открытую дверь в прихожую.

Стрелка прыгнула за шкалу, на пороге стояла так и пышущая жаром улыбающаяся полная женщина.

— Товарищ Васильев здесь живет? — И, увидев его за столом, воскликнула: — Здравствуйте, Александр Петрович! Прибыла в ваше распоряжение.

Все лица расцвели улыбками. Вот она, долгожданная! Теперь дело пойдет иначе. И ни у кого не было сомнений, что перед ними помощница, о которой говорил Васильев.

А она уже снимала пальто, шляпу, резиновые ботинки и не переставая говорила Васильеву, который помогал ей раздеться:

— Вы-то меня, наверное, не помните. Нас Валентин Игнатьевич познакомил у него в доме. Телеграмму я не успела дать. Думаю, как-нибудь доберусь до станции. Свет не без добрых людей. Так оно и вышло. Подвез директор здешнего совхоза. Встречали его, наверное? Представительный такой, полный. Жалуется на жилье, семейная жизнь, говорит, расстраивается. У кого-то из колхозников снимает комнату, где вместе с ним живет еще и агроном. Куда же, говорит, мне семью перевозить? Спрашивает, когда у вас тут опыты закончатся, чтобы дома начать строить.

Она представлялась каждому из гостей и, протягивая крепкую руку, говорила: «Пузырева», «Пузырева», «Пузырева». Девушек обнимала, дружески похлопывая по плечу, и была удивительно простой, немножко грубоватой, что вполне подходило к ее внешнему облику.

Даже Наде, которая несколько иронически относилась к людям подобного типа, Пузырева понравилась. И полнота ее, широкие плечи, темно-синий костюм с белой кофточкой, костюм, который одно время был чуть ли не прозодеждой многих женщин свыше сорокалетнего возраста, — все это выгодно подчеркивало непринужденную простоту Пузыревой. Гладкая прическа, умело подкрашенные губы, тонкие чулки, черные строгие туфли, лакированная сумка, из которой Пузырева сейчас вынула кружевной платочек, — все говорило о том, что эта уже немолодая женщина умеет нравиться и следит за собой. Гусиные лапки у глаз, заметный второй подбородок, несколько золотых зубов и особенно шея с предательскими морщинами, от которых уже не избавиться, недвусмысленно напоминали о возрасте, однако молодость духа, энергичная походка, оживленная речь заставляли забывать об этом.

— У вас здесь что? Производственное совещание? — спрашивала она и, не дожидаясь ответа, обнимала какую-нибудь девушку. — Замуж-то скоро будем выдавать? Ваш директор говорит, что первые дома отдадут

молодоженам. Вот это правильно. Советскую семью надо укреплять.

Она сидела за столом и, обжигаясь горячим чаем, все говорила и говорила. Рассказывала о новых кинокартинах, об экскурсии в Болгарию, где недавно была.

— Хотите еще чаю? — спросила Мариам, обращаясь к словоохотливой гостье, улучив минутку молчания. — Простите, не знаю вашего имени-отчества.

— Елизавета Викторовна. Но лучше зовите по фамилии. Мне так привычнее. Пузырева и Пузырева. Чего проще?

Васильеву хотелось узнать об институтских делах, но Пузырева, видимо, считала, что после рабочего дня этой темы касаться не следует, тем более она не всем интересна,

— Как здоровье Даркова? — спросил Васильев. — Кто-нибудь из товарищей был в больнице?

— Обязательно. Мне дали поручение. Была у него третьего дня. Бытовые условия вполне подходящие. Предоставлена отдельная палата. В дополнительном питании не нуждается. Обеспечена консультация виднейших профессоров. Чего еще больше желать?

— Но я не об этом спрашиваю, — заметил Васильев. — Вы говорили с Дарковым? Как его настроение? Самочувствие? От этого многое зависит.

— Он хотел узнать насчет своего предложения. Спрашивал, начались ли опыты. Но... — Пузырева повела округлыми плечами. — Тут я не уполномочена.

Заметив, что разговор приобретает характер, не касающийся большинства присутствующих, девушки, а за ними и ребята стали прощаться. Последним задержался высокий парень, который начинал сегодняшней разговор. Он крепко пожал руку Пузыревой:

— Мы на вас очень надеемся. Помогите Александру Петровичу, он ждал вас. А если наша помощь потребуется, то мы в любой момент... Только прикажите.

Пузырева похлопала его по плечу и подтвердила свою готовность помочь в строительстве клуба. Она обязалась и доклад сделать для молодежи.

— Насчет нового строительства? — обрадованно спросил парень. — Нам Александр Петрович немного рассказал, Вот бы всем послушать!

— Его и попросите. А я, собственно говоря, химик. Но могу доложить и о строительстве... — Пузырева для

пущего эффекта помедлила, — строительстве новой семьи. Молодежи это полезно. Как ты думаешь?

— Конечно. Но только нашим семьям деваться некуда. Вот где загвоздка-то.

Надя взяла под руки Алешу и Димку:

— Проводим гостей, мальчики?

Они согласились, но не успели выйти за дверь, как на пути их вырос Валентин Игнатьевич.

— Добрый вечер, Надин. — Он приподнял шляпу и торопливо вошел в дом.

Литовцеву уже успели передать, что приехала его сотрудница. Он низко склонился к ее руке и, спросив разрешения у Васильева, начал расспрашивать Пузыреву о делах в лаборатории. Утвержден ли отчет по такому-то заданию. Оформил ли Пирожников протоколы. Удалось ли освободиться от внепланового задания по проверке одного изобретения. На сколько процентов выполнен план в соседней лаборатории, не выйдет ли она на первое место.

— Я должна сказать, Валентин Игнатьевич, что нам не засчитывают работу по лидариту, пока здешние дома не будут приняты комиссией, — робко промолвила Пузырева, метнув осторожный взгляд в сторону Васильева.

Литовец скривил губы в саркастической улыбке:

— Вы слышите, Александр Петрович?

Васильев прикрыл утомленные глаза и спокойно ответил:

— Это я знаю. Первого ноября может приехать комиссия.

Раздраженно передернув плечами, Литовец стал доказывать, что это будет слишком поздно, процент выполнения плана подсчитывается до первого числа, и если Александру Петровичу безразлично, какое место его конструкторское бюро займет в институте, то он, Литовец, обязан бороться за первое место. Он не хочет прийти «пост фестум», то есть после праздника, потому что это предоктябрьское соревнование и каждый советский человек не имеет права его игнорировать.

Васильев слушал Литовцева не перебивая, и в душе его опять и опять поднималось странное болезненное чувство, когда при тебе говорят в основном правильные вещи, но в устах Литовцева и ему подобных они кажутся оскорбительными, ибо ты прекрасно знаешь, чем вызван их пафос.

— Вы хорошо понимаете, Валентин Игнатьевич, — говорил Васильев, досадуя на себя, что приходится повторять общеизвестные истины, — если мы сейчас прекратим опыты с рецептурой Даркова, то потеряем целый год. Зимой здесь экспериментировать нельзя. Нужны совсем другие условия. А кроме того, если нам удастся сделать хотя бы два-три дома по новому способу и они покажут себя хорошо зимой, то в будущем году завод уже выпустит несколько стройкомбайнов...

— Конструкции Александра Петровича Васильева, — подсказал Литовцев, и губы его тронула усмешка. — Ради этого стоит поторопиться. Вполне возможно, что вы получите звание Героя Социалистического Труда. Все возможно. И я первый вас буду поздравлять. Но пока надо подумать не только о себе...

Васильев медленно привстал, глухо спросил:

— Как вы сказали? «Не только о себе»?

На помощь Валентину Игнатьевичу пришла Пузырева. Она протянула руку через стол и ласково коснулась холодных побелевших пальцев Васильева:

— Вы не так поняли, Александр Петрович. Речь идет о людях. Вот они только ушли отсюда. Как они живут? Вы представляете? Девчатам ни постирать, ни погладить как следует. Семейные живут в общих комнатах. Разве это здоровый быт?

— Но ведь я задержал строительство только на месяц, — сказал Васильев. — Мне разрешили, чтобы потом сделать дома не для десятков людей, а для миллионов. А кроме того, я вас долго ждал. Конечно, семейные обстоятельства. Вы не виноваты, но...

— Не будем касаться этой темы. — Лицо Пузыревой вдруг потемнело. — Вам такие вещи не встречались в жизни.

Валентин Игнатьевич вышел вместе с Пузыревой, чтобы проводить ее в комнату, где она будет жить. Дул холодный ветер — с изморозью, колючий, будто тысячи острых песчинок впивались в лицо.

— Ну и погода у вас, — пожаловалась Пузырева, пряча подбородок в воротник. — В Арктике теплее.

— Это муж вам рассказывал? Я думаю, что семейные обстоятельства, из-за которых вы задержались, объясняются довольно просто. Он приехал с зимовки?

— Нет, — коротко отрезала Пузырева. — Но задержалась я из-за него. Когда-нибудь расскажу.

— Как вам нравится наш фанатик? — после некоторого молчания спросил Литовцев.

— Он, конечно, интересный человек. Но держит себя несолидно. Что это за девица там вертелась? Черная такая, тощая. Я говорю, маленькая такая, недомерок.

Валентин Игнатьевич понял, что речь может идти только о жене Васильева, и сказал ей об этом.

— Жена? — презрительно и в то же время недоверчиво переспросила Пузырева. — Выбрал себе пару. Да он старше ее лет на пятнадцать, а то и больше. Наверное, развелся и молоденькую подхватил?

Литовцев промолчал. Пусть Елизавета Викторовна думает как хочет... Женщины часто оценивают людей по первому впечатлению. А это тоже можно использовать.

Казалось бы, на сегодняшний вечер вопрос о неравном браке инженера Васильева уже не возникнет. Но Пузырева вернулась к нему в разговоре с соседкой по комнате. Надя предполагала, что вторая кровать в комнате для командированных рано или поздно будет занята, и вот сейчас, придя с прогулки, убедилась в этом. Пузырева сидела полураздетая на своей кровати и расчесывала густые темно-русые волосы.

— Гулена пришла? — весело встретила она Надю, откидывая волосы назад. — Два кавалера, с обеих сторон. Молодец!

Пока Надя стыдливо раздевалась, Пузырева добродушно подсмеивалась, называя себя мамашей, спрашивала о женихах, кто из двух понравился, кто они да как их зовут. Надя отшучивалась. У нее было хорошее настроение, и она радовалась соседке. Зашел разговор о подругах Нади, нет ли здесь таких?

— Думаю, что одна найдется, — призналась Надя. — Правда, я пока еще с ней не подружилась. Она ужасно замкнутая, но Алеша говорит, что хорошая, добрая.

— Это жена Васильева? — И, услышав подтверждение, Пузырева покачала головой: — Женщина разрушила семью, а ты ее подругой называешь!

— Вы ошибаетесь. Мать Алеша погибла во время войны.

— Все равно. Надо было выбирать себе мужа, подходящего по возрасту. А то знаю я вас, девчонок, —

ищите мужей солидных, с положением. Да и он тоже хорош. Хотя бы взрослого сына постыдился.

Пузырева сняла туфли, чулки и задвигала большими затекшими пальцами. На полных ногах ее отпечатались красные полосы от тесных туфель.

— Безобразие, — говорила она, склонившись и потирая ступни. — Я бы закон такой издала, чтобы регистрировали только ровесников. Ну еще два-три года разницы туда-сюда... Допустить можно. А уж больше — шалишь.

— Но ведь все решает любовь.

— Какая там любовь! Блажь одна. Захотелось лучше устроиться, вроде как твоей будущей подруге. Васильев хорошо зарабатывает, квартира в Москве. Чего же еще нужно?

— Зачем вы ее обижаете?

— погоди, милая, доживешь до моих лет, тебя еще не так обидят. — Пузырева вытащила из сумки ножницы и, положив ногу на кровать, стала обрезать ногти. — Любовь, любовь... Мне сорок семь недавно стукнуло, лет двадцать, как замужем, и, если мне скажут, что люди сходятся и расходятся по причине любви, плюну тому человеку в глаза. Я бы и разводы запретила. Советская семья — крепость. И чужого человека, кто туда проникнет, я бы отдавала под суд как диверсанта.

Пузырева спустила ноги на холодный пол и, продолжая говорить, лязгала ножницами, будто стригла кого-то.

— Я вот недавно одно дело обследовала. У нас работает лаборантка, кандидат партии. Девчонка как девчонка, ничего особенного. Замужем три года, ребенок есть. И вдруг блажь на нее напала — забрала ребенка и ушла к одному нашему сотруднику, мастером работает в опытном цехе. Муж написал заявление в партбюро. Я говорила с ним, соседней расспрашивала. Мужичонка паршивый, к тому же пьяница. Но не в этом дело. На глазах у нашей организации рушится семья. Вызывают эту сумасбродку на бюро. Так, мол, и так, в чем дело? Любовь, говорит, Мастера — ее сожителя, значит, — спрашивают, как, мол, ты мог разрушить семью? Тоже насчет любви что-то лепечет. Ребенка хочет усыновить. Нет, ты подумай, какая наглость! Это при живом отце-то! А отец не дурак, он никогда не даст развода. Я вношу предложение: вернуть мать в семью...

— Как «вернуть»? — прошептала Надя. — С милиционером? Под конвоем? Ужасно! А если она не может с тем человеком жить? Если она ненавидит его? Ужасно!

— «Ужасно», «ужасно». Все время твердишь, а ничего ужасного тут нет. Надо было раньше думать, — жестко ответила Пузырева. — А не хочет, пусть пеняет на себя. Мы не можем держать человека с низкими моральными устоями.

— А жить с человеком без любви — разве это не аморально? — еле сдерживаясь, воскликнула Надя. — Неужели партбюро приняло такое предложение?

— Кое-кто выступил против. Нашлись сердобольные. У самих, наверное, рыльце в пушку. Но я этого дела так не оставлю.

Пузырева грузно поднялась и, придерживая на плече сползающую сорочку, пошла к двери.

Наде показалась она сейчас огромной, тяжелой, точно каменная баба, а поступь ее — неотвратимой, властной.

Щелкнул выключатель. Заскрипели пружины в сетке узкой кровати. Пузырева укладывалась. Через минуту вновь послышался ее низкий недовольный голос:

— Ты пойми меня правильно. У нас такие огромные задачи, что всякую блажь надо с корнем вырывать. Да разве вас, молодых, легко убедить!

— В том, что любви не существует? — рассердившись, спросила Надя, ударив кулаком по подушке. — Совсем недавно я тоже так думала, но это по глупости, ребенком была. Друзья страдали, а я смеялась над ними, издевалась... Стыдно вспомнить. Ужасно! Но теперь я полюбила, узнала. Я не боюсь вам говорить об этом, пусть все знают... У меня крылья выросли, я счастлива... И никто не посмеет этого счастья отнять... А вы!.. А вы!.. — Надю душили слезы, она уткнулась в подушку, и плечи ее вздрагивали от обиды и негодования. — А вы словно сговорились отнять у меня веру в то, чему всегда поклонялись люди...

— Поклонялись? — как сквозь сон услышала Надя. — Мы все-таки материалисты, деточка.

Надя долго не могла уснуть. Она поглядывала на соседнюю кровать, где высилась темная бесформенная гора. Возникало что-то вроде запоздалого раскаяния: «Зря обидела немолодую женщину, она ведь тоже не виновата — наверное, характер такой».

Но тут же поднималась горячая волна возмущения, гнева и обиды за всех любящих и любимых, и Надя уже не чувствовала себя виноватой.

ГЛАВА 13. СОЮЗНИКИ С НЕНАВИСТНЫМИ АВТОРУ ХАРАКТЕРАМИ РАЗВИВАЮТ УСПЕХ

узырева всячески старалась избежать командировки на строительство. Борьба интересов Васильева и Литовцева ставила ее в трудное положение. Она обязана была поддерживать предложение Даркова и помочь его реализации, так как работала непосредственно с ним.

Конечно, Пузырева сделает все от нее зависящее, чтобы найти причину неудачи. Правда, делать это надо осторожно — зачем наживать себе лишних врагов, тем более таких, как Валентин Игнатьевич? Ну а в случае успеха у нее всегда найдутся защитники.

— Удивляюсь, — говорила она Литовцеву. — Как можно так непредусмотрительно настаивать на испытаниях? Я предупреждала Даркова. Ведь если сейчас ничего не получится, то судьба изобретения решена. В план эту работу не поставят, ассигнований не будет. На том дело и закончится.

— Откуда такой пессимизм, Елизавета Викторовна? — благодушно успокаивал ее Литовцев. — Кому-кому, а мне знакома ваша настойчивость. Добьетесь. Не сейчас, так позже. Не знаю, как дирекция, но я обязательно включу в план эту работу, — решил он показать свою объективность.

Привычная к лабораторному столу Пузырева сумела за два дня провести нужные ей анализы и однажды поделилась своими сомнениями с Литовцевым:

— Впервые в жизни встречаюсь с таким непонятным явлением. Беру пробу из вибромельницы — величина частиц одна, в растворе — та же самая. А на стенках формы частицы другие, абсолютно измельченные, как будто бы ультразвуком. Я еще не проверяла, но мне кажется, что такой тонкий помол, столь

высокая дисперсность здесь играют отрицательную роль.

Она напомнила, что однажды встретилась с непонятной болезнью газобетона. При такой дисперсности разрушались пузырьки. Пришлось вводить органические стабилизаторы.

— Ничего не могу сказать, милейшая Елизавета Викторовна, — усмехнулся Литовцев. — «Омне симиле клаудет». «Всякое уподобление хромает». Мы же при разработке лидарита пробовали ультразвук. Нам он тогда помог, повысилась прочность, улучшился ряд других показателей. Что же касается капризов вашего бетона, то они одному богу известны.

Пузырева даже немного обиделась.

— Какой же это бетон? Это совершенно новый строительный материал. В нем использовано исключительное взаимодействие добавок, абсолютно оригинальная технология. — И, чувствуя недовольство Литовцева, поспешила добавить: — Но это только в лаборатории. А здесь...

— Поживем — увидим... Проверьте насчет ультразвука, пожалуйста.

В этот же день Пузырева выяснила, что была права. Некоторые ультразвуковые частоты отрицательно действовали на схватываемость нового материала. Он разрушался, с ним происходили какие-то странные вещи, причем крайне трудно было установить зависимость между частотой ультразвука, мощностью колебаний, разностью потенциалов между положительно заряженными частицами разбрызгиваемого раствора и металлической плитой, на которую он наслаивался, температурой раствора, его химическим составом.

Все это требовало длительных экспериментов, а потому Пузырева не считала нужным говорить Васильеву о своем открытии, которое еще может оказаться мифом. Больше того, она даже сожалела, что проговорила Валентину Игнатьевичу, который стоял над душой и требовал подробнейшего отчета о каждом опыте. Лишь после того, как Пузырева убедилась, что разрушению бетона — вернее, нового материала Даркова — способствует ультразвук, Валентин Игнатьевич покинул лабораторию и не отходил от стройкомбайна, где опыты шли своим чередом.

Прежде всего он попросил Багрецова рассказать обо всех контрольных приборах, которые были установ-

лены в стройкомбайне, и путем наводящих вопросов выяснил, что ультразвук здесь не применяется. Валентин Игнатьевич не раз видел, как в его лаборатории производилось перемешивание лидарита с помощью ультразвукового генератора. В конце концов, стоит лишь прикоснуться стержнем, который вибрирует с ультразвуковой частотой, к сосуду с лидаритом или бетонным раствором, как частицы его придут в движение. А если так, то почему бы не предположить, что такой стерженек где-нибудь упирается в стальную форму стройкомбайна?

И вот, к всеобщему удивлению, солидный ученый, который лишь отдавал распоряжения, указывая палкой на ту или иную часть стройкомбайна, вдруг забрался на его крышу и, придерживая шляпу от ветра, ходил там, что-то рассматривая. Он подлезал под платформу, пробирался в люк, стучал по стенкам и все что-то искал, искал...

Вряд ли его поиски были многообещающи, он понимал, что столь тонкая диверсия никому бы не пришла в голову, ведь для этого надо сделать открытие, надо быть специалистом. Это не в пластмассовой трубке сделать трещину, не трансформатор сжечь. Впрочем, и в данном случае Литовцев не очень-то верил в злой умысел, хотя и спорил с Васильевым. Значит, надо искать научную разгадку, которая сразу в руки не дается.

Помог случай, к которому была причастна Надя, хотя она терпеть не могла Литовцева и успехов ему не желала.

Он додумал ее расспросами о телеконтролерах, о том, на каких волнах они работают, Надя злилась, думая, что это пустой разговор, попытка загладить свою вину, а потому отвечала коротко, односложно, чтобы отвязаться:

— Никаких волн нет.

— Как же так, Надин?

— Очень просто. ТКП передает изображение по проводам.

Разговор происходил во время очередного испытания, когда Надя стояла возле телевизора и ждала, что вот-вот опять рухнет потолок. Васильев уехал в райком, а опытами руководил Литовцев — значит, ничего хорошего не получится. У Александра Петровича другая система, он успевает сделать десятки экспериментов, а

этот тянет, тянет. Ничто его не интересует. Поскорее бы Александр Петрович приезжал. Дело пошло бы иначе.

— Совсем замерзла, — сказала Надя. — Пойду хоть немного отогреюсь. Ручки не крутите. Видно хо-рошо.

Как и следовало ожидать, на экранах телевизоров были видны те же самые явления. Обе камеры показывали оседание стенок, набухший потолок, трещины после сушки. Но что-то в этом эксперименте представлялось Литовцеву иным, непохожим на прежние, и он решил его повторить. Раздвинулись обе половинки формы, рабочие сняли с потолка остатки сырой массы, и вот уже снова зашипели форсунки.

Валентину Игнатьевичу показалось, что экран потемнел, он машинально повернул ручку яркости, как у себя дома на телевизоре, но расположение ручек здесь было иное, на экране все исчезло, только светлые строчки догоняли друг друга.

Боясь, как бы не испортить аппарат, Валентин Игнатьевич не стал больше экспериментировать с ним и решил продолжать заливку потолка без телевизионного наблюдения, благо толщина бетонного слоя с точностью до миллиметра легко определялась контрольными приборами, вынесенными на пульт управления.

После того как раздвинулись обе половинки формы стройкомбайна, Валентин Игнатьевич, прикрывая зевок рукой, поднялся на платформу, уверенный, что увидит привычную картину: обвалившийся потолок, груды сырого и растрескавшегося бетона на полу или, в лучшем случае, еще висящую над головой плиту, готовую при первом прикосновении рассыпаться на куски.

Ничего этого не было, ни теста, ни кусков на полу, и когда, взобравшись по лестнице, Алексей с рабочими сняли плиту, то Валентин Игнатьевич понял, что опыт удался. Правда, нужны еще исследования, проверка на прочность, на сжатие, на влажность — все, что требуется по техническим условиям, но первый успех уже налицо.

— Валентин Игнатьевич, — услышал он раздраженный голос Нади, — зачем выключили контролер?

— Какой контролер? — все еще ощупывая твердую шероховатую плиту, спросил Литовцев.

— Обыкновенный ТКП. Ведь только что объясняла. — Надя подошла к аппарату и осмотрела его со

всех сторон. — Я же вас предупреждала, чтобы ручки не трогать.

Только сейчас Литовцев понял, что случилось. Значит, виноват телеконтроль. Надо еще раз проверить. И, не желая, чтобы Надя воспользовалась его открытием, Литовцев заворковал:

— Извиняюсь, Надин. Это я по привычке, как в телевизоре. Кончилась передача, и я выключил, когда сюда пошел.

Литовцева мучили сомнения — не случайность ли это? Плита сразу же была отнесена в лабораторию, где Пузырева быстро определила, что именно такая структура нового материала со всеми его прекрасными свойствами была получена Дарковым. У нее даже записи есть, которые это подтверждают. А кроме того, анализ плит, тех, что были сделаны раньше на площадке стройкомбайна, дал почти те же показатели. Оставалось решить задачу, почему сейчас удалось добиться успеха при сдвинутых вместе половинках формы.

— Вы чародей, Валентин Игнатьевич, — польстила ему Пузырева, не зная еще, как он воспримет свою удачу. — Неужели нашли источник ультразвука?

— В том-то и дело, что нет. — Литовцев оглянулся на дверь и, почти не разжимая рта, глухо проговорил: — Я просил бы никому не высказывать вашего предположения. На то есть серьезные причины...

В лабораторию вошла Надя и, ни на кого не глядя, сказала в пространство:

— Все уже готово. Будем продолжать?

— Неукоснительно, — весело ответил Литовцев. — Включайте ваш контролер. Как его там зовут — ТКЧ, ТКПУ, кикапу?

Как и предполагал Литовцев, последующие опыты, когда за ними наблюдали с помощью телевизоров, дали отрицательные результаты. Только что созданная плита 28-д оставалась уникальной и в данной серии опытов неповторимой. Но этого было мало Литовцеву. Чтобы твердо укрепиться в своей гипотезе, надо еще раз произвести заливку хотя бы небольшого участка стены, а еще лучше — потолка, но в то время, когда телеконтролеры выключены. Это представляло большие трудности, нужно, чтобы никто не догадался, где искать причину неудач.

Во всяком случае, у Литовцева есть право ни с кем не делиться своими гипотезами и предположениями, по-

ка он не закончит их проверку. Этим он себя и успокаивал, когда нетерпеливо ждал конца рабочего дня, чтобы возле стройкомбайна не оставалось лишних людей, и прежде всего Надин. Она, как назло, все еще возилась с аппаратами, что-то налаживала, измеряла напряжение и уходила, видимо, не собиравшись. Литовцев беспокоился, что вот-вот придет Васильев, а он-то уж обязательно захочет узнать о сегодняшних успехах, при нем ничего не проверишь.

— Елизавета Викторовна, скорее! — позвал Литовцев, дождавшись, когда ушла Надя и остались лишь рабочие у компрессора да Макушкин, которого можно не опасаться — все равно ничего не поймет.

Быстро шагая под руку с Пузыревой, Валентин Игнатьевич вполголоса объяснял:

— Я хочу, чтобы вы присутствовали при одном опыте. Если оправдаются мои предположения, то можно прийти к любопытным выводам. Прошу вас быть внимательной. — И потом, уже возле стройкомбайна, он сказал доверительно: — Видите, кроме рабочих, здесь никого нет? Теперь попробуем.

Зашипели форсунки, тугие струи били в стальную стену, все было как обычно, однако на пульте управления светились лишь самые необходимые контрольные лампочки. Телевизоры были выключены. Стрелки приборов Багрецова прижались к нулю, они отдохали, их не спрашивали ни о температуре, ни о толщине слоя, ни о влажности. Сейчас все делалось почти наугад, и в этом была одна из особенностей эксперимента, задуманного Литовцевым.

Включились высокочастотные генераторы ВГ-600. Через несколько минут, когда стены должны быть уже сухими, разошлись в стороны обе половины стального вагона, и Литовцев, поддерживая Елизавету Викторовну, поднялся с ней на платформу.

-- Прошу обратить внимание, — демонстрировал Литовцев свою удачу. — Вот вам часть стены, которая не сползает вниз. Там, наверху, вполне нормальный потолок. Думаю, что он не упадет нам на голову. Теперь будем исследовать.

И когда образцы нового материала были проверены в лаборатории, куда пришли Пузырева с Литовцевым, когда Елизавета Викторовна убедилась, что и твердость, и остаточная влажность, и деформация, и все другие наиболее важные показатели говорят о вполне

удовлетворительном качестве нового материала, она развела руками и сказала:

— Боюсь, что я многого не понимаю. Что вы сделали, Валентин Игнатьевич?

Литовцев вынул из лабораторного шкафа складную вешалку, аккуратно повесил пальто, застегнул его на все пуговицы, подойдя к двери, переспросил:

— Что я сделал? — Он помедлил, вешая пальто на гвоздик в притолоке двери. — Ровным счетом ничего. Но и другие ничего не делали. Вы обратили внимание, что во время нашего опыта инженерно-технический персонал блистательно отсутствовал? К этому я ничего не могу добавить. «Дикси». То есть «я высказался», милейшая Елизавета Викторовна.

С той минуты, когда он открыл причину, почему ничего не получается с предложением Даркова, и выяснил вредное влияние ультразвука, Валентин Игнатьевич почувствовал, что здесь ему делать нечего, да и не только здесь, а и в московской лаборатории. Пузырева скажет об этом Васильеву, тот мобилизует все силы, чтобы найти, где этот ультразвук скрывается, пройдет несколько дней, и основное препятствие на пути применения рецептуры Даркова будет уничтожено. А заодно с этим канет в вечность и лидарит.

Надо выиграть время, чтобы в первую очередь были сделаны лидаритовые дома, а там видно будет. Вполне возможно, что в освоении нового материала встретятся другие трудности, которые придется решать уже вместе с Дарковым, когда он поправится. Будет создан несколько измененный рецепт материала под названием «лидарит-2». Правда, это пока еще в мечтах, но разве можно допустить, чтобы из-за нелепой бабьей болтовни рушились все надежды? Надо Пузыреву заставить молчать.

Зная до тонкости характер Пузыревой, Литовцев не сомневался в успехе.

— Как вы думаете, Елизавета Викторовна, — по привычке усаживаясь на стол и аккуратно подтягивая брюки, исподволь начал Литовцев. — Если вибратором ультразвукового генератора прикоснуться в трубе, по которой течет, допустим, бетонный раствор, подобный тому, что предложил Дарков, что-нибудь произойдет?

— Я это уже проверила. Понижается схватываемость, частицы ведут себя очень странно, как наэлектризованные, но перемещаются вразброд и не так, как по-

ложено при заданной разности потенциалов. Слои повышенной проводимости разрушаются... — Пузырева широко открыла глаза. — Так неужели вы думаете?..

— Пока я ничего не думаю, — покачивая ногой, произнес Литовцев. — Мне интересно узнать ваше мнение. Свежего человека в здешней обстановке. Ваши впечатления, Елизавета Викторовна.

Он выжидательно смотрел на Пузыреву, и та невольно начала сопоставлять факты. Кто на здешней стройплощадке занимается электроприборами. Генераторами, телевизорами. А главное, кто может быть знаком с ультразвуком. Кроме нее самой, инженер Багрецов и Колокольчикова...

— Она... — сжав тонкие губы, процедила Пузырева, — сама рассказывала, что занималась ультразвуковой дефектоскопией. Девчонка, легкомысленная, и кто ее знает...

— Это вопрос уже другого порядка, мой друг, — довольный, что все идет, как задумано, пояснил Валентин Игнатьевич. — Я далек от каких бы то ни было подозрений даже в отношении сына Васильева, хотя молодой человек провел всю свою сознательную жизнь в странах капитала.

Елизавета Викторовна вся сжалась, как бы готовясь к прыжку.

— Вот так история! И наш отдел кадров допустил его сюда? — И, уже не сдерживая возмущения, заявила с обычной категоричностью: — Как хотите, Валентин Игнатьевич, а Васильев использует свое служебное положение. Мало того, что сына пристроил у себя под крылышком, он выписал сюда еще и девчонку-жену. Вся семейка тут. Я этого дела так не оставлю. Поговорим, где нужно. А эта ваша Надин...

— Почему моя, Елизавета Викторовна?

— А потому! Видела, как вы ей улыбочки строите. Вам, мужикам, лишь бы юбка была. Девчонка подмигнула — шапку в охапку и за ней, — съязвила Пузырева. — А что в девчонке? Так, баловство одно.

Литовцев наклонился к ней и, скрывая ироническую улыбку, поцеловал руку.

— Охотно соглашаюсь. Вы женщина наблюдательная, Елизавета Викторовна, — с воркующими интонациями говорил Литовцев. — Вы, наверное, заметили и то, что на наших глазах расцветает юная любовь. Надин настолько увлечена сыном Александра Петровича,

что я готов побиться об заклад, дело у них кончится браком.

— И это называется, мы боремся с семейственностью! — возмутилась Пузырева. — Нет, Валентин Игнатьевич, во всем этом мне надо сначала разобратся.

Литовцев остался доволен таким ответом. Он хорошо знал Пузыреву: разбираться она будет дотошно.

Прежде всего Пузырева решила выяснить, каковы же действительно отношения между Надей и сыном Васильева. Никаких усилий не потребовалось для того, чтобы убедиться, с кем проводит Надя каждый вечер. Это даже несколько разочаровало Пузыреву. Правда, девчонка приходит очень поздно и, не зажигая света, тихохонько раздевается и прячется под одеяло. И хоть не было прямых доказательств, что увлечение ее сыном Васильева перешло все границы, что подкрепило бы предположения Литовцева, Пузыревой уж очень хотелось лишний раз убедиться, что все девчонки одинаковы, а она права, когда говорит об их легкомыслии и безнравственности. Она теперь не спала до прихода Нади и, чуть прикрыв веки, следила за каждым движением девушки. Будет ли доказано, что она, эта девчонка, неумело работает с доверенными ей аппаратами, — неизвестно, но, во всяком случае, комсомольская организация института, где работает Колокольчикова, должна будет рассмотреть вопрос о ее поведении во время командировки. Хорошенький пример для здешней молодежи! Пузырева припомнила и то, как в присутствии ребят и девчат из совхоза, в гостях у Васильева, Колокольчикова, сидевшая рядом с его сыном, руку зачем-то положила на его плечо. Каждому могло быть ясно, в чем тут дело. Слишком уж красноречивыми они обменивались взглядами. Безобразие!

...Надя была незлопамятна и к тому же достаточно хорошо воспитана. Та небольшая размолвка, которая произошла между ней и Пузыревой, не могла стать причиной, чтобы не разговаривать с человеком.

Однажды Надя пришла не очень поздно. Пузырева еще не спала. У Нади было завязано горло, простудилась.

— Забавную частушку мы в деревне услышали, — разматывая бинт, весело проговорила Надя. — Уж очень

здорово срифмована. Послушайте! — И она пропела, прищелкивая каблучками:

Дура я, дура я, дура я проклятая.
Ходят с ним четыре дуры,
А я дура пятая.

— Чем же тут восхищаться? — раздраженно спросила Пузырева. — Набор бранных слов. А о содержании и говорить нечего. Высокая мораль здесь проповедуется? Девушкам есть чему поучиться!..

— Но ведь это шутка.

— Безнравственная. Кто эти четыре дуры? Любовницы?

«А ведь она тоже самая обыкновенная дура», — мелькнуло в голове у Нади, и тут же ей стало стыдно, что могла так подумать о женщине, которая ей в матери годится. Надя не знала, как замять разговор, да и вообще она боялась говорить с Пузыревой.

Она свертывала бинт и почти физически ощущала, как скользит по ней взгляд Пузыревой, холодный и противный.

— Горло заболело? — спросила наконец та елеиным голосом. — У меня стрептоцид есть.

— Спасибо, теперь уже лучше.

— Это я сразу поняла. На ночь можно не бинтовать. Никто синяки не видит. — Пузырева встала с кровати и подошла вплотную к Наде. — Прости за совет, никогда не разрешай целовать себя в шею. Как он этого не понимает?

Надя задохнулась от обиды и, с трудом пересилив гнев, отвернулась к окну.

— Вы гораздо старше меня, Елизавета Викторовна, и я должна относиться к вам с уважением, — чтобы скрыть слезы, раздельно и строго сказала Надя. — Но я очень прошу вас никогда... Понимаете, никогда не трогать того, что мне дорого и свято.

— Странная фанаберия, товарищ Колокольчикова, — процедила Пузырева и, укладываясь в постель, нарочито зевнула. — Мне-то, конечно, все равно... Только вот насчет святости разрешите остаться при своем мнении.

На другое утро Васильев зашел в лабораторию, где Пузырева продолжала свои эксперименты с раствором Даркова. Александр Петрович попросил показать лабораторные записи, которые вела Пузырева, и натолк-

нулся на странное несоответствие размеров частиц в графах № 1 и № 2. Помня указание Валентина Игнатьевича, она не записывала своих опытов с ультразвуком, но цифры в тетради остались, в данном случае они обозначали размеры обычных частиц в растворе до воздействия на него ультразвуком и после.

— Откуда столь тонкий помол? — спросил Васильев. — По рецепту Даркова дисперсность должна быть другой.

— Попробовала на всякий случай, — спокойно ответила Пузырева, закрывая тетрадь. — Результат тот же.

Она не лгала именно потому, что ультразвук чересчур мельчил частицы вещества, взвешенные в растворе, находящемся под высоким потенциалом; видимо, из-за этого и происходили все неприятности, а о том, откуда этот ультразвук взялся, она сама не знает. Когда это дело выяснится, тогда и будет доложено начальству строительства. И для того чтобы пресечь всякие преждевременные технические вопросы, Пузырева ловко повернула тему:

— Мы с вами, Александр Петрович, люди науки. Методы поисков у нас определенные, лабораторные. А ведь разные неудачи могут и от людей зависеть. За своих вы, конечно, отвечаете. А всякие прикомандированные? Вы их анкеты видели? Вам известна их личная жизнь?

— Я не могу не доверять тем, кто подписывал командировки. Доверяю также и коллективу, где люди воспитываются. В частности, я очень доволен Багрецовым: инициативный, смелый, прямолинейный. Рад, что подружился с Алешкой. Я даже вижу его благотворное влияние.

— Ну а что вы скажете о Колокольчиковой? О ее влиянии?

— Мне она нравится.

— То есть как это нравится? — Елизавета Викторовна выкатила глаза от изумления. — Я же серьезно спрашиваю.

— Я и отвечаю серьезно, — сказал Васильев. — Вот уж кого судьба не обидела! Смотришь на нее, и сердце радуется. Очень способный инженер. Дело свое любит. Жива, весела, остроумна, собой хороша... Изумительное сочетание!

Пузырева поджала губы, спросила язвительно:

— Надеюсь, при жене вы бы этого не повторили?

— Почему? Надя ей тоже очень нравится.

— Странная у вас жена, Александр Петрович. Это мужчины могут восхищаться смазливymi мордашками. А у нас, женщин, несколько иной критерий. Да и вам, как руководителю, следовало бы поинтересоваться поведением этой молодой особы. Раньше двух часов ночи она никогда не приходит.

Васильев рассеянно потер лоб:

— Да, это, конечно, неприятно. Надя вас беспокоит. Я постараюсь ее перевести. Завтра тут одна комната освобождается.

Пузырева всплеснула руками:

— Что значит мудрое решение! Бросить щуку в реку. Вместо того чтобы пресечь безнравственность, вы потакаете ей.

— Я не пойму, о какой безнравственности вы говорите? — уже начал сердиться Васильев. — Колокольчикова взрослый, самостоятельный человек. Здесь не санаторий, поэтому я не могу приказать ложиться спать в одиннадцать часов. Что вы от меня требуете?

— Видно, у нас с вами разные взгляды на воспитание молодежи. Мое дело предостеречь, — сказала Пузырева, вставая. — Боюсь, что вам придется изменить свое мнение о Колокольчиковой.

Оставшись один, Васильев стукнул кулаком по столу. Черт бы побрал эти бабьи сплетни! Ну что особенного, если девчонка придет в два, а не в двенадцать? Разве временем ее возвращения домой определяется нравственность? Ходила, наверное, с Алешкой по степи, сидела на лавочке в «мертвом саду». Возможно, они даже целовались, если Алешка сумел побороть свою робость. И все это так должно быть. Так заведено!.. А что хочет Пузырева? Ханжа несусветная.

Сегодня Валентин Игнатьевич получил от Пирожникова научно-популярный журнал, где была опубликована беседа с доктором химических наук товарищем Литовцевым перед его отъездом на целинные земли.

— Видали, Елизавета Викторовна? — не преминул он похвастаться, ласково поглаживая розовую лысину. — Народ интересуется нашими работами.

Пузырева знала, как это все устроивается. Недаром у Пирожникова частенько пустует лабораторный стол. Связь с промышленностью, работа в научной библиотеке. Да мало ли какими причинами это объясняется,

— Не знаю, как народ, — льстиво улыбаясь, сказала Пузырева, — но вас ценят понимающие люди. Вероятно, дано указание...

— Что нам известно, Елизавета Викторовна? — загадочно улыбнулся он. — Мы «дни минорес», то есть «младшие боги». Значит, так нужно.

Разговор этот происходил у стройкомбайна во время очередных неудачных испытаний, к которым и Литовцев и Пузырева уже начали привыкать. Еще раз убедившись, что всему виною ультразвук, источник которого пока не обнаружен, Пузырева занялась иной деятельностью, отнюдь не лабораторной, — во все глаза следила за Надей, за ее движениями: куда пошла, как посмотрела на Алексея, нет ли ответного знака.

А знаки, конечно, были. Разве мог Алексей не улыбнуться, коли в редкую минуту отдыха ласково смотрит на тебя любимая? Мог ли он не помахать приветственно рукой, когда Надя спускается вниз по лесенке, чтобы пройти внутрь стройкомбайна? Все это Пузырева с возмущением отмечала в своей памяти. Совершенно не стесняясь окружающих, занимаются перемигиванием, да еще в рабочее время.

— Александр Петрович, видите, как ослабла контрастность? — спросила Надя, показывая на экран. — Думаю, что-то испортилось в телекамере. Наверно, как и в той, что мне вчера пришлось снять. Надо сделать перерыв, пока я не проверю аппарат в лаборатории.

— Хорошо, — согласился Васильев и подозвал к себе Алексея: — Помоги Наде снять аппарат. Пока без него обойдемся. Вадим, у тебя все приборы в порядке?

— Как всегда, Александр Петрович, — ответил Багрецов, быстро оглядывая пульт управления. — Временно можем обойтись и без телевизора.

— Вы уверены в этом, молодой человек? — сухо спросил Литовцев.

— Я не знаю, что вас смущает, Валентин Игнатьевич, — удивился Вадим. — Ведь даже на самолетах, когда не видно земли, люди доверяют свою жизнь приборам и абсолютно не подвергаются риску.

— Мне хотелось бы собственными глазами убедиться, — ответил Валентин Игнатьевич и взял под руку Васильева, чтобы отвести его в сторону. — Понимаете, Александр Петрович, надо знать, как равномерно нарастает слой, особенно в верхней части формы.

Багрецов не выдержал и вмешался в разговор.

— Гамма-счетчики показывают это абсолютно точно.

— Я повторяю, что хочу видеть собственными глазами, — бросил через плечо Литовцев и снова обратился к Васильеву: — Важно проследить закономерность...

— Простите за невежливость, — настойчиво произнес Вадим. — Но я должен объяснить...

Презрительным взглядом Валентин Игнатьевич смирил упряма с головы до ног:

— Кому вы хотите объяснить? Будьте скромнее, молодой человек. Нас тоже кое-чему учили. — Литовцев сделал вид, что этим все сказано.

Васильев же заметил, что приборы, которые сюда привез Багрецов, хорошо продуманы, работают надежно и пока еще нет никаких оснований им не доверять.

— Значит, я старый скептик, — покорно склонил голову Литовцев. — Однако я настолько привык все видеть на экране, что мне трудно от этого отказаться. — И почти ласково попросил Багрецова: — Не в службу, а в дружбу, Вадим Сергеевич, узнайте, пожалуйста, у Надин, как там у нее с аппаратом?

— Я охотно это сделаю, Валентин Игнатьевич. Но меня удивляет столь пренебрежительное отношение к той технике, которой я здесь занимаюсь. Выходит, что меня прислали сюда зря? Неужели вы не понимаете, что телевизор — это вспомогательное средство контроля, а никак не основное? Тем более что вчера отказала в работе вторая камера.

— Видали, Александр Петрович? — рассмеялся Литовцев. — Уже конкуренция.

Опять на пути оказался этот мальчишка! Он с таким упорством отстаивает свои позиции, точно ему известно, к чему приведут испытания без телеконтролера.

И Валентин Игнатьевич решил обратиться к Пузыревой за поддержкой.

— Елизавета Викторовна, вас интересовала структура поверхности бетона перед затвердеванием. Вы хотели посмотреть ее на экране. Но вот наш молодой друг, — он кивнул в сторону Багрецова, — упорно доказывает, что все это можно исследовать всякими там гамма-счетчиками и другими приборами.

— Я этого не говорил, — пожал плечами Вадим.

— Обождите! — Литовцев предупреждающе поднял руку. — Вадим Сергеевич берет на себя смелость

утверждать, что в очередных испытаниях мы полностью можем положиться на его приборы и вовсе отказаться от услуг нашей милой Надин, в данном случае коллеги Вадима Сергеевича.

Во время этой витиеватой речи Литовцев пристально, точно гипнотизируя, смотрел в глаза Елизаветы Викторовны, боясь, что она может и не догадаться, какая поддержка от нее требуется.

— Я же робко взываю к научной объективности и прошу дать нам возможность проследить за поверхностной структурой на экране при обязательном участии Надин.

«Умен Валентин Игнатьевич», — решила Пузырева и еще больше прониклась к нему уважением.

Потирая нос, покрасневший от холода, — он стал похожим на морковку, — Елизавета Викторовна начала с достоинством:

— В том-то и дело, дорогие коллеги, что мы подошли к тому этапу, когда лишь опытный глаз, когда... Вы простите меня, Александр Петрович, — она с готовностью повернулась к Васильеву. — Мне почему-то кажется, что поверхностная структура, которую я видела вчера, несколько напоминает ту, когда у нас с Дарковым были неудачи. Интересно сравнить. — Она замолчала, как бы припоминая что-то, и тут же воскликнула: — Давайте скорее посмотрим!

Что-то в этом энтузиазме не понравилось Багрецову. Елизавета Викторовна довольно равнодушно относилась к опытам Васильева. И вдруг такая горячность.

Заметив колебания Багрецова, Алексей, который в этом споре видел лишь ущемление Надиных интересов, предложил:

— Я пойду сказать Наде. Пусть аппарат делает скоро.

— Не в этом дело, Алеша, — удержал его за руку Вадим. — Вопрос принципиальный.

Алексей оглянулся на Литовцева и наклонился к Вадиму:

— Надя будет обижаться. Зачем не подождать?

У Валентина Игнатьевича был тонкий слух, а потому он услышал это и, предполагая, что поступки Багрецова объясняются ревностью, попытался столкнуть противников.

— Я не хочу вмешиваться в ваши личные взаимоотношения. Не знаю, что у вас, Вадим Сергеевич, про-

изошло с девушкой, которая сейчас исправляет аппарат. Но совсем уж не по-рыцарски пользоваться этим случаем, чтобы доказать ненужность ее телеконтролеров, что их можно заменить вашими приборами. Вы радиоспециалист, значит, и с телевизорами должны быть знакомы, так почему не пришли товарищу на помощь? Мало ли в чем она перед вами виновата! Но здесь не место сводить личные счеты.

Багрецов стоял бледный, губы его дрожали.

— Подумайте об этом, молодой человек, — сказал Литовцев, довольный своим успехом.

— Подумаю, уважаемый профессор, подумаю, — чувствуя, как в нем закипает гнев, глухо проговорил Багрецов. — Только возьмите обратно ваши необоснованные предположения.

И чтобы сгоряча не наговорить еще больших дерзостей, Вадим резко повернулся и сдержанным шагом пошел в лабораторию к Наде. Алексей побежал за ним. Васильев молча смотрел им вслед, корил себя, что допустил столь неприятную сцену, но целиком был на стороне Вадима.

— Знаете, как это называется? — сложив на груди полные руки, раздраженно спросила Пузырева. — Хулиганство на производстве.

— Вы хотите оценивать этот печальный случай по уголовному кодексу? — Александр Петрович сжал виски. — Ну что ж. Виновных здесь трое. Начальник, который это допустил, Багрецов и Валентин Игнатьевич.

— Благодарю вас, — притронувшись к шляпе, поклонился Литовцев. — Я же и виноват?

Багрецов уходил со строительной площадки понурившись, как вратарь с футбольного поля, пропустивший несколько мячей. Его догнал Алексей и порывисто обнял за плечи.

— Зачем кричать на профессор?

— Потому что я дурак. Не сдержался.

В лаборатории они увидели, как Надя спокойно завинчивала винты на крышке аппарата.

— Что же ты не торопишься? — спросил Багрецов. — Твои милые друзья Валентин Игнатьевич и Пузырева ждут телеконтролер с завидным нетерпением.

— Странно. Они относились пренебрежительно к телевизионному контролю. Говорили, что это ненаучный метод наблюдения, и вдруг...

— Теперь мои приборы забраковали. И еще обвинили твоего покорного слугу в том, что я свожу с тобой личные счеты.

Алексей с гордостью за своего друга пытался было передать Наде, что тот сказал профессору прямо в глаза.

Однако Вадиму не хотелось выглядеть этаким героем перед Надей, неизвестно, как она воспримет его вспышку, и он прервал запутанную речь Алексея:

— Не слушай его, Надюша. Он мою дурость за героизм считает. Бери лучше аппарат, и пойдете.

По вечерам Вадим тосковал. Его приглашали погулять и Надя и Алексей. Но это, видимо, так, из сострадания; они почему-то чувствовали себя виноватыми перед ним. Вадим отказывался, понимая, что третий здесь лишний, им гораздо лучше вдвоем. Он подружился с ребятами из совхоза, но там слишком рано ложатся спать — намаются за день, работа сейчас горячая, сколько еще нужно садов посадить, да и на полях труда немало. Недавно привезли три щитовых дома, их тоже надо собрать, отделать. Приходится вставать спозаранку, чтобы сделать все засветло.

Так, возвращаясь иногда из совхоза, Вадим думал, чем бы еще заняться, и, конечно, шел в лабораторию, если так можно назвать маленькую комнатку, которую отвели ему для проверки и регулировки измерительной аппаратуры. Приборы, что привез Вадим, не требовали никаких забот, работали уверенно и не нуждались в совершенствовании. Карманный телевизор, сделанный Вадимом, тоже работал. Улучшать его не имело смысла. Хотелось конструировать что-нибудь новое. Например, совсем уж маленький магнитофончик, вроде наручных часов. А кроме того, для Вадима это все пройденные этапы. Тянуло заняться чем-нибудь совершенно необычным. Наконец он придумал.

— Надюша, — обратился к ней Вадим, — где бы достать генератор ультразвука?

— Зачем тебе?

— Зубы лечить. Нет, ты не смейся. Я вполне серьезно. Видишь, — он раскрыл рот и показал маленькое темное пятнышко на коренном зубе. — Пока еще зуб не болит. Но если я пойду к врачу, то пиши пропало. Он возьмет сверло толщиной с палец, сделает мне в зубе огромную дыру, потом поставит пломбу. Она выскочит, зуб начнет болеть... Я вспомнил бормашину, и

не из трусости, а от презрения к этой варварской технике буду ждать, когда зуб сгниет до последнего корешка.

— Но при чем тут ультразвук?

— А ты разве не слыхала? Уже разрабатывались методы сверления зубов с помощью ультразвука. Причем совершенно безболезненно. Механика здесь простая: если на поверхность металла, стекла, фарфора нанести каплю с абразивом, то есть с частицами твердого вещества вроде наждака, и потом прикоснуться к этому месту стерженьком, который вибрирует с ультразвуковой частотой, то в самом твердом материале можно сделать тончайшую дырочку. Так вот, инженеры уже пробовали генератором ультразвука заменить бормашину. Ты представляешь, Надюша, какая красота! Колебания ультразвука абсолютно неощутимы. Никакого гудения, боли. Я думаю, что лечение зубов надо передать инженерам. Ультразвук, высокая частота для убивания нерва и надежная цементная масса. Вот и все. А зубные врачи противятся внедрению этой техники. Некоторые даже восстали против ультразвука.

— Что ты на них взъелся?

— А кто виноват, что у нас беззубых много?

— Значит, ты решил сам заняться зубной техникой? — с улыбкой спросила Надя. — Воображаю, что из этого получится.

— Выхода нет, Надюша. Как говорится, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Мама моя, детский врач, говорит, что в детстве ей лечили зубы так же, как и сейчас ее пациентам. Видимо, за пятьдесят лет в этой отрасли медицины, мягко выражаясь, нет никаких достижений, никакого прогресса, как, например, в области хирургии, лечения инфекционных болезней, фармацевтике. Значит, если я не примирюсь с бормашинной, то потеряю все зубы. А это мне не нравится, да и тебе тоже.

— Конечно. Но что я должна сделать?

— Позволить мне вытащить из одного твоего аппарата ультразвуковой генератор. Ведь он же сейчас не используется. А потом я его поставлю обратно.

В общих чертах Вадим знал устройство ТКП. Действительно, в этом универсальном телеконтролере конструкции инженера Пичуева находился генератор ультразвука, которым пользовались для дефектоскопии всевозможных металлических деталей. Он мог выявить,

нет ли внутри металла трещин, раковин и других невидимых глазом дефектов.

В конструкции ТКП совмещено два аппарата с тем, чтобы исследования деталей можно было производить на расстоянии. Это бывает необходимо в ряде специальных случаев. Они мало интересовали Вадима, но ему надо было бы знать, что ультразвуковой генератор нельзя удалить из аппарата, и даже не потому, что он конструктивно связан с телекамерой, а по другой причине — генератор, оказывается, работает в общей схеме и генерирует ультразвуковую частоту, которая потом весьма остроумно преобразовывается и является немаловажным звеном в телеприемном устройстве.

— Если ты действительно хочешь на себе, как на подопытном животном, испробовать ультразвук, то попытай счастье у химиков. У них я видела генератор, — сказала Надя.

Обрадованный Вадим поспешил в лабораторию материалов, где его встретил один из лаборантов-«близнецов».

— Чем можем быть полезны? — осведомился тот, перебирая разложенные на столе магнитофонные кассеты, и, когда услышал о генераторе, сослался на другого: — Обратись к Олегу. Он здесь отвечает за имущество.

— Хотя бы только на вечер, — упрасивал Вадим ответственного за имущество. — Могу расписку дать.

— Без Валентина Игнатьевича ничего не выйдет, — отрезал «ответственный».

По вполне понятным причинам Вадиму не хотелось обращаться к Валентину Игнатьевичу. Правда, после того как Вадим извинился перед ним за грубость, отношения несколько улучшились, но дружеских чувств не было отнюдь. Во всяком случае, уж если идти на поклон, то к Елизавете Викторовне.

Но стоило Вадиму заикнуться насчет генератора, как та почему-то изменилась в лице и замахала руками:

— Не могу, не могу. Я тут человек новый. И в эти дела не вмешиваюсь.

Вздохнул Вадим и, удивляясь столь жесткой дисциплине в группе Литовцева, предстал перед его светлые очи. И вдруг очи эти потемнели.

— Зачем вам понадобился ультразвуковой генератор? — с явной подозрительностью спросил Валентин Игнатьевич.

Вадиму вовсе не хотелось рассказывать о задуман-

ном, тем более что его вторжение в медицину выглядело чудачеством. Пришлось слукавить.

— Хочу одну штуку попробовать. Не дождусь, пока специалисты этим займутся.

— Вы получили задание от Александра Петровича произвести какую-нибудь проверку? — стараясь не выдать волнения, спросил Литовцев.

Вадим представил себе всю несообразность этого предположения: Васильев дает задание проверить метод лечения зубов! — и рассмеялся.

— Ну что вы! Моя собственная инициатива.

Промычав что-то неопределенное, Валентин Игнатьевич ушел домой, а Вадим так и не понял, можно ему взять генератор или нет. На другой день он опять пристал к Литовцеву:

— Я же не испорчу. У меня десятки приборов сложнее.

— Хорошо, хорошо. Я узнаю, — отмахнулся Литовцев.

Не теряя драгоценного времени, он тут же подошел к Наде и попросил инструкцию ТКП. Хотелось окончательно убедиться, что именно этот аппарат излучает ультразвук.

Надя несколько удивилась любознательности Валентина Игнатьевича и на его просьбу ответила, что инструкция в лаборатории, и если это дело не к спеху, то после работы ее можно взять.

Вадим, узнав о просьбе Литовцева, горько пошутил:

— Эх, Надюша. Сказала бы, что инструкция секретная. Вот бы он и утерся, жадина. Никак я его не пойму.

Валентин Игнатьевич долго разбирался в инструкции, держал ее у себя два дня, потом вдруг спросил у Нади, что собой представляют колебания свыше двадцати тысяч герц.

— Ультразвук, — лаконично ответила она, и Валентин Игнатьевич больше уже ни о чем ее не расспрашивал.

С завода пришла телеграмма: лидаритовый раствор отгружен и через несколько дней будет на станции назначения. Валентин Игнатьевич понимал, что после этого Васильев прекратит свои опыты, ибо план остается планом, придется заняться лидаритовыми домиками. Ну а потом, убедившись в бесплодности своих попыток, Васильев надолго откажется от бредовой затеи исполь-

зовать рецептуру Даркова, тем более что в зимних условиях здесь ничего хорошего не получится.

Прошло еще два дня на строительстве. Десятки опытов — и опять никакого успеха. Валентин Игнатьевич ходил уже уверенно: почва под ногами становилась все прочнее и прочнее. Иногда просыпалось сомнение, нечто вроде угрызения совести. Ребята опять приходили на счет клуба, мялись, вытаскивали из кармана бумажки, предлагали попробовать то одно, то другое, наивные как дети.

Если было некогда Васильеву, Валентин Игнатьевич брал на себя роль добровольного консультанта и терпеливо объяснял, что содержание извести в бетоне не всегда определяет его быструю схватываемость, что речной песок, который привезли ребята, здесь тоже бесполезен.

— Зря, ребятки, трудились. Надо было спросить.

— А может, попробуете? — говорил кто-то несмело.

— Ах, молодежь, молодежь! — качал Литовцев головой. — Ведь я все-таки профессор. Чему-то меня учили.

Ребята вздыхали и уходили пристыженные.

В совхозной столовой, которая представляла собой большую палатку вроде цирка шапито, где люди сидели не раздеваясь, Валентин Игнатьевич прочитал лекцию «Химия и жизнь». С этой лекцией он часто выступал в московских клубах, знал ее наизубок, с неожиданными примерами и остротами, которые почти всегда вызывали смех аудитории. Острил насчет модной синтетики и мини-юбок... Так было и здесь. Валентин Игнатьевич спокойно выжидал, когда смех стихнет, а глазами выискивал по рядам корреспондента районной газеты, чтобы не забыть дать ему адрес, куда послать газетную вырезку. Костя Пирожников постарается, чтобы ее напечатали в Москве. «Лекция профессора В. И. Литовцева для труженников целинных земель». Неплохо звучит. А?

Дождь барабанил по натянутому брезенту, приходилось напрягать голос, чтобы слышали последние ряды. Никогда еще профессор не выступал в таких скверных условиях, но ничего не поделаешь — надо. «Салюс публика — супрема лекс». «Общественное благо — высший закон». Этой лекцией Валентин Игнатьевич хотел как бы вознаградить молодежь за то, что и клуба у них нет, и живут они тесно. В лидаритовые домики перейдут семейные, а остальные останутся зимовать в вагончиках

или тесниться в щитовых домиках и хатах колхозников.

...Во время одной из очередных проб, когда раздвинулись обе половины формы, Валентин Игнатьевич обнаружил, что победа лидарита, которым якобы характеризуется «технический прогресс», весьма и весьма сомнительна. Старый архаический бетон, несколько улучшенный Дарковым, оказался прочным, без каких-либо трещин и других неприятностей, что крайне озадачило Валентина Игнатьевича. Прежде всего он проверил, работал ли во время этой пробной заливки телеконтролер. Оказалось, что работал. Тогда в чем же дело?

Пока образцы бетона срочно испытывались в лаборатории, Валентин Игнатьевич, оставшись на платформе стройкомбайна, искал причину успеха. Он рассуждал так: «Телеконтролер не выключался, а ультразвук куда-то исчез. Почему? Перестал вибрировать пьезокристалл. Возможно, испортился? Вряд ли. Раньше употребляли кристаллы титаната бария. Кристаллы прочные и надежные. Значит, изменились условия, в которых подобный кристалл работал. Какие условия? Температура? Влажность? Нет, это все должно быть предусмотрено в конструкции аппарата. А если снизилось напряжение сети? Тогда как?»

Недаром Валентин Игнатьевич подробно изучил инструкцию ТКП. В ней оказывалось, что при падении напряжения питания свыше чем на 20 процентов ультразвуковой генератор работает неустойчиво, колебания могут и не возникнуть. В другое время Валентин Игнатьевич не сумел бы сопоставить эти данные (взятые из инструкции) с исчезновением ультразвука — техника почти незнакомая химику, — но лишь вчера он услышал, как Васильев звонил на электростанцию с жалобой на сильное падение напряжения в сети. Пришлось все контрольные приборы, в том числе и ТКП, включить через автотрансформатор, чтобы поддерживать нужное напряжение.

Держась за поручни лестницы, боясь оступиться, Валентин Игнатьевич торопливо спускался вниз. Надо посмотреть, сколько вольт подается на пульт с контрольными приборами. Но вольтметра там Литовцев сразу не обнаружил и, не теряя времени, побежал к дежурному монтеру.

Сидя за столом и положив голову на руки, подремывал Макушкин. Иногда он вскидывал голову, глядел

затуманенными глазами на щит и снова клевал носом. От двери подуло холодным ветром, Макушкин нехотя обернулся. Там, на пороге, стоял профессор и рыскал глазами по щиту.

— Какое у тебя напряжение? Где вольтметр?

Макушкин встал и неопределенно указал пальцем.

— Сто шестьдесят вольт! — радуясь своей догадке, воскликнул Литовцев и проговорил с наигранным пафосом: — Да тебя под суд отдать мало! Саботажник! Вредитель! Испытания срываешь? Сколько ты должен держать?

— Двести двадцать. Ну вот вам, пожалуйста. — Макушкин повернул штурвал. — Тут напляшешься досыта. Разве это работа? Техника движется вперед, а тут — крути, Гаврила. Стабилизаторы надо ставить. Нечего людей мучить.

— Замучился, бедный. — Валентин Игнатьевич тронул штурвал. — Трудная работа. Ну вот что, молодой человек, — предупредил он. — Дело твое дрянь. Знаешь, что за халатность бывает? Еще неизвестно, как там насчет первой аварии, но здесь дело ясное. Не петушись, не петушись, — заметив протестующее движение Макушкина, Валентин Игнатьевич поднял руку. — Скажи спасибо, что попал на меня. Человек я добрый, а потому прощаю. Ничего не скажу начальству. Но если еще раз замечу — берегись!

Валентин Игнатьевич ушел с сознанием собственной правоты и доброты. Теперь этот лентяй будет работать не за страх, а за совесть. «Нет, при чем тут совесть? — иронически усмехнулся он. — Именно за страх. Узнай Васильев, что монтер спутал ему все карты, не поздоровилось бы малому». Но Валентин Игнатьевич добр. Зачем подводить людей? Можно и помолчать. Но самое главное — Макушкин не раскроет рот. Ни гугу, молчок.

Лабораторные испытания пока еще не позволяли судить, насколько прочен и надежен бетон, полученный при последнем эксперименте, но Васильев понимал, что произошел некоторый сдвиг и надо обязательно докопаться, в чем же здесь дело. Однако при соблюдении всех тех же условий, той же рецептуры, технологии, повторение опыта ни к чему не привело.

Макушкин, сбросив с себя остатки дремоты, следил в оба глаза за вольтметром и точно поддерживал требуемый вольтаж. Теперь профессор может зайти в любую минуту. Прозеваешь во второй раз — не поздоровится.

ерез несколько дней после беседы с Васильевым, когда у него руки опускались из-за неудач, когда масса Даркова никак не хотела твердеть, снова пришла целая делегация из совхоза. Пришли члены комсомольской бригады. Пусть о них расскажет Багрецов. Он молод, экспансивен, весь устремлен в будущее, и ему близки мечты сверстников.

На этот раз в технический дневник Багрецова провались и кое-какие эмоциональные мотивы, к технике отношения не имеющие. Вот как он описывает прием молодежной делегации начальником строительства Васильевым А. П., которого автор дневника чаще всего обозначает инициалами.

10 октября, 2 часа ночи. Сегодняшние испытания ничем не отличались от вчерашних. Разбрызгивание массы Даркова на любую поверхность — металлическую, деревянную, бетонную, кирпичную или просто на грунт — дает хорошие результаты: по прочности, стойкости и другим показателям не уступает лучшим маркам бетона. Так утверждает А. П. и даже само «лидаритовое светило» В. И. (Литовцев, конечно). Но до сих пор никто из них, вкупе с Е. В. Пузыревой (кажется, я о ней в своих записках не упоминал) и «близнецами», никак не может понять, почему в стройкомбайне эта масса ведет себя как самая вульгарная известка и никак не хочет держаться ни на потолке, ни на стенках будущего дома. Смотришь на экраны Надиных телеконтролеров, и сердце кровью обливается. Рушится дом прямо у тебя на глазах.

И вот сегодня вечером в нашем «конференц-зале», так мы в шутку называем комнату, куда сейчас из-за холодов перенесли пульт управления стройкомбайном, началось вроде как производственное совещание, летучка, планерка, по-всякому можно называть. Присутствовали все, от кого хоть в какой-то мере зависели успехи и не-

успехи испытаний. Вел совещание А. П. Блистал терминологией и латинскими афоризмами В. И. Поддакивали ему Пузырева и «близнецы». Не могу удержаться, чтобы лишний раз не вспомнить Маяковского. Мне кажется, что он написал о «близнецах» вот эти строки: «Этот сорт народа — тих и бесформен, словно студень; очень многие из них в наши дни выходят в люди».

Точное определение. Ну что еще? На этом совещании были и мы с Надей. Пришел и Алеша, протиснулся в угол, стараясь быть незаметным. Вряд ли мне нужно описывать это совещание. Как мои контрольные приборы, так и Надины «телеглазки» работали нормально. Речь шла о технологии, о новом методе строительства, где мы с Надей выполняли роль сочувствующих соглядатаев, вооруженных электронной техникой.

Совещание подходило к концу. А. П. рассказал о программе завтрашних испытаний, пожелал нам покойной ночи, но в эту минуту вдруг распахивается дверь и на пороге появляется целая делегация. Это как раз те ребята и девушки, которые недавно приходили к А. П. с просьбой поскорее построить клуб. Девчонкам, мол, танцевать хочется.

Но сейчас не за этим сюда пришли ребята. Секретарь их комсомольской организации Максим Братухин (я его знаю — головастый парень) снял кепку, расстегнул ватник и начал так:

— Может, мы и некстати заявили к вам, но дело у нас общее.

Из рассказа Братухина я впервые, к моему стыду, кое-что уяснил для себя. Я, конечно, уже слышал о таких бригадах, но непосредственно не был связан с ними — судьба этих ребят меня взволновала. Начинали они с малого. У многих из них разная квалификация, заработки разные, а семейное положение примерно у всех одинаковое.

В бригаде оказалось несколько девушек с низкой квалификацией, они зарабатывали меньше других, но не хотели оставаться в долгу. Стали повышать свою квалификацию, надо учиться. Организовали курсы, где преподавали наиболее знающие члены бригады. Девушки овладевали новыми профессиями, и заработки у них повысились, получают теперь не меньше самых квалифицированных членов бригады. Здорово! Но я забежал вперед. Очень мне понравилось, как у них поставлено дело. Братухин-то начинал разговор не с этого. Он наконец

оставил в покое свою кепку, которую мял в руках, пока здоровался и извинялся за поздний визит, сунул ее в карман и с достоинством продолжал:

— В совхозе у нас полная механизация. Вот какая штука! Электрифицировать все можем, а ютимся пока у колхозников или живем в вагончиках. Конечно, мы бы и сами срубили домишки не хуже, чем в деревне, но, если существует такая «домостроительная машина», считаем, что возвращаться к старому просто нельзя. Оторвись моя башка, нельзя. Зачем лес губить на жилье?

...Примерно так рассказывал этот уже очень симпатичный мне парень. И я его могу понять. Ясно, что у богатого совхоза найдутся деньги для строительства поселка. Есть, конечно, типовые проекты, созданные опытными архитекторами. Пройдет год-два — и вот вам, пожалуйста, новый поселок не хуже, чем у людей. Но ведь лес-то нужен и нашим потомкам. Как же его не беречь? Братухин прав. Широко мыслит этот парень. Понял и перспективу метода Васильева в строительстве. А перспективы этого края тоже такие, что дух захватывает.

Только вчера мне сказал А. П., а сегодня сослался на это Братухин. Оказывается, совсем недавно геологи разведали в здешнем районе богатые угольные месторождения. Предполагается строительство современного города. Ничего бы я так страстно не желал, как удачи экспериментов А. П. Вот это был бы город! И не зря Литовцев так борется за свой лидарит, хотя должен понимать, что на лидарит рассчитывать нечего. Слишком дорого обойдется само строительство. А кроме этого, еще надо построить мощный химический завод для производства полимера столь высокой стоимости. Пройдут годы, пока закончится строительство завода, пока освоят выпуск лидарита. Потом еще проверка, как он поведет себя в эксплуатации. Экспериментальный поселок необходим. И Литовцев будет стоять на своем.

Что-то я ударился в экономику. Но ведь она многое решает. Давным-давно был построен пластмассовый домик. Об этом даже газеты писали. А где эти домики? Ну хотя бы в малой серии. То ли дело домики из состава Даркова. Прочно, надежно и дешево. Опять экономика! А что поделаешь? Ведь и Братухин ссылался, по существу, на материально-техническую базу. Так неужели же группа научных работников не может определить, почему разрушаются стены столь необходимых всем до-

миков? Трудно поверить. Боюсь, что комсомольцам, которые пришли к нам с конкретной мечтой о будущем, еще труднее поверить в нашу беспомощность.

Александр Петрович оглядел присутствующих и, видимо от волнения, глухо заговорил:

— Очень нравится мне ваша нетерпеливость. Целеустремленность. Хотели бы мы вам помочь. Но самое трудное у нас впереди. Вон там, — указал он на темное окно, — стоит наша машина. Отказалась работать. А почему? Она же не говорит. Пробуем и так и эдак заставить ее работать. Не хочет. Но мы не теряем надежды и думаем, что в ближайший месяц все разрешится к нашему общему удовольствию.

Мне показалось, что ребята поверили начальнику строительства и ушли от нас радостные, окрыленные. Но мне стало боязно за него. При создавшихся обстоятельствах можно и обмануть доверие ребят. А это никак нельзя. Это преступление перед своей совестью.

Ну, кажется, я еще никогда так много не писал в свой «технический дневник». Но уж больно меня захватила целеустремленность, одержимость, ощущение, будто комсомольцы из совхоза принесли с собой «чертеж мечты».

Уже четыре часа утра. Скоро начнется новый рабочий день, Алешка мечется в бессоннице. Поволновался он за сегодняшний вечер достаточно. А как он глядел на Братухина — этого парня из совхоза! Не мог сдерживать восторга Алешка — парень, как любит подчеркивать Литовцев, воспитанный в капиталистическом мире...

Сам же Литовцев, кажется, не радовался ничему: ни самозабвенному труду комсомольцев, ни их мечте о новом поселке, новом городе, ни свершению «планов наших громадья», что так любил Маяковский. Держался Валентин Игнатьевич индифферентно, будто ни в чем не заинтересован.

Из туманной пелены над горизонтом поднималось солнце, хмурое, недовольное, точно его потревожили слишком рано. Кутаясь в дырявые облака, оно скупое осветило размокшую глинистую дорогу, посеревший забор стройплощадки и человека в ватнике с красным шарфом. Шарф подчеркивал скудость красок и как бы звенел на сером фоне неба, земли и всего окружающего. Алексей мыл в луже свои резиновые сапоги, низко склонившись, черпал воду пригоршней, тонкой струйкой

лил на блестящий черный носок, повторял это много раз, видимо не замечая, что к каблукам прилипли тяжелые комья жирной глины. Все это делалось машинально и совершенно напрасно, потому что на стройплощадке, куда намеревался сейчас идти Алексей, тоже глины достаточно, сапоги опять станут грязными. Впрочем, не все ли равно.

Алексей стряхнул капли с покрасневшей от холода ладони и, поднявшись по ступенькам к проходной, нерешительно взялся за ручку двери. Было еще темно, когда, измученный бессонницей, он вышел в степь. Казалось, что когда останешься один на один с бескрайними просторами родной, лишь недавно обретенной земли, с пашнями и осенними туманами, что так заботливо прикрывают всходы, с безветренной тишиной, когда слышишь лишь плеск воды под ногами, именно сейчас, в эти минуты, и прояснится твоя дорога в жизнь. Ведь у него она совсем иная и только начинается.

Держась за ручки двери, он медлил открывать, ждал, что вдруг вот здесь еще до звонка, призывающего к началу работы, придет к нему ясная в своей живительной свежести мысль, которую он все утро искал на пустынных дорогах.

Дверь стремительно раскрылась. Алексей, поскользнувшись, чуть не упал со ступенек.

— Ты куда исчез? — выпалил Багрецов с тревогой. — Беги скорее к Мариам Агаевне, она беспокоится.

— Зачем беспокоится? Со мной ничего не случится.

— А ты не о себе. О других подумай. Ты же знаешь, что Мариам Агаевна нездорова. Побыл бы с ней. Ей воды подать некому.

— Я обязательно к Мариам пойду сегодня, — сказал Алеша, выслушав упрек Вадима.

Незаметно для себя Алексей все больше и больше стал ценить эту молчаливую женщину, которая, не навязывая своей дружбы, очень тепло и заботливо к нему относилась. Вначале он испытывал к Мариам простое уважение, главным образом из-за отца: отец с ней счастлив, а это уже многое значит, сыну тоже надо быть благодарным за любовь этой женщины к отцу. Но сейчас, когда Алексей полюбил сам и понял всю глубину этого великого чувства, в сердце его потеплело. Оно наполнилось нежностью и к Мариам. Любовь к Наде безгранично расширила мир. Надо только найти самого себя и не потерять Надю. Вечером, после разговора с ней,

Алешка не спал всю ночь, а к утру ушел бродить по степи.

...Багрецов проснулся от громкого стука в окно. Светало, белела подушка на кровати Алексея, а самого Алексея не было. Вадим отдернул занавеску и в неверном свете начинающегося утра увидел Надю. Закутавшись в одеяло, он приблизил лицо к стеклу и, указывая на Алешкину кровать, отрицательно помотал головой.

Однако Надя не уходила. Вадим почувствовал что-то неладное, быстро оделся и распахнул дверь. Надя вошла молча и тяжело опустилась на стул.

— Ты меня все еще любишь?

Силясь подавить волнение, Вадим спросил:

— Опять издевка?

— Нет, Димка. Теперь этого не может быть.

Закрыв лицо руками, точно ей было стыдно и больно, Надя тихонько раскачивалась.

Все еще ничего не понимая, Вадим отвел Надину руку, надеясь увидеть смеющиеся хитрые глаза, но рука ее была мокра от слез.

— Надюша, что с тобой?

Она подняла к нему заплаканное лицо и заговорила горячим шепотом:

— Я знаю, что так не бывает. Ужасно! Но прости меня, дуру. Ты самый хороший, честный, добрый. Ты поймешь меня. Другому бы никогда не сказала...

Безвольно опустив плечи, Димка молча выслушивал ее излияния, а в душе было пусто и холодно. Он давно уже примирился с чужой любовью — пусть они будут счастливы, — но тонкий лучик надежды все еще где-то мерцал. Теперь же он исчез навсегда.

А Надя говорила, что не знает, как поступить, хотя и верит Алешке, который любит ее ничуть не меньше, чем она его. Но гордость, мужская гордость виновата. Алексей считает, что пока он еще ничего не добился в жизни, ему нужно остаться здесь, получить настоящую профессию.

— Я согласилась с этим и сказала, что тоже сюда перееду. Но он не согласен — жертвы ему не нужны. Нельзя, говорит, бросать научную работу. Конечно, и в Москве он мог бы и учиться и работать где-нибудь на заводе. А деваться нам некуда. Ужасно! Ты же знаешь, я живу с мамой в одной небольшой комнате. И Алешка тоже на птичьих правах.

Вадим не раз уже слышал, от Алексея, что в родном

доме он чувствует себя неловко. Взрослый человек, есть голова и руки, а живет у отца на правах маленькой Иришки, вроде беспомощного ребенка. Квартирка небольшая. Кабинет отца, комнатка Мариам и дочка да проходная комната — столовая, где спит на диване Алексей. При его болезненной шепетильности разве он решится привести в дом жену? Конечно, Алешка прав. Но в то же время Вадим не понимал, как можно подчинять любовь — если она, по словам Нади, действительно сильна — всяким бытовым неурядицам, вроде малой жилплощади, проходной комнаты и прочим, с его точки зрения, маловажным обстоятельствам. И не поймет этого Димка. В голове его робко шевельнулась невольная мыслишка, от которой он сразу же покраснел: «Эх, Надюшенька, милая! Да будь у меня такое счастье, как у Алешки, вся эта ерунда — жилье, квартира, прописка — не имела бы никакого значения. У нас с мамой квартира в две комнаты. Одна стала бы нашей».

Отвернувшись, чтобы Надя не заметила его смущения, Вадим проговорил:

— Можно снять комнату за городом.

— Все можно. Но как-то уж очень противно, когда и без того трудное счастье зависит от мелочей. Ужасно! Мне сегодня снилось, что Александр Петрович нашел наконец причину неудач. Стройкомбайн идет по степи. Десятки из них ползают вокруг Москвы, стараясь не задеть ни одного деревца. И в одном таком доме у нас будет двухкомнатная квартира.

— Алешка говорил с отцом?

Надя хрустнула пальцами:

— Боится огорчать. Да я сама понимаю, что Александру Петровичу сейчас не до этого! Ужасно!

— Пошла бы посоветовалась с Мариам. Она к тебе хорошо относится.

— Ты с ума сошел! — Надя всплеснула руками. — Как же я в глаза ей смотреть буду? Просить, чтобы взяли в семью? Ужасно! Такого не бывает в жизни.

— Эх, Надюша, мало ли чего не бывает. Тогда я пойду. Случай еще более странный, — и Вадим тяжело вздохнул. Действительно, странный случай. Вадим пойдет к Алешкиной мачехе, чтобы помочь счастьем Нади, хотя любит ее сам многие годы.

Надя приподнялась и легонько холодными пальцами провела по его щеке.

Послышался осторожный стук, и тут же сразу во-

рвался холод в распахнутую дверь. На пороге стояла Пузырева.

— Алешенька, вас просят зайти домой. Мачеха... — она не досказала. Багрецов обернулся к ней, и Елизавета Викторовна онемела. Вот что творится под самым носом у товарища Васильева! Вот вам, Валентин Игнатьевич, и Надин — «не тронь меня». Ветреница, как и все нынешние девчонки.

Пузырева поджала губы и съехидничала:

— Извините, я, кажется, помешала?

— Да, конечно, — сдержанно сказала Надя. — Вы искали Алешу? Мы ему передадим.

Взбешенная холодной учтивостью дерзкой девчонки, Елизавета Викторовна бросилась к больной Мариам и, не успев снять пальто, сообщила, что Алексея в общегитии нет, и не преминула добавить:

— Дружок его выпроводил с утра пораньше.

— Разве они поссорились?

— Не знаю. Но у вашего Алеши слишком мягкий характер. К тому же он многого не замечает.

Мариам лежала на диване, укрытая теплым одеялом, покашливала и чувствовала себя скверно. Александр Петрович еще вчера уехал на узловую станцию, куда прибыли цистерны с раствором для лидарита, оттуда он должен заехать в райком и вот до сего времени не вернулся. Скучно одной. У Алексея и Нади сейчас особенно много дел. Вчера целый день возились с установкой второго телеконтролера. Лишь Пузырева забегает на часок, как она говорит, «проведать болящую». Эти посещения не очень нравились Мариам, но все же рядом живой человек.

Не желая продолжать разговор об Алеше, Мариам сказала:

— У меня к вам просьба, Елизавета Викторовна. Я уже проверила место сочленения пластмассового патрубка с бетонированной трубой-каналом, провела испытания на прочность под высоким давлением... Но это, так сказать, механика. Здесь все благополучно. А вот что касается химии, тут мне нужна ваша помощь.

И Мариам высказала свои подозрения: если при изготовлении очередной партии пластмассовых коленчатых трубок были допущены отклонения от технологии, то лидаритовый раствор мог повредить стенку зполучного патрубка. Понизилась прочность, и произошел разрыв.

— Смотрите, — она протянула руку к тумбочке, взяла оттуда полупрозрачный кусок пластмассы и передала Пузыревой. — Это я нашла на месте аварии. Видимо, его не заметили, когда собирали все осколки, чтобы отправить на завод.

Опытным глазом Пузырева сразу определила, что поверхность пластмассы была повреждена не механическим путем, а воздействием реактивов, будто по трубе протекал не раствор лидарита, а сильнейшая кислота или щелочь. Впрочем, даже это сравнение не подходит; пластмасса, разработанная в их институте, обладала высокой химической стойкостью, оговоренной специальными техническими условиями.

Будучи человеком осторожным, Пузырева, не показывая никакой заинтересованности, равнодушно спрятала осколок в сумочку:

— Я понимаю, дорогая. Сделаем химический анализ. Наверное, на вашем заводе какая-нибудь девчонка всю технологию перепутала. Знаем, что у них в голове.

Мариам слабо улыбнулась:

— А как же контроль?

— Нашли чему удивляться! В ОТК тоже одни девчонки сидят. Им бы только глазки строить. Да и начальники ваши хороши. Улыбочки, смешки.., Даже смотреть противно.

Нельзя считать, что характер Пузыревой попросту скверный, у нее было немало и приятных качеств. Но она в постоянной борьбе за «целостность семьи», опираясь на высокие принципы, толковала их с сугубо личных позиций, а потому у Пузыревой виноваты были все, кто, по ее мнению, даже косвенно мог нанести ущерб семейным устоям. Молодые лаборантки перешептывались, шутя называли ее «психованной» и втайне даже жалели ее.

Елизавета Викторовна была искренне возмущена, негодовала и считала своим правом вмешиваться в происходящее. Она с грохотом придвинула стул поближе, достала из сумочки печенье, любезно предложила Мариам, но не огорчилась, когда та отказалась.

— Мы с вами женщины семейные, — доверительно начала Елизавета Викторовна, похрустывая печеньем. — А семью надо укреплять и не допускать в нее всяких легкомысленных особ. Я говорю о вашей будущей невестке.

— Какой невестке?

— А разве вам неизвестно? Я попробовала предупредить вашего мужа, но у него, видимо, свои понятия о нравственности...

Заметив ядовитую усмешку на тонких поджатых губах Пузыревой, Мариам возмутилась:

— Почему вы говорите какими-то загадками, намеками?

— Не надо горячиться, дорогая. Сейчас объясню. Я человек принципиальный и считаю своим долгом пресекать всякие попытки разрушения семьи. У вас эта неприязнь уже созревает.

Мариам умоляюще прижала руки к груди:

— О чем вы? Я абсолютно ничего не чувствую...

— Надо не чувствовать, а знать! — отрубил Пузырева. — В ваш дом проползает враг, вы этого не замечаете. Я пыталась сигнализировать, но коммунист Васильев непонятно по каким соображениям даже симпатизирует этому врагу... Вам, как человеку беспартийному...

— Нет, почему же? — резко перебила ее Мариам. — Я даже член парткома нашего завода...

У Пузыревой печенье застряло в горле. Подумать только! Девчонку в партком выбрали. Шевельнулось что-то вроде зависти, но Елизавета Викторовна овладела собой и продолжала:

— Эта девчонка Колокольчикова тут головы кружит и молодым и старым. Я вот только что пошла позвать к вам Алешу, а вижу Багрецова с Колокольчиковой. Сидят чуть ли не обнявшись. Да я бы такую девчонку на порог не пустила! А она вползает змеей в ваш дом. Вы думаете, ей Алеша нужен? Надо быть наблюдательнее, моя дорогая.

Мариам сбросила одеяло и, как была в ночном легком халатике, подбежала к двери.

— Прошу вас, — прошептала она, распахивая дверь настежь.

...Раздался стук в дверь. Что, опять Пузырева? Мариам невольно щелкнула замком. Тут же одумалась — ведь это мог прийти Алеша.

Но на пороге стоял Багрецов.

— Доброе утро, Мариам Агаевна. Я вас не разбудил? Как вы себя чувствуете? Алеша еще не появлялся?

— Нет. А что-нибудь случилось?

Мариам встревожилась, пригласила Вадима в комнату:

— Заходите, Вадим. Да? Вы уже завтракали? — И когда тот стал отнекиваться, настояла: — Садитесь, будем пить чай. А то совсем замерзли. Нос даже посинел.

— Спасибо. От чая не откажусь. Тем более что зашел к вам не только справиться о вашем здоровье, а проконсультироваться с вами по одному серьезному вопросу.

— Не знаю, чем могу быть вам полезной, Вадим. В электронике вы сами опытный специалист, а я механик, но не теоретик. Я просто конструктор.

— Именно это мне и нужно. Подскажите конструктивное решение.

— Что же нужно сконструировать?

— Счастье. И вы, как любящая женщина, меня поймете. Ну как бы это вам сказать, объяснить? — Вадим беспокойно заерзал на стуле. — Если человек захочет жениться, он обязан об этом сказать своим родителям?

— Думаю, что да. А вы что? Хотите жениться?

По лицу Мариам скользнула грустная улыбка. Вероятно, речь идет о Наде. Бедный Алешка. Вадим смущался, не зная, как приступить к поискам «конструктивного решения», но Мариам сама пришла ему на помощь:

— Скажите, Вадим, вы очень любите Надю?

Он чуть было не выпалил «да», в смущении глотнул из чашки очень горячий чай, обжег язык. Это вывело его из замешательства. Небрежно откинувшись на спинку стула и барабанив пальцами по столу, Вадим с подчеркнутым равнодушием произнес:

— Не угадали, дорогая Мариам Агаевна. С Надей мы просто друзья детства. Какая там любовь? Смешно даже подумать...

Посмотрел он в глаза Мариам, и густая краска стыда мгновенно залила его лицо до самых кончиков ушей.

Это заметила Мариам, понимающе усмехнулась:

— Будем откровенны, Вадим. Да? Вы сказали, что я любящая женщина, и я этого не скрываю. Зачем же вы пытаетесь убедить меня, что никакой любви у вас к Наде нет? Но ведь любовь-то есть, и думаю, что вам под силу самому «skonструировать» свое счастье. Без моей консультации. А родителям своим скажите.

— У меня только мама, — упавшим голосом пробормотал Вадим.

— Вот ее и обрадуйте.

Машинально вытирая чашку, Мариам пристально посмотрела на Вадима. Тот отвернулся к окну.

— Если я вас поняла правильно, — тихо заговорила Мариам, — то вы хотели бы узнать мое отношение к жень-тьбе Алексея. Но ведь у вас есть мама, у него — мачеха. Зачем же он будет говорить мачехе о своих намерениях?..

— Он и не скажет.

— А вам сказал? — ревниво спросила Мариам, и, услышав подтверждение, недоверчиво покачала головой: — Странно. Ведь он же знает, что вы любите Надю.

Вадим ответил скучным, каким-то деревянным голосом:

— Наде нужен Алешка, а не я. Сама только что говорила.

— Что вы за человек такой, Вадим? Никак не пойму. Любимая девушка признается вам в любви к другому. Тот поверяет вам свои чувства к ней. Да? И вы со всем этим грузом приходите ко мне, чтобы из такого хрупкого материала «сконструировать» счастье.

— Глупо, конечно, — приглушенно заговорил Вадим. — Но так уж я устроен, хочу, чтобы хорошие люди были счастливыми. Наивно, наверно... И все-таки вы мне помогите.

Мариам зябко повела плечами и спрятала руки в широкие рукава халата.

— Ну хорошо, Вадим, допустим, я и должна помочь Алеше в конструировании счастья. — Она подчеркнула слово «должна». — Но вы-то сами уверены, что его счастье заключено именно в Наде?

— Конечно, уверен. — Вадим вскочил и заметался по комнате. — Вы не представляете, что это за существо — Надя!.. Чуткость, красота души...

Мариам сдержала его восторги:

— Вы меня убедили, Вадим. Но поймите всю сложность моего положения. Да? Несмотря на любовь к отцу, Алеша так и рвется из родительского дома. Хочет быть самостоятельным. Но ведь он как будто только сейчас родился. Ничего не знает. Ничего не умеет. Я так за него боюсь. Ведь остались еще у него привычки чужого мира. Он многого еще не понимает в нашей жизни. Ему нужна постоянная нянька. Справится ли с этим Надя?

Вадим устало опустился на стул. Представить себе

Надю в роли заботливой няньки взрослого мужчины он, хоть убей, не мог. Девушка она своенравная, и вдруг — «нянька». Сплошная нелепость. Но вот перед глазами возникло заплаканное Надино лицо, таким он увидел ее впервые в жизни сегодня утром, вспомнил ее готовность бросить научную работу и переехать сюда, лишь бы не разлучаться с Алешкой... Да ведь это и есть та самая всепоглощающая любовь, о которой так много написано. Да, действительно, ты мог об этом только мечтать, а вот Алешка примет такую любовь как должное. Если только примет!

И Вадим, как бы желая стереть последнюю тень сомнения, решительно провел рукой по лицу.

— Будем верить в любовь, Мариам, — он не прибавил отчества, считая его в данном случае необязательным. — Она творит невозможное.

ГЛАВА 15. И ВСЕ-ТАКИ ЛЮБОВЬ ТВОРИТ НЕВОЗМОЖНОЕ!

Васильева оказалось множество дел в районном центре, он позволил на строительство и попросил Литовцева, чтобы продолжали испытания по заранее составленной программе. Ведь приказать Литовцеву нельзя. Он здесь на правах консультанта и подчинен лишь директору НИИСТПа.

И вот Валентин Игнатьевич встал за пульт управления. Вернее, не встал, а комфортабельно устроился в кресле. Оно вращалось, чтобы удобнее было поворачиваться к приборам и легче оперировать тумблерами. Это раньше, при первых опытах, когда не требовалось тщательного исследования васильевского метода и свойств разбрызгиваемой массы, примитивный пульт управления стоял под навесом на открытом воздухе. А сейчас Литовцев чувствовал себя так же удобно, как и в своем институтском кабинете. В лаборатории он бывал редко. Возиться с колбами и пробирками — это занятие для мальчиков. Кстати говоря, мальчики из лаборатории Литов-

цева стояли за спиной своего обожаемого шефа и ждали приказаний.

Поглаживая розовую лысинку, Валентин Игнатьевич с удовлетворением осматривал пульт управления, сравнивая его с клавиатурой рояля, а себя с прославленным пианистом, что дает сольный концерт, программу которого изменил по своему желанию. И вот он, Литовцев, решил первый слой сделать лидаритовым, благо еще осталось немного растворителя на дне цистерны.

Не от хорошей жизни пошел Валентин Игнатьевич на самовольное изменение программы. Он знал, что рано или поздно Васильев со своими помощниками найдет причину неудач с применением водного раствора по методу Даркова, поймет, что влияет ультразвук, поставят другие телеконтролеры, и тогда конец лидариту. Вот на этот случай и припас Валентин Игнатьевич свой последний козырь. Надо примирить лидарит с массой Даркова: пусть первый, несущий основную нагрузку слой будет лидаритовый. Может быть, достаточно будет лишь тонкой корочки, а потом можно заливать форму водным раствором по рецепту Даркова. Есть надежда, что эти два слоя будут мирно сосуществовать. Первые опыты на отдельных плитах показали многообещающие результаты. Правда, технология усложняется. Ведь лидарит и дорог, и летуч, и требует подогрева, но спасти его надо во что бы то ни стало.

Валентин Игнатьевич услышал какое-то подозрительное шушуканье за спиной, потом гневный голос Нади:

— Да отстаньте же вы наконец! Надоели ваши пошлые шуточки.

— В чем дело, Надин? — быстро обернулся Валентин Игнатьевич.

Надя, красная от гнева, до боли закусила губу, затем чуть не плача сказала:

— Неужели ваши «младшие боги» не понимают, что они сейчас на работе?

— А мы что? — в один голос возмутились «близнецы», и кто-то из них — кажется, Эдик — добавил: — Мы только спросили, почему здесь не видно Алексея Александровича.

— Это кто такой? — удивился Литовцев.

— Как кто? Сын товарища Васильева, — пояснили «близнецы».

— Не сердитесь, Надин, — умиротворяюще заворковал Литовцев. — Мальчики не ожидали вас здесь

встретить. В сегодняшних испытаниях телеконтроль не предусмотрен. Идите, девочка, отдыхайте.

— Но как же?.. — растерялась Надя. — Ведь по программе...

— «Мутатис мутандис», то есть в программу я внес соответствующие изменения. Это вас устраивает?

— Но Александр Петрович сказал...

Валентин Игнатьевич досадливо передернул плечами:

— Откуда вы знаете, детка, что он мне сказал? Идите отдыхайте. Старших надо слушаться. — И, описав круг на вращающемся кресле, обратился к «близнецам»: — А вас, мальчики, попрошу проследить, чтобы никто не мешал испытаниям, чтобы ни одного человека возле стройкомбайна не было.

Мальчики побежали выполнять приказание, а Надя, все еще ничего не понимая, нерешительно попятилась к двери, забилась в угол и там осталась стоять. А вдруг Литовцев передумает? Нельзя же так сразу освободиться от телеконтроля.

С шумом распахнулась дверь, и в комнату ворвалась Пузырева.

— Приветствую категорически, Валентин Игнатьевич! — воскликнула она, расстегивая пальто. — Уф, жарко! Что это вы в одиночестве?

Круто повернувшись на вращающемся кресле, Литовцев поднял руку, приветствуя Елизавету Викторовну.

Дверь скрывала Надю, и он решил, что Надин уже ушла.

— Я освободил инженерно-технический персонал от участия в испытаниях. Лишние люди только помеха. Нам сейчас нужно сконцентрировать всю свою волю... — Литовцев сделал паузу и доверительно произнес: — Жребий брошен, Елизавета Викторовна. Решается судьба лидарита. Предосторожность в данном случае просто необходима. Особенно после здешних неполадок — то лопнул патрубок, то произошло короткое замыкание...

— Вы абсолютно правы, Валентин Игнатьевич, — отрезала Пузырева. — В рабочее время любовные вздохи, перемигивания, а этому выходцу из капиталистического лагеря я бы вообще не очень-то доверяла.

— Да-а, — протянул Литовцев многозначительно, но тут же добавил: — Невежественный парень.

— А может, прикидывается таким. Он почему-то все время вертится возле стройкомбайна. Вот сюда шла —

онять его там видела. — Пузырева наклонилась к Валентину Игнатьевичу и заговорила горячим шепотом, однако Надя, стоявшая за дверью, и так достаточно слышала, чтобы разволноваться. Ведь речь шла об Алексее.

Надя тоже видела Алексея возле стройкомбайна, а сейчас, невольно подслушав разговор Литовцева и Пузыревой, поняла, что нужно во что бы то ни стало увести Алексея подальше от места испытаний.

Не раздумывая ни минуты, Надя незаметно выскользнула в раскрытую дверь. Обе половинки формы стройкомбайна были раздвинуты. Неподдалеку от него, вздрагивая от холода, приплясывали «близнецы». Ветер играл их длинными космами. Больше никого на стройплощадке не оказалось. Чтобы обмануть бдительность мальчиков, Надя решила спуститься вниз, в бетонированный котлован, не здесь, а подальше, метрах в ста от стройкомбайна. Лесенки там, естественно, она не нашла. Пришлось скатиться по бетонированной стенке, как, бывало, в детстве с ледяной горки. Сейчас она перепачкала свое любимое бело-пушистое пальто, но не подумала об этом и крадучись стала пробираться к стройкомбайну.

Сгущались сумерки, но впереди, у самого стройкомбайна, можно было заметить застывшую фигуру. Конечно же, это наивный Алексей! Стоит как часовой, чтобы по каналу никто не смог проникнуть внутрь «домо-строительной машины». Створки-то ее сейчас открыты. Видна конструкция из трубок. Сегодня будет разбрызгиваться и лидарит, и потом масса Даркова. На стволе этого металлического дерева укреплены фары освещения и камеры телеконтролеров, которые сегодня так и не будут включены.

Алексей сосредоточенно к чему-то прислушивался, зорко осматривался по сторонам и, конечно, заметил Надю, но не бросился, как всегда, ей навстречу.

Надя сама подбежала к нему и торопливо зашептала:

— Алешка, милый, уйдем отсюда. Здесь тебе нельзя быть, — она потащила его за рукав.

Но, всегда такой покорный, исполнявший любое желание Нади, он не двинулся с места.

— Сейчас не можно, Надьюша. — Мотнул головой в сторону, где поблескивали стенки стальной конструкции, и на одном дыхании выдавил: — Он может там прятаться.

— Кто?!

Надя только успела спросить, как загудела сирена, зажглись красные огни на створках стройкомбайна, и створки начали сдвигаться.

— Он там... Там чужой человек может быть, — возбужденно повторял Алексей и вдруг, оттолкнув опешившую Надю, бросился вниз, под платформу.

Через минуту Надя услышала торопливые звонкие удары по металлической лесенке. Это Алексей поднимался к внутреннему люку стройкомбайна. Надя побежала за ним, но в ярко освещенном люке увидела лишь сапоги Алексея. Как всегда, испытания заливки формы производились при ярком свете, необходимом для телекамер. Створки уже сдвинулись, и сейчас заработают вращающиеся форсунки. Жидкая лидаритовая масса постепенно будет обволакивать Алешку, твердеть, и тогда конец. Неужели он этого не знает? Почему-то погас свет. Поднявшись на несколько ступенек, Надя просунула голову в люк, стала кричать, но Алексей не отзывался. Надо спасти его! Надя бросилась к Литовцеву. С криком ворвалась в комнату:

— Валентин Игнатьевич, умоляю! Сейчас нельзя начинать испытания. Может случиться самое страшное.

Литовцев вздрогнул, вопросительно посмотрел на Пузыреву и лишь тогда повернулся к Наде:

— Что может случиться, Надин? Пожар?

— Хуже! Люди могут погибнуть!!!

— Какие люди? — Валентин Игнатьевич уже начал раздражаться непредвиденной помехой. — Там никого не может быть. Мои сотрудники следят за этим. Где они?

— Мы здесь, Валентин Игнатьевич, — мгновенно появились в двери его «младшие боги» и с недоумением уставились на взъерошенную Надю.

Она стащила с головы вязаную шапочку и вытирала ею заплаканное лицо. Красно-медные вихры ее вздрагивали, как языки пламени на сквозняке.

Пузырева запахнула пальто и широкими, решительными шагами направилась к двери.

— Так простудиться можно, Валентин Игнатьевич! — Она прикрыла дверь с любезной улыбкой, адресованной Литовцеву, и тут же смахнув ее с лица, крепко сжала Надино плечо: — А теперь скажите, товарищ Колокольчиков, какие там люди могут пострадать?

Надя вдруг поняла, что говорить нельзя. Мало ли

как они все истолкуют! Ведь она своими ушами слышала разговор Литовцева и Пузыревой. А теперь вон как вцепилась в плечо. Да если Алешка действительно окажется внутри стройкомбайна и его там обнаружат... Надю охватил страх, и она опрометью бросилась из комнаты.

Валентин Игнатьевич недоуменно пожал плечами и начал с пристрастием допрашивать «близнецов». По их словам, никто к комбайну не подходил и тем более не мог оказаться внутри. До того как створки сомкнулись, платформа была видна как на ладони. В котлован спуститься нельзя, так как лесенка лежит на виду и ею никто не мог воспользоваться. Что же касается сумасбродной девчонки, то, по словам Алика, «она совсем обалдела от любви к своему Тарзану, бегаёт за ним по пятам, надоела ему до смерти, и он, наверное, сейчас в деревню смылся к какой-нибудь девчонке, а эта запсиховала».

Елизавета Викторовна, считавшая всякие там глубокие любовные переживания обыкновенной блажью, высказалась с полной решительностью:

— Вопрос ясен. Мало ли что девчонка придумает. У нас по плану... — Она взяла с пульта управления разграфленный листок, близоруко прищурилась и торжественно возгласила: — Начало испытаний через десять минут. Мальчики, по местам!

...Надя достигла бетонированного котлована гораздо раньше, чем «мальчики» оказались на местах. Быстро соскользнула вниз, но оступилась и, морщась от боли, прихрамывая, заковыляла к платформе стройкомбайна. Теперь уже во второй раз она поднялась в люк и тут же в отчаянии закричала: «Алеша! Алеша!» Донесся слабый отзвук. Вытянув руки, она пошла в этом направлении. Снова закричала. Алешкин отклик послышался совсем явственно. Шагнула, и руки ее уперлись в холодную ребристую стенку. Надя бешено заколотила в звенящий металл.

— Я здесь, Надюша! Не беспокойся. Уходи скорее.

Но Надя не слышала, стучала кулаками в стальную стенку, готовая ее разбить, и кричала что было сил.

Знала бы Надя, что Валентин Игнатьевич, опасаясь нехватки лидарита, вернее, его растворителя, решил ограничиться разбрызгиванием массы всего лишь на одном участке стройкомбайна, изготовить не целый дом, а только одну комнату. Включением тумблера на пуль-

те управления он поднял снизу развертывающуюся в рулон подвижную перегородку. Алексей же сейчас находился в другой части стройкомбайна, где мог безо всякого для себя вреда переждать, когда форсунки закончат наслаивать лидарит на стенки формы. Алексею было известно, что высокое напряжение между колонкой форсунок и корпусом сейчас отсутствует, но он боялся за Надю. Надя могла сразу юркнуть в люк, где имелось мертвое пространство, и туда не достигали брызги форсунок.

Но вот форсунки заработали. Сначала послышались частые вздохи компрессора, затем рассерженное хлокочтание в трубах, наконец шипение и свист — лидарит вырвался на свободу. Загудела от удара лидаритовых струй стальная перегородка, за которой скрывался Алексей. Сквозь частые дробные звуки прорвался отчаянный крик Нади. Неужели она не успела добежать до люка?! Да, она здесь, возле перегородки. Слышится сдавленный стон. Никогда в жизни Алексей не испытывал такого леденящего страха! Совсем рядом, за перегородкой толщиной в несколько миллиметров, погибает самый дорогой, самый любимый человек, и Алексей бил плечом в стальную ребристую стенку, бил и не чувствовал боли.

Он опустился на колени и ощупью стал искать что-нибудь подходящее, чтобы сокрушить проклятую стенку. Но напрасно Алексей ползал по холодному металлическому полу своей темницы. Откуда там быть лому, топору или хотя бы молотку! Стройкомбайн был подготовлен к испытаниям. В отчаянии Алексей снова бросился на непокорную стенку. Бил каблуками, коленями, и ему показалось, что стенка слегка прогибается.

Надя уже ничего этого не слышала. Она начала задыхаться от едкого запаха. На какое-то мгновение потеряла сознание и очнулась оттого, что липкая масса начала обволакивать все ее тело. Рванулась, отлетели пуговицы пальто. Она сумела из него вылезти. Вытащила ноги из намертво приклеившихся туфель. А лидаритовый дождь все брызжет и брызжет. Со всех сторон, сверху, снизу... Надо защитить лицо! Надя сняла вязаную шапочку и надела ее, как защитный шлем у фехтовальщика. Волосы тут же приклеились к перегородке, в которую бил обезумевший Алексей. Она отдирала их, рвала, вскрикивала от боли. Наконец и платье покрылось быстротвердеющим лидаритом. Руки опустить нельзя — они скованы прозрачной монолитной массой.

Молнией пронизала боль, закололо в сердце. Надя вспомнила щегленка, найденного в «мертвом саду»...

Валентин Игнатьевич был в самом благодушном настроении. На пульте управления царил полный порядок. Горели контрольные лампочки, стрелки приборов, установленных Багрецовым, показывали все необходимые величины согласно техническим условиям. Правда, на этот раз Литовцев не мог следовать точно программе и по собственной инициативе нарушил пункт В, где указывалась толщина первого слоя лидарита. Вызвано это было тем обстоятельством, что основная пластмассовая корка (лидарит № 1) должна быть толще, ибо на ней должна держаться масса Даркова, которая значительно тяжелее пенистого лидарита № 2. А отсюда следует, что время наращивания слоя требуется увеличить вдвое.

Все бы, казалось, должно быть хорошо. Валентин Игнатьевич кружился на вращающемся кресле, а Елизавета Викторовна цепким взглядом обшаривала стрелки приборов. Но вот она что-то заметила и резко остановила вращение кресла.

— Смотрите, Валентин Игнатьевич, на перегородке слой гораздо тоньше. Особенно в центре. Неужели могло быть отслоение?

Валентин Игнатьевич недовольно поморщился:

— С лидаритом такого не могло случиться. Наверное, прибор дурит. Может быть, датчик неправильно поставлен. Вы правильно сказали, что несерьезный парень этот Багрецов. Вызовите его, пожалуйста, пусть исправляет, так сказать, «ин ситу», в самом месте нахождения.

— Но ведь вы Багрецова освободили на сегодня.

— Мало ли что! Понадеялся на его добросовестность. Но что поделаешь? «Меа culpa», то есть моя вина. Любезная Елизавета Викторовна, прошу не в службу, а в дружбу: кликните кого-нибудь из мальчиков. Пусть поищут Багрецова. Куда бы ему деваться?

Елизавета Викторовна не преминула съязвить:

— Наверное, обнимается где-нибудь с вашей Надн.

— Опять вы за свое, Елизавета Викторовна. Почему вы все время связываете имя этой девицы со мной? И если хотите знать, она принадлежит к категории девушек, определяемых латинянами как «ноли ме тангере».

Елизавета Викторовна по-девичьи потупилась:

— Это что-нибудь неприличное?

— Ничего похожего. По-русски это «не тронь меня».

— Знаем мы этих недотрог, — бросила Пузырева, застегивая пальто на все пуговицы, и направилась к двери. — А Багрецову надо всыпать за халатность. Убеждена, что он давно не проверял свои приборы.

Багрецова нетрудно было найти. Он возился в своей лаборатории, если так можно назвать небольшую комнату, где проверялась аппаратура.

В дверь постучали. Кто бы это мог быть? В лабораторию входят без стука. К чему подобная деликатность?

Елизавета Викторовна была явно разочарована тем, что застала Багрецова одного.

Кисло улыбнувшись, она пропела:

— Добрый вечер, Вадим Сергеевич. Вот уж не ожидала вас застать в лаборатории. Но уж если так случилось, то и я и Валентин Игнатьевич очень просим проверить один ваш прибор, он какую-то ерунду показывает.

Вадим выдернул из штепселя вилку паяльника, набросил на себя куртку и, шлепая по лужам, вбежал в домик, где находился пульт управления.

— Извините, что побеспокоил вас, — подчеркнуто официально начал Литовцев. — Но извольте взглянуть на показатели толщины лидаритового слоя. На этих приборах, — он тыкал в них пальцем, — здесь, здесь, здесь все нормально. А здесь полнейшее неприличие. Такое ощущение, что на этой подвижной перегородке лидаритовый слой или не держится, или сползает вниз. Но такого казуса никогда не бывало. Может быть, датчики вылезли из гнезд?

— А это мы сейчас посмотрим, — сказал Вадим, включая камеры телевизионного контроля одновременно с телевизорами на пульте управления.

И Валентин Игнатьевич и Пузырева, вбежавшие вслед за Вадимом, не протестовали, когда включились телекамеры с ультразвуком. На лидарит он не влияет.

Загорелись экраны телевизоров, но на них ничего не было видно. Вадим, занятый осмотром приборов, попросил Литовцева включить свет внутри стройкомбайна. Валентин Игнатьевич щелкнул тумблером и торжественно провозгласил:

— Да будет свет!

Вращающиеся телекамеры показывали гладкую ли-

даритовую поверхность потолка, стен, и наконец луч скользнул по перегородке, где приборы показывали недостаточно толстый слой лидарита.

Но что это? На экране появилась будто распятая на стене фигура с поднятыми над головой руками. Вместо лица нечто бесформенное, напоминающее половинку дыни. Несмотря на то что объектив телекамеры показал это за полминуты, сквозь стекловидную массу Вадим рассмотрел платье с рисунком из переплетенных треугольников, туфли на высоком каблуке и ноги, одна поджата, как у аиста. Да и вся фигура напоминала глазурованную статуэтку.

— Прекратите подачу лидарита! — закричал Вадим. — Выключите компрессор!

Валентин Игнатьевич повернулся к нему в кресле:

— Кому это вы приказываете, молодой человек?

— Вам! — коротко кинул Вадим, ищущим взглядом пробегая ряды тумблеров, рукояток, приборов. — Где у вас регулировка подачи лидарита? Где выключается компрессор? Что же вы молчите? Ведь там человек погибает!..

Литовцев и Пузырева так и впились глазами в экран, но телекамера уже переместилась, показывая ровную, блестящую поверхность лидаритовой стены.

— Вам померещилось, юноша, — с деланной полуулыбкой сказала Пузырева.

Багрецов крутанул вертящееся кресло так, что Валентин Игнатьевич оказался спиной к пульту, и, щелкая тумблерами, стал подряд выключать все действующие агрегаты стройкомбайна.

В последний раз вздохнул компрессор, замерли свистящие струи лидарита, погасли экраны телевизоров. Наступила полная темнота.

Не помня себя, Вадим рванулся к двери, распахнул ее и, перескакивая через лужи, побежал к стройкомбайну. По пути он чуть не сшиб с ног кого-то из «близнецов», прыгнул в бетонированный котлован, и вот он уже на лесенке под люком, откуда струился ядовитый запах лидарита.

Вадим взбежал по звонким перекладинам лесенки, просунул голову в люк, поперхнулся, закашлялся от удушливого запаха, и, собрав все свои силы, громко крикнул.

В ответ послышались глухие удары, казалось, что содрогается вся стальная коробка стройкомбайна.

Это немного ободрило Вадима. Значит, Надя жива. Но где она, в какой стороне? Хорошо, что в кармане оказался фонарик. Дрожащий луч заметался по блестящей поверхности лидарита. Спокойнее, Вадим, спокойнее! Возьми фонарь обеими руками, чтобы побороть невольную дрожь.

Вот она! Вихрастая, растрепанная голова Нади, скованная лидаритом. Лицо чем-то закрыто, руки, вскинутые вверх, как в мольбе о помощи, застыли намертво в прозрачной массе. Видимо, Надя хотела выдернуть ногу из липкой, вязкой массы, да так и осталась на одной ноге. Совсем как тот щегленок в «мертвом саду».

Летучая жидкость лидарита не давала дышать, глаза наполнялись слезами. Вадим чувствовал, что вот-вот упадет, потеряет сознание. Но надо же вытащить отсюда Надю! Она, наверное, жива. Ведь совсем недавно слышал, как она стучала, билась в стенку.

Не раздумывая ни минуты, Вадим прижал платок к носу, чтобы хоть немного защититься от ядовитого газа, и бросился к Наде. Он сорвал с лица ее шапочку, по твердости напоминавшую рыцарское забрало, и осветил бледное, искаженное страхом лицо. Таким он его никогда не видел. Но что же делать дальше?

Когда-то он читал, как делается искусственное дыхание. Ну, прежде всего надо освободить грудь от одежды. Но ведь Надя одета в пластмассовый панцирь.

Под руками нет никакого подходящего инструмента, а здесь нужны по меньшей мере кровельные ножницы. Попробовал перочинным ножом, но бесполезно. Вот если бы это безжизненное тело можно было повернуть лицом к перегородке, тогда бы удалось разрезать платье на спине, где нет лидарита. В этом случае панцирь снять легко, как раковую скорлупу.

Не так-то просто все это оказалось. Вадиму удалось разорвать по шву пропитанное лидаритом пальто, но повернуть окаменевшее тело не смог, так как при повороте возникла опасность сломать руки и ноги.

Просунув нож за Надину спину, Вадим пытался разрезать платье от самого воротника до пояса. Действовал осторожно, чтобы не поранить. Платье разрезано, теперь уже не трудно было откинуть с груди твердую, залубеневшую корку. Вадим прижался ухом к груди и услышал биение сердца.

Но как же теперь делать искусственное дыхание? Ведь пострадавшего надо положить на спину, затем от-

вести круговыми движениями руки от грудной клетки кверху, так, чтобы плечи легли рядом с головой... Это хорошо запомнилось Вадиму. Только сделать этого нельзя. Ни положить пострадавшего, ни отвести руки. Они крепко связаны со стальной перегородкой.

Память услужливо подсказала другое, тоже где-то вычитанное. Надо вдохнуть в себя как можно больше воздуха и выдохнуть его в рот пострадавшего. Повторяя несколько раз эту процедуру, можно восстановить его дыхание. Но здесь воздух заполнен ядовитыми парами. В нем мало кислорода. Вынести Надю отсюда нельзя. Значит, воздух надо брать извне. Вадим подбежал к люку, просунул туда голову, глубоко вздохнул, и, раздвинув помертвевшие губы Нади, с силой выдохнул воздух ей в легкие.

Он понимал, что это нужно делать как можно быстрее, а потому повисал вниз головой в люке, как циркач на трапедии, вдыхая в себя чистый воздух. И снова губы его крепко прижимались к губам Нади. И вдруг — о чудо! — губы Нади потептели, она вздохнула.

— Алеша, маленький! — прошептала она.

Сердце Вадима сжалось. В эту минуту, будто откликаясь на зов Нади, послышался крик Алеши, загремела стальная перегородка, по лидаритовой стенке побежали глубокие трещины, и посыпались вниз осколки.

Ничего не понимая, Вадим ощупывал лучом фонарика трещины, падающие осколки, заметил, что постепенно освобождаются руки Нади, отлетают куски лидарита и возле ее головы, болтаясь на волосах янтарными сосульками. Надя уже смогла опустить ногу и протянула руки к своему спасителю.

— Алеша, — снова повторила она. В этот момент сползла вниз перегородка, за ней стоял Алексей, держа на плече тяжелую бетонную плиту. Ею он и долбил перегородку до тех пор, пока перегородка не сползла вниз.

В комнате, где находился пульт управления, сидели растерянные Литовцев и Пузырева. Не знали, что делать: долго ли ждать, пока прояснится ситуация?

— Дорогая Елизавета Викторовна, — вкрадчиво начал Литовцев, — сколько у нас осталось лидарита? Хватит ли его для создания несущего каркаса согласно техническим условиям?

Елизавета Викторовна нашла нужную запись в тетради.

— Боюсь, что лидарита у нас в обрез. Я, конечно, не верю Багрецову, что там оказалась эта девчонка, но вдруг придется восстанавливать поврежденную плоскость? Тогда может не хватить.

Холодный ветер ворвался в комнату. В дверях стоял взволнованный Багрецов:

— Извините, Валентин Игнатьевич, мы не знаем, где взять растворитель для лидарита.

Пузырева и Литовцев понимающе переглянулись.

— Какая комедия! — злобно бросила Пузырева. — Но если поверить в эту нелепость, то надо бы посоветовать вашей обожаемой выбирать более подходящие места для свиданий. Что же касается растворителя, то у нас его еле-еле хватит для завершения эксперимента. Да и то если его взять из лаборатории...

— Эксперимент придется прервать в любом случае, — с трудом сдерживаясь, сказал Вадим. — Серьезно повреждена внутренняя перегородка.

— Если произошли повреждения, — заговорил Валентин Игнатьевич с холодной усмешкой, — то в данном случае мы имеем «корпус деликти», то есть состав преступления. Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества. Статья, кажется, девяносто восьмая, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

— Вы хорошо изучили уголовный кодекс. — У Вадима в гневе заблестели глаза. — Но ведь речь идет о спасении человеческой жизни. — И, не обращая внимания на возмущенные возгласы Литовцева и Пузыревой, Вадим выскочил за дверь.

Он хотел было бежать в мастерскую за ножовкой, но сообразил, что так называемую «ударопрочную пластмассу» распилить трудно. Единственная возможность освободить от нее Надю — это размягчить растворителем. Пузырева сказала, что он еще есть в лаборатории у «близнецов». Бежать туда скорее!

Бородатые мальчики торчали в лаборатории, куда отослал их Валентин Игнатьевич, обещая к ним зайти и дать программу испытаний на завтра. Делать было нечего, а потому «младшие боги» развлекались магнитофонными записями. Слушали последнюю новинку из цикла самодеятельных песен про геологов.

На лабораторном столе Вадим заметил несколько больших бутылей с этикетками «Лидарит (растворитель)». Именно за этим он и прибежал сюда, но маль-

чки ничего не дадут без разрешения своего начальника. Так заведено.

В кармане Вадима оказалась кассета с магнитофонной записью. Он давно обещал ее «близнецам».

— Что это вы, старики, такую старомодную нудьгу завели? — скрывая тревогу и стараясь казаться беспечным, неумело подлаживаясь под их манеру разговора, сказал Вадим. — Да ее каждый пацан в подворотне поет. Я вам записал самые современные шлягеры: Нью-Йорк, Париж, Лондон. Блеск! Весь мир с ума сходит. Хотите послушать?

И, не ожидая согласия, Вадим тут же поставил в магнитофон кассету с модными песнями. Мода на них уже проходила, но поздними вечерами, блуждая по эфиру, все же удалось Вадиму собрать эту необычайную коллекцию по просьбе знакомого психиатра, который пытался проникнуть в тайны массового гипноза.

Ритм гитары, гром барабана, сопровождаемый выкриками, учащался. Олег и Эдуард начали уже подергиваться, потом отбивать ритм, стуча по столу, отчего пробирки и колбочки стали жалобно позвякивать. Лидаритовая жидкость в бутылках грозила выбить пробки. Вадим, для сохранения ценного реактива, перенес их поближе к двери, прикинул: одной бутылки будет достаточно.

По пути к стройкомбайну Вадим забежал в свою комнату и прихватил инструментальный ящик Алексея. Может быть, понадобятся какие-нибудь стамески, молоток, рашпили, чтобы побыстрее удалить вязкую массу...

Надю и Алексея Вадим застал в том же состоянии. Надя стонала. Алешка как мог утешал ее, и оба они ждали своего избавителя.

Технология размягчения лидарита Вадиму была незнакома. Он решил обильно смочить растворителем свой пестрый мохеровый шарф — предмет зависти «близнецов» — наложить как повязку на пластмассовый капкан. По мере того как жидкость улетучивалась, Вадим вновь и вновь смачивал шарф. Дышать было трудно, и, опасаясь, что Надя опять потеряет сознание, он торопился.

К счастью, необычная операция закончилась довольно быстро. Лидарит хорошо растворялся. Надю вытащили на свежий воздух, и она отдышалась; Вадим с Алексеем отнесли ее к Мариам. Передавая бутылку с раство-

рителем, Вадим проинструктировал, как им пользоваться, чтобы совсем освободить Надю от лидаритового панциря, и, взяв Алешку под руку, покинул гостеприимный дом, где при создавшихся обстоятельствах присутствие мужчин было излишне.

ГЛАВА 16. ДОМА ВЫЛУПЛИВАЮТСЯ ИЗ СТАЛЬНОЙ СКОРЛУПЫ

аука, именуемая физико-химической механикой, на самом деле гораздо сложнее, чем о ней здесь рассказывается. И если допустить, что специалист в области радиоэлектроники Багрецов смог проникнуть в тайны чуждой ему науки и выяснить причины неудач в применении раствора Даркова, то этому следует искать объяснение в том, что многие сегодняшние открытия лежат на стыке наук. Так родилась и физико-химическая механика, в основу которой заложены целых три науки.

В любых испытаниях могут быть неполадки и нелепые случайности. Однако «в интересах дела» Литовцев и Пузырева обратились с заявлением в местные следственные органы, чтобы там разобрались в «преступной халатности» начальника экспериментального строительства т. Васильева А. П. Это он допустил гибель драгоценного лидарита, аварию в системе электроснабжения стройки, и по его вине чуть было не погибла инженер Колокольчикова Н. Г., по неизвестным причинам оказавшаяся внутри домостроительного агрегата в процессе испытаний. Кроме этого, по мнению представителей НИИСТПа доктора химических наук профессора Литовцева В. И. и кандидата химических наук Пузыревой Е. В., начальник экспериментального строительства Васильев А. П., преследуя какие-то свои неизвестные цели, вопреки плановому заданию, утвержденному директором НИИСТПа, расходуя время и государственные средства, проводит абсолютно бесперспективные испытания материала на цементной основе.

Литовцев попросил следователя до поры до времени

не выдавать Васильеву авторов тревожных сигналов о неполадках на строительстве. Все это, конечно, «в интересах дела». Надо, чтобы о положении на строительстве узнали в институте, но идти на окончательный разрыв с Васильевым ни Литовцев, ни Пузырева не осмеливались. Ведь от изобретателя стройкомбайна в конце концов зависел успех лидарита. Только широкое применение его метода могло дать жизнь новому строительному материалу, будущее которого пока остается под сомнением. А потому никаких официальных донесений на имя директора НИИСТПа посылать нельзя. Иначе о них узнает Васильев.

Изворотливый ум Елизаветы Викторовны нашел выход из положения. Надо обо всем написать Даркову. Ничего особенного — частное неофициальное письмо, а он, как заинтересованное лицо, потребует от местной партийной организации вмешаться в дела экспериментального строительства, руководимого Васильевым, и привлечь этого Васильева к ответственности.

Правда, письмо к Даркову может сразу не попасть: бедняге снова пришлось возвратиться в больницу, лечиваться. Сейчас, по отзывам врачей, он чувствует себя вполне удовлетворительно и, видимо, скоро приступит к работе — значит, нельзя терять драгоценного времени. Даркова следует предупредить заранее о неудачах эксперимента с водным раствором, в надежде, чтобы сейчас, через друзей, он подготавливал почву для сохранения жизнеспособности лидарита. А потому Пузырева написала Даркову ласковое письмо, рассказала о состоянии дел на строительстве, куда он по выздоровлении собирался прилететь.

Письмо это было послано Пирожникову с запиской, в которой Елизавета Викторовна просила своего сослуживца навестить Даркова, принести ему каких-нибудь там апельсинов и цветов и передать письмо. На самом же деле Елизавета Викторовна меньше всего думала о здоровье Даркова.

Получив ее письмо, он потребовал, чтобы его выписали немедленно. Бросился звонить в институт, просил оформить командировку на строительство. Его никак не могли успокоить. Болезнь обострилась...

Из института на имя Васильева и Литовцева пришла телеграмма о безвременной кончине Даркова. Васильев, стиснув зубы, полез в карман за платком. А Литовцев выложил перед Васильевым и Пузыревой весь за-

пас латинских афоризмов, подходящих к данному печальному случаю.

Пузырева поохала, повздыхала, выдавила слезу и, пряча платок в сумочку, ощупала копию письма Даркову. Писала она его под копирку — так, на всякий случай, — ведь в каждой строчке чувствовалось искреннее сожаление, что молодой товарищ не может принять участие в испытании своего детища. О Даркове здесь больше не говорили. Другие повседневные заботы волновали и Литовцева и Пузыреву. Ведь в конце концов еще не выяснены причины двух аварий, которые затормозили работу и поставили план под угрозу срыва.

Следователь попался опытный, дотошный. Его прежде всего заинтересовала авария, связанная с электроэнергией. Экспертиза показала, что лом, оставленный в трансформаторной будке, был причиной короткого замыкания. От толчка — возможно, когда с досадой хлопнули дверь, — лом упал на дополнительные шины, монтаж которых производил электромонтер Макушкин. Все это делалось вопреки существующим правилам, и на это было указано начальнику строительства. Однако Макушкин проявил халатность и в отношении предохранителей: поставил первые попавшиеся, рассчитанные на большую, чем следовало, силу тока.

Не только один Макушкин проявил халатность, так дорого обошедшую Васильеву. Что взять с полуграмотного монтера? Лопнувший прозрачный патрубок, осколки которого были найдены в «мертвом саду», тоже оказался жертвой халатности. Но в данном случае халатность, или, вернее, наплевательское отношение к порученному заданию, проявил воспитанник «сверхбдительного» Валентина Игнатьевича.

Консультировать изготовление контрольных патрубков для труб, созданных по методу Васильева, Валентин Игнатьевич поручил Пирожникову, занимающему должность младшего научного сотрудника лаборатории, а по существу выполняющему роль негласного «пресс-атташе» при докторе химических наук.

В один далеко не прекрасный день Пирожникова, занятого правкой статьи о работах своего обожаемого шефа, вызвали на завод для консультации: оказалось, что в партии прозрачных патрубков не совсем выдержаны нормы на кислото- и щелочеупорность. Техконтроль хочет забраковать всю партию.

Пирожников ударился в амбицию

— А ну-ка, дайте я сам поговорю с этим «детским садом». Больше всех она понимает, видите ли! Чтобы я не уговорил какую-то упрямую девчонку? В жизни такого не было.

И представьте себе, уговорил. Авторитетом подействовал, но больше всего — лестью. Технический контролер — большеглазая глупышка — так испуганно смотрела на обаятельного молодого ученого, что сразу же подписала акт о приемке каких-то там патрубков.

По совету Александра Петровича Мариам отправила на завод один из изъеденных растворителем осколков, что сама нашла на месте аварии. Пусть наряду с анализом тех осколков, которые подобрал представитель завода, дополнительно проведут самые тщательные исследования и усилят техконтроль. В личном письме главному технологу Мариам пояснила, что деятельность консультанта Пирожникова не внушает ей доверия.

А следователя больше всего интересовало серьезное нарушение техники безопасности при проведении эксперимента внутри домостроительного агрегата. Ведь из-за этого чуть было не погибла Колокольчикова!

Она упорно твердила, что осталась внутри агрегата для проверки телеконтролеров, хотя это полностью опровергали и Литовцев и Пузырева, доказывая, что применение этих аппаратов в то время не вызывалось необходимостью.

В процессе следствия совершенно непонятно вел себя Багрецов. Он горячо защищал версию Колокольчиковой. Да, она действительно пошла внутрь домостроительного агрегата проверить телеконтролеры. А сам Багрецов проник туда лишь из-за того, что услышал ожесточенный стук в металлическую перегородку, после чего увидел Колокольчикову и Алексея Васильева, который старался оказать ей помощь. Однако и Литовцев и Пузырева упорно твердили, что Багрецов бросился туда раньше.

Никто не понимал, почему Багрецов настаивает на том, что первым спасителем Колокольчиковой был Алексей, а сам Багрецов лишь потом помог освободить ее от лидаритового панциря. Впрочем, следователю это показалось несущественным, хотя Багрецову было невыносимо трудно чувствовать себя лжецом. Но ведь не может же он признаться в том, как это было на самом деле. Как бы мучился тогда несчастный Алешка! Ведь ради него Надя ринулась на помощь, а он — причина

ее несчастья — попал в мышеловку и выбрался оттуда лишь после того, как Багрецов возвратил Надю к жизни.

Хмурым и подавленным ходил Вадим по строительству. Лидаритовый раствор уже доставлен, и скоро протянется по степи первая улица необычного поселка. Вселятся в драгоценные, прямо-таки янтарные дома несколько семей — и на том заглохнет мечта о строительстве нового города по методу Васильева. Лидарит-то обходится в копеечку. Да и невозможно это. По словам Александра Петровича, Литовцев зондировал уже почву насчет строительства химического завода по выпуску лидарита, но никаких надежд на это не было. «Странно, — мучился в догадках Вадим, — почему не получился эксперимент по рецептуре Даркова? Сам он недодумал чего-то или у него противники сильнее?»

Вадим вспомнил о своем наивном предположении заменить инженерами зубных врачей, тех, что противятся новому методу сверления зубов ультразвуком. Везде есть противники. От этой ассоциации мысль его снова и снова возвращалась к неудачным испытаниям Васильева. Удивляло Вадима и то, почему так категорично отказался Валентин Игнатьевич дать ультразвуковой генератор даже на один вечер. Ведь, по словам Олега и Эдуарда, генератор сейчас в лаборатории не используется. Вадим предложил им переписать на другую кассету все шлягеры, за которые иные коллекционеры отдадут полжизни, а взамен попросил генератор на один вечер. Мальчики побледнели, и Алик шепотом признался:

— Это невозможно. Валентин Игнатьевич опять предупреждал.

И вот теперь Вадим перебирал все это в своей памяти и скорее ужаснулся, чем обрадовался своей догадке. Он не стал медлить.

Оставшись вечером в лаборатории, Вадим попросил Надю зайти к нему.

— Мне очень нужна твоя помощь, Надюша. Надо провести один серьезный эксперимент, но чтобы никто об этом не догадывался.

— Даже Алешка?

— Нет, Алеша нам кое в чем поможет. У тебя, кажется, есть запасной телеконтролер. Пока подготовь его к работе, а мы с Алексеем притащим стальной лист, раствор Даркова и краскопульт.

...Столь примитивным способом, казалось бы, нигде и никогда не проводился решающий эксперимент. А от него сейчас зависела судьба стройкомбайна Васильева. К краю толстого стального листа был прикреплен телеконтролер. Зашипел краскопульт, и лист покрылся бледной изморозью раствора. Вадим щелкнул тумблером, включающим аппарат с генератором ультразвука. Изморозь покрылась темными извилистыми линиями, будто начало оттаивать замерзшее окно. Слой постепенно утолщался. Краскопульт работал исправно, разбрызгивая раствор, который, попадая на стальной лист, постепенно густел. Вот уже толщина его достигала нескольких сантиметров.

Краскопульт выключен, и на сырую поверхность направили обычный бытовой рефлектор с раскаленной спиралью. Таким образом, здесь применялась вполне современная технология — сушка инфракрасными лучами. К сожалению, в данных условиях нельзя было создать электростатическое поле, но тут оно не имело принципиального значения. Проверялась надежность наращиваемого слоя. Через некоторое время рефлектор выключили и начали испытывать прочность плиты, созданной из массы Даркова. Она крошилась, как сухое печенье.

Вадим и Надя радовались как дети, и только Алексей, которого так и не успели посвятить в сущность испытаний, пожимал плечами и хмурился.

Для чистоты эксперимента произвели наращивание слоев при выключенном телеконтролере. Плита оказалась прочной, звонкой, как фарфор.

Так до самого утра шипел краскопульт, слышались удары молотка по звенящим плитам, теперь уже не из лидарита, а из доступного, дешевого материала, созданного Дарковым для массового строительства по методу Васильева.

Лишь только первые лучи скупого осеннего солнца окрасили занавески на окнах, как Васильева разбудил громкий стук в стекло. Не желая тревожить Мариам, Александр Петрович накинул халат и, заметив в окне нетерпеливого Алексея, пошел открывать дверь.

— Они говорят, тебе можно одеваться, — дрожащим голосом начал Алексей. — Надо приходиться скорее. Чужой человек не должен знать.

— Опять авария? — спросил Александр Петрович.

— Нет аварии! — радостно воскликнул Алексей. — Виктория! По-русски — победа! Теперь не надо лидарит. Не надо!

Васильев собрался мгновенно. Заглянул к Мариам. Она спросонья протирает глаза и, увидев мужа одетым, в тревоге сжала кулачки у подбородка.

— Не пугайся, не пугайся, Мариаша, — успокоил ее Александр Петрович. — Кажется, Алешка прибежал с добрыми вестями. Пойду проверю...

Вадим был настолько уверен в благополучном исходе испытаний, что, не боясь ответственности, сумел организовать подготовку стройкомбайна. Уже вздыхали компрессоры. На пульте управления нетерпеливо вздрагивали стрелки приборов. Лукаво подмигивали сигнальные глазки. На круглых блюдах осциллографов металась зеленая зайчишка. И только на экранах Надиных телеконтролеров не было никаких признаков жизни.

Однако чувству невольной обиды Надя всерьез поддаваться не могла. Звенела и гудела стальная коробка стройкомбайна. Вот уже первый, самый прочный слой лег на стенки формы. За ним второй — ячеистый — и, наконец, третий — отделочный. Теперь можно включать высокочастотные генераторы для просушки стен.

Васильев терпеливо ожидал, когда стрелки приборов, показывающие остаточную влажность, перестанут двигаться к нулю и замрут где-то от него поблизости. На это он надеялся и верил в это. Но как трудно выдержать столь мучительное ожидание!

Сегодня с самого утра опять появился на стройплощадке секретарь комсомольской организации совхоза Максим Братухин, но, заметив взволнованное состояние Васильева, постеснялся отрывать его от дел, притаился в уголке и ждал, когда тот освободится.

Отвернувшись от пульта управления, чтобы больше не видеть медлительных стрелок, которые будто задались целью испытывать терпение экспериментатора, Васильев протер уставшие глаза, и тут же взгляд его скользнул по лицу Братухина.

— С чем пришел, Максим? — словно обрадовавшись, что может хоть немного облегчить минуты вынужденного бездействия разговором, спросил Васильев. — Что-нибудь новое? Или опять торопить нас будешь?

— Не вас, Александр Петрович. Жизнь нас всех торопит. Вот такая штука. — Сунув кепку в карман расстегнутого ватника, Братухин подошел поближе, встал между Надей и Вадимом. — Мы сейчас чувствуем себя, как говорится, разведчиками будущего. Кое-чего добились! И если бы вы знали, как мы все надеемся на то, что здесь будет новый поселок! Ведь нормальное жилище — это одно из самых главных условий движения вперед. Оно нам нужно вот так! — Максим провел рукой по горлу.

— Это я сделаю. Построим жилища нашим методом. А теперь посмотрим, чего нам удалось добиться для разрешения столь мучительной проблемы.

Вслед за Васильевым и Братухиным Вадим, Алексей, Мариам заторопились к двери. На свежем воздухе их ожидали Литовцев и Пузырева. Все они приблизились к стройкомбайну, только Литовцев отошел в сторону. Надя осталась за пультом управления и могла видеть стройкомбайн сквозь длинное широкое окно, как у диспетчера на аэродроме.

Васильев, не дожидаясь, пока раздвинутся обе половинки формы, сбежал по звенящей лесенке в котлован, пробрался в люк, и вот он уже внутри готового дома.

Надя шелкнула тумблером на пульте управления, и все фары загорелись внутри нового дома, чтобы Александр Петрович собственными глазами смог его осмотреть.

А за стенкой только что рожденного дома, прижавшись к холодной стальной поверхности стройкомбайна, стоял Валентин Игнатьевич Литовцев и надеялся, что вот-вот оторвется кусок потолка или стены, как это было в предыдущих испытаниях. Но этого не произошло.

Загудели моторы, и Валентин Игнатьевич почувствовал, что стальная стенка подалась от него и стала эдак вежливоенько отодвигать с платформы. Литовцев стоял у задней стены стройкомбайна. Осмотрелся, нет ли кого поблизости. Неужели придется прыгать вниз? Хоть и не высоко, метра полтора всего, но все-таки там грязь.

А стенка медленно-медленно придвигается. В отчаянии Литовцев отступал и отступал назад. И вот нога уже повисла в воздухе. Удержаться невозможно, так неумолимая стена и столкнула его с платформы стройкомбайна.

Сидя в жидкой глине, Валентин Игнатьевич желал только одного — уйти отсюда незамеченным. Он прополз до края раздвинутой формы и увидел целехонький готовый дом ярко-оранжевого цвета. Из дверей его выходил Васильев. Лицо его сияло.

«Суум куикве», «каждому свое», — с невольной горечью констатировал Валентин Игнатьевич, сбрасывая с пальто липкую глину. — Но ничего! Мы еще поборемся. Как говорят латиняне, «через тернии к звездам».

Утро начиналось так: перед стройкомбайном убрали забор из бетонных плит. Тесно машине стало на участке. Впереди расстилалась степь, и лишь вдали лиловел лес. К нему протянулась белая полоса, еще вчера нанесенная геодезистами. Тут пройдет будущая улица необычного поселка.

Стройкомбайн, напоминающий вагон с закругленными краями и выпуклой крышей, имел впереди просторную кабину для водителя и его помощника, перед глазами которых находился пульт управления.

Васильев сел за штурвал, огляделся и, заметив стоящего в нерешительности Вадима, поманил его к себе:

— Ты что же, Вадим? Места своего не знаешь?

Сразу Вадим оказался в кабине. Васильев включил электромотор. Низкое гудение и трепетание стрелок на пульте заставили Вадима быть внимательным.

И вот настала торжественная минута.

Прежде всего Вадим заметил, как впереди заработали фрезы, вскрывая земляной пласт, разрезая и дробя его на куски, чтобы вместе с удобрениями уложить по обеим сторонам канала, где будут высажены деревья и кустарник.

Завздыхал, зашипел компрессор. Сжатый воздух выдал из бункера жидкую бетонную массу и сквозь форсунки начал разбрызгивать ее на гладкие, утрамбованные стенки канала. Теперь согласно заложенной в систему управления программе должны включиться высокочастотные генераторы для просушки стенок канала, то есть фундамента первого домика. Приборы показали, что и генератор включился, и выдвинулись вперед его конденсаторные пластины, лежащие на бетонированных стенках канала.

Но вот датчики передали на приборы, что остаточная влажность в бетоне позволяет считать фундамент

готовым, и стройкомбайн должен передвинуться на несколько метров вперед, чтобы на этом месте стал возводиться дом.

Все это было запрограммировано заранее. Включились форсунки для разбрызгивания раствора Даркова. Из трех разных бункеров последовательно наращивался один слой за другим. Автоматически поднялись вверх конденсаторные пластины генераторов, и через некоторое время стены стали сухими и прочными. Датчики это установили точно.

По следующему пункту программы умная машина управления стройкомбайном включила моторы — те, что раздвигают стенки формы, — и вот перед глазами собравшихся появился светло-зеленый домик.

Пока он гордо красовался на солнце, блестя своими будто отполированными боками, уже несколько минут работали фрезы, роя котлован для следующего дома. Вадим не раз задумывался, как Васильев решит проблему внутреннего монтажа в доме. Он знал, что в толще стен будет скрыта и проводка, водопроводные и канализационные трубы. Форма стройкомбайна предусматривала и встроенные шкафы, и санитарные узлы, но ведь нужны и двери — и входные и внутренние. Нужны оконные рамы. Всю эту систему надо смонтировать заранее, пока стройкомбайн не подъехал к месту рождения нового домика.

Представляя себе, как это должно делаться, Вадим подумал, что строительство новой улицы будет производиться по методу пульсирующего конвейера. Во время остановки «бригада монтажников» — если так можно назвать рабочих, навешивающих двери и вставляющих рамы, — за несколько минут все это проделает, а к тому времени уже родится очередной дом.

Так это и оказалось. К стройкомбайну еще заранее была прицеплена вроде как железнодорожная платформа, нагруженная дверями, рамами и прочими деталями. Трое рабочих быстро захватили двери и рамы и скрылись в проеме с торцевой стороны здания. Там будет боковой вход. И вот уже здесь оказалась дверь. В окнах заиграли солнечные зайчики.

Снова передвинулся стройкомбайн. Опять форсунки разбрызгивали бетон, и снова выползали пластины генератора для того, чтобы высушить будущий фундамент.

Надя как ребенок радовалась, когда вылупливались

из стальной скорлупы разноцветные домики. Один вы­полз сиреневый, потом голубой, розовый, красный, си­ний... Идет по степи сухопутный корабль и оставляет людям многоцветную радость...

— Тебе какой домик больше нравится? — спроси­ла Надя, глядя снизу вверх на Алексея, и в глазах ее промелькнула лукавинка.

Алексей пригладил ее красно-медные пылающие вихры.

— Тот, последний, — указал он в конец улицы, где разворачивался стройкомбайн, чтобы оставить за собой второй ряд домиков. — Он золотой, как солнце.

Надя обняла его и жарко прошептала:

— Ты мой золотой. Ты мое солнце. И я остаюсь с тобой.

Вчера Надя спросила Александра Петровича, нуж­ны ли будут телеконтролеры для дальнейшего строи­тельства. На это он ответил, что теперь потребуется совершенствование нового метода строительства, а так­же продолжение научно-исследовательских работ. Ясно, что в данном случае без телеконтролеров, а может быть, и другой электронной аппаратуры обойтись нель­зя. Нельзя также обойтись и без инженера, который бы этим делом занимался. «Да я бы даже техником здесь осталась!» — чуть было не вырвалось у Нади. «А вдруг институт не отпустит?» — тут же подумала она. Но сомнения сразу рассеялись. «Не могут не от­пустить по семейным обстоятельствам».

Стройкомбайн возвращался обратно. За ним по бе­тонному каналу, над которым пестрели домики, как черная змея, тянулся электрокабель. Заканчивалось строительство половины улицы с нечетными номерами домов.

Прямо перед глазами Нади и Алексея, совсем ря­дом, раздвинулись обе половинки стройкомбайна, и от­туда, будто из скорлупы, выглянул желтым цыплен­ком новый домик.

— Вот такой же будет наш! — твердо сказала Надя.

Да, конечно, и Надя, и Алексей, и ребята, что так жаж­дут приблизиться к коммунистическим далям, бу­дут жить в этих удобных домиках, и, наверное, жить счастливо.

Васильев вышел из кабины стройкомбайна, придир­чиво осмотрел каждый домик, только что вылупивший-

ся из стальной скорлупы, но видел в них не жилища нового поселка, а улицу будущего города там, где проступала в утреннем тумане лиловая тайга.

Думаете, он на этом успокоится? Нет! Безудержная мечта творца и созидателя позовет его дальше на Север, где его воображению уже представляются огромные теплые города. Мечта уже давно выкристаллизовалась в сознании изобретателя. Есть расчеты и проекты. Но мы-то с вами знаем, сколько тяжелых испытаний может претерпеть творец, пока рукой прикоснется к мечте.

1959—1971(1980)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛУСТАНОК

Роман о реальной мечте

От автора	7
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	35
Глава четвертая	45
Глава пятая	56
Глава шестая	70
Глава седьмая	74
Глава восьмая	85
Глава девятая	97
Глава десятая	105
Глава одиннадцатая	113
Глава двенадцатая	120
Глава тринадцатая	126
Глава четырнадцатая	131
Глава пятнадцатая	141
Глава шестнадцатая	144
Глава семнадцатая	163
Глава восемнадцатая	167
Глава девятнадцатая	172
Глава двадцатая	187
Глава двадцать первая	190
Глава двадцать вторая	206
Глава двадцать третья	213
Глава двадцать четвертая	216
Глава двадцать пятая	225
Глава двадцать шестая	232
Глава двадцать седьмая	244
Глава двадцать восьмая	259
Глава двадцать девятая	271
Глава тридцатая	288
Глава тридцать первая	303
Глава тридцать вторая	318
Глава тридцать третья	332
Глава тридцать четвертая	339
Глава тридцать пятая	352
Глава тридцать шестая	364
Глава тридцать седьмая	376
Глава тридцать восьмая	387
Глава тридцать девятая	397
Глава сороковая и последняя	401

КОГДА ПРИБЛИЖАЮТСЯ ДАЛИ...

Роман о реальной мечте

От автора	419
Глава 1. Обыкновенная неожиданность	421
Глава 2. Загадка «мертвого сада»	424
Глава 3. Никто из химиков не слышал о лидарите	430

<i>Глава 4.</i> Что такое стройкомбайн?	440
<i>Глава 5.</i> Хозяева и «временно прописанные»	451
<i>Глава 6.</i> «Кто есть кто?» Попытка выяснения	464
<i>Глава 7.</i> День споров и ссор	476
<i>Глава 8.</i> Багрецов вступает в единоборство	488
<i>Глава 9.</i> Еще несколько страниц из приключенческого романа	507
<i>Глава 10.</i> Когда рухнет потолок и когда подлость ненаказуема	514
<i>Глава 11.</i> Мачеха	532
<i>Глава 12.</i> Противники не соглашаются на ничью	541
<i>Глава 13.</i> Союзники с ненавистными автору характерами развивают успех	560
<i>Глава 14.</i> «Чертеж мечты»	583
<i>Глава 15.</i> И все-таки любовь творит невозможное!	595
<i>Глава 16.</i> Дома вылупливаются из стальной скорлупы	609

Немцов В. И.

Н-50 Избранные сочинения: в 2-х т. — Т. 2. Последний полустанок: Роман о реальной мечте; Когда приближаются дали... Роман о реальной мечте. — М.: Мол. гвардия, 1982. 622 с., ил.

В перепл. 2 р. 40 к. 100 000 экз.

Во второй том избранных произведений известного писателя-фантаста Владимира Немцова вошли романы «Последний полустанок», «Когда приближаются дали...», раскрывающие роль человека-творца в эпоху научно-технической революции.

И $\frac{4702010200-139}{078(02)-82}$ 093-82

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3148

Владимир Иванович Немцов

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ в 2-х т. Т. 2

Редактор **В. Фалеев**

Художник **Г. Метченко**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **И. Соленов**

Корректоры **Н. Мейланд, И. Тарасова, Г. Трибунская**

Сдано в набор 20.11.81. Подписано к печати 17.04.82. А03280.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 32,76. Учет-
но-изд. л. 35,4. Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 40 к. Заказ 1811.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

